

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 20

В трех частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2020

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Р е к о м е н д о в а н о
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 19 декабря 2019 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :
пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок*;
д-р филос. наук проф. *В. Ф. Берков*; д-р ист. наук доц. *Г. Я. Голенченко*;
д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Четет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьёв*;
д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Лука*;
д-р полит. наук, проф. каф. политологии *Л. Е. Земляков*

О. И. Кэрэруш

Республиканский институт высшей школы, Минск

V. I. Kererush

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(100)“1939/1945”:316.654(498)“19/20”

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РУМЫНИИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ПОСЛЕ 1989 Г.

HISTORICAL MEMORY IN ROMANIA ABOUT THE WORLD WAR II AFTER 1989

В статье рассматривается модель трансформации исторической памяти в Румынии в отношении событий Второй мировой войны. Особое внимание уделяется трансформации оценок в отношении вопросов вступления Румынии во Вторую мировую войну на стороне Германии, участия румынских властей в Холокосте и переход Румынии в состав антигитлеровской коалиции в августе 1944 г.

Ключевые слова: Румыния; историческая память; политика памяти; Вторая мировая война; Холокост; августовский переворот 1944 г. в Румынии; И. Антонеску.

The article considers the model of transformation of historical memory in Romania about the World War II. Particular attention is paid to the transformation of opinions on the issues of Romania's entry into World War II on the side of Germany, Romania's participation in the Holocaust and the change of allies to the anti-Hitler coalition in August 1944.

Keywords: Romania; historical memory; policy of memory; World War II; Holocaust; August 1944 coup in Romania; I. Antonescu.

Формирование национальных концепций исторического прошлого является характерным результатом постсоциалистической трансформации стран бывшего Советского блока в Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и для Румынии. Ключевым содержательным результатом данного процесса является переоценка событий исторического прошлого, когда модель исторической памяти, сформированная в социалистический период, подвергается радикальной трансформации и образовывается новый слой практик памяти, отражающий актуальные для власти и общества интерпретации прошлого. В рамках изучения государственной политики памяти мы должны обратить внимание на причины возникновения, поддержания или изменения определенного образа исторического события, а не просто дать ему оценку правдивости [1, с. 371].

События Второй мировой войны имели ключевое значение в идеологической концепции румынского коммунистического государства, ведь сам приход коммунистов к власти был предопределен исключительно фактом участия Румынии в глобальном конфликте, в который она вступила 22 июня 1941 г. в блоке стран-агрессоров, а вышла победителем и союзником СССР. Соответственно, и падение власти Румынской компартии в 1989 г. после свержения режима Н. Чаушеску стали отправным пунктом для изменений

во всех сферах жизни румынского общества, и особенно в отношении трансляционных механизмов исторической памяти. Общественно-политическая система, сложившаяся в 1990-е гг. в Румынии обусловила новую интерпретацию исторических событий XX столетия. В рамках нашего исследования мы постараемся зафиксировать изменения в политике исторической памяти в современной Румынии в отношении периода Второй мировой войны.

Тема памяти Второй мировой войны отражена в современной историографии, главным образом, в таких вопросах, как причины участия Румынии в войне на стороне Германии и решающие последствия перехода на сторону антигитлеровской коалиции в 1944 г., а также вопрос о Холокосте, который стал центральным местом памяти европейских наций о событиях глобального конфликта.

События 1989 г. очень быстро повлияли на изменение румынской историографии. Историками стали проводиться исследования на ранее запрещенные или односторонне представленные темы. Результатом этого стали острые дискуссии в отношении таких проблемных вопросов, как, например, легионерское движение в 1930-е – начале 1940-х гг., чему посвятили свои исследования О. Ликсеану [2] и Г. Чипэяну [3].

Неоднозначно стоит вопрос об общественной памяти о Холокосте и ответственности за него румын. Некоторая часть румын не считает себя причастной к массовым убийствам евреев и цыган, хотя исследования Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии показали причастность румынских солдат к гибели примерно 400 тыс. человек мирного населения [4, с. 75]. Однако, в наше время публикуются монографии и статьи, целью которых является ответ на вопрос «Был ли Холокост?», создаются институты по исследованию этой проблемы, как на территории Румынии, так и за ее пределами [5; 6].

Особое место в историографии занимают исследования личностей глав государства Румынии того времени, особенно фактического лидера государства кондуктора И. Антонеску и короля Михая I. О роли в событиях первой половины 1940-х гг. этих людей пишут, а также стараются дать оценку их действиям, такие исследователи, как Т. Никулеску [7] и П. Турля [8].

В целом, проблематикой истории памяти о Второй мировой войне в Румынии занимаются многие другие авторы, в том числе, М. Букур [9], М. Мачь [10], М. Мунтян [11], Т. Биткова [4].

Участие Румынии в нападении на СССР в июне 1941 г. как проблема румынской исторической памяти. Присоединение Бессарабии, Северной Буковины и Герца к Советскому Союзу летом 1940 г., а также потери Северной Трансильвании по итогам Второго Венского арбитража и Южной Добруджи, согласно Крайовскому соглашению, погрузили страну в политический кризис, выход из которого для многих представлялся в установлении новой сильной власти. В таких условиях правящему королю Каролю II пришлось поручить создание нового правительства генералу Анто-

неску, который был известен как неподкупный военный, недовольный положением армии и в целом внешней политикой Румынии в сложившейся ситуации [11, с. 62]. Вскоре после этого, 6 сентября 1940 г., Кароль II был вынужден отречься от власти в пользу своего сына Михая I. В новых политических условиях реальная власть находилась в руках генерала Антонеску. По причине отказа от сотрудничества с ним исторических партий Румынии кондуктору пришлось пойти на союз с легионерами, которые называли себя истинными сторонниками православия и антикоммунистами и считали своим долгом «оздоровить общество» любой ценой. Так 14 сентября 1940 г. Румыния стала национал-легионерским государством. В июне 1941 г. одновременно с объявлением Германией войны Советскому Союзу румынская армия вступила на территорию Бессарабии. Данные действия расцениваются в Румынии как акция, направленная на освобождение исторической территории [11, с. 66].

Память о легионерском движении и о генерале Антонеску вплоть до 1990-х гг. в румынском обществе не были актуализированы. Причиной тому, в первую очередь, было влияние социалистической пропаганды. Как и многие другие темы из истории Румынии, они были устранены из публичного поля, а их значение умалчивалось или оценивалось исключительно с негативной стороны. События революции 1989 г., в том числе, торопливая казнь семьи Чаушеску без суда по стилю неожиданно напомнили действия легионерской организации в 1940-х гг. Неприязнь к уже коммунистическому прошлому способствовала формированию увлеченности пролегионерскими взглядами. Кроме того, в стране также оставалось поколение «старых легионеров», которые могли претендовать на возвращение своей былой символической роли. Известны случаи, когда они финансово поддерживали появляющиеся националистические организации, которые, в свою очередь, называли себя преемниками легионерского движения [11, с. 70].

В этот период в Румынии формируется ряд новых националистических организаций, таких как «Румынское действие», «За родину», «Новые правые», «Движение за Румынию» и др. [11, с. 71]. Хотя в целом неолегионерское движение можно охарактеризовать как маргинальное, были и исключения. Так, националистическая группа «Румынский очаг» к 1992 г. трансформировалась в «Партию национального единства румын». В 1992–1996 гг. эта партия входила в состав правящей коалиции. Еще одним значительным примером данного движения была партия «Великая Румыния». В 2000 г. лидер партии К. Тудор выдвигался на пост президента. Победы на выборах он не добился, однако 30%-я поддержка избирателей в первом туре говорит о популярности националистических идей в Румынии [11, с. 72].

Что касается отношения к личности Антонеску, то мы можем зафиксировать поляризацию мнений и оценок. Реабилитация маршала началась еще в эпоху Чаушеску. Так, например, роман «Бред» (1975 г.) М. Преда и историческое исследование «Политико-дипломатические предпосылки восста-

ния августа 1944» (1979 г.) А. Симион рисовали едва ли не «иконописный лик маршала» [10, с. 6]. После событий 1989 г. кондуктор воспринимался, в первую очередь, как сильный правитель, который предшествовал коммунистическому режиму и, более того, придерживался антикоммунистических взглядов. В 1990-х гг. сложился своего рода культ Антонеску. Его идеи «Великой Румынии», сформированные еще в довоенный период, были популярны в посткоммунистическом румынском обществе. Роль кондуктора в истории Румынии не просто оправдывалась, она даже возвеличивалась. У историков и журналистов стали популярны исследования периода правления Антонеску. Более того, его именем стали называть улицы, были установлены бюсты в городах. В 2006 г. по решению апелляционного суда Румынии с Иона Антонеску были сняты обвинения за союз с Германией и участие в развязывании войны против Советского Союза. Однако уже в 2008 г. это решение было отменено [12]. Таким образом, официальная реабилитация Антонеску оказалась постоянной темой актуальной публичной повестки.

Память о Холокосте в Румынии. Как бы националистически не была настроена часть румынского общества, определенно то, что легионеры, что Антонеску виноваты в смертях многих тысяч людей. Отдельным блоком в исторической памяти румын стоит вопрос об участии тогдашних властей и общества в Холокосте. Зарубежные исследования, публиковавшиеся в Румынии в 1990-х гг., «либо прошли мимо внимания историков, сосредоточенных в большей мере на коммунистическом периоде, либо встретили холодный прием у тех, кто оспаривал данные о количестве уничтоженных евреев» [10, с. 6]. В румынской историографии нет однозначного мнения по данному вопросу, что отражает отсутствие и общественного консенсуса. Румыны предпочитают стигматизировать столь сложную тему, в то время как она оказалась плотно переплетена с историями других европейских народов и территорий, особенно для отношений Румынии с Украиной и Молдовой. Историк Ю. Котляр в одной из своих статей говорит, что в одном только Доманевском районе Николаевской области более 120 тыс. человек, большинство из которых евреи, стали жертвами румынских и немецких солдат [6, с. 80]. Однако, если обратиться к статистике, опубликованной «Международной комиссией по изучению Холокоста в Румынии», можно заметить, что «с 1940 г. по 1944 г. жертвами румынских властей стали около 400 тыс. евреев, большинство из которых проживало на оккупированных румынскими войсками территориях Украины и Молдовы» [4, с. 80]. Как минимум, в таком количестве убийств был обвинен И. Антонеску во время работы румынского трибунала в 1946 г.

На официальном уровне в 2004 г. во время второго срока президентства И. Илиеску признал ответственность Румынии за геноцид евреев и цыган как на территории самой страны, так и на оккупированных территориях в период Второй мировой войны. Ныне в Румынии 9 октября учрежден как «День памяти жертв Холокоста» [13]. Кроме того, в стране был открыт «На-

циональный институт по изучению Холокоста в Румынии» – «Эли Визель», тема Холокоста была включена в программы школ и университетов Румынии [4, с. 76].

Таким образом, тема Холокоста в Румынии хоть и поддерживается властями на официальном уровне, однако в обществе ее стараются не затрагивать. Однако, такой подход едва ли исчерпывает все возможности для изучения столь острой и дискуссионной проблемы травматического прошлого.

Михай I – позитивный символ румынского участия в войне. 23 августа 1944 г. был свергнут военный режим маршала И. Антонеску в Румынии. Страна вышла из антисоветской войны, присоединилась к антигитлеровской коалиции. Более того, Румыния принимала участие в военных операциях 1944–1945 гг. в Центральной Европе, таких как Дебреценская, Будапештская, Пражская. Изменилось в целом политическое устройство государства, буржуазные партии Румынии впервые пошли на союз с коммунистами и социал-демократами для достижения совместных целей. Изменилось положение самого монарха, как и отношение к нему румынского народа. За этот поступок немного позже, 6 июля 1945 г., король Михай был награжден И. В. Сталиным орденом «Победа» с формулировкой «За мужественный акт решительного поворота политики Румынии в сторону разрыва с гитлеровской Германией и союза с Объединенными Нациями в момент, когда еще не определилось ясно поражение Германии» [7, с. 222–223].

Однако у власти монарх продержался недолго. Уже к 1947 г. компартия расправилась со всеми своими политическими противниками, и на пути к ее единоличному правлению оставался только король. 24 декабря 1947 г. за три дня до возвращения короля из Великобритании, куда он был приглашен на церемонию бракосочетания принцессы Елизаветы, военное министерство перешло в руки коммунистов. 30 декабря 1947 г. глава правительства П. Гроза и генеральный секретарь компартии Г. Георгиу-Деж (при неформальном участии эмиссара Сталина А. Я. Вышинского) потребовали от короля Михая подписать акт об отречении.

Падение коммунистического режима и диктатуры Чаушеску способствовали возможности возвращения экс-короля на политическую арену в Румынии, однако отношение в обществе к Михая было неоднозначным. С одной стороны, нерешенный вопрос об ответственности политических элит Румынии за Холокост сказывался отрицательно на имидже экс-короля. Ведь все эти события проходили во время официального, хоть и не фактического, правления, Михая I. С другой стороны, экс-король стоял во главе заговора против маршала Антонеску и в дальнейшем в выводе Румынии из войны. Однако, неонационалистические силы отрицательно относятся к таким действиям со стороны Михая, особенно не могут простить ему подписание акта о капитуляции Румынии, в результате чего страна оказалась в полной зависимости от СССР [4, с. 76].

Говоря о событиях периода Второй мировой войны, можно сделать вывод о том, что граждане Румынии, как правило, предпочитают переключить внимание на ее последствия, то есть на коммунистический режим, который за эти долгие годы своего существования прочно закрепился в памяти румынского народа. Более того, по мнению Мачя, соотносить себя с режимом Антонеску, значит, назвать свой народ не просто участниками Второй мировой войны, а даже ее палачами [10, с. 5].

Обращая внимание на причины вступления Румынии в войну, которые выражены в качестве территориальных претензий, прежде всего к Советскому Союзу, в виде Бессарабии и Северной Буковины, то следует отметить, что эти территории, как и Южную Добруджу, вернуть румынам не удалось. Как в Румынии, так и в Молдове и сегодня актуальны вопросы о возможности объединения этих двух стран. Регулярно проводятся социологические опросы в том числе и на эту тему. По опросу, проведенному в декабре 2019 г., в Молдове 34 % граждан проголосовали за объединение с Румынией [14].

На сегодняшний день тема Второй мировой войны не занимает центральное место в общественно-политическом дискурсе. Историческая память данного периода представлена только в одном музее. «Национальный исторический музей в Бухаресте» состоит из множества залов, но только один из них посвящен даже не Второй мировой войне, а периоду 1934–1944 гг. в Румынии [15]. Однако тема Холокоста, в отношении которой в румынском обществе нет консенсуса, все больше привлекает историков. Помимо открытия «Национального института по изучению Холокоста» в октябре 2019 г., румынским президентом было принято решение о создании «Национального музея Холокоста в Бухаресте» [16]. Теме Холокоста посвящают фильмы и сериалы, с помощью которых публика вновь узнает о тех или иных событиях из истории своей страны. Так, например, итальянский сериал «Спрут» («La Piovra») вызвал самую бурную реакцию общественности на проблему ответственности Румынии за преступления Второй мировой войны [10, с. 7]. Румыны оказались не готовы к такому переосмыслению истории. Еще один фильм – «Начало истины» («Începutul adevărului»), вышедший в 1990-х гг., рассказывает о событиях Второй мировой войны в Румынии. На премьере этой киноленты присутствовали очевидцы событий 1940-х гг., однако и среди них не было однозначной реакции на происходящее на экране. Кто-то рукоплескал стоя, кто-то критиковал каждый второй кадр фильма, обвиняя режиссера в искажении истории и личностей Антонеску, Гитлера и короля Михая [17].

Также хочется привести в пример некоторые памятники, призванные увековечить события Второй мировой войны в Румынии. Памятник «героям Отечества», возведенный еще 1957 г. в Бухаресте около Военной академии, посвящен памяти воинов, спасших страну от фашистов [18]. Еще один памятник советским воинам – «освободителям Румынии» – был воздвигнут в 1945 г. на площади Победы. После революции 1989 г. памятник был пере-

мешен в «парк Херэстрей», который, в свою очередь, с 2017 г. называется «парком короля Михая I» [19].

Коллажное смешение символов исторического прошлого представлено и в главном памятном дне о событиях Второй мировой – Ziua Victoriei (Дне Победы), который отмечается 9 мая. Однако в этот день в Румынии тройной праздник: «День провозглашения государственной Независимости в 1877 г.», «День Победы коалиции объединенных наций во Второй мировой войне», а также «День Европы», что указывают современные приоритеты Бухареста [20].

Итак, в современном румынском обществе ввиду присутствия в нем националистических взглядов кондуктор И. Антонеску воспринимается далеко не всегда с негативной стороны, порой даже с позиции героя и защитника нации. Именно он старался вернуть исторические румынские территории, чем сегодня оправдывается участие Румынии во Второй мировой войне. Еще более неоднозначно обстоит вопрос памяти о Холокосте и ответственности за него румын. Ныне создаются институты по исследованию этой проблемы, однако некоторая часть румын не считает себя причастной к массовым убийствам евреев и цыган. Отмеченная разобщенность и зависимость от векторов внутривосточного и внешнеполитического развития свидетельствует, что на современном этапе развития румынского общества все еще продолжается формирование общенациональной модели памяти о Второй мировой войне.

Список использованных источников

1. Чубарьян, А. О. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / А. О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
2. Lixeanu, O. Mișcarea legionară în postcomunism [Resursă electronică] / O. Lixeanu // Garda de Fier. – Buc., 2012. – Modul de acces: http://www.miscarea-legionara.net/doc_miscarea_in_postcomunism_5.html. – Дата доступа: 15.02.2020.
3. Cîpăianu, Gh. Naționalismul românesc în primul deceniu postcomunist / Gh. Cîpăianu. – Cluj-Napoca, 2014. – 40 p.
4. Биткова, Т. Г. Вторая мировая война в памяти румынского общества / Т. Г. Биткова // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 3. – С. 61–86.
5. Florian, A. Holocaust Public Memory in Postcommunist Romania / A. Florian // Studies in Antisemitism. – Bloomington: Indiana University Press, 2018. – 291 p.
6. Котляр, Ю. В. Богданівська трагедія – Голокост проти єврейського населення / Ю. В. Котляр // Друга світова війна і доля народів України: Тези доповідей 3-ї Всеукраїнської наукової конференції. – К.: «Зовнішторгвидав України», 2008. – 92 с.
7. Niculescu Bran, T. Mihai I, ultimul rege al românilor / T. Niculescu Bran. – Buc.: Humanitas, 2016. – 254 p.
8. Turlea, P. Regele Mihai si Maresalul Antonescu / P. Turlea. – Buc.: Semne, 2011. – 450 p.
9. Bucur, M. Heroes and Victims: Remembering War in Twentieth-Century Romania / M. Bucur. – Bloomington: Indiana University Press, 2009. – 376 p.
10. Мачь, М. В лабиринте памяти. Проработка прошлого в посткоммунистической Румынии / М. Мачь // Историческая экспертиза. – 2015. – № 4(5). – С. 4–41.
11. Мунтян, М. А. Румыния во Второй мировой войне: по обе стороны одного и того же фронта / М. А. Мунтян // Великая Победа. Т. IX. Агония / С. Н. Нарышкин, А. В. Торкунов. – М.: МГИМО(У) МИД России; РВИО, 2015. – С. 74–81.

12. Reabilitarea numelui mareșalului Antonescu, respinsă [Resursă electronică] // Mediafax.ro. – Modul de acces: <https://www.mediafax.ro/justitie/reabilitarea-numelui-maresalului-antonescu-respinsa-2616337>. – Data доступа: 16.02.2020.

13. Declararea zilei de 9 octombrie «Ziua Holocaustului» [Resursă electronică]: Hotărârea nr. 672 din 5 mai 2004 privind declararea zilei de 9 octombrie «Ziua Holocaustului» // Departamentul pentru Relații Interetnice. – 2004.

14. În cazul în care duminică viitoare ar avea loc un referendum cu privire la Unirea Republicii Moldova cu România, 34 % din moldoveni ar vota „Pentru”. Datele au fost prezentate în cadrul Barometrului socio-politic – decembrie 2019, efectuat de compania IMAS [Resursă electronică] // Deschide.md. – Modul de acces: <https://deschide.md/ro/stiri/politic/58490/Sondaj--Cre%C8%99te-num%C4%83rul-unioni%C8%99tilor-34-vor-Unirea-cu-Rom%E2nia.htm>. – Data доступа: 16.02.2020.

15. Muzeul Național de Istorie a României [Resursă electronică]. – Modul de acces: <https://www.mnir.ro>. – Data доступа: 14.02.2020.

16. Hans Klemm despre înființarea Muzeului Holocaustului: «România a făcut un pas important» [Resursă electronică] // Radio Free Europe/Radio Liberty. – Modul de acces: <https://romania.europalibera.org/a/hans-klemm-despre-%C3%AEnfiin%C8%9Barea-muzeului-holocaustului-rom%C3%A2nia-a-f%C4%83cut-un-pas-important-/30209473.html>. – Data доступа: 15.02.2020.

17. Începutul adevărului [Resursă electronică] // Wikipedia. – Modul de acces: https://ro.wikipedia.org/wiki/%C3%8Eenceputul_adev%C4%83rului#Replici_rostite_de_personaje_%C3%AEn_film. – Data доступа: 14.02.2020.

18. Monumentul Eroilor Patriei [Resursă electronică] // Wikipedia. – Modul de acces: https://ro.wikipedia.org/wiki/Monumentul_Eroilor_Patriei. – Data доступа: 15.02.2020.

19. Parcul Regele Mihai I al României Patriei [Resursă electronică] // Wikipedia. – Modul de acces: https://ro.wikipedia.org/wiki/Parcul_Regele_Mihai_I_al_Rom%C3%A2niei. – Data доступа: 16.02.2020.

20. 9 мая – тройной праздник в Румынии [Resursă electronică] // Radio România Internațional. – Modul de acces: https://www.rri.ro/ru_ru/9_%D0%BC%D0%B0%D1%8F_%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%B2_%D0%A0%D1%83%D0%BC%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%B8-2564013. – Data доступа: 15.02.2020.

(Data подачи: 19.02.2020 г.)

А. С. Ляневіч

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

A. Lianeovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(4):796

ПАНЯЦЦІ «ФІЗІЧНАЯ КУЛЬТУРА» І «СПОРТ» У ГРАМАДСКІМ ЛЕКСІКОНЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

THE CONCEPTS OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN THE PUBLIC VOCABULARY OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

У артыкуле разглядаецца працэс трансфармацыі сэнсу паняццяў «спорт» і «фізічная культура» на працягу XIX – пачатку XX ст., што было звязана з пашырэннем у Еўропе апелюючага да антычнасці культу цела, неабходнасцю рыхтаваць юнакоў да вайскавой службы ў абставінах усеагульнай вайскавой павіннасці і г. д. Аўтарам прааналізаваны шэраг энцыклапедычных выданняў разглядаемага перыяду і зроблены высновы, што вышэйадзначаныя паняцці з цягам часу набывалі новае тлумачэнне і асэнсаванне, гэта было абумоўлена змяненнем сацыяльных роляў, якія выконвалі гэтыя заняткі, з'яўленнем масавых і гульнявых відаў спорта, са зменай іх статусу ад баўлення часу элітарнай часткай грамадства да масавай сацыяльнай з'явы.

Ключавыя словы: спорт; фізічная культура; культура цела; гімнастыка; ваенная гімнастыка; Фрыдрых Людвіг Ян; Пер Хенрык Лінг; Пётр Ленсгафт.

This article discusses the process of transformation of the meaning of the concepts of «sport» and «physical culture» during the 19th – early 20th centuries, which was associated with the expansion in Europe of the body turned to antiquity, the need to prepare young men for military service in the context of universal military service, etc. The author analyzed a number of encyclopedic publications of the period under review and concluded that the above concepts acquired a new interpretation and understanding over time, which was due to a change in the social roles that these classes performed, the emergence of mass and game sports, from a change in their status of reasoning to the elite part of society to mass social phenomenon.

Keywords: sport; physical training; culture of the body; gymnastics; military gymnastics; Friedrich Ludwig Jahn; Per Henrik Ling; Peter Lensgaft.

Сёння спорт і фізічнае выхаванне з'яўляюцца адным з асноўных элементаў гарадской культуры. Акрамя заняткаў па фізічнай культуры, у навучальных установах існуе мноства спартыўных таварыстваў, клубаў і г. д., якія дазваляюць кожнаму займацца спортам альбо фізічным выхаваннем незалежна ад узросту ці сацыяльнага становішча, а стварэнне адмысловых пляцовак для заняткаў гімнастыкай, спартыўных комплексы, стадыёны, асвятчэнне ў СМІ міжнародных і нацыянальных спартыўных турніраў, папулярызаванне здаровага ладу жыцця і інш. робяць спорт неад'емнай часткай паўсядзённага жыцця ў сучасным грамадстве. У выніку чаго спорт і фізічная культура фактычна ўспрымаюцца як адно цэлае і адно неразрывнае паняцце.

Згодна з сучасным беларускім энцыклапедычным выданнем, «спорт» – гэта «соревновательная деятельность, специальная подготовка к ней (спортивная тренировка) и специфические отношения, нормы и достижения, возникающие на основе совокупности видов этой деятельности... Спорт – соревнования, направленные непосредственно на демонстрацию физических достижений, объективного сравнения и оценки определенных возможностей человека» [7, с. 410].

Паняцце «фізічная культура» тлумачыцца наступным чынам: «... физкультура, одна из сфер социальной деятельности, направленная на укрепление здоровья, развитие физических способностей человека... Основные её элементы: физические упражнения, их комплексы и соответствующие соревнования» [7, с. 452].

Падобныя вызначэнні даюць і «Беларуская Энцыклапедыя» (Т. 15 і Т. 16), а таксама шэраг замежных выданняў, у тым ліку «Олимпийская энциклопедия», зазначаючы, што спорт выступае ў якасці складніка фізічнай культуры [5].

У сваю чаргу, паняцці «спорт» і «фізічная культура» (гімнастыка) увайшлі ў лексікон большай часткі еўрапейскага грамадства ў XIX ст. З распаўсюджваннем ідэй культуры цела, эканамічным развіццём, а таксама неабходнасцю фізічнага выхавання грамадства ў тагачаснай Еўропе пачынаюць з’яўляцца першыя гімнастычныя класы, распрацоўваецца тэарэтычная база. Ствараюцца нацыянальныя сістэмы фізічнай падрыхтоўкі. У першую чаргу нямецкая, шведская, французская.

У Германіі Фрыдрых Людвіг Ян (Friedrich Ludwig Jahn, 1778–1852), якога называюць бацькам нямецкай гімнастыкі, адчыніў першыя гімнастычныя класы, распрацаваў шэраг гімнастычных практыкаванняў, тэорыю гімнастыкі, якая пазней актыўна выкарыстоўвалася і па-за межамі дзяржавы – Італіі, Аўстра-Венгрыі і інш. Ён склаў пералік практыкаванняў на гімнастычных прыладах: перакладзіне, брусах, кані, якія зводзіліся да шматразовага паўтору асобных элементаў-уздымаў, абаротаў, махаў і г. д., тым самым робячы ўхіл на развіццё мышачнай сілы [10].

Шведская гімнастычная сістэма стваралася непасрэдна па ініцыятыве ўрада Перам Хенрыкам Лінгам (Pehr Henrik Ling, 1776–1839), пазней – яго сынам Ялмарам Лінгам (Hjalmar Ling, 1820–1886) і набыла папулярнасць ва ўсёй Еўропе. Асноўныя мэты шведскай гімнастыкі – умацоўваць здароўе, гарманічна развіваць цела і рыхтаваць чалавека да ваеннай службы. Усе практыкаванні, у залежнасці ад іх прызначэння, падзяляліся на педагагічныя, ваенныя, медычныя, эстэтычныя. Лінг вылучаў залежнасць формы рухаў ад анатамічнага стану цела і па гэтай прыкмеце класіфікаваў гімнастычныя практыкаванні, што ўключалі практыкаванні для рук, ног, прэса, мышцаў спіны і тулава [3].

А ўжо з сярэдзіны XIX ст. заняткі па фізічным выхаванні былі ўведзены ў якасці абавязковага прадмету ў нямецкіх школах, навучальных уста-

новах Даніі, Швецыі, Францыі і Англіі і інш. У Расійскай імперыі, у тым ліку і беларускіх землях, якія ўваходзілі ў яе склад, упершыню ўключэнне заняткаў гімнастыкай, альбо «цялеснымі практыкаваннямі», адбываецца ў пачатку XIX ст., пасля зацвярджэння ў 1804 г. імператарам Аляксандрам I Статута навучальных устаноў [6].

Варта адзначыць, што непасрэдна ў Расійскай імперыі фізічнае выхаванне як асобная дысцыпліна на дзяржаўным узроўні пачала складацца пазней, чым у краінах Еўропы. Распрацоўка нацыянальнай сістэмы належала Пятру Францэвічу Ленсгафту, які, вывучыўшы і прааналізаваўшы ўсе вядомыя на той час працы па вышэйадзначанай тэме, стварыў расійскую сістэму выхавання. Згодна яго асноўнай працы «Руководство к физическому образованию детей школьного возраста» (1901–1904 гг.), фізічныя практыкаванні разглядаліся як сродак не толькі непасрэдна фізічнага, але і інтэлектуальнага, маральнага і эстэтычнага развіцця чалавека [8].

Трэба зазначыць, што ў разглядаемы перыяд найбольш распаўсюджаным паняццем, якое датычылася фізічнага выхавання, было «гімнастыка». Менавіта гімнастычныя практыкаванні з’яўляліся асновай заняткаў, а ў якасці прыклада была старажытнагрэчаская традыцыя. Згодна з энцыклапедычным выданнем 1823 года «*Encyclopaedia Britannica: or, a dictionary of arts, sciences, and miscellaneous literature*», гімнастыка, альбо мастацтва гімнастыкі, ёсць мастацтва валодання цялеснымі практыкаваннямі, скіраванымі на яго здароўе, ахову [18].

Падобнае тлумачэнне падае і «*Encyklopedyja Powszechna*», выдадзеная ў Варшаве ў 1869 годзе, дзе «гімнастыка» – гэта мастацтва рухаў цела, якая як і назва, паходзіць з Грэцыі, а менавіта з Крыта і Спарты, адкуль пасля патрапіла ў Афіны [20, с. 907].

У шведскім энцыклапедычным выданні 1891 года «*Nordisk familjebok*» гімнастыка таксама тлумачыцца як выкананне практыкаванняў для цела, якія выконваюцца сістэматычна, згодна са станам арганізма. Менавіта ў Грэцыі ўпершыню яна заваявала рэпутацыю важнага выхаваўчага элемента [22].

Адна з вядомых нямецкіх энцыклапедый «*Meyers Konversations-Lexikon*» 1890 года прыводзіць наступнае тлумачэнне гімнастыцы – гэта мастацтва цялесных практыкаванняў, названыя так, бо практыкаванні грэкамі выконваліся ў аголеным выглядзе (*gymnós*). Перш за ўсё, гэта слова апісвае навукова абаснаваную і паўсюль прынятую сістэму выхавання, умацавання і фізічнага развіцця цела, а па-другое самі практыкаванні [21].

Асаблівасць нямецкіх выданняў у тым, што яны падаюць нацыянальны варыянт вызначэння гімнастыкі як заняткаў фізічнай культурай. У энцыклапедыі «*Brockhaus’ Konversations-Lexikon*» асобна апісваецца грэчаскі варыянт, а таксама нямецкі адпаведнік «*Turnen*», дзе ён тлумачыцца як сукупнасць мэтаскіраваных, рэгулярных, гарманічных трэніровак цела. Таксама ўказана, што гэта сучасная гімнастыка ў сучасным нямецкім

нацыянальным развіцці, дзе назва, як і само паняцце, па-сапраўднаму нямецкае і паходзіць ад асновы, ад якой узнікла слова Турнір [13; 16].

Як адзначалася вышэй, нямецкая і шведская гімнастычныя сістэмы былі найбольш распаўсюджаны ў Еўропе, у тым ліку і ў Расійскай імперыі, дзе друкуюцца пераклады заходнееўрапейскіх выданняў, а таксама запрашаюцца замежныя спецыялісты ў якасці выкладчыкаў, што паступова прывяло да папулярызавання і ўключэнню «цялесных практыкаванняў» у сістэму адукацыі, вайсковыя ўстановы, стварэнню гімнастычных школ, таварыстваў [11; 4].

У канцы XIX ст. «фізічныя практыкаванні» становяцца асобным прадметам у шэрагу навучальных устаноў імперыі, а з цягам часу набываюць статус абавязковага, што выклікала неабходнасць стварэння спецыяльных падрыхтоўчых курсаў для будучых выкладчыкаў, спроба якіх была здзейсненая толькі ў першай палове XX ст. У выніку чаго разам з адпаведнай літаратурай паняцце «гімнастыка» ўвайшло ў лексікон тагачаснага грамадства [2].

Трэба адзначыць, што некаторыя зборнікі вылучаюць асобнае паняцце «гімнастыка ваенная». Калі ў працы 1853 года «Военный энциклопедический лексиконъ» тлумачыцца агульнапрыняты тэрмін, то ў пазнейшых энцыклапедыях ён выступае асобна. Напрыклад, у выданні 1893 года «Энциклопедический словарь. Томъ VIII^а» вызначаецца, што ваенная гімнастыка накіравана на развіццё ў маладога салдата-навабранца спрытнасці, вынослівасці, умення кіраваць сваімі рухамі і дастатковай сілы. Падобнае яе апісанне прыводзіць і выдадзеная ў 1912 годзе «Военная энциклопедия». Вылучэнне асобнага дадатковага прадмета ў вайскавай адукацыі, а разам з ім і тэрміна было абумоўлена ў першую чаргу неабходнасцю павышэння баяздольнасці, фізічнай формы і ўзроўню стану здароўя як афіцэрскага, так і шэраговага складу расійскага войска, дзе колькасць прызыўнікоў, што былі здатныя да нясення вайскавай службы, нават у пачатку XX ст. была даволі нізкай.

Такім чынам, з пачатку XIX ст. набывае распаўсюджванне сістэма практыкаванняў для фізічнага развіцця цела, якая ў шэрагу краін набывае агульнае паняцце – «гімнастыка». Разам з адпаведнай літаратурай, а таксама праз замежных спецыялістаў дадзены тэрмін увайшоў у тагачасны лексікон рускай, а пазней і беларускай мовы.

Вызначэнне «фізічная культура» з'яўляецца ў рускамоўных публікацыях толькі ў першай палове XX ст. Спачатку пад ім мелася на ўвазе проста сістэма фізічных практыкаванняў, якія былі скіраваны на «выхаванне і развіццё прыгажосці цела». Пазней у больш шырокім аспекце ў гэта паняцце ўваходзілі: ахова здароўя, рэжым харчавання, сну і адпачынку, асабістая і грамадская гігіена [9].

У сваю чаргу, у шэрагу заходніх выданняў вышэйадзначанае паняцце пачынае выкарыстоўвацца ў апісанні тэрміна «гімнастыка» і ў звязку

з фізічнай адукацыяй. Напрыклад, адзначаецца, што ў той час, як шмат робіцца для ментальнай культуры моладзі, яе фізічная культура застаецца вельмі нізкай [19].

Раней выходзяць кнігі, што прысвечаны тэме фізічнага выхавання, у назве якіх ужо выкарыстоўваецца паняцце «фізічная культура»: «Aesthetic Physical Culture. 1887», «Manual of Physical Culture for Schools», «Gymnastic Associations and Private Use. 1888», «Physical Culture for Public Schools. 1893» і інш. У канцы XIX ст. назва «Physical Culture» апісвае ўсе віды гімнастычных практыкаванняў, іх гісторыю і фізічнае выхаванне ў цэлым. У адным з тэкстаў разглядаецца гісторыя фізічнага выхавання ў Старажытнай Грэцыі і адзначаецца, што нідзе больш не было такога якаснага прыватнага выхавання, бо ў аснову была пакладзена фізічная культура [17].

Паступова тэрмін «фізічная культура» становіцца агульнапрынятым у дачыненні да фізічнага выхавання, дзе гімнастыка становіцца асобным відам практыкаванняў. Паняцце «спорт» уваходзіць ва ўжытак у сярэдзіне XIX ст., і ў першую чаргу гэта звязана з паступовым распаўсюджваннем рознага віда гульніў, радзімай якіх прынята лічыць Вялікабрытанію, і першапачаткова меў адрознае ад сучаснага тлумачэнне. У выданні «Encyclopedya Powszechna» адзначаецца, што спорт – гэта слова англійскага паходжання і абазначае забавы на адкрытым паветры, такія як паляванне, рыбалоўства, бег і г. д. Зараз ён пашырыў сваё значэнне прастай забавы і перайшоў у раздзел вышэйшага мастацтва і навукі [20, с. 902].

У канцы XIX – пачатку XX ст. тэрмін набывае больш шырокае значэнне, дзе першапачаткова гэтым словам абазначалася памкненне да дасягнення чаго-небудзь асабліва выбітнага ў сферы цялесных практыкаванняў; затым сэнс падвергся розным зменам, зараз спортам называюцца разнастайныя заняткі, якія маюць мэту задавальненне альбо ўвеселяенне, але зусім не выгуду [12].

Там жа падаецца і спіс спартыўных гульніў, сярод якіх фехтаванне, бег, кракет, лаўн-тэніс, пола, лапта, гарадкі, у тым ліку гімнастыка і інш. Цікава, што ў апісанні сутракаецца фармулёўка «вышэйшы спорт», да якога адносяцца: паляванне, конны спорт, водны, зімні, веласіпедны спорт, паветраплаванне. Выданне 1889 г. Supplement to Encyclopædia Britannica без дакладнага вызначэння тэрміна падае разгорнутае апісанне гульніў, якія, па версіі выдавецтва, маюць дачыненне да спорта ў ЗША, – бейсбола, скокаў, бегу, грэблі, катання на каньках, лаўн-тэніса [23, с. 560–568].

Падобная спецыфіка можа тлумачыцца не ў апошнюю чаргу распаўсюджваннем шэрагу гульніў сярод насельніцтва краін Захаду (Еўропы і ЗША), выхадам іх за межы проста арыстакратычных разваг, спосабаў бавення часу і элементаў гімнастычных заняткаў, а таксама іх дасціпнасцю для прадстаўнікоў розных слаёў грамадства і сацыяльнага статусу, паступовым складаннем сістэм нацыянальных і міжнародных спартыўных сустрэч і спаборніцтваў.

Цікавае апісанне падае «Большая энциклопедия», дзе «спорт» – гэта памкненне чалавека пераўзысці іншых у якім-небудзь фізічным практыкаванні. У наш час спорт развіўся і распаўсюдзіўся на ўсе вобласці цялесных практыкаванняў, пераважна ў Англіі. За Англіяй ідуць Злучаныя Штаты Амерыкі і нарэшце амаль увесь еўрапейскі мацярык [1].

Нямецкія энцыклапедычныя зборнікі пачатку XX ст. падаюць апісанне спорта як забавы, якія пераважна праходзяць на адкрытым паветры і звязаныя з цялеснымі практыкаваннямі, а таксама такімі, як паляванне, рыбалоўства, гонкі, катанне на чоўнах, лыжах, веласіпедзе, гімнастыка, гульні ў мяч і інш. Прычым з развіццём тэхнікі, з'яўленнем новых захапленняў, звязаных з фізічнай актыўнасцю, да спартыўных гульняў дадаваліся адпаведныя віды, сярод якіх аўтамабільныя гонкі, конны спорт і інш. [14; 15].

Практычна ўсе энцыклапедычныя выданні разглядаемага перыяду падаюць тлумачэнне спорта, з аднаго боку, як праяву розных гульнявых разваг, выходзячы з яго непасрэднага значэння ў англійскай мове, з другога – як працэс спартыўнага спаборніцтва [20].

Дадзеную акалічнасць можна патлумачыць паступовым развіццём спартыўных гульняў, набыцця імі статусу не толькі разважальных ці аматарскіх, але з часам і прафесійных, асабліва пасля аднаўлення традыцыі Алімпійскіх гульняў, пазней розных міжнародных спартыўных спаборніцтваў.

Такім чынам, разам са зменамі статусу змянялася і сэнсавае ўспрыняццё разглядаемых тэрмінаў, а разам з імі і фізічнага выхавання ў цэлым. Калі ў пачатку XIX ст. з паступовым ростам цікаўнасці да старагрэчаскай выхаваўчай традыцыі ствараемая ў еўрапейскіх краінах тагачасная сістэма «цялесных практыкаванняў» прыняла агульную назву «гімнастыка», то з паступовым яе ўдасканальваннем, пашырэннем сярод розных груп насельніцтва ўжо напрыканцы XIX ст. – пачатку XX ст. усё больш пашыраецца тэрмін «фізічная культура», дзе гімнастыка фактычна становіцца асобным відам.

Падобная сітуацыя назіраецца і з паняццем «спорт», якое з проста абазначэння забаўляльных гульняў у працэсе росту цікаўнасці да асобных гульнявых відаў (футбола, рэгбі, лаўн-тэніса, бейсбола і інш.). Іх развіццё як асобных відаў спаборніцтва становіцца часткай фізічнага выхавання і разам з вышэйзгаданымі вызначэннямі ўсё больш набывае тлумачэнне, набліжанае да сучаснага.

Неабходна адзначыць, што на беларускіх землях паняцце «спорт» успрымалася ў агульнаеўрапейскім кантэксце і было звязана з усімі працэсамі развіцця фізічнай культуры, якія былі характэрны для разглядаемага перыяду, што прывяло да канкрэтных вынікаў – стварэння першых спартыўных таварыстваў і клубаў (Мінскае таварыства аматараў спорту, Мінскае аддзяленне таварыства фізічнага і атлетычнага развіцця «Sanitas», Гімнастычнае таварыства «Сокал», гурток «Школьны спорт» у Барысаве, веласіпедныя таварыствы ў Вільні, Віцебску, Мінску і інш.), якія пазбаўляліся характару

закрытых элітарных устаноў і ўжо былі зарыентаваны на досыць шырокае кола грамадства, але з існаваннем матэрыяльнага цензу, сістэмы ўзносаў і часта неабходнасцю самастойна набываць спартыўны інвентар. Тым не менш гэта дазволіла паступова пашырыць на беларускай тэрыторыі культуру фізічнага выхавання, уключаючы ў яе розныя сацыяльныя і ўзроставыя групы, зрабіўшы яе сапраўды масавай з’явай.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Большая энциклопедия: в 22 т. (1900–1909) / под ред. С. Н. Южакова. – СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1904. – Т. XVII. – 742 с.
2. *Дубровский, Н.* Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов вошедших в русский язык / Н. Дубровский. – М.: Изд-во А. Д. Ступина, 1895. – С. 132.
3. *Крадман, Д.* Шведская система физических упражнений / Д. Крадман. – Петроград: Типография им. Евгении Соколовой, 1923. – С. 8–10.
4. *Леонтьева, Т. Е.* Минская губерния: государственные, религиозные и учреждения (1793–1917) / Т. Е. Леонтьева. – Минск: БелНИИДАД, 2006. – С. 251–263; 345.
5. Олимпийская энциклопедия / редкол.: С. П. Павлов (пред.) [и др.]. – М.: Советская Энциклопедия, 1980. – 415 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. XXVIII.: 1804–1805.
7. Спортивная энциклопедия Беларуси / редкол.: Ю. Л. Сиваков (пред.) [и др.]. – Минск: Беларус. энцыкл., 2005. – 504 с.
8. *Симанкина, Ю. С.* Петр Францевич Лесгафт – основоположник физического образования / Ю. С. Симанкина, В. М. Иохвидов // Актуальные задачи педагогики: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, дек. 2011 г.). – Чита: Молодой ученый, 2011. – С. 55–57.
9. *Черкас, С. В.* Социокультурные предпосылки становления и развития физкультурного образования / С. В. Черкас // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта / рэдкал.: І. М. Прышчэпа [і інш.]. – Віцебск: Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт, 2014. – Вып. 5 (83). – С. 42–49.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 т. (1890–1907) / под ред. И. Е. Андреевского. – СПб.: Акционерное общество Брокгауз-Ефрон, 1904. – Т. XLIA. – 692 с.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 т. (1890–1907) / под ред. И. Е. Андреевского. – СПб.: Акционерное общество Брокгауз-Ефрон, 1893. – Т. VIIIA. – 962 с.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 т. (1890–1907) / под ред. И. Е. Андреевского. – СПб.: Акционерное общество Брокгауз-Ефрон, 1900. – Т. XXXI. – С. 298.
13. Brockhaus’ Konversations-Lexikon: in 16 bänden / red.: H. Krause. – Leipzig: F. A. Brockhaus, 1896. – B. 16. – S. 8.
14. Brockhaus’ Konversations-Lexikon: in 17 bänden / red.: H. Krause. – Leipzig: F. A. Brockhaus, 1903. – B. 15. – S. 179.
15. Brockhaus’ Kleines Konversations-Lexikon: in 2 bänden / red.: G. Stockmann. – Leipzig: F. A. Brockhaus, 1911. – B. 2. – S. 744.
16. Das große Conversations-Lexicon für die gebildeten Stände: in 21 bänden / red.: J. Mezer. – Leipzig: Verlag des Bibliographischen Instituts, 1853. – B. 12. – S. 845.

17. *Emerson, C. W. Physical Culture* / C. W. Emerson. – Boston: Emerson College of Oratory, 1891. – S. 2.

18. *Encyclopaedia Britannica: or, a dictionary of arts, sciences, and miscellaneous literature: in 20 vol.* / ed.: C. Maclaren, M. Napier. – Edinburgh: Archibald Constable and Company, 1823. – Vol. III. – P. 203.

19. *Encyclopaedia Britannica: in 11 vol.* / ed.: W. Robertson Smith. – New York: The Werner Company, 1902. – Vol. XI. – P. 398.

20. *Encyclopaedia Britannica: in 29 vol.* / ed.: H. Chisholm. – New York: Encyclopædia Britannica, 1911. – Vol. XXV. – P. 735.

21. *Encyklopedia Powszechna: w 28 t.* / red.: K. Wóycicki. – Warszawa: Wyd. Samuela Orgelbranda, 1869. – T. 9. – 984 s.

22. *Meyers Konversations-Lexikon. Eine Encyclopädie des allgemeinen Wissens: in 16 bänden* / red.: H. Krause. – Leipzig: Verlag des Bibliographischen Instituts, 1890. – B. 7. – 959 s.

23. *Nordisk familjebok konversationslexikon och realencyklopedi: in 20 vol.* / ed.: N. Linder. – Stockholm: Gernandts Boktryckeri AB, 1883. – Vol. 6. – S. 348.

24. *Supplement to Encyclopædia Britannica: in 25 vol.* / ed.: W. Robertson Smith. – New York: Hubbard Brothers, 1889. – Vol. IV. – 800 s.

(Дата подачі: 20.02.2020 г.)

I. I. Лубінскі

Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт, Мінск

I. I. Lubinski

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 347.191.3:634(476)

УПЛЫЎ ТЫПАВЫХ СТАТУТАЎ САДОЎНІЦКІХ ТАВАРЫСТВАЎ НА РАЗВІЦЦЁ КАЛЕКТЫЎНАГА САДОЎНІЦТВА Ў БССР

INFLUENCE OF TYPES STATUTES GARDENER'S ASSOCIATION ON THE DEVELOPMENT OF COLLECTIVE GARDENING IN THE BSSR

Тыпавыя статуты даволі строга рэгламентавалі дзейнасць садоўніцкіх таварыстваў у БССР. Шматлікія палажэнні больш позніх статутаў адлюстроўваюць рэальнае становішча садоўніцкіх таварыстваў. Жаданне савецкай улады кантраляваць ўсе працэсы ў садоўніцкіх таварыствах сустракалася з імкненнем дачнікаў да большай свабоды.

Ключавыя словы: садоўніцкае таварыства; Тыпавы статут; дачны рух; дачны (садовы) домік; праўленне таварыства.

Types statutes is quite strictly regulated activities Gardener's Association in the Byelorussian SSR. Many provisions of the later Types statutes reflect the real position of Gardener's Association. The desire of Soviet power to control all the processes in the Gardener's Association met with gardener's desire for greater freedom.

Keywords: Gardener's Association; Types statute; dacha movement; dacha (garden) house; management of the Association.

Практычна ўсе грамадскія з'явы падвяргаюцца пэўнай рэгламентацыі. А людзі часта стараюцца пазбегнуць норм і правіл, імкнучыся да свабоды. Савецкае грамадства, нягледзячы на даволі жорсткую палітычную лінію партыі, мела падобную супярэчнасць. Зразумела, што некаторыя працэсы ў СССР знаходзіліся пад вельмі пільным кантролем і не дапускалі выхаду за рамкі савецкага заканадаўства, іншыя ж з'явы становіліся аб'ектамі пэўнай свабоды і адпачынкам ад сацыялістычнай рэчаіснасці. Падобным месцам, якое не толькі захавала, а і значна пашырыла магчымасці грамадзяніна быць свабодным, з'яўляецца дача. Гэта адна з нешматлікіх з'яў савецкай рэчаіснасці, якая збольшага захавала сваё аблічча, значэнне і статус у сучасным постіндустрыяльным грамадстве Беларусі. Аднак і садоўніцкія таварыствы, якія сталі пашырацца ў БССР з 1950-х гг. і былі (і сёння з'яўляюцца) найбольш масавай формай дачнай дзейнасці, мелі сваю рэгламентацыю. І адным са стаўпоў савецкай законнасці на дачы быў статут таварыства, які ў многім паўтараў палажэнні Тыпавога статуту, што зацвярджаўся Саветам Міністраў БССР.

Вывучэнне развіцця дачнага руху ў Беларусі толькі пачынаецца. Гэта з'ява даследавалася больш у Расіі, часта з юрыдычнай кропкі гледжання ці ў сувязі з эканамічным значэннем дачы для сямейнай гаспадаркі. Многія артыкулы, прысвечаныя дачнаму пытанню, маюць тэндэнцыйны характар, утрымліваюць суб'ектыўны погляд зацікаўленых аўтараў, напоўненыя стэрэатыпамі. Таму незаангажаваная ацэнка значэння дачнага руху ў БССР застаецца запатрабаванай.

Само існаванне садоўніцкіх таварыстваў у БССР прадугледжвалася ў рамках агульнасавецкага працэсу. У нас падобнае землекарыстанне атрымала развіццё толькі з канца 1950-х гг., бо ў першыя пасляваенныя гады дзеля выжывання гарадскога насельніцтва савецкімі ўладамі прапаноўвалася калектыўнае агародніцтва. Аднак разам з узростаючымі тэмпамі індустрыялізацыі і урбанізацыі ў Беларусі спатрэбіліся новыя формы падтрымкі гарадскога насельніцтва. Практычна у той самы час, у канцы 1950-х гг., разам з прапановай калектыўнага садоўніцтва савецкія ўлады інспіравалі працэс дачна-кааператыўнага будаўніцтва, якое, аднак, не было такой папулярнасці як калектыўны сад [1, с. 255]. Індывідуальная ж раздача дачных участкаў была спыненая яшчэ пры М. С. Хрушчове ў пачатку 1960-х гг. [2]. Таму менавіта калектыўнае садоўніцтва стала найбольш распаўсюджанай з'явай у Беларусі, задаволіла патрэбы гараджан у свежай садавіне і гародніне, дапоўніла рэкрэацыйную недастатковасць савецкай грамадскай сістэмы, знізіла магчымае сацыяльнае напружанне ў горадзе, а таксама (што было непажадана для савецкай улады і ўсё ж адбывалася) пашырала індывідуалізм і нават прадпрымальніцкія настроі сярод грамадзян СССР. Многія сялянскія дзеці, з'ехаўшы ў горад на будаўніцтва камунізма, зноў вярталіся да зямлі, моладзь праз пераважна ручную працу выходзіла на сямейных дзяляках. Садоўніцкія таварыствы гуртавалі працоўныя калек-

тывы, можа, нават і мацней, чым іншыя інспіраваныя кіраўніцтвам прадпрыемства ці арганізацыі формы адпачынку.

Такая шматгранная з’ява, як дача, трапляла пад пільную ўвагу савецкай улады. Шматлікія пастановы рэгламентавалі розныя бакі развіцця калектывнага садоўніцтва. Найбольш канкрэтнай прапрацоўкай жыцця таварыства сталі Тыпавыя статуты, якія павінны былі стаць узорам для распрацоўкі ўласных статутаў кожнага таварыства. І толькі пасля гэтага, па закону, можна было распачынаць дзейнасць таварыства. Праўда, у далейшым былі выпадкі, калі садоўніцкае таварыства пэўны час працавала без статута, што было грубым парушэннем сацыялістычнай законнасці.

Тыпавы статут зацвярджаўся пастановай Савета Міністраў БССР. Аднак у дзейнасці таварыства важную ролю грала прафсаюзная арганізацыя, таму ў далейшым да аўтарства пастановы далучаўся Беларускі Савет прафсаюзаў. Падобнае адбывалася і ў іншых рэспубліках СССР. Першы Тыпавы статут быў выдадзены пастановай № 431 Савета Міністраў БССР 13 ліпеня 1957 года. Гэта быў чарговы крок да пашырэння садоўніцкіх таварыстваў і такім чынам дачнага руху ў Беларусі. Тыпавы статут садоўніцкага таварыства працоўных і служачых уключаў у сябе наступныя раздзелы:

1. Мэты і задачы таварыства.
2. Членства ў садоўніцкім таварыстве.
3. Кіраванне садоўніцкім таварыствам.
4. Сродкі таварыства.
5. Ліквідацыя таварыства [3].

Наступныя выданні статута змянялі назвы і значна дапаўнялі раздзелы, напрыклад у апошнім Тыпавым статуте, які быў выдадзены сумеснай пастановай № 55 Савета Міністраў БССР і Беларускага савета прафсаюзаў ад 30.01.1989, назвы раздзелаў гучалі так:

- I. Парадак арганізацыі садоўніцкага таварыства, яго мэты і задачы.
- II. Членства ў садоўніцкім таварыстве, правы і абавязкі членаў таварыства.
- III. Органы кіравання і рэвізійная камісія таварыства.
- IV. Сродкі садоўніцкага таварыства.
- V. Спыненне дзейнасці садоўніцкага таварыства [4].

Гэта каза аб няспынным развіцці такой формы землекарыстання, як садоўніцкае таварыства, прытым што пастанова 1989 г. са зменамі і дапаўненнямі дзейнічала да 7 жніўня 2007 г., калі пачаў працаваць указ Прэзідэнта РБ № 50 ад 28 студзеня 2008 г. «Аб упарадкаванні дзейнасці садоўніцкіх таварыстваў» [5]. Улічваючы, што новыя Тыпавыя статуты прымаліся ў БССР рэгулярна, то апошні, 1989 год, стаў найбольш набліжаным да рэальнага становішча рэчаў, раз так доўга дзейнічаў.

Тыпавы статут уключаў у сябе форму для стварэння статута канкрэтнага таварыства, што было зручным пры яго прыняцці – патрабавалася проста ўставіць у бланк назву таварыства і дату стварэння [3, с. 562, 563; 4]. Аднак

у многіх таварыствах Тыпавы статут дапаўняўся, нават з парушэннямі закона.

У першым раздзеле асабліваю цікавасць выклікае пазначаная задача таварыства: развіваць калектыўнае садоўніцтва для задавальнення патрэб працоўных і служачых у садавіне і гародніне і арганізацыі адпачынку членаў таварыства і іх сем'яў [3, с. 563]. Простая, здаецца, задача раскрывае няздольнасць савецкай сельскай гаспадаркі забяспечыць гараджан элементарнымі прадуктамі, а сферы культуры – арганізаваць іх вольны час. Можна меркаваць, што частка насельніцтва магла доволі прыхільна адносіцца да сельска-гаспадарчых прац, аднак не для гэтага ў горад пераязджалі вясцоўцы, каб адтуль ізноў вяртацца да зямлі, ды яшчэ выконваючы большасць прац уручную. Таксама відавочна, што гарады не валодалі належнай інфраструктурай для адпачынку іх насельнікаў. У многім з-за гэтага калектыўнае садоўніцтва і набыло такую папулярнасць.

Цікавым, згодна са Статутам, з'яўляецца двойное падпарадкаванне таварыства. Кіраванне здзяйснялася прафсаюзным камітэтам прадпрыемства ці арганізацыі, аднак пад кантролем мясцовага Савета дэпутатаў, на тэрыторыі адказнасці якога таварыства атрымала надзел [3, с. 563; 4]. У рэальнасці таварыства мела сувязь толькі з прафсаюзам, аднак і гэтыя адносіны з часам слабелі, бо змяняліся члены таварыства, многія з якіх ўжо да гэтага прафсаюза не належалі.

У другім раздзеле, дзе ідзе размова пра характар і асаблівасці членства ў садоўніцкім таварыстве, важным пунктам з'яўляецца абмежаванне памера надзела. Згодна з пастановай 1957 г., адзін член таварыства мог атрымаць 6 сотак зямлі, калі яно стваралася ў горадзе, ці 12 сотак на сям'ю, калі надзел атрымлівалі за горадам [3, с. 563]. Праўда, ужо ў 1958 г., калі прымалі пастанову Савета Міністраў БССР пра змены Тыпавога статуту садоўніцкага таварыства, увялі адзіны максімальны памер участка – 600 кв. метраў [6]. У статуте 1989 г. памеры надзела разглядаюцца ў межах 400–600 кв. м [4]. Такія абмежаваныя рамкі былі прадугледжаны для таго, каб зямля магла пракарміць толькі адну стандартную савецкую сям'ю і не стала крыніцай незаконнага (з пункту гледжання савецкай сістэмы) заробку. Але яшчэ ў 1980-х гадах у адной з пастаноў па ўдасканалеванні дзейнасці садоўніцкіх таварыстваў цікавай выглядае заўвага пра цэнтралізаваныя закупкі лішкаў прадукцыі непасрэдна на месцы, бо памеры ўчасткаў і зацвярджаліся для таго, каб лішняя прадукцыя не было, каб участак мог пракарміць сям'ю з чатырох чалавек [7]. Такім чынам, удасканалеванне карыстання зямлёй вяло да ўключэння дачнікаў у рынак сельскагаспадарчай прадукцыі. А далей памеры надзела абмяжоўваць было цяжка, бо, напрыклад, дрэвы семечкавых парод нельга было садзіць бліжэй за 3 метры ад мяжы надзела [4], садовы домік не мог стаяць на самой мяжы надзелу і г. д.

Таксама ў вышэйзгаданай пастанове 1957 г. прапаноўвалася разам апрацоўваць зямлю, як гэта прадугледжвала дактрына сацыялізму [3, с. 564].

Аднак на практыцы падобныя формы не атрымалі распаўсюджвання, бо імкненне савецкага грамадзяніна, хоць і камуніста ці камсамольца, было звязана менавіта з індывідуальным участкам у калектыўным садзе. На гэта ўплывала і палітыка савецкіх уладаў, якая у далейшым, напрыклад, у статутце 1989 г. рабіла акцэнты толькі на індывідуальным характары землекарыстання [4].

Тыпавы статут уносіў пэўныя абмежаванні ў карыстанне надзелам. Так, са статуту 1957 г. вынікала, што трэба апрацаваць надзел за тры гады [3, с. 564] або яго забяруць у карыстальніка. Але ў 1989 г. дадзены тэрмін абмяжоўваўся ўжо да двух гадоў [4]. Гэта было звязана з удасканальваннем апрацоўкі зямлі, больш шырокімі магчымасцямі карыстання надзелам. Таксама абавязковым элементам статутаў было абмежаванне ўдзелу ў таварыствах для тых, хто валодае прысядзібным надзелам [3, с. 565; 4]. Гэта стварала ўмовы для пашырэння дачнага руху перш за ўсё ў вялікіх гарадах, бо меншыя раённыя цэнтры збольшага былі аграрнымі.

Калі ў статутце 1957 г. зусім не ішло размовы пра нейкі будынак на надзеле, то ўжо з пастановы 1958 г. вынікае, што ўлады далі дазвол на будаванне дачных домікаў на тэрыторыі калектыўнага саду [6]. Гэта ўвогуле першая і далей рэдкая згадка пра дачны характар садоўніцкіх таварыстваў. Ужо пазней пачалі строга рэгламентаваць будаўніцтва і памеры такіх пабудоў. Так, згодна са статутам 1989 г. памер садавага доміка не мог быць большы за 50 кв. м., не ўлічваючы мансарды, маглі прысутнічаць цяпліцы і іншыя гаспадарчыя пабудовы. Таксама ў пазнейшым статутце прапісана магчымасць вырошчвання птушкі, трусаў, нутрый, пчалярства на дачы [4], што, акрамя згадкі пра пасеку [3, с. 569], зусім не прадугледжвалася ў канцы 1950-х гадоў.

Тыпавыя статуты даволі строга рэгламентавалі парадак перадачы ў спадчыну надзелаў, захавання іх за ўдзельнікамі таварыстваў пасля змены працы ці выхада на пенсію, часовай перадачы надзела падчас працяглых камандзіровак. Так, у варыянце 1957 г. замацаванне ўчастка за рабочым ці служачым было магчымым пры бесперапыннай працы на прадпрыемстве ці арганізацыі на працягу 5 год [3, с. 564]. Гэта гарантавала людзям спакойнае карыстанне надзелам, куды прыходзілася ўкладаць так шмат намаганняў, бо часам атрымоўвалі не гатовую калгасную раллю для сада, а няўдобцы ці заросшыя хмызняком ці нават лесам участкі.

Выключэнне з таварыства прадугледжвалася за сур'ёзныя парушэнні статута. Аднак цікавым з'яўляецца тое, што спіс парушэнняў 1957 і 1989 года быў зусім не падобны. Калі ў 1957 г. пераважалі агульныя фразы [3, с. 565–566], то ў 1989 г. ужо апісаны канкрэтныя парушэнні, якія на той час насілі масавы характар і пагражалі скатванню таварыства ў незаконны хаос. Так, выключэнне магло адбыцца з-за пабудоў больш прасторных дамкоў, атрымання непрацоўных даходаў ад забароненай законам арэнды гэтых дамкоў, выкарыстання ў будаўніцтве незаконна атрыманых матэрыялаў і незаконна нанятай рабочай сілы, самавольнага захопу зя-

мель і г. д. [4]. Тут фактычна прапісаныя самыя распаўсюджаныя злачынствы ў дачным асяроддзі, якімі нават зацікавіўся ЦК КПБ яшчэ ў пачатку 1980-х гадоў [8]. Гэта сведчыць пра шырокі спажывецкі і нават бізнес-інтарэс удзельнікаў садоўніцкіх таварыстваў да выкарыстання сваіх надзелаў, чаго, напэўна, не прадугледжвалі савецкія ўлады пры стымуляцыі дачнага руху ў 1950-х гадах.

Трэці раздзел, звязаны з кіраўніцтвам таварыствам, цікавы тым, што ў розных статутах выкарыстоўваліся крыху розныя тэрміны. Калі ў 1957 г. вышэйшае кіраўніцтва ажыццяўляла агульны сход ці канферэнцыю ўдзельнікаў [3, с. 566], то ў 1989 г. дадаецца яшчэ сход упаўнаважаных [4], што сведчыць пра складанасць збору ўсіх зацікаўленых асоб і неабходнасць утварэння больш дзейсных органаў кіравання.

Агульны сход членаў таварыства, згодна са статутам 1989 г., меў наступныя паўнамоцтвы:

- прымаў статут садоўніцкага таварыства, уносіў змены і дапаўненні;
- выбіраў праўленне і рэвізійную камісію;
- прымаў правілы ўнутранага распарадку;
- пастанаўляў памеры ўнёскаў членаў таварыства;
- зацвярджаў справаздачы органаў таварыства;
- зацвярджаў план неабходных мерапрыемстваў для ўсяго таварыства;
- разглядаў скаргі на рашэнні органаў таварыства;
- вырашаў пытанні членства ў таварыстве і інш. [4].

Такі вялікі спіс паўнамоцтваў агульнага сходу кажа пра яго важную ролю ў кіраўніцтве таварыствам, з'яўляецца сведчаннем шырокай аўтаноміі таварыства і прыкладам прамой дэмакратыі.

Згодна са статутамі, кіраванне паміж агульнымі сходамі членаў таварыства ажыццяўляла праўленне. Тыпавы статут 1989 г. значна пашыраў пералік функцый праўлення таварыства. Так, праўленне выбіралася на 2 гады, мела ў сваім складзе не менш за 5 чалавек для таго, каб былі пасады старшыні праўлення, двух намеснікаў, сакратара і скарбніка таварыства. Праўленне валодала наступнымі паўнамоцтвамі:

- вяло ўлік маёмасці і сродкаў таварыства;
- арганізоўвала практычныя мерапрыемствы па забеспячэнні нармальных умоў функцыянавання таварыства, напрыклад, барацьбу са шкоднікамі раслін, завоз пасадачнага матэрыялу, працы па электрыфікацыі, будаўніцтву дарог, агароджванню таварыства і інш.;
- праводзіла выхаваўчую працу сярод членаў таварыства, тлумачыла асаблівасці заканадаўства, арганізоўвала культурныя мерапрыемствы і інш.;
- забяспечвала своечасовыя выплаты ўнёскаў членамі таварыства;
- здзяйсняла інвентарызацыю маёмасці таварыства, арганізоўвала ахову;
- аказвала дапамогу членам таварыства ў рэалізацыі лішкаў прадукцыі праз кааперацыю ці дабрачыннасць;
- рыхтавала справаздачы і інш. [4].

Цікавым з’яўляецца абавязак праўлення сачыць за з’ўленнем стаянак для асабістага транспарту, бо ў 1957 г. падобнага транспарту ў дачнікаў амаль не было. Відавочна, што праўленне займалася агульнымі справамі, мала ўмешвалася ў асабістае землекарыстанне членаў таварыства. Гэта акалічнасць дазваляла дачнікам даволі ўпэўнена, а часам з парушэннем закона, дзейнічаць на сваім надзеле, узмацняла іх індывідуалізм.

Як і ў любых грамадскіх арганізацыях, звязаных з фінансавымі пытаннямі, згодна з Тыпавым статутам у садоўніцкім таварыстве павінна была стварацца рэвізійная камісія. Параўноўваючы розныя статуты, можна заўважыць, што ў варыянце 1989 г. дзейнасць гэтага органа таварыства стала больш канкрэтнай, хаця ў фінансавым раздзеле выкарыстоўваецца агульная фармулёўка даходаў таварыства, якія не супярэчаць савецкаму заканадаўству [4]. Можна зрабіць такую выснову, што канкрэтызацыя дзейнасці рэвізійнай камісіі была звязана з павелічэннем фінансавай вагі таварыства, шырэйшымі крыніцамі даходаў, што прыводзіла да ўзрастання ролі дачных таварыстваў у эканамічнай сферы савецкага грамадства.

Таксама ў апошнім, 1989 г., савецкім варыянце статута, акрамя ліквідацыі таварыства, была ўлічаная і магчымасць яго рэарганізацыі (аб’яднання, далучэння, падзелу, выдзялення) [4], што кажа пра дынамічны характар развіцця дачнага руху, яго жывыя формы ў перыяд распаду савецкага ладу жыцця. Гэта дазволіла дачным таварыствам перажыць сваіх стваральнікаў і сёння з’яўляцца важнай часткай беларускага грамадскага і эканамічнага жыцця.

Такім чынам, тыпавыя статуты стваралі той фундамент, на якім развіваліся асобныя калектывныя сады, пашыраўся дачны рух. Не варта перабольшваць значэнне юрыдычнага афармлення таварыстваў, якія для савецкіх грамадзян сталі выспамі прыватнай свабоды ў сацыялістычным моры. Аналізуючы, аднак, гэтыя дакументы, напрашваецца думка, што савецкае кіраўніцтва імкнулася з не зусім савецкага руху гараджан да зямлі зрабіць штосьці падобнае на іншыя арганізацыі грамадскага прызначэння, так званыя «прывадныя рамяні партыі» нахштальт камсамола ці прафсаюзаў, але адкрыла ў людзях, звонку даволі савецкіх, трошкі забытае, добра закрытае пачуццё ўласнасці, уласнай годнасці, што рухае надалей гэты працэс і ў сучаснай Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лубінскі, І. І. Прававы аспект фарміравання дачных таварыстваў у БССР у 1944–1991 гг. / І. І. Лубінскі // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические, психолого-педагогические науки / редкол.: В. А. Гайсёнок [и др.]. – Минск: РИВШ, 2018. – Вып. 18, ч. 1. – С. 252–258.

2. Об индивидуальном строительстве дач: постановление Совета Министров СССР, 30 декабря 1960 г., № 1346 [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_5639.htm. – Дата доступа: 02.12.2019.

3. О Типовом уставе садоводческого товарищества рабочих и служащих: Постановление Совета Министров БССР // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. Минск: Министерство юстиции БССР, 1957–1979. – 1957. – № 7. – С. 562–569.

4. Об утверждении Типового устава садоводческого товарищества: Совместное постановление Совета Министров Белорусской ССР и Белорусского республиканского совета профессиональных союзов № 55 от 30.01.1989 [Электронный ресурс] // Кодексы, законы и законодательные документы Республики Беларусь. – Режим доступа: [https://belzakon.net/ Законодательство/Совместные_постановления/1994/97050](https://belzakon.net/Законодательство/Совместные_постановления/1994/97050). – Дата доступа: 02.12.2019.

5. О мерах по упорядочению деятельности садоводческих товариществ: Указ Президента Республики Беларусь № 50 от 28.01.2008 [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – Режим доступа: <http://www.etalonline.by/document/?regnum=P30800050>. – Дата доступа: 02.12.2019.

6. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Фонд 2. – Воп. 2. – Спр. 1523. – Л. 366.

7. О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества: постановление Совета Министров СССР, 15 мая 1986 г., № 562 [Электронный ресурс] // Сейчас.ру. – Режим доступа: https://www.lawmix.ru/docs_ccsr/1775. – Дата доступа: 02.12.2019.

8. Лубінскі, І. І. Парушэнні ў дзейнасці садовых таварыстваў у БССР у 1979–1980-я гг. (паводле матэрыялаў ЦК КПБ) / І. І. Лубінскі // Социально-гуманитарные знания: материалы XV Респуб. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 29 нояб. 2018 г. / редкол.: И. В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 42–45.

(Дата падачы: 19.02.2020 г.)

A. P. Ludzich

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Ludzich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1861/1914”:930 +352.075(476)(091):930

ПАВЯТОВАЯ АДМІНІСТРАЦЫЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1861–1914 ГГ.): ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ

DISTRICT ADMINISTRATION IN BELARUS (1861–1914): HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

Артыкул прысвечаны гістарыяграфічнаму агляду літаратуры па вывучэнні гісторыі павятовых органаў улады на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Аўтарам вызначаны ключавыя напрамкі даследаванняў дарэвалюцыйнай, савецкай, сучаснай айчынай і замежнай гістарыяграфіі. Разгледжаны і прааналізаваны асноўныя працы гісторыкаў па дадзенай праблематыцы. Аўтар прыйшоў да высновы, што нягледзячы на значную колькасць прац, якія закралілі тэму мясцовай сістэмы кіравання беларускіх губерняў у парэформенны перыяд, фарміраванне і дзейнасць павятовай адміністрацыі не стала прадметам спецыяльнага даследавання.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; гістарыяграфія гісторыі Беларусі; беларускія губерні; павятовая адміністрацыя; мясцовыя органы ўлады; чыноўніцтва.

The article presents the historiographical review of the research literature about history of district authorities in Belarus in the second half of the XIX and early XX centuries. The author has identified key areas of research in pre-revolutionary, Soviet, modern domestic and foreign historiography. The author of the article reviewed and analyzed the main works of historians in this direction. Despite a significant number of works that touched upon the local management system of Belarusian provinces in the post-reform period, the author came to the conclusion that the formation and activity of the district administration was not the subject of a special study.

Keywords: historiography; historiography of the history of Belarus; Belarusian province; district administration; local authorities; officialdom.

Арганізацыя дзейнасці мясцовых органаў улады, удаканалёванне сістэмы дзяржаўнага кіравання, узаемадзеянне паміж дзяржаўнымі ўстановамі патрабуюць дэтальнага вывучэння вопыту мінулага. У гісторыі вывучэння апарату кіравання на тэрыторыі Беларусі можна традыцыйна выдзельць тры этапы. Першы перыяд, дарэвалюцыйны, уключае значны аб'ём прац аўтараў, якія былі сучаснікамі рэформ і непасрэдна ўдзельнічалі ў іх распрацоўцы. Савецкі перыяд (1917–1991 гг.) характарызуецца пашырэннем крыніцзнаўчай базы, з аднаго боку, ідэалагічнай афарбоўкай, што звужала праблематыку даследаванняў, з другога боку. Трэці перыяд (з 1990-х гг.) адметны пашырэннем праблематыкі даследаванняў, увядзеннем у навуковы зварот новых крыніц, выкарыстаннем разнастайных навуковых метадаў і падыходаў.

Дарэвалюцыйная гістарыяграфія дзяржаўнага апарату імперыі характарызавалася вывучэннем і юрыдычным аналізам заканадаўчых нормаў і агульных пытанняў узаемаадносін паміж цэнтральнымі і мясцовымі органамі кіравання. Распрацоўкай дадзенай праблематыкі заняліся ў першую чаргу юрысты-прававеды, дзяржаўныя і грамадскія дзеячы, што абумовіла як тэматыку, так і характар прац. Асноўная частка даследаванняў раскрывала праблемы арганізацыі і фарміравання цэнтральных устаноў, а недахопы ў галіне мясцовага кіравання звязваліся з урадавай палітыкай і недасканаласцю заканадаўства. У той жа час у дарэвалюцыйных працах беларуская тэматыка прадстаўлена фрагментарна, у кантэксце апісання імперскай сістэмы кіравання.

З шэрагу дарэвалюцыйных даследаванняў неабходна вылучыць працы А. У. Лахвіцкага, В. А. Яўрэінава, У. М. Гесена, А. Д. Градоўскага, М. І. Лазарэўскага. А. У. Лахвіцкі ахарактарызаваў адміністрацыйны падзел імперыі, апісаў паўнамоцтвы павятовых і губернскіх земскіх органаў [1]. А. Д. Градоўскі даў характарыстыку асобным павятовым установам [2]. Працы У. А. Яўрэінава [3], У. М. Гесена [4] дазваляюць больш поўна разглядаць асобныя аспекты рэфармавання мясцовай сістэмы кіравання ў 1860–1870-я гг., прасачыць фарміраванне бюракратычнага апарату. В. В. Іваноўскі засяродзіў увагу на арганізацыі сістэмы кіравання на ўскраінах, накіраванай на ліквідацыю асаблівасцей мясцовага кіравання [5]. М. І. Лазарэўскі да аналізу праблем функцыянавання мясцовых і цэнтральных органаў улады падышоў крытычна, паказаўшы неэфектыўнасць працы ўстаноў і недаска-

наласць прававых нормаў [6]. Асобныя аспекты развіцця апарату кіравання на тэрыторыі Беларусі раскрыў М. В. Каяловіч, які бачыў шлях уніфікацыі з імперыяй праз русіфікацыю мясцовай бюракратыі і ўзмацненне «рускага кіравання з рускіх людзей» [7]. Сакратар Мінскага губернскага статыстычнага камітэту А. П. Смародскі сабраў звесткі аб гісторыі станаўлення дзяржаўных інстытутаў Мінскай губерні [8].

З 1920-х гг. вядучыя пазіцыі ў савецкай гістарыяграфіі займае марксісцкі падыход. У даследаваннях савецкіх гісторыкаў, прысвечаных другой палове XIX – пачатку XX ст., дамінавала сацыяльна-эканамічная праблематыка на аснове марксісцкай метадалогіі: асабліва ўвага надавалася класавай барацьбе, і ў першую чаргу прыгнечаным класам – рабочым і сялянам, а дзяржаўны апарат ацэньваўся як рэакцыйны і антынародны.

Пытанні аб усталяванні расійскай сістэмы кіравання і дзейнасці мясцовых устаноў у беларускіх губернях разглядаліся беларускімі гісторыкамі міжваеннага перыяду. У працах М. В. Доўнар-Запольскага паказаны хістанні кадравай палітыкі [9]. У. І. Пічэта даў агульную характарыстыку павятовым і губернскім земскім установам [10]. А. І. Цвікевіч разгледзеў напрамкі ўрадавай палітыкі на фоне развіцця грамадска-палітычнага руху, крытыкаваў мясцовы бюракратычны апарат пасля паўстання 1863–1864 гг. [11].

У пасляваенны перыяд вывучэнне дзейнасці асобных мясцовых устаноў праводзілася ў кантэксце вывучэння аграрнай гісторыі. Функцыянаванне органаў сялянскага кіравання пасля адмены прыгоннага права разглядалася ў працах М. Б. Фрыдман [12], Л. П. Ліпінскага [13]. У работах указвалася на фискальны характар органаў сялянскага самакіравання, на іх поўную залежнасць ад мясцовага дваранства. Узнікненне і эвалюцыя сялянскіх адміністрацыйных устаноў разглядаліся ў абагульняльнай працы «Гісторыя Беларускай ССР» (Т. 2) [14].

На працягу 1960–1980-х гг. пашыраецца кола пытанняў, разгледжаных беларускімі гісторыкамі, былі ўведзены ў навуковы ўжытак многія неапублікаваныя крыніцы. Асобным аспектам дзейнасці мясцовай адміністрацыі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX ст. прысвечана манаграфія С. М. Самбук, прадметам даследавання якой стала палітыка ўрада ў дачыненні да дваранства і сялянства [15]. Даследчыца на аснове багатага архіўнага матэрыялу паказала рэакцыю самадзяржаў на паўстанне 1863–1864 гг., палітычны, эканамічны і культурны курс пераўтварэнняў у краі.

У савецкай гістарыяграфіі праблема развіцця адміністрацыйнага апарату Расійскай імперыі доўгі час не з’яўлялася прадметам спецыяльнага вывучэння, заставалася практычна невядомай гісторыя дзяржаўных устаноў дарэвалюцыйнага перыяду. Толькі ў пачатку 1960-х гадоў у савецкай гістарычнай школе былі праведзены першыя навуковыя даследаванні дзяржаўнай сістэмы, аднак яны насілі пераважна даведачны характар.

М. П. Ярошкін у дапаможніку «История государственных учреждений до-революционной России» правёў аналіз губернскіх і павятовых устаноў, раскрыў перадумовы іх утварэння, змены ў іх кампетэнцыі, арганізацыйным уладкаванні і напрамках дзейнасці [16].

У манаграфіях П. А. Заянчкоўскага асветлены пытанні аб механізме функцыянавання дзяржаўнага апарату, складзе чыноўніцкага корпусу [17], [18]. Асаблівае значэнне прац даследчыка заключаецца ў тым, што яны былі падрыхтаваны на аснове масавых крыніц. Апрацоўка вялікай колькасці фармулярных спісаў дазволіла зрабіць шэраг высноў аб асабовым складзе мясцовай адміністрацыі другой паловы XIX ст. Праблемы ўзаемаадносін губернатараў і мясцовых органаў кіравання ў 50–80 гг. XIX ст. былі разгледжаны М. М. Шумілавым [19]. А. П. Карэлін адным з першых савецкіх даследчыкаў займаўся вывучэннем гісторыі інстытутаў дваранскага самакіравання, колькаснага і нацыянальнага складу вышэйшага саслоўя [20].

У выніку лібералізацыі грамадска-палітычнага жыцця ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. пачаліся пошукі новых метадалагічных падыходаў, істотна пашырылася поле даследаванняў, прысвечаных станаўленню і развіццю мясцовага кіравання. Гісторыкі звярнулі ўвагу на неабходнасць разглядаць мінулае Беларусі з пазіцый развіцця нацыянальнай дзяржаўнасці, а эвалюцыя сучасных інстытутаў улады паспрыяла павелічэнню інтарэсу айчынных даследчыкаў да вывучэння адміністрацыйнага апарату беларускіх губерняў.

Першай спробай пераасэнсавання дзяржаўнай сістэмы кіравання ў Беларусі можна лічыць двухтомнае выданне «Нарысы гісторыі Беларусі» [21]. На думку аўтараў, дзяржаўныя ўстановы функцыянавалі «з мэтай надання краю “истинно русского” аблічча, выкаранення гістарычнай памяці, нацыянальнай свядомасці і ўсіх этнічных асаблівасцей беларусаў» [21, с. 334]. Негатыўны погляд на фарміраванне мясцовага чыноўніцкага апарату пасля паўстання 1863–1864 гг. выказаў З. Шыбека ў «Нарысе гісторыі Беларусі» [22]. На яго думку, Беларусь запаўнялася вялікарускімі бюракратамі, якія «ў варожым акружэнні ад тугі бязбожна пілі і гулялі ў карты. Квітнела хабарніцтва. Багацеі маглі купіць любую пастанову мясцовай адміністрацыі... Руская адміністрацыя запанавала ў губернскіх і павятовых цэнтрах» [22, с. 102–103].

Сучасныя беларускія даследчыкі зрабілі акцэнт на аналіз асабовага складу чыноўніцтва і кадравай палітыкі самадзяржаўя. У дысертцыі С. М. Токця дадзена характарыстыка дзяржаўнага апарату беларускага краю, вызначаны напрамкі эвалюцыі сістэмы мясцовага кіравання [23]. Упершыню ў айчыннай гістарыяграфіі высновы аб складзе чыноўніцтва былі пабудаваны на масавых крыніцах. Аўтар раскрывае структурную арганізацыю, механізм функцыянавання губернскіх і павятовых органаў, а таксама асабовы склад мясцовых устаноў. Працягам вывучэння кадравай палітыкі самадзяржаўя на Беларусі ў 1860–1890-я гг. стаў артыкул Н. А. Роцька [24]. А. Ф. Смалянчук прыйшоў да высновы аб непаслядоўнасці палітыкі русіфікацыі,

накіраванай на «абсалютнае дамінаванне “великорусского элемента” не толькі ў палітычным, але і ў нацыянальна-культурным жыцці» [25, с. 362]. Некаторыя аспекты фарміравання складу павятовых устаноў адлюстраваны ў публікацыях С. Л. Лугаўцовай [26]. В. І. Якаўчук абазначыў спецыфіку рэарганізацыі сістэмы кіравання, ажыццяўлення земскай і судовай рэформ [27]. А. Ф. Свіб прыйшла да высновы, што мясцовыя ўстановы на беларускіх землях мелі значную кампетэнцыю [28].

Сучасная айчынная гістарыяграфія прадстаўлена шэрагам даследаванняў, прысвечаных арганізацыі паліцэйскіх органаў на беларускіх землях. Дзейнасць паліцыі ў другой палове XIX ст. вывучалі В. А. Шаўкапляс [29], А. Д. Гронскі [30]. С. І. Бусько даследаваў структуру і кадравы склад жандармскіх упраўленняў у канцы XIX – пачатку XX ст. [31]. У публікацыях А. А. Кісялёва разглядаецца структура паліцыі, аналізуецца дзейнасць павятовых паліцэйскіх упраўленняў у беларускіх губернях у другой палове XIX – пачатку XX ст. [32–34].

Станаўленне мясцовых судовых органаў не засталася па-за межамі даследаванняў беларускіх гісторыкаў. Дысертцыя А. У. Марыскіна прысвечана рэалізацыі судовай рэформы 1864 г. у беларускім краі [35]. Праблему заканадаўчага афармлення і арганізацыі міравога суда на тэрыторыі Беларусі разглядае ў серыі публікацый А. А. Загорнаў [36; 37]. Ролю судоў у палітычным жыцці і сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі ў парэформенны перыяд раскрывае дысертцыя І. Г. Гушчынскага [38].

Айчыныныя даследчыкі працягнулі вывучэнне дзейнасці ўстаноў па адміністрацыйным наглядзе за сялянамі пасля адмены прыгоннага права. У другім томе «Гісторыі сялянства Беларусі» раскрываецца арганізацыя мясцовых інстытутаў па рэалізацыі рэформы 1861 г. і сталыпінскай аграрнай рэформы [39]. Г. І. Маскевіч вызначыла ўплыў урадавых органаў на рэгуляванне становішча розных сацыяльных груп сялянства Беларусі ў 60–90-я гг. XIX ст. [40]. У манаграфіі С. А. Талмачовай разглядаюцца праблемы стварэння і дзейнасці шэрагу губернскіх і павятовых сялянскіх органаў кіравання і самакіравання [41]. Роля павятовых землеўпарадкавальных камісій у ажыццяўленні сталыпінскай рэформы даследуецца К. Ю. Тарановіч [42]. Г. А. Страленя паказала асаблівасці ўвядзення інстытута земскіх начальнікаў у беларускіх губернях, прааналізавала яго асабовы склад [43].

Дзяржаўная служба дваранства, яго карпаратыўная арганізацыя і ўрадавая палітыка па дачыненні да інстытута павятовых прадвадзіцеляў дваранства разглядаецца ў манаграфіі А. П. Жытко [44]. В. П. Слабажанін, аналізуючы праблему земскага самакіравання, зрабіў істотныя высновы па пытаннях ажыццяўлення земскай рэформы, узаемаадносін земства з органамі дзяржаўнага кіравання [45]. Н. С. Маторав паказала ўдзел мясцовых органаў земскага самакіравання ў рэалізацыі сацыяльнай палітыкі на тэрыторыі Беларусі ў 1861–1914 гг. [46].

Тэма дзейнасці адміністрацыйнага апарату заняла значнае месца ў даследаваннях, прысвечаных мадэрнізацыі і сацыяльнай трансфармацыі. У працах А. Г. Каханоўскага сацыяльная структура беларускага грамадства ўпершыню выступіла як асобны прадмет даследаванняў. У манаграфіі «Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)» аўтар разглядае ўмовы замяшчэння дзяржаўных пасадаў прадстаўнікамі розных сацыяльных груп, перавагі службы ў Беларусі, характарызуе этна-канфесійны склад служачых па дадзеных перапісу 1897 г., разважае над месцам чыноўніцтва ў структуры занятасці насельніцтва [47]. А. Г. Каханоўскі прыходзіць да высновы, што чыноўніцкі корпус вызначаўся сваёй стратэгіяй, яго склад напрамую залежаў ад рэалізацыі задач урадавай палітыкі, аднак адукацыйны цэнз і прафесіяналізацыя дзейнасці паступова аказвалі ўсё большы ўплыў на яго фарміраванне [47, с. 266]. А. В. Бурачонок прасачыў уплыў фінансавых і падатковых устаноў на развіццё фабрычна-заводскай сферы вытворчасці [48].

Значны ўклад у вывучэнне адміністрацыйнага апарату беларускіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX ст. унёс А. Д. Кузьмін. Даследчык раскрывае пытанні паўсядзённага жыцця чыноўнікаў беларускага краю ў 1864–1914 гг. [49]. Аўтар прыходзіць да высновы, што паўсядзённы быт чыноўнікаў вызначаўся ўзроўнем даходу, сацыяльным паходжаннем, пасадай, сямейным становішчам і месцам пражывання.

Даследуемая праблема знайшла сваё адлюстраванне ў шэрагу калектыўных прац: «Гісторыя Беларусі» (у 6 т., т. 4) [50], «Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг.» [51], другі том «Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.)» са шматтомнага выдання «История белорусской государственности» [52]. Па дадзенай тэматыцы з’явіліся даведачныя зборнікі, падрыхтаваныя супрацоўнікамі Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы аб мясцовых органах улады ў Віцебскай [53], Магілёўскай [54] і Мінскай губернях [55]. Аўтарамі на аснове аналізу заканадаўчых нормаў і архіўнага матэрыялу была зроблена спроба прадставіць структуру больш за 300 дзяржаўных, рэлігійных і грамадскіх устаноў у межах губерні з указаннем месца іх стварэння і ліквідацыі, функцый, структуры і штатаў. Акрамя навуковых прац, былі падрыхтаваны навучальныя дапаможнікі па тэме мясцовых органаў кіравання і самакіравання [56–58].

Рознабаковасць метадалагічных падыходаў і глыбіня навуковых праблем унеслі ў 1990-х – пачатку 2000-х гг. істотныя змены ў вывучэнне дзяржаўнага кіравання ў расійскую гістарыяграфію. Праблема адміністрацыйна-тэрытарыяльнага ўладкавання і дзяржаўнага кіравання нацыянальнымі ўскраінамі стала адной з ключавых тэм. З’явіўся шэраг калектыўных і манаграфічных выданняў, у якіх знайшлі асвятленне праблемы стварэння і функцыянавання бюракратычнага апарату, у тым ліку на тэрыторыі

Беларусі. Да такіх прац адносіцца шматтомны слоўнік-даведнік «Государственность России» [59], манаграфіі «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления» [60] і «Западные окраины Российской империи» [61]. Характарыстыка заканадаўчай базы органаў мясцовага кіравання ў Беларусі зроблена ў працы М. Краснякова [62].

Асобным аспектам унутранай палітыкі на беларускіх землях у XIX ст. прысвяцілі свае працы сучасныя расійскія гісторыкі. Л. Я. Гарызонтаў ахарактарызаваў заканадаўства аб парадку праходжання службы выхадцамі з заходніх губерняў, паказаў перавагу бюракратычных метадаў кіравання, адзначыў дыскрэдытацыю мясцовых служачых у параўнанні з рускімі чыноўнікамі [63]. Г. А. Камзалава паказала напрамкі кадравай палітыкі, адлюстравала яе супярэчнасць і асноўныя праблемы [64]. М. Д. Далбілаў ва ўласнай манаграфіі ахарактарызаваў некаторыя аспекты кадравай палітыкі, заснаванай на дыскрэдытацыі служачых каталіцкага веравызнання, а мясцовы апарат кіравання, на думку даследчыка, быў адным з галоўных інструментаў у рэалізацыі шэрагу мерапрыемстваў этнаканфесійнай палітыкі самадзяржаў пасля паўстання 1863–1864 гг. [65]. Вялікай каштоўнасцю для вывучэння дарэвалюцыйнай бюракратыі валодае фундаментальная праца Б. М. Міронава па сацыяльнай гісторыі Расійскай імперыі [66]. Аўтар аналізуе эвалюцыю вобраза чыноўнікаў на розных этапах гістарычнага развіцця Расіі, робіць выснову аб прафесіяналізацыі чыноўніцтва на працягу XIX ст.

У заходняй гістарыяграфіі ў 1970-я гады адбыўся зварот да разгляду Расіі як шматнацыянальнай імперыі. Праблема адміністрацыйнага ўладкавання, функцыянавання сістэмы дзяржаўнай улады ў канцы XIX – пачатку XX ст. зацікавілі замежных даследчыкаў. Для большай часткі аўтараў прыярытэтным аб'ектам увагі сталі пытанні функцыянавання імперыі, праблема палітычнай, культурна-канфесійнай інтэграцыі нацыянальных ускраін у склад Расіі, стварэнне бюракратычнага механізму дзяржавы.

Вялікую ўвагу да праблем гісторыі Беларусі праяўляюць польскія і літоўскія гісторыкі, але іх навуковы інтарэс пераважна накіраваны на вывучэнне такіх праблем, як рэакцыя самадзяржаў на паўстанне 1863–1864 гг., унутраная палітыка ўлад у дачыненні да насельніцтва каталіцкага веравызнання, рэпрэсіўныя захады супраць мясцовай шляхты, духавенства і чыноўніцтва. Асвятленне пытанняў, звязаных з павятовымі органамі ўлады, прыцягвала такіх польскіх гісторыкаў, як Ю. Бартах і Б. Леснадорскі [67], В. Радкевіч [68], Д. Файнхауз [69], Л. Сталюнас [70].

У 1960–1980-я гг. прадстаўнікі англа-амерыканскай гістарыяграфіі звярнуліся да даследаванняў бюракратыі Расійскай імперыі. У рабоце Р. Пайпса значнае месца адводзіцца аналізу эвалюцыі дзяржаўнага апарату імперыі ў бок узмацнення бюракратычна-паліцэйскага элементу, разглядаецца характар узаемаадносін мясцовай адміністрацыі з цэнтральнай уладай

[71]. Т. Пірсан [72], Т. Уікс [73], Н. Вайсман [74] у рамках «новай» палітычнай гісторыі звярнуліся да праблем рэфармавання адміністрацыйнага апарату.

Такім чынам, у айчынной і замежнай гістарыяграфіі можна адзначыць паглыбленне да дзейнасці мясцовых органаў кіравання і самакіравання ў Беларусі. У цэлым даследчыкам розных школ і эпох удалося падрыхтаваць багаты і каштоўны матэрыял. Аднак большасць прац пабудавана на даведачнай літаратуры, а таксама на апублікаваных крыніцах. Асноўная частка даследаванняў прысвечана цэнтральным і губернскім дзяржаўным установам. На сённяшні дзень абагуленай карціны фарміравання і эвалюцыі павятовых органаў улады не створана, а ёсць толькі група тэматычна, храналагічна і метадалагічна раз'яднаных даследаванняў. Колькасць прац, прысвечаных дзейнасці чыноўніцтва на павятовым узроўні, дастаткова невялікая. Асобныя сюжэты мясцовага дзяржаўнага кіравання знайшлі месца ў даследаваннях, якія прысвечаны працэсам мадэрнізацыі, сацыяльна-эканамічнай гісторыі, палітыцы самадзяржаўя ў краі і г. д. Аднак, нягледзячы на накоплены вопыт у вывучэнні сістэмы дзяржаўнага кіравання, тэма павятовай адміністрацыі так і не стала прадметам спецыяльнага даследавання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лохвицкий, А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения / А. В. Лохвицкий // СПб: Тип. И. Бочкарева, 1864. – Ч. 1: Централизация и децентрализация; История губернии; Административное деление России; Территория губернии; Земские учреждения. Правительственные учреждения. – 225 с.
2. Градовский, А. Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского / А. Д. Градовский // Начало русского государственного права. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – Ч. 3: Органы местного управления. – 600 с.
3. Евреинов, В. А. Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк / В. А. Евреинова. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888. – 116 с.
4. Гессен, В. М. Вопросы местного управления: [сборник статей] / В. М. Гессен. – С.-Петербург: издание юридического книжного склада «Право», 1904. – 235 с.
5. Ивановский, В. В. Русское государственное право / В. В. Ивановский, орд. проф. Имп. Казанского ун-та. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1896. – Т. 2.: Верховная власть и ее органы. Ч. 2: Местные установления. – 1898. – 679 с.
6. Лазаревский, Н. И. Лекции по русскому государственному праву / Н. И. Лазаревский: в 2 т. – Т. 2: Административное право. Ч. 1: Органы управления. – СПб.: [скл. изд. при кн. скл. «Право»], 1910. – 276 с.
7. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. – 474 с.
8. Смородский, А. П. Столетие Минской губернии: 1793–1893 / сост. А. П. Смородский. – 2-е изд. – Минск: Типо-литография Р. Дворжец, 1893. – 90 с.
9. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі; пер. з рус. Т. М. Бутэвіч, Т. М. Кароткая, Е. П. Фешчанка. – Мінск: БелЭн, 1994. – 510 с.
10. Пічэта, У. І. Гісторыя Беларусі / У. І. Пічэта. – Мінск: Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 2005. – 178 с.
11. Цвікевіч, А. І. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. І. Цвікевіч; [пасляслоўе А. Ліса; Товарищества белоруской мовы імя Ф. Скарыны]. – 2-е выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.

12. *Фридман, М. Б.* Отмена крепостного права в Белоруссии / М. Б. Фридман. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1958. – 200 с.
13. *Липинский, Л. П.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.) / Л. П. Липинский. – Минск: Наука и техника, 1971. – 252 с.
14. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І. М. Ігнаценка (старш.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 2.: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / рэдкал.: К. І. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – 688 с.
15. *Самбук, С. М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С. М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 223 с.
16. *Ерошкин, Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 5-е изд., дополн. – М.: РГТУ, 2008. – 672 с.
17. *Зайончковский, П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. / П. А. Зайончковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 511 с.
18. *Зайончковский, П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
19. *Шумилов, М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. / М. М. Шумилов. – М.: Прометей, 1991. – 218 с.
20. *Корелин, А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. / А. П. Корелин. – М.: Наука, 1979. – 304 с.
21. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]; Акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі; рэдкал.: М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994–1995. – Ч. 1. – 1994. – 527 с.
22. *Шыбека, З.* Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002) / З. Шыбека. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.
23. *Токць, С. М.* Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / С. М. Токць. – Мінск, 1997. – 150 л.
24. *Роцька, Н. А.* Змены ў становішчы чыноўніцтва Беларусі (60–90-я гг. XIX ст.) // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Эканоміка. Права. – 2002. – № 2. – С. 7–11.
25. *Смялянчук, А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 / А. Ф. Смялянчук. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 322 с.
26. *Луговцова, С. Л.* Мероприятия российских властей по формированию состава государственных учреждений белорусских губерний в 1850–1860-е гг. / С. Л. Луговцова // Гуманитарно-экономический вестник. – Минск: Международный гуманитарно-экономический институт, 2015. – № 1. – С. 43–48.
27. *Якаўчук, В. І.* Фарміраванне дзяржаўнага апарату ў заходніх губернях Расійскай імперыі ў XIX – пачатку XX ст. / В. І. Якаўчук // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2009. – № 2. – С. 29–33.
28. *Свиб, А. Ф.* Государственно-правовой статус Белоруссии в составе России в пореформенный период (1861–1900) / А. Ф. Свиб. – Минск: БИП-С, 2004. – 120 с.
29. *Шелкопляс, В. А.* Карательный аппарат России во второй половине XIX века: учеб. пособие / В. А. Шелкопляс; Академия МВД. – Минск, 1994. – 130 с.
30. *Гронский, А. Д.* Политическая полиция Российской империи и ее деятельность на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03, 07.00.02 / А. Д. Гронский. – Минск, 2003. – 115 с.
31. *Бусько, С. И.* Структура и кадровый состав губернских жандармских управлений на территории Беларуси (конец XIX – начало XX в.) / С. И. Бусько // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2010 г. – С. 9–18.

32. Киселев, А. А. Общая полиция Витебской губернии в конце XIX – начале XX в. / А. А. Киселев // Ученые записки УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова. – 2014. – Т. 17. – С. 95–101.
33. Киселев, А. А. Создание уездной полицейской стражи в Виленской и Гродненской губерниях в начале XX в. / А. А. Киселев // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2014. – № 1. – С. 58–63.
34. Киселев, А. А. Уездная полиция белорусских губерний Российской империи в 60-х – первой половине 70-х гг. XIX в. / А. А. Киселев // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2012. – № 4. – С. 60–64.
35. Марышкин, А. В. Судебная реформа 1864 года и особенности её проведения на территории Белоруссии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. В. Марышкин. – М., 1985. – 24 с.
36. Загорнов, А. А. Организация мировой юстиции в Беларуси / А. А. Загорнов // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – Минск: Дом прессы, 2009. – № 15. – С. 128–137.
37. Загорнов, А. А. Судебная реформа 1864 г. в Беларуси: законодательное оформление / А. А. Загорнов // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – Минск: Дом прессы, 2010. – № 11. – С. 176–181.
38. Гушчынскі, І. Г. Роля судовых устаноў у палітычным жыцці і сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі (1864–1914 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / І. Г. Гушчынскі. – Мінск, 2011. – 160 л.
39. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: у 3 т. / З. Е. Абэзгауз [і інш.]; пад рэд. В. П. Панюціча. – Мінск: Беларуская навука, 2002. – Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. – 552 с.
40. Маскевіч, Г. І. Сацыяльная стратыфікацыя сялянства Беларусі ў 60–90 гг. XIX ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Г. І. Маскевіч. – Мінск, 2010. – 164 л.
41. Талмачова, С. А. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання па рэалізацыі аграрнай палітыкі самадзяржаўна на тэрыторыі Беларусі (1861–1914 гг.) / С. А. Талмачова. – Мінск: БДПУ, 2019. – 344 с.
42. Тарановіч, К. Ю. Деятельность землеустроительных комиссий по реализации столыпинской аграрной реформы в Беларуси (1906–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. Ю. Тарановіч; БГПУ им. М. Танка. – Минск, 2016. – 27 с.
43. Страленя, А. А. Деятельность земских начальников на территории Беларуси (конец XIX в. – 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Страленя. – Минск, 2017. – 169 л.
44. Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму, 1861–1914 гг. / А. П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2003. – 233 с.
45. Слобожанін, В. П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В. П. Слобожанін. – Минск: Право и экономика, 2003. – 166 с.
46. Моторова, Н. С. Социальная политика Российской империи на территории Беларуси (1861–1914) / Н. С. Моторова. – Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2019. – 350 с.
47. Каханюўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 г.) / А. Г. Каханюўскі. – Мінск: БДУ, 2013. – 333 с.
48. Бурачонок, А. В. Развіццё прадпрымальніцтва ў фабрычна-заводскай вытворчасці Беларусі (1861–1914 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. В. Бурачонок. – Мінск, 2012. – 183 л.
49. Кузьмін, А. Д. Социкультурный облик чиновничества белорусских губерний (1864–1914 г.) / А. Д. Кузьмін. – Могилев: МГУП, 2017. – 187 с.
50. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (к. XVIII – пач. XIX ст.) / М. Біч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – 519 с.

51. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. У. Унучак [і інш.]; рэд.кал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2018. – 573 с.
52. История белорусской государственности: в 5 т. / Н. В. Смехович [и др.]; отв. ред. тома. Н. В. Смехович, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Т. 2: Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.). – 413 с.
53. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения, 1802–1917: справочник / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. ист. арх. Беларуси; сост.: Т. Е. Леонтьева, Д. Л. Яцкевич; редкол.: А. К. Голубович (гл. ред) [и др.]. – Минск: Бел НИИДАД, 2009. – 524 с.
54. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е. К. Анищенко [и др.]; сост. Ю. Н. Снапковский, Д. Л. Яцкевич; редкол.: Д. В. Яцкевич (глав. ред.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 2014. – 814 с.
55. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / сост. Т. Е. Леонтьева. – Минск: БелНИИДАД, 2006. – 392 с.
56. *Шимукович, С. Ф.* История Беларуси. Эволюция органов государственного управления: пособие / С. Ф. Шимукович. – Минск: Академия упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 90 с.
57. Дзяржаўнае кіраванне і грамадскае самакіраванне на тэрыторыі Беларусі (к. XVIII – пач. XX ст.) / А. П. Жытко [і інш.]; пад агул. рэд. А. П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2017. – 319 с.
58. Органы местного управления и самоуправления на территории Беларуси (IX – 30-е годы XX века): пособие для студентов / Э. М. Савицкий [и др.]; под общ. ред. С. Н. Ходина. – Минск: БГУ, 2019. – 198 с.
59. Государственность России: государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV – февраль 1917 г.): словарь-справочник: в 6 кн. / редкол.: В. П. Козлов (пред.) [и др.]; Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и архив. дела. – М.: Наука, 1996–2009. – Кн. 2. Д – К / сост.: О. Ф. Козлов, В. Ф. Янковая. – 1999. – 438 с.
60. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / С. Г. Агаджанов [и др.]; Институт российской истории РАН. – М.: Славянский диалог, 1997. – 415 с.
61. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная [и др.]; науч. ред.: М. Долбилов, А. Миллер; Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 605 с.
62. *Красняков, Н. И.* Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX в. Закрепление автономистской традиции в российской государственности / Н. И. Красняков. – Екатеринбург, 2009. – 208 с.
63. *Горизонтов, Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л. Е. Горизонтов. – Москва: ИНДРИК, 1999. – 270 с.
64. *Комзолова, А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. – Москва: Наука, 2005. – 383 с.
65. *Долбилов, М. Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М.: Новое обозрение, 2010. – 999 с.
66. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 2. – 566 с.

67. *Bardach, J.* Historia ustroju i prawa polskiego / J. Bardach, B. Lesnodorski. – Warszawa: PWN, 1994. – 655 s.
68. *Fajnhaus, D.* Litwa i Białoruś / D. Fajnhaus. – Warszawa: Neriton, 1999. – 357 s.
69. *Rodkiewicz, W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905) / W. Rodkiewicz. – Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998. – 295 p.
70. *Staliunas, D.* Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863 / D. Staliunas. – Amsterdam–New York: Editions Rodopi B. V., 2007. – 465 p.
71. *Пайнс, Р.* Россия при старом режиме / Р. Пайнс; пер. с англ. В. Козловского. – Кембридж, 1980. – 435 с.
72. *Pearson, T. S.* Russian Officialdom in Crisis. Autocracy and Local Self-Government, 1861–1900 / T. S. Pearson. – Cambridge University Press, Cambridge, 1989. – Pp. 284.
73. *Weeks, T. R.* Nation and the State in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863–1914 / T. R. Weeks. – Northern Illinois University Press, Dekalb, 2008. – 310 p.
74. *Weissman, N. B.* Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914 / N. B. Weissman. – New Brunswick, Rutgers University Press, N.J., 1981. – 292 p.

(Дата падачы: 14.02.2020 г.)

A. M. Лукашевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. M. Lukashevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1930”

ГЕОРГИЙ ЖУКОВ И ЕГО РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ БОЕСПОСОБНОСТИ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ДИСЛОЦИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1930-Е ГГ.

GEORGE ZHUKOV AND ITS ROLE IN INCREASING THE ABILITY OF THE PARTS OF THE RED ARMY, DISLOCATED IN THE TERRITORY OF THE BSSR IN THE 1930S.

В статье анализируется военная деятельность Г. К. Жукова во время службы в Белорусском военном округе в 1930-е годы. Раскрывается роль Г. К. Жукова как коменданта Минска в организации противовоздушной обороны города, которая оказалась в запущенном состоянии. Отмечается, что предпринятые военачальником меры способствовали проведению в октябре 1937 г. масштабных учений ПВО Минска с привлечением всех служб города. Делается вывод, что на боеспособность частей негативно влияла тяжелая атмосфера подозрительности и недоверия, которая сложилась в армейской среде в условиях начавшегося «большого террора».

Ключевые слова: Г. К. Жуков; боеспособность армии; БССР; Белорусский военный округ; противовоздушная оборона; политические репрессии.

The article analyzes the military activity of G. K. Zhukov during his service in the Belarusian military district in the 1930s. The role of G. K. Zhukov (commandant of Minsk) in the organization of the air defense of the city, which was in poor condition. It is noted that the measures taken by the military leader contributed to the conduct of large-scale air defense exercises in Minsk in October 1937 with the involvement of all city services. It is concluded that the combat atmosphere of the units was negatively affected by the severe atmosphere of suspicion and mistrust that prevailed in the army in the context of the outbreak of «great terror».

Keywords: G. K. Zhukov; combat readiness of the army; BSSR; Belarusian military district; air defense; political repression.

В декабре 2019 г. исполнилось 123 года со дня рождения Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова (1896–1974) – величайшего полководца советской эпохи. Так распорядилась судьба, что большая часть довоенной карьеры военачальника прошла в Беларуси.

Георгий Константинович Жуков родился в деревне Стрелковка Калужской губернии в крестьянской семье. Окончил двухлетнее городское училище. В 1915 г. был мобилизован в императорскую армию и участвовал в Первой мировой войне; дослужился до унтер-офицера. После установления советской власти в 1918 г. вступил в Красную армию, участвовал в Гражданской войне. В 1919 г. Г. К. Жуков вступил в РКП(б). За участие в подавлении Тамбовского восстания 1920–1921 гг. удостоился ордена Красного Знамени (1922). В 1929 г. окончил Курсы усовершенствования высшего начсостава РККА и в 1923–1931 гг. командовал в Белорусском военном округе (далее – БВО) 39-м полком и бригадой в 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

В марте 1933 г. по протекции С. М. Буденного Г. К. Жуков был назначен командиром и военкомом 4-й кавалерийской (с 1936 г. – Донской казачьей) Краснознаменной ордена Ленина дивизии имени Климента Ворошилова. Переведенная в 1932 г. из Ленинградского военного округа в пограничный Слуцк, эта дивизия оказалась в неподготовленной для дислокации местности. Командовавший ей Г. П. Клеткин не смог наладить быт, в результате чего упала боеготовность соединения, поэтому командующий БВО И. П. Уборевич попросил К. Е. Ворошилова заменить командира. Нарком по военным и морским делам посоветовался с инспектором кавалерии РККА С. М. Буденным, и тот предложил на эту должность своего помощника по инспекции Г. К. Жукова. За короткий срок новый командир смог подтянуть дивизию. Она снова стала лучшей, а Г. К. Жуков в 1935 г. удостоился даже ордена Ленина [1, с. 86–87].

Талант Г. К. Жукова как военачальника раскрылся уже в 1936 г. на маневрах войск БВО. Во главе 4-й Донской казачьей дивизии он не только смог нанести поражение кавалерийской дивизии условного противника, но и с успехом противостоял его механизированным частям. В ноябре 1936 г. при разборе учений действия Г. К. Жукова были признаны мастерскими [2; 1, с. 94]. А уже в 1937 г. его стали обвинять в плохом руководстве...

Массовые репрессии в Красной армии начались после проведения в июне 1937 г. показательного процесса над участниками так называемого

«военно-фашистского заговора в РККА» во главе с Маршалом Советского Союза М. Н. Тухачевским. Вместе с ним к высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены еще семь видных советских военачальников. Среди них был и командующий войсками БВО командарм 1-го ранга И. П. Уборевич [3, с. 13–14, 15–17].

После расстрела командующего в округе начались аресты высшего командного состава. Только летом 1937 г. в застенках НКВД оказались начальник штаба округа Б. И. Бобров, армейский инспектор округа Е. И. Ковтюх, командиры корпусов Л. Я. Вайнер, Д. Ф. Сердич, Е. С. Казанский и др. [3, с. 63–64, 82–83, 189, 220–221, 279–280].

Освободившиеся в ходе арестов вакансии требовали безотлагательного замещения. И комбриг Г. К. Жуков получил повышение. Однако этому предшествовала неприятная встреча с членом Военного совета округа корпусным комиссаром Ф. И. Голиковым [4, с. 36]. По воспоминаниям Георгия Константиновича, беседа проходила на повышенных тонах. Ему пришлось давать объяснения о связях с «врагами народа», и он якобы высказался в защиту арестованных. Кроме того Г. К. Жуков попытался развеять обвинения комиссара 3-го кавалерийского корпуса Н. А. Юнга [3, с. 384]. В доносе этого политработника утверждалось, что командир дивизии бывает до грубости резок в обращении с подчиненными, и что он недооценивает роль и значение политработников.

По словам Г. К. Жукова, он объяснил Ф. И. Голикову, что Н. А. Юнг не прав. «Я бываю резок не со всеми, а только с теми, – говорится в записках полководца, – кто халатно выполняет порученное ему дело и безответственно несет свой долг службы. Что касается роли и значения политработников, то я не ценю тех, кто формально выполняет свой партийный долг, не работает над собой и не помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач, тех, кто критикует требовательных командиров, занимается демагогией там, где надо проявить большевистскую твердость и настойчивость» [5, с. 147–148].

Впрочем, в мемуарах Г. К. Жукова присутствуют кое-какие нестыковки. Согласно официальным документам Ф. И. Голиков только в январе 1938 г. стал членом Военного совета БВО. Вряд ли знал Георгий Константинович и о масштабах арестов в первой половине 1937 г., так как с сентября 1936 г. по май 1937 г. находился на излечении в госпитале в Москве [1, с. 95]. Поэтому фамилии репрессированных сослуживцев стали известны позднее, но в мемуарах полководец перечислил большинство из них. При этом он, вероятно, «приукрасил» и свою решительность в разговоре с членом Военного совета. Но тот факт, что подобный разговор состоялся и носил резкий характер, подтверждался и Ф. И. Голиковым.

В целом Ф. И. Голиков в то время ревностно исполнял все приказы одиозного начальника Политуправления РККА Л. З. Мехлиса. Этот далекий от армии партийный функционер был призван к руководству Политуправле-

нием с одной целью – придать репрессиям военных кадров новое дыхание. Поэтому по инициативе Л. З. Мехлиса в авангарде кампании по разоблачению «врагов народа» были поставлены политработники.

Как оказалось, донос Н. А. Юнга на Г. К. Жукова был не единственным. Компрометирующие «донесения» на будущего маршала исходили от нескольких лиц, в том числе от А. И. Жильцова, который с 1932 г. являлся заместителем начальника политуправления округа, а затем – помощником командующего войсками БВО [3, с. 161–162].

9 июня 1937 г., спасая себя от обвинений в связях с И. П. Уборевичем, он написал донос на имя наркомов обороны и внутренних дел. В нем сообщалось, что в 1932 г. на маневрах войск БВО командующий лично знал многих германских наблюдателей. При этом к И. П. Уборевичу наиболее близки были некоторые командиры корпусов и дивизий, в том числе и Г. К. Жуков [6, с. 104].

Каковы же были причины широкого размаха столь несвойственного в армейской среде доносительства? Главными здесь были общая атмосфера в стране и социальный заказ высшего руководства. От имени партии и народа ЦК ВКП(б), Совнарком, нарком обороны и начальник Политуправления РККА неустанно требовали: выявляй, докладывай, что значило: доноси о любых проявлениях деятельности «врагов народа».

Поэтому сослуживцы и даже вчерашние друзья массово писали друг на друга доносы: срабатывал инстинкт самосохранения. Ведь приказом наркомов обороны и внутренних дел от 21 июня 1937 г. № 082, военнослужащие в случае «чистосердечного раскаяния в своей преступной деятельности», сообщившие о «преступных деяниях» других лиц, сами освобождались от ответственности [7, с. 18].

В июле 1937 г. Г. К. Жуков все же получил назначение на должность командира 3-го кавалерийского корпуса. Через две недели он детально ознакомился с соединением. В 1936 г. этот корпус хорошо проявил себя на маневрах, а через год его положение стало удручающим. В связи с арестами в частях резко упала боевая и политическая подготовка, ослабла дисциплина. Поэтому Г. К. Жуков резко вмешался в положение дел: одних решительно одернул, других привлек к ответственности. Правда, при этом он допускал повышенную резкость, которая всегда была присуща будущему маршалу. И этим немедленно воспользовались некоторые служащие дивизии. Уже на второй день пребывания в корпусе, на командира посыпались донесения в штаб округа, письма в НКВД. Однако Г. К. Жуков продолжал свою линию.

Осенью 1937 г. помимо должности командира 3-го кавалерийского корпуса на Г. К. Жукова также были возложены обязанности коменданта Минского гарнизона.

Одной из главных задач в это время была организация противовоздушной обороны города, которая оказалась в запущенном состоянии. Дело

в том, что ПВО Минска одновременно находилось в двойном подчинении: председателя Минского горсовета и военных. Однако частые смены руководства города в условиях репрессий [8, с. 268–293], а также финансирование по остаточному принципу, привели к упадку системы ПВО. В итоге, частыми были случаи, когда не было ни транспорта, ни горючего, необходимого для приведения немногочисленных средств ПВО в боевое состояние.

Новый командир гарнизона взялся за дело решительно. И уже в октябре 1937 г. были проведены масштабные учения ПВО Минска с привлечением всех служб города. Их подготовка осуществлялась в соответствии с директивой Военного совета БВО № 14230 от 26 августа 1937 г. В разработке плана учений, помимо коменданта г. Минска, участвовал и начальник ПВО БВО майор А. В. Калечиц.

2 октября 1937 г. Г. К. Жуков сообщил секретарю ЦК КП(б) А. А. Волкову о готовности проведения 3–5 октября в Минске «контрольно-поверочного учения пункта ПВО Минск» и представил «План учения» и «Схему очагов поражения». В качестве наблюдателя на учениях присутствовал представитель Управления ПВО РККА полковник И. Я. Поплавский [9, л. 37].

В тот же день, 2 октября, в 18.00 в штабе ПВО БВО состоялось совещание руководства и посредников.

Первый этап учений начался 3 октября 1937 г. в 8:00, когда Минск был переведен «на угрожаемое положение». С 8 до 12 часов осуществлялась проверка развертывания участников на объектах и службах. В 14:00 состоялась имитация налета авиации. Одновременно, с 14 до 16 часов, осуществлялась проверка организации разведки в районах поражений и работы команд по ликвидации последствий нападения [9, л. 41].

Согласно «Плану имитации поражений на учениях противовоздушной обороны пункта ПВО Минск 2–5 октября 1937 г.» [9, л. 38–40] в 14:00 начиналась основная стадия 1-го этапа. Она предусматривала отработку четырех очагов налетов.

1-й очаг был запланирован на заводе имени Кирова (разрушение цеха и пожар; заражение станков и рабочих мест; разрушение водопровода; ранено 5, заражено 10 человек, заражено 20 тыс. м²); 2-й очаг – на заводе «Большевик» (разрушение и заражение силовых установок; заражено 20 тыс. м²; 2 пожара, ранено 10 и заражено 25 человек); 3-й очаг – на фабрике «Октябрь» (пожар в цеху от зажигательной бомбы; разрушен командный пункт и уничтожена связь с участком и штабом ПВО; заражено 10 тыс. м²; ранено 20, отравлено и заражено 40 человек). 4-й очаг поражения был самым крупным. Он включал часть Минска в границах: станция Виленская (исключая северную сторону), ул. Комаровская (с востока), ул. Широкая (с юга), река Свислочь (разрушение фугасными бомбами трех мостов и трамвайного пути, пожар штаба участка, уничтожение связи со штабом ПВО, объектами и командами). Кроме того планировалась отработка пожаров на северном

угле ул. Мопра и ул. Коммунальной, на площади Коммуны, а также разрушение на Набережной. Штаб участка планировался в центре очага заражения; площадь заражения определялась в 540 тыс. м² [9, л. 38–39].

Второй этап учений начинался 3 октября в 20 часов с выхода посредников на очаги поражения. В 22.00 планировалась имитация ночного налета авиации. С 22 до 24 часов осуществлялась проверка работы команд ПВО и объектов в условиях ночного налета и проверка светомаскировки [9, л. 41].

На этом этапе также предусматривалась отработка четырех очагов налета. 1-й очаг – на заводе имени Мясникова (разрушение цеха, водоснабжения; 2 пожара; заражено 5 тыс. м²; заражение в цехах рабочих мест; ранено 20 и отравлено 5 человек); 2-й очаг – на Узле связи (пожар на дворе АТС; взрыв 10 бомб с отравляющими веществами на ул. Урицкого и К. Маркса в районе телеграфа; отравлены аппаратные комнаты и комнаты ожидающих; пострадало 10 человек; взрывом 100-кг химической бомбы заражены выходы из телеграфа и АТС); 4-й очаг – на заводе имени Ворошилова (2 пожара в цехах, заражение рабочих мест и станков, а также территории в 8 тыс. м²; ранено 15 и отравлено 20 человек). 3-й (наибольший) очаг поражения включал район Минска в границах: ул. Дзержинского – железнодорожные пути, ул. Могилевская и ул. Кооперации (пожар товарной станции и пакауза; разрушение железнодорожного полотна и трамвайной ветки; пожар на ул. Могилевской; заражение 320 тыс. м²; ранено 10 и отравлено 55 человек) [9, л. 39].

Заключительный, третий, этап учений начинался 4 октября в 9.00 с прибытия посредников на объекты и в очаги поражения. В 10 часов утра осуществлялась подготовка средств имитации и расстановка статистов по объектам. В 11.00 состоялась имитация дневного налета авиации. С 11 до 13 часов осуществлялось наблюдение за работой команд и проверка организации управления средствами ПВО в сложном очаге поражения [9, л. 41–42].

На этом этапе также предусматривалась отработка четырех очагов налета. 1-й очаг – в границах: ул. Ленинской (с площадью Свободы), ул. Энгельса (до ул. Советской), ул. Советская (от ул. Энгельса до ул. Ленинской); ул. Коммунистическая в границах улиц Ленинской и Энгельса (заражено 100 тыс. м²; пожары на углу Октябрьской и Энгельса, на углу Энгельса и Советской; разрушение трамвайной линии на перекрестке улиц Октябрьской и Энгельса; разрушение электросети и водопровода; ранено 10 и отравлено 10 человек); 2-й очаг – в границах: ул. Ленинградская (до ул. Базарной), Привокзальная площадь (до ул. Ульяновской), Железнодорожный вокзал и пути (площадь заражения – 75 тыс. м²; разрушение трамвайных путей, водопровода, электросети и связи; ранено 10, отравлено 35 человек). 3-й очаг отрабатывался на заводе имени Ворошилова (разрушение цеха и водоснабжения; пожар конторы; заражение 10 тыс. м²; ранено 20 и отравлено 10 че-

ловек); 4-й очаг – на хлебозаводе (пожар, разрушение и заражение склада готовой продукции; заражение территории в 5 тыс. м²) [9, л. 39–40]. В 13.00 был объявлен отбой, а в 8 часов вечера состоялся разбор учений [9, л. 42].

Данные учения ПВО Минска оказались едва ли не последними перед трагическими событиями июня 1941 г.

В начале 1938 г. БВО «накрыла» вторая волна репрессий. Ее жертвами стали командующий войсками округа И. П. Белов, начальник штаба А. М. Перемытов, начальник политуправления Г. Е. Писманик и др. [3, с. 14–15, 262–263, 359–360].

В этот период были репрессированы и двое из участников учений ПВО Минска – майор А. В. Калечиц и полковник И. Я. Поплавский. В числе жертв мог оказаться и Г. К. Жуков. Однако в феврале 1938 г., когда открылась вакансия командира 6-го кавалерийского корпуса, на нее назначили именно Г. К. Жукова. По своей подготовке этот корпус был лучше 3-го. Но главное – в его состав входила 4-я Донская казачья дивизия, к которой Георгий Константинович питал особую привязанность.

На новой должности Г. К. Жуков больше внимания уделял оперативной работе, отработывал вопросы боевого применения кавалерии в составе конно-механизированной группы или армии. Подобная армия состояла из 3–4 кавалерийских дивизий, 2–3 танковых бригад и моторизованной стрелковой дивизии. Во взаимодействии с бомбардировочной и истребительной авиацией, а также с авиадесантными частями она должна была решать крупные оперативные задачи в составе фронта, способствуя успешному осуществлению стратегических замыслов [5, с. 151–152].

Однако усилия Г. К. Жукова нередко оказывались напрасными. Новые командиры действовали крайне осторожно, поскольку они не были самостоятельными в принятии решений. Их инициативу сковывали политработники, исполнявшие в армии функции «всевидающего ока».

Особая антипатия к БВО была у начальника Политуправления РККА Л. З. Мехлиса, который считал его «засоренным» членами «белорусско-толмачевской банды» – представителями внутриармейской оппозиции 1928 г. Л. З. Мехлису хотелось «вывести на чистую воду» так называемых «заговорщиков», в числе каковых он считал и Г. К. Жукова – креатуру И. П. Уборевича.

Не удивительно, что многие военные комиссары на местах стремились угодить столичному начальству. Поэтому нередко политдонесения превращались в настоящие доносы. Чтобы снять с себя ответственность за провалы в работе, они спешили доложить о «засоренности» кадров. В итоге в стране развернулась небывалая клеветническая кампания. «Клеветали зачастую на кристально честных людей, – вспоминал Г. К. Жуков, – а иногда на своих близких друзей. И все это делалось из-за страха не быть заподозренным в нелояльности. И эта жуткая обстановка продолжала накаляться» [5, с. 145].

В своих мемуарах маршал в деталях описал партсобрание, которое едва не стало для него роковым...

Как-то вечером в кабинет Г. К. Жукова зашел комиссар корпуса А. Я. Фоминых (в мемуарах Г. К. Жукова ошибочно назван «Фомин». — А. Л.). Он долго ходил вокруг да около, а потом сказал, что «завтра собирается актив коммунистов 4-й дивизии, 3-го и 6-го корпусов» и будут Жукова разбирать в партийном порядке. Командир корпуса поинтересовался, что же он наговорил, что «такой большой актив» будет его разбирать? И как это они собираются разбирать, не предъявив заранее обвинений, чтобы можно было подготовить объяснение? А. Я. Фоминых уточнил: «разбор будет производиться по материалам 4-й кавдивизии и 3-го корпуса» [5, с. 153].

На другой день действительно собрались человек 80 и Г. К. Жукова пригласили на собрание. Все началось с чтения заявлений некоторых командиров и политработников. В них указывалось, что Г. К. Жуков многих незаслуженно наказал, грубо ругал и не выдвигал на высшие должности, чем умышленно «замораживал» опытные кадры и сознательно наносил вред вооруженным силам.

Затем начались прения. Сначала выступили те, кто подал заявления. На вопрос командира корпуса, почему так поздно они выразили свое недовольство, последовал ответ: «Мы боялись Жукова, а теперь время другое, теперь нам открыли глаза арестами»...

Еще более провокационным был вопрос «об отношении к Уборевичу, Сердичу, Вайнеру и другим “врагам народа”». Почему, дескать, Уборевич при проверке дивизии обедал лично у Жукова, почему к нему «всегда так хорошо относились враги народа»? [5, с. 154]

После этого выступил начальник политотдела 4-й кавалерийской дивизии С. П. Тихомиров, который прослужил с Г. К. Жуковым несколько лет и жил с ним в одном доме. Как политработник он не совсем устраивал Георгия Константиновича, но по-человечески был тактичен и относился к командиру с уважением. Однако на собрании он неожиданно обвинил Г. К. Жукова в неоправданной жесткости по отношению к подчиненным... Мол, он сковывает инициативу подчиненных... [5, с. 154].

И тогда слово попросил сам Г. К. Жуков. Он заявил, что не услышал объективной оценки своей деятельности, и поэтому сам скажет, в чем был прав, а в чем не прав. По вопросу о грубости командир корпуса заявил прямо: «у меня были срывы и я был не прав в том, что резко разговаривал с теми командирами и политработниками, которые здесь жаловались и обижались на меня. <...> Как коммунист, я прежде всего обязан был быть выдержаннее в обращении с подчиненными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозность. Добрый совет, хорошее слово сильнее всякой брани» [5, с. 154–155].

Относительно обвинений в том, что у него обедал И. П. Уборевич – враг народа, а Д. Ф. Сердич и Л. Я. Вайнер к нему благоволили, Г. К. Жуков от-

ветил: «у меня обедал командующий войсками округа Уборевич. Кто из нас знал, что он враг народа? Никто. <...> Вы правы, критикуя мое плохое отношение к некоторым командирам, но не правы критиковать меня за хорошее отношение ко мне Сердича и Вайнера» [5, с. 155].

Еще более решительно будущий маршал высказался относительно обвинений С. П. Тихомирова в недооценке партработников: «...да, действительно, я не люблю и не ценю таких политработников, как, например, Тихомиров, <...> Такие политработники хотят быть добрыми дядюшками за счет дела, но это не стиль работы большевика. Я уважаю таких политработников, которые помогают своим командирам успешно решать задачи боевой подготовки, умеют сами работать засучив рукава, неустанно проводя в жизнь указания партии и правительства, и, не стесняясь, говорят своему командиру, где он не прав, где допустил ошибку...» [5, с. 155].

Организаторы собрания рассчитывали исключить Г. К. Жукова из партии, но задуманный сценарий провалился. После критических выступлений партсобрание, по словам Георгия Константиновича, приняло решение: «Ограничиться обсуждением вопроса и принять к сведению объяснение товарища Жукова». «Хорошо, что парторганизация тогда не пошла по ложному пути и сумела разобраться в существе вопроса, – прокомментировал в мемуарах полководец итоги собрания. – Ну а если бы парторганизация послушала Тихомирова и иже с ним, что тогда могло получиться? Ясно, моя судьба была бы решена в застенках НКВД, как и многих других наших честных людей» [5, с. 156].

Однако насколько правдива эта история, изложенная Г. К. Жуковым? В действительности, Георгий Константинович несколько «сгладил» решение партсобрания, которое состоялось 28 января 1938 г. При этом партийная организация отнюдь не «ограничилась обсуждением вопроса», а вынесла командиру корпуса полновесный выговор [1, с. 104]. Были ли политические обвинения? Возможно. Но вряд ли серьезные. Иначе Г. К. Жукова не выдвинули бы командиром самого мощного в округе 6-го корпуса.

Впрочем, остается загадкой, кто был инициатором этого партийного собрания. Не исключено, что указание исходило из Москвы, от Л. З. Мехлиса. В любом случае об его итогах А. Я. Фоминих – впоследствии члена Военного совета Западного фронта в июне 1941 г. – сообщил начальнику Политуправления РККА.

В 1938 г. маховик сталинского террора не ослабевал. После арестов И. П. Уборевича и И. П. Белова подготовка высшего командного состава в округе резко снизилась. Командиры дивизий и корпусов почти не вызывались в Смоленск на учебные мероприятия. На этом фоне боеготовность 6-го кавалерийского корпуса отличалась в лучшую сторону. Поэтому в июле 1938 г. Г. К. Жуков получил новое повышение: стал заместителем командующего войсками БВО по кавалерии, а через год, в июне 1939 г., возглавил советские войска в Монголии.

После победы на Халхин-Голе (20–31 августа 1939 г.) авторитет Г. К. Жукова взлетел на небывалую высоту. Но в 1937–1938 гг. он ходил по лезвию ножа. Только сильная воля, твердый характер и, конечно, доля везения, позволили ему спасти свою жизнь. Не только свою, но и жизнь некоторых сослуживцев. Да, порой Г. К. Жуков был резок, жесток и несправедлив. Ну а мог ли в тех условиях выжить иной по характеру командир? Приукрасил ли он себя в мемуарах, написанных через четверть века? Несомненно! А кто бы поступил иначе?

Таким образом, в 1930-е годы Г. К. Жуков сыграл большую роль в повышении боеспособности частей Красной армии, а в качестве коменданта Минска – и в организации противовоздушной обороны города. Предпринятые военачальником меры способствовали проведению в октябре 1937 г. масштабных учений ПВО Минска с привлечением всех служб города. Однако на боеспособность войск негативно влияла тяжелая атмосфера подозрительности и недоверия, которая сложилась в армейской среде в условиях «большого террора».

Список использованных источников

1. *Соколов, Б. В.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи / Б. В. Соколов. – Минск: Родиола-плюс, 2000. – 608 с. – («Мир в войнах»).
2. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (Дзержинск). – № 0767. О маневрах войск БВО, военном параде в г. Минске. Документальный фильм.
3. *Черушев, Н. С.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь / Н. С. Черушев, Ю. Н. Черушев. – М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. – 496 с., ил.
4. *Гаврилов, Д. В.* «Проявил себя как крупный военачальник...». К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова / Д. В. Гаврилов // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 10. – С. 34–39.
5. *Жуков, Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. / Г. К. Жуков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – Т. 1. – 415 с., ил.
6. *Сувениров, О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938 / О. Ф. Сувениров. – М.: ТЕРРА, 1998. – 528 с.
7. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. – М.: ТЕРРА, 1994. – 368 с.
8. *Лукашевич, А. М.* «Градоправители» Минска: история власти (февраль 1917 – декабрь 2013 г.) / А. М. Лукашевич. – Минск: Торгово-финансовый союз «БТФС», 2014. – 527 с.: ил.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11993. Замечания Военного совета БВО на проект [директивных] указаний по мобилизационно-оборонной работе партийных органов, и др. – 13 февраля – 10 ноября 1937 г. – 92 л.

(Дата подачи: 18.02.2020 г.)

А. А. Любая

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск, Беларусь

A. Liubaya

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 94(476)“15/16”

**ПЕРАХОД ТАТАРСКІХ МАЁНТКАЎ ДА ШЛЯХТЫ
Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI – ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XVII СТ.:
АСНОЎНЫЯ ТРЫМАЛЬНІКІ,
КОЛЬКАСНЫЯ ПАКАЗЧЫКІ І ЮРЫДЫЧНЫЯ
ПАДСТАВЫ ПА МАТЭРЫЯЛАХ РЭВІЗІІ 1631 ГОДА**

**TRANSITION OF TATAR'S ESTATES TO THE NOBILITY
AT THE SECOND HALF OF XVI – FIRST THIRD
OF THE XVII CENTURY: MAIN HOLDERS,
QUANTITATIVE INDICATORS AND LEGAL BASIS
ON THE AUDIT MATERIALS FROM 1631**

Рэвізія татарскіх маёнткаў, праведзеная па загаду караля і вялікага князя Жыгімонта III Вазы і вядомая як рэвізія Яна Кердэя з 1631 г., з'яўляецца ўнікальнай крыніцай сацыяльна-эканамічнай гісторыі татарскай абшчыны ў Вялікім Княстве Літоўскім ў другой палове XVI – першай трэці XVII ст. Змест гэтай крыніцы можа істотна паўплываць на сучасныя погляды адносна месца татарскай супольнасці ў грамадстве Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: Татары Вялікага Княства Літоўскага; татаршчызна; шляхецкае землеўладанне.

The audit of the Tatar estates, carried out by order of the King and Grand Duke Sigismund III Vasa and known as the Jan Kerdei' Revision from 1631, is a unique source on the socio-economic history of the Tatar community in the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the XVI – first third of the XVII century. The content of this source can significantly affect modern views on the place of the Tatar community in the society of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Tatars of the Grand Duchy of Lithuania; Tatar's land ownership; aristocratic land ownership.

Першая люстрацыя татарскіх маёнткаў у Вялікім Княстве Літоўскім адносіцца да сярэдзіны XVI ст. У 1559 г. цівун віленскі Мацей Агінскі правёў рэвізію татарскіх маёнткаў [1, л. 1 ад. – 2]. Неабходнасць рэалізацыі гэтай рэвізіі, як і пазнейшай, праведзенай Янам Кердзею у 1631 г., тлумачыцца дэградацыяй татарскай вайскавай службы як дзяржаўнага інстытута. Праведзеныя мерапрыемствы паказалі, што значная частка татаршчызн – татарскіх маёнткаў, з якіх выстаўляліся вершнікі ў татарскія харугвы – розным шляхам трапіла ў рукі шляхты. Гэта адбывалася як законным, так і не законным шляхам, без згоды манарха. Да таго ж шляхта вельмі часта наогул не несла з гэтых маёнткаў вайсковую службу. З часам працэс пераходу та-

таршчызн у рукі заможнай шляхты і магнатаў Вялікага Княства Літоўскага пашырыўся на столькі, што ў канцы 20-х гадоў XVII стагоддзя ўраднікі, якія мелі ва ўласнасці татаршчызны, «згубілі» кнігу рэвізіі Мацея Агінскага 1559 года, што разам з іншымі кнігамі Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага мусіла захоўвацца ў Канцылярыі, каб не даць магчымасць устанавіць першапачатковы склад татаршчызн [1, л. 2–2 ад.].

Але выканаўчыя рэвізоры скарысталіся копіяй матэрыялаў Мацея Агінскага, якія захаваліся ў прыватным архіве князеў Агінскіх. Таму рэвізія 1631 г. дае магчымасць не толькі зафіксаваць сітуацыю з зямельнай ўласнасцю і вайскавай службай гаспадарскіх татар на стан першай трэці XVII ст., але і адсачыць працэс драбнення і пераходу татаршчызн у рукі шляхты ў дынаміцы на працягу 70 гадоў, якія прамінулі паміж дзвюма рэвізіямі. Складальнікі тэксту рэвізіі 1631 г. настолькі часта звярталіся да рэвізіі 1559 г., што мэтазгодна ў асобнай працы правесці рэканструкцыю апошняй. Гэта, безумоўна, пашырыць нашы ўяўленні пра сацыяльна-эканамічнае становішча гаспадарскіх татар у сярэдзіне XVI ст.

Рэвізія падзяляецца на тры няроўныя часткі: уводзіны, падсумаванне і сам тэкст рэвізіі. Зместу ўласна рэвізіі папярэднічае невялікае ўвядзенне, напісанае яе складальнікам, ашмянскім пісарам Янам Кірдзеям, у якім ён раскрывае глыбокія праблемы сацыяльнага і этна-канфесійнага характару, што прывялі да крызісу татарскай земскай службы [1, л. 1–5]. Фактычна, гэтыя ўводзіны, або тлумачальныя нататкі, – галоўная крыніца, з якой нам вядомы мэты і задачы, якія ставіліся перад рэвізорамі, ход гэтай працэдуры, цяжкасці і перашкоды, якія паўсталі перад упаўнаважанымі ўраднікамі. Аўтар не толькі тлумачыць прычыны, якія падштурхнулі каралеўскую ўладу весці падлік татарскіх маёнткаў, але таксама апісвае сродкі і метады, што шляхта Вялікага Княства Літоўскага, з аднаго боку, і гаспадарскія татары – з другога, выкарыстоўвалі для сабатажу працы рэвізораў.

Пераход татаршчызн да шляхты ў першай трэці XVII ст. паскорыўся і набыў грандыёзны маштаб. Гэта было зразумела для каралеўскай улады. І новая, інспіраваная каралём і вялікім князем, рэвізія 1631 г. гэта яскрава пацвердзіла. Агулам на момант правядзення рэвізіі па шасці татарскіх харугвах у сярэднім больш за трэць татаршчызн перайшло да шляхты.

Але ў розных харугвах доля такой маёмасці, набытай шляхтай, моцна адрознівалася (табл. 1). Самымі высокімі тэмпамі гэты працэс ішоў у Байрынскай харугве сцяга Наваградскага. У асноўным татаршчызны, прыпісаныя да яе, лакалізуюцца ў межах Наваградскага і Слонімскага паветаў Наваградскага ваяводства, Лідскага павета Віленскага ваяводства. Таксама да гэтай харугвы былі прыпісаныя некаторыя татаршчызны ў Менскім ваяводстве (у Раванічах, Улановічах і Паложыне), татаршчызны Мсціслаўскага ваяводства. Асобна ў канцы апісання гэтай харугвы падлічваўся сцяг Ардынскі, зямельная маёмасць якога месцілася ў Лоўчыцах пад Наваградкам. Але татары Ардынскага сцяга не адносіліся да гэтай харугвы. Агулам шляхта

набыла 60,25 % зямлі, з якой павінны былі выстаўляцца вершнікі ў склад гэтай харугвы.

Табліца 1

Назва харугвы	Шляхецае землеўладанне (у колькасці коней і %)	Доля татаршчызн ва ўласнасці магнатаў і ўраднікаў у адносінах да шляхецага землеўладання
Байрынская, сцяга Наваградскага	83,75 / 60,25 %	> 70,75 / 84,7 %
Уланская, сцяга Гродзенскага	37,75 / 26,3 %	> 20,5 / 54,6 %
Юшынская, сцяга Троцкага	26 / 16 %	> 11,5 / 44 %
Найманская, сцяга Віленскага	41,5 / 41 %	> 34 / 81,9
Ялаірская, сцяга Наваградскага	42,5 / 47,5 %	> 21,5 / 50,6 %
Кандрацкая, сцяга Мерэшыянскага	12 / 23,5 %	> 6 / 50 %
РАЗАМ	243 / 35,4 %	> 164,25 / 67,6 %

Найменшая колькасць татаршчызн перайшла да шляхты ў Юшынскай харугві сцяга Троцкага – толькі 16 %. Татаршчызны, прыпісаныя да гэтай харугві, кампактна лакалізуюцца ў межах Троцкага і Гродзенскага павеатаў Троцкага ваяводства, Віленскага павеата Віленскага ваяводства і Слонімскага павеата Наваградскага ваяводства. Прычыны такога няроўнага і нераўнамернага пераходу татарскіх маёнткаў да шляхты яшчэ давадзецца высветліць.

Большасць шляхты, якая набывала татаршчызны, з пункту гледжання сацыяльнай стратыфікацыі, можна назваць заможнай. Две трэці з ўсіх татаршчызн, набытых шляхтай, належала прадстаўнікам эліт дзяржаўнага і рэгіянальнага ўзроўню. Сярод уладальнікаў татаршчызн, якія займалі ключавыя дзяржаўныя пасады, можна назваць падканцлера Паўла Стэфана Сапегу [1, л. 6, 8, 12, 24.], ваяводу троцкага Януша Скуміна-Тышкевіча [1, 17 ад., 24 ад.], лоўчага Вялікага Княства Літоўскага Кшыштафа Завішшу [1, л. 19, 27 ад.], смаленскага кашталяна Ежы Храптовіча [1, л. 6 ад.], чашніка вялікага літоўскага Яна Галоўчынскага [1, л. 11, 19], скарбнага Мікалая Бальніцкага [1, л. 33], каралеўскага сакратара Станіслава Себастьяна Бральніцкага [1, 11, 32 ад.], удаву кашталяна троцкага Адама Тальваша, якая валодала татаршчызнамі пасля смерці свайго мужа [1, л. 13 ад., 23], ваяводу смаленскага Аляксандра Гансеўскага [1, л. 25], ваяводу віцебскага Шымана Самуэля Сангушкі [1, 24 ад.], сакратара каралеўскага Уладзіслава Кердзея, сакратара каралеўскага Аляксандра Халецкага [1, 31 ад.], лоўчага Вялікага Княства Літоўскага Яна Нарушэвіча, кашталяна віленскага Мікалая Глябовіча [1, л. 34].

Сярод прадстаўнікоў мясцовых органаў улады і мясцовых эліт татаршчызны трымалі дзяржаўца рудніцкі, падсудак ковенскі Марцін Падзеўскі [1, л. 22, 22 ад., 28], падстоі ашмянскі Фабіян Козел [1, л. 22 ад.], падкамо-ры ваўкавыскі Андрэй Трызна [1, 27, 33], спраўца двароў Яго Каралеўскай Міласці староства гродзенскага Стэфан Бяляўскі, суддзя земскі гродзенскі

Ежи Сапочка, падсудак ковенскі пан Быхавец [1, л. 13 ад.], падсудак менскі князь Кшыштаф Жыжэмскі [1, л. 11], падсудак гродзенскі Кшыштаф Талочка [1, л. 33 ад.].

Шмат якія ўраднікі набывалі татаршчызны, прыпісаныя да розных харугваў. Падканцлеру Паўлу Стэфану Сапегу належалі татаршчызны ўздоўж ракі Вакі, з якіх ён мусіў выстаўляць разам ва Уланскую, Юшыную, Ялаірскую харугвы чатыры кані [1, л. 6, 12, 24.]. Лоўчы Вялікага Княства Літоўскага Кшыштаф Завішша ў Ялаірскую і Юшыную харугвы быў абавязаны выстаўляць восем коней [1, л. 19, 27 ад.]. Ваявода Троцкі Януш Скумін-Тышкевіч – «з зямлі Троцкай» аднаго каня ў Юшыную харугву і аднаго каня з маёнтку Корушч у Троцкім павеце ў Ялаірскую харугву [1, л. 17 ад., 24 ад.].

Сітуацыя склалася такім чынам, што самую вялікую колькасць коней у кожную татарскую харугву выстаўлялі акурат шляхцічы, а не татарскія маршалкі і харужыя – нашчадкі татарскіх нобіляў, вакол якіх, згодна з родавым прынцыпам, першапачаткова складаліся харугвы.

Ва Уланскую харугву сцяга Гродзенскага самую вялікую колькасць вершнікаў (10 коней) са свайго маёнтку Засулле ў Менскім ваяводстве быў абавязаны выстаўляць падсудак менскі князь Кшыштаф Жыжэмскі [1, л. 11], які належаў да старажытнага роду, што выводзіў свае пачаткі ад Рурыкавічаў [2, с. 624, 628]. Яшчэ аднаго каня з маёнтку Дзямідкава ў Гродзенскім павеце Троцкага ваяводства ў гэтую харугву мусіў выстаўляць яго родзіч пан Мікалай Рабей, маці якога княжна Таміла Жыжэмская верагодна прыходзілася сястрой дзеду Кшыштафа – Івану Цімафеевічу Жыжэмскаму [3, с. 96; 4, арк. 76–77].

У татарскай Байрынскай харугве Наваградскага сцяга самымі вялікімі татаршчызнамі валодаў князь Жыгімонт Кароль Радзівіл, «кавалер Мальтанскі». Ён мусіў выстаўляць з двух сваіх маёнткаў: Крошына і Калдычава – 15 вершнікаў [1, арк. 33 ад.]. У гэтую ж харугву з маёнтку Паложын Паны Валовічы выстаўлялі пяць вершнікаў [1, арк. 34], а кашталян Віленскі Мікалай Янавіч Глябовіч з маёнтку Раванічы – чатыры [1, арк. 34].

Самымі заможнымі ўладальнікамі татаршчызн у Юшынскай харугве сцяга Троцкага быў ужо згаданы пан Кшыштаф Завішша, які быў абавязаны выстаўляць 4 кані [1, арк. 19].

У Найманскай харугве сцяга Віленскага буйнымі татаршчызнамі валодалі некалькі шляхецкіх фамілій. Князі Радзівілы з трох сваіх уладанняў у Менскім ваяводстве – Драчкаў, Шэметаў і Паколін – мусілі выстаўляць восем коней [1, арк. 23 ад.]. А ўжо згаданыя паны Казлы з розных маёнткаў – дзевяць з паловай коней [1, арк. 22 ад.].

Ялаірскай харугве сцяга Наваградскага па чатыры кані выстаўлялі паны Аставухі, паны Ельцы і пан Кшыштаф Завішша [1, арк. 27 ад.].

У Кандрацкую харугву сцяга Мерэшлянскага найбольшую колькасць абавязаны былі выстаўлялі паны Казлы: з двух сваіх маёнткаў Панізде

і Святляны ў Ашмянскім павеце Віленскага ваяводства – 5 коней [1, арк. 25, 25 ад., 29 ад.].

Своеасаблівы характар працэс пераходу татарскіх маёнткаў у рукі шляхты прыняў у Ашмянскім павеце. Тут шляхецкія кланы, звязаныя адзін з адным, вельмі хутка апанавалі старымі татарскімі маёнткамі. І выглядае на тое, што гэта была свядомая і мэтанакіраваная палітыка.

Яшчэ ў XV–XVI стагоддзях па ўсходняй мяжы Ашмянскага павета шырокім паўколам ад Крэва і Лоску праз Мысу, Панары, Урленята да Ластаі размясціліся татарскія асады. Адною з такіх татарскіх мясцін на ўсходзе гістарычнай Ашмяншчыны сталі землі вакол мястэчка Беніца. У XVI ст. на беніцкіх землях побач з татаршчызнамі з’явіліся ўладанні шляхецкіх сем’яў Валовічаў, Камароў і Астравухаў [5, с. 300–307]. А крыху пазней маёмасць у Ашмянскім павеце атрымалі і паны Казлы, якія аздобілі сваё прозвішча прыдомкам Паклеўскія (ад назвы атрыманага маёнтку) [6, с. 72–73]. Відавочна, што згаданыя паны Казлы, паны Астравухі, паны Камары і паны Валовічы ў канцы XVI – першай палове XVII ст. былі цесна звязаныя сацыяльнымі і кроўна-сваяцкім сувязямі. Па выніках рэвізіі 1631 г. гэтыя сем’і з ашмянскіх маёнткаў Святляны, Беніца, Панізе, Стараселле ды іншых мусілі выстаўляць 24 кані. Большасць гэтых татаршчын былі набыты ў пачатку XVII ст.

У гэты час як Казлы, так і Астравухі паспяхова рэалізуюць свае палітычныя і сацыяльныя амбіцыі. У Івана (Яна) Казла Паклеўскага было чатыры сыны: Фабіян, Габрыель і Філон, а таксама згаданы ў рэвізіі Юзэф [1, арк. 85]. Як адзначае ў сваім гербоўніку Каспар Нясецкі, Фабіян Казёл у другой палове 40-х гадоў XVII ст. займаў урад харунжага ашмянскага, войскага віленскага і каралеўскага сакратара [7, с. 343]. Разам Казлы былі самымі буйнымі трымальнікамі татаршчын і выстаўлялі 17 коней.

У другой палове XVI ст. пачынаецца ўздым роду Астравухаў. Нашчадак дробных землекарыстальнікаў Андрэй Астравух спачатку па сваёй жонцы Гальшке атрымаў частку маёмасці Камароў. Затым у спадчыну да яго перайшлі маёнткі Трэпаўлава і Доўгі Лог (зараз у Маладзечанскім раёне Мінскай вобласці), наданыя яшчэ ў 1547 г. Алёхне Астравуху каралём Жыгімонтам. Таксама ён скупляе некаторыя маёнткі ў мясцовых татар. А ў 1601 г. Самуіл Валовіч прадае яму Беніцу за тры тысячы коп грошаў. Так склалася маёмасць Астравухаў, але затрымацца надоўга ў коле рэгіянальных ашмянскіх эліт ім не было дадзена. Да другой паловы 20-х гадоў Астравухі набралі пазыкаў, і крэдыторы пачалі іх ціснуць. На момант правядзення рэвізіі ў 1631 г. яны ўжо прадалі значную частку сваёй зямлі мясцовай шляхце [5, с. 300–307]. Але за імі ўсё яшчэ былі значныя татаршчыны: у Сучках і Беніцы належала Міхалу Андрэевічу Астравуху [1, арк. 22 ад., 25], у той жа Беніцы Пятру і Рафалу Астравухам [1, арк. 25] і ім жа належала зямля маёнтку Манюшычы [1, арк. 25 ад.], з якіх агулам яны мусілі выстаўляць сем коней. Менавіта ў Ашмянскім павеце працэс пера-

ходу татаршчызн у руці шляхты быў, бадай, самым інтэнсіўным і прайвай гэтага стала іх канцэнтрацыя ў трымальнікаў.

Татаршчызны ў сваёй большасці траплялі не да шараговай павятовай шляхты, а канцэнтраваліся ў руках магнатаў і заможных шляхцічаў, якія займалі высокія дзяржаўныя пасады. Таму і супраціў правядзенню люстрацыі быў вельмі моцным, арганізаваным і прывёў да прафанацыі яе вынікаў. Дастаткова сказаць, што сярод самых буйных трымальнікаў татаршчызн былі ўраднікі вышэйшага рангу і сенатары.

Сярод прычын, па якіх шляхта не выстаўляла вершнікаў у адпаведныя татарскія харугвы, сустракаецца вызваленне каралём і вялікім князем, замацаванае асаблівым прывілеем. Гэта быў адзіны законны шлях не выстаўляць з татаршчызн вершніка ў татарскія харугвы. Так, увесь вопіс пачынаецца з апісання татарскага двара на Вацэ, з якіх «татары за сваю ўласнасць да паслугі Рэчы Паспалітай ставілі Конь адзін» у татарскую Уланскую Гродзенскую харугву. На момант правядзення рэвізіі гэтая маёмасць належала Паўлу Сапегу, на той час канюшаму, а пазней падканцлеру Вялікага Княства Літоўскага. Ён атрымаў прывілей, «якім Кароль Яго Міласць, ад павіннасці ваеннай вызваліўшы, зрабіў ласку выпусціць пад харугву Віленскага ваяводства» [1, арк. 37–37 ад]. Пан Фабіян Казёл, падстолі ашмянскі, і яго брат пан Юзэф Казёл трымалі па спадчыне ад бацькі Святляны ў паўмілі ад Сморгоні, некалі дадзеную татарыну Багдану Махрашевічу. З яе мусіў выстаўляцца «конь» у татарскую Уланскую харугву Гродзенскага сцяга. Але вяльможныя паны з гэтай маёмасці не служылі, як з горыччу адзначыў Ян Кердзей: «засланяючыся прывілеем, што Кароль Яго Міласць зрабіў ласку ад службы ваеннай татарскай вызваліць; волі і рашэнню Караля Яго Міласці Пана нашага Міласцівага падпарадкоўваемся» [1, арк. 85–86]. Значная частка такіх прывілеяў была выдадзена ў пачатку XVII ст., ужо за панаваннем Жыгімонта III Вазы. У некаторых выпадках рэвізорамі нават пазначалася дата выдачы дакументу і яго кароткі змест. Як, напрыклад, у выпадку з панам Абрамам Муравіцкім, які набыў у татар пяць валок зямлі ў Свяцку Гродзенскага павета і 18 снежня 1613 года атрымаў дазвол выстаўляць з гэтай зямлі сваю частку каня не ў татарскую Уланскую харугву Гродзенскага сцяга, а ў павятовую Гродзенскую харугву [1, арк. 402 ад.]. А ў некаторых выпадках проста адзначалася, што прывілей быў выдадзены дзейсным каралём.

У некаторых выпадках уяўныя і рэальныя юрыдычныя падставы ігнаравання вайсковай павіннасці з татаршчызн былі больш складаныя. Юрый Літавор Храптовіч, ваявода наваградскі і парнаўскі, кашталян жмудскі і смаленскі, ляснічы мерэцкі і аранскі аднаасобна валодаў татаршчызнамі ва Урленятах Ашмянскага павета, з якіх у Віленскую Уланскую татарскую харугву мусіў выстаўляць трох коннікаў, «але Яго Міласць Пан Храптовіч той павіннасці не выконвае, тлумачыць гэта тым, што татары Фурс і Абрагім Багдановічы Уланы, якія былі забіты ў Інфлянтах, той фальварак Урленя-

та на вечнасць прадаючы Пану Андрэю Тачыле, трывалым запісам сваім, дадзеным на продаж гэтага фальварку, абавязаліся з таго фальварку Урленяты вайсковую службу адпраўляць» [1, арк. 53]. Зразумела, што факт заключэння такой дамовы ўстанавіць было не магчыма, тым больш, што папярэднія ўладальнікі маёнтку загінулі падчас вайны Рэчы Паспалітай са Швецыяй недзе перад 1614–1615 гг. і натуральна не маглі выконваць свае гіпатэтычныя абавязкі перад наступным пакупніком. Акрамя таго, татары скардзіліся, што пан Юрый Храптовіч, уласнасць якога месцілася толькі з аднаго боку ракі Лошы (Łostai), прысвоіў другі бераг, што належаў татарам. Ён загадаў збудаваць там мост і браць з татар маставое. І праз гэта татары збіраліся судзіцца [1, арк 53 ад.].

У асобных выпадках, калі вершнікі з татаршчызн, якія перайшлі да шляхты, не выстаўляліся зусім беспадстаўна, уладары маёнткаў проста не давалі гэтаму ніякіх тлумачэнняў. Гэта таксама адзначалася рэвізорамі. Напрыклад, пан Яраш Загорскі купіў дзве татаршчызны пад Біюцішкамі на Лошы ў Ашмянскім павеце. У рэвізіі аб гэтым маецца такі запіс: «А Пан Загорскі, маючы ў сваёй уласнасці тыя абодва двары татарскія, самі дзялянкі з пашамі, сенажацямі, гушчарамі, службы ваеннай сумесна з татарамі не спраўляе. У чым гэтага прычына, аб тым вам справаздачы не дадзена» [1, арк. 69 ад.]. Такім жа шляхам дзейнічалі і вышэйшыя дзяржаўныя ўраднікі, якія, відавочна, мелі магчымасць атрымаць прывілей і не выстаўляць вершнікаў у татарскія харугвы. Пан Ян Галоўчынскі, чашнікі Вялікага Княства Літоўскага меў невялікую татаршчызну ў вёсцы Мікелеўшчызна. З гэтай маёмасці ў сярэдзіне XVI ст. татары выстаўлялі аднаго каня, «... толькі Яго Міласць пан чашнік і папярэднікі Яго Міласці той павіннасці не адбывалі». «У чым прычына гэтага, аб тым справаздачы Яго Міласць не даў і права, на падставе якога тая маёмасць папярэднікам Яго Міласці дасталася, не ўказаў» [1, арк. 165]. Верагодней за ўсё, у выпадках, калі ўладальнікі былых татаршчызн унікалі ад адказаў на законныя пытанні рэвізораў, ваенная павіннасць навогул не адбывалася: ні ў татарскіх, ні ў павятовых харугвах.

Часта ігнаравалі абавязкі ваеннай татарскай службы менавіта тыя шляхцічы, якія супольна з іншымі шляхцічамі або татарамі мусілі выстаўляць вершніка, бо валодалі часткай некалі адзінага маёнтка. У прыватнасці, пан Лаўрын Качаноўскі з «вёскі Капацкоўскай» не памагаў служыць сваім сутрымальнікам-шляхцічам [1, арк. 80 ад.].

Пры гэтым дробныя трымальнікі ў асобных выпадках маглі больш адказна ставіцца да сваіх абавязкаў, чым буйныя землеўладальнікі. Напрыклад, паны Гневінскія, якія падзялілі невялікі спадчынны маёнтка каля Гродна аж на чатыры часткі, былі абавязаныя выстаўляць з яго аднаго каня ва Уланскую харугву, «аж да гэтага часу [маецца на ўвазе да моманту правадзнення рэвізіі. – А. Л.] ваенную татарскую татарскую павіннасць адбывалі і на кожную патрэбу Рэчы Паспалітай разам з татарамі пад тую харугву аднаго каня

ставілі, аб чым і квіты харужых татарскіх харунжства ўланскага перад намі ўказвалі» [1, арк. 156 ад.].

Такім чынам, рэвізія татарскіх маёнткаў, праведзеная па загадзе караля і вялікага князя Жыгімонта III Вазы, з’яўляецца ўнікальнай крыніцай па сацыяльна-эканамічнай гісторыі татарскай супольнасці ў Вялікім Княстве Літоўскім другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Дзякуючы сістэматычным адсылкам да матэрыялаў папярэдняй рэвізіі, праведзенай Мацеям Агінскім у 1559 г. і якая не захавалася ў складзе кніг Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага, можна адсачыць працэс пераходу татаршчызн у рукі шляхты ў дынаміцы. На момант складання рэвізіі ўжо больш за трэць татарскіх зямельных уладанняў апынулася ў шляхты. Але інтэнсіўнасць гэтага працэсу адрознівалася ад харугвы да харугвы. Татаршчызны ў асноўным траплялі да магнатаў і заможнай шляхты, якія займалі высокія дзяржаўныя ўрады і пасады ў мясцовых органах улады. Акрамя гэтага, ураднікі маглі і атрымоўвалі прывілеі ад караля і вялікага князя літоўскага, якія дазвалялі замест службы разам з татарамі, выстаўляць коней у павятовыя харугвы. Але некаторыя шляхцічы па надуманых падставах або навогул без прычын ігнаравалі вайсковую павіннасць з былых татаршчызн.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 569. Рэвізія зямель, што былі падараваны татарам, складзена Кердзеям.
2. *Wolff, J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Skład główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1895. – XXV, [1], 698 s.
3. *Borowik, P.* Jurydyki miasta Grodna w XV–XVIII wieku: stanowy podział nieruchomości / P. Borowik. – Supraśl: Collegium Suprslense, 2005 – 412 s.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Фонд. 1475. – Воп. 1. – Спр. 2.
5. *Jankowski, C.* Materiały do dziejów ziemi i ludzi: w 4 cz. / zebrał i wydał C. Jankowski. – Kraków: G. Gebethner i spółka, 1896–1900. Część pierwsza. – 1896. – VIII, 391 s.
6. *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich: w 16 t. / ułożył i wydał Adam Boniecki.* – Warszawa: Skład główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1899–1913. T. 12: Korty–Krzemieniewscy. – 1908. – 400 s.
7. *Herbarz polski Kasprowa Niesieckiego, powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych: w 10 t. / wydany przez J. Nep. Bobrowicza.* – Lipsk: nakł. i dr. Breitkopfa i Härtela, 1839–1845. T. 5. – 1840. – [4], 476 s.

(Дата падачы: 20.02.2020 г.)

М. П. Лях

Белорусский государственный университет, Минск

M. P. Liakh

Belarusian State University, Minsk

УДК 07.00.03

ЯПОНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1952–1955 ГГ.

JAPANESE-SOVIET RELATIONS 1952–1955

В данной статье рассматриваются японо-советские отношения 1952–1955 гг. В результате анализа тех событий можно сделать вывод о том, что долгий переход к нормализации отношений между СССР и Японией был обусловлен неуступчивостью сторон, недоверием Токио в отношении Москвы, а также влиянием США на внешнюю политику Японии.

Ключевые слова: японо-советские отношения; СССР; Япония; переговоры о нормализации; мирный договор; спорные территории.

This article discusses Japanese-Soviet relations from 1952 to 1955. As a result of an analysis of those events, we can conclude that the long transition to normalization of relations between the USSR and Japan was due to the intransigence of the parties, Tokyo's mistrust of Moscow, and US influence on Japanese foreign policy.

Keywords: Japanese-Soviet relations; USSR; Japan; normalization negotiations; peace treaty; northern territories.

После окончания Войны на Тихом океане контакты между СССР и Японией не имели прямого канала. Советское представительство Союзного Совета было фактически изолировано от вмешательства в государственные дела Японии. Поэтому японо-советские отношения проходили в рамках советско-американских, а также через контакты между Советским Союзом и Коммунистической партией Японии. Сан-Францисская мирная конференция не урегулировала те противоречия, которые остались между Москвой и Токио, в частности прекращение состояния войны. Однако период, который начался после Сан-Францисского мирного договора, ознаменовал значительное изменение в отношениях, на которое повлияла смена руководства стран, а также желание самих стран нормализовать свои отношения. Таким образом, необходимо уточнение причин столь долгого перехода к урегулированию отношений, ведь события тех дней отразились на состоянии современных японо-российских отношениях. Источниковедческой базой для статьи служат документы министерств иностранных дел Японии и Советского Союза, а также правительства департамента США.

После заключения Сан-Францисского мирного договора со странами Запада и Китайской республикой (Тайвань) советско-японские отношения претерпели изменения. В частности, Советский Союз отказался подписывать новый договор из-за ряда его положений [1]. 30 мая 1952 г., через два дня после вступления в силу Сан-Францисского договора, японское

правительство довело до сведения представительства СССР в Японии, что в связи с отменой оккупационного режима и прекращением деятельности Союзного Совета, прекращает деятельность и его советское отделение. На это 11 июня 1952 г. СССР заявил, что не станет ликвидировать его [2, с. 8–9]. По факту, между Токио и Москвой больше не существовало официального представительства, а советский отдел Союзного совета перестал просто иметь официальный статус.

После заключения мирных договоров с демократическими странами и восстановления «независимости» своей страны премьер-министр Ёсида неоднократно намекал, что не намерен восстанавливать отношения с Советским Союзом. Было несколько причин, почему сложилась такая ситуация.

Первая из них – репатриация японских военнопленных и возвращение оккупированных территорий. После окончания войны союзники начали репатриацию японских солдат на родину, а Советский Союз же направил их в Сибирь, Внешнюю Монголию и Центральную Азию. Что касается территориального вопроса, то на тот момент японское правительство заявляло о том, что для нормализации отношений между странами важно возвращение в состав Японии островов Хабомаи и Сикотан, без требований Эторофу, Кунасири и Курильских островов [3, с. 100].

Второй причиной явилось отношение СССР к японо-американскому альянсу. Во время Сан-Францисской конференции Громыко не двусмысленно дал понять, что Советский Союз выступает против коалиции между США и Японией [3, с. 101].

Третья причина – страх японских политиков перед коммунистической угрозой. В правительстве считали, что при нормализации отношений с Москвой из СССР в Японию станут прибывать коммунисты [3, с. 103].

В 1953 г. советское руководство решило возобновить переговоры касательно перемирия и заключения мирного договора. Связано это было с выступлением в Верховном Совете председателя Совета министров СССР Маленкова 8 августа 1953 г. В его заявлении говорилось, что вопрос нормализации отношений между Москвой и Токио является актуальным, хоть его и мешает решить существующий формат японо-американского альянса. Маленков также заявил, что если Япония предпримет какие-либо шаги к обретению реальной независимости, то СССР ее поддержит [3, с. 105].

10 августа на пленарном заседании Верхней палаты парламента министр иностранных дел Окадаки Кацуо заявил, что если Советский Союз не примет Сан-Францисский мирный договор и договор безопасности между США и Японией, то японское правительство не намерено пересматривать свое отношение к мирному договору. Не изменилась позиция и после смерти И. Сталина. Более того, были приняты меры по оттягиванию информирования населения о заявлении Маленкова. В частности, в этом были заинтересованы и США, которые не желали увеличения советского влияния в Японии. К тому же японцы изменили свои позиции касательно

возвращения оккупированных территорий. Если раньше Япония требовала возвращения только островов Хабомаи и Сикотан, то теперь к этим требованиям они присоединили еще Курильские острова и Южный Сахалин. Такое изменение было связано с политикой США. В 1952 г. в Соединенных Штатах президентом стал Д. Эйзенхауэр. В своем первом ежегодном послании Конгрессу он заявил о намерении отменить «тайное понимания прошлого». Японским правительством это было понято как аннулирование Ялтинских секретных соглашений. В связи с этим, Ёсида 3 февраля 1953 г. перед Верхней палатой заявил о намерении вернуть Курилы и другие бывшие территории. 4 февраля министр иностранных дел Оказаки сделал заявление и выразил надежду на возвращение Курил и Южного Сахалина. Однако министерство иностранных дел Японии не разделяло такую позицию, заявив, что при аннулировании Ялтинской декларации Курилы и Южный Сахалин не будут возвращены, так как они были отторгнуты по Сан-Францисскому мирному договору.

В течение всего 1953 г. отношения между Японией и СССР так и не сдвинулись с места, несмотря на готовность Москвы начать переговоры. Причиной этому были высокие антикоммунистические настроения японского правительства, ужесточение территориального вопроса, а также призывы СССР к пересмотру Японией своих отношений с США.

За 1954 г. советское руководство предприняло ряд энергичных действий, направленных на попытки улучшить отношения с Японией. Связано это было с тем, что для Москвы начали возрастать угрозы касательно самих японо-советских отношений. Первая из них – перевооружение Японии. Проходило оно под присмотром США и должно было быть направлено на борьбу с подрывной деятельностью в стране. Более того, в марте 1954 г. было разработано соглашение о взаимной помощи между Японией и США, на основании которого было решено расширить Национальные силы самообороны и преобразовать их в Силы самообороны. Последние были созданы в июне 1954 г. путем утверждения закона о силах самообороны [3, с. 117]. Это привело к резкой критике советского правительства.

21 июля 1954 г. А. Я. Вышинский, бывший в то время первым заместителем министра иностранных дел СССР, заявил о том, что СССР желает развивать торговые отношения и культурные обмены с Японией, а также нормализовать отношения между Японией и Советским Союзом. Для достижения этих задач он имел и конкретные предложения. Вышинский сказал японской парламентской делегации, которая посетила Москву, что советское правительство стремится к восстановлению дипломатических отношений с Японией. Также им было предложено, чтобы японцы отправили экспертов по морским перевозкам для обсуждения вопроса о японских рыбаках. Кроме того, Вышинский сделал предложение о принятии японского торгового представительства в Москве для расширения советско-японской торговли [3, с. 103]. Это показало, что, в отличие от речи Ма-

ленкова в 1953 г., советские инициативы становятся все более позитивными и практическими.

Японский МИД отреагировал на предложение Вышинского очень спокойно. Он заявил 22 июля, что Советскому Союзу придется уточнить свою позицию по Сан-Францисскому мирному договору, если Москва хочет нормализовать отношения с Японией, которая не собиралась отходить от данного документа. Однако Вышинский понимал, что СССР никогда не примет этот договор или другое соглашение, основанное на нем. По существу, это было отклонение советского предложения.

13 сентября было раскрыто содержание ответа Молотова на вопросы редактора «Тюбу Ниппон Симбун» Судзуки Мицуру [2, с. 9]. В нем Молотов заявил, что Москва готова восстановить свои дипломатические отношения с Токио, если он желает того же. Однако для этого Японии необходимо было избавиться от главного мешающего фактора – японо-американского альянса. Это лишний раз показало, что на самом деле политика Советского Союза в отношении Японии практически не изменилась.

В ответ японский МИД заявил, что если мирный договор будет идентичен полностью либо по смыслу Сан-Францисскому договору, то японское правительство будет готово заключить его. Но здесь оставались еще две проблемы: репатриация военнопленных и территориальный вопрос. МИД заявил, что если СССР объявит о прекращении войны с Японией и задачи о нормализации будут достигнуты, то японская сторона согласится с нормализацией, но при условии соглашения Советского Союза немедленно начать переговоры по репатриации и территориям [3, с. 123]. Таким образом, Япония добавила еще один пункт по урегулированию отношений – декларацию о прекращении войны с Японией. Это также показывало и то, что японские намерения по данной проблеме стали более серьезными.

Попыткой повлиять на нормализацию японо-советских отношений стала совместная советско-китайская декларация, подписанная 11 октября 1954 г. [4, с. 223]. В частности, в ней осуждался контроль США над Японией, выражалась готовность нормализовать отношения с Токио, установить с ним политические и экономические отношения, помочь ему в стремлениях к независимой от США внешней политике [5, с. 14–15]. Реакция Японии осталась прежней. МИД заявил, что не видит никаких изменений в позиции этих стран. Такую позицию озвучивал и премьер-министр Ёсида во время своего визита по странам Западной Европы.

В это время в самой Японии положение Ёсиды стремительно ухудшалось из-за скандалов. Попытки решить их с помощью дипломатических достижений, закончились провалом. Более того, в правящей партии произошел раскол. Отделившиеся члены объединились с Прогрессивной партией и образовали Демократическую партию, которая внесла в парламент законопроект о вотуме недоверия правительству [6, с. 289]. В результате давления со стороны сопартийцев, Ёсида подал в отставку. Новым пре-

мьер-министром стал Хатояма Итиро, возглавлявший Демократическую партию.

10 декабря 1954 г. Хатояма, после первого заседания кабинета министров, на пресс-конференции объявил о своем намерении нормализовать отношения с СССР и КНР и расширить с ними торговлю [7, с. 192; 11]. На следующий день министр иностранных дел Сигэмицу Мамору сделал заявление, в котором описывалась внешнеполитическая стратегия нового кабинета. Согласно ей, Токио желал восстановить нормальные отношения между странами на основе взаимоприемлемых условий [3, с. 68]. Сделано это было в преддверии всеобщих выборов в парламент, поэтому данный шаг можно рассматривать как агитационную политику. Этот шаг должен был показать избирателям, что новый кабинет проявляет решительность в проведении своей независимой от США внешней политики. Похожего мнения придерживались и в самой правящей Демократической партии. Хотя, нельзя отрицать и тот факт, что для Хатоямы это было очень важное и серьезное решение, наравне с пересмотром конституции.

Советская сторона быстро отреагировала на заявление Сигэмицу. Согласно ответу Молотова, Москва была готова сделать практические шаги к переговорам о нормализации отношений [4, с. 223; 9, с. 284].

17 декабря было созвано заседание Кабинета министров Японии с целью обсуждения заявления Молотова. Выработать быстрый ответ японское правительство не смогло. Причиной тому были расхождения в понимании советского заявления.

Советский Союз пошел дальше, принимая более энергичные попытки. Так, 22 декабря было заявлено, что Японии не придется менять свои отношения с США [3, с. 144]. 27 декабря советское правительство поручило своей неофициальной миссии в Токио во главе с А. И. Домницким передать письмо в японский МИД с целью начала переговоров. Сигэмицу не желал идти на контакт по неофициальным связям и игнорировал предложения. В отличие от своего коллеги, Хатояма проявил интерес и дал согласие на встречу.

Первая встреча между Хатояма и Домницким состоялась 7 января. Согласно переданным письмам, СССР желал прекратить состояние войны между двумя странами посредством декларации, обменяться официальными документами, нормализующими советско-японские отношения, обменяться послами и после этого вести переговоры по вопросам, связанным с территориальным спором, торговлей, военными преступниками и вступлением Японии в ООН [3, с. 145; 9, с. 284].

25 января, на очередной встрече с Домницким, Хатояма получил новое письмо. Оно состояло из четырех частей. В первой говорилось, что Советский Союз ранее уже предлагал нормализовать отношения. Теперь, видя решимость нового кабинета, он предполагал, что пришло время начать обмен мнениями по нормализации, и предложил провести переговоры в Москве или Токио [7, с. 193].

Министр иностранных дел очень прохладно отнесся к данному письму, так как оно не было ни подписано, ни датировано. Сигэмицу в принципе очень осторожно относился к проблеме нормализации отношений. Так, после сообщения о получении Хатояма письма Домницкого, он созвонился с американским послом и обсудил советский подход [10].

Расстояние между премьер-министром и министром иностранных дел становилось все больше. Другие политики пытались всячески устранить такое расхождение. Примером может служить тот факт, что 29 января Хатояма посетили Нэмото Рютаро, занимавший пост генерального секретаря кабинета министров, и Сугихара Арата, заместитель председателя комитета исследований по политическим вопросам Демократической партии, и убеждали быть более сдержанным в высказываниях [3, с. 148]. Однако энтузиазм премьера был настолько велик, что все попытки коллег не оказывали никакого влияния.

4 февраля состоялось заседание кабинета министров, на котором обсуждался вопрос о нормализации отношений. Хатояма настаивал на том, что нужно вести переговоры с целью побудить СССР издать декларацию о прекращении войны между государствами, а политические и экономические вопросы должны решаться позже. Сигэмицу был не согласен с таким подходом. Он заявил, что декларация не имеет никакого юридического значения и что конкретные политические и экономические проблемы должны быть решены в первую очередь, а на их основе и дипломатические [6, с. 310]. По итогу заседания было выработано компромиссное решение. Одновременно были определены основные цели переговоров: получить советскую поддержку для вступления Японии в ООН; решить территориальную проблему; принять меры по торгово-экономическим вопросам, добиться скорейшей репатриации японских заключенных [3, с. 109].

На основании решения, которое было выработано на заседании правительства, в Токио были созданы разработки для более подробной и конкретной политики переговоров, воплощенной в Инструкции № 16 от 24 мая [11, с. 75]. Также сразу после заседания кабинета министров Сигэмицу направил Савада передать в Москву «вербальную ноту», в которой говорилось, что правительство Японии официально согласилось с советским предложением об обмене мнениями по вопросу о возможных шагах, направленных на нормализацию советско-японских отношений. Это стало первым реальным шагом к переговорам о нормализации.

8 февраля в своем выступлении в Верховном Совете министр иностранных дел Молотов рассказал о том, что с правительством Японии были налажены прямые контакты для переговоров, от которых ожидаются плодотворные результаты.

С февраля по конец апреля между советским и японским правительствами произошел обмен мнениями о месте переговоров. Японская сторона, в особенности Сигэмицу, сначала настаивали на Нью-Йорке, однако совет-

ская сторона отказалась, предложив при этом Москву или Токио. Запасным вариантом у японцев были Париж и Женева, а у Советского Союза – Женева и Лондон [3, с. 154]. Японская сторона начала склоняться в сторону Лондона.

20 апреля Министерство иностранных дел Великобритании согласилось с желанием Японии провести переговоры в Лондоне [3, с. 157]. 23 апреля Савада передал Соболеву Вербальную ноту и сообщил, что правительство Японии готово начать переговоры в начале июня в Лондоне. Через два дня Советский Союз согласился с предложением Японии начать переговоры 1 июня. От японской стороны полномочным представителем был назначен Мацумото, который был послом Японии в Великобритании, вышедшим незадолго до этого в отставку, а от советской – Якоб Малик, посол СССР в Великобритании и бывший посол СССР в Японии [11, с. 77].

Таким образом, спустя три года после подписания Сан-Францисского мирного договора, Япония все же решила начать переговоры с Советским Союзом о нормализации отношений. Причин для долгого перехода к переговорам можно выделить несколько. Во-первых, это продолжительная неуступчивость СССР и Японии касательно своих требований. Во-вторых, антикоммунистически настроенная правящая политическая элита Японии. В-третьих, влияние США на внешнюю политику Токио.

Список использованных источников

1. Из выступления первого заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на конференции в Сан-Франциско 5 сентября 1951 г. // Посольство Японии в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/san_francisco.html#2. – Дата доступа: 12.02.2020.
2. Тихвинский, С. Л. К истории восстановления послевоенных советско-японских отношений / С. Л. Тихвинский // Вопросы истории. – 1990. – № 9. – С. 3–28.
3. Tanaka, T. The Soviet-Japanese normalization talks in 1955-56: With special reference to the attitude of Britain.: PhD thesis / T. Tanaka. – London, 1990. – 435 p.
4. История внешней политики СССР, 1917–1985: в 2 т. / Академия наук СССР. Институт истории СССР; под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. – М.: Наука, 1986. – Т. 2. – М.: Наука, 1986. – 691 с.
5. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XVI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1954 года / Министерство иностранных дел СССР. – М.: Госполитиздат, 1957. – 608 с.
6. Молодяков, В. Э. История Японии, XX век / В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. – М.: Крафт+, 2007. – 526 с.
7. Маркарян, С. Б. Независимая дипломатия Хатояма Итиро / С. Б. Маркарян // Ежегодник Япония. – 2016. – № 45. – С. 181–207.
8. Telegram No. 837 The Ambassador in Japan (Allison) to the Department of State / Foreign Relations of the United States, 1952–1954, China and Japan, Volume XIV, Part 2 // The Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p2/d837>. – Date of access: 12.02.2020.
9. Кутаков, Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии / Л. Н. Кутаков. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1964. – 535 с.

10. Telegram From the Department of State to the Embassy in Japan State / Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Japan, Volume XXIII, Part 1 // The Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d8>. – Date of access: 12.02.2020.

11. Tanaka, T. The Soviet-Japanese Normalization in 1955-6 and US-Japanese Relations / T. Tanaka // Hitotsubashi journal of law and politics. – 1993. – № 21. – P. 65–93.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

Ю. И. Малевич, Э. Э. Румянцев

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Malevich, E. Ruhmiantsev

Belarus State University, Minsk

УДК 327(8)(091)

УСИЛИЯ КНР ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПОЯСА СТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ В XXI В.

CHINA'S EFFORTS FOR FORMING A STABILITY BELT IN AFGHANISTAN IN THE XXI CENTURY

В статье выявлена роль Китайской Народной Республики в формировании пояса стабильности вокруг Афганистана в текущем столетии; показана важность данного политического феномена для обеспечения безопасности на региональном и субрегиональном уровнях. Особое внимание уделено китайским усилиям обеспечения безопасности, принимаемым на международном уровне, включая СБ ООН.

Ключевые слова: КНР; Афганистан; региональная безопасность; Талибан; двусторонние отношения; СБ ООН.

The article reveals the role of the People's Republic of China in the formation of the stability belt around Afghanistan in the current century. The importance of this political phenomenon for ensuring security at the regional and subregional levels is also shown. Particular attention has been paid to China's international security efforts, including the UN Security Council.

Keywords: China; Afghanistan; regional security; Taliban; bilateral relations; UN Security Council.

После вывода советского военного контингента из Афганистана в 1989 г. афганский народ столкнулся с совокупностью различных проблем социального и экономического характера, а главное со сложной ситуацией в сфере безопасности и политики. События, которые происходили в Афганистане в течение 1990-х гг., во многом определили современное состояние внешней политики страны, отношение других стран к официальному Кабулу.

В 1996 г. к власти в Афганистане пришло движение «Талибан», которое характеризовалось приверженностью к таким экстремально религиозно-философским концепциям, как исламизм, панисламизм, ваххабизм. Стоит отметить, что первоначально «Талибан» было сравнительно небольшой по численности группой, которая образовалась в первой половине 1990-х гг.

на территории Пакистана. Благодаря тому, что группа получила широкую поддержку различных народностей, проживающих в Афганистане, в 1995 г. «Талибан» оброс сторонниками и смог подчинить южные провинции страны. По мнению российского востоковеда Р. Р. Сикоева, талибы в подавляющем большинстве являлись представителями маргинальных слоев населения, как Афганистана, так и Пакистана [1, с. 192].

В результате совокупность сложного социального положения, непростой ситуации в сфере безопасности, нестабильности политической власти, снижение заинтересованности великих держав к Афганистану, привело к тому, что вся территория страны оказалась подконтрольной движению «Талибан».

На протяжении 1990-х гг. ситуация вокруг «Талибан» постоянно усугублялась. Во-первых, реализация внешней политики движения отличалась агрессивностью, исламистскими тенденциями, призывами организовать войну в странах Центральной Азии, поддержкой событий в Чечне. Во-вторых, во внутренней политике, в Афганистане были отмечены серьезные концептуальные нарушения прав человека. В-третьих, экстремистские идеологические установки и агрессивные действия власти по отношению к иноверцам, привели к формированию на территории страны различных террористических групп, в том числе Аль-Каиды во главе с Усамой бен Ладеном.

Несомненно, указанные события вызывали серьезные опасения у мирового сообщества, в том числе и у КНР. Если бывшие советские среднеазиатские республики опасались дальнейшей эскалации ситуации, Россия выступала с предложениями о скорейшем критическом рассмотрении мировым сообществом ситуации в Афганистане, а страны запада критиковали внешнюю и внутреннюю политику Талибана, то на их фоне значительные отличия имела позиция КНР. У Китая, как и других государств Центральной Азии имелись серьезные основания полагать, что правящий режим в Афганистане несет реальную вооруженную угрозу субрегиональной и региональной безопасности. Однако, в отличие от позиции России и государств Центральной Азии, КНР стремился найти иной подход разрешения сложившейся ситуации [2, с. 117].

В 2000 г. между руководителем движения «Талибан» муллой Омаром и представителями МИД КНР в посольстве Китая в Исламабаде прошла встреча, во время которой афганский руководитель заверил своего оппонента в том, что Кабул не допустит использования своей территории для дестабилизации ситуации в приграничных районах КНР и Пакистана [3].

Как отмечал российский востоковед М. В. Казанин, еще с конца 1990-х гг. в рамках китайской дипломатической службы были сформированы специальные подразделения, целью которых было налаживание диалога с Афганистаном. Это делалось для того, чтобы сократить возможность распространения террористической угрозы со стороны официального руководства Афганистана и других групп, которые нашли убежище на ее территории [3].

Еще накануне террористических атак в США 11 сентября на заседании СБ ООН 30 июля 2001 г. был рассмотрен проект резолюции «Письмо Генерального секретаря от 21 мая 2001 г. на имя Председателя Совета Безопасности», пост которого занимал постоянный представитель КНР Ван Инфань. В основе проекта резолюции лежали рекомендации для мирового сообщества в отношении контроля за соблюдением эмбарго на поставки оружия, введенного против движения «Талибан» [4].

Несмотря на собственные попытки усилить международное влияние на Талибан, сформировать благоприятное окружение и выступить посредником между Талибаном и мировым сообществом в рамках сложившейся ситуации, КНР, осознавая всю ответственность ситуации, проголосовал за принятие проекта резолюции. Ситуация изменилась после событий 11 сентября, когда в нескольких точках Соединенных Штатов Аль-Каидой были совершены террористические акты. Американским спецслужбам было известно, что лидер Аль-Каиды У. Бен Ладен с 1990-х гг. постоянно находится на территории Афганистана и его деятельность не ограничивалась эстеблишментом.

После событий 11 сентября, в рамках экстренной деятельности СБ ООН было проведено заседание, на повестку дня которого легла тема «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые атаками терроризма». Постоянный представитель КНР при СБ ООН Ван Инфань выступил с заявлением, в котором отметил, что Пекин выступает в поддержку действий ООН «в деле активизации ее деятельности по предотвращению терроризма и борьбе с ним» [5].

По итогам заседания была принята Резолюция № 1368 (2001), которая призвала все государства предпринять совместные усилия для того, «чтобы предать правосудию исполнителей, организаторов и спонсоров террористических атак в США 11 сентября 2001 г.» [6].

В дальнейшем в стратегии действий и резолюций, предпринимаемых СБ ООН, учитывалось возможное вовлечение при осуществлении террористических атак Аль-Каидой ресурсов движения «Талибан», а именно покрывательство ответственных за совершение международных преступлений лиц. По этой причине 14 ноября 2001 г. была принята Резолюция № 1378 (2001), в которой признавался сложный характер в сфере политики и безопасности в Афганистане, осуждалась помощь Талибана в укрытии Усамы бен Ладена и «Аль-Каиды» [7].

Китай, как и другие члены СБ ООН, проголосовал за принятие резолюции, которая предусматривала гуманитарную поддержку афганскому народу, оказание помощи в социально-экономической реконструкции страны и ее восстановлении. Следующим этапом деятельности мирового сообщества в борьбе с террористической угрозой, исходившей от территории Афганистана, стало принятие в рамках СБ ООН Резолюции № 1386 (2001), которая санкционировала создание на период 6 месяцев «Международных сил содей-

ствия безопасности для оказания помощи афганскому Временному органу в обеспечении безопасности в Кабуле и прилегающих к нему районах» [8].

Начало операции Международных сил содействия безопасности (МССБ) стало новым этапом в истории Центральной Азии, что привело к появлению в регионе американской военной администрации. В последующий период отношения КНР и Афганистана определялись развитием внутренней ситуации в стране. Стоит отметить, что операция МССБ растянулась до 2014 г., характеризуясь переменным успехом группы международных сил. В первый год проведения операции (2002) ситуация характеризовалась спокойной обстановкой, в то время как с 2003–2005 гг. на территории Афганистана развернулась партизанская борьба различных групп, что традиционно приводило к росту потерь среди сил МССБ и американского военного контингента.

Усиление данных тенденций привело к тому, что у Пекина возникли опасения о возможном проникновении террористических групп с территории Афганистана на территорию КНР. При поддержке других участников ШОС КНР добился приглашения афганского президента Х. Карзая на саммит организации в Ташкенте в 2004 г. По итогам Саммита был подписан Протокол о создании Контактной группы ШОС-Афганистан [9].

Большое значение в развитии диалога Пекина и Кабула представлял вопрос участия Афганистана в специально созданной в рамках Шанхайской организации сотрудничества контактной группы ШОС-Афганистан. По итогам встречи глав государств-членов ШОС 5 июля 2005 г. была принята Декларация, по итогам которой «ШОС готова активно участвовать в международных усилиях по формированию вокруг Афганистана антинаркотических поясов, в разработке и осуществлении специальных программ по оказанию помощи Афганистану в целях стабилизации его социально-экономической и гуманитарной ситуации». Окончательное оформление группы было завершено во время саммита в Пекине 4 ноября 2005 г. Основной задачей данного направления являлась выработка рекомендаций и предложений по стабилизации афганской ситуации. Основными механизмами работы группы выступили консультативные встречи.

Стоит также отметить, что внутри ШОС сформировалось еще одно направление сотрудничества, которое представляло собой актуальную проблему современности – бесконтрольный рост объемов и регионов сбыта наркоторговли, сырьевым источником которой являлась территория Афганистана.

Как отмечено в Декларации о создании «Шанхайская организация сотрудничества придает приоритетное значение региональной безопасности и предпринимает все необходимые усилия для ее обеспечения». В целом, благодаря позиции КНР первоначально весомый приоритет в повестке дня заседаний различных ведомств ШОС занимали вопросы, связанные с ситуацией в Афганистане. Вопросы обеспечения безопасности в отношениях между странами продолжали оставаться на повестке дня афгано-китайского диалога на протяжении всего периода миссии МССБ, а также после выво-

да военного контингента. Вывод войск МССБ был проведен в соответствии с Резолюцией СБ ООН № 2189 (2014). После чего, афганские власти в полном объеме должны были взять на себя обязательство по обеспечению безопасности в стране с конца 2014 г.

После окончания деятельности международной Миссии, в соответствии с Резолюцией № 2189 ООН, в стране была развернута новая невоенная миссия «Решительная поддержка» «для обучения и консультирования национальных сил обороны и безопасности и оказания им помощи, оказание финансовой поддержки Афганским национальным силам обороны и безопасности и долгосрочное устойчивое партнерство НАТО с Афганистаном» [10].

В январе 2016 г. была учреждена Четырехсторонняя координация группа из представителей Афганистана, КНР, Пакистана и США. Целью деятельности группы стало облегчение ведения переговоров между афганским правительством и движением «Талибан». Несмотря на конструктивные попытки Четырехсторонней группы реализовать перемирие в стране, сформировать диалог, к 2018 г. вопрос не был окончательно решен, что осложнялось частыми террористическими актами в стране, а также убийством в Пакистане главы Талибана муллы Омара [11].

На политическом и дипломатическом уровнях Китай продолжал делать попытки играть ключевую посредническую роль в переговорном процессе между всеми враждующими политическими и военными силами Афганистана. В декабре 2017 г. в Пекине состоялась трехсторонняя встреча министров иностранных дел КНР, Пакистана, Афганистана 2017 г., на которой Исламабад и Кабул договорились проводить политику, направленную на улучшение двусторонних отношений.

Как отметил в своей статье американский журналист издания «The diplomat» К. Токтомушев, в 2018 г. стало известно о намерении КНР построить на территории Афганистана свою военную базу. По утверждению представителя Министерства обороны Афганистана, соглашение о строительстве базы было достигнуто в декабре 2017 г. в Пекине. В Китае по-прежнему преобладает опасение, что радикальные исламисты могут использовать Афганистан и Центральную Азию в качестве благодатной почвы для разжигания нестабильности в Синьцзяне, и эти опасения усилились в связи с растущим дискурсом о нарастании мусульманской радикализации в Центральной Азии [12].

Стоит отметить, что ситуация в Афганистане повлияла на трансформацию внешней политики КНР по вопросу антитеррористической деятельности. Свои усилия в данном направлении КНР целенаправленно сфокусировала на сотрудничестве в большей степени с Афганистаном, странами Центральной и Южной Азии.

Российский аналитик В. Платов отмечает, что основными механизмами деятельности КНР в сфере борьбы с террористической угрозой для сохранения региональной безопасности являются:

- увеличение расходов на обеспечение обороны и безопасности государств Центральной и Южной Азии;
- увеличение численного состава правоохранительных органов, спецслужб;
- проведение антитеррористических учений и тренировок [13].

Подобный подход Пекина обусловлен тем, что в среднесрочной перспективе активность ИГИЛ может распространиться на Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Принятый в Китае «Антитеррористический закон КНР» предусматривает, что в случае возникновения угрозы китайской национальности безопасности, Пекин может ввести войска на территорию сопредельных государств под предлогом всесторонней помощи по борьбе с терроризмом [13].

Таким образом, несмотря на то, что протяженность границы между странами составляет всего 76 км, вопрос безопасности и политической стабильности в Афганистане играет большое значение для Пекина. Проведенный анализ показывает, что КНР эффективно и без промедления реагирует на изменения афганской внутренней ситуации. Первопричиной данных действий КНР является желание не допустить проникновения террористических групп в СУАР с сопредельной афганской территории.

После начала военной операции МССБ Пекин стремился стать ключевым посредником для проведения между всеми политическими и военными силами Афганистана консультаций, в том числе с движением «Талибан». Также заслугой китайской дипломатии стало формирование группы внутри ШОС, в рамках которой страны Центральной Азии, КНР и Россия проводили дискуссии, консультации и вырабатывали рекомендации, позволяющие реально противостоять угрозам дестабилизации их внутренней ситуации со стороны экстремистских групп, базирующихся на территории Афганистана. Несмотря на то, что внутреннее положение в Афганистане продолжает оставаться напряженным, у афганского народа сформировалось благоприятное впечатление о китайской помощи, посредничестве и дипломатических усилиях по установлению стабильности в стране.

Список используемых источников

1. Сикоев, Р. Р. Талибы (религиозно-политический портрет) / Р. Р. Сикоев. – М.: Крафт+, 2004. – 256 с.
2. Афганистан: тупик и выход / KNEWS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knews.kg/2018/11/20/afghanistan-tupik-i-vyhod-the-nationpakistan/>. – Дата доступа: 16.03.2019.
3. Голобоков, А. С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая / А. С. Голобоков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2010. – № 3. – С. 117–124.
4. Платов, В. Китай усиливает свое влияние в Афганистане / В. Платов // Русская Евразия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusev.asia/kitajusilivaet-svoe-vliyanie-v-afganistane/>. – Дата доступа: 16.03.2019.
5. Предварительный отчет «Положение в Афганистане» / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.4352>. – Дата доступа: 16.03.2019.

6. Предварительный отчет «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые актами терроризма» / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.4370>. – Дата доступа: 16.03.2019.

7. Резолюция 1368 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4370-м заседании 11 сентября 2001 г. / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1368\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1368(2001)). – Дата доступа: 16.03.2019.

8. Резолюция, 1378 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4415-м заседании 14 ноября 2001 г. / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1378\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1378(2001)). – Дата доступа: 16.03.2019.

9. Резолюция № 1368 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4443-м заседании 20 декабря 2001 г. / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1386\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1386(2001)). – Дата доступа: 16.03.2019.

10. Резолюция 2189 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7338-м заседании 12 декабря 2014 года / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/691/63/PDF/N1469163.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 28.03.2019.

11. Сафронова, Е. И. К вопросу об оптимизации экономических отношений по линии «ШОС-Афганистан» / Е. И. Сафронова // Китай в международной и региональной политике. История и современность. – 2012. – № 17. – С. 280–293.

12. Toktomushev, K. China's military base in Afghanistan / K. Toktomushev // The diplomat [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/01/chinas-military-base-in-afghanistan/>. – Date of access: 04.04.2019.

13. Казанин, М. В. О контактах властей КНР и Движения «Талибан» / М. В. Казанин // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=26302>. – Дата доступа: 16.03.2019.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

А. І. Мастыка

Республіканські інститут вищої школи

A. I. Mastyka

National Institute for Higher Education

УДК 94(438+476)“19”

УНІВЕРСИТЕТ СТЕФАНА БАТОРИЯ У ВІЛЬНІ У СІСТЕМЕ ВИЩОЇШОЇ АДУКАЦІЇ МІЖВАЄННАЙ ПОЛЬШЧЫ

STEFAN BATORY UNIVERSITY IN VILNIUS AT A HIGHER EDUCATION SYSTEM IN INTERWAR POLAND

Артыкул прысвечаны ўзнікненню і развіццю Універсітэта Стэфана Баторія (УСБ) у Вільні ў міжваенны перыяд. Гісторыя УСБ прадстаўлена ў кантэксце станаўлення і разбурэння сістэмы вышэйшай адукацыі ў Польшчы ў 1920–1930-х гг. і тых сацыяльных і палітычных выклікаў, якія паўставалі перад польскай вышэйшай школай у гэты час. У артыкуле прадстаўлены асаблівасці УСБ як рэгіянальнага ўніверсітэта – адзі-

нага дзяржаўнага ВНУ на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваеннае дзесяцігоддзе, прадстаўлены некаторыя асаблівасці навучальнай дзейнасці ўніверсітэта, яго арыентацыя на традыцыі былога ВКЛ.

Ключавыя словы: Універсітэт Стэфана Баторыя; Вышэйшая адукацыя ў міжваеннай Польшчы; Вільня; Заходняя Беларусь.

The article is about the emergence and development of the Stefan Batory University (SBU) in Vilnius during the interwar period. The history of SBU is presented in the context of the establishment and development of higher education system in Poland in 1920–1930-ies in general and in the context of social and political challenges that stood before the Polish higher education at this time. The article presents the features of SBU as a regional university – the only one state university in the territory of Western Belarus in the interwar decade. Also presents some special features of educational activity University, focus on the traditions of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Stefan Batory University; Higher Education in the Second Polish Republic; Vilnius; Western Belarus.

Важныя змены ў сістэмы вышэйшай адукацыі на польскіх землях пачаліся яшчэ ў гады I Сусветнай вайны, калі пад нямецкай акупацыяй распачалася праца па ўтварэнню Варшаўскага ўніверсітэта і політэхнічнага ўніверсітэта з польскай мовай навучання. Далейшае станаўленне сістэмы вышэйшай школы адбывалася ўжо ў працэсе пабудовы незалежнай польскай дзяржавы [13, с. 16]. У снежні 1918 г. у Варшаве паўстаў камітэт адраджэння Віленскага ўніверсітэта, пры якім пачала сваю працу арганізацыйная камісія, якая займалася пытаннем адкрыцця ўніверсітэта. 28 жніўня 1919 г. Юзаф Пілсудскі падпісаў дэкрэт аб утварэнні вышэйшай навучальнай установы ў Вільні, а ўжо 11 кастрычніка адбылося ўрачыстае адкрыццё ўніверсітэта, які быў названы іменем Стэфана Баторыя [3, с. 18].

Утварэнню сістэмы ВНУ перашкаджалі падзеі савецка-польскай вайны. Напрыклад, у 1920 г. УСБ быў эвакуаваны з Вільні ў сувязі з наступам Чырвонай арміі. Але да пачатку наступнага навучальнага года ўніверсітэт вярнуўся ў горад. Ваенныя дзеянні таксама паўплывалі на стан ВНУ ў Львове, у выніку вайсковых разбурэнняў Сельскагаспадарчая акадэмія была ператворана ў асобны факультэт Львоўскага політэхнічнага ўніверсітэта.

Нягледзячы на ўсе цяжкасці за першыя тры гады існавання польскай дзяржавы пачало функцыянаваць 16 устаноў адукацыі, якія можна аднесці да ВНУ: 7 у Варшаве (Варшаўскі ўніверсітэт, Політэхнічны ўніверсітэт, Галоўная сельскагаспадарчая школа, Вольны польскі ўніверсітэт, Дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт, Дзяржаўны стаматалагічны інстытут і Вышэйшая гандлёвая школа), па тры ў Кракаве (Ягелонскі ўніверсітэт, Горная акадэмія і Акадэмія мастацтва) і Львове (Універсітэт Яна Казіміра, Політэхнічны ўніверсітэт і Акадэмія ветэрынарнай медыцыны), па адным ўніверсітэце ў Познані, Любліне і Вільні [2, с. 68].

Развіццё вышэйшай адукацыі вызначалася законам «Аб акадэмічных школах», прынятым 13 ліпеня 1920 г. На той момант закон з’яўляўся адным з найбольш ліберальных і прагрэсіўных у тагачасным сусветным

заканадаўстве і быў скіраваны на пабудову вышэйшай школы Польшы паводле гумбальдаўскай мадэлі ўніверсітэта (з шырокімі правамі аўтаноміі ад дзяржавы).

Да 1933 г. колькасць ВНУ павялічылася да 24, але толькі коштам утварэння прыватных вышэйшых школ. Далей да 1939 г. іх агульная колькасць не змянялася, пры гэтым ніводная ВНУ не была зачынена, як ніводная новая не ўзнікла. У 1932 г. у Вільні ўзнікае яшчэ адна ВНУ – Школа палітычных навук (ШПН) пры навукова-даследчым інстытуце Усходняй Еўропы. ШПН была прыватнай, складалася толькі з аднаго факультэта, агульная колькасць навучэнцаў штогод складала крыху больш за 100 чалавек. У ШПН працавала шмат выкладчыкаў і прафесараў з УСБ [4].

Павелічэнне колькасці ўніверсітэтаў і развіццё сістэмы вышэйшай адукацыі ў міжваеннай Польшчы суправаджалася і павелічэннем колькасці студэнтаў. Калі ў 1921 г. колькасць навучэнцаў складала 35 тыс. чалавек, то ў 1932/33 навучальным годзе гэта лічба павялічылася да 52 тыс. Гэты колькасны паказчык дэманструе значныя поспехі Польшчы ў развіцці сістэмы вышэйшай адукацыі, якая не саступае па гэтым паказчыку развітым еўрапейскім краінам [2, с. 71]. Але нягледзячы на рост агульнай лічбы студэнтаў, важнай праблемай быў нізкі адсотак тых, хто ў выніку закончыў навучанне. Гэта было звязана найперш з цяжкім матэрыяльным станам студэнтаў. Праблема неаднаразова разглядалася на ўзроўні Міністэрства адукацыі, праводзіліся адмысловыя канферэнцыі, рабіліся спробы памяншэння часу навучання ў ВНУ да мінімума і арганізацыі адмысловай дзяржаўнай інстытуцыі па крэдытаванню навучэнцаў. Але эканамічны крызіс і сацыяльна-палітычныя ўзрушэнні не дазвалялі дасягнуць станоўчых змен у гэтай сітуацыі.

У 1933–36 гг. назіраецца пэўны крызіс, што выявілася ў значным змяншэнні колькасці студэнтаў (з 51,1 да 42,2 тыс.). Пагаршэнне эканамічнай сітуацыі пасля 1931 г., а таксама выбух студэнцкіх хваляванняў выклікаў прыпыненне заняткаў у шэрагу ВНУ (найперш у Варшаве), што паўплывала на рашэнне тагачасных “санацыйных” уладаў¹ аб неабходнасці правядзення змен у сістэме вышэйшай школы. У выніку рэформ 1932–33 гг. паўстаў новы закон аб акадэмічных школах, які ў значнай ступені абмяжоўваў аўтаномію ўніверсітэтаў. Таксама паводле распараджэння ўрада былі павышаны аплаты, звязаныя з навучаннем у ВНУ² [5]. Гэта, безумоўна, паўплывала на змяншэнне колькасці навучэнцаў. Другім фактарам, які ўздзейнічаў на гэтую сітуацыю, было ўзмацненне польскага нацыяналізму і антысемітызму

¹ Санацыя – назва палітычнага руху, які ўзнік у сувязі з абвешчэннем Ю. Пілсудскім лозунгу «маральнай санацыі» грамадскага жыцця ў Польшчы падчас майскага перавароту 1926 г.

² У дзяржаўных ВНУ навучанне паводле канстытуцыі не магло быць платным, але існаваў шэраг абавязковых платных паслуг, напрыклад, аплата экзаменаў і карыстання бібліятэкай і т. п.

сярод студэнтаў, і, як вынік, увядзенне адміністрацый ВНУ механізмаў, якія абмяжоўвалі доступ да ўніверсітэта яўрэйскай моладзі¹ [6, с. 19].

Нягледзячы на вялікую колькасць прыватных ВНУ (11 з 24-х) у міжваеннай Польшчы, асноўнае значэнне ў вышэйшай адукацыі прыпадала на дзяржаўныя ўніверсітэты, удзел якіх складалаў 80–90 %. Дамінуючую пазіцыю ў структуры ВНУ займала Варшава, працэнтная доля навучэнцаў універсітэтаў сталіцы напрацягу міжваеннага 20-цігоддзя складала 37–47 % (15–20 тыс. чал.). УСБ у Вільні ж быў адным з малаколькасных ВНУ – 5–8 % ад агульнай лічбы студэнтаў тагачаснай Польшчы [2, с. 76].

Істотным аспектам у дзейнасці УСБ быў яго рэгіянальны характар і скіраванасць на падрыхтоўку адукаваных кадраў для так званых «крэсаў усходніх». З прычыны адсутнасці ў гэтым краі вышэйшай школы на працягу амаль 80-ці год перад УСБ ставілася важная задача як па стварэнні адукацыйнага цэнтру, так і фармаванню адпаведнага прафесарска-выкладчыцкага асяродку і акадэмічнай супольнасці. Паводле ўніверсітэцкай статыстыкі, якая адлюстроўвае паходжанне студэнтаў па месцу нараджэння, пераважная большасць навучэнцаў паходзіла з тэрыторый Заходняй Беларусі, пры гэтым значная частка з самой Вільні [10, с. 65].

Выкладчыцкія кадры напачатку існавання УСБ складаліся ў большасці з асоб, якія прыежджалі з іншых рэгіёнаў Польшчы ці тых з мясцовых, хто ў свой час выехаў з краю і рабіў акадэмічную кар’еру ва ўніверсітэцкіх гарадах Расійскай імперыі або на той тэрыторыі Польшчы, якая ўваходзіла тады ў склад Аўстра-Венгрыі. Паводле дадзеных на канец 20-х гг. 1/3 выкладчыкаў нарадзілася на тэрыторыі Царства Польскага, 1/4 – на землях былога ВКЛ, 1/6 паходзіла з Галіцыі, астатнія – пераважна з Расіі. Але з 30-х гг. універсітэт усё часцей пачаў прымаць на працу сваіх выпускнікоў, а таксама тых, хто скончыў іншыя ўніверсітэты, але паходзіў з гэтага рэгіёну [11, с. 99–100].

Шматэтнічная структура студэнцкага складу таксама надавала пэўныя асаблівасці УСБ. Паводле статыстычных дадзеных, самай вялікай этнічнай групай пасля палякаў ва УСБ была яўрэйская, колькасць склад якой дынамічна ўзрастаў да 1933 г. (амаль 30 %). Пасля сацыяльна-палітычных узрушэнняў, адзначаных вышэй, лічба студэнтаў-яўрэяў пачала змяншацца. На працягу ўсяго існавання УСБ расла колькасць прадстаўнікоў іншых нацыянальных меншасцяў – беларусаў, рускіх і літоўцаў. У канцы 1930-х гэта група разам складала каля 12 %. Беларусы паводле нацыянальнасці складалі ў сярэднім каля 3 % ад колькасці навучэнцаў [10, с. 63]. Але рэальная колькасць студэнтаў, якія мелі этнічна беларускае паходжанне, была верагодна большай. Па меркаваннях меркаваннях многія пазначалі сваю нацыянальную прыналежнасць як палякі, бо гэта давала пэўныя матэрыяльныя і сацыяльныя выгоды, асабліва гэта датычыцца студэнтаў каталіцкага вера-

¹ Так званы «numerous clauses» – усталёўванне квот, якія абмяжоўвалі набор студэнтаў яўрэйскага паходжання на пэўныя факультэты.

вызнання. Пры гэтым колькасць студэнтаў-палякаў да канца 30-х гг. складала толькі крыху больш за 60 %, што вылучала ўніверсітэт сярод іншых ВНУ Польшчы, падобная сітуацыя была толькі ў Львоўскім універсітэце.

Калі казаць пра канфесійную прыналежнасць студэнтаў, то большасць складалі каталікі (60–70 %), другой па колькасці групай былі іўдзеі, трэцюю складалі праваслаўныя па веравызнанні і да канца 30-х гг. іх адсотак узрос да 7 % [10, с. 64].

Спецыфіка этна-культурнага пагранічча, у якім існаваў УСБ, накладвала свой адбітак на навучальны працэс і на даследчую дзейнасць універсітэта. Ад самага адкрыцця ўніверсітэту выказваліся думкі пра неабходнасць выкладання на нацыянальных мовах і іх вывучэння. Калі казаць пра беларускі прыклад, то ўпершыню моўныя курсы былі адкрыты практычна адразу пасля стварэння ўніверсітэта ў 1920/21 н. г., пад кіраўніцтвам прафесара Мар'яна Масоніўса, але праіснавалі толькі год. У далейшым паўнаважасны лектарат беларускай мовы быў заснаваны ў 1930/31 н. г., менавіта тады для выкладання і даследаванняў у галіне беларускай філалогіі ва ўніверсітэт быў прыняты доктар філалогіі Ян Станкевіч [9, с. 91]. Па тэме беларускай народнай культуры лекцыі праводзіла прафесар Цэзарыя Эрэнкройц, вядомая сваімі этналагічнымі даследаваннямі беларусаў і балцкіх народаў [8, с. 249].

Асабліва актыўна рэгіянальныя даследаванні праводзіліся ў галіне гуманітарных навук, у адукацыйныя праграмы ўводзіліся адпаведныя курсы. Так, дысцыпліны па вывучэнні гісторыі і краязнаўству рэгіёна былі ўведзены ў першыя ж гады працы ўніверсітэта, найперш акцэнт рабіўся на вывучэнне гісторыі ВКЛ. З 1919/20 н. г. на гуманітарным факультэце чытаўся прадмет «Гісторыя Віленскага ўніверсітэта», а таксама «Агляд гісторыі Літвы і Беларусі», на факультэце права і грамадскіх навук абавязковай дысцыплінай была «Гісторыя дзяржавы Польшчы і Літвы» [7]. У наступныя гады курс лекцый па гісторыі дзяржаўнага і прававога ладу ВКЛ у абавязковым парадку чытаўся студэнтам гісторыкам і факультэта права. У 1933 г. пры факультэце права створана адмысловае аддзяленне Гісторыі Літоўскага права. Паводле статуту гэта даследчае аддзяленне павінна было займацца вывучэннем гісторыі палітычнага ладу і судовага права ВКЛ у перыяд да падзелу Рэчы Паспалітай. Яго кіраўніком быў прафесар Стэфан Эрэнкройц, супрацоўнікамі гэтага навуковага цэнтра былі Севярын Віславух, Генрык Лаўмяньскі, Станіслаў Заянчкоўскі. У далейшым яны сталі вядомымі як прадстаўнікі Віленскай школы гісторыі права ВКЛ. Паслядоўнікам дадзенай школы ў паваненны перыяд быў, напрыклад, вядомы выпускнік УСБ Юліуш Бардах [1, с. 152–155].

У галіне вывучэння этналогіі вялікае значэнне меў этнаграфічны музей народнай культуры Паўночна-Усходняга краю пры УСБ, дзе большасць экспанатаў прадстаўлялі этнаграфію Заходняй Беларусі. Пры музеі існаваў свой даследчы цэнтр, заснавальнікам якога была Ц. Эрэнкройц,

чыя даследчая і экспедыцыйная праца была накіравана на вывучэнні пераважна беларускіх земляў, а таксама літоўскіх этнаграфічных анклаваў, якія ўваходзілі на той момант у склад рэгіёна [12, с. 138]. Філалагічныя даследаванні ўсходнеславянскіх моў і дыялектаў праводзіліся на адпаведным аддзяленні гуманітарнага факультэта. У сферы беларускага мовазнаўства даследаваннямі займаўся ўжо згаданы доктар Я. Станкевіч. З 1938/39 г. ім была распрацавана і выкладалася дысцыпліна «Гісторыя беларускай літаратуры». Падчас сваёй дзейнасці ва УСБ Я. Станкевіч падрыхтаваў некалькі навуковых прац, прысвечаных гісторыі беларускай мовы, а таксама ён займаўся даследаваннем заходне-беларускіх дыялектаў. У 1936 г. пасля абароны доктарскай дысертацыі ў галіне філалогіі быў прыняты на працу ў кірунку параўнальнай славянскай філалогіі Станіславаў Станкевіч [14, с. 175].

Падсумоўваючы мы можам казаць, што УСБ быў уключаны ў працэс развіцця вышэйшай адукацыі міжваеннай Польшчы і ў сваёй дзейнасці сутыкаўся з тымі агульнымі праблемамі і выклікамі, якія паўставалі перад вышэйшай школай у гэтай дзяржаве. Але адначасова меў свае ўласныя асаблівасці такія, як яркая выяўлены рэгіянальны статус, шматэтнічны і мультыкультурны кантэкст існавання, паступовая карэнізацыя выкладчыцкіх кадраў і арыентацыя на рэгіянальныя даследаванні, прынамсі, у гуманітарных дысцыплінах.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Любы, А. Ул. Традыцыі вывучэння Вялікага Княства Літоўскага ў Віленскім універсітэце імя Стэфана Баторыя і гістарыяграфія другой паловы XX ст. / А. Ул. Любы // Библиографическое описание источника: Традиции университета: от Франциска Скорины до современности: сб. материалов Междунар. науч. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. / БГУ. – Минск, 2017. – С. 150–157.
2. Bajerski, A. Szkolnictwo wyższe międzywojennej Polski. Ujęcie geograficzne / A. Bajerski. – Poznań, 2016. – 199 s.
3. Gawrońska-Garstka, M. Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie. Uczelnia ziem północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (1919–1939) w świetle źródeł / M. Gawrońska-Garstka. – Poznań, 2016. – 370 s.
4. Ilgiewicz, H. Szkoła Nauk Politycznych przy Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) / H. Ilgiewicz // Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy. – 2014. – T. 13/14. – S. 30–47.
5. Jastrzębski, J. Reforma jędrzejewicza w państwowym szkolnictwie akademickim II Rzeczypospolitej. Wzmocnienie prerogatyw władz państwowych / J. Jastrzębski // Zeszyty naukowe uniwersytetu jagiellońskiego. Prace Historyczne. – 2011. – Z. 138. – S. 159–176.
6. Natkowska, M. Numerus clausus, getto ławkowe, numerus nullus, «paragraf aryjski». Antysemityzm na Uniwersytecie Warszawskim 1931–39 / M. Natkowska. – Warszawa, 1999. – 188 s.
7. Program wykładów i skład uniwersytetu w półroczu zimowym roku akademickiego 1919/20. – Wilno, 1919.
8. Sławińska, I. Uniwersytet Stefana Batorego wszechcna otwarta i europejska / I. Sławińska // Z dziejów Almae Matris Vilnensis. Księga pamiątkowa ku czci 400 lecia założenia i 75 lecia wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego. – Kraków, 1996. – S. 247–255.

9. *Srebrakowski, A.* Białoruś i Białorusini na Uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie / *A. Srebrakowski // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* – 2011. – № 2(10). – S. 79–94.

10. *Srebrakowski, A.* Studenci Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie w świetle danych statystycznych / *A. Srebrakowski // Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia.* – 2002. – Nr 155. – S. 55–67.

11. *Srebrakowski, A.* Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie 1919–1939 / *A. Srebrakowski // Wrocław na litewskie millenium. Materiały z uroczystej konferencji z okazji 1000-lecia udokumentowania nazwy Litwa.* Pod red. A. Srebrakowskiego i G. Straucholda. – Wrocław: GAJT, 2010. – S. 81–109.

12. *Z dziejów Almae Matris Vilnensis. Księge pamiątkowa ku czci 400 lecia założenia i 75 lecia wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego.* – Kraków, 1996. – 184 s.

13. *Zamojska, D.* Akademicy i urzędnicy. Kształtowanie ustroju państwowych szkół wyższych w Polsce 1915–1920 / *D. Zamojska.* – Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2009. – 296 s.

14. *Zienkiewicz, T.* Białorusini na Uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie: (rekonesans) / *T. Zienkiewicz // Acta Polono-Ruthenica.* – T. 9. – 2004. – S. 173–183.

(Дата падачы: 12.02.2020 г.)

Ю. В. Маханько

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Makhanko

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(410):930=811.111«19/20»

ГРНТИ 03.91 03.01.09

ЭНЕРГОЦЕНТРИЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ENERGY-CENTRIC VIEW ON THE BRITISH INDUSTRIAL REVOLUTION IN THE ENGLISH-SPEAKING HISTORIOGRAPHY

В статье выделяются исследования Промышленной революции в Великобритании Б. Томаса, Р. Аллена и Э. Ригли как отдельное направление в современной англоязычной историографии по данной теме. Критерием объединения этих исследований выступил акцент на переходе к энергии каменного угля как основной черты Промышленной революции. Сделано предположение о причине появления этого направления и его вкладе в развитие англоязычной историографии Промышленной революции в Великобритании.

Ключевые слова: промышленная революция; история Великобритании; англоязычная историография; экономическая история; энергия угля.

Studies on the British industrial revolution by B. Thomas, R. Allen and A. Wrigley have been singled out as a separate view on the topic. Focus on the transition to the coal energy as a main

Industrial revolution feature was a grouping criterion for this view. Suggestion of the reason of appearance of this view and its contribution to the British Industrial revolution English-speaking historiography development has been made.

Keywords: industrial revolution; British history; English-speaking historiography; economic history; coal energy.

В современной англоязычной историографии выделяется новое направление в исследовании Промышленной революции в Великобритании. Оно отходит от классических для историографии тем, концентрируя внимание на применении энергии в экономике и переходе к полноценному использованию ископаемого топлива, что связано с определенным кризисом классической историографии на фоне исследований ученых так называемого «ревизионистского» направления. Выделение этих исследований в отдельное направление представляется целесообразным, так как они включают в себя специфический подход к определению Промышленной революции в Великобритании, а их результаты контрастируют с выводами других современных исследователей. Данная статья посвящена истории появления этого направления и его основным чертам.

Осознание эпохальности изменений в британской экономике характерно как для отдельных современников Промышленной революции, так и для тех, кто в последствии подходил к исследованию экономической истории Нового времени. Уже в 1836 году английский статистик Джон Ричардсон Портер (1792–1852) писал о «прогессе всей социальной системы во всех ее отраслях» [1, р. 2], в том числе в индустриализации. А основатель историографии Промышленной революции в Великобритании Арнольд Тойнби-старший (1852–1883) констатировал наличие «промышленного и аграрного переворота в конце XVIII и начале XIX века» [2, с. 1]. К середине XX века была сформирована классическая концепция Промышленной революции в Великобритании. Несмотря на ряд разночтений, связанных с различными подходами к исследованию, сложилось общее представление о Промышленной революции в Великобритании как о резких и синхронных качественных изменениях, «не только производственных, но также социальных и интеллектуальных» [3, р. 2]. Все это позволило исследователю австрийского происхождения Рональду Хартуэллу (1921–2009) говорить о Промышленной революции как о «великом разрыве» с доиндустриальной логикой развития [4, р. 3]. Общей чертой данного направления стало отождествление Промышленной революции и беспрецедентного роста экономики, что основывалось на статистике роста отдельных отраслей.

Вместе с тем, ряд исследователей, основываясь на новой методологии подсчета экономического роста, а также на новом взгляде на экономическую трансформацию на протяжении всего раннего Нового времени, заявили на рубеже 1970-х и 1980-х годов о переоцененности роли Промышленной революции в историографии. В литературе это направление получило название «ревизионистский взгляд на Промышленную революцию», а его

основателями считаются британец Николас Крафтс (род. в 1949) и американец Ник Харли (род. в 1943) [5, р. 10]. На основании своих подсчетов они сделали вывод о том, что «рост общей факторной производительности (ОФП) был довольно низок в десятилетия, следовавшие за группой крупных изобретений (паровой двигатель, прядильная машина, пудлингование и пр.) ... и значительно ниже в начале девятнадцатого века, чем принято было считать» [6, р. 3]. Кроме того, они писали об особой роли «модернизированных секторов» (хлопковый, шерстяной, черная металлургия, каналостроение, кораблестроение и железнодорожный), которые «давали 0,46 из 0,78 процента в год прироста производительности труда» [6, р. 16], что означает большую статичность остальной экономики. Исследования Н. Крафтса и Н. Харли были позитивно восприняты рядом ученых и поставили под сомнение классическое представление о Промышленной революции в Великобритании. В результате британским исследовательницам Максин Берг (род. в 1950) и Пэт Хадсон (род. в 1948) в 1992 году пришлось даже использовать фразу «реабилитация Промышленной революции» как заглавие своей статьи [7].

В стремлении вернуть доверие к представлению о Промышленной революции как о бесповоротном системном изменении британской экономики, ряд исследователей приступили к выявлению качественного изменения, оправдывающего само слово «революция». Одним из таких изменений выступила растущая роль энергии, в том числе из ископаемых источников. В 1990 году американская исследовательница Долорес Гринберг (1940–2009) опубликовала статью «Энергия, сила и восприятие социальных изменений в начале девятнадцатого века», где сконцентрировалась на оценке современниками Промышленной революции в Великобритании и США роли «физической силы» в экономическом развитии. Она сделала вывод, что «еще в 1830-е годы на обоих берегах Атлантического океана ученые, промышленники, механики, литераторы, политические эконоы и лидеры рабочего движения рассматривали социальные отношения в связи с энергетическими системами», а «физическая сила ... стала организационным принципом, связывающим разделение труда и влияние механизации с более важными вопросами труда, богатства и производства» [8, р. 714]. Вместе с тем, в отличие от тех исследователей, о которых пойдет речь ниже, Д. Гринберг была убеждена в том, что «до 1850 скорее рост производства, а не рост применения пара, был основным показателем Промышленной революции», которая в большей степени опиралась на традиционные источники энергии [9, р. 1261].

Важной вехой в этом формировании энергоцентричного направления стал сборник «Промышленная революция и атлантическая экономика» 1993 г. британского исследователя Бринли Томаса (1906–1994), который исходил из неприятия представления Промышленной революции «как будничного процесса постепенных перемен, без всякой «революционности», имевшего место в работах ревизионистов [10, р. xv]. Исследуя английские

рынки дерева и железа, он делает следующий вывод: «статистические сведения не оставляют сомнений в том, что в Великобритании XVII века был топливный и энергетический кризис», который заключался в отсутствии необходимых запасов древесины и необходимостью ее импорта [10, р. 13]. Б. Томас связывает разрешение этого кризиса с событиями Промышленной революции, когда «эпохальные инновации Джеймса Уатта и Генри Корта положили конец эре древесного угля и возвестили эру технологий, основанных на каменном угле» [10, р. 24]. В своей работе он очертил контуры нового направления в историографии Промышленной революции, отойдя от классического представления о ней как о процессе механизации производства и в определенном смысле поставив знак равенства между Промышленной революцией и началом «эры ископаемого топлива» [10, р. 78].

В весьма схожем ключе представлял себе Промышленную революцию и британский исследователь Эдвард Энтони Ригли (род. в 1931) в своей работе «Энергия и Английская промышленная революция» 2010 г. Проблемами использования каменного угля он занимался на протяжении всей своей научной карьеры. К примеру, в 1961 году он издал труд «Промышленный рост и изменение численности населения, исследование угледобывающих областей северо-западной Европы в позднем девятнадцатом веке» [11]. Основываясь на идеях английского экономиста Томаса Мальтуса (1766–1834), он подтверждает при помощи статистических данных наличие «ограничений органической экономики» [12, р. 239], сдерживающих рост экономики и населения. В таком случае переход к «минеральной экономике», основанной на ископаемом топливе и значительно расширяющей пределы роста, выглядит очевидным и даже детерминированным процессом. Важной частью работы Э. Ригли стало сравнение английской экономики с ее конкурентами, в первую очередь нидерландской, также близко подошедшей к пределам роста с использованием лишь органических источников энергии. Здесь он опирается на работу нидерландских исследователей Яна де Фриза (род. в 1943) и Ад ван дер Вауде (род. в 1932) «Первая современная экономика». В Нидерландах раннего Нового времени также наблюдается рост использования ископаемого топлива, местного торфа и импортного угля, однако паровой двигатель «оставался явно редким явлением в промышленном секторе, где высокая стоимость производства не могла быть сведена на нет одним лишь применением парового двигателя», благодаря чему они уступили первенство в индустриализации Великобритании [13, р. 720]. Таким образом, Э. Ригли наглядно показал, как посредством применения угля Промышленная революция затронула большую часть британской экономики, расширив рамки исследования революции далеко за пределы классического нарратива о появлении современной промышленности.

Немного иным образом подошел к исследованию Промышленной революции в Великобритании американский исследователь Роберт Аллен (род. в 1947). Уже в самом начале своей книги «Глобальная экономическая

история. Очень краткое введение» 2011 года он ставит проблему того, что Промышленная революция зародилась в Англии, а не любой другой стране мира [14, с. 9]. Исходя из этого, в своей работе «Британская Промышленная революция в глобальной картине мира» 2011 года он предлагает концепцию «экономики высоких зарплат», в которой самая высокая в мире стоимость труда сделала целесообразными инвестиции в основной капитал и новые источники энергии, стимулируя «изобретение механизированных технологий на основе каменного угля» [15, с. 57–58]. Не менее важным в процессе индустриализации, по мнению Р. Аллена, было наличие запасов каменного угля и низкой стоимости его транспортировки, а значит низкой стоимости энергии, что приводит его к следующему выводу: «Великобритания была первой, потому что у нее был каменный уголь – природный факт, а не исторический артефакт» [15, с. 135]. Таким образом, Р. Аллен делает предположение, что использование парового двигателя (а именно это является ядром понимания Промышленной революции автором) стало закономерным следствием сложившегося в Великобритании спроса и предложения на технологии, экономящие труд за счет энергии угля. Данная концепция связывает традиционную историю технологических инноваций и последующего экономического роста с переходом к ископаемым источникам энергии, оставляя за скобками институциональные преимущества Великобритании, на которые опирались представители классической историографии Промышленной революции в Великобритании.

В первую очередь следует отметить, что выводы и само понимание Промышленной революции авторами энергоцентричного направления исходят из перспективы истории экономики вплоть до наших дней, а не только эпохи Промышленной революции, второй половины XVIII – первой половины XIX в. Несомненно, переход к использованию каменного угля и, что самое главное, связанный с ним экономический рост не проявили себя в полной мере за это время. Однако именно в это время, по мнению представителей данного направления, ведущие экономики мира сталкиваются с высокой стоимостью сырья и продовольствия, угрожающей Мальтузианским кризисом и определяющей пределы роста экономики, основанной на органических источниках энергии.

Это подводит нас к еще одной черте этого направления, которая определяется детерминированностью перехода к экономике ископаемого топлива в концепциях исследователей. Промышленная революция в Великобритании представляется результатом деятельности экономических и природных обстоятельств, а не отдельных людей, технологического прогресса как такового или общественных институтов. В действительности, Роберт Аллен приводит наиболее убедительное (в силу однозначности трактовок и подтвержденности фактами) в историографии объяснение спроса на технологии в Великобритании. Вместе с тем, концепции энергоцентричного направления не дают исчерпывающего ответа, почему этот спрос

был удовлетворен. Тот же Р. Аллен в этом вопросе вынужден обращаться к теории «Просвещенной экономики» исследователя нидерландского происхождения Джоэля Мокира (род. в 1946), оперирующей как раз культурными и институциональными факторами. К слову, Дж. Мокир убежденно заявлял о том, что «энергия пара не была абсолютно необходима для Промышленной революции» [16, р. 112], что в очередной раз говорит о сложности Промышленной революции и противоречивости любых концепций, анализирующей ее.

Дополнительную актуальность данному направлению придает современная дискуссия о роли ископаемого топлива и связанной с его использованием экологического кризиса. Неспроста работе Э. Ригли посвящена значительная часть статьи исследовательницы итальянского происхождения Стефании Барки (род. в 1968) «Энергия, собственность и нарратив промышленной революции», в которой исследуется историография Промышленной революции в контексте современной экологической повестки. В ней критикуется излишне «прогрессивное видение Э. Ригли взаимоотношений энергии и общества, ... где минеральная энергия и институты частной собственности последовательно связываются между собой как основы капитализма» [17, р. 1310]. На противопоставлении энергоцентричного подхода (Э. Ригли и Р. Аллен) и интеллектуального (Дж. Мокир) строит свою статью «Промышленная революция и антропоцен» современный американский исследователь Фредерик Юнсон, где данная дискуссия представлена в контексте современной зависимости от ископаемого топлива и технологического прогресса, способного ее устранить [18, р. 695–696]. Актуализирует данные исследования и работа «Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности» автора британского происхождения Изна Морриса (род. в 1960). В ней он приводит следующий тезис: «на протяжении последних 20 тыс. лет можно выделить три сменявшие друг друга системы человеческих ценностей. Каждая из них связана с конкретной формой организации общества, а те, в свою очередь, с конкретной формой диктуются способами извлечения энергии из окружающего нас мира» [19, с. 30]. Промышленная революция в этой концепции выступает в качестве перехода к «ценностям потребителей ископаемого топлива», которые «как правило, ... ставят большинство видов равенства выше иерархии и крайне нетерпимы к насилию» [19, с. 31]. То есть Промышленная революция представляется причиной распространения таких ценностей, как демократия, эгалитаризм и пацифизм.

Несмотря на то, что энергоцентричное направление уже значительно обогатило англоязычную историографию Промышленной революции в Великобритании, его перспективы выглядят весьма обещающими. Это направление предлагает критерий, на основе которого определяется вклад Промышленной революции в развитие человечества и четко разделяющий его прошлое на эры «органической» и «ископаемой» энергии, что в свою

очередь дает нам представление, как об истории, так и о настоящем и перспективах экономического развития, с которыми невозможно не согласиться. Несомненным преимуществом этого направления является тот факт, что данные исследования основаны на клиометрическом исследовании статистических данных, что говорит об объективности сделанных выводов. Кроме того, данный подход к исследованию Промышленной революции в Великобритании позволяет избежать участия в напряженной дискуссии о темпах роста британской экономики во второй половине XVIII – начале XIX в., не отказываясь при этом от утверждения о революционности преобразований данной эпохи. В целом, энергоцентричное направление является важным этапом в развитии англоязычной историографии Промышленной революции в Великобритании, но результаты данных исследований необходимо теснее интегрировать с наработками предшествующих и последующих исследователей.

Список использованных источников

1. Porter, G. R. The Progress of the Nation / G. R. Porter. – London: Charles Knight&Co., 1836. – 350 p.
2. Тойнби, А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии / пред. А. И. Чупрова. – М.: Либроком, 2011. – 348 с.
3. Ashton, T. S. The Industrial Revolution: 1760–1830 / T. S. Ashton. – London: Oxford University Press, 1948. – 175 p.
4. Hartwell, R. M. The Industrial Revolution and the Economic Growth / R. M. Hartwell. – London: Methuen&Co, 1971. – 423 p.
5. Mokyr, J. The British Industrial Revolution: An Economic Perspective / J. Mokyr. – Oxford: Westview Press, 1999. – 366 p.
6. Crafts, N. F. R. Productivity Growth in the Industrial Revolution: A New Growth Accounting Perspective [Electronic resource] / N. F. R. Crafts // www.frbsf.org. – Mode of access: <https://www.frbsf.org/economic-research/files/crafts.pdf>. – Date of access: 25.03.2019.
7. Berg, M. Hudson, P. Rehabilitating the Industrial Revolution / M. Berg // The Economic History Review. – 1992. – Vol. 45. – P. 24–50.
8. Greenberg, D. Energy, Power, and Perceptions of Social Change in the Early Nineteenth Century / D. Greenberg // The American Historical Review. – 1990. – Vol. 95. – P. 693–714.
9. Greenberg, D. Reassessing the Power Patterns of the Industrial Revolution: An Anglo-American Comparison / D. Greenberg // The American Historical Review. – 1982. – Vol. 87. – P. 1237–1261.
10. Thomas, B. The Industrial Revolution and the Atlantic Economy: Selected Essays / B. Thomas. – London: Routledge, 1993. – 260 p.
11. Wrigley, E. A. Energy and the English Industrial Revolution / E. A. Wrigley. – Cambridge: Cambridge University press, 2010. – 274 p.
12. Wrigley, E. A. Industrial growth and population change; a regional study of the coalfield areas of north-west Europe in the later nineteenth century / E. A. Wrigley. – Cambridge: Cambridge University Press, 1961. – 193 p.
13. De Vries, J. The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy 1500–1815 / J. De Vries, A. Van Der Woude. – New York: Cambridge University Press, 1997. – 767 p.
14. Аллен, Р. Глобальная экономическая история. Краткое введение / Р. Аллен; пер. с англ. Ю. Каптуревского. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 224 с.

15. Аллен, Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / Р. Аллен; пер. с англ. Н. В. Автономовой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 448 с.
16. Mokyr, J. The Enlightened Economy: The Economic History of Britain / J. Mokyr. – London: Penguin, 2009. – 848 p.
17. Barca, S. Energy, property, and the industrial revolution narrative / S. Barca // Ecological Economics. – 2011. – Vol. 70. – P. 1309–1315.
18. Jonsson, F. A. The Industrial Revolution in the Anthropocene / F. A. Jonsson // The Journal of Modern History. – 2012. – Vol. 84. – P. 679–696.
19. Моррис, И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / И. Моррис; пер. с англ. Н. Эдельмана. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 488 с.

(Дата подачі: 20.02.2020 г.)

Л. В. Мікалаева

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі,
Мінск

L. Mikalayeva

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 82.091(476)

**БЕЛАРУСКАЯ ГІСТАРЫЧНАЯ НАВУКОВАЯ
ЛІТАРАТУРА КАНЦА XX – 10-Х ГГ. XXI СТ.
ПА ГІСТОРЫІ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ ВЯЛІКАГА
КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў КАНЦЫ XIV –
ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVI СТ.**

**BELARUSIAN HISTORICAL SCIENTIFIC LITERATURE
OF THE END OF THE XX – 10S OF THE XXI CENTURY
ON THE HISTORY OF FOREIGN POLICY OF THE GREAT
DUCHY OF LITHUANIA AT THE END OF THE XIV –
THE FIRST HALF OF THE XVI CENTURY**

У артыкуле аналізуюцца асноўныя працы беларускай гістарыяграфіі канца XX – 10-х гг XXI ст., прысвечаныя вывучэнню асобных аспектаў знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XIV – сярэдзіне XVI ст. Робіцца выснова, што у беларускай гістарыяграфіі знешняй палітыка Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XIV – першай палове XVI ст. застаецца перспектыўным кірункам навуковага вывучэння.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; знешняя палітыка; Вялікае Княства Літоўскае.

The article analyzes the main works of Belarusian historiography of the end of the XX – 10s of the XXI century, devoted to the study of certain aspects of the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania at the end of the XIV – the first half of the XVI century. It is concluded that in Belarusian historiography the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania at the end of the XIV – the first half of the XVI century remains a promising area of scientific study.

Keywords: historiography; foreign policy; the Grand Duchy of Lithuania.

Знешняя палітыка вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) у канцы XIV – першай палове XVI ст. доўгі час не была прадметам асобна даследавання ў беларускай гістарыяграфіі. У беларускай дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі мала ўвагі надавалася распрацоўцы пытанняў, звязаных са знешняй палітыкай ВКЛ. Пытанні знешнепалітычнай гісторыі ВКЛ асвятляліся пераважна ў кантэксце яго двухбаковых адносін з Вялікім Княствам Маскоўскім, Польшчай, Тэўтонскім ордэнам, татарскімі Ордамі.

У савецкі час у беларускай гістарыяграфіі фундаментальных даследаванняў па гісторыі знешняй палітыкі ВКЛ у канцы XIV – першай палове XVI ст. таксама не з’явілася. Беларускія даследчыкі пераважна займаліся сацыяльна-эканамічнымі пытаннямі гісторыі ВКЛ, абыходзячы знешнепалітычную дзейнасць дзяржавы. Толькі некаторыя аспекты знешняй палітыкі ВКЛ павярхоўна выкладаліся айчыннымі гісторыкамі ў рамках комплексных работ па «Гісторыі БССР», для якіх было характэрна празмерна ідэалізаванае ўяўленне пра непарушнае сяброўства брацкіх славянскіх народаў і прыцягненне славянскага насельніцтва ВКЛ да Масквы, стаўшае своеасаблівай догмай для савецкай гістарыяграфіі [1]. Па сутнасці, беларускія гісторыкі звярнуліся да даследавання праблемы знешняй палітыкі і міжнароднага становішча ВКЛ толькі з канца 80-х гг. XX ст. Адным з першых быў А. П. Грыцкевіч, у працах якога разглядаўся шырокі спектр пытанняў знешняй палітыкі ВКЛ у канцы XIV – першай палове XVI ст., у першую чаргу адносіны з Вялікім Княствам Маскоўскім, Крымскім ханствам, Польшчай, Свяшчэннай Рымскай імперыяй германскай нацыі і інш. [2; 3].

Вялікая колькасць прац, прысвечаных разнастайным пытанням знешняй палітыкі ВКЛ у канцы XIV – першай палове XVI ст., з’явілася ў беларускай гістарыяграфіі пасля набыцця Рэспублікай Беларусь дзяржаўнага суверэнітэту ў 1991 г. Яны прадстаўлены не толькі артыкуламі, але і дысертацыйнымі даследаваннямі, а таксама манаграфіямі. У ліку навукоўцаў, што звярталіся да знешнепалітычных пытанняў гісторыі ВКЛ у канцы XIV – першай палове XVI ст. можна назваць А. П. Грыцкевіча [4; 5; 6], А. А. Яноўскага [7], В. І. Бобышава [8], У. І. Канановіча [9; 10; 11; 12; 13], В. М. Цемушова [14; 15; 16], Л. В. Мікалаевай [17; 18; 19; 20; 21; 22], М. А. Шніпа [23], А. А. Любай [24], Б. І. Сідарэнка [25; 26; 27], А. І. Дзярновіча [28; 29; 30; 31], А. В. Ціхамірава [32], А. І. Грушы [33], Ю. У. Сіткевіч [34].

Шырокае кола праблем прадстаўлена ў дысертацыйным даследаванні В. І. Бобышава. У ім гісторык разгледзеў комплекс пытанняў і палітычных устаноў, якія дамінавалі ў знешнепалітычнай дзейнасці дзяржаў усходнеўрапейскага рэгіёна. Даследчыку ўдалося прааналізаваць прычыны, характар і вынікі дыпламатычнага і ваеннага супрацьстаяння ВКЛ і Вялікага Княства Маскоўскага. Па яго меркаванні, барацьба паміж імі з 30-х гг. XVI ст. стала вызначальным фактарам міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе [8].

Новым крокам у беларускай гістарыяграфіі знешняй палітыкі ВКЛ сталі працы У. І. Канановіча [9; 10; 11; 12; 13]. У сваім дысертцыйным даследаванні навуковец правёў комплекснае вывучэнне арганізацыі і функцыянавання дыпламатычнай службы ВКЛ у 1480 г. – першай чвэрці XVI ст. Побач з аналізам яе ўнутранага ўладкавання, даследчык звярнуўся і да знешніх акцый пасольстваў па ўрэгуляванні адносін ВКЛ з Маскоўскай дзяржавай і Крымскім ханствам. У. І. Канановіч вызначыў, у якіх формах ажыццяўляліся дыпламатычныя кантакты паміж суседнімі дзяржавамі (дыпламатычнае ліставанне, абмен граматамі, пасольствамі), якія метады выкарыстоўваліся для дасягнення сваіх мэтаў падчас правядзення дыпламатычных перагавораў. Аўтар адным з першых надаў увагу ўзаемаадносінам ВКЛ з Крымскім ханствам [9]. Так званы «Крымскі фактар» быў прааналізаваны гісторыкам і ў асобных публікацыях [11; 12].

Аналагічны комплекс пытанняў, але ў дачыненні да знешняй палітыкі ВКЛ быў закрануты ў дысертцыі Л. В. Мікалаевай. Структурна даследаванне складалася з трох узаемазвязаных частак, у якіх разгледжаны пытанні кіраўніцтва знешняй палітыкай ВКЛ у канцы XV – сярэдзіне XVI ст., асноўныя сродкі, формы і метады рэалізацыі, а таксама галоўныя напрамкі ажыццяўлення знешняй палітыкі ВКЛ указанага перыяду. У іх ліку ў даследаванні разгледжаны стасункі ВКЛ з Вялікім Княствам Маскоўскім, Польшчай, Тэўтонскім і Лівонскім ордэнамі, Крымскім ханствам, Вялікай Ардой, Малдаўскім Княствам, Венгрыяй, Чэхіяй, Свяшчэннай Рымскай імперыяй, Нагайскай і Астраханскай ордэнамі, Францыяй, дзяржавамі Апенінскай паўвыспы [18]. Даследчыцай таксама былі асветлены пытанні гістарыяграфіі праблемы знешняй палітыкі ВКЛ [17], асноўных напрамкаў яе рэалізацыі [19; 21], узаемаўплыву дынастычнай палітыкі Ягелонаў і знешняй палітыкі ВКЛ [20], уплыву рэлігійнага фактара на знешнюю палітыку [22].

У пачатку XXI ст. у беларускай гістарыяграфіі з’явіліся новыя тэндэнцыі ў асвятленні міжнароднага жыцця ва Усходняй Еўропе XV–XVI стст. Па-першае, у беларускіх гісторыкаў узрасла цікавасць да вывучэння заходняга кірунку знешняй палітыкі ВКЛ: адносін са Свяшчэннай Рымскай імперыяй, Лівонскім ордэнам [28; 29; 30; 31]. Па-другое, сталі падыматца пытанні ўплыву ўнутрыпалітычных падзей ВКЛ на сітуацыю ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне [23]. Па-трэцяе, быў зроблены акцэнт на выяўленне знешнепалітычных фактараў, якія ўплывалі як на ўнутранае, так і на міжнароднае жыццё дзяржаў Усходняй Еўропы, у тым ліку ВКЛ [24].

Можна адзначыць даследаванне М. А. Шніпа [23]. Аўтар прааналізаваў уплыў паўстання М. Глінскага, якое адбылося ў ВКЛ у 1508 г., на развіццё літвінска-маскоўскіх узаемаадносін і на расклад палітычных сіл ва Усходняй Еўропе. Самога М. Глінскага даследчык палічыў ініцыятарам стварэння антыягелонскай кааліцыі 1510-х гг., а таксама пасрэднікам, з дапамогай яко-

га наладжваліся сувязі вялікага князя маскоўскага Васіля III з імператарам Свяшчэннай Рымскай імперыі, Тэўтонскім ордэнам, Саксоніяй.

Зусім з іншага пункту гледжання ўдалося сучасным беларускім гісторыкам глянуць на пытанне прыналежнасці «рускіх зямель», якое ў савецкай гістарыяграфіі адназначна вырашалася на карысць Вялікага Княства Маскоўскага. Так, на думку Б. І. Сідарэнка, «руская зямля» з’яўлялася этнакультурнай і этнаканфесійнай прасторай, а не палітычным цэлым. Таму нельга разглядаць яе як «вотчыну» Вялікага Княства Маскоўскага [27, с. 35].

Звяртае на сябе ўвагу даследаванне А. А. Любай, у якім падымаліся пытанні, што датычаць уплыву татарскіх ханстваў і асобных татарскіх орд на міжнародныя адносіны ва Усходняй Еўропе ў канцы XV – першай трэці XVI ст. [24]. Яна зрабіла акцэнт на характарыстыцы ролі татар у знешняй палітыцы ВКЛ, Вялікага Княства Маскоўскага, Асманскай імперыі, Малдаўскага Княства.

На тэхнічныя бакі ажыццяўлення знешняй палітыкі ВКЛ пралівае святло манаграфія А. І. Грушы, прысвечаная дзейнасці канцылярыі ВКЛ [33]. Адной з важнейшых яе функцый было забеспячэнне практычнай дзейнасці дыпламатычнай службы ВКЛ неабходнымі архіўнымі звесткамі і дакументамі. З кола яе супрацоўнікаў рэкрутаваліся дыпламатычныя агенты. Канцылярыя ажыццяўляла дакументальнае афармленне распараджэнняў гаспадары, паноў Рады і ўхвал соймаў, што датычылі мабілізацыйных і ваенных мерапрыемстваў, мераў фінансавага забеспячэння ўсіх сфераў знешняй палітыкі [17, с. 31].

Цікавае даследаванне было падрыхтавана Ю. У. Сіткевіч [34]. У ім аўтар звярнула ўвагу на абставіны фарміравання Вялікім Княствам Маскоўскім кааліцыі, скіраванай супраць дзяржаў ягелонскай лігі, у першую чаргу супраць ВКЛ. Заслугоўваюць увагі матэрыялы, якія характарызавалі ролю крымскага, малдаўскага, прускага, венгерскага складнікаў у працэсе літвінска-маскоўскага супрацьстаяння, а таксама дыпламатычных «гульняў» Маскоўскай дзяржавы з Рымскай курыяй і Свяшчэннай Рымскай імперыяй з мэтай дасягнення перавагі ў барацьбе з ВКЛ.

Такім чынам, нягледзячы на тое, што сучасным беларускім гісторыкам удалося пашырыць кола праблем па вывучэнні асобных аспектаў знешняй палітыкі ВКЛ, выпрацаваць новыя падыходы да іх ацэнкі, зрабіць шэраг важных вывадаў, у беларускай гістарыяграфіі знешняя палітыка ВКЛ у канцы XIV – першай палове XVI ст. застаецца перспектыўным кірункам навуковага вывучэння.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. История Белорусской ССР: в 2 т. / АН БССР, Ин-т истории; под общ. ред. Л. С. Абецедарского [и др.]. – 2-е изд., доп. – Минск: Изд-во АН БССР, 1961. – Т. 1 / З. Е. Абезгауз [и др.]; редкол. тома: Л. С. Абецедарский, В. Н. Перцев, К. И. Шабуня. – 655 с.

2. Грыцкевіч, А. П. Венскі кангрэс 1515 года / А. П. Грыцкевіч // Францыск Скарына і яго час: Энцыкл. давед. / БелСЭ. – Мінск: БелСЭ, 1988. – С. 280.

3. *Грыцкевіч, А. П.* Міжнародныя адносіны ва Усходняй Еўропе ў XV–XVI ст. / А. П. Грыцкевіч // Францыск Скарына і яго час: Энцыкл. давед. / БелСЭ. – Мінск: БелСЭ, 1988. – С. 419–420.
4. *Грыцкевіч, А. П.* Вонешняя палітыка Вялікага княства Літоўскага в першай паловіне XVI стагоддзя (восточное направление) / А. П. Грыцкевіч // Францыск Скорина і Вільнюс: сб. матэрыялаў Респ. науч. конф., посвящ. 500-летію со дня рождэння Ф. Скарыны / Вільн. ун-т; сост. Л. В. Судавічэне; редкол.: Л. И. Владимировас [и др.]. – Вільнюс, 1991. – С. 33–41.
5. *Грыцкевіч, А. П.* Бітва пад Оршай 8 верасня 1514 года / А. П. Грыцкевіч // Спадчына. – 1992. – № 6. – С. 2–11.
6. *Грыцкевіч, А. П.* Гісторыя геапалітыкі Беларусі / А. П. Грыцкевіч // Спадчына. – 1994. – № 1. – С. 85–93.
7. *Яноўскі, А. А.* «Вайна нерваў», ці характар дыпламатычнай пераліскі паміж ВКЛ і Маскоўскай дзяржавай у XVI ст. / А. А. Яноўскі // Беларусь і свет. Альманах. – 1999. – Т. 1. – С. 4–11.
8. *Бобышев, В. И.* Международные отношения в Восточной Европе в 30–80 гг. XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03; 07.00.15 / В. И. Бобышев; Беларус. гос. ун-т. – Мінск, 2001. – 21 с.
9. *Канановіч, У. І.* Дыпламатыя Вялікага княства Літоўскага ў 1480 – першай чвэрці XVI ст.: (Адносіны з вялікім княствам Маскоўскім і Крымскім ханствам): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / У. І. Канановіч; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1995. – 14 с.
10. *Канановіч, У.* Змаганне за спадчыну Рурывічаў / У. Канановіч // Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 5. – С. 2–7.
11. *Канановіч, У. І.* Крымскі фактар / У. І. Канановіч // Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 4. – С. 13–17.
12. *Канановіч, У. І.* «Скажы, хто твой сябар, і я скажу, хто ты», Ці Як складваўся хаўрус Масковіі і Крымскага ханства / У. І. Канановіч // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 5–6. – С. 36–38.
13. *Канановіч, У. І.* Татары на дыпламатычнай службе Вялікага княства Літоўскага / У. І. Канановіч // І Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы»: зб. нав. артыкулаў і дакладаў. – Мінск, 1994. – Ч. 1. – С. 99–111.
14. *Темушев, В. Н.* Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в приграничном регионе / В. Н. Темушев. – М.: Квадрига, 2009. – 192 с.
15. *Темушев, В. Н.* Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494 / В. Н. Темушев. – М.: Квадрига, 2017. – 309 с.
16. *Цемушаў, В. М.* На ўсходняй мяжы Вялікага княства Літоўскага (сярэдзіна XIV – першая палова XVI ст.) / В. М. Цемушаў. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 463 с.
17. *Мікалаева, Л. В.* Адлюстраванне знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага перыяду канца XV – сярэдзіны XVI ст. у гістарычных дасладаваннях XX ст. / Л. В. Мікалаева // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Вып. 15: в 2 ч. – Мінск: РИВШ, 2015. – Вып. 15. – Ч. 1. – С. 147–155.
18. *Мікалаева, Л. В.* Арганізацыя знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Л. В. Мікалаева; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск, 2003. – 108 с.
19. *Мікалаева, Л. В.* Асноўныя напрамкі знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага 10–20-х гадоў XVI ст. / Л. В. Мікалаева // Веснік БДУ. Серыя 3. – 2003. – № 1. – С. 3–8.

20. Мікалаева, Л. В. Дынастычная палітыка Ягелонаў і знешняя палітыка Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст. / Л. В. Мікалаева // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. – Минск: РИВШ, 2013. – Вып. 13. – Ч. 1. – С. 249–255.

21. Мікалаева, Л. В. Знешнепалітычнае становішча Вялікага княства Літоўскага пачатку XVI ст. / Л. В. Мікалаева // Веснік БДУ. Серыя 3. – 2002. – № 1. – С. 14–17.

22. Мікалаева, Л. В. Роля рэлігійнага фактару ў ажыццяўленні знешняй палітыкі Вялікага княства Літоўскага ў канцы XV – пачатку XVI ст. / Л. В. Мікалаева // Веснік БДУ. Серыя 3. – 2008. – № 1. – С. 3–6.

23. Шніп, М. А. Унутрыпалітычны канфлікт 1508 года ў Вялікім княстве Літоўскім у кантэксце міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / М. А. Шніп; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск, 2009. – 24 с.

24. Любая, А. А. Татарскі фактар ва ўзаемаадносінах дзяржаў Усходняй Еўропы ў канцы XV – першай трэці XVI ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. А. Любая; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2009. – 25 с.

25. Сідарэнка, Б. І. «Старадубская вайна» (Вайна Вялікага княства Літоўскага з Маскоўскай дзяржавай 1534–1537 гг.) / Б. І. Сідарэнка // Беларускі гістарычны часопіс. – 1998. – № 1. – С. 37–46.

26. Сідарэнка, Б. І. Усходняя палітыка ВКЛ у першай трэці XVI ст. / Б. І. Сідарэнка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 3. – С. 40–45.

27. Сидоренко, Б. И. Проблема государственной легитимности Великого княжества Литовского в дипломатии Вильно и Москвы в конце XV – начале XVI в. / Б. И. Сидоренко // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці: да 90-годдзя ўтварэння БССР: матэрыялы Рэспуб. нав.-тэарэтыч. канферэнцыі, г. Мінск, 27 лют. 2009 г.: у 2 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: А. І. Андарала [і інш.]. – Мінск, 2009. – Ч. 1: Гісторыя беларуская дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. – С. 33–36.

28. Дзярновіч, А. І. Метрыка ВКЛ аб адносінах Вялікага княства Літоўскага і Святой Рымскай імперыі / А. І. Дзярновіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 4. – С. 90–99

29. Дзярновіч, А. Адносіны Вялікага княства Літоўскага з нямецкімі дзяржавамі ў канцы XV – першай палове XVI ст. / А. Дзярновіч // Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 2. – С. 7–11.

30. Дзярновіч, А. «... in nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і актывы аналіз / А. Дзярновіч. – Мінск: ATHENEUM, 2003. – Т. 1. – 374 с.

31. Дзярновіч, А. Працэдура падпісання міжнародных дамоваў у пачатку XVI ст. (на прыкладзе саюзнай дамовы 1501 г. паміж Вялікім княствам Літоўскім і Лівоніяй) / А. Дзярновіч // Беларусь і свет. Альманах. – Мінск: РІВШ, 2000. – Т. 2 / пад рэд. Л. В. Лойкі. – С. 34–44.

32. Тихомиров, А. В. Внешняя политика и дипломатия Великого княжества Литовского в 1430–1569 гг. [Электронный ресурс] / А. В. Тихомиров // Library.by. – Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1145129585&archive=1291800676&start_from. – Дата доступа: 16.04.2006.

33. Груша, А. І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст. / А. І. Груша. – Мінск: Беларуская навука, 2006. – 212 с.

34. Ситкевич, Ю. В. Российское государство во взаимоотношениях со странами Восточной Европы (последняя четверть XV – середина 50-х гг. XVI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ю. В. Ситкевич. – Минск, 2018. – 24 с.

(Дата падачы: 04.02.2020 г.)

Л. И. Мосейчук

Белорусский государственный университет, Минск

L. I. Mosejchuk

Belarusian state University, Minsk

УДК 378.16

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ БГУ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ (1921–1939 ГГ.)

FROM THE HISTORY OF THE ORGANIZATION OF PROVIDING BSU STUDENTS WITH EDUCATIONAL LITERATURE (1921–1939)

В статье рассматриваются особенности обеспечения учебниками и учебными пособиями студентов Белорусского государственного университета в первые десятилетия его работы.

Ключевые слова: учебник; образование; университет; педагогическая практика; учебный процесс.

The article deals with the peculiarities of providing textbooks to students of the Belarusian State University in the first decades of its operation.

Keywords: textbook; education; university; teaching practice; teaching process.

История использования учебных книг в высшей школе, несмотря на многовековую традицию нелинейна и прерывиста, что и не удивительно, поскольку использование учебника как такового в педагогической практике связано с образовательными предпочтениями и воспитательными задачами, преобладающими в конкретном сообществе.

Педагогические эксперименты, следовавшие за революционными преобразованиями 1917 г., вычеркнули учебник из учебного процесса. 6 августа 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР (далее – СНК) принял постановление, согласно которому учебник и учебная программа объявлялись не соответствующими принципам новой «свободной» школы, в которой образование должно было осуществляться «путем взаимодействия с окружающей обстановкой», а не при помощи учебной литературы [1, с. 9]. В реальности образование было не готово к таким радикальным мерам и вскоре нежизнеспособность провозглашенной методики обучения без учебных книг стала очевидной. Уже в 1921 г. в Государственном ученом совете при Народном комиссариате просвещения (далее – Наркомпрос) была создана специальная научно-педагогическая секция для разработки новых учебных программ и учебников для советской школы [2, с. 167]. С этого времени учебник становится одним из основных средств обучения и элементов учебного процесса советской (в том числе и высшей) школы. Учебники для разных ступеней образования существенно отличаются по своему содержанию

и образовательным задачам. Учебник для вуза – это, как правило, авторское издание по определенной теме, которое активно используется в системе образования как для самостоятельного, так и организованного изучения того или иного предмета. Однако вопросы, связанные с обеспечением учебниками и учебными пособиями высшей школы, не получили должного рассмотрения [3]. В результате учебники досоветского периода отклонялись как несоответствующие предъявляемым к такого рода литературе требованиям, а новых подготовлено не было.

В Белорусском государственном университете (далее – БГУ), открытом в 1921 г., проблема обеспечения студентов учебной литературой стояла довольно остро. 14 января 1922 г. ректор В. И. Пичета (1921–1929) в отчете о работе университета за 1921 г. с сожалением отмечал, что отсутствие книг и пособий не позволило провести практические занятия по ряду предметов. Перед Правлением университета была поставлена актуальная задача: «обеспечить необходимой литературой фонды университетской библиотеки» [4, л. 187]. Благодаря поддержке ЦИК БССР и выделенным денежным средствам, библиотечные хранилища пополнились ценными книжными собраниями. Были приобретены библиотеки академиков Е. Ф. Карского и Н. А. Янчука; русских ученых И. П. Корнилова и П. Н. Жуковича; писателя, директора Первого белорусского государственного драматического театра О. Л. Дыло. Крупные книжные пожертвования библиотека получила от Наркомвнешторга БССР и доктора И. А. Гурвича [5, с. 133]. К концу 1922 г. университетская библиотека насчитывала свыше 100 тыс. томов различной литературы, а в 1923 г. уже 140 тыс. единиц хранения. Тем не менее, 1544 комплектов медицинских журналов, более 2 тыс. томов различной научной и справочной литературы не пользовались спросом у студентов, поскольку эта литература была, в большинстве своем, на немецком, английском и французском языках. Справочной, тематической и специальной научной литературы по-прежнему не хватало. В этих условиях лекционный материал, записанный в конспект, заменял студенту учебник.

Официальных документов, регламентирующих использование учебной литературы в вузах, не поступало ни со стороны Наркомпроса СССР, ни со стороны Наркомпроса БССР. Решение о том, какие книги использовать в качестве учебников принималось на заседаниях предметных комиссий и утверждалось на президиуме факультета большинством голосов, путем открытого голосования. Единственное требование, которое четко соблюдалось в отношении содержания учебника – отсутствие «буржуазной идеологии». Если данная установка нарушалась или, на взгляд контролирующих органов, соблюдалась в недостаточной степени, преподавателя могли обвинить в контрреволюционной деятельности, а книгу изъять из образовательного процесса.

Исходя из данного предписания, наиболее распространенной учебной литературой, рекомендованной преподавателями БГУ к использованию,

были: «Хрестоматия по истории русского языка: пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях» Н. Н. Дурново, «Грамматика древнего церковно-славянского языка, сравнительно с русским» Е. Ф. Карского, «Для просеминария по русскому языку» Д. Н. Ушакова, «Древне-церковнославянский язык» С. М. Кульбакина, «Среди рабочего люда в древних Афинах. Книга для чтения по истории древнего мира» В. Н. Дьякова, «История Московского государства: курс лекций, читанных на Высших женских курсах В. А. Полторацкой в 1916/1917 академическом году» В. И. Пичеты, «Редукция и оплодотворение» П. А. Мавродиади.

На приобретение тематической литературы, а также на издание учебных и методических пособий при формировании финансового годового плана правлением БГУ закладывались денежные суммы, которые не всегда удавалось получить из фондов Совнаркома, о чем регулярно сообщал ректор университета В. И. Пичета [6, л. 19].

Закупка учебной литературы не проводилась централизованно. При возникшей необходимости в соответствующей литературе преподаватель должен был обратиться с заявлением о ее закупке в деканат факультета. Просьба рассматривалась на совете факультета и только после этого включалась в общую заявку от факультета, которая передавалась в правление БГУ. Большинство докладных записок, поданных в цикловые комиссии педагогического факультета и Правление БГУ с 1922 по 1926 г., поступало от преподавателей филологии. Обращаясь с заявлением на приобретение книг, педагог должен был не только аргументированно обосновать необходимость закупки учебной литературы, но и указать ее стоимость, а также (по возможности) места ее продажи. Так, 2 ноября 1922 г. преподаватель славянской филологии Лев Николаевич Цветков писал в деканат педагогического факультета БГУ: «Для занятий славянскими наречиями и в частности церковно-славянским языком необходимо иметь на трех слушателей соответствующий текст, для чего необходимо приобрести 15 экземпляров хрестоматии славянских языков профессора Н. М. Каринского «Историческая хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам для старших классов средних учебных заведений». Она дает не только целый ряд старославянских текстов, но и материал по великорусской, малорусской и белорусской диалектике, образцы литературного языка восточных, западных и южных славянских наречий, <...> а также фототипические репродукции глаголического и кирилловского письма» [7, л. 58–58 об.]. Л. Н. Цветков указывает, что такая книга есть в магазинах г. Петрограда и стоит 80 коп. Была ли произведена закупка данных учебников, к сожалению, выяснить не удалось.

15 июля 1924 г. постановление ЦИК БССР «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» ознаменовало начало программы национально-культурного возрождения края. Начало белорусизации поставило перед правлением БГУ новые методологические задачи: перевод всей образовательной структуры вуза на белорусский язык. Активно в этом

процессе участвовали преподаватели, внося новаторские разработки, направленные на обеспечение студентов учебным материалом на белорусском языке. Широкое распространение получил учебник преподавателя белорусского языка И. Ю. Лесика «Граматыка беларускае мовы: фонэтыка» изданный автором за свои деньги, а также работа профессора Д. И. Довгялы «З гісторыі беларускага пісьменства XVII ст.». В работе преподавателя кафедры общей теории и права Н. М. Гутковского «Сістэматычны паказчык (спроба сістэматыкі) заканадаўства Беларускай ССР за 1919–1928 гг.» содержался разработанный им специализированный справочник и терминологический словарь законодательства Беларуси на белорусском языке [8, л. 17].

Реорганизация принципов работы высшей школы, проходившая в соответствии с новыми партийными директивами и под знаком максимального использования активных методов обучения, отразилась на использовании учебной литературы в образовательном процессе БГУ. Повсеместный переход на бригадно-лабораторный метод (1924/1925–1932) снизил роль лекции, увеличив количество занятий, подготовку к которым студенты должны были осуществлять самостоятельно. Преподавателю на вводной или обобщающей лекции было необходимо сформировать у студента убеждение в том, что та или иная проблема из обсуждаемой области научного знания не исчерпывается тем материалом, что представлен в лекции, а имеет множество различных сторон, свойств, аспектов. В конечном итоге от обучающихся требовались не только знания материала, но и умение использовать этот материал в контексте конкретной образовательной задачи. Сделать это, не опираясь на учебную/вспомогательную литературу, не представлялось возможным. В таких условиях проведение полноценных занятий без специализированной учебной литературы становилось крайне затруднительным.

Во второй половине 1920-х гг. в качестве дополнительной учебной литературы студентам педагогического факультета БГУ рекомендовались работы В. И. Пичеты «Введение в русскую историю: источники и историография», С. М. Василейского «Введение в теорию и технику психологических, педологических и психотехнических исследований», С. Я. Вольфсона «Марксизм и педагогика», М. А. Рыбниковой «Книга о языке: очерки по изучению русского языка и стилистические упражнения», В. Н. Ивановского «Методологическое введение в науку и философию» и др.

В 1925 г. С. З. Каценбоген опубликовал курс лекций по марксистской социологии, который был также включен в перечень рекомендованной литературы. На еврейском отделении была широко распространена в качестве учебного пособия работа Б. Э. Оршанского «Еврейская литература в Белоруссии после революции», изданная на идише.

Однако учебной и специализированной литературы по-прежнему не хватало, да и ее цена для большинства студентов была «неподъемной». Так, в резолюции Пленума ЦК ВКП(б) «Об улучшении подготовки новых специ-

алистов» от 12 июля 1928 г. отмечалось, что вузовские учебники необходимо удешевить [2, с. 143].

19 сентября 1932 г. вышло постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах», в котором говорилось о недопустимости изменения программ и учебных планов в течение учебного года [9]. Становилась очевидной необходимость изменения идеологии книгоиздания с учетом задач активизации образовательного процесса. В 1934 г. ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление об унификации учебной литературы [10]. Началась масштабная работа над созданием учебников и учебной литературы для начальной и средней школы. Обеспечение высшего образования специальной учебной литературой не рассматривалось.

Ситуация начала меняться после того, как 24 июня 1934 г. СНК БССР принял решение о переходе БГУ на пятилетний срок обучения со специализацией с третьего курса. На расширение научно-исследовательской работы и закупки необходимой литературы выделялось 100 тыс. рублей [11]. Благодаря чему ректор БГУ А. И. Дьяков добился права на получение у Ленинградской книжной палаты 25 тыс. книжных томов тематической и справочной литературы [12, с. 51]. Однако полностью решить задачу с обеспечением учебниками БГУ не удалось. Проблема, связанная с нехваткой образовательной литературы, регулярно поднималась на заседаниях кафедр и правления БГУ.

Потребность в специализированной литературе испытывали и другие вузы страны, что нашло свое отражение в постановлении СНК СССР от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», где говорилось не только об отсутствии учебников для высшей школы по ряду дисциплин, но и о «нехватке специальной переводной и учебной литературы» [13]. Тем не менее ситуация с обеспечением студенческой молодежи учебниками оставалась критической, чему в немалой степени «способствовали» политические репрессии. Учебники, написанные преподавателями и научными сотрудниками университета, а также ведущими учеными Беларуси, попавшими в ряды «врагов народа», изымались из библиотек и уничтожались [12, с. 79]. Меры по их «обнаружению» не способствовали появлению необходимой литературы. «Виноватых» в данной ситуации быстро находили. Ими становились новые «враги народа», «орудовавшие» в стенах БГУ и «стремившиеся» развалить университет.

Ситуация начала меняться в конце 1930-х гг. В 1938 г. было проведено совещание работников высшей школы, на котором основной доклад сделал Председатель СНК В. М. Молотов, а на заключительном приеме выступил И. И. Сталин. И то, и другое было необычным и говорило о повышенном внимании руководства к высшей школе. После этих совещаний был поднят престиж высшей школы и его преподавательского состава, начался выпуск на конкурсной основе учебников для вузов, подготовленных, если судить по

экономическим дисциплинам, лучшими профессорами вузов того времени как старой школы, так и советского поколения [14, с. 13].

Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 г., вместо ряда существовавших ранее предметов («Ленинизм», «История ВКП(б)», «Диалектический материализм», «Исторический материализм») вводился единый курс основ марксизма-ленинизма, а также образовывались единые кафедры [15, с. 289]. Преподавание нового курса началось с весеннего семестра 1938/1939 учебного года одновременно во всех вузах Советского Союза. Внедрение единого курса на основе общего учебника потребовало создания единых кафедр основ марксизма-ленинизма и полной перестройки их работы.

Дальнейшей работе, направленной на централизацию обеспечения высшей школы учебной литературой, помешала война.

Таким образом, нехватка учебников в БГУ ощущалась на протяжении всего довоенного периода. В качестве учебной литературы использовались работы преподавателей, изданных на основе читаемых ими лекций, книги дореволюционных авторов, статьи в научных журналах.

Список использованных источников

1. Полянский, Н. А. Учебник и трудовая школа / Н. А. Полянский // Народное просвещение. – 1918. – № 2. – 25 (28 декабря). – С. 9.
2. Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании: сб. документов за 1917–1947 гг. – Вып. 1. – М.-Л., 1948.
3. 4 марта. Постановление СНК о плане организации факультетов общественных наук российских университетов [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/17637-4-marta-postanovlenie-snk-o-plane-organizatsii-fakultetov-obschestvennyh-nauk-rossiyskih-universitetov>. – Дата доступа: 14.01.2020.
4. НАРБ. – Фонд 6. – Оп 1. – Д. 124. Протоколы заседаний коллегии Народного Комиссариата Просвещения БССР и правления Белорусского государственного университета. 14.01.1922–26.12.1922.
5. Яноўскі, А. А. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / А. А. Яноўскі, С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2006. – 383 с.
6. НАРБ. – Фонд 205. – Оп 1. – Д. 178. Отчет о работе университета за 1924–1925 уч. г. и списки студентов, окончивших университет в 1925 г.
7. НАРБ. – Фонд 205. – Оп 1. – Д. 58. Списки научных сотрудников и заявления граждан о приеме на работу в университет и биографические сведения о них (18.09.1922 – 28.12.1922).
8. Краткий отчет о работе ассистента Н. М. Гутковского по ведению практических занятий (просеминария) по толкованию норм права со студентами правового отделения ФОНа БГУ в 1923/1924 учебном году // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 17–18 об.
9. Постановление ЦИК СССР от 19.09.1932 г. «Об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21432#042038051910588514>. – Дата доступа: 09.11.2019.
10. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства СССР. –

1934. – № 26. – Ст. 205. – Режим доступа: <http://ussr.consultant.ru/doc16623.html>. – Дата доступа: 12.11.2019.

11. Постановление от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm. – Дата доступа: 13.11.2019.

12. Яноўскі, А. А. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў // А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі. – Мінск: БДУ, 2001. – 320 с.

13. Ханин, Г. И. Высшее образование и российское общество / Г. И. Ханин // ЭКО: всероссийский экономический журнал. – 2008. – № 8–9. – С. 10–14.

14. Минаев, Е. А. Реформирование системы социально-экономического образования в вузах СССР на основе единого учебника: опыт конца 1930-х годов / Е. А. Минаев // Государственное управление. Электронный вестник. – Вып. 48. – Фев. 2015 г. – С. 287–308.

(Дата подачи: 06.02.2020 г.)

E. H. Mox

Национальный институт образования, Минск

E. N. Mokh

National institute of education, Minsk

УДК 94 (496.6)

ШТАЛАГ 352 «МАСЮКОВЩИНА»: ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

STALAG 352 “MASYUKOVSHCHINA”: HISTORIOGRAPHY, SOURCE BASE OF RESEARCH

В статье рассматривается история создания и функционирования лагеря для военнопленных шталага № 352; исследованы вопросы историографии; представлена характеристика источников по данной теме; определены перспективы дальнейшего исследования этой проблемы.

Ключевые слова: лагерь; шталаг № 352 «Масюковицина»; «Пушкинские казармы»; советские военнопленные.

The article discusses the history of the creation and functioning of the camp for prisoners of war of the stalag № 352; the questions of historiography are investigated; the characteristics of sources on this topic are presented; the prospects for further research on this problem are determined.

Keywords: camp; stalag № 352 «Masyukovschina»; «Pushkin barracks»; Soviet prisoners of war.

Для содержания советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси создавались специальные лагеря (дулаги, шталаги, офлагги) [1]. Среди которых особое место занимает шталаг № 352 (нем. Stalag или Stammlager – лагерь вермахта для военнопленных из рядового и сер-

жантского состава). История данного лагеря – одна из самых драматичных страниц Второй мировой войны, в которую вписаны тысячи жертв советских военнопленных. Этот лагерь существовал самый длительный период с июля 1941 г. по июль 1944 г. Он состоял из двух частей – так называемого «Лесного лагеря» около д. Масюковщина и «Городского лагеря» в Минске, размещавшегося в бывших Пушкинских казармах по Логойскому тракту. Лагерь имел 22 филиала по городу и более 90 отделений на станциях в распоряжении Главной железнодорожной дирекции «Центр». Для нужд «Лесного лагеря» были приспособлены основные жилые и хозяйственные постройки военного городка. Вся территории была обнесена в несколько рядов колючей проволокой, укрепленной на бетонных столбах высотой до 3 метров. Военнопленные поступали в Шталаг № 352 Масюковщина по железной дороге и колоннами в пешем порядке. В июле – августе 1941 г. пленные поступали в лагерь из районов окружения под Белостоком и Минском, осенью 1941 г. и в начале 1942 г. – из армейских сборных пунктов и дулагов оперативного тыла группы армий «Центр». Городская часть лагеря располагалась в бывшем военном городке артиллерийской части по Логойскому тракту, строительство которого началось незадолго до начала войны. В начале июля 1941 г. на месте военного городка артиллеристов был организован Дулаг № 126. Военнопленных разместили на пустыре рядом с военным городком [2].

Для четкого управления лагерями территория Беларуси была разделена на округа. Управляли ими окружные коменданты. В функции комендантов округов входило инспектирование лагерей, а также контролирование выполнения приказов и распоряжений вермахта. Так, в соответствии с приказом командующего вермахта «Остланд» от 20.09.1941 г. на территории Генерального округа Беларусь был назначен окружной комендант лагерей военнопленных подполковник Вольтке с резиденцией в Минске (шталаг № 352 – Пушкинские казармы). В его подчинении находились шталаги № 337 в Барановичах, 341 в Слуцке, 342 в Молодечно, 351 в Докшицах, 352, 353 в Гродно [3, л. 9]. В конце месяца дулаг рассортировали – большая часть пленных была направлена в «Лесной лагерь».

Проблема функционирования лагеря № 352 на оккупированной территории Беларуси нашла свое отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Первым опытом обобщения материала по данной проблеме является книга Р. А. Черноглазовой «Масюковщина: Шталаг-352, 1941–1944: документы и материалы» [4]. Она отличается не только высоким уровнем исследования, но и новым подходом к освещению темы. Опираясь на архивные документы и воспоминания, автору удалось проанализировать повседневную жизнь узников в лагере, их использование в качестве рабочей силы, раскрыть политические, экономические, военные и социальные аспекты плена. Особую ценность представляют опубликованные документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Фонд 7021. – Оп. 148, 87), а также в Национальном архиве Республики

Беларусь (НАРБ) и в других архивах. В книге также представлен список военнопленных, умерших в лазарете шталага № 352 в 1943–1944 гг. Заслуга автора состоит в том, что в данной книге также собраны воспоминания бывших узников шталага и очевидцев их страданий.

Особый интерес представляет книга «Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина» [5]. Издание уникально тем, что впервые представляет переводы документов из немецких архивов, относящихся к лагерю пленных: донесения, фрагменты журналов боевых действий, приказы, отчеты взяты из фондов военного архива г. Фрайбурга. Так, особый интерес представляет документ «Отбор военнопленных еврейского происхождения и других русских военнопленных военнослужащими лагеря «Шталаг 352» в Минске 1941–1943 гг.». Документ имеет следующую структуру: предварительное замечание, система содержания военнопленных, руководство лагеря (коменданты, заместители комендантов, офицеры Абвера, переводчики, другие офицеры лагеря, врачи), подразделения охраны, отсортировка в лагере еврейского происхождения и политических комиссаров, особое обращение с отобранными военнопленными, расстрелы евреев, случаи смерти. В книгу помещен путеводитель по лагерю.

Ценную информацию для исследователей содержит сборник «Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944: документы и материалы». В данном сборнике опубликованы приказы комендатуры шталага № 352 о содержании военнопленных, протоколы допросов бывших военнослужащих 332-го охранного батальона Г. Унрау и Г. Хегера [6].

В 2019 г. выходит книга «Масюковщина. Трагедия советских военнопленных». Ценность для исследователей представляют схематический план городской части шталага № 352 в Минске, схемы шталага, составленные бывшими узниками лагеря Н. А. Краевым (1994 г.), В. Н. Зыковым (1993 г.), план массового захоронения в «Лесном лагере» 21 июля 1944 г., а также план кладбища 1944 г. Особое внимание уделяется проблеме сопротивления военнопленных в лагере и издание С. П. Злобиным рукописной газеты «Пленная правда» [7].

Вопросы организации создания и существования лагерей для советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси: структура, управление, нормативная база, дислокация – отражены и в монографии немецкого историка Х. Герлаха [8]. Что же касается общих вопросов историографии по проблеме плена, необходимо выделить работы К. И. Козака [9] и С. Е. Новикова [10]. Так, С. Е. Новиков впервые в контексте германской историографии истории Второй мировой войны дает обзор литературы по проблеме плена. К. И. Козак рассматривает проблемы принуждения, плена и военнопленных в белорусской историографии.

Режим содержания советских военнопленных в шталаге № 352, а также документы, раскрывающие организацию и функционирование данного лагеря, имеют обширную базу источников, которые собраны в архивах

Беларуси, России, Германии и других стран. В работе рассмотрим источники по данной теме в белорусских архивах, хранящихся в Государственном архиве Минской области (ГАМО), НАРБ. Документальные источники отечественных архивов, относящиеся к изучаемой теме, можно разделить на несколько групп: это фонды оккупационных организаций, учреждений и предприятий; фонды советских партийных органов и организаций, партизанских формирований, комиссий и научно-исследовательских учреждений, занимавшихся расследованием преступлений немецко-фашистских захватчиков, изучением истории Великой Отечественной войны; архивные коллекции; уголовные дела.

Высоким информационным потенциалом отличается комплекс материалов, хранящихся в НАРБ. Фонды оккупационных организаций содержат документальные материалы высших, местных органов управления и экономического освоения оккупированных территорий. Так, например, в фонде № 370 «Генеральный комиссариат Беларуси» представлены распоряжения, приказы, инструкции, памятки руководящих оккупационных структур, которые характеризуют функционирование лагеря, охрану и режим содержания, нормы питания, медико-санитарные нормы, трудовое использование военнопленных [11]. Важным источником информации по проблеме принудительного использования труда советских военнопленных шталага № 352 являются материалы фонда № 379 «Организация ТОДТ» и № 378 «Главная железнодорожная дирекция «Центр». В этих фондах находятся переписка с комендантами лагерей по предоставлению и использованию труда военнопленных на промышленных объектах, железнодорожных станциях, инструкции по охране и нормам питания советских военнопленных в составе рабочих команд, табели учета их труда, бланки отчетов. Документы дают представление о видах работ, выполняемых военнопленными, продовольственном и медицинском обеспечении, формах наказания и поощрения, способах борьбы. В фонде № 379 имеется письмо верховного командования сухопутных войск от 24.10.1942 г. о нормах питания советских военнопленных в лагерях и в составе рабочих команд [12]. А в фонде № 378 представлены материалы по использованию труда военнопленных, видах выполняемой ими работы, охраны в табличной форме по лагерям [13].

Интерес для исследователей представляет фонд № 1717 «Фильтрационные дела и трофейные документы на бывших военнопленных и репатриированных советских граждан». Он содержит личные карточки военнослужащих Красной Армии, заводившихся на них в немецких лагерях военнопленных. Всего в фонде в наличии 96 ед. хр. с карточками на 10 225 бывших военнопленных (15 285 карточек). Фонд 1717 поступил на хранение в ГАМО в 2009 г. Обзор представленных документов в данном фонде и перспективы исследования рассмотрел впервые В. М. Матох [14].

Командование лагеря на основании изучения документов, показаний военнопленных заносило в карточку фамилию, имя, дату и место рождения,

вероисповедание, у женщин – девичью фамилию матери, национальность, воинское звание, часть, номер роты, гражданскую специальность, личный номер, дату и место пленения, состояние здоровья. На карточке отводилось также место для фотографии и отпечатка правого указательного пальца. Указывались рост, цвет волос, записывались особые приметы. На оборотной стороне карточки описывались свойства характера военнопленного, особые способности, отмечалось знание иностранных языков, указывались дата, причина, степень наказания, и когда оно приведено в исполнение. Важное практическое значение имели графы, в которых указывались все перемещения военнопленного из одного лагеря в другой, а также – между рабочими командами. При этом указывался тип лагеря, номер лагеря и часто его «географическое» название. Информация данных карточек была использована для создания базы данных «Советские военнопленные», которая находится в открытом доступе на интернет-сайте объединения «Саксонские мемориалы» [15].

Вторую группу составляет значительный комплекс документов, который сформировался в результате деятельности советских партийных органов, партизанских формирований, фонды № 845 «Белорусская республиканская комиссия содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба», фонд № 1450 «Белорусский штаб партизанского движения», переведенные материалы фонда № 1440 Института истории партии при ЦК КПБ, опись № 3 и фонд № 510 «Переведенные документы Великой Отечественной войны». Архивные материалы данных фондов содержат обширную информацию о преступных деяниях по отношению к советским военнопленным шталага № 352, статистические сведения о боевом и численном составе партизанских формирований, листовки с обращением к военнопленным, документы о формировании из числа военнопленных воинских частей, акты об ущербе, нанесенном оккупационными властями советским гражданам, протоколы допросов, доклады, свидетельские показания очевидцев расправ немецко-фашистских войск и оккупационных властей над военнопленными. В документах ЧГК зафиксированы случаи сопротивления советских военнопленных как во время их нахождения в лагере, так и во время массовых расстрелов. В переведенных документах немецких военных и гражданских оккупационных учреждений представлены: отчеты об инспекционных поездках по лагерям для советских военнопленных коменданта округа «J» полковника Маршалла в июле 1941 г. – марте 1942 г., приказы по комендатуре шталага № 352, немецкие сводки боевых действий о количестве захваченных в плен военнослужащих Красной Армии.

Третью группу составляют архивные коллекции. По своей значимости и количеству введенных в научный оборот документов ведущее место занимают документы ГАМО (ф. № 1408 «Коллекция цифровых копий на правах

подлинных документов ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников»). Материалы позволяют реконструировать весь процесс осуществления управленческих решений комендатуры шталага. Эти документы дают представление о внешнем и внутреннем устройстве лагеря, функционировании аппарата системы управления лагерем, нормативной базы, режиме и охране. Так, в фонде имеются приказы, распоряжения рейхскомиссариата «Остланд» и комендатуры «Лесного лагеря», списки врачей медперсонала, больных военнопленных, переписка лазарета с лагерями о поступлении больных, переписка о снабжении медперсонала обмундированием, о заболеваемости военнопленных, их перемещении в другие лазареты, списки личного состава медперсонала шталага № 352, сведения о движении военнопленных в Минском лагере, записи, документы, акты на умерших в шталаге. Особый интерес представляет дело № 3 данного фонда. Здесь находятся фотодокументы (общий вид шталага, вышка, карцер, план захоронения), а также материалы, описывающие внешнее устройство и расположения лагеря [16].

Для исследователей интерес представляют документы фонда № 1363. Так, в декабре 2001 г. Комитет государственной безопасности Республики Беларусь передал в Национальный архив 2 897 уголовных дел военнопленных и интернированных, осужденных за преступления, совершенные в годы Второй мировой войны и во время пребывания в лагерях. С них был снят гриф секретности. Эти материалы содержат стандартный набор документов. Он включает постановления о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения на арест, предъявлении обвинения, об окончании следствия; анкета арестованного, протоколы личного обыска, допросы обвиняемых и свидетелей, судебного заседания, обвинительное заключение, приговор, кассационные документы и др. Интерес представляют материалы начальника Минского округа лагерей военнопленных О. Карковского, которому подчинялось 5 лагерей в Минске, Молодечно, Барановичах, Слуцке, в г. Глубокое, К. Гофмана, служившего в охране шталага № 352, военнослужащих 332-го и 529-го охранных батальонов [17, 18]. Вместе с тем существенный недостаток их в том, что вся информация базируется в основном на показаниях осужденных, которые, чувствуя вину в совершенных преступлениях, старались говорить не всю правду, преуменьшить масштабы причиненного зла. Поэтому при использовании уголовных дел немецких военнопленных необходимо привлекать дополнительные сведения для проверки информации.

Интересный и яркий материал по истории военного плена, не нашедший отражения в официальных документах, составляют мемуары, автобиографические романы. Среди них необходимо отметить работы бывших советских военнопленных шталага № 352: «Пропавшие без вести» С. П. Злобина [19], «Еще о войне» Б. А. Попова [20] и «Братья Краевы» Н. А. Краева [21]. Помимо опубликованных источников, особо следует выделить неопубли-

кованные воспоминания бывших советских военнопленных. Эти воспоминания хранятся в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. В данных работах уделяется внимание описанию лагерной жизни военнопленных в борьбе за выживание: организация побегов, дележка хлеба, поведение охраны, психологическое состояние военнопленных. Такой вид источников отражает самые разные социальные, общественные и духовные стороны жизни человека, позволяет осветить малоизвестные грани изучаемой проблемы: жизнь и быт в лагерях, взаимоотношения военнопленных с администрацией, друг с другом, с местным населением. Данные источники передают эмоциональное состояние бывших советских военнопленных, внутренний мир, мысли военнопленных, открывают новые перспективные направления исследования темы войны. Личные наблюдения, детали и факты, сообщенные бывшими военнопленными в своих мемуарах, письмах, являются ценнейшим источником. Данные источники требуют критического осмысления описанных фактов и объективного соотношения их с другими архивными источниками.

Особую ценность представляет сайт «Обобщенный банк данных «Мемориал» (ОБД «Мемориал»)). На сайте представлены цифровые копии документов о безвозвратных потерях и именные записи о потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне. Основной массив обрабатываемых документов в ОБД – это донесения о потерях личного состава РККА, справки о погибших и пропавших без вести, а также описания и списки захоронений советских солдат и офицеров [22].

Таким образом, необходимо отметить, что отечественными историками была проведена значительная работа по систематизации и осмыслению различных аспектов функционирования шталага № 352, создана основа для дальнейшего углубленного изучения данной проблемы. Однако многие вопросы истории шталага не стали предметом научного исследования: организация, устройство, медицинская документация и деятельность лазаретов в «Лесном лагере» и «Пушкинских казармах», положение в лагерях таких категорий пленных, как женщины, евреи, врачи и инвалиды.

Изучение проблемы содержания советских военнопленных в лагерях в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Беларуси принадлежит к перспективным направлениям современной исторической науки. Исследования по данной теме позволяют глубже проводить сравнение режима содержания советских и немецких пленных, а также анализировать положение советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси и в Германии.

Список использованных источников

1. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 = Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941–1944: справочник / авт.-сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: Нац. арх. Респ. Беларусь, 2004. – 192 с.

2. Колоцей, М. Я. Лагерь военнопленных шталаг-352 в Минске (Масюковщина) / М. Я. Колоцей // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2013. – № 2. – С. 18–21.
3. Der Kommandant in Weißruthenien des Wehrmachtbefehlshabers Ostland // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 952. – Л. 9.
4. Масюковщина: Шталаг-352, 1941–1944: док. и материалы / авт.-сост. Р. А. Черноглазова; науч. ред. С. В. Жумарь. – Минск: Четыре четверти, 2005. – 198 с.
5. Карпов, С. К. Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина» / С. К. Карпов, А. П. Ульяненок. – Минск: Четыре четверти, 2019. – 475 с.
6. Лагерь советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944: док. и материалы / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: Беларусь, 2016. – 327 с.
7. Масюкоўшчына. Трагедыя савецкіх ваеннапалонных / Н. А. Яцкевіч, М. Г. Нікіцін. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2019. – 123 с.
8. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Ed., 1999. – 1232 p.
9. Козак, К. И. Германский оккупационный режим на территории Беларуси 1941–1944: историография и источники / К. И. Козак. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2006. – 268 с.
10. Новікаў, С. Я. Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны / С. Я. Новікаў. – Мінск: Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-т, 2004. – 222 с.; Новікаў, С. Я. Савецкія ваеннапалонныя – першыя ахвяры масавых нацысцкіх злачынстваў на беларускай зямлі (па матэрыялах германскай гістарыяграфіі) / С. Я. Новікаў // 1941 год: трагедыя, героізм, памяць: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-й годовщине начала Великой Отечеств. войны, Брест, 22–23 июня 2006 г. / Брест. гос. ун-т; редкол.: В. В. Зданович [и др.]. – Брест, 2007. – С. 86–93.
11. Die Abteilung Arbeitspolitik und Sozialverwaltung, ZigarettenalsLeistungszulage fur sowjetischeKriegsgefangenen // НАРБ. – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 930. – Л. 1.
12. VerplegungssowjetischeKriegsgefangenen// НАРБ. – Фонд 379. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 46–48.
13. Kriegsgefangenen-Nebenlager 4 September 1942 // НАРБ. – Фонд 378. – Оп. 1. – Д. 171. – Л. 24–25.
14. Матюх, В. М. Фильтрационные дела и трофейные документы на бывших военнопленных и репатриированных советских граждан как исторический источник: (по материалам фонда 1717 Государственного архива Минской области) / В. М. Матюх // Беларускі археаграфічны штогоднік Вып. 13 / Мінск, 2012. – С. 80–86.
15. Сайт Объединения «Саксонские мемориалы». – Режим доступа: <https://ru.stsg.de/cms/>. – Дата доступа: 02.02.2020.
16. Документы о массовом уничтожении советских военнопленных в шталаге № 352 // ГАМО. – Фонд 1408. – Оп. 1. – Д. 3.
17. Селеменев, В. Д. Трагедия советских военнопленных в годы Второй мировой войны глазами немецких военнопленных / В. Д. Селеменев // Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 = Osterreicher und Sudetendeutsche vor sowjetischen Milifar- und Strafgerichten in Wessrussland 1945–1950 / О-во по исслед. конфликтов и войн; под ред. С. Карнера, В. Д. Селеменева. – Минск, 2007. – С. 600–665. – (Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung; Bd. 10).
18. Осуждение иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси. 1944 – 1951 гг. (Опись уголовных дел № 1363) / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]; редкол.: А. Дюков [и др.]. – Минск – Москва – Грац, 2016. – 552 с.
19. Злобин, С. П. Пропавшие без вести: в 2 ч. / С. П. Злобин. – М.: Советский писатель, 1962.

20. Попов, Б. А. Еще о войне: автобиографический очерк одного из пяти миллионов / Б. А. Попов. – Минск: Энциклопедикс, 2015. – 182 с.

21. Воспоминания бывшего военнопленного Н. А. Краева // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Инв. № 67585.

22. Сайт: «Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: obd-memorial.ru. – Дата доступа: 02.02.2020.

(Дата подачи: 17.02.2020 г.)

А. В. Мякинская

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

A. V. Miakinskaya

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 321.61(44): 7.072(47+57)

ФРАНЦУЗСКАЯ АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ: СОВЕТСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ 1940-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

FRENCH ABSOLUTE MONARCHY: SOVIET DISCURSIVE PRACTICES OF THE 1940^S – EARLY 1990^S

В статье рассматривается трактовка французской абсолютной монархии в советской историографии 1940-х – начала 1990-х гг. На основе дискурсивного подхода раскрыта известная преемственность оценок русской либеральной и советской историографии.

Ключевые слова: советская историография; дискурс; абсолютная монархия; абсолютизм; «места памяти»; коллективная память; преемственность.

The article deals with the interpretation of the French absolute monarchy in Soviet historiography of the 1940s – early 1990s. Based on the discursive approach, the well-known continuity of assessments of Russian liberal and Soviet historiography is revealed.

Keywords: Soviet historiography; discourse; absolute monarchy; absolutism; places of memory; collective memory; continuity.

Французский историк Пьер Нора в конце 1970-х гг. предложил грандиозную программу изучения «Мест памяти». Участниками этой программы стали ведущие историки Франции. Они предложили описать историю символических объектов, с которыми связывается этническая идентичность французов. Критерием отбора становились воспоминания и ценности. Иными словами, «команда» П. Нора решила критически проанализировать образ прошлого, который сохранился в исторической памяти современных им французов [1]. В многотомном исследовании авторы опирались на концепцию коллективной памяти французского социолога М. Хальбвакса, который обосновал существование феномена коллективной памяти, полагая

что память не индивидуальный процесс и ее функционирование определяется обществом.

Такой конструктивный подход, т. е. деление господствующих в обществе взглядов о своем прошлом на «историю» и «память», представляется полезным при изучении проблемы французского абсолютизма в послевоенной советской историографии.

Российское франковедение имеет давние традиции изучения феномена французской абсолютной монархии. Представители «русской школы», изучая историю государственных институтов старого порядка, задумывались об исторических судьбах России: повторит она путь Западной Европы или избежит. Современные российские историки пришли к выводу, что советская историография кардинально не пересмотрела дореволюционную концепцию абсолютизма, номенклатура тем и сюжетов осталась прежней (преобладала социальная проблематика) [2, с. 73–74]. Советских историков, так же, как и их предшественников, интересовали вопросы происхождения абсолютизма, основных этапов развития, классовой природы, исторической функции, типологии французской абсолютной монархии, но ответы на них были другие.

С середины 1930-х гг. для советских историков, изучающих новую историю, стали нормативными следующие идеологические установки государственной власти: 1) феодализм в своей периодизации прошел стадии зарождения, развития и разложения; 2) абсолютистское государство отождествляется с разложением феодализма и должно называться «абсолютистско-феодальным порядком»; 3) историческая наука должна стать наукой о производителях материальных благ [3, с. 13].

Отсюда вытекало, что абсолютизм является комплексной социально-политической системой, представляющей централизованную форму феодального государства и возникающей при зарождении капиталистических отношений, сопровождающейся обострением классовых противоречий (между дворянством в союзе с буржуазией и крестьянскими и плебейскими массами). Центральная власть, играя на противоречиях, усиливается за счет ослабления феодальной аристократии и отчасти финансовой эксплуатации буржуазии, а также угнетения народных масс. При равновесии дворянства и буржуазии государство приобретало самостоятельность, оставаясь дворянским, и защищало интересы дворян от революционирующей буржуазии. Во французском абсолютизме выделяют два этапа: прогрессивный, когда абсолютная монархия борется с феодальным сепаратизмом в союзе с буржуазией и частью дворянства; и реакционный, когда становится препятствием в развитии капитализма.

Б. Ф. Поршнев, оставаясь в границах советского марксистского дискурса, предложил иную трактовку абсолютизма, разойдясь с современной ему историографией в оценке роли борьбы народных масс. В своей моногра-

фии «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648 гг.)» [4], удостоенной в 1950 г. Сталинской премии воссоздал картину непрерывной череды народных восстаний. Советский ученый открыл для французов, что их XVII век переполнен классовой борьбой, с чем невозможно было не считаться противникам марксизма и особенно во французской историографии. В связи с этим 20–40-е гг. XVII в. получили название «*le temps porschnevien*» [5, с. 183].

С точки зрения Б. Ф. Поршнева, крестьянские и плебейские восстания XVII века консолидировали королевскую власть, дворянство и буржуазию. Дворянство и буржуазия узрели в абсолютизме своего защитника от народного гнева. Появление абсолютизма стало ответом на обострение классовой борьбы на последнем этапе существования французского феодализма. По мнению историка, абсолютизм, будучи дворянской формой государства, в условиях постоянных народных движений был заинтересован в союзе с буржуазией, рекрутируя из нее кадры государственной бюрократии [6].

Исследователь объявил, что движущей силой истории является сила народных масс, трансформирующая общество. Если бы в XVII в. буржуазия объединилась с народной революцией, то их союз мог бы стать угрозой дворянской монархии. Однако союза не получилось, т. к. буржуазия во время Фронды предала интересы крестьянства и плебейства, испугавшись антифеодальных движений. В XVIII в. произошел разрыв союза дворянской монархии с буржуазией. Буржуазия объединилась с народом в третье сословие, возглавила революцию и победила, обретя тем самым классовое господство [7].

На рубеже 1940–50-х гг. научная позиция Б. Ф. Поршнева вызвала острую полемику [8]. Защищая свою идею, историк высказал мнение о том, что источником всех общественных изменений, включая появление абсолютизма, является классовая борьба, т. е. всякое изменение формы государства шло снизу через классовую борьбу народных масс. Предложенная историком трактовка французской абсолютной монархии строилась по большей части на цитатах из классиков марксизма, опираясь, отчасти, на исторический материал и стала базой для конструирования синтетических универсальных концепций.

Противоположная точка зрения принадлежит академику С. Д. Сказкину, который основывается на положениях марксистского дискурса о феодальном государстве как форме политического господства класса феодалов, главной функцией которого является подавление классового сопротивления крестьянства. Концепция историка рассматривает абсолютизм как политическую надстройку, периода разложения феодальной формации. С. Д. Сказкин, не отрицая фактов усиления классовых выступлений крестьянства в период позднего феодализма, видел главную возможность возникновения французской абсолютной монархии в ярко выраженном классовом анта-

гонизме между нарождающейся буржуазией и феодальным дворянством, вследствие чего государственная власть получила определенную самостоятельность по отношению к обоим классам [9].

В. В. Бирюкович в очерке политической истории Франции, написанном совместно с О. Л. Вайнштейном, предложил еще одну концепцию абсолютизма во Франции. По мнению этого автора, становление абсолютизма связано с социальными изменениями, которые начались на рубеже XV–XVI вв. Так, третье сословие трансформируется в класс буржуазии. Королевские чиновники и городской патрициат были в основной своей массе выходцами из буржуазной среды. Обе группировки феодализировались, перераспределяя земельные владения дворянства и крестьян в свою собственность, приобретая дворянские звания, объединили в своих руках все звенья бюрократического аппарата. Они стали сторонниками централизации государства. И если политическое влияние и богатство «людей мантии», буржуазных по происхождению росли, то родовитого дворянства («людей шпаги») уменьшались. «Люди шпаги» колебались между королевской властью и аристократией, пока кардинал Ришелье не сломил их сопротивления, «привязав» к трону. В эпоху Людовика XIV политическая оппозиция абсолютизму ликвидируется: абсолютизм опирается на весь феодальный класс («люди мантии») сформировали управляющую страной бюрократию, а феодальная аристократия в качестве компенсации за потерю власти получила придворные и церковные синекуры). В XVIII в. на арену классовых битв выходит новая буржуазия, которая совершит революцию [10].

Значительным явлением в советском франковедении стали работы А. Д. Люблинской. Исследовательница исходит из тезиса о том, что во Франции XVI–XVII вв. идет становление абсолютизма. На фоне консолидации и формирования французского этноса, автор впервые в марксистском дискурсе описала особенности и основные формы генезиса буржуазного строя во Франции.

В ряде монографий А. Д. Люблинская изложила свою концепцию развития Франции в XVI–XVII вв., в основе которого лежал процесс первоначального накопления капитала [11]. Этот процесс во Франции шел медленнее, чем в Англии, и не привел к массовому обезземеливанию крестьянства, однако содействовал становлению капитализма. Замедление темпов развития капитализма в сельском хозяйстве во Франции автор связывала со слабостью капитализма в промышленности и торговле, которые обусловила специфика мануфактурного этапа.

В монографии «Французский абсолютизм в первой трети XVII в.» А. Д. Люблинская подвергла критическому анализу концепцию «кризиса капитализма» в XVII в., выдвинутую в западной историографии [12, с. 6–89].

Исследовательница, рассматривая эпоху первоначального накопления, по-новому взглянула на социально-политическую эволюцию, особенности

структуры французского общества, обеспечившие укрепление абсолютизма и расстановку политических сил. Основной проблемой, по ее мнению, здесь была классовая сущность «дворянства мантии», которое становилось классом землевладельцев, а заняв высшие административные должности в государственном аппарате, сделалось частью правящего класса. Новое, чиновно-землевладельческое дворянство стало социальной опорой абсолютизма и основой равновесия классовых сил крепнущей буржуазии и дворянства. В работах А. Д. Люблинской под новым углом поставлен вопрос об особенностях социальной трансформации во Франции XVI–XVII вв.

Послевоенная советская историография Французской революции характеризовала французскую абсолютную монархию историографическими стереотипами, созданными сочинениями историков «русской школы». В качестве примера можно обратиться к обобщающим работам известных в советской историографии авторов, специалистов по эпохе Французской революции, написанных А. З. Манфредом и В. Г. Ревуненковым.

А. З. Манфред, характеризуя французский абсолютизм, пишет о неограниченной самодержавной власти короля, полном бюрократическом произволе, воспроизводя дефиниции, выработанные предшественниками [13, с. 21–23]. В. Г. Ревуненков, работавший в более поздний период, называет власть французских королей в XVIII в. абсолютной, т. е. неограниченной властью. Главной фигурой в провинциальном управлении называет королевских интендантов [14, с. 27–37].

Данные историками характеристики французского абсолютизма совпадают полностью и практически идентичны с концепцией французской монархии старого порядка, данной Н. И. Кареевым, перенося термин «самодержавие» из русского контекста в эпоху дореволюционной Франции. Фактически сводят к знаменитому высказыванию «Государство – это я».

Если вернуться к изложенному в начале тезису П. Нора об истории-науке и об исторической памяти, подобное канонизированное историографией представление о французском абсолютизме относится скорее к феномену коллективной памяти, чем к собственно научным знаниям.

Во второй половине 1980-х гг. в советской историографии смягчается идеологический диктат, политическая ангажированность сюжетов и тем, что делает возможным возвращение термина «старый порядок», формирование нового проблемного поля.

Н. Е. Копосов пытается проанализировать абсолютную монархию во Франции с позиций политической истории «длительной протяженности», т. е. долгосрочной трансформации политических структур во взаимозависимости с эволюцией структур экономики, общества, культуры. Автор дает описание основных государственных учреждений абсолютной монархии и форм участия подданных в управлении, делает вывод о том, что французская абсолютная монархия являлась этапом длительного процесса

«роста» государства, т. е. отчуждения государства от общества, развития процесса централизации и формирования аппарата управления, усиления воздействия государства на общество. Исследователь формулирует тезис наличия границ власти короля, которая не являлась абсолютной [15].

Н. Е. Копосов берется за новый в советской историографии сюжет – изучение политических элит, и прежде всего властной элиты [16]. Историк исследует высшую бюрократию во Франции (членов королевского совета) как социальную группу – формирование, эволюция, структура, основные социологические параметры и экономические характеристики, правовой статус.

На изломе советской эпохи выходит исследование В. Н. Малова [17], представителя старшего поколения советских историков. В работе историка на основе марксистского дискурса изложена концепция формирования французского абсолютизма. С позиций новых подходов впервые в советской историографии написана биография Ж.-Б. Кольбера, министра финансов и реформатора. В недрах французского административного аппарата появился человек, сделавший целью своей деятельности перестройку общества в интересах абсолютной монархии. Кольбертизм означал высшую фазу политики меркантилизма во Франции, став образцом для подражания многих правителей Европы. Деятельность реформатора соединяла активное промышленное строительство и стремление к гегемонии в мировой торговле. Характеризуя особенности психологии Кольбера как реформатора, автор отмечает здоровый оптимизм, чувство новых возможностей рациональной политики.

Принципиально иной дискурс французской абсолютной монархии демонстрирует исследование Е. М. Кожокина [18]. В показе королевской власти автор опирается на коллективное воображаемое. В сознании людей королевская власть покоилась на трех «китах»: религиозной, феодальной и римско-правовой. В основе королевской власти лежит много мистического, не поддающегося рациональному осмыслению.

Таким образом, в условиях смены парадигм европейский абсолютизм в советской историографии превратился в самостоятельный сюжет, перестав быть фоном и предтечей для буржуазных революций.

Список использованных источников

1. Франция-память / П. Нора [и др.]; под общ. ред. П. Нора. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
2. Кондратьев, С. В. Б. Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева // Французский ежегодник 2005. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 72–89.
3. Сталин, И. Замечания о конспекте учебника «Новой истории» / И. Сталин, С. Киров, А. Жданов // На фронте исторической науки. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – С. 11–13.

4. *Поршнев, Б. Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648) / Б. Ф. Поршнев. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 724 с.
5. *Вите, О. Т.* Борис Федорович Поршнев (1905–1972) / О. Т. Вите, А. В. Гордон // НиНИ. – 2006. – № 1. – С. 181–200.
6. *Поршнев, Б. Ф.* Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? / Б. Ф. Поршнев // Историк-марксист. – 1940. – Кн. 2. – С. 91–113.
7. *Поршнев, Б. Ф.* Проблема Фронды / Б. Ф. Поршнев // Историк-марксист. – 1941. – Кн. 5. – С. 96–105.
8. *Москаленко, А.* Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева / А. Москаленко // Вопросы истории. – 1951. – № 6. – С. 138–143.
9. *Сказкин, С. Д.* Проблема абсолютизма в Западной Европе / С. Д. Сказкин // Из истории средневековой Европы / Московский гос. ун-т; под ред. С. Д. Сказкина. – М., 1957. – С. 5–18.
10. *Бирюкович, В. В.* Исторический очерк / В. В. Бирюкович, О. Л. Вайнштейн // Франция и ее владения: справочник / Ф. Н. Петров [и др.]. – М.: Советская энциклопедия Огиз, 1948. – С. 99–184.
11. *Люблинская, А. Д.* Франция в начале XVII века (1610–1620) / А. Д. Люблинская. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. – 294 с.
12. *Люблинская, А. Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. / А. Д. Люблинская. – М.-Л.: Наука, 1965. – 361 с.
13. *Манфред, А. З.* Великая французская буржуазная революция / А. З. Манфред // Великая французская революция / отв. ред. В. М. Далин. – М.: Наука, 1983. – С. 13–209.
14. *Ревуненков, В. Г.* Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1799 / В. Г. Ревуненков. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 536 с.
15. *Копосов, Н. Е.* Абсолютная монархия во Франции / Н. Е. Копосов // Вопросы истории. – 1989. – № 1. – С. 42–55.
16. *Копосов, Н. Е.* Высшая бюрократия во Франции XVII века / Н. Е. Копосов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 248 с.
17. *Малов, В. Н.* Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В. Н. Малов. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
18. *Кожокин, Е. М.* Государство и народ / Е. М. Кожокин. – М.: Наука, 1989. – 176 с.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

В. И. Настусевич

Белорусский государственный университет, Минск

V. I. Nastusevich,

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(46):322

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ИСПАНИИ В ПЕРИОД «ПЕРВОГО ФРАНКИЗМА» (1939–1957 ГГ.)

THE CHURCH AND STATE IN SPAIN DURING THE «FIRST FRANCOISM» (1939–1957)

В статье рассматриваются взаимоотношения католической церкви с режимом Ф. Франко в период «первого франкизма» (1939–1957). Автор прослеживает эволюцию отношений с периода гонений на Церковь в годы гражданской войны в Испании (1936–1939) до образования национал-католического союза между церковью и государством.

Ключевые слова: католическая церковь; Франсиско Франко; франкизм; «первый франкизм»; национал-католицизм.

The article examines the relationship of the Catholic Church with Franco's regime during the "first francoism" (1939-1957). The author traces the evolution of relations from the period of persecution of the Church during the Spanish Civil war (1936-1939) to the formation of a National Catholic union between the Church and the state.

Key words: Catholic Church; Francisco Franco; francoism; "first francoism"; National Catholicism.

В последние несколько десятилетий роль и место католической церкви в современном мире становится предметом все большего интереса. Католицизм представляет собой важнейшую часть мировой цивилизации, ее духовно-религиозный и социально-культурный компонент. На ряду с другими христианскими конфессиями он на протяжении веков содействовал формированию общечеловеческих ценностей. XX век не стал исключением. Католическая церковь является одним из самых влиятельных религиозных институтов. Однако нигде на протяжении многих веков она не стремилась так подчинить своему контролю все стороны жизни общества, как в Испании. Взаимодействие католической церкви Испании с режимом Ф. Франко в 1939–1957 гг. представляло собой взаимовыгодный союз государственных и церковных институтов основанный на общих внутри- и внешнеполитических интересах.

Традиционно годы правления Франсиско Франко в Испании историки делят на два периода: 1939–1957 гг. – «первый франкизм» и 1957–1975 гг. – «второй франкизм». В данной статье мы рассмотрим взаимоотношения церкви и государства в период «первого франкизма» (1939–1957 гг.).

Процесс радикализации испанского общества 1930-х гг. повлек за собой рост враждебности по отношению к церкви. Антиклерикальные настроения

и религиозные гонения были связаны с тенденциями начала XX в., когда популярность коммунистических идей обуславливала отказ людей от христианства, как «пережитка рабского прошлого». Социокультурный строй традиционной Испании, где католицизм играл важную роль на протяжении многих столетий, начал разрушаться. За годы гражданской войны в Испании (1936–1939) все религиозные организации в стране были подвергнуты жестоким гонениям со стороны республиканцев. Жертвами преследований становились епископы, священники, монашествующие и простые верующие. За период гражданской войны республиканскими силами были убиты 13 епископов, 4000 епархиальных священников, 2000 монахов и 300 монахинь [1, с. 75]. По всей стране прокатилась волна погромов церквей и монастырей. Целью антиклерикальной политики, проводимой правительством Республики в 1931–1936 гг., было лишение католицизма практически всех его привилегий и, как следствие, существенное уменьшение влияния церковных институтов в обществе [2, с. 116]. В такой католической стране, как Испания, это стало причиной того, что значительная часть испанского народа отказала Народному фронту в своей поддержке, что в свою очередь явилось немаловажной составляющей успеха Ф. Франко. Возглавляемое им движение, с самого начала определило свои политические позиции: Испания должна стать тоталитарным, унитарным государством, олицетворяющим антикапиталистическое, антимарксистское и строго католическое начала [3, с. 35].

Установившийся после окончания гражданской войны режим Ф. Франко старался всячески благоприятствовать католицизму. Предоставив возможность для деятельности церковных образований, новое правительство, тем самым, обеспечило себе определенную поддержку среди католиков. В апреле 1939 г. папа Пий XII (1939–1958) поздравил тех, кто «встал на защиту идеалов веры и христианской цивилизации» [3, с. 35–36]. Католическая церковь в стране фактически превратилась в одного из победителей в гражданской войне.

Поскольку католицизм считался составной частью испанской культуры, церковь тесно сотрудничала с государством. В официальной жизни франкистской Испании заметную роль сыграла доктрина «испанидад», сущность которой сводилась к тому, что католицизм был и будет душой испанской нации, основным содержанием испанской истории. Согласно этой теории, Испания выполняет особую католическую миссию во всем мире, а католицизм в этой стране на протяжении веков сохранялся в своей наибольшей целостности [4, с. 136]. Испанские католики признавали политическую модель, предлагаемую режимом Ф. Франко. Она была наиболее близка тому идеалу реставрации католицизма, о котором многие католики мечтали со времен папы Пия IX (1846–1878) [5], заключившего в 1851 г. Конкордат, узаконивший статус католицизма в качестве государственной религии Испании. Именно католики являлись основными сподвижниками Ф. Франко в политических и социаль-

ных вопросах [6, с. 204]. Сам каудильо принятие большинства законов обосновывал необходимостью «возрождения католической традиции». Испания стала именоваться «католическим государством», которое «подчиняется Божьему Праву и Священной Римско-католической апостольской церкви, единственному истинному закону и вере, неотделимой от национального сознания» [6, с. 212].

Церковь получила от правящего режима существенные привилегии в области образования. В среднем образовании преобладающую роль играли католические монашеские ордена. Светские учреждения образования мало отличались от религиозных. Во всех классных комнатах рядом с портретами каудильо висели распятия, а школьный день начинался и заканчивался молитвой; студенты массово посещали религиозные мероприятия, а в официальных учебниках католицизм представлялся как душа испанской культуры. Учителя, которые не посещали мессу, подвергались увольнению [7, с. 99].

В других сферах жизни режим был гораздо менее благоприятен для церкви. Были запрещены рабочие, сельскохозяйственные или студенческие католические организации. Режим Испанской Фаланги не рассматривал возможность политических образований, подобных CEDA. Испанская конфедерация независимых правых (CEDA) просуществовала с 1933 по 1937 г., являясь одной из сильнейших партий межвоенного времени. Она объединяла правые католические партии монархических взглядов, выступающие против антиклерикальной политики республиканцев. После прекращения существования многие бывшие активисты CEDA вошли в состав Испанской Фаланги [6, с. 205]. Уже в 1940-е гг. политические деятели, связанные тем или иным образом с католической церковью, стали активно привлекаться Ф. Франко в правительство, где занимали самые различные посты – от министра иностранных дел до министра промышленности и финансов.

Ф. Франко надеялся, что церковь будет изолирована храмами и классными комнатами и не будет присутствовать в других сферах жизни, в которых на протяжении почти столетия она имела важный вес. Позиция франкизма по отношению к церкви была неоднозначна и скорее носила характер добрососедского сосуществования. Католическая церковь, претерпевшая за годы гонений многие лишения, была готова идти на уступки режиму, который внешне позиционировал свою политику к ней как лояльную. Церковь знала, что военные победы Ф. Франко обеспечили ей не просто выживание, но и возможность оказывать влияние на испанский народ [5]. Союз, возникший на этой основе, был назван национал-католическим. Испанские епископы рекомендовали верующим принять новую реальность. Они следовали в этом указаниям Ватикана, который хотел сохранить хорошие отношения с республиканской гражданской властью. Вследствие этого испанская церковь была гораздо больше настроена на сотрудничество с испанским государством, чем государство с церковью [8, р. 25].

В этом отношении важно обратить внимание на то, что среди многих католиков нарастала потребность в духовном сплочении на основе идей традиционализма. Национал-католицизм, который сочетал в себе религиозные мотивы наравне с патриотическими и националистическими идеями, смог утвердиться на несколько десятилетий в качестве официальной для Испании идеологии [9, с. 84]. В ней испанская нация отождествлялась с конфессиональной общностью. Единство нации и целостность государства признавались важнейшими ценностями. Один из идеологов национал-католицизма, испанский священник и философ Мануэль Гарсия Моренте писал: «Испания была, есть и будет католической. Она по своей природе идентична католицизму» [9, с. 85]. Более того, испанцы называли себя «избранными Богом» для осуществления великой миссии – христианизации мира [10, с. 561]. С одной стороны, данная позиция была очевидной и ожидаемой, поскольку соответствовала духу эпохи и многовековым традициям католической церкви в государстве.

В 1941 г. по Соглашению со Святым Престолом в силу вновь вступил прежний Конкордат 1851 г., а с ним и положение о католицизме как единственной и официальной религии государства. Это исключало иноверие и инакомыслие, что закрепляли и другие законы. Идеологи национал-католицизма использовали также концепцию «Церкви Воинствующей» для идейно-политической мобилизации верующих, которые должны были быть готовыми в любой момент вступить в «смертельную схватку» с врагами церкви, нации или государства [9, с. 86]. Важнейшими ценностями признавались дисциплина, иерархия и вертикаль власти. Во главе иерархии стоял национальный вождь – каудильо, который был ответственен только перед «Богом и историей», но никак не перед народом. Каудильо – вне критики и подозрений. Его решения всегда верны и совершаются на благо Родины. Образ вождя был в чем-то приравнен к образу Папы Римского. Немаловажным фактором являлась прерогатива Ф. Франко назначать и низлагать испанских епископов. Таким образом, в руках каудильо оказался мощный инструмент контроля над церковью. Следует отметить, что представители церковной иерархии присутствовали во всех важнейших государственных институтах и многих других организациях. Совместными усилиями церкви и государства Испания должна была не только стать вновь христианской после перипетий гражданской войны, но и явить миру высший образец церковно-государственных отношений [10, с. 559–560].

После окончания гражданской войны связи франкистской Испании с фашистскими режимами были усилены. 7 апреля 1939 г. генерал Франко объявил о присоединении к Антикоминтерновскому пакту, подписанному Германией, Италией и Японией. Когда началась Вторая мировая война, Испания, будучи слишком слабой, чтобы вступить непосредственно в войну, оказывала фашистским странам помощь в военной, экономической и дипломатической сферах. Ф. Франко выступал с речами, в которых возвещал

миру, что только победа Гитлера может спасти Европу, и в то же время провозглашал, что «Испания никогда не вступит в союз ни с одной страной, не руководствующейся принципами католицизма» [7, с. 100]. Однако, несмотря на всю готовность Ф. Франко помочь Гитлеру и принять участие в создании фашизированной Европы, Испания, хотя и была весьма близка к объявлению войны, фактически так и не вступила в нее [7, с. 102]. В ноябре 1944 г. в интервью Агентству United Press, Ф. Франко заявил, что его режим поддерживал «абсолютный нейтралитет во время войны и не имел ничего общего с фашизмом» [11].

Тем не менее, католическая Испания по-другому воспринимала процессы, происходящие в мире. Влиятельный иезуит Элой Монтеро Гутьеррес в своих работах всячески превозносил фашизм, заявляя: «Мы, католики, не должны противостоять движению под названием “фашизм”, который является в высшей степени национальным. Мы должны воспринять его с любовью и направить его должным образом по традиционной и христианской стезе. Необходимо согласовать современные авторитарные тенденции с нашей славной традицией. Таким образом, возникнет новое государство, свободное от устаревших демократических и либеральных штампов, впечатанных в наши исторические институты» [6, с. 209]. Как видим, многие католики, особенно политически правые, не оставались в стороне от всеохватывающего идеологического влияния фашизма. По словам доктора исторических наук Мануэля Лоффе, большинство католических политиков не отказывалось сотрудничать с фашистами и проявляло готовность шествовать за фашистскими лидерами, создававшими «режимы нового типа». М. Лоффе подчеркивает, что испанские католики полностью поддерживали сакрализацию режима Ф. Франко. Это обернулось утверждением своего рода «гражданской религии». Кроме того, католическая церковь открыто поддержала политику антисемитизма. В Испании и сам Франко периодически выступал против «еврейско-масонского заговора» и, как он выражался, «опасных от природы евреев» [6, с. 213].

Кульминацией тесных взаимоотношений церкви и государства стало подписание в августе 1953 г. Конкордата между Ватиканом и Испанией. Новый Конкордат еще раз подтверждал определяющую роль католической церкви в испанском государстве на протяжении следующих двух с лишним десятилетий. Кроме того, был подтвержден порядок замещения вакансий церковной иерархии. Испанское правительство представляло Ватикану список из шести кандидатур, из которых Папа отбирал троих; право окончательного выбора принадлежало главе испанского государства – каудильо [2, с. 117–118]. В большинстве своих положений Конкордат лишь подтверждал сложившийся при Франко характер взаимоотношений между церковью и государством. Однако подписание такого соглашения, тем не менее, явилось событием первостепенной важности, упрочившим международное и внутригосударственное положение франкистского режима.

Таким образом, тот факт, что в период гражданской войны 1936–1939 гг. испанская церковь и Ватикан поддержали Национальное движение Ф. Франко, во многом объясняется антиклерикальной политикой правительства Республики в 1931–1936 гг. После победы франкистов утраченные позиции Католической Церкви в испанском обществе были восстановлены: Ф. Франко вернул церкви все ее привилегии, отобранные Республикой – от контроля за образованием до субсидирования государством строительства церквей и монастырей. Священнослужители были представлены во всех важнейших государственных институтах, а все принимаемые законы должны были соответствовать католической догме. 1940–1950-е гг. в Испании носили ярко выраженный клерикальный характер, это была эпоха религиозного пыла и воодушевления. Довоенный антиклерикализм рассеялся без следа, хотя, надо признать, репрессии военного времени весьма способствовали распространению религиозных настроений. Определяющей идеологией Испании в период франкизма был национал-католицизм, который заявлял право Испании на уникальную «католическую миссию» для христианизации всего мира. Конкордат 1953 г. еще раз подтвердил определяющую роль католической церкви в жизни испанского государства на протяжении последующих двух с лишним десятилетий.

Список использованных источников

1. Аллен, Дж. *Opus Dei* / Дж. Аллен; пер. с англ. И. Быстровой. – М.: Эксмо, 2007. – 470 с.
2. Байдаков, Ю. С. Эволюция отношений Ватикана и Католической церкви Испании с режимом Франсиско Франко в 1936–1975 гг. / Ю. С. Байдаков // Сборник работ 59-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ 15–17 мая 2002 г. – Минск: БГУ, 2002. – Ч. 2. – С. 116–121.
3. Бондаренко, Ю. В. Государство и церковь в Испании и Италии в XX веке / Ю. В. Бондаренко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Вып. 4. – Уфа, 2017. – С. 34–39.
4. Некрасов, А. В. Франкизм и католическая церковь: от согласия до оппозиции / А. В. Некрасов // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 9; научн. ред. Ю. В. Селезнев. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 136–143.
5. Санчес, С. Испанская католическая церковь и постфранкистская демократизация / С. Санчес, Р. Ромеро // Журнальный зал НЛЮ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ma45.html>. – Дата доступа: 20.12.2019.
6. Лофф, М. Бог, отечество, власть: Католическая церковь и иберийские фашизированные режимы (1933–1945 гг.) / М. Лофф // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. Вып. 4; научн. ред. Р. Г. Гостев. – Воронеж, 2016. – С. 204–214.
7. Мэнхэттэн, А. Ватикан. Католическая церковь – оплот мировой реакции / А. Мэнхэттэн; пер. с англ. И. Боронос и Н. Лосевой. – М.: изд. и тип. гос. изд. иностр. лит-ры, 1948. – 396 с.
8. *Payne, S. El catolicismo español* / S. Payne. – Barcelona: Planeta, 2006. – 384 p.
9. Коваль, Т. Б. Уроки истории: испанский национал-католицизм / Т. Б. Коваль // Иberoамериканские тетради. Cuadernos iberoamericanos. Вып. 1. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2013. – С. 82–91.

10. Коваль, Т. Б. Церковь и государство: испанский опыт / Т. Б. Коваль // Вопросы религии и религиоведения. Кн. 1 (II) – исследования. Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. – 2011. – С. 551–586.

11. Испания во Второй мировой войне (1939–1945) [Электронный ресурс] / Портал «promotour.info/spain». – Режим доступа: <http://www.promotour.info/spain/history/history45/>. – Дата доступа: 15.01.2020.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

С. В. Настусевич

Белорусский государственный университет, Минск

S. V. Nastusevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 929:930.1

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» В РАБОТАХ Л. П. РЕПИНОЙ: ПОИСК ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

THE CONCEPTION OF «NEW BIOGRAPHICAL HISTORY» IN L. P. REPINA'S WORKS: SEARCH FOR FORM AND CONTENT

В статье рассматривается концепция «новой биографической истории», впервые оформленная в работах современного российского исследователя Л. П. Репиной. Автор статьи оценивается понятийный аппарат данной концепции, ее основные теоретические положения, связи с антропологически ориентированной историей, дается оценка перспектив ее развития и предлагается собственная дефиниция понятия «новая биографическая история».

Ключевые слова: новая биографическая история; биографика; антропологически ориентированная история; микроистория; Л. П. Репина.

The article considers the concept of a «new biographical history», first formulated in the works of a modern Russian researcher L. P. Repina. The author of the article evaluates the conceptual apparatus of this conception, its basic theoretical positions, its connections with anthropologically oriented history, assesses its development prospects and offers his own definition of the term «new biographical history».

Key words: the new biographic history; theory of biography; anthropologically focused history; microhistory; L. P. Repina.

Возрастание роли индивидуализирующего подхода в исторических исследованиях, происходящее в конце XX – начале XXI в., повлекло за собой пересмотр теоретических оснований исторической биографии. Одним из первых историографов данных процессов на постсоветском пространстве стала Л. П. Репина. «Красной нитью» во многих ее работах прослеживается утверждение о зарождении в современной историографии так называемой

«новой биографической истории». Предполагается, что новый тип биографии должен отражать историю жизни конкретного человека, раскрывать особенности развития общества, в котором он жил, и, одновременно, характеризовать специфику их взаимоотношений. Концепция «новой биографической истории» представляет собой перспективное направление современных биографических исследований и требует дальнейшей разработки ее положений, с целью их последующего объединения в стройную и непротиворечивую теоретическую модель.

Основные задачи историографии заключаются в выявлении закономерностей развития исторической науки, методологической оценке теории и практики историографических школ и учений, определении возможностей для практической реализации их положений в исторических исследованиях. Историография, являясь формой рефлексии исторической науки, в конечном счете всегда была нацелена на достижение ее наиболее совершенного состояния. В связи с этим разработка и поиск новых концептов в исторической науке вместе с расширением ее познавательного потенциала приобретает всё большее значение. С особой силой это стало проявляться в период активного вовлечения в оборот исторической науки нетрадиционных исследовательских объектов на фоне объединения социологической, культурологической и антропологической платформ исторического познания. Данные процессы, начавшиеся в 60–70-х гг. XX в., привели к возникновению понятия «новая историческая наука», которое закрепилось с выходом во Франции одноименного энциклопедического справочника (1978) [1, с. 41]. Отчасти этим же обусловлены «вызовы постмодернизма», современный плюрализм мнений и подходов в академической среде, а также острая необходимость в междисциплинарности.

Одной из центральных тенденций развития исторической науки в конце XX – начале XXI в. является возрастание роли индивидуализирующего подхода в исследованиях [1, с. 73]. Интерес к данному подходу обусловлен ростом популярности в конце XX в. микроистории, что повлекло за собой пересмотр теоретических оснований исторической биографии [2, с. 184]. Одним из первых историографов данных процессов на постсоветском пространстве стала Л. П. Репина. Ее работы, начиная со статьи о «персональной истории» во втором выпуске альманаха «Казус» (1999) [3, с. 76–100] и заканчивая отдельной главой о биографической истории в монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика» (2011) [4, с. 287–324], внесли значительный вклад в осмысление современного состояния исторической биографии. Теоретические изыскания Л. П. Репиной получили свое продолжение в работах А. С. Соколова [5, с. 4–11], Е. П. Александрова [6, с. 223–227], Ю. В. Дунаевой [7, с. 8–34], Д. А. Жуйкова [8, с. 133–136], Т. Н. Поповой [9, с. 540–563; 10, с. 265–292], Т. Н. Ивановой и Г. П. Мягкова [11, с. 167–176], а также легли в основу пятого выпуска журнала «Диалог со временем» (2001) [12] и исследовательского

проекта «Человек второго плана», созданного в 2003 г. на базе Ростовского регионального отделения Общества интеллектуальной истории.

«Красной нитью» в работах Л. П. Репиной прослеживается утверждение о зарождении в современной историографии так называемой «новой биографической истории». К такому выводу автор приходит, анализируя изменения в биографическом жанре, происходящие в западной историографии. Однако, на Западе (главным образом в англоязычной историографии) данные процессы объединены другим достаточно широким понятием «personal history», утвердившимся еще в 80-х гг. XX в. При этом Л. П. Репина подчеркивает, что под этим термином часто обозначаются самые разные ракурсы исследования: а) «история персоны» – традиционная биография значимого исторического лица; б) «личная история» – исследование личных, частных, эмоционально окрашенных отношений индивида; в) «внутренняя биография» – в центре оказывается процесс становления личности, ее душевная и мыслительная работа; г) «экспериментальные интеллектуальные автобиографии историков», которые обычно являются способом рефлексии над исторической профессией. В результате понятие «персональная история» становится слишком размытым и малопригодным для конкретного использования. В попытке сузить его, для своего анализа исследователь выбирает «личную историю» и «внутреннюю биографию», оставив в стороне традиционные и автобиографические работы [3, с. 78–82]. В соответствии с этим выбором Л. П. Репина определяет основной исследовательский объект «персональной истории» – «персональные тексты», а в качестве предмета данного направления называет «историю одной жизни» во всей ее уникальности и полноте» [12, с. 7]. При этом основную задачу «персональной истории» автор видит в одновременном изучении индивидуальности и личности героя и исторического социума, в который он помещен [12, с. 8]. В результате, сужая основной исследовательский объект «персональной истории» до «персональных текстов» (эго-документов) и ставя такую сложную задачу, Л. П. Репина фактически вступает в концептуальное противоречие с собой, поскольку подобная задача требует задействования максимально широкого охвата источников, не только отражающих внутренние переживания и мысли героя, но и позволяющих провести полноценное исследование социокультурной среды, в которой он жил. Данное представление о «персональной истории» в работах исследователя становится центральным и получает название «новой биографической истории», а сами понятия становятся взаимозаменяемыми и неоднократно используются в качестве синонимов [3, с. 78; 4, с. 293; 12, с. 9; 13, с. 344].

Основное отличие нового типа биографии от старого Л. П. Репина видит в том, что «в нем личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов, формирование и развитие их внутреннего мира, “следы” их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума и таким

образом используются для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практикуется в традиционных исторических биографиях» [3, с. 78]. Таким образом, предполагается, что новый тип биографии должен отражать историю жизни конкретного человека, раскрывать особенности развития общества, в котором он жил, и, одновременно, характеризовать специфику их взаимоотношений. Объектом подобного исследования выступает историческая действительность в широком пространственно-временном промежутке – т. е. не только затрагивающая место и время в которых жил индивид, но и те место и время, в которых сохранялась социальная и культурная память о нем. Под предметом исследования понимается история взаимодействия индивида с данной исторической действительностью, охватывающая как «личное взаимодействие», так и опосредованное его продуктами творчества. Поэтому важнейшей темой биографии этого типа является не только характеристика индивидуальности и личности человека, но и то, как общество реагировало на его действия и продукты творчества. В конечном счете этот анализ охватывает человека и общество в равной степени.

В качестве эталона «новой биографической истории» Л. П. Репина приводит работу Ж. Ле Гоффа «Людовик IX Святой» (1995) [3 с. 86]. Французский историк работал над этой книгой пятнадцать лет, и по его собственному признанию он «не без содрогания понял: историческая биография – один из самых сложных жанров исторической науки» [14, с. 16]. Дело в том, что Ж. Ле Гофф в своей работе постарался совместить ряд современных подходов и привнести в биографический жанр новое понимание его места и роли в историописании. Во-первых, автор под «исторической биографией» понимает именно историческое исследование, целью которого является открытие нового исторического знания. Простое событийное описание жизни личности прошлого, «романтизированная биография», чрезмерное увлечение биографа «неуместным психологизмом» и «голословными» необоснованными выводами, отсутствие дистанции между автором и героем биографии, попытки «вжиться» в своего героя, обыкновенное несоблюдение методологии исторической науки, и другие проблемы присущие большинству биографий изданных в XX в., заставляют Ж. Ле Гоффа заявлять о том, что историческая биография, «за некоторыми блестящими исключениями», в середине XX в. перестала существовать [14, с. 16]. Во-вторых, французский историк представляет героя биографии в качестве «глобализирующего объекта», вокруг которого организуется все поле исследования, и который «кристаллизует вокруг себя все свое окружение и все сферы, которые выкраивает историк из поля исторического знания» [14, с. 17]. В результате границы биографического исследования оказываются предельно широкими и включают в себя социальную, политическую, экономическую, культурную, религиозную и другие сферы исторической действительности, объединенные индивидуальностью и личностью героя. Из этого следует, что существование исторической биографии невозможно вне междисциплинарного подхода. В-третьих, биографи-

ческая модель в которой жизнь героя представлена в качестве упорядоченной цепочки важных и логических событий, ведущих к определенному конечному результату, по мнению Ж. Ле Гоффа, несостоятельна, поскольку она создает «биографическую иллюзию» цельной и сложившейся личности, действующей осмысленно и без колебаний, что, естественно, не приближает историка к реальному человеку прошлого. Биограф, наоборот, должен обращать внимание на проблемы выбора, перед которым стоял герой, на его сомнения, сожаления и противоречивость социальных ролей, которые он играл, а также допускать возможность принципиальной непостижимости некоторых противоречивых аспектов его личности. В-четвертых, Ж. Ле Гофф указывает на ошибочность противопоставления индивидуума и социума, поскольку человек «существует лишь в переплетении многообразных общественных отношений, и именно это многообразие позволяет ему реализоваться» [14, с. 22]. Таким образом общество и личность опосредованы друг другом и их раздельное изучение не оправдывает себя. В-пятых, по мнению французского историка, хронология биографии и биологической жизни ее героя может не совпадать. Множество знаний, представлений и привычек человека складываются под влиянием старшего поколения. Поэтому описание жизни следует начинать до рождения героя. По схожей причине окончанию биографии не должно соответствовать время смерти героя, поскольку сохраняется и модифицируется память о нем, а воспоминания, некрологи и работы современников изменяют дальнейшее восприятие его образа и, соответственно, жизнеописание [14, с. 17–24]. Как видим, подход Ж. Ле Гоффа предполагает «тотальную» историю личности, затрагивающую все возможные аспекты ее жизни. Идеи ученого были успешно реализованы в биографии Людовика IX, которая во многом определила базовые положения концепции «новой биографической истории».

Несмотря на приверженность Ж. Ле Гоффа антропологическим исследованиям, Л. П. Репина в своих работах практически не обращает внимание на то, что в западной историографии оформление нового подхода к биографическому исследованию произошло в рамках развития антропологически ориентированной истории и, в частности, микроистории. Многие новаторские положения, которые послужили концептуальному оформлению «новой биографической истории» были поставлены в основу таких работ как: «Сыр и черви. Картина одного мельника жившего в XVI в.» (1976) К. Гинзбурга и «Нематериальное наследство: Карьера экзорциста в Пьемонте XVII века» (1985) Дж. Леви [1, с. 89–93]. В обеих работах в центре повествования расположен отдельный индивид, взаимодействующий со сложной социальной средой, в которой он существует. Благодаря микроанализу, исследователи смогли рассмотреть не только личности своих персонажей, но и окружающую их социокультурную реальность в ее конкретных проявлениях. Личность здесь выступила в роли «линзы», естественным образом помещенной внутрь исторической действительности и изнутри преломляющей ее изображение в различных формах. В результате исследователи приобрели возможность рассмотреть

историческую действительность максимально подробно в новом ракурсе на относительно широком участке (за счет многообразия социокультурных сфер, в которые погружен индивид). Данный подход не только был воспринят Ж. Ле Гоффом для своей работы в качестве основного, но и полностью соответствует центральной задаче, которую Л. П. Репина поставила перед «новой биографической историей» – объединение исследования индивидуальности и личности героя биографии и социокультурной среды, с которой он взаимодействовал.

В своих работах Л. П. Репиной не удалось предложить собственную дефиницию понятия «новой биографической истории», которая позволила бы разграничить его с предельно широким понятием «personal history» (как упоминалось выше, исследователь употребляет их в качестве синонимов). В результате размытость понятия «personal history» не позволяет обозначить те основные задачи и подходы, которые были заложены автором в концепцию «новой биографической истории», и отразить ее содержательную часть и собственно «новизну» данного типа исследования. Подобную попытку совершила украинский исследователь Т. Н. Попова. В ее версии под «новой биографической историей» понимается «социальная персональная история», в которой «процедура реконструкции личной жизни выступает в качестве цели исследования, и одновременно – в качестве одной из предпосылок познания исторического социума» [9, с. 541–542]. Данное определение отражает важнейшую качественную характеристику концепции, но на наш взгляд не является исчерпывающим. В связи с этим, опираясь на вышесказанное, приведем собственную дефиницию этого понятия: «“новая биографическая история” – это научная концепция, сформированная в рамках антропологически ориентированной истории и предлагающая новый тип междисциплинарного биографического исследования, в равной степени охватывающий индивидуальность и личность человека, жившего в прошлом, и социокультурную среду, с которой он взаимодействовал, и предполагающий тотальное, многоплановое изучение индивидуальности и личности героя, социокультурной среды и совокупности взаимодействий между ними во всем их многообразии». Практическое воплощение данной концепции в жизнь предполагает достижение цели, носящей двуединый характер: 1) максимально полное раскрытие особенностей индивидуальности и личности героя; 2) получение нового знания об исторической действительности, отражающего специфику взаимодействия в ней индивидуального и коллективного опыта, уникального и всеобщего восприятия, микро- и макроуровней исторической реальности, воплощенную в конкретных жизненных ситуациях. Этот подход объединяет множество форм исторического и биографического исследования и носит междисциплинарный, а на наиболее высоком уровне, синтетический трансдисциплинарный характер.

Таким образом, концепция «новой биографической истории» представляет собой перспективное направление современных биографических исследова-

ний. Основные принципы данной концепции были сформированы в рамках развития антропологически ориентированной истории в 70–90-х гг. XX в., в частности микроистории. Свое название «новая биографическая история» получила в работах российского исследователя Л. П. Репиной по аналогии с понятием «новая историческая наука». Своими работами автор оказала значительное влияние на современную русскоязычную историографию, хоть и не избежала трудностей в оформлении соответствующего понятийного аппарата, который бы смог адекватно отразить основные теоретические положения рассматриваемой концепции. Поскольку данная концепция обладает высоким научным потенциалом и, совместно с основными направлениями антропологически ориентированной истории, способна вывести историческое исследование на качественно иной уровень, необходима дальнейшая разработка ее положений с целью их последующего объединения в стройную и непротиворечивую теоретическую модель.

Список использованных источников

1. Кром, М. М. Историческая антропология: учебное пособие / М. М. Кром. – 3-е изд. – СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 214 с.
2. Кром, М. М. Историческая биография: новая жизнь старого жанра / М. М. Кром // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г.) / Изд-во С.-Петерб. ун-та; редкол.: Г. В. Калашников [и др.]. – СПб., 2002. – С. 182–189.
3. Репина, Л. П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л. П. Репина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Т. 2. – С. 76–100.
4. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
5. Соколов, А. С. Биография в истории: проблемы и перспективы / А. С. Соколов // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. – 2005. – С. 4–11.
6. Александров, Е. П. Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса / Е. П. Александров // Ученые записки РГСУ. – 2008. – № 4. – С. 223–227.
7. Историческая биография: современные подходы и методы исследования: сборник обзоров и рефератов / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам (Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел истории); редкол.: Ю. В. Дунаева (отв. ред.) [и др.]. – М., 2011. – 172 с.
8. Жуйков, Д. А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии / Д. А. Жуйков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 25 (279). История. Вып. 52. – С. 133–136.
9. Попова, Т. Н. Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия / Т. Н. Попова // Человек в истории и культуре: мемор. сб. материалов и исслед. в память лауреата Гос. премии Украины, академ. РАЕН, проф. Владимира Никифоровича Станко. – Одесса, 2012. – С. 540–563.
10. Попова, Т. Н. Историография в человеческом измерении / Т. Н. Попова // Історіографічні дослідження в Україні. – 2012. – Вип. 22. – С. 265–292.
11. Иванова, Т. Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Институт всеобщей истории РАН, Российский

государственный гуманитарный университет; редкол. О. В. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. – М., 2012. – С. 167–176.

12. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история / Институт всеобщей истории РАН; редкол.: Л. П. Репина (гл. ред.) [и др.]. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 400 с.

13. Репина, Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти / Л. П. Репина // Сотворение Истории. Человек – Память – Казань: Изд-во КГУ, 2001. – С. 344–360.

14. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. В. И. Матузовой; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М.: Ладомир, 2001. – 800 с.

(Дата подачи: 17.02.2020 г.)

Ф. А. Некрашевич

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

P. A. Nekrashevich

Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355(476)(09)«1797/1839»

ИСТОРИЯ ВИТЕБСКОГО БАТАЛЬОНА ВОЕННЫХ КАНТОНИСТОВ (1797–1839 ГГ.)

HISTORY OF THE VITEBSK CANTONISTS BATTALION (1797–1839)

Школы военных кантонистов являлись учреждениями образования вооруженных сил Российской империи. Их основной целью была подготовка квалифицированных кадров для армии. На территории Беларуси подобные учреждения были представлены Витебским батальоном военных кантонистов. Здесь проходили обучение в основном уроженцы белорусских губерний.

Ключевые слова: кантонисты; военное образование; эпидемии; материальное обеспечение; Витебск.

Cantonist schools were educational institutions of the armed forces of the Russian Empire. Their main goal was to train qualified personnel for the army. Vitebsk battalion of military cantonists represented such institutions on the territory of Belarus. It consisted of natives of Belarusian provinces.

Key words: cantonists; military education; epidemic; material support; Vitebsk.

Инкорпорация белорусских земель в состав Российской империи повлекла за собой появление новых повинностей для податного населения региона. Самой тяжелой из них стала рекрутская повинность, ставшая трагической страницей в истории Беларуси. В историографии по данной проблеме главное внимание уделяется основному сюжету – привлечению на многолетнюю военную службу взрослых мужчин из податных сословий. Тем не менее, с рекрутчиной были связаны и другие сюжеты. Например, судьба сыновей рекрут.

В Российской империи солдатские сыновья (кантонисты) с рождения числились за военным ведомством. Вплоть до достижения совершеннолетия они обучались в специальных школах, а затем распределялись на службу в армию. Возрастные рамки учащихся претерпевали изменения и составляли примерно 10–14 лет. Основное внимание в учебной программе кантонистов уделялось строевой подготовке, грамоте и различным ремеслам, востребованным в армии. Благодаря кантонистам армия пополнялась не только грамотными и обученными солдатами, но и подготовленными унтер-офицерским и специальным техническим персоналом [1, с. 5]. Воспитательные учреждения военных кантонистов несколько раз меняли свое название: гарнизонные школы (начало XVIII в. – 1798 г.), военно-сиротские отделения (1798–1826 гг.), а также роты, полубатальоны и батальоны военных кантонистов (1826–1856 гг.). При этом основная цель и система воспитания принципиально не изменялись.

Появление учреждений для обучений детей военнослужащих на белорусских землях связано с присоединением земель Речи Посполитой. В связи с постоянным размещением российских военных частей на территории современной Беларуси возникла необходимость в учреждении гарнизонных школ. Первые сведения о появлении в Витебске учреждения для обучения кантонистов относятся к 1797 г. В это время в городе существовала гарнизонная школа. В 1798 г. она была переименована в витебское военно-сиротское отделение. В 1824 г. все военно-сиротские отделения были переведены в подчинение ведомству военных поселений и 3 декабря 1826 г. они были переименованы в роты, полубатальоны и батальоны военных кантонистов. В связи с этим витебское военно-сиротское отделение вошло в состав 2-й учебной бригады военных кантонистов и получило статус полубатальона. Помимо Витебского полубатальона, в состав бригады входили: Смоленский батальон, Рижский, Ревельский и Псковский полубатальоны [3, Т. 1, № 720]. Наконец, в 1834 г. Витебский полубатальон военных кантонистов был преобразован в батальон.

Сохранившиеся материалы фондов НИАБ в г. Минск, а также опубликованные источники дают возможность составить представление о материально-техническом обеспечении витебского батальона военных кантонистов, условиях содержания учащихся, а также причинах ликвидации этого учреждения. К сожалению, в архивных материалах практически отсутствуют данные об организации учебного процесса.

По имеющимся данным можно составить неполный список фамилий офицеров с примерными датами их командования витебскими кантонистами: майор Чанлыгин (1828 г.) [4, л. 1], капитан Миннеман (примерно 1829–1830 г.) [5, л. 30], капитан Тризна (февраль – декабрь 1832 г.) [6, л. 20], штабс-капитан Зелен (январь – март 1834 г.), майор Михеев (апрель – лето 1834 г.), майор Ушаков (1834 г.), штабс-капитан Студинский (1834–1836 гг.), [7, л. 8–9, 13, 18; 8, л. 18, 52]. Последним командиром витебского батальона военных кантонистов был подполковник Винюков (1836–1839 гг.), [9, л. 3; 8, л. 230].

Численность витебских кантонистов постоянно росла. В 1797 г. в Витебской гарнизонной школе было около 50 человек. Витебское военно-сиротское отделение 1 января 1818 г. насчитывало 597 чел., а 1 января 1823 г. – уже 1108 чел. Численность Витебского батальона в октябре 1835 г. составляла около 1150 чел. [10, Прил., с. 70, 77, 88; 11, л. 71].

Быстрый рост численности витебских военных кантонистов был вызван несколькими причинами. Во-первых, постепенным увеличением подотчетной территории. Так, в 1797 г. в Витебскую гарнизонную школу принимались лишь дети, проживавшие на территории Витебской губернии. В 1827 г. в Витебский полубатальон распределялись также кантонисты из Царства Польского, Виленской, Гродненской, Могилевской и Орловской губерний [2, Т. 2, № 1159]. Во-вторых, со временем рос перечень категорий лиц, направляемых на воспитание в учреждения кантонистов. Изначально гарнизонные школы создавались сугубо для воспитания и подготовки детей нижних чинов российской армии. Впоследствии в военно-сиротские отделения определялись также малолетние бродяги, преступники и подростки из свободных сословий, чьи родители добровольно соглашались отдать их навсегда в военное ведомство [2, Т. 34, № 26595; Т. 38, № 29435]. В связи с этим учреждения военных кантонистов приобрели новые социальные функции. Появление в этих учреждениях малолетних бродяг и преступников свидетельствовало о том, что батальоны военных кантонистов теперь должны были не только готовить будущих солдат, но и перевоспитывать трудных подростков. Возможность поступления в батальоны военных кантонистов детей обедневших дворян и мещан означало, что государство решило наделить их важной функцией по оказанию социальной поддержки лицам, которые потенциально могли стать маргинальными элементами общества.

По состоянию на 1 августа 1833 г. Витебский полубатальон военных кантонистов занимал следующие здания: двухэтажный дом с каменным фундаментом с погребным этажом, каменный трехэтажный дом, два каменных одноэтажных дома, небольшой каменный дом, деревянный одноэтажный дом на каменном фундаменте, деревянная баня на каменном фундаменте, деревянная прачечная на каменном фундаменте, небольшой деревянный дом на каменном фундаменте, деревянное отхожее место, деревянный сарай, деревянная двухэтажная сушильня.

Кроме того, на территории расположения полубатальона находились два колодца, а весь комплекс зданий был обнесен деревянным забором [11, л. 14–20]. К сожалению, имеющиеся данные не дают возможности определить функциональное предназначение большинства вышеуказанных построек. Известно лишь, что данный комплекс был построен комендантом витебского гарнизона Сергеем Сергеевичем Минихом (1744–1812 гг.) и военные кантонисты располагались в нем в 1823–1839 гг.

Следует отметить, что в указанном комплексе зданий военные кантонисты проживали в основном в холодное время года. В теплое время года учащиеся

размещались в палатках для проведения занятий в полевых условиях. В июне 1828 г. командование 2-й учебной бригады военных кантонистов высказало идею строительства специально оборудованного бивуака, но затем от этой идеи отказались [12, л. 40].

Отсутствие необходимых помещений для организации быта всех обучающихся заставляла военное командование искать альтернативные источники решения «квартирного вопроса». Одним из вариантов могло быть использование конфискованных зданий. Например, после подавления восстания 1830–1831 гг. всерьез рассматривался вопрос о передаче Витебскому полубатальону строений коллегиума пиаров. Однако здания коллегиума требовали серьезного ремонта, на который не хватило финансовых средств [13, л. 6–6 об.].

Состояние строений, в которых размещались военные кантонисты, нередко вызывало вопросы. Так, 22 апреля 1833 г. в здании, в котором находились столовая и учебные аудитории, из-за прогнивших балок обвалился потолок в буфете. Выделенной на ремонт суммы в 1800 руб. оказалось недостаточно, так как при более тщательном осмотре строения губернским архитектором Беттини были обнаружены и другие важные недостатки конструкции, которые могли угрожать здоровью людей. В результате ремонт растянулся до конца 1833 г. [14, л. 3, 26, 52].

Не имея возможности построить новые казармы, военным приходилось брать в аренду здания у гражданских лиц. Например, в ноябре 1828 г. начальник штаба военных поселений генерал-адъютант П. А. Клейнмихель обратился к генерал-губернатору Витебскому, Могилевскому и Смоленскому Н. Н. Хованскому с просьбой о помощи в аренде для нужд Витебского полубатальона частного дома надворной советницы Ефимовичевой. По словам П. А. Клейнмихеля, аренда дома позволила бы обеспечить жильем 150 кантонистов [5, л. 1–1 об.].

Имели место ситуации, когда кантонисты проживали не в казармах, а на съемных квартирах. Например, в 1835 г. из-за проведения ремонтных работ в зданиях батальона кантонистов, учащиеся были распределены по квартирам жителей г. Витебска. Кроме того, в случае недостатка мест в казармах, военных кантонистов старшего возраста также могли размещать в домах гражданского населения. Это решение имело несколько недостатков. Во-первых, государство несло дополнительные финансовые расходы. Во-вторых, проживание части кантонистов за пределами расположения военной части негативно сказывалось на уровне дисциплины. Порой это приводило к трагическим последствиям. Так, 1 января 1831 г. два кантониста старшего возраста Клим Дворцов и Франц Шиманский, жившие в одном из частных домов в Витебске, после вечерней переключки отправились в корчму вместе с мещанином Авдеем Лапыревым. На следующее утро оба кантониста были найдены мертвыми, а подозреваемый в причастности к их смерти А. Лапырев скрылся из города [15, л. 1–1 об.]. В-третьих, условия проживания кантонистов на квартирах мало отличались от жизни в казарме. Из-за недостатка

в Витебске семейств, способных нести квартирную повинность, кантонистов приходилось селить по 5–6 человек в одном доме.

Недостаточное материальное обеспечение не могло не сказаться на условиях содержания военных кантонистов. Одной из важнейших проблем являлись антисанитарные условия, в которых жили юные военнослужащие. В связи с этим распространение массовых заболеваний не являлось редкостью. Даже П. А. Клейнмихель признавал, что недостаток помещений неминуемо ведет к распространению заболеваний среди учащихся, особенно в зимнее время [5, л. 1–1 об.]. Например, из 100 еврейских детей, поступивших в витебский полубатальон по 95-му рекрутскому набору 1831–1832 гг., 65 человек были больны [16, с. 138].

Антисанитарные условия усугублялись посредственным уровнем медицинской помощи. Так в марте 1828 г. 60 учащихся, больных инфекционными заболеваниями глаз, цынгой, желтухой, грыжей и чехоткой, были помещены в витебский гражданский госпиталь. Проверка содержания больных командиром 2-й учебной бригады военных кантонистов полковником Вохиным выявила многочисленные нарушения со стороны персонала больницы: пациентов кормили испортившимися продуктами, не всем больным хватало кроватей и некоторым приходилось спать на полу или вдвоем на одной кровати, врачи больницы халатно относились к своим обязанностям и не всегда находились на рабочем месте. Полковник потребовал от витебского гражданского губернатора А. У. Сорокунского немедленно уволить руководителя госпиталя Мухина как «безнадежного и равнодушного свидетеля беспорядков», царивших в этом медицинском учреждении [17, л. 11, 13 об.].

Антисанитарные условия и неудовлетворительное медицинское обеспечение приводили к массовым заболеваниям. По состоянию на 1 января 1818–1823 гг. в больницах находилось от 2,8 % до 27,93 % кантонистов. В это же время уровень смертности среди витебских военных кантонистов ежегодно колебался от 2,31 % до 6,83 % [10, с. 70–90].

Несмотря на все трудности, отрывочные сведения позволяют говорить о том, что побегов учащихся из расположения части было относительно мало. За период 1817–1822 гг. побегов из витебского полубатальона не зафиксировано [10, Прил., с. 70–90]. При этом единичные случаи побегов имели место. Например, в мае 1828 г. бежал Феклист Филиппов, поступивший в военные кантонисты из арестантов за воровство [4, л. 1].

Очевидно, что отсутствие необходимой материальной базы витебского полубатальона было связано с недостаточным финансированием. При этом важную роль здесь играл уровень развития экономики белорусских губерний. Согласно российскому законодательству, за материальное обеспечение военных кантонистов должны были отвечать местные гражданские власти. Состояние отдельно взятого подразделения кантонистов во многом зависело от того, есть ли необходимые средства в губернской казне [2, Т. 25, № 18793, Т. 30,

№ 23237]. О возможностях российских властей содержать витебских военных кантонистов красноречиво говорит история с вышеописанной арендой дома надворной советницы Ефимовической. В ответ на просьбу П. А. Клейнмихеля Н. Н. Хованский возразил, что из-за бедности жителей г. Витебска необходимых средств для аренды дома нет. Тем не менее, потребность в жилье для учащихся была настолько серьезной, что проблему пришлось решать путем введения уравнительного платежа для витебчан [5, л. 9, 15]. Вполне возможно, что подобные противоречия между военными, в подчинении которых находились батальоны кантонистов, и гражданскими чиновниками, которые вынуждены были содержать неподведомственные им учебные заведения, не были редкостью.

История Витебского батальона военных кантонистов оборвалась в 1839 г., когда он был переведен в г. Киев и впредь должен был называться Киевским батальоном. Это событие вызвало значительные изменения в распределении военных кантонистов из западных губерний. Так, уроженцы Смоленской, Орловской, Могилевской, Витебской и Виленской губерний направлялись в Смоленский батальон военных кантонистов, а уроженцы Киевской, Минской, Гродненской губерний, Белостокской области и Царства Польского распределялись в Киевский батальон [18, л. 6]. Здания, ранее занимаемые военными кантонистами, были переданы витебскому гарнизонному батальону [19, л. 1–1 об].

Точные причины передислокации батальона неизвестны. Согласно исследователю В. В. Шепетильникову, в большинстве случаев основной причиной перемещения подразделений военных кантонистов в другой населенный пункт было желание сократить расходы. Если подразделение имело постоянный некомплект, военное руководство считало целесообразным присоединить его к другой части [20, с. 248]. Тем не менее, развертывание в 1834 г. Витебского полубатальона военных кантонистов в батальон позволяет говорить о том, что это подразделение не испытывало недостатка в новобранцах.

Вполне возможно, основной причиной перевода батальона в Киев стала острая нехватка помещений для размещения обучаемых. Об этом красноречиво говорят вышеописанные проблемы с постройкой и ремонтом зданий данного подразделения. Еще в апреле 1834 г. Н. Н. Хованский указывал на то, что ремонт этих зданий являлся пустой тратой средств из-за сильной ветхости. По его словам, еще в 1827 г. Витебская врачебная управа докладывала о «совершенной вредности» помещений для здоровья учащихся [8467, л. 16 об.]. Кроме того, в 1830–1839 гг. киевский батальон военных кантонистов был временно расформирован по причине строительства в городе казарм, специально создаваемых для юных солдат. Это позволило к 1839 г. создать в Киеве необходимые условия для размещения значительного числа учащихся. Следовательно, перевод витебского батальона из города, где существовала постоянная нехватка помещений для создания приемлимых условий

содержания подростков, в город с новыми, специально предназначенными для учащихся казармами, являлся очевидным решением.

Таким образом, Витебский батальон военных кантонистов являлся одним из самых больших учреждений, дававших начальное образование на территории белорусских губерний в 1800–1830-х гг. Кроме того, батальон выполнял важную социальную роль по содержанию детей из малообеспеченных семей и детей-сирот, а также частично нес функцию пенитенциарного учреждения. Материальное обеспечение витебского батальона военных кантонистов оставляло желать лучшего. Это прямым образом влияло на условия содержания и уровень заболеваемости учащихся. Аварийное состояние строений витебского батальона военных кантонистов явилось наиболее вероятной причиной его передислокации в г. Киев. Так как батальон обеспечивал кадры только для российских вооруженных сил, его влияние на рост образованности, развития экономики и культуры белорусских губерний было незначительным.

Список использованных источников

1. Ячменихин, В. К. Военные кантонисты Русской армии, 1797–1836 гг.: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / В. К. Ячменихин. – М., 2000. – 218 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
4. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – № 1322. Дело о розыске бежавшего из Витебского полубатальона кантониста Филиппова Феклиста. 14.04.1828 – 21.08.1828. – 26 л.
5. НИАБ. – Фонд 14.30. – Оп. 1. – № 1191. Дело об отводе дома Н. С. Ефимовичева под помещение кантонистов Витебского полубатальона. 02.11.1828 – 24.06.1830. – 30 л.
6. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – № 3659. Переписка с земскими судами Витебской губ. И полубатальоном кантонистов о зачислении детей солдаток в полубатальон. 15.02.1832 – 24.12.1832. – 54 л.
7. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – № 4554. Дело о зачислении солдатских детей в Витебский полубатальон кантонистов. 11.01.1834 – 31.12.1834. – 69 л.
8. НИАБ. – Фонд 14.30. – Оп. 1. – № 4507. Дело об обеспечении Витебского батальона кантонистов отоплением и освещением. 17.11.1834 – 19.05.1839. – 240 л.
9. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – № 6156. Дело о розыске самовольно отлучившегося малолетнего кантониста Витебского батальона Рынкевича. 28.07.1836 – 14.08.1836. – 3 л.
10. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Александра I / сост. и ред. Н. П. Михневич. – 1902. – 211 с.
11. НИАБ. – Фонд 1297. – Оп. 1. – № 8467. Дело по рапорту командующего Витебским батальоном военных кантонистов майора Михеева о ветхости зданий, занимаемых кантонистами. 18.03.1834 – 27.02.1837. – 84 л.
12. НИАБ. – Фонд 14.30. – Оп. 1. – № 1374. Дело о строительстве бивуака для Витебского полубатальона кантонистов. 13.06.1828 – 20.09.1829. – 40 л.
13. НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – № 6831. Дело по отношению командира 2-й учебной бригады военных кантонистов об отводе дома Меняйлова или другого строения под помещение кантонистов. 24.01.1830 – 23.08.1830. – 7 л.

14. НИАБ. – Фонд 14.30. – Оп. 1. – № 3880. Дело о постройке цейхгауза при Витебском полубатальоне кантонистов. 06.02.1833 – 23.12.1833. – 49 л.

15. НИАБ. – Фонд 1297. – Оп. 1. – № 5643. Дело по рапорту командира бригады военных кантонистов полковника Вахина о скоропостижной смерти кантонистов К. Дворуба и Ф. Шматинского. – 30.01.1831 – 8 л.

16. *Петровский-Штерн, Й.* Евреи в русской армии 1827–1914 гг. / Й. Петровский-Штерн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 556 с.

17. НИАБ. – Фонд 1297. – Оп. 1. – № 2717. Дело по рапорту командира 2-й учебной бригады кантонистов полковника Вохина об увольнении смотрителя Мухина за плохое состояние больницы военных кантонистов. 27.07.1828 – 28.08.1828. – 21 л.

18. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – № 7956. Дело о переводе батальона военных кантонистов в г. Киев. 12.07.1839. – 9 л.

19. НИАБ. – Фонд 14.30. – Оп. 1. – № 8181. Дело о передаче строений упраздненных доминиканских монастырей батальону витебских военных кантонистов. 29.12.1839 – 16.03.1840. – 78 л.

20. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В. В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.

(Дата подачи: 11.02.2020 г.)

В. В. Олейник

Военная академия Республики Беларусь, Минск

V. Oleinik

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 344.3

ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ)

MILITARY JUSTICE DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION (BY THE MATERIALS OF HISTORICAL ARCHIVES OF BELARUS)

В статье на основе архивных данных раскрываются отдельные аспекты деятельности органов военной юстиции Виленского военного округа в начале прошлого столетия на белорусских землях. Предметом анализа выступают документы временных военных судов в Бобруйске и Гродно, в которых рассматривались уголовные дела в отношении военнослужащих Российской императорской армии. При этом изучаются положения Военного устава о наказаниях 1867 года и практика применения его третьего издания, а также обращается внимание на отдельные биографические данные участников этих процессов. Делается вывод о том, что описанные дела могут служить примером деятельности органов военного правосудия начала XX века.

Ключевые слова: органы военной юстиции; архивные материалы; уголовное дело; временные военные суды; Виленский военный округ; нижний чин; микроистория.

Based on archival data, the article reveals certain aspects of the activities of the military justice bodies of the Vilnius Military District at the beginning of the last century on Belarusian lands. The subject of analysis is the documents of temporary military courts in Bobruisk and Grodno, which examined criminal cases against military personnel of the Russian Imperial Army. At the same time, the provisions of the Military Statute on punishments of 1867 and the practice of applying its third edition are studied, and attention is also paid to individual biographical data of participants in these processes. It is concluded that the described cases can serve as an example of the activities of the military justice bodies of the early twentieth century.

Key words: military justice bodies; archival materials; criminal case; temporary military courts; Vilna military district; lower rank; microhistory.

Изучение примеров деятельности органов военной юстиции начала прошлого века по материалам исторических архивов Республики Беларусь является необходимым элементом объективных научных изысканий в рамках данного раздела Отечественной истории. Особый интерес представляют свидетельства такой деятельности на белорусских землях в сложный период Первой русской революции. Несмотря на активное участие Виленского военно-окружного суда, охватывавшего своей юрисдикцией, в частности, территорию нашей страны, в работе по нейтрализации последствий революционных выступлений 1905–1907 годов и сопутствовавших им противоправных деяний военнотружущих, результаты данной работы, к сожалению, не достаточно широко представлены материалами белорусских исторических архивов.

В настоящее время исследователям доступны следующие фонды названных государственных архивных учреждений. В фонде «Временный военный суд, г. Бобруйск» Национального исторического архива Беларуси (далее – НИАБ) находится на хранении «Дело по обвинению солдата 238 пехотного Клязминского полка Роднянского С. А. в умышленном членовредительстве с целью уклонения от военной службы» [1]. Кроме того, в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно) в фонде «Временный военный суд в г. Гродно» имеется также представляющее несомненный интерес для исследователей описываемой эпохи «Дело Временного Военного Суда в г. Гродно о нижних чинах 72-й сводной артиллерийской бригады Василии Тропине, Цветкове, Монахове и др. по обвинению в неисполнении служебных обязанностей» [2].

Данные уголовные дела содержат сведения о привлечении в начале прошлого столетия к уголовной ответственности военнотружущих, проходивших службу в воинских частях, дислоцировавшихся на территории Виленского военного округа, по правилам действовавшего на тот момент Воинского устава о наказаниях. Перед тем, как перейти к непосредственному рассмотрению архивных документов, необходимо отметить, что Воинский устав о наказаниях (далее – ВУоН), введенный в действие 1 сентября 1868 года и впоследствии включенный в книгу XXII Свода Военных Постановлений 1869 года, явился долгожданным результатом затянувшихся в Российской империи в XIX веке законодательных работ по составлению правового акта, пришедшего на смену устаревшему Военно-уголовному уставу 1839 года.

Новый устав, разработка проекта которого, начавшись еще в царствование императора Николая I, заняла более 20 лет, и завершилась лишь при императоре Александре II, будучи неоднократно исправленным и дополненным, выдержал четыре официальных издания, и вместе с XXIII (Устав дисциплинарный) и XXIV (Военно-судебный устав) книгами Свода Военных Постановлений составил его VI часть, представлявшую собой законодательную основу до-революционного военного правосудия.

Деяния, за совершение которых были осуждены военнослужащие по описываемым уголовным делам, принадлежат к разным главам раздела второго ВУоН, который назывался «О воинских и других преступлениях и проступках по службе военной». Согласно отчету Главного военно-судного управления за 1905 год в производстве военно-окружного и временных военных судов Виленского военного округа находилось 829 военно-судных дел, из них было решено 563 дела, рассмотрение остальных 266 дел было перенесено на следующий год [3, с. 7–9]. Тогда же по всей империи было осуждено и выбыло из-под суда за преступления и проступки против военной службы 15786 нижних чинов, из них осужденных за уклонение от службы по статьям 124–127 ВУоН (в т. ч. за членовредительство или симуляцию болезни) – 554 (по войскам Виленского военного округа – 91 нижний чин) [3, с. 17–18].

Статья 127 ВУоН, размещенная в главе третьей «Об уклонении от службы» этого устава, предусматривала наказание за «умышленное причинение себе непосредственно или через другое лицо, с целью уклонения от службы, увечья, или растравления своих ран или же иного важного повреждения своему здоровью» [4, с. 30]. Описание данной нормы военно-уголовного законодательства нашла свое отражение в обвинительном акте по делу «о молодом солдате 238 пех. Клязминского полка Шмуле Абрамове Роднянском, преданном Военно-Окружному Суду командиром своего полка» [1, л. 7–8], составленном 3 июня 1905 года исполнявшим обязанности военного прокурора Виленского военно-окружного суда подполковником Рудаковым¹. Им же были подготовлены Предложение временному военному суду (г. Бобруйск) от 7 июня 1905 года и Список лиц, вызываемых в судебное заседание по делу о молодом солдате Шмуле Роднянском, который по окончании предварительного следствия находился под надзором начальства при своей части [1, л. 6–6 об].

Что касается личности этого нижнего чина, то по приемному формулярному и послужному спискам, а также выписке из журнала взысканий на подсудимого Роднянского, он родился 24 ноября 1882 года, на службе находился с 30 октября 1904 года, штрафам по суду и в дисциплинарном порядке не подвергался [1, л. 4 об], имел роста 2 аршина 4 вершка (что составляет 160 см), вероисповедания иудейского, холост, волосы имел черные, на правом

¹ Рудаков Василий Андреевич (27.01.1865–?) – генерал-майор (14.04.1913), военный судья Иркутского военно-окружного суда (16.04.1912–24.06.1913), военный судья Кавказского военно-окружного суда (24.06.1913–1917), кавалер орденов: Св. Владимира III ст. (8.07.1915), Св. Анны III ст. (1910), Св. Станислава II ст. (1902), I ст. (1915) [6, с. 85].

глазу признак бельма от ожога [1, л. 35], происходил из мещан гор. Лохвицы Полтавской губернии, был малограмотен и до службы занимался торговлей [1, л. 60]. Из послужного списка Роднянского Ш. А. также следует, что 12 марта 1905 года он был переведен на службу в 238 пехотный Клязминский полк [1, л. 61], который незадолго до описываемых событий был преобразован из 238 Клязминского резервного батальона, а 20 февраля 1910 года пошел на формирование 181 пехотного Остроленского полка [5].

При этом в ходе дознания [1, л. 52–55], произведенного по данному делу с 26 апреля по 6 мая 1905 года командующим 2-м батальоном указанного полка капитаном Крыницким¹ уточнялось, что рядовой 158 пехотного Кутаисского полка Шмуль Авраамов Роднянский был прикомандирован к 7 роте 238 пехотного Клязминского полка [1, л. 52].

Поскольку судебное преследование в военном ведомстве возбуждалось в исследуемый период военно-начальствующими лицами [8, с. 46], последовавший за обвинительным актом приказ командира 238 пехотного Клязминского полка от 5 июня 1905 года № 156 гласил: «Из предварительного следствия видно, что молодой солдат 7 роты командуемого мною полка Шмуль Роднянский обвиняется в том, что 24 апреля с. г. умышленно, с целью навсегда избавиться от военной службы, произвел себе посредством какой-то едкой жидкости повреждение роговицы правого глаза, что повлекло за собой негодность его, Роднянского к строевой службе, что предусмотрено 127 ст. XXII кн. С. В. П. в новой ее редакции, объявленной в пр. по В. В. 1903 г. № 489. А потому, соглашаясь с заключением Воен. Прокур. надзора Виленского Вр. Воен. Окр. Суда по этому следственному производству и на основании 2 ч. 260 и 562 ст. Воен. Суд. Уст. предаю молодого солдата Шмуля Роднянского Военно Окружному Суду» [1, л. 9].

В течение 1905 года, как указано в отчете Главного военно-судного управления, временные военные суды открывались в г. Бобруйске два раза [3, с. 54]. Дело Роднянского было рассмотрено 13 июня 1905 года временным военным судом в открытом судебном заседании, в котором присутствовали: председательствующий военный судья генерал-майор Митропольский², временные члены: подполковники пехотных полков: 238 Клязминского – Масловский, 237 Кремлевского – Куприянов, капитан 238 Клязминского – Богданович и запасной

¹ Крыницкий Тадеуш-Эразм Эмеринович (03.07.1861–?) – католик, получил образование в военной прогимназии и пехотном юнкерском училище, прапорщик с 27.03.1884, подпоручик с 20.08.1884 г., поручик с 11.11.1888 г., штабс-капитан с 15.03.1898 г., капитан с 06.05.1900 [7, с. 843].

² Митропольский Павел Николаевич (17.05.1855) – генерал-майор (6.12.1899), военный судья Виленского военно-окружного суда (19.02.1893–12.10.1906), военный прокурор Туркестанского военно-окружного суда (12.10.1906–13.02.1907), председатель Иркутского военно-окружного суда (13.02.1907–1908), генерал-лейтенант (22.04.1907), в отставке с 14.10.1908, состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа, кавалер орденов: Св. Владимира III ст. (1902), Св. Анны III ст. (1889), Св. Станислава II ст. (1894), I ст. (1905) [9, с. 396].

член подполковник 239 Окского полка Иванов, при участии исполнявшего обязанности военного прокурора подполковнике Рудакове и при исполнявшем обязанности секретаря титулярном советнике Мансурове [1, л. 4].

Временный военный суд в г. Бобруйске постановил: «подсудимого молодого солдата 238 пех. Клязминского полка Шмуля Абрамова Роднянского, 23 лет, – за умышленное членовредительство, с целью избавления себя навсегда от военной службы – по лишению некоторых прав и преимуществ по службе перевести в разряд штрафованных и отдать в дисциплинарные батальоны или роты сроком на один год, с последствиями в 52 ст. XXII кн. определенными, с тем, чтобы как лицо, неизъятое по правам состояния, по образованию или по особым постановлениям от телесных наказаний, он мог быть подвергаем наказанию розгами, в порядке наложения дисциплинарных взысканий, в период нахождения в дисциплинарных батальонах или ротах по существующих в этого рода заведениях основаниях» [1, л. 5–5 об].

В разъяснение к данному приговору можно отметить о разряде штрафованных, что последние могли «быть подвергаемы в дисциплинарном порядке наказанию розгами до 50 ударов, не достаиваются преимуществ, беспорочною службою приобретаемых, и не могут быть производимы в унтер-офицеры или ефрейторы, не наряжаются в почетный караул, а также вестовыми и посыльными к начальствующим лицам, и не назначаются, ни при каких случаях, за старшего» [4, с. 93].

Однако, не дожидаясь объявления приговора и вступления его в законную силу, 14 июня 1905 года в 6 часов вечера молодой солдат Шмуль Роднянский самовольно и неизвестно куда отлучился [1, л. 31]. Вследствие этого 15 сентября 1905 года Виленский военно-окружной суд постановил «сделать публикацию о сыске обвиняемого и сношение о розыске его имущества» [1, л. 35]. О его дальнейшей судьбе никаких сведений в деле, к сожалению, не имеется.

Как отмечает по поводу уклонения от службы российский историк А. Б. Асташов, «эти виды воинских правонарушений были характерны для русской армии и в мирное время», а «с началом Русско-японской войны при объявлении мобилизации произошло значительное увеличение количества случаев членовредительства и симуляции». Также, он связывает данную тенденцию в годы Первой мировой войны, в том числе, и с «быстро распространившимся нежеланием погибать «за Веру, Царя и Отечество» [10, с. 6]. В связи с этим можно вспомнить о широком распространении подобного рода правонарушений в этот период не только в Российской империи, но и в армиях других европейских государств, и назвать феномен членовредительства одним из неприглядных символов описываемой эпохи, которому не только «были посвящены труды таких ученых, как Н. И. Пирогов, Л. Беккер, М. И. Авдеев и др.» [11, с. 238], но и который нашел свое отражение в актуальных произведениях талантливых авторов того времени.

В частности, одним из самых ярких примеров в мировой литературе по этому вопросу являются «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава

Гашека, который в своем всемирно известном романе описал сразу несколько способов приобретения увечий и заболеваний, препятствующих прохождению военной службы, например: «у одного парикмахера на Малой Стране приобрел себе за пятнадцать крон рак желудка», «знаю одного трубочиста из Бржевнова, ... он вам за десять крон сделает такую горячку, что из окна выскочите», «в Вршовицах есть одна повивальная бабка, которая за двадцать крон так ловко вывихнет вам ногу, что останетесь калекой на всю жизнь» и т. д. [12, с. 57], что указывает даже на определенную профессионализацию этой противозаконной деятельности.

Что касается второго упомянутого архивного дела, то обвинительный акт по делу «о нижних чинах 72-й сводной Артиллерийской бригады: 1 батареи 26-й Артиллерийской бригады бомбардирах-наводчиках Василии Тропине и Иване Цветкове и канонирах Михаиле Монахове и Иване Воронине, 2 батареи той-же бригады взводном фейерверкере Григории Косточкине и младшем фейерверкере Иване Лохманове, канонире Давиде Менесе, писаре Осипе Будкине и закройщике Иване Нефедове, Управления 1-го Дивизиона писаре Иване Бределеве и Управления 72 Артиллерийской бригады писарях Федоре Быстрове и Федоре Полякове, преданных Виленскому Военно-Окружному Суду Командующим войсками Виленского Военного Округа для суждения с применением к ним наказаний, определенных для военного времени, на основании ст. 91 кн. XXII Св.В.П. 1869 года изд. 3-го» [2, л. 3–9] был составлен 17 января 1906 года помощником военного прокурора Виленского военно-окружного суда полковником Богинским¹. Им же был подготовлен список лиц, вызываемых в судебное заседание по настоящему делу, согласно которому подсудимые (12 человек) в ходе следствия и до рассмотрения дела судом находились «все под арестом при 102 пехотном Вятском полку в гор. Гродне, исключая Тропина, который содержится в Багратионовском Штабе при 104 пех. Устюжском полку» [2, л. 1 об.–2 об].

Описание этого эпизода приводится также в аналитических материалах и документах уже советского времени, касающихся участия армии в первой русской революции. При этом автор со ссылкой на судебное дело, сообщая о случившемся, не только не стесняется признавать совершение группой военнотружущих тяжких воинских преступлений, но и открыто говорить о проникновении в казарму «для лучшего освещения и разъяснения текущих событий» и присутствии на солдатском митинге переодетых в солдатскую форму агитаторов [14, с. 168–169]. Нужно заметить, что правительством предпринимались решительные меры для противодействия такой деятельности, принесшие результат. Например, в августе 1906 года «министр юстиции... внес в совет министров законопроект об усилении наказуемости за револю-

¹ Богинский Всеволод Петрович (2.01.1862–23.05.1933) – генерал-майор (6.12.1912), окружной интендант Одесского военного округа с 30.11.1912, кавалер орденов: Св. Владимира IV ст. (1910), Св. Анны II ст. (1908), Св. Станислава II ст. (1904) [13, с. 173].

ционную агитацию в войсковых частях. Согласно означенному законопроекту, по делам подобного рода предположено усилить уголовную репрессию, с подчинением их ведению военных и военно-морских судов» [15, с. 179].

Дело было рассмотрено 27–28 января 1906 года временным военным судом в г. Гродно при закрытых дверях в составе: председательствующего военного судьи генерал-майора Митропольского (уже знакомого нам по предыдущему делу) и временных членов: подполковников 102 пех. Вятского полка Одинцова и 103 пех. Петрозаводского полка Томашевича, капитанов 101 пех. Пермского полка Каскевича и 103 пех. Петрозаводского полка Шегидевича, при участии исполняющего обязанности военного прокурора подполковника Череникова и адвоката капитана Иртепова, при секретаре Манжурове [2, л. 48–54]. Временный военный суд в г. Гродно приговорил всех подсудимых за ропот против распоряжения начальства и на тягость службы, за соглашение в числе более двух лиц, с целью противодействия начальству или его распоряжениям, за не оказание с намерением должного уважения начальнику в офицерском звании, во время исполнения последним служебных обязанностей и неповиновение, а также оскорбление неприличным действием начальника в офицерском звании, во время исполнения последним служебных обязанностей, к наказаниям в виде ссылки на каторжные работы и отдаче в дисциплинарные части на различные сроки [2, л. 70–70 об]. 13 февраля 1906 года Главный Военный Суд изменил наказание бомбардиру наводчику Цветкову, приговорив «сего нижнего чина, как признанного виновным в преступлениях, предусмотренных 2 ч. 108, 105 и 2 ч. л. б. 98 ст. XXII кн. Св.В.П. изд III, взамен определенных ему наказаний, по лишении всех прав состояния, подвергнуть смертной казни разстрелянием» [2, л. 78–85].

Более подробный анализ этого дела представлен нами научной общественности на Международной научной конференции «Беларусь в контексте европейской истории: общество, государство, личность», проводившейся 12–13 декабря 2019 г. в г. Гродно [15].

Для полного понимания пагубного значения данного преступления для воинской дисциплины нужно учитывать его экстраординарность и полную невозможность совершения его в более раннюю эпоху. Только неудачная для России Русско-японская война и последовавшая за ней революция, а также сыгравший немаловажную роль Манифест от 17 октября 1905 года об усовершенствовании государственного порядка, фактически объявивший о предстоящем переходе России от абсолютной монархии к конституционной, послужили основой для ломки мироощущения военнослужащих, пересмотра ценностей традиционного общества на фоне экономической, политической, социальной модернизации в преддверии очевидной для многих гибели империй. Этим обусловлен и характер правонарушений в самой армии – наиболее закрытом государственном институте Российской империи.

В заключении хотелось бы отметить, что подробное изучение архивных материалов, касающихся деятельности военно-судебных учреждений

Виленского военного округа, которые, в частности, дают нам возможность почерпнуть немало любопытных фактов о персональном составе участников данных уголовных процессов, без сомнения позволят в дальнейшем пополнить наши знания по вопросам истории органов военной юстиции указанной эпохи и в целом послужат к расширению современных представлений о реалиях жизни и быта военнослужащих на белорусских землях в начале XX века.

Список использованных источников

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 739. – Оп. 1. – Д. 1.
2. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1379. – Оп. 1. – Д. 1.
3. Всеподданнейший отчет о действиях Военного Министерства за 1905 год. – СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1907. – 1436 с.
4. Свод Военных Постановлений 1869 года. Часть шестая, 3-е издание. – СПб., 1900. – 312 с.
5. 238-й Клязминский резервный батальон [Электронный ресурс]. – Офицеры русской императорской армии, 2015–2019. – Режим доступа: https://ria1914.info/index.php/238-й_Клязминский_резервный_батальон. – Дата доступа: 30.01.2020.
6. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917). Т. III. Р–Я. / Сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – 597 с.
7. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Ч. I. Составлен по 1-е января 1905 г. – СПб.: Военная Типография (в здании Главного штаба), 1905. – 1069 с.
8. Военно-судебный устав (полное издание), Высочайше утвержденный 15 мая 1867 года / Издание И. М. Погорелкина. – М.: В типографии И. Смирнова, 1868. – 447 с.
9. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917). Т. II. И–П. / Сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – 661 с.
10. Асташов, А. Б. Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны / А. Б. Асташов // Новый исторический вестник, 2012. – № 34 (4). – С. 6–18.
11. Яковлева, Е. О. История развития законодательства об ответственности за уклонение от прохождения воинской или альтернативной гражданской службы / Е. О. Яковлева // Известия Юго-Западного государственного университета, 2016. – № 6 (69). – С. 236–242.
12. Гашик, Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны: роман / Я. Гашик; пер. с чешск. и примеч. П. Богатырева; вступит. статья О. Малевича; илл. Йозефа Лады; оформл. худож. А. Лепяцкого. – М.: «Худож. лит.», 1977. – 464 с.
13. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917). Т. I. А–З / сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – 622 с.
14. Корольков, Г. К. Революционное движение в войсках Виленского и Варшавского военных округов / Г. К. Корольков // 1905. Армия в первой революции: Материалы и документы под общ. ред. М. Н. Покровского. – М.: Обр. тип. гос. изд., 1927. – 391 с.
15. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 г. // Сборник документов под редакцией А. К. Дрезена. – М.: Гос. соц.-эконом. изд., 1936. – 259 с.
16. Олейник, В. В. Уголовные дела о нижних чинах во Временном военном суде в г. Гродно (по материалам Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно) / В. В. Олейник // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт., прысвеч. 80-год. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-год. гіст. адукацыі ў Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы. У 2 ч. Ч. 1 / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2019. – С. 175–178.

(Дата подачи: 11.02.2020 г.)

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет, Минск

V. Ostroga

Belarusian state technological University, Minsk

УДК 37(476)(091)“18/19”

**УЧИТЕЛЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

**TEACHERS OF SECONDARY EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS OF BELARUS AS A SOCIAL GROUP
(SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY)**

В статье рассматривается проблема формирования учителей средних учебных заведений Беларуси как социальной группы во второй половине XIX – начале XX вв. Преподаватели составляли значительную часть буржуазной интеллигенции и по своему социальному статусу приближаясь к среднему чиновничеству. Показана эволюция численности учительского корпуса, его уровень образования, возраст, семейное положение, а также сословный, гендерный и национально-конфессиональный состав. Исследование проведено на основе анализа статистических и архивных материалов. К сожалению, развернутую и полную характеристику учительству как социальной группе представить сложно по причине недостатка соответствующих источников.

Ключевые слова: социальная группа; интеллигенция; учительство; средние учебные заведения; Виленский учебный округ; образование; социальный статус.

The article deals with the problem of formation of secondary school teachers in Belarus as a social group in the second half of XIX – EARLY XX century. Teachers made up a significant part of the bourgeois intelligentsia and their social status is close to the average official. The article shows the evolution of the number of teachers, their level of education, age, marital status, as well as class, gender, and national-confessional composition. The study is based on the analysis of statistical and archival materials. Unfortunately, it is difficult to provide a detailed and complete description of teachers as a social group due to the lack of relevant sources.

Key words: social group; intellectuals; teaching; secondary schools; Vilna school district; education; social status.

В современном обществе образование выступает в качестве фундамента поступательного развития всех сфер жизни, своеобразного двигателя прогресса. Модернизационные процессы зачастую сопряжены с поиском не только нестандартных, но порой альтернативных или уже даже забытых путей и форм развития, конкретных направлений политики. В этой связи возрастает интерес к опыту прошлого, встает задача критического переосмысления достигнутых результатов и негативных тенденций в сфере образования, тем более, что многие явления того времени сохранили свою актуальность и свойственны современной социально-педагогической действительности.

Вторая половина XIX в. – начало XX в. характеризуется сложностью и противоречивостью происходивших в Российской империи процессов,

в силу чего основные тенденции и направления эволюции образования следует рассматривать в контексте ее политического и социально-экономического развития. В Беларуси существовала лишь немногочисленная прослойка интеллигенции, которая не являлась однородным социальным слоем и была занята в различных областях общественной жизни. К данной общности относились чиновники государственного аппарата, инженеры, адвокаты, офицеры, врачи, управляющие предприятиями, учителя. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. интеллигенция представляла собой тонкий социальный слой – 54 663 человек (0,64 % всего населения) [1, с. 15].

Большую часть интеллигенции Российской империи рассматриваемого периода составляло учительство. Для определения конкретных статистических данных, в том числе и численности учительства, следует обратиться к материалам переписи учебных заведений, которая была проведена в 1880 г., где зафиксировано как общее (номинальное) количество учительских должностей, так и «действительное число учащихся» в мужских и женских учебных заведениях. Некоторая разбежка в сторону уменьшения объяснялась распространенной в то время практикой совместительства. Всего на службе в мужских и женских средних учебных заведениях России в 1880 г. состояло 7530 человек (число ставок – 9300). В Виленском учебном округе в это время учительский корпус насчитывал 456 человек, которые распределяли 510 ставок, в том числе: в Виленской губернии на службе состояло 95 учителей (116 ставок); в Витебской 85 учителей (87 ставок); в Гродненской 63 учителя (73 ставки); в Ковенской 49 учителей (52 ставки); в Минской 91 учитель (107 ставок); в Могилевской 73 учителя (75 ставок) [2, с. 426–427].

В последующие годы наблюдался очевидный рост численности педагогов гимназий, прогимназий и реальных училищ, что непосредственно связано с расширением сети учебных заведений. Как свидетельствует статистика, в 1894 г. в России функционировало 657 учебных заведений, в 1913 г. их количество увеличилось примерно в 3 раза и составило 1719. Так, в 1894 г. во всех средних учебных заведениях России на службе состояли 9 152 педагога, в 1897 г. – 10 097, в 1907–18 178, в 1913 г. – 28 808. В 1914 г. в Виленском учебном округе работала 31 мужская гимназия (731 служащий), 42 женские (1147 служащий) и 11 реальных училищ (280 служащих) [3].

На наш взгляд, важное значение и большой интерес представляет вопрос об образовательном цензе учителей, так как именно он определяет способность к выполнению непосредственных должностных обязанностей. В значительной степени по уровню знаний, умений и навыков учителей можно судить и о качестве преподавания. Согласно уставу, в средних учебных заведениях должности преподавателей наук и языков занимали лица, имевшие «одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса и выдержавшие установленное на звание учителя гимназии испытание». Исключение было сделано для преподавателей немецкого и французского языков: ими могли быть также и лица без высшего образования, но «вы-

державшие особое испытание на звание учителей новых языков в гимназии и достаточно знающие русский язык» [4, с. 11].

По данным переписи 1880 г., в средних учебных заведениях России с высшим образованием работало 51,6 % педагогов, которые закончили университеты, педагогические институты, духовные академии и другие высшие учебные заведения. В Виленском учебном округе 221 учитель имел высшее образование, что составляло 48,5 % от общего количества «учащих». Остальные преподаватели получили образование в духовных семинариях, средних и специальных учебных заведениях, совсем незначительное количество из них имели домашнее образование или диплом об окончании заграничных учебных заведений [2, с. 448–449].

В архивах сохранились формулярные (именные) списки преподавателей учебных заведений, которые содержат интересную информацию о штате преподавателей, их классных чинах, уровне образования и вероисповедании. Например, в Брест-Литовской прогимназии в 1890 г. степень подготовки преподавателей с чисто формальной стороны не вызывал никаких сомнений: инспектор В. Роменский окончил Московский университет; учитель истории и географии М. Хныкин – Харьковский; учителя русского, латинского и греческого языков Ф. Попов – Санкт-Петербургский, а С. Петров – Нежинский институт; учитель математики О. Иванов – Санкт-Петербургский университет. В штате состояло еще пять учителей: учитель немецкого и французского языков А. Кауюжен, имевший звание домашнего учителя; учитель чистописания и рисования И. Пегиков, который окончил Московское Строгановское училище; учитель подготовительного класса Ф. Смелъницкий – Черниговскую духовную семинарию; учитель пения В. Тиминский – Виленское духовное училище; учитель гимнастики А. Ковицкий – Слуцкое духовное училище [5, л. 4–5]. В 1915/16 учебном году штат служащих Могилевской мужской гимназии, которую возглавлял действительный штатский советник Свирилин И. В., насчитывал 35 служащих, из которых 30 человек являлись преподавателями. Большинство «учителей наук» являлись выпускниками Московского, Петербургского и Юрьевского университетов [6, л. 9].

Различные постановления и предписания ограничивали допуск к педагогической деятельности лиц неправославной веры. Согласно переписи 1880 г., во всех средних учебных заведениях Беларуси преподавали лица православной веры, были также протестанты и католики. Представителей других конфессий не зафиксировано. Например, в Витебской губернии среди учителей православных было 72 человека, 10 протестантов и 3 католика; в Гродненской – 48 православных, 12 протестантов и 3 католика; в Минской – 73 православных, 12 протестантов и 6 католиков; в Могилевской – 66 православных, 5 протестантов и 2 католика [2, с. 442–443]. Так, анализ данных в формулярных списках служащих в Витебской частной мужской гимназии И. В. Неруша за 1908 г. показывает, что практически все служащие были православного вероисповедания. Исключение составляли

два законоучителя (преподаватели Закона Божьего римско-католического исповедания и Закона Божьего еврейской веры) и учительница немецкого языка М. Полянская (евангелическо-лютеранской веры) [7, л. 18–19].

Национальный состав учительской интеллигенции не совпадал с этнической структурой населения белорусских губерний. В начале 1860-х попечитель Виленского учебного округа И. Корнилов отмечал, «чтобы показать, до какой степени край был ополячен, достаточно сказать, что даже теперь в наших гимназиях и прогимназиях на 240 учителей только 80 русских и немцев; в семи уездных училищах процент польских учителей такой же, а в приходских училищах почти все учителя – поляки». На 1 января 1864 г. из 114 учителей, служивших в приходских училищах, 91 человек из них по национальности был поляком. Исходя из политических причин, после восстания 1863–64 гг. И. П. Корнилов в записке генерал-губернатору М. Н. Муравьеву «О замене польских учителей русскими» (12 июля 1864 г.) указывал, что учителями из России должны быть заменены в первую очередь все преподавательские места в гимназиях, прогимназиях и трехклассных уездных училищах [8, с. 82]. В архиве сохранилось предложение попечителя Виленского учебного округа директорам учебных заведений, в котором говорилось: «Считаю нужным напомнить... что по существующим законораспоряжениям к преподаванию русского языка, истории и географии в старших классах гимназии (начиная с 5-го) в средних учебных заведениях округа должны допускаться с надлежащего распоряжения лишь лица русского происхождения» [9, л. 1]. На преподавательские должности путем «усиленного содержания», различных надбавок, льгот и преимуществ активно рекрутировались выпускники учебных заведений «чисто-русского происхождения» из центральной России. Незначительное количество учителей, в первую очередь «древних и новых языков», имевших звание учителя или учительницы гимназии, были иностранными подданными (немцы, австрийцы, поляки, чехи, французы и др.). Согласно данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г. только 20 % учителей белорусских губерний считали себя белорусами. Например, в 1910-е гг. преподавательский персонал Витебской губернии состоял практически из русских (сюда включались и белорусы) и православных – 97,5 % [10, с. 64.].

К преподавательской деятельности допускались лица всех сословий. Но так как гимназии и реальные училища открывались в первую очередь для состоятельных слоев населения, должное внимание обращали и на их социальное происхождение. Преподаватели средней школы были детьми дворян и зажиточных слоев городской буржуазии, которые могли обеспечить им должное образование и воспитание. Перепись 1880 г. показывает, как распределились «учащие» Виленского учебного округа по сословиям: 32 из них – дети потомственных дворян, 118 – личных дворян и чиновников, 187 – священников и церковнослужителей, 18 – почетных граждан и купцов, 43 – мещан и цеховых, 25 – их крестьянских семей, 33 – представители других

сословий [2, с. 436–437]. Достоверные сведения о сословном составе учителей гимназий, прогимназий и реальных училищ более позднего периода отсутствуют. Для сравнения приведем данные социального состава учителей начальных школ, который был в основном мелкобуржуазным. Анализ статистических данных за 1880 г. и за 1911 г. (Однодневная перепись начальных школ империи) показывает, что дворяне составляли соответственно 10,9 и 6,7 %, лица духовного звания – 37, 8 и 22 %, крестьяне (в основном из зажиточных семей) – 30,2 и 40,8 %, мещане – 10 и 17 %. [11, с. 15]. Более поздняя статистика в основном подтверждала эту картину. Таким образом, во всех типах учебных заведений наблюдалась тенденция демократизации учительского корпуса: постепенного сокращения количества учителей из дворян и духовенства и увеличения из крестьян и мещан.

Достаточно сложно определить и гендерный состав средних учебных заведений, так как соответствующий статистический учет и министерскими чиновниками, и руководством Виленского учебного округа практически не осуществлялся. В младших классах женских гимназий женщины-учительницы по количеству преобладали уже в 1870-е гг. Но до 1898 г. они не имели права работать в мужских гимназиях и прогимназиях. В 1911 г. женщины получили возможность сдавать экзамены в объеме курса высшего учебного заведения на звание учительницы средних учебных заведений. Таким образом для женщин открылась возможность социальной реализации и получения самостоятельного заработка. В 1880 г. во всей средней школе женщины составляли примерно четвертую часть от общего числа педагогов империи. В Виленском учебном округе на службе состояло 367 учителей и 89 учительниц. Больше всего женщин трудилось в Виленской губернии – 27 человек. Быстрая феминизация учительских кадров наблюдается с начала XX в. Этот процесс хорошо виден на примере Могилевской женской гимназии. В 1864 г. в этом учебном заведении, согласно именному списку служащих лиц, работали только две женщины – главная надзирательница Е. Н. Львова и классная надзирательница А. Н. Львова. Инспектор, законоучитель и все «учителя наук» – лица мужского пола [12, л. 33–34]. В 1904 г. в той же Могилевской женской гимназии «служащих по учебной части» было уже 31, в том числе 14 учителей и 17 учительниц. Среди женщин-педагогов было 5 классных надзирательниц, а также преподавательницы русского и французского языков, математики, географии, пения, музыки, рукоделия и др. [13, л. 14]. Образование в руках женщин находилось и в Гомельской, Рогачевской и других женских гимназиях. В мужских гимназиях количество женщин оставалось незначительным. В основном они состояли на службе в качестве преподавателей языков, некоторые преподавали в младших классах.

По возрасту большинство учителей начальной школы Виленского учебного округа принадлежало к молодежи. После получения соответствующего образования педагогическая деятельность являлась для них первым самостоятельным занятием. В 1880 г. около 77 % учителей работало в возрасте

до 30 лет (как правило, им было по 21–25 лет), в 1911–70 %. Но по причине тяжелого материального положения и условий труда сельские учителя начальных школ не выдерживали длительных сроков службы. Иная картина наблюдалась среди преподавателей средних учебных заведений. В шести губерниях округа в 1880 г. в возрасте до 25 лет работало 68 учителей, с 26 до 30 лет – 112, с 31 до 35–98, с 36 до 40–64, с 41 до 50–65 и старше 51 года – 49 учителей [2, с. 430–431]. Несмотря на значительное количество молодежи, все же «костяк» учительской корпорации как в XIX, так и в начале XX в. составляли преподаватели среднего возраста. Это показывает анализ тменных списков служащих гимназий, отчеты, требовательные ведомости на выдачу жалования и др. [14], [15, л. 125–126]. Что же касается сроков службы, то они были более продолжительными: учительский труд в средней школе относился к разряду высокооплачиваемых (средний оклад составлял около 2500 р.), на педагогов распространялся ряд социальных гарантий и привилегий. Поэтому большинство учителей дорожили своим рабочим местом и находились на службе до выхода на пенсию.

В 1880 г. больше половины учителей начальной школы – 54,5 % и практически все учительницы – 90 % были в числе лиц, которые не состояли в браке. Ситуация не изменилась и в начале XX в.: во всех белорусских губерниях $\frac{3}{4}$ всего преподавательского персонала состояло из холостых учителей и незамужних учительниц. У большинства учителей средней школы имелись семьи. По данным 1880 г. холостыми были 210 учителей, в браке состояло 226 человек и 20 являлись вдовцами [2, с. 430–431]. Что же касается учительниц, то замужние среди них встречались значительно реже: обретая семью, они, как правило, оставляли службу.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. учительство средних учебных заведений белорусских губерний сформировалось как социальная группа, значительно увеличилась ее численность. Вместе с тем, оно не было однородным слоем интеллигенции. Учителя, выпускники университетов и других высших учебных заведений, имели высокий уровень образования, учительницы – среднее образование и хорошие навыки педагогической деятельности, которые обретали в восьмых педагогических классах гимназий. Шел процесс демократизации учительского корпуса: с одной стороны, постепенно увеличилась доля выходцев из непривилегированных сословий, со второй – сокращалось количество детей из семей дворян и чиновников. Отчетливо наблюдалась тенденция феминизации учительской интеллигенции. По национально-конфессиональному составу педагоги, как правило, были русскими и православными. Основная часть учительского персонала находилась в возрастном диапазоне от 30 до 50 лет. Несмотря на преемственность кадров и заметную постоянную тенденцию омоложения учительского корпуса, в первую очередь за счет педагогов-женщин, все же заметной оставалась группа «учащих» пожилого возраста. Достаточно высокие социально-правовой статус и степень материальной

обеспеченности обусловили устойчивость преподавательского состава гимназий, прогимназий и реальных училищ – интеллектуальной элиты губернских и уездных городов.

Список использованных источников

1. Козляков, В. Е. К вопросу о численности, структуре и национальному составу интеллигенции Белоруссии в конце XIX – начале XX в / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Сер. 5. – 1998. – Вып. VI. – С. 15–18.
2. Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти губерниях Привислянских по переписи 20-го марта 1880 года / под ред. А. Дубровского. – СПб.: Центр. статистич. комитет министерства внутренних дел, 1888. – 451 с.
3. Отчет по управлению Виленским учебным округом за 1914 г. Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1915. Разд. паг.
4. Устав гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения // Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям Московского учебного округа за 1971–1888 годы с отдельными томами приложений / сост. В. Д. Исаенков. – М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1889. – 526 с.
5. Литовский государственный исторический архив. – Фонд 567. – Оп. 1. – Д. 788. – Отчет по управлению Брест-Литовской прогимназией за 1890 г.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2416. – Оп. 1. – Д. 13. – Отчет о состоянии Могилевской мужской гимназии за 1915 и 1916 гг.
7. НИАБ. – Фонд 2623. – Оп. 1. – Д. 7. – Наряд отношениям МНП о доставлении различных сведений и срочных ведомостей, списков служащих гимназии и пр.
8. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы по истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: тип. А. Суворина, 1908. – Вып. 1. – 504 с.
9. НИАБ. – Фонд 2623. – Оп. 1. – Д. 9. – Наряд распоряжений правительства и начальства, циркулярных предписаний.
10. Начальное образование в Витебской губернии в 1912 году. – Витебск: тип. П. А. Подземского, 1915. – 97 с.
11. Однодневная перпись начальных школ в империи. Произведенная 18 января 1911 года. Вып. VIII / Виленский учебный округ / ред. В. И. Покровского. – СПб.: тип т-ва «Екатеринбургское Печатное Дело», 1913–1916. – 134 с.
12. НИАБ. – Фонд 2263. – Оп. 1. – Д. 1. – Цирюляры, отчеты, именные списки, ведомости по гимназии.
13. НИАБ. – Фонд 2263. – Оп. 1. – Д. 22. – Обзорительный отчет о состоянии Могилевской женской гимназии с пансионом и циркуляр о рассмотрении отчетов.
14. НИАБ. – Фонд 475. – Оп. 1. – Д. 7. – Сведения о составе гимназии, список личного состава.
15. НИАБ. – Фонд 466. – Оп. 1. – Д. 297. – Отчет по управлению Минской гимназией.

(Дата подачи: 12.02.2020 г.)

Я. О. Перевалов

Витебский государственный медицинский университет, Витебск

Y. O. Perevalov

Vitebsk State Medical University, Vitebsk

УДК [378+61]:37.061(091)(476) «1946/1950»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР 1946–1950 ГГ.

STATE POLICY ON THE ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF HIGHER MEDICAL EDUCATION BSSR 1946–1950

В статье рассмотрены аспекты государственной политики по организации системы высшего медицинского образования, проводимой на территории Беларуси в 1946–1950-х гг. Исследованы ключевые тенденции развития системы высшего медицинского образования БССР в первой послевоенной пятилетке. Показаны основные проблемы системы высшего медицинского образования БССР. Изучены этапы восстановления и развития системы высшего медицинского образования Беларуси в 1946–1950-х гг. Проанализированы задачи системы высшего медицинского образования в БССР 1946–1950-х гг.

Ключевые слова: государственная политика; учебный план; учебный процесс; научный процесс; медицинские кадры; здравоохранение; система образования; медицинский институт.

The article discusses aspects of state policy on the organization of the system of higher medical education conducted on the territory of Belarus in the 1946–1950. The key trends in the development of the higher medical education system of the BSSR in the first post-war five-year plan are investigated. The main problems of the system of higher medical education of the BSSR are shown. The main stages of the restoration and development of the system of higher medical education in Belarus in the 1946–1950 were studied. The main tasks of the system of higher medical education in the BSSR of 1946–1950 are analyzed.

Key words: state policy; curriculum; educational process; scientific process; medical personnel; healthcare; education system; medical institute.

После освобождения территории БССР от оккупантов начался трудный процесс восстановления народного хозяйства. По многим отраслям промышленности и сельского хозяйства страна была отброшена до уровня 1913 г., а в целом по народному хозяйству – до уровня 1928 г. В результате войны было потеряно свыше половины национального богатства, невосполнимыми являлись огромные людские потери. Только прямой экономический ущерб составил 75 млрд руб., что в ценах 1941 г. равнялось 23 годовым бюджетам республики [1, с. 180].

Еще во время войны, 9 октября 1943 г., был объявлен приказ Наркомата здравоохранения БССР по организации работы, устанавливающей размеры ущерба, причиненного каждому лечебно-профилактическому учреждению, учреждениям образования и органам здравоохранения республики в целом. В 1944 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по рассле-

дованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в республике, которую возглавил первый секретарь ЦК КП(б)Б П. П. Пономаренко. Чрезвычайная государственная комиссия обобщила имевшуюся информацию и констатировала, что здравоохранению БССР оккупация нанесла тяжелые потери, которые составили 610,6 млн руб. Были разрушены 80 % лечебных учреждений. Среди них все большие больницы и медицинские институты. Всего уничтоженными оказались 639 медицинских учреждений [2, с. 115].

После освобождения БССР перед органами здравоохранения в условиях процесса восстановления народного хозяйства стояли особенные по своей сложности задачи. Необходимо было решать вопросы воссоздания материальной базы, заново развить лечебно-профилактическую сеть, вести противозидемическую работу, ликвидировать очаги инфекционных заболеваний. Всё это напрямую зависело от системы подготовки врачей, так как невозможно было бы решить социальные проблемы послевоенной жизни, не возобновив работу медицинских институтов, которые являлись кадровой, научной, практической и интеллектуальной базой всей структуры здравоохранения.

Основой послевоенной государственной политики в области восстановления системы высшего медицинского образования стал четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР после окончания Великой Отечественной войны на 1946–1950 гг. Главные хозяйственно-политические и социально-экономические задачи пятилетки были сформулированы И. В. Сталиным 9 февраля 1946 г.: «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности, сельского хозяйства, медицины и образования и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах» [3, с. 6–15].

Ключевым этапом возрождения системы высшего медицинского образования можно считать период с 1946 по 1950 г. Так, в соответствии с Приказом по Народному комиссариату здравоохранения БССР от 23 февраля 1946 г. № 37 была возобновлена работа Минского и Витебского медицинских институтов, уже в марте 1946 г. оба института начали свою послевоенную деятельность [4, л. 1].

В течение первой послевоенной пятилетки государством, не смотря на большие затраты по восстановлению народного хозяйства, постоянно выделялись материальные активы, финансовые средства на восстановление и организацию учебного процесса в высших медицинских учреждениях. Так, в соответствии с пятилетним планом развития здравоохранения в БССР (Приказ МЗ БССР от 22.06.1946 г. № 147) обоим медицинским институтам на пять лет были выделены денежные средства для укрепления материально-технической и учебной базы институтов. В связи с увеличением контингента обучающихся в 1946 г. Минскому и Витебскому медицинским институтам было увеличено ассигнования на сумму 35 000 руб. каждому [4, л. 7, 8, 10].

Постепенно пополнялась и материально-техническая база институтов. Витебскому медицинскому институту были переданы некоторые уцелевшие здания под обустройство учебной, научной, практической и жилой площадей, что свидетельствует о большой поддержке со стороны государства высших медицинских учреждений, так как в Витебске после войны оставалось совсем немного уцелевших зданий [5, л. 1, 3, 8, 19]. Как материально-техническая база, так и учебно-научная, постоянно восстанавливалась и пополнялась. В частности, были выделены штаммы микробов, за исключением вирусов, трупы и др. материал для институтов и лабораторий, учебная и научная литература, мебель, медицинское оборудование. Велось дополнительное финансирование капитального ремонта и строительства. В мае 1947 г. медицинским институтам для учебного процесса было передано имущество двух эвагоспиталей [6, л. 13, 36, 47–49; 8, л. 146; 9, л. 18]. В июне 1948 г. Приказом Министерства высшего образования СССР от 23.06.1948 г. № 904 высшие учебные заведения освобождались от обязанностей по передаче 10 % имеющихся площадей, исключением не стали и медицинские институты БССР, что облегчало организацию учебного процесса в условиях острой нехватки учебных и жилых площадей [7, л. 80].

Приказом Министерства здравоохранения СССР от 5.08.1948 г. № 495 учреждениям высшего медицинского образования было разработано положение о жилищно-коммунальном состоянии, которое предусматривало отдельные нормы для ведения административно-хозяйственной деятельности в соответствии с санитарными нормами данных учреждений высшего медицинского образования [8, л. 103, 104].

В сентябре 1949 г. в соответствии с Приказом Министерства высшего образования СССР от 27.09.1949 г. № 1240 была произведена обязательная паспортизация медицинских вузов БССР. В соответствии с этим приказом на все здания медицинских институтов были оформлены паспорта зданий и сооружений, числившихся на балансе институтов, определены потребности в ремонте и строительстве, материально-техническом снабжении, исходя из которых был составлен план работ и определены объемы финансирования на 1949–1950 гг. [9, л. 18, 338].

Наряду с укреплением материально-технической базы государство проводило и большую кадровую работу с учреждениями высшего медицинского образования БССР. Для преодоления кадрового голода послевоенных лет, руководством на разных уровнях применялись многочисленные меры, инструменты и методы кадровой работы. Тем не менее, как следует из решений I пленума Совета по кадрам Министерства здравоохранения БССР (24–26.11.1945 г.), одним из слабых мест высшей медицинской школы БССР оставалась нехватка профессорско-преподавательских кадров, прежде всего на кафедрах теоретического профиля [4 л. 58, 59]. Их численность за время войны значительно сократилась.

Рост научно-педагогических кадров, несмотря на официальные установки к их подготовке, сдерживался как материальными обстоятельствами, так и сложностью ведения научных работ в условиях доминирования политизированности медицинской науки. На коллегиях Министерства Здравоохранения БССР неоднократно поднимались вопросы состояния идейно-политической работы в Минском и Витебском медицинских институтах [7, л. 98–101].

Вся деятельность высшей медицинской школы проходила под жестким идеологическим контролем, начавшимся с постановлений ЦК ВКП(б) 1946 года. Административно-партийное вмешательство в сферу науки, культуры, образования оказалось более значительным, чем в довоенные годы. На вторую половину 1940-х – начало 1950-х гг. пришлось постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам (1946–1948 гг.), «Дело Ключевой и Роскина» (1947 г.), философская дискуссия (1947 г.), сессия ВАСХНИЛ, знаменовавшая разоблачение «вейсманизма-морганизма» и новый этап борьбы за чистоту «мичуринской биологии» (1948 г.), объявление войны «космополитам и космополитизму» (1949 г.), дискуссия по вопросам языкознания (1950 г.), дискуссия по вопросам дальнейшего развития физиологии (1950 г.) [10, л. 17–21, 30, 36; 8, л. 7–11, 177–179, 249; 11, л. 50–53].

Репрессивные методы работы из партийно-политической практики того времени были перенесены и в медицинскую научную среду. Основной груз «идейно-воспитательной работы» несли на себе партийные организации. Проходившие в медицинских институтах обличительные кампании не обошли стороной медицинские институты БССР. Можно утверждать, что такая политика препятствовала развитию научных исследований, а это, в свою очередь, вело к деформации учебного процесса.

На протяжении второй половины 1940-х и начала 1950-х гг. преподавательский состав медицинских вузов под сфальсифицированными и надуманными предложениями подвергался репрессиям. Отношение к научному инакомыслию полностью блокировало деятельность многих выдающихся представителей высшей медицинской школы БССР, осложняя и без того не простую ситуацию с профессорско-преподавательскими кадрами.

Однако, несмотря на всю противоречивость характера развития системы высшего медицинского образования БССР в рассматриваемое время, важнейшая для страны задача – подготовка врачебных кадров высшей категории, была решена. На протяжении первой пятилетки численность подготовленных врачей в сравнении с довоенным периодом увеличилась в 2 раза [4, л. 8–10, 15].

Положительная динамика высшего медицинского образования БССР в сочетании с переменами, обозначившимися в стране после смерти И. В. Сталина, создавало возможности для последующего устойчивого развития. Необходимость новых подходов к лечению, в соответствии с господствовавшим представлением о доминирующем влиянии социально-экономических факторов в возникновении болезней, нашло свое воплощение в организации

в учреждениях высшего медицинского образования кафедр гигиенического профиля, общественных наук, инфекционных болезней, эпидемиологии, общей биологии, туберкулеза. В их создании объективная потребность обозначилась еще в начале двадцатого столетия.

Учебный процесс в системе высшего медицинского образования в послевоенный период был строго регламентирован. Расширялись формы материального поощрения отлично успевающих студентов. Различные категории студентов поэтапно освобождались от платы за обучение (введенной в 1940 г.). Принимались меры к улучшению обеспечения учебниками. Все это сказалось на повышении качественной успеваемости студентов.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что пятилетний срок обучения недостаточен для подготовки квалифицированного врача. Развитие медицинской науки требовало расширения объема преподавания в медицинских институтах. В связи с этим остро стоял вопрос об увеличении срока обучения. С 1945 г. в соответствии с постановлением СНК СССР от 1 декабря 1944 г. «О мероприятиях по улучшению подготовки врачей» начался постепенный переход медицинских институтов на шести летний срок обучения. В основу нового учебного плана были положены следующие принципы: строгая последовательность в изучении теоретических и клинических дисциплин; увеличение объема часов по основным теоретическим и клиническим дисциплинам; повышение роли лекций и установление правильного соотношения между лекционными и практическими курсами. В целях усиления практической подготовки, VI курс отводился для углубленного изучения основных клинических дисциплин: терапии, хирургии, акушерства и гинекологии. После II курса вводились экзамены по анатомии, физиологии, гистологии и биохимии. Переход на 6-летний срок обучения медицинских институтов БССР осуществлялся последовательно и был закончен в 1948 г. Впервые, по учебному плану 1948 г., была введена на 6-м курсе специализация посредством субординатуры по терапии, хирургии, акушерству и гинекологии [5, л. 24, 27, 29–30, 32, 37; 6, л. 8].

На протяжении всей послевоенной пятилетки государственная политика в области высшего медицинского образования, в том числе и в БССР, базировалась на улучшении качества подготовки и устранения недостатков, в системе высшего медицинского образования, был взят курс на реформирование системы обучения, оформленный рядом документов и решений, среди которых можно выделить следующие: Приказ МВО СССР от 18.12.1947 г. № 1863 «О мерах по улучшению идейно-политической работы в вузах»; Приказ МЗ СССР «О порядке предоставлении отчетов»; Приказ МВО СССР от 10.06.1948 г. № 834 «Об упорядочении распределения молодых специалистов»; Приказ МВО СССР от 1.10.1948 г. № 1432 «О повышении идейно-теоретического уровня преподавания»; Резолюция IV Всесоюзного совещания по ЗОБУ от 24.01.1948 г.; Приказ МВО СССР от 17.02.1948 г. № 202 «О мерах по улучшению научно-педагогических кадров»; Решение коллегии МВО СССР от

13.02.1948 г. № 4–1 «О состоянии работы руководящими кадрами в вузах» [12, л. 7–11, 36, 81–83, 177, 247, 253, 249].

В отличие от учебных аспектов, выполнение срочных НИР, особенно имевших важное оборонное значение, поощрялось уменьшением учебной нагрузки в рамках штатного расписания. Тематика научных исследований в системе высшего медицинского образования БССР того времени перестраивалась сообразно текущим запросам. Характер послевоенного этапа предопределил тот факт, что в перечне научных исследований на первый план вышли проблемы хирургии, в том числе и военно-полевой, различные разделы которых активно разрабатывались в каждом медицинском институте БССР. Лечение алиментарной дистрофии, авитаминозов, гипертонической болезни, изучение краевой патологии, профилактика и лечение инфекционных болезней, поиски заменителей перевязочных средств, и структуры заболеваний в условиях военного времени, – эти и многие другие темы находились в центре внимания преподавателей высшей медицинской школы БССР. Важной формой распространения передового опыта становились научные сессии институтов БССР, межвузовские конференции. Они проводились с привлечением большого числа практических врачей и преподавателей, зачастую с последующей публикацией материалов [10, л. 7, 11, 17–21, 22–42, 43, 73]. Вместе с тем, необходимо отметить, что ведение экспериментальных работ осложнялось отсутствием должного финансирования, недостатком необходимого оборудования, реактивов, приборов, современной научной иностранной литературы.

Таким образом, в системе высшего медицинского образования БССР послевоенного периода был взят курс на перестройку учебного процесса в соответствии с задачами медицинской теории и практики, развития профилактического направления в медицине. Основной задачей государственной политики в данной области была подготовка квалифицированных медицинских кадров, число которых планировалось увеличить в 2 раза. С этой целью совершенствовалась учебно-педагогическая работа. Использовалась советская практика социалистических соревнований. Достижение поставленных целей облегчало то, что профессия врача являлась престижной, сохраняла высокий социальный статус.

В первую послевоенную пятилетку шли поиски новых форм организации учебного процесса. Попытки увеличения доли самостоятельной работы студентов, не подкрепленные достаточной методической проработкой и соответствующей организацией рабочего места студента, имели временный успех. Основным источником получения дополнительных профессиональных знаний студентов медицинских вузов являлась работа в научных студенческих кружках, масштабы которой, в рассматриваемое время, значительно возросли [13, с. 1–7].

Одним из слабых мест системы высшего образования БССР оставалась обеспеченность преподавателями. Количественный и качественный рост

научно-педагогических кадров, несмотря на официальные установки по его ускорению, замедлялся как материальными обстоятельствами, так и сложностью ведения научных работ в условиях политизации медицинской науки. На протяжении всей второй половины 1940-х и начала 1950-х гг. преподавательский состав под надуманными предлогами вычищался от «идеологически» неблагонадежных сотрудников.

Вместе с тем острая потребность в специалистах здравоохранения предопределила бесперебойную работу медицинских факультетов и относительно четкую организацию их деятельности. Во многом это было связано с тем, что медицинские учебные заведения в вопросах содержания учебного процесса были более самостоятельны, по сравнению с другими вузами республики.

К системным недостаткам организации подготовки врачей, можно отнести проявившийся отрыв образования от практического здравоохранения. Недостаточная готовность выпускников к самостоятельной работе, требующей достаточных компетенций в проведении оздоровительных мероприятий, поставили вопрос о необходимости кардинальных реформ в системе высшего медицинского образования БССР и пересмотра самого концепта подготовки врача.

Список использованных источников

1. Беларуская савецкая энцыклапедыя: у 12 т. / П. У. Броўка [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1975. – Т. 12.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / пад рэд. М. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва: 2000–2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]. – 738 с.
3. *Сталин, И. В.* Сочинения / И. В. Сталин. – Т. 16. – М.: Издательство «Писатель», 1997. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАВО. – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 2.
6. ГАВО. – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 5.
7. ГАВО. – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 6.
8. ГАВО. – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 12.
9. ГАВО. – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 19.
10. ГАВО. – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 10.
11. ГАВО. – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 13.
12. ГАВО. – Фонд 2853. – Оп. 1. – Д. 12.
13. *Ерегина, Н. Т.* Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг. / Н. Т. Ерегина. – СПб., 2010. – 115 с.
14. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / пад. рэд. І. М. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 776 с.

(Дата подачы: 19.02.2020 г.)

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 930(34)

**К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ
РИГВЕДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XX В.)**

**TO THE QUESTION OF FORMATION OF HISTORIOGRAPHY
OF RIGVEDIC SOCIETY
(SINCE ANCIENT TIME UNTIL THE MIDDLE XX CENTURY)**

Развитие мировой индологии за последние несколько десятилетий очевидно свидетельствует, что эта дисциплина всё более и более отстывает от исходных постулатов классиков европейской науки, обращаясь при этом не только к смежным данным современных наук (прежде всего, генетики, астрономии и геологии), но и к трудам индийских авторов, включая комментаторов древности и средневековья. Автор статьи приходит к заключению, что именно этот процесс приводит к развитию в последние десятилетия синтетического направления древнеиндийских исследований, сочетающего классические индийские и европейские подходы.

Ключевые слова: историография; индология; европейские академические традиции; индийские классические комментарии; синтетический подход.

The last decades development of world Indology evidently testifies, that it step by step left its basic foundations formed by European Indology classics. This process has been put forward not only with modern data of sciences like genetics, astronomy or geology, but with the works of ancient and medieval Indian commentators. The author of the article concludes that the latter leads to formation of synthetic approaches to Ancient Indian studies, i.e. the one composing European and Indian classics.

Key words: the historiography; Indology; European academic traditions; indian classical commentaries; synthetic approach.

Вопросы истории Древней Индии являются существенной составляющей истории древнего мира на протяжении уже более двух сотен лет. Такой временной интервал традиционно приводится в литературе и исходит из того, что соответствующие исследования были начаты в конце XVIII в. У. Джонсом [1, с. 81–83]. Это действительно так, когда речь идет о европейской академической исторической традиции.

Развитие мировой индологии за последние несколько десятилетий очевидно свидетельствует, что эта дисциплина всё более и более отстывает от исходных постулатов классиков европейской науки, обращаясь при этом не только к смежным данным современных наук (прежде всего, генетики, астрономии и геологии), но и к трудам индийских авторов, которые ранее считались непригодными для исторических исследований, поскольку

очевидно не придерживались правил классической европейской академической традиции.

Именно в силу возросшего интереса и внимания к индийскому наследию в области изучения индийских древностей, в том числе ригведийских реалий и стоящего за ними общества, нам представляется целесообразным представить процесс становления соответствующей историографии с учетом современного положения дел, т. е. речь идет о становлении историографии ригведийского общества с того момента, как таковая появляется.

1. Исследования ведийского общества в Индии.

В Индии Ригведа считается Божественным Откровением и является объектом изучения и поклонения столько, сколько существует сама. За прошедшие три тысячи лет написано такое количество комментариев и толкований, что вряд ли возможно сосчитать.

1.1. Древнейший период (до Саяны).

В рамках этого периода обычно выделяются следующие школы комментаторов Ригведы [2, т. 1, с. 85–90]:

- этимологи – приверженцы толкования понятий, исходя из этимологии с разбором соответствующих контекстов во всех ведийских текстах. Основателем этого направления можно считать Яску – автора «Нигханту» и «Нирукты», жившего не позднее 500 г. до н. э. [3, с. 478];

- грамматики – сторонники орфографического и грамматического анализа текстов; наиболее известным из древних грамматиков является автор «Восьмикнижия» Панини, живший в V–IV вв. до н. э. [4, с. 6] и считающийся первым систематизатором и бытового и ведийского санскрита [2, т. 1, с. 89];

- ритуалисты – сторонники толкования текстов, исходя из ритуала. Среди таковых можно назвать жившего в VII в. н. э. Скандасвамины [2, т. 1, с. 91] и жившего в X в. Венкату-Мадхаву [2, т. 1, с. 92];

- легендисты – сторонники толкования на основании легенд и преданий.

Все они, практически без исключения, исходят из непрерывности индийской традиции и принадлежности Ригведы и последующих произведений к единой культуре без какой бы то ни было серьезной качественной специфики, кроме того, что это самая священная из всех книг.

1.2. Период от Саяны до XVIII в.

Крупнейшим представителем периода является сам Саяна (1315–1387). Он использовал очень многое из разных предшествующих ему школ, особенно грамматиков, ритуалистов и легендистов. К несомненным достоинствам комментариев Саяны относятся:

- глубокое знание языка и ритуала [3, с. 478];
- реалистичное и, по возможности, буквальное толкование ригведийских реалий [5, т. 1, с. 53].

К сожалению, комментарии Саяны имеют и серьезные недостатки, которые делают их трудноприменимыми при решении поставленных нами задач:

- приверженность Саяны своим семейным традициям понимания ритуала в духе Черной Яджурведы и Тайтрейя Самхиты [2, т. 1, с. 94];
- следование комментариям брахман [2, т. 1, с. 120;], которые несомненно являются по отношению к Ригведе гораздо более поздними;
- привлечение преданий и легенд, изложенных в Пуранах [2, т. 1, с. 119], создание которых обычно относят к началу нашей эры [6, с. 299];
- фактическое отрицание мифологического аспекта Ригведы [2, т. 1, с. 120].

1.3. Комментаторы XIX–XX вв.

Наиболее значительными фигурами этого периода, рассматривавшими проблемы социальной организации ригведийского общества, являются основатель «синтетического» направления Дайананда Сарасвати (1824–1883 гг.) и Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950 гг.).

Основной особенностью подхода Дайананды к ригведийским реалиям является их толкование, исходя из многозначительности санскритских терминов. Дайананда давал каждому понятию как возможно более общее толкование, учитывавшее все частные случаи его употребления. К сожалению, он не успел закончить запланированный полный комментарий к Ригведе и дошел лишь до VI мандалы [2, т. 1, с. 107].

Комментарии Дайананды представляют для нас несомненную ценность как одна из первых попыток дать целостное определение ригведийских понятий, опираясь на все случаи их употребления в самом памятнике, а не на отдельные места и, тем более, на более поздние комментарии. Однако следствием такого «синтетического» толкования Дайананды явилась излишняя формальность или очевидная спекулятивность понятий, поскольку принципом синтеза являлась точка зрения автора о том, что ригведийские арии были монотеистами [5, т. 1, с. 53; 2, т. 1, с. 107].

Ауробиндо продолжил работу в рамках основанного Дайанандой «синтетического» направления. Указывая на необходимость целостного подхода к Ригведийским понятиям, он отстаивал возможность их понимания только посредством проникновения в себя и свое «я» и подсознание [2, т. 1, с. 112]. Таким образом, его толкования не могут быть использованы при анализе ригведийских текстов в интересующем нас социально-историческом плане, поскольку они не учитывают ни временной, ни исторической специфики памятника.

В настоящей работе нами широко привлекаются также перевод на английский язык и комментарии современных индийских ученых Свами Пракашвир Шастри и Сатьякама Видьяланкара. Основными их достоинствами являются прекрасное знание ведийского языка, ритуала и различных комментаторов, а также комментаторских традиций.

К сожалению, заметное, особенно в переводе, влияние «синтетического» подхода Дайананды (например, признание у ригведийских ариев монотеизма), преобладание натуралистических толкований над мифологическими

и привлечение внеригведийских текстов [см., например, 2, т. 1, с. 37–47] накладывают серьезные ограничения на возможность использования работ С. Пракаша и С. Видьяланкара для подобных исследований.

1.4. Изучение ригведийского общества в Индии по европейскому академическому образцу.

В XX в., опираясь на тысячелетнюю культуру и под влиянием европейского образования, складывается новая индийская историческая наука, т. е. такая, которая строится с учетом европейских академических правил.

Индийскими специалистами были проведены очень серьезные исследования. Особое место в этом ряду занимает фундаментальный труд П. В. Кане [7], давно ставший классическим для мировой индологии. Помимо собственно научной ценности, значение этой работы в том, что она наглядно демонстрирует возможности синтеза классических индийских подходов и европейских академических традиций.

В рамках интересующего нас вопроса для указанного периода отметим ставшие классическими исследования С. Радхакришнана и Д. Чаттопадхья, изучавших в рамках истории индийской философии ведийский культ и общество [5, т. 1, с. 49–94; 8, с. 74–82], а также Р. Ш. Шармы, наиболее существенным трудом которого для исследований ригведийского общества является «Древнеиндийское общество» [9], затрагивающая очень многие, если не все, основные проблемы и раннего (ригведийского) и более поздних периодов древнеиндийского общества, причем часто решая их иначе, чем европейские авторы. Например, по мнению Р. Ш. Шармы, в основе социальной структуры ригведийских ариев лежала не разработанная европейскими исследователями «теория varNa», а племенные начала.

2. Европейская индология.

2.1. Период энциклопедистов (XIX – начало XX в.).

Научное изучение общества ведийского периода и связанных с ним феноменов древнеиндийской культуры началось, как известно, в середине XIX в. в Британской империи, куда в то время входила Индия, и Германии. Основным направлением исследований XIX – начала XX в. было изучение древних текстов вед и изложение реалий, в том числе и социальных, в духе классического позитивизма, т. е. в том виде, в каком они, с точки зрения авторов того времени, изображены в самих памятниках. Именно тогда впервые были подробно описаны ведийские ритуалы и мифология, обозначены их основные функции и персонажи.

Вслед за классическими индийскими комментаторами, европейские ученые этого периода исходили из того, что все древнеиндийские памятники ведийского периода (к которому относились четыре веды, все брахманы, араньяки и упанишады) – единое целое, ни временная, ни культурная качественная дифференциация не проводилась. Работы носили общий энциклопедический характер.

Это обусловило толкование ригведийских реалий на основе более поздних произведений, Атхарваведы и брахман (которые, являясь более поздними

комментариями или приложениями к ведам, описывали эти реалии гораздо более детально и понятно), что, в силу вышесказанной специфики Ригведы, как показывают современные исследования, вряд ли соответствовало ригведийской ситуации и отражало, скорее, значительно более поздний этап развития древнеиндийского общества, когда система варн уже сложилась в классическом четырехсоставном варианте, и брахманы, составлявшие к тому времени первую (высшую) варну, представляли собой оформленный жреческий институт с достаточно четко определенными функциями.

Среди наиболее крупных авторов этого периода представляется целесообразным назвать Г. Циммера, чья «Жизнь древних индийцев» [10], хотя и содержит немало устаревших положений, считается обязательной при исследовании любых ведийских проблем, О. Бётлингка и Р. Рота, наиболее значительным трудом которых является, несомненно, «Словарь санскрита», вышедший в Санкт-Петербурге в 1853–75 гг., и являющийся по сей день непревзойденным справочником по лексике и реалиям санскрита [11]; М. Мюллера, наиболее значительным произведением которого, затрагивающим интересующую нас тему являются «История древней санскритской литературы» [12]; Г. Ольденберга, изложившим свои основные взгляды на устройство древнеиндийского общества в работе «Религия вед», которая вышла вторым расширенным изданием в Штуттгарте-Берлине в 1917 г. [13]; М. Блумфильда и его «Религию вед», изданную в Нью-Йорке и Лондоне в 1908 г. [14] как итог многолетних исследований; А. Макдонелла, среди ранних работ которого для нас особенно интересна «Ведийская мифология», изданная в 1897 г. в Страсбурге [15]; А. Гиллебрандта, автора многотомного исследования по ведийской мифологии [16].

2.2. Переводчики и комментаторы Ригведы (XIX – начало XX в.).

Особо следует отметить переводы Ригведы на современные европейские языки, что необходимо включало понимание переводчиком передаваемых реалий:

- на английский язык Х. Х. Вильсона [17];
- на немецкий язык Ф. М. Мюллера [18];
- на французский язык А. Ланглуа [19];
- на немецкий язык А. Людвига [20];
- на немецкий язык Г. Грассмана [21], автора также и словаря-указателя к Ригведе [22];
- на английский язык Р. Гриффита [23].

К этому же направлению следует, очевидно, отнести и творчество выдающегося немецкого индолога К. Гельднера, автора полного научного перевода Ригведы на немецкий язык, снабженного краткими, но содержательными комментариями [24].

Среди наиболее известных специалистов российской индологии этого периода, которые затрагивали вопросы социальной истории ведийского общества, можно назвать В. Ф. Миллера [25], и Д. Н. Овсяннико-Куликовского [26].

В целом об этом периоде можно сказать, что он заложил основы индологии (и изучения ригведийских реалий, в частности) как научной дисциплины, обозначил главные проблемы, большинство которых не решено и сегодня, отметил многие особенности древнеиндийской культуры, в том числе и своеобразную социальную организацию ведийского общества, основу которой составляло деление на варны, как правило отождествлявшиеся с более поздними кастами [13, с. 367–369; 10, с. 189–191], а верховное положение среди варн занимали брахманы, которые считались жрецами [25, с. 97], отправлявшими сложный, разработанный до мелочей культ, с помощью которого брахманы способны воздействовать на богов в свою пользу [26, с. 145–150].

Именно благодаря этим исследованиям и возникает в Индии новые течения в изучении древностей, описанные нами выше в п. 1.4, из которых в последующие десятилетия будет развиваться синтетическое (т. е. сочетающее классические индийские и европейские подходы) направление древнеиндийских исследований.

Список использованных источников

1. Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / под ред. проф. В. И. Кузичина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 303 с.
2. Rgveda – SaMhitA with English Translation by Svami Satya Prakash Sarasvati and Satyakam Vidyalandkar, I–XIII. – New Delhi, 1977–1995. – 13 vol.
3. Елизаренкова, Т. Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры / Т. Я. Елизаренкова // Ригведа. Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989. – С. 426–544.
4. Кочергина, В. А. Санскритско-русский словарь / В. А. Кочергина. – М.: Русский язык, 1996. – 944 с.
5. Радхакришнан, С. Индийская философия: в 2 т. / С. Радхакришнан. – М.: Миф, 1993. – 1354 с.
6. Бонгард-Левин, Г. М. Древнеиндийская цивилизация. – М.: Наука, 1980. – 333 с.
7. Kane, P. V. History of DharmazAstra, I–V / P. V. Kane. – Poona, 1930–1962. – 5 vol.
8. Чаттопадхья, Д. История индийской философии / Д. Чаттопадхья. – М.: Прогресс, 1966. – 328 с.
9. Шарма, Р. Ш. Древнеиндийское общество / Р. Ш. Шарма. – М.: Прогресс, 1987. – 626 с.
10. Zimmer, H. Altindisches Leben / H. Zimmer. – Berlin, 1879. – 460 S.
11. Boehtlingk, O. Sanskrit-Woerterbuch, I–VII / O. Boehtlingk, R. Roth – St. Petersburg, 1853–1875. – 7 Th.
12. Mueller, F. M. A History of Ancient Sanskrit Literature / F. M. Mueller. – London: Williams & Norgate, 1859. – 627 p.
13. Oldenberg, H. Die Religion des Veda / H. Oldenberg. – Stuttgart und Berlin, 1917. – 608 S.
14. Bloomfield, M. The Religion of the Veda: the ancient religion of India (from Rig-Veda to Upanishads) / M. Bloomfield. – N.Y.: L.: G. P. Puntam's Sons, 1908. – 812 p.
15. Macdonell, A. A. Vedic Mithology / A. A. Macdonell. – Strassburg, 1897. – 189 p.
16. Hillebrandt, A. Vedic Mythology. 2 vol. / A. Hillebrandt. – Delhi, 1990. – 860 p.
17. Wilson, H. H. Rig-Veda-Sanhita. A collection of ancient Hindu hymns / H. H. Wilson. – London: N. Trübner and co, 1866. – 348 p.
18. Mueller, F. M. The hymns of the Rig-Veda in the Samhita and Pada texts / F. M. Mueller. – London: N. Trübner and co, 1877. – 2 vol.
19. Langlois, A. Rig-véda; ou, Livre des hymnes / A. Langlois. – Paris, Maisonneuve et cie, 1872. – 611 p.

20. Rigveda, oder die heiligen Hymnen der BrAhmaNa. Zum ersten Male vollstaendig ins Deutsche uebersetzt mit Commentar und Einleitung von Alfr. Ludvig, I–IV. – Prag-Wien-Leipzig, 1876–1888. – 4 Bd.

21. Rigveda uebersetzt und mit kritischen und erlaeuternden Anmerkungen versehen von H. Grassmann, I–II. – Leipzig, 1876 – 1877. – 2 Th.

22. Grassmann, H. Woerterbuch zum Rig-Veda / H. Grassmann. – Weisbaden, 1955. – 1561 p.

23. Griffith, R. I. H. The Hymns of the Rigveda / R. I. H. Griffith / Transl. with a Popular Commentary. – Benares: E. J. Lazarus & Co., 1896. – 2 vol.

24. Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche uebersetzt und mit einem laufendem Kommentar versehen von K. F. Geldner, I–III. – Cambridge, 1951. – 3 T.

25. Миллер, В. Ф. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой / В. Ф. Миллер // Избранные труды русских индологов-филологов. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – С. 87–143.

26. Овсянко-Куликовский, Д. Н. Религия индусов в эпоху вед / Д. Н. Овсянко-Куликовский // Избранные труды русских индологов-филологов. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – С. 144–174.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

Н. И. Поletaева

Белорусский государственный экономический университет, Минск

N. I. Poletaeva

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 338.23:334.72.012.32(476)(091) «1921/1929»

ГОМЕЛЬСКАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА В 1922–1927 ГГ.

GOMEL COMMODITY EXCHANGE IN 1922–1927

Рассматривается история создания и деятельности Гомельской товарной биржи, ее организационная структура, состав, изменение в объемах биржевых и внебиржевых оборотов, работа котировальной комиссии, лесной и хлебной секций, секции частной торговли, издательская активность, а также деятельность по финансированию коммерческого образования.

Ключевые слова: новая экономическая политика; товарная биржа; торговля; Белорусская ССР.

The history of the creation and activities of the Gomel Commodity Exchange, its organizational structure, composition, changes in the volume of exchange and over-the-counter turnover; the work of the quotation commission, forestry and grain sections, private trade sections, publishing activity, as well as financing of commercial education are considered.

Key words: new economic policy; commodity exchange; trade; Belarusian SSR.

Неотъемлемой частью национальной экономики большинства современных стран стали биржи. В Республике Беларусь эффективно работают Белорусская универсальная товарная биржа, Белорусская валютно-фондовая биржа. Однако история биржевой деятельности в Беларуси началась не с переходом к рыночной экономике, а гораздо ранее – на рубеже XIX–

XX вв., когда сформировались предпосылки для создания и были открыты товарные биржи в Минске и Витебске. В условиях НЭПа в 1920-е гг. эта форма торговли была воссоздана, биржи действовали в Минске, Витебске, Могилеве и Гомеле.

Интерес исследователей к истории бирж Беларуси в годы НЭПа не случаен, поскольку изучение опыта их работы позволяет проанализировать результаты, воссоздать характерные приемы и методы коммерческой деятельности, проследить, насколько они устойчивы и повторяемы. Некоторые краткие сведения о деятельности Гомельской товарной биржи содержатся в монографии Л. М. Михневича [1], статье Е. А. Бруханчик [2], но комплексный анализ ее создания и деятельности в историографии отсутствует. Данная статья восполняет этот пробел. Основными источниками стали впервые вводимые в научный оборот материалы Государственного архива Гомельской области, фонд 3 – Гомельская товарная биржа отдела внутренней торговли исполнительного комитета Гомельского губернского Совета (с 8 декабря 1926 г. – Гомельского окружного Совета) рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Открытие биржи в Гомеле не было случайностью. Город находился на пересечении железнодорожных и водных путей, был важным центром торговли продуктами лесной, фанерной, спичечной, суконной и бумажной промышленности, через него осуществлялась связь с рынком Украины. В 1920-е гг. в городе были созданы крупные тресты (Гомлес, Спичтрест, Текстильтрест, Бумтрест). Усложнение конъюнктуры рынка, необходимость в выявлении спроса и предложения, важность изучения торгового опыта, обмена торговой информацией, начавшийся процесс создания бирж в рамках СССР привели к тому, что в ноябре 1922 г. состоялось первое организационное собрание учредителей – местных хозяйственных и кооперативных органов. Товарная биржа располагалась в Гомеле по ул. Советской, д. 16. Был избран временный биржевой комитет, принят устав Гомельской товарной биржи, утвержденный 11 декабря 1922 г. Комиссией по внутренней торговле Совета труда и обороны СССР. В дальнейшем в связи с выходом новых редакций нормального устава товарной биржи, который разрабатывал Народный комиссариат внутренней торговли СССР, этот документ дорабатывался, неоднократно изменялся. Последняя редакция Устава Гомельской товарной биржи была принята в январе 1926 г. [3, л. 7], утверждена в октябре 1926 г. [4, л. 2].

Согласно Уставу, целью Гомельской товарной биржи было выявление спроса и предложения, облегчение и упорядочение торговых сделок, соби-
рание и опубликование сведений о ценах, состоянии рынков, улаживание споров по сделкам. Биржей управляли общие собрания ее членов, биржевой комитет и ревизионная комиссия. Членами биржи могли быть государственные, кооперативные и частные торговые и промышленные предприятия. Биржевой комитет был обязан удостовериться в коммерческой солидности претендующего на вступление в члены биржи учреждения или

лица. Устав определял нормы, касавшиеся общих собраний, биржевого комитета, ревизионной комиссии, средств биржи, процесса ее ликвидации [5, л. 8, 13, 13 об.].

Биржевой комитет проделал большую организационную работу по привлечению государственной и кооперативной торговли к биржевой деятельности. В октябре 1924 г. насчитывалось уже 60 членов биржи, в том числе 32 государственных организации, 5 – кооперативных и 23 частных предпринимателя. В дальнейшем число членов биржи менялось. В феврале 1926 г. их стало 49, в том числе 30 государственных, одно акционерное общество, 4 кооперативных, 14 частных [6, л. 8, 52]. К январю 1927 г. в связи с проводимой политикой по вытеснению частного капитала осталось уже 37 членов биржи, в том числе государственных – 27, акционерных обществ – 1, кооперативных – 4, частных – всего 5 [7, л. 35].

Биржевой комитет состоял из 9 человек, три из которых представляли государственную торговлю, два – кооперативные организации, по одному – тресты и отделения банков, два – частную торговлю и производства [8, л. 64]. Председателем биржевого комитета в течение всех лет работы биржи избирался председатель правления Полесского акционерного общества «Полесторг» Гомельского губернского совета народного хозяйства Х. Б. Перельмутер [6, л. 43]. Уже к 1923/24 г. Гомельская товарная биржа (далее – ГТБ) стала необходимым институтом, способствовавшим оперативной работе всех торгующих органов. Обороты биржи постепенно росли (табл. 1).

Таблица 1

Торговые обороты Гомельской товарной биржи в 1922/23 – 1926/27 гг.

Год	Биржевой оборот			Внебиржевой			Общий		
	Кол-во сделок	Сумма		Кол-во сделок	Сумма		Кол-во сделок	Сумма	
		Руб.	%		Руб.	%		Руб.	%
1922/23 (данные за янв.-авг. 1923 г.)	401	2 484 946	52,3	1077	2264385	47,7	1478	4 749 331	100
1923/24	1811	9 167 386	65,4	1896	4 838 006	34,6	3707	14 005 392	100
1924/25	–	–	–	–	–	–	12 022	33 663 750	100
1925/26	3599	33 834 000	67,6	10 541	16 206 000	32,4	14 140	50 040 000	100
1926/27 (данные за окт., нояб. 1926 г., янв. 1927 г.)	–	7 902 809	64,6	–	4 313 599	35,4	–	12 216 408	100

Источник: [9, с. 83–84; 10, л. 13; 11, л. 13–14; 7, л. 4, 8, 10, 13, 19, 23, 29, 40].

В целом с момента начала биржевых торгов до 1925/1926 г. – времени максимального роста биржевых операций – объем товарооборота ГТБ вырос с 4,7 до 50,04 млн руб., или более чем в 10,5 раз; число сделок увеличилось

в 9,5 раз и достигло 14 140. Если в первые месяцы работы биржи внебиржевые операции преобладали над биржевыми, то с середины 1923 г. объем и удельный вес биржевых операций стал расти (с 52,3 % в 1922/23 г. до 67,6 % в 1926/27 г.), что объяснимо как возросшим интересом торгующих лиц и организаций к работе биржи, так и усилившимся контролем со стороны аппарата биржи и Гомельского губернского отдела внутренней торговли (далее – губвнуторг) за полной и своевременной регистрацией сделок.

По структуре оборачивающихся на бирже товаров за три анализируемых хозяйственных года (табл. 2) доля хлебофуражных и других сельскохозяйственных товаров была достаточно стабильной и составляла десятую часть в сумме оборота. На бакалейные товары в 1923/1924 и 1924/1925 г. приходилась самая значительная часть всех оборотов (23,3 и 24,1 % соответственно).

Таблица 2

**Изменение удельного веса товарных групп в общем обороте
Гомельской товарной биржи, 1923/24 – 1925/26 гг., %**

Товарная группа (товары)	Хозяйственный год		
	1923/24	1924/25	1925/26
Хлебофураж и др. сельскохозяйственные	9,2	10,4	10,5
Бакалейно-колониальные	23,3	24,1	14,1
Текстильные	20,1	15,9	16,3
Лесные и др. строительные	9,9	11,3	17,7
Топливо	7,9	4,8	18,6
Сырье	5,3	–	–
Металлы	7,3	14,0	11,0
Москательно-химические	7,1	2,8	11,9
Кожевенные	1,3	5,1	4,4
Писчебумажные	–	10,1	6,0
Прочие	8,6	1,5	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: [12, л. 96–97; 10, л. 36].

Однако в 1925/1926 г. их доля сократилась до 14,1 %, что объяснимо не уменьшением их значимости, а изменениями в классификации учитываемых биржей товаров: ранее спички и мыло были отнесены к бакалейно-колониальной группе, с октября 1925 г. они были включены в группу москательно-химических товаров, доля которых поэтому в 1925/1926 г. резко выросла и составила 11,9 %. Заметным был удельный вес текстильных и лесных товаров, причем доля первых постепенно уменьшалась, вторых – увеличивалась и стала в 1925/1926 г. второй (17,7 %) после топлива (18,6 %) группой товаров, оборачивавшихся на ГТБ. Достаточно стабильно были представлены металлы, кожевенные и писчебумажные товары. Следовательно, главное место в обороте занимали промышленные товары, потому что в руках государственных оптовых представителей-монополистов была сосредоточена продажа бакалейно-колониальных, текстильных и металлургических това-

ров. Значительная роль отводилась продукции местной бумажной и лесной промышленности.

Среди контрагентов государственные органы преобладали. Так, в 1923/1924 г. на их долю в общем биржевом обороте по продаже товаров приходилось 88 %, на долю кооперации – 7,6, частных лиц – 4,4 %. Однако в биржевом обороте по покупке товаров доля государственных органов была значительно ниже и составляла 48,7 %, тогда как кооперации, которая активно закупала товары для своей сети, – 41,7 %, частных лиц – 9,6 % [12, л. 92, 95]. Доля частных лиц была незначительной, но частные предприниматели, занимая в розничной торговле БССР в условиях НЭПа ведущие позиции, пополняли рынок республики товарами не через биржу, а другими путями. Поэтому задача вовлечения частных торговцев в работу Гомельской товарной биржи все годы ее функционирования оставалась одной из актуальных и злободневных.

Размеры сделок и их вес в товарообороте были различными. Из-за отсутствия обобщенных данных анализ ограничен сведениями по внебиржевой торговле за 1925/1926 год (табл. 3).

Таблица 3

**Размер, количество сделок и внебиржевой оборот по ним
Гомельской товарной биржи в 1925/26 г.**

Размер сделки (руб.)	Число	%	Сумма (руб.)	%
300–500	2835	26,9	1 109 751	6,8
500–1000	3930	37,3	2 675 099	16,5
1000–2000	2224	21,1	3 109 336	19,2
2000–3000	683	6,5	1 654 043	10,2
3000–5000	459	4,3	1 751 760	10,8
5000–10 000	269	2,5	1 873 273	11,7
10 000–15 000	57	0,6	687 020	4,3
15 000–20 000	21	0,2	355 081	2,2
20 000–30 000	31	0,3	750 834	4,6
30 000–40 000	13	0,1	454 022	2,8
40 000–50 000	2	0,03	87 056	0,5
50 000–100 000	11	0,1	770 037	4,6
100 000–500 000	6	0,07	927 400	5,8
500 000–1 000 000	–	–	–	–
Свыше 1 000 000	–	–	–	–
Итого	10 541	100,0	16 204 712	100,0

Источник: [13, л. 37].

Подавляющее количество сделок (в совокупности свыше 85 %) не превышали 2 тыс. руб. Чаще всего (37,3 %) размер сделки находился в пределах 500–1000 руб. Ни одной сделки свыше 500 тыс. руб. не было заключено, было зафиксировано лишь шесть сделок в пределах суммы 100–500 тыс. руб. По общей сумме заключенных внебиржевых сделок лидировали сделки от 1 до 2 тыс. руб. (19,2 %), на сделки от 500 руб. до 1 тыс. руб. приходилось

16,5 %, примерно по десятой части общей суммы приходилось на сделки от 2 до 3, от 3 до 5 и от 5 до 10 тыс. руб.

По мере развития НЭПа, расширения товарооборота менялась структура ГТБ. В 1923 г. работали два маклера, действовали регистрационное бюро, котировальная и арбитражная комиссии. В 1924 г. были образованы лесная, экономическая и статистическая секции, бюро экспертов, комитет содействия коммерческому образованию. В 1925 г. заработала секция частной торговли и промышленности, в 1926 г. – хлебная секция.

Маклеры способствовали выявлению спроса и предложения, развитию межбиржевых связей, участвовали в установлении котировальных и справочных цен, становились посредниками между торгующими на бирже организациями и лицами, консультировали торгующих при выработке условий сделки, наблюдали за ее соответствием существующим законам и правилам. Сделки с участием маклера оформлялись маклерской запиской, при составлении которой маклер «под страхом ответственности обязан следить за тем, чтобы в ней ... не было никаких подчисток и помарок, неоговоренных подписями сторон». Вознаграждение за труд, размер которого устанавливал биржевой комитет, маклеры получали через кассу биржи, а не непосредственно от клиентов [14, л. 45–45 об.]. Так, в сентябре 1925 г. заработная плата маклера составляла 74 руб. 40 коп., к этой ставке в соответствии с трудовым договором дополнительно было выплачено 21 руб. 60 коп. [15, л. 14].

Регистрационное бюро проверяло сделки на предмет их экономической целесообразности и соответствия условиям рынка. Доля непризнанных сделок была невелика (в 1923/1924 г. – 15 из 1805). Серьезной проблемой стало то, что до 40, а иногда и до 70 % внебиржевых сделок представлялись к регистрации с опозданием. В 1925/1926 г. с этим удалось справиться, число сделок, заключенных с опозданием, уменьшилось до 11,6 %.

Котировальная комиссия не только фиксировала цены, но в случаях резкого расхождения оптовых цен рынка, с одной стороны, и государственных и кооперативных цен, с другой, принимала меры к регулирующему давлению на рынок. Особое значение котировочные цены имели для рынка сельскохозяйственных продуктов и лесных материалов [9, с. 87–89].

Бюро экспертов, в которое входили специалисты по главнейшим товарам, обращавшимся на рынке Гомельщины, по просьбе заинтересованных организаций выдавало заключения о качестве и сорте товаров. За каждую экспертизу постоянные эксперты получали вознаграждение в зависимости от рода, качества и количества товаров по таксе, утвержденной биржевым комитетом. Все расходы оплачивал заявитель, отводы экспертов не допускались. В 1924 г. на ГТБ насчитывалось 24 эксперта из числа работников местных государственных и кооперативных организаций, в 1926 г. – уже 39 экспертов по 13 видам товаров (хлебофуражным, рыбным, мануфактурным, кожевенным, лесным, писчебумажным, химическим и др.) [10, л. 66; 16, л. 28–32].

В целом Гомельская товарная биржа была безубыточным предприятием. К примеру, в 1925/1926 г. ее чистая прибыль составила 32667,06 руб., или 46 % всех доходов биржи [11, л. 28]. Кстати, с момента своего создания и до апреля 1924 г. ГТБ оплачивала даже все расходы Гомельского губвнторга [8, л. 68].

Особую озабоченность членов биржи вызывали взаимоотношения с частными торговцами. В отличие от других бирж СССР, где секции частных торговцев были образованы еще в 1923–1924 гг., в Гомеле частные торговцы, которых насчитывалось не менее 1400 человек, «...этим вопросом интересовались мало и не отзывались на неоднократные призывы биржевого комитета» об организации секции. «Базарный комитет Гомеля (базарком) боялся конкуренции, полагал, что секция может захватить его функции». Биржевой комитет понимал, что в базарком входят исключительно мелкие розничники, тогда как биржу интересовали более крупные торговцы [17, л. 7]. Тем не менее еще весной 1924 г. представитель ГТБ участвовал во всех собраниях, контролировал и направлял избрание секций базарно-рыночного комитета, где нередко разгоралась нешуточная борьба по поводу необходимости объединения мелких торговцев. Приходилось преодолевать сопротивление т. н. бедняков и середняков и объяснять им, что «для снижения цен в розничной торговле необходимо, чтобы розничники получали товар непосредственно у оптовой госторговли, минуя частного оптовика» [18, л. 63].

Мнения участников биржи по поводу перспектив вовлечения частных предпринимателей в работу также разделились: часть их полагала, что необходимо создавать секции только по видам товаров, потому что «секция частной торговли ничего не даст, она будет входить в биржевой комитет с разными ходатайствами, главным образом по вопросам налоговым». Другие считали, что «...частным торговцам приходится приобретать товар через вторые и третьи руки, поэтому до потребителя он доходит со значительным удорожанием, а секция позволит такое явление изжить». Они подчеркивали, что, если бы частный торговец был более активным на бирже, «...не было бы таких явлений, как прибытие одновременно 20 цистерн масла, когда потребность удовлетворялась 5 цистернами, а также покупка кооперативными учреждениями ненужных им товаров и перепродажа потом частным лицам». При голосовании по двум проектам резолюций голоса разделились поровну, в итоге было принято «соломоново» решение – создать и товарные секции, и секцию частной торговли [18, л. 31–32], которая была образована в феврале 1925 г. [17, л. 6]. Уже к апрелю 1925 г. в нее вошли 36 человек. Секция пыталась решить такие актуальные для частных торговцев вопросы, как улучшение товарного и банковского кредитования, упорядочивание условий отпуска товаров, вопросы тарификации, налоговые и арендной платы за торговые помещения, о делегировании в различные органы, где предусматривалось представительство частников [17, л. 9 об.]. В частности, удалось добиться того, чтобы губернское отделение Госбанка стало кредитовать частных торговцев с небольшой разбежкой во взимаемых процентах

по сравнению с государственными учреждениями. Это, в свою очередь, привело к тому, что снизился т. н. «уличный» процент с 3–3,5 коп. до 1,5–2 коп. за червонец в день. Также Гомельское общество взаимного кредита снизило ставки по кредитованию, что в целом позитивно сказалось на состоянии потребительского рынка [17, л. 21]. Но добиваться увеличения кредитования частным лицам было очень сложно, их заявки удовлетворялись в последнюю очередь. Биржевой комитет настроение частных торговцев часто характеризовал как «боязнь биржи», отмечал, что «...частные торговцы сами лезут как бы в подполье. Когда приходится им продать или купить у них товар, превышающий сумму 300 руб. и их приглашают на биржу для оформления сделки, то они зачастую отказываются от заключения сделки, но на биржу не идут» [18, л. 23 об., 24].

По примеру других бирж страны для информирования торгующих лиц и организаций о ценах и торговой конъюнктуре местного рынка и иных регионов СССР, для обмена информацией с июня 1923 г. ГТБ еженедельно издавала свой коммерческий бюллетень. С августа 1924 г. он был объединен с бюллетенем Коммерческого телеграфного агентства и стал выходить три раза в неделю под общим названием «Коммерческий бюллетень Товарной биржи и КТА» [8, л. 61, 67; 19, л. 1]. С ноября 1925 г. биржа также издавала ежемесячные обзоры торговли и цен [16, л. 105 об.]. С июля 1926 г. вновь стал выходить самостоятельный «Торговый бюллетень», освещавший местную торговую жизнь, цена подписки на него составляла 5 руб. [11, л. 1, 6, 17 об.]. Для освещения насущных проблем торговли была организована корреспондентская сеть, включавшая Хойники, Брагин, Лоев, Юровичи, Семеновку, Чуровичи, Климов, Воронок, Уваровичи, Тереховку, Чечерск, Красную гору, Сураж, Унечу, Мглин, Чаусы, Погар, Новозыбков, Стародуб, Клинцы, Речицу [16, л. 9]. С усложнением условий деятельности с января 1927 г. ГТБ ограничилась печатанием только котировок, цен, сведений о сделках и рынке [11, л. 6]. ГТБ внесла также вклад в развитие коммерческого образования, для нужд которого с августа 1924 г. ежемесячно отчисляла 5 % своих доходов [8, л. 67]. С учетом этих средств были открыты трехгодичная школа конторского и торгового ученичества, в которой обучалось 67 человек; бухгалтерские курсы в Гомеле (100 обучающихся) и в Клинцах (50 человек); курсы стенографические (50 человек) и машинописи [9, с. 91].

Следовательно, потенциал у Гомельской товарной биржи был существенный. Преодолевались естественные трудности, работа налаживалась, подбирались кадры, анализировалась и обобщалась статистическая информация, накапливался позитивный посреднический опыт. Но биржи как институты не вписывались в изменившуюся с конца 1920-х гг. концепцию социалистических преобразований в стране. 11 февраля 1927 г. Народный комиссариат торговли БССР принял решение о ликвидации ГТБ. 16 февраля 1927 г. прошло экстренное общее собрание членов биржи, утвердившее баланс за 1925/1926 г., образовавшее ликвидационную комиссию, которая завершила

работу 23 марта 1927 г. Прибыль биржи была распределена на мероприятия по борьбе с безработицей, в культурный фонд Гомельского окрпрофсовета, в пользу политзаключенных Западной Беларуси, на местные нужды [11, л. 10]. Ценность опыта функционирования Гомельской товарной биржи, как и других бирж БССР, состоит в том, что в 1920-е гг. она фактически стала региональным центром оптовой торговли.

Список использованных источников

1. *Ихневич, Л. М.* Торговля Белоруссии. 1900–1970 / Л. М. Ихневич. – Минск: Наука и техника, 1973. – 223 с.
2. *Бруханчик, Е. А.* Биржи БССР в период нэпа / Е. А. Бруханчик // *Беларуская думка*. – 2013. – № 6. – С. 66–69.
3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. Д. 78.
4. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 74.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 54.
6. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 69.
7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 108.
8. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 31.
9. Биржа и рынок за 1-е полугодие 1924–25 гг. / Гомел. товар. биржа. – Гомель: Изд. Бирж. Ком. Гомел. товар. биржи, 1925. – 165 с.
10. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 66.
11. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 79.
12. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 41.
13. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 67.
14. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 20.
15. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 2. – Д. 2.
16. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 55.
17. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 70.
18. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 21.
19. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 19.

(Дата подачи: 03.02.2020 г.)

Д. И. Пригодич

Белорусский государственный университет, Минск

D. I. Pryhodzich

Belarusian State University, Minsk

УДК 069(476)

МУЗЕИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БССР В 1920–1930-е ГГ.

MUSEUMS IN THE SYSTEM OF THE HIGHER SCHOOL OF THE BSSR IN THE 1920–1930S

В статье рассматривается процесс формирования музейной сети высшей школы БССР в 1920–1930-е гг. Освещается история создания и деятельности учебных музеев в контексте государственной политики в сфере высшего образования и музейного дела в рассматриваемый период. Раскрывается степень востребованности музеев в системе научного, учебно-воспитательного, культурно-просветительского процесса. Характеризуется деятельность музеев в учебно-образовательном и научно-исследовательском процессе.

Ключевые слова: БССР; высшая школа; ученый; музей; коллекция; фонд; музейный предмет.

The article discusses the process of forming the museum network of the higher school of the BSSR in the 1920–1930s. The history of the creation and activities of educational museums in the context of state policy in the field of higher education and museum business in the period under review is highlighted. The degree of demand for museums in the system of scientific, educational, cultural and educational process is revealed. The activities of museums in the educational and research process are characterized.

Key words: BSSR; higher school; scientist; museum; collection; foundation; museum item.

События Октябрьской революции 1917 г. привели к трансформированию традиционного уклада общественной жизни. В условиях строительства социализма, реорганизации народного хозяйства, появления индустриального производства и коллективизации сельского хозяйства был поднят вопрос о подготовке высококвалифицированных национальных кадров, которые бы обеспечили ускоренное развитие всех сфер жизнедеятельности республик. Такие масштабные задачи ставились перед высшими учебными заведениями, которые создавались и действовали как центры образования, науки, просвещения и культуры национального значения.

Политика СССР в области высшего образования проходила под контролем партии и правительства и отвечала общегосударственным задачам социалистического строительства. Согласно Положению «О высших учебных заведениях РСФСР», принятом Декретом Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 2 сентября 1921 г. [1] все вузы были подчинены Народному Комиссариату Просвещения (Наркомпрос). Деятельность высшей школы регулировалась декретами и постановлениями, одним из первых стало «Положение о высших

учебных заведениях» 3 июля 1922 г. [2], которое являлось своеобразным уставом высшей школы, действующим до 1930 г. По данному Положению при высших учебных заведениях (вуз) для осуществления научной, учебной, просветительской и воспитательной деятельности действовали учебно-вспомогательные учреждения: лаборатории, кабинеты, музеи и др. До 1934 г. термины «лаборатория», «кабинет», «музей» могли использовать для обозначения одного и того же учебно-вспомогательного учреждения. Отличие «лаборатории»/«кабинета»/«музея» от остальных учебно-вспомогательных учреждений заключалось в выполнении, наряду с решением учебных и научных задач, музейных функций: сбор, хранение, научное описание и популяризация памятников истории, природы и культуры. В ряде случаев под университетским «музеем» понималось помещение, где располагались коллекции, и он являлся составной частью учебно-вспомогательного учреждения.

На территории БССР учебные музеи стали появляться в первые годы деятельности высших учебных заведений, с целью обеспечения кафедр наглядными учебными материалами и научными коллекциями. В 1921 г. в г. Минске к своей деятельности приступил Белорусский государственный университет, который был учрежден по Декрету Центрального Исполнительного Комитета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ССРБ от 25 февраля 1919 г. [3]. Одни из первых учебных кабинетов БГУ были организованы при медицинском факультете. В 1922 г. под руководством профессора кафедры нормальной анатомии С. И. Лебедкина был открыт Анатомический музей, в котором были представлены сухие препараты сосудистой и нервной систем, собрана коллекция зародышей человека и животных, создана библиотека [4, с. 32]. Сотрудниками кафедры фармации в течение 1922/23 учебного года в г. Москве была приобретена фармакогностическая коллекция (200 предметов) [4, с. 33]. В дар были переданы химические препараты, реактивы, приборы и коллекционные предметы от организации «Американская администрация помощи» («Ара»), Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрав) БССР, Пастеровской станции и Красного Креста [4, с. 33]. В 1923 г. при Пропедевтической клинике медицинского факультета БГУ был организован музей, в основу которого составили патологоанатомические препараты, полученные при операциях, и различные предметы, необходимые для преподавания военно-полевой хирургии [4, с. 30]. В 1926/27 учебном году с целью повышения эффективности учебного процесса стал формироваться музей Клиники болезней уха, горла, носа при БГУ, в основу которого легли анатомические препараты, маски, рентгено снимки, фотографии, картины и др. [5].

При педагогическом факультете БГУ в начале 1920-х гг. силами преподавателя кафедры зоологии А. В. Федюшина был создан Зоологический музей, в котором демонстрировались коллекции чучел, скелетов экзотической и местной фауны. Сбором материалов занимались специальные экспедиции научных работников и студентов старших курсов [6, с. 4]. В 1923 г. заведующим кафедрой геологии, профессором М. Ф. Блюдоху был создан

кабинет минералогии и кристаллографии, основу которого составила личная коллекция минералов и горных пород ученого. Коллекция значительно обогатилась редкими экземплярами в годы его работы в составе различных экспедиций на Дальнем Востоке, Сибири, Урале, Кавказе и Беларуси [7]. В 1924 г. под руководством профессора С. З. Каценбогена начал свою деятельность Музей первобытной культуры и религии, где были представлены музейные экспонаты по истории древних царств, первобытной культуре, примитивной религиозной культуре и др. [8]. В 1926 г. музей был переименован в Музей истории религии и атеизма [9]. Эти музеи являлись общедоступными просветительским учреждениями, в которых проводились тематические экскурсии для школьников, учителей, студентов, и музейная и экскурсоводческая практики.

В 1922 г. в г. Минске был открыт Белорусский государственный сельскохозяйственный институт (с 1924 г. – Белорусский институт сельского и лесного хозяйства им. Октябрьской революции) [10, с. 3]. В институте имелся ряд кабинетов в разной степени оснащенных учебно-вспомогательными материалами. При кабинете почвоведения имелась коллекция почв Беларуси: коллекции почвенных структур, почвенных окрасок, грунтов, новообразований и др., при кабинете геологии и минералогии находился музей с систематизированными коллекциями, а также коллекции при кафедре анатомии и физиологии домашних животных и кабинете общего лесоводства. При институте действовал Музей сельскохозяйственных машин и орудий современных конструкций, в котором были представлены 10 плугов, 4 сеялки, 4 уборных машины, 5 сортировочных машин и др. [11, с. 469]. Данные кабинеты и музеи имели задачи познакомить посетителя с результатами изучения местной природы и сельского хозяйства БССР.

В ходе территориального укрупнения БССР был издан Декрет Центрального исполнительного комитета (ЦИК) РСФСР от 3 марта 1924 г. «О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением» [12], в результате которого были присоединены части Смоленской и Витебской губерний. В результате на территории БССР оказалось два сельскохозяйственных института в г. Минске и в г. Горках. При Горецком сельскохозяйственном институте, который был восстановлен 7 апреля 1919 г. решением коллегии Наркомпроса РСФСР [13], действовали учебно-вспомогательные кабинеты животноводства, ботаники, минералогии и геологии, набором ветеринарных инструментов, наглядными пособиями и коллекциями минералов и др., кабинет «Культур-техники» с приборами по гидравлике, гидрометрии и моделями мелиоративных работ и строительных сооружений. Зоологический музей со скелетами, моделями, препаратами, коллекциями, таблицами и необходимыми приборами, инструментами и приспособлениями для работ по зоологии и анатомии животных и Машинный музей с набором сельскохозяйственных машин и орудий [14], которые служили материалом для изучения истории сельскохозяйственного машиностроения. В 1925 г. СНК

БССР принял решение о слиянии двух институтов в Белорусскую сельскохозяйственную академию с размещением в г. Горках. Имущество Минского института сельского и лесного хозяйства им. Октябрьской революции было перевезено в г. Горки [15].

Сразу после присоединения Витебской губернии к территории БССР при поддержке Центрального управления ветеринарии Народного комиссариата земледелия (Наркомзем) РСФСР было принято Постановление Президиума ЦИК БССР от 4 ноября 1924 г. об открытии Витебского ветеринарного института [16]. Одними из первых учебно-вспомогательных учреждений института стали Энтомологический и зоологический музеи, в основу которых была положена коллекция энтомолога В. А. Плющика-Плющевского. Среди экспонатов музея имелись ценные и редкие муляжи по заболеваниям, зоологии, эволюции человека, дарвинизме и др. Располагались ценные коллекции жуков и мотыльков Витебщины, европейских и азиатских видов [17, с. 66]. При кафедре анатомии животных профессором Н. В. Прозоровым совместно с ассистентом Б. А. Обуховым в 1925 г. был создан Анатомический музей. Часть экспонатов музею было передано Витебским обществом натуралистов. В 1927 г. в музее значилось более 1600 экспонатов: муляжи, препараты, картины, плакаты и др. [18, с. 59]. По количеству экспонатов и их разнообразию музей был одним из крупнейших среди аналогичных заведений СССР. В 1925 г. начинал свою работу Орнитологический музей, в котором было представлено около 2820 экспонатов по различным отделам: чучела птиц и млекопитающих, звериные головы, тушки млекопитающих, птиц, птичьи гнезда и др. В музее располагалась коллекция содержимого желудков птиц, состоящая из более 600 экспонатов [17, с. 63]. В 1926 г. при кафедре патологической анатомии профессором А. Д. Бальзаментом был создан Патологоанатомический музей, в котором была представлена коллекция гистологических препаратов [18]. В музее были собраны, изучены и экспонированы материалы, отражающие общие патоморфологические процессы, а также патологические изменения при различных болезнях животных. При кафедре паразитологии и инвазионных болезней животных ученым И. А. Щербовичем был открыт Музей паразитологии, в котором были представлены уникальные научные коллекции: паразитические черви животных, птиц, амфибий, рыб и др., дававшие возможность наглядно ознакомиться с формированием и развитием паразитологической науки в регионе [19]. В 1927 г. начал свою деятельность музей кафедры ветеринарно-санитарной экспертизы. Первым музейным предметом стал влажный анатомический препарат по чуме свиней [20]. В 1928/29 учебном году при кафедре зоологии был создан Биолого-зоологический музей с токсодермическими мастерскими [21]. В музее были представлены музейные препараты по различным разделам: ракообразные, паукообразные, насекомые, моллюски, земноводные, рептилии, птицы, млекопитающие и др.

Таким образом, в 1920-е гг. занятия в высших учебных заведениях БССР по различным дисциплинам проходили в учебных кабинетах и музеях.

Большое внимание научные работники и преподаватели уделяли организации самостоятельной работы студентов лабораторно-бригадным методом с материалами фондов музеев, которые давали возможность более детально разобраться в вопросах изучаемой темы и, и таким образом, помочь «разгрузке» преподавания.

К концу 1920-х гг. в БССР была сформирована система высшего образования, соответствующая требованиям новой идеологии СССР, но коммунистическая партия, взявшая курс на форсированную индустриализацию, нуждалась в иной модели высшей школы. В 1929 г. на Ноябрьском Пленуме ЦК ВКП (б), обсудив вопрос о подготовке кадров, вынес решение о реорганизации всей системы высшего образования по отраслевому принципу. 23 июля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» [22], по которому на базе факультетов университетов создавались самостоятельные вузы и указывалось, что в распоряжение созданных вузов передаются и все обслуживающие их учебно-вспомогательные учреждения, в случае, если они обслуживали одновременно несколько факультетов, то «дальнейшее их использование происходит на основе соглашений, заключаемых соответствующими организациями» [22]. Например, Музеи медицинского факультета БГУ перешли в пользование Минского медицинского института, созданного согласно Постановлению СНК БССР от 21 июня 1930 г. на базе медицинского факультета [23], а зоологический, геологический и исторический учебные кабинеты педагогического факультета остались в структуре БГУ, после реорганизации университета согласно Постановлению СНК БССР от 7 июля 1931 г. [24, с. 2].

19 сентября 1932 г. было принято Постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» [25], которое явилось переломным в истории высшей школы. Главная задача состояла в повышении требований к качеству обучения профессиональных кадров через усиление теоретического образования и укреплении связи с производством. Вместо бригадно-лабораторного метода вводились лекции, а практические и лабораторные занятия студентов по индивидуальным заданиям проходили в специально оборудованных для этого помещениях – лабораториях, мастерских, музеях и т. д. при обязательном контроле профессоров. Процесс реформирования был также зафиксирован в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школы», в котором подчеркивалось, что «без научно-исследовательской работы не может осуществляться подготовка специалистов на уровне требований современной науки, без этого немыслимо повышение квалификации научно-педагогических кадров» [26].

Одновременно с законодательными актами о высшей школе выходят постановления по организации музейного дела. После I Всероссийского музейного съезда 1930 г. [27] в музейной работе большое значение стала иметь

идеологическая составляющая, музей превратился в оружие пропаганды социалистического строительства. Однако, в силу отсутствия необходимой связи музеев с учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами было принято Постановление ВЦИК от 1 января 1934 г. «О состоянии и задачах музейного строительства», в котором одобрялась работа музеев «по истории науки, истории техники и освоению трудящимися культурного наследия прошлого», издание научных трудов и путеводителей по музеям, а также издание репродукций музейных памятников [28]. После вступления Положения в силу в 1934 г. учебные кабинеты высших учебных заведений БССР выделились в самостоятельные структурные единицы. Зоологический кабинет стал Зоологическим музеем БГУ, при котором была оборудована комната эволюционного учения и размещены материалы для работы научно-исследовательских зоологических кружков и дипломников [6, с. 4]; кабинет минералогии и кристаллографии – Музеем минералогии и петрографии, в котором было представлено более 2,5 тыс. музейных предметов и более 2 тыс. учебных материалов [29, с. 3]; учебный кабинет кафедры ветеринарно-санитарной экспертизы Витебского ветеринарного института был реорганизован в Музей патологии мяса и мясопродуктов, рыбы, молочных изделий, жира, продуктов растительного происхождения, в котором были представлены препараты, демонстрирующие изменения в органах, тканях, мышцах и др. [20]. Музеи являлись общедоступными просветительскими учреждениями, которые посещали студенты других вузов, красноармейцы, колхозники и др.

В ноябре 1934 г. согласно Постановлению СНК БССР [30] был открыт Витебский государственный медицинский институт. В 1935 г. при кафедре патологической анатомии института по инициативе профессора С. В. Вайнберга был открыт Музей патанатомии, состоящий из препаратов, отражающих патологии развития сердечнососудистой, нервной, дыхательной, эндокринной систем организма и др. и различных предметов, собранных для преподавания специальных курсов [31, с. 160]. При кафедре классической анатомии в 1937 г. под руководством профессора В. И. Ошкадерова был открыт Анатомический музей, состоящий из сухих и влажных препаратов по всем разделам анатомии [31, с. 159].

В 1937 г. в г. Минске был открыт Институт физической культуры, при котором под руководством преподавателя С. Гетманцева был создан Музей лыж, первый раздел которого знакомил посетителей с зарождением и развитием лыжного спорта (трофейные финские лыжи, лодка и др.), второй раздел – с материальной частью лыжного спорта [32, с. 4].

На примере данных музеев высших учебных заведений БССР можно сделать вывод, что в результате перестройки системы высшего образования в 1930-е гг. и изменений в сфере музейной политике СССР, музеи высшей школы закрепили за собой официальный статус «Музей» и прочно вошли в учебно-научную и культурно-просветительскую базу, соответствующую

правительственной идеологии, без которой была немыслима подготовка молодых специалистов высших учебных заведений СССР.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. на территории Советской Белоруссии происходил процесс формирования не только сети высших учебных заведений, но и сети учебно-вспомогательных учреждений (музеи, кабинеты, лаборатории) высшей школы, которые создавались в первые годы деятельности вуза под руководством крупных специалистов в области соответствующих наук, с целью обеспечения образовательного процесса наглядным материалом и внедрению бригадно-лабораторного метода обучения. В музеях были организованы работы по комплектованию, обработке, систематизации, сохранению и изучению музейных коллекций. Вместе с тем, музеи стали пропагандировать идеи социалистического строительства и марксистско-ленинских идей, привлекая широкие слои населения. Музеи высших учебных заведений заняли важное место в решении задач народного просвещения, имели значение в становлении высшей школы БССР и развития в ней научной базы, являясь важным элементом в системе сохранения историко-культурного и природного наследия.

Список использованных источников

1. Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1072.htm. – Дата доступа: 18.01.2020.
2. Декрет СНК РСФСР от 3 июля 1922 г. «Положение о высших учебных заведениях» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1350.htm. – Дата доступа: 15.01.2020.
3. Дэкрэт ЦВК БССР от 1919 г. «Аб стварэнні Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў г. Мінску // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <https://time.bsu.by/ru/bsu-hist/bsu-history/1921-1941/prolog-1919-1920/arkhivnyedokumenty/101-dekret-tsvk-bssr-ab-stvarenni-belaruskaga-dzyarzha-naga-universiteta-gminsku.html>. – Дата доступа: 11.01.2020.
4. Белорусский государственный университет в 1922–1923 учебн. году (Итоги и перспективы) / сост. С. З. Каценбоген. – Минск, 1923. – 52 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 1041. – Л. 53
6. Вязовіч, А. Золагічны музей – лабараторыя біяфака / А. Вязовіч // За ленінскія кадры. – 1936 г. – 31 мая. – № 10. – 4 с.
7. Музей земледелия // Официальный сайт географического факультета БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geo.bsu.by/index.php/department/muzej.html>. – Дата доступа: 05.02.2020.
8. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 1150. – Л. 3.
9. Музей исторического факультета // Официальный сайт исторического факультета БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hist.bsu.by/faculty/muzej.html>. – Дата доступа: 25.01.2020.
10. Кирсанов, А. Т. Открытие института / А. Т. Кирсанов // Звезда. – 1922. – 5 нояб. – № 263 (1264). – 6 с.
11. Записки белорусского государственного университета сельского хозяйства в память Октябрьской революции. – Минск: Институт сельского хозяйства, 1923–1924. – Вып. 1.

12. Декрет Президиума Всероссийского ЦИК от 3 марта 1924 г. «О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением» // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///C:/Users/CDEE~1/AppData/Local/Temp/Rar\\$DIa5392.7824/sbornik_1924.pdf](file:///C:/Users/CDEE~1/AppData/Local/Temp/Rar$DIa5392.7824/sbornik_1924.pdf). – Дата доступа: 20.01.2020.
13. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Ф. 536. – Оп. 7. – Д. 50. – Л. 12.
14. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 3 об.
15. НАРБ. – Фонд. 209. – Оп. 1. – Д. 204. – Л. 2.
16. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 173. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 8.
17. Да гісторыі Беларускага дзяржаўнага вэтэрынарага інстытуту імя Кастрычнікавае рэвалюцыі (1924–1927 гг.) / А. П. Алонаў. – Віцебск: Выдавецтва Беларускага вэтэрынарага інстытуту, 1928. – 80 с.
18. Патологоанатомический музей // Официальный сайт УО «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsavm.by/muzei/patologoanatomicheskij-muzej/>. – Дата доступа: 18.01.2020.
19. Музей кафедры паразитологии и инвазивных заболеваний // Официальный сайт УО «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsavm.by/muzei/muzej-kafedry-parazitologii-i-invazionnyx-boleznej/>. – Дата доступа: 17.01.2020.
20. Музей кафедры ветеринарно-санитарной экспертизы им. Х. С. Горегляда // Официальный сайт УО «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsavm.by/muzei/muzej-kafedry-veterinarno-sanitarnoj-ekspertizy-im-x-s-goreglyada/>. – Дата доступа: 14.01.2020.
21. Зоологический музей // Официальный сайт УО «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsavm.by/muzei/zoologicheskij-muzej/>. – Дата доступа: 17.01.2020.
22. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 23 июля 1930 г. «О реорганизации государственных университетов» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3657.htm. – Дата доступа: 17.01.2020.
23. НАРБ. – Фонд 46. – Оп. 2. – Д. 56а. – Л. 35.
24. Пастанова Савету Народных Камісараў БССР ад 7 ліпеня 1931 г. «Пра рэарганізацыю Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту» // Савецкая Беларусь. – 1931. – 9 ліп. – № 155 (3244) – 4 с.
25. Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» // Электронный архив нормативных документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arhiv.info/doc/1932/09/19/postanovlenie_id1778/. – Дата доступа: 11.01.2020.
26. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm. – Дата доступа: 08.01.2020.
27. Дмитриенко, Н. М. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России / Н. М. Дмитриенко, Л. А. Лозовая // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 6. – С. 193–198 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000466915>. – Дата доступа: 10.01.2020.
28. Постановление ВЦИК от 1 января 1934 г. «О состоянии и задачах музейного строительства» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=ESU&n=24403#0030231873495371264. – Дата доступа: 12.01.2020.

29. Левановіч, П. Музей мінералаў / П. Левановіч // Звязда. – 1937. – 22 вер. – № 219. – 4 с.

30. История ВГМУ // Официальный сайт УО «Витебский государственный ордена дружбы народов медицинский университет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsmu.by/home/10-about-vsmu/1-history.html>. – Дата доступа: 13.01.2020

31. Логвиненко, С. М. Медицинские и биологические музеи Витебска: история, современность, перспективы / С. М. Логвиненко, Н. В. Пивовар // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2014. – Т. 13. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.vsmu.by/downloads/2014/2/2014_13_2_157-164.pdf. – Дата доступа: 15.01.2020.

32. Музей лыж // Звязда. – 1940. – 21 снеж. – № 294. – С. 4.

(Дата подачі: 14.02.2020 г.)

Н. А. Пятрэнка

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск

N. A. Piatrenka

Vitebsk State University P. M. Masherova, Vitebsk

УДК 930.1 (476)

АСАБЛІВАСЦІ ГОРАДАБУДАЎНІЦТВА І ДОБРАЎПАРАДКАВАННЯ Г. ВІЦЕБСКА Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1940-Х – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1950-Х ГГ.

FEATURES OF URBAN DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF VITEBSK IN THE SECOND HALF OF THE 1940S – THE FIRST HALF OF THE 1950S

У артыкуле раскрываецца праблема пасляваеннага аднаўлення г. Віцебска, даследуюцца асаблівасці фарміравання жыллёвай і прамысловай забудовы, добраўпарадкавання гарадской тэрыторыі. Развіццё віцебскага горадабудаўніцтва ў другой палове 1940-х – першай палове 1950-х гг. адбывалася ў адпаведнасці з «Генеральным праектам аднаўлення і планавання» 1947 г. Аўтарам выяўлены моцныя і слабыя бакі планавання забудовы г. Віцебска, вызначаны вынікі яго рэалізацыі. У цэлым, нягледзячы на складанасці перыяду, да сярэдзіны 1950-х гг. г. Віцебск дасягнуў даваеннага ўзроўня развіцця.

Ключавыя словы: Віцебск; горадабудаўніцтва; добраўпарадкаванне; генеральныя планіровачныя праекты; беларускі савецкі горад.

The article deals with the problem of post-war reconstruction of the city of Vitebsk, studied peculiarities of residential and industrial development, improvement of the urban area. The development of the Vitebsk town planning in the second half of 1940 – the first half of the 1950s. It took place in accordance with the «General restoration project and planning» 1947. The author reveals the strengths and weaknesses of the plan of building the city of Vitebsk, defined the results of its implementation. In general, despite the complexity of the period to mid-1950s. Vitebsk has reached the pre-war level of development.

Key words: Vitebsk; urban planning; landscaping; General planning projects; Belarusian Soviet city.

Пасляваеннае развіццё гарадоў Савецкай Беларусі ішло шляхам ад правядзення аднаўленчых мерапрыемстваў да рэалізацыі маштабных горадабудаўнічых рашэнняў. Пры напісанні артыкула былі прааналізаваны публікацыі даследчыкаў па пытаннях развіцця горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска ў 1944–1950 гг. Даследаванне ажыццяўлялася з прыцягненнем дакументальных матэрыялаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці.

У артыкуле пастаўлена мэта выявіць асаблівасці рэалізацыі пытанняў горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска першага пасляваеннага дзесяцігоддзя Савецкай Беларусі.

Перыяд Вялікай Айчыннай вайны – адна з самых трагічных падзей беларускай гісторыі. Акупацыйны рэжым закрануў усе сферы жыццядзейнасці вялікіх гарадоў і маленькіх вёсак. У дакладной запісцы загадчыка Віцебскай абласной камісіі В. Кудраева вызначана, што з 200 тысяч даваеннага насельніцтва на дзень вызвалення, 26 чэрвеня 1944 г., засталася толькі 118 чалавек. Страты г. Віцебска былі вялізарныя: аб’екты прамысловасці, інфраструктуры і жыллёвага фонду горада былі зруйнаваныя на 97 % [1, арк. 2]. Большая частка насельніцтва г. Віцебска была знішчана захопнікамі, а астатняя была ўцягнутая ў міграцыі ваеннага перыяду. Праводзіць аднаўленчыя мерапрыемствы пры адсутнасці матэрыяльнай забяспечанасці і працоўнай сілы на першапачатковым этапе ўяўлялася немагчымым. Аднак, у сувязі з завяршэннем ваенных дзеянняў насельніцтва горада стала павялічвацца і дасягнула наступнай колькасці чалавек: у 1945 г. – 33 710, у 1946 г. – 57 222, у 1947 г. – 76 534 [2, арк. 8].

За перыяд нямецкай акупацыі збераглося меней 3 % даваенных аб’ектаў. Перад кіраўніцтвам горада і прыбываючым насельніцтвам паўстала задача правядзення паскоранымі тэмпамі аднаўленчых мерапрыемстваў. У першы пасляваенны час адраджэнне горада ішло марудна, нягледзячы на энтузіязм жыхароў, якія перыядычна выходзілі на суботнікі і нядзельнікі. Асноўнымі праблемамі, што паўсталі перад кіраўніцтвам горада, з’яўляліся адсутнасць фінансавання і працоўнай сілы, а таксама адпаведнай дакументацыі.

Для каардынацыі аднаўленчай палітыцы і была распрацаваная пастанова № 660 СНК БССР ад 17 мая 1945 г. «Аб зацвярджэнні правілаў аб парадку забудовы гарадоў БССР». Гэтай пастановай Упраўленне па справах архітэктуры пры СНК БССР і Наркамат народнай гаспадаркі БССР загадалі распрацаваць і зацвердзіць інструкцыі і формы дакументацыі да правілаў забудовы гарадоў Беларусі [3, арк. 2]. Згодна дадзеным правілам, забудова гарадоў – узвядзенне будынкаў жылога, культурна-бытавога і гаспадарча-вытворчага назначэння – адбывалася толькі пасля зацвярджэння праекта планавання і забудовы горада. Менавіта з гэтай нагоды, кіраўніком галоўнай Інспекцыі Дзяржаўнага архітэктурна-будаўнічага кантроля БССР П. Ябравым ад 5 верасня 1945 г., быў накіраваны загад інжынеру Віцебскай гарадской інспекцыі Ф. М. Пісунува па стварэнню праекта аднаўлення і развіцця г. Віцебска [3, арк. 5].

Кіраўніцтвам горада было вызначана, што для карэктыроўцы дзеянняў трэба выкарыстоўваць даваенны «Генеральны праект планавання» г. Віцебска. Дадзены праект быў выкананы пад аўтарствам А. М. Кас'янава і зацверджаны ў 1938 г. у Аблпраекце г. Харкава, аднак ў сувязі з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны, не атрымаў поўнай рэалізацыі. Менавіта таму матэрыялы папярэдняга варыянта ляглі ў падмурак першага пасляваеннага праекта, а распрацоўку «Генеральнага праекта планавання, адраджэння і рэканструкцыі г. Віцебска» зноў узялі на сябе Аблпраект г. Харкава і А. М. Кас'янаў [4, с. 145].

«Генеральным праектам аднаўлення і планавання» г. Віцебска на пяцігоддзе 1946–50 гг. быў зацверджаны рашэннем Выканкама Віцебскага гарадскога савета дэпутатаў працоўных № 457 ад 7 ліпеня 1947 г. [2, арк. 1]. Згодна з дакументам, вызначаліся наступныя накірункі горадабудаўнічай палітыцы: аднаўленне і будаўніцтва прамысловых аб'ектаў як асноўнага дэмаўтваральнага фактара; аднаўленне жыллёвай плошчы да нормаў даваеннага перыяду; развіццё ўсіх відаў будаўніцтва; фарміраванне сетцы грамадскіх і сацыяльна-культурных устаноў; аднаўленне і развіццё камунальнага і інжынернага добраўпарадкавання горада [2, арк. 4].

Перад кіраўніцтвам горада паўстала задача па дасягненню паказчыкаў і ўзроўню жыцця даваеннага перыяду. За кароткі тэрмін ва ўмовах пасляваеннага часу было неабходна забяспечыць жыллём прыбываючае насельніцтва горада. Згодна матэрыялам інспекцый, у выніку ваенных дзеянняў жыллёваму фонду горада былі нанесены каласальныя страты: поўнасю знішчана 70,1 % жылфонду, аднаўленню і рэмонту належала 23,5 % і толькі 6,4 % будынкаў ацалела [5, арк. 68].

Першым накірункам у вырашэнні жыллёвай праблемы з'яўлялася аднаўленне і рэканструкцыя пабудов, якія яшчэ было магчыма прыстасаваць да жыцця. Другім варыянтам стала ўзвядзенне новых будынкаў. На 1 студзеня 1946 г. жыллёвы фонд складаў 168,5 тысяч квадратных метраў. Пры колькасці насельніцтва ў 57222 чалавек на 1 чалавека прыходзілася толькі 2,9 квадратных метра, пры норме ў 5 квадратных метраў [5, арк. 69]. Аднак, трэба вызначыць: калі запланаванае будаўніцтва ў 1946 г. выконвалася толькі на 50,8 %, то ў 1950 г. рэалізацыя дасягнула ўжо 92 %. За пяць год было ўведзена 245 тысяч квадратных метраў жыллёвай плошчы [6, арк. 1]. Такім чынам, нягледзячы на тое, што жыллёвая праблема стаяла вельмі востра, назіралася станоўчая тэндэнцыя да паступовага росту жыллёвага фонду. Гэта было цесна звязана з паляпшэннем эканамічнай сітуацыі, дапамогай саюзных рэспублік, павелічэннем колькасці працоўных і прадукцыі прадпрыемстваў па вытворчасці будаўнічых матэрыялаў.

Згодна з меркаваннем Т. І. Чарняўскай, характэрнай асаблівасцю жыллёвага будаўніцтва вызначанага перыяду з'яўляецца наступнае размеркаванне: шматпавярховыя (ад шасці да чатырох паверхаў) будынкi размяшчаліся ў цэнтры горада, а малапавярховыя (ад трох да двух паверхаў) – паблізу ад прамысловых аб'ектаў і ў працоўных пасёлках. Усе перыферычныя раёны

забудоўваліся індывідуальнымі драўлянымі пабудовамі, дзе назіралася значнае павелічэнне бессістэмнага жыллёвага сектара [7, с. 85]. Аўтар справядліва падкрэслівае, што шматпавярховыя жылыя дамы будаваліся ў цэнтры горада і ўздоўж галоўных магістралей. Напрыклад, асаблівацю вызначанага перыяду для г. Віцебска стала стварэнне прыгожых ансамбляў вуліц імя Леніна і Кірава, якія, нягледзячы на знешнюю прывабнасць будынкаў, мелі элітарнае размеркаванне і не вырашалі жыллёвую праблему. Менавіта таму ў канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. асноўным відам масавага жыллёвага будаўніцтва стануць двух-трохпавярховыя жылыя дамы па тыпавых праектах. Адмоўным момантам вызначалася фактычная адсутнасць планавання на перыферыі з пераважна драўляным жыллёвым будаўніцтвам.

Фарміраванне і развіццё прамысловага комплекса з’яўлялася асноўным дэмаўтваральным фактарам: на аднаўленне сетцы прамысловых аб’ектаў быў накіраваны пільны зрок кіраўніцтва горада. Некаторыя прамысловыя будынкi адраджаліся на мінулых месцах, а таксама былі пабудаваны новыя. Пры аднаўленні атрымалася зберагчы даваенны профіль развіцця, які быў накіраваны на вытворчасць лёгкай прамысловасці (на 1940 г. яна складала 56,3 % ад усёй выпускаемай горадам прадукцыі). Аднак, было вырашана павялічыць ролю вытворчасці прадукцыі станкабудаўніцтва, металаапрацоўцы і будаўнічых матэрыялаў. За пяць год вытворчасць цяжкай прамысловасці павялічылася з 4,7 % да 16,3 % ад усёй валавай прадукцыі горада [2, арк. 12]. За гэты перыяд аб’екты прамысловасці аднавілі сваю працу і ў 1954 г. быў дасягнуты даваенны ўзровень прамысловай вытворчасці.

Прамысловае развіццё было яшчэ і градафарміруючым фактарам, так як вакол фабрык і заводаў развіваліся жыллёвыя зоны. Напрыклад, станкабудаўнічыя заводы імя Кірава і Камінтэрна стымулявалі развіццё жыллёвай зоны ўздоўж чыгуначнай лініі, панчошна-трыкатажная фабрыка «КІМ» і Дывановы камбінат – на Маркаўшчыне, фабрыкі «Чырвоны кастрычнік» і «Сцяг індустрыялізацыі» – уздоўж Суражскай шашы, Дрэваапрацоўчы камбінат – у паўднёва-заходняй частцы горада [4, с. 57]. Такім чынам, назіралася развіццё даваенага профілю вытворчасці з акцэнтаваннем на лёгкаю прамысловасць і ўзрастаннем ролі станкабудаўнічай індустрыі. Асобае месца ў горадабудаўнічым развіцці адводзілася фарміраванню аб’ектаў прамысловасці працоўных жылых раёнаў.

План пабудовы адміністрацыйных, культурна-бытавых і камунальных устаноў згодна з праектаваным аб’ёмам будаўніцтва за 1946–1950-я гг. складаў 1659,9 тыс. квадратных метраў. У 1950 г. ужо працавала 18 школ на 10 тыс. вучняў, а ў 1954 г. была пабудавана першая гарадская бальніца імя Калініна на 675 ложкаў [2, арк. 13]. У гэты час было распачата будаўніцтва савецкіх партыйных, грамадскіх, гаспадарчых і культпрасветных устаноў. Аднак, асноўны акцэнт у аднаўленні сацыяльнай інфраструктуры быў накіраваны на адраджэнне аб’ектаў сістэмы народнай адукацыі і здароў-езберажэння.

На фарміраванне цэнтральнага ядра горада накладвалася значная функцыянальная нагрузка: гістарычнага, культурнага, адміністрацыйнага цэнтра, а таксама месца перасячэння транспартных шляхоў. Генеральным праектам было распрацавана архітэктурнае афармленне ўзбярэжжа р. Заходняя Дзвіна: на левым беразе планавалася стварэнне помніка Перамогі і вялікага тэатра, а на правым – Палаца культуры. Цэнтральную частку горада з плошчай Свабоды павінна было вылучаць воднае кола са стварэннем паркавай зоны ў даліне р. Віцьбы [2, арк. 14].

На думку Ю. Н. Кішыка, першы пасляваенны планіровачны праект 1947 г. рэалізоўваў дастатковую колькасць падобных рашэнняў, аднак і меў шэраг адрозненняў у параўнанні з даваенным праектам. Аўтар падкрэслівае, што на больш высокім узроўні быў распрацаваны шэраг горадабудаўнічых рашэнняў цэнтральнай зоны: малае паўкола атрымала выразную дыферэнцыяцыю не да Савецкай вуліцы, а да плошчы Леніна з выхадам на новы мост; малюнак вулічнай сеткі левабярэжжа горада значна змяніўся; больш канкрэтна сталі разглядацца пытанні фарміравання галоўнай плошчы і прывакзальнай тэрыторыі [8, с. 144].

Першапачатковыя мерапрыемствы па адрэджэнню грамадскага цэнтра горада былі накіраваныя на добраўпарадкаванне тэрыторый: рэканструкцыю і рамонт ацалелых будынкаў, мастоў, віядукаў; упрыгожванне і асабленне фасадных частак; азеляненне тэрыторый; пашырэнне і брукаванне вуліц і інш. Такім чынам, мерапрыемствы першапачаткова накіроўваліся на аднаўленне горада і поўная рэалізацыя плана забудовы цэнтральнай часткі горада зацягвалася ў сувязі са складаным эканамічным станам.

Асабліваасці фарміравання гарадскога ядра быў павінен вырашыць «План дэталёвай планіроўкі і забудовы цэнтра г. Віцебска», распрацаваны ў 1951 г. у Белдзяржпраекце Н. Е. Трахтэнбергам. Трэба адзначыць, што архітэктурныя помнікі, а ў тым ліку і культавыя пабудовы, згодна з праектам 1951 г., прадугледжвалася рэканструяваць, планавалася знішчэнне толькі малазначных аб'ектаў для фарміравання будаўнічых рашэнняў [8, с. 145].

Дадзены план распачаў рэалізацыю забудовы ансамбляў цэнтральнай часткі горада. Была здзейснена перабудова вуліцы Леніна, утваралася сістэма плошчаў – імя Леніна і Свабоды. Адным з грандыёзных рашэнняў па афармленню цэнтральнага раёна стала рэалізацыя з 1950 г. забудовы архітэктурна-мастацкага ансамбля вуліцы Кірава па асобнаму праекту архітэктараў В. І. Гусева, А. Ю. і В. А. Данілавых. У 1954 г. на Прывакзальнай плошчы з'явіўся будынак вакзала (архітэктар Б. Мезенцаў). Правабярэжную і левабярэжную часткі звязаў пабудаваны ў 1955 г. Кіраўскі мост (архітэктары В. Б. Ладыгіна і Я. Л. Заслаўскі) [7, с. 86].

Такім чынам, «План дэталёвай планіроўкі і забудовы цэнтра г. Віцебска» 1951 г. меў больш дасканалое архітэктурна-планіровачнае рашэнне: на правым беразе была створана сістэма плошчаў з галоўнай забудовай вуліцы Леніна, а на правым разгарнулася будаўніцтва ансамбля вуліцы Кірава і новага вакзала.

Завяршальным горадабудаўнічым элементам стаў новы мост праз р. Заходнюю Дзвіну, які аб'яднаў кампазіцыйную карціну цэнтра ў адзінае цэлае.

Камунальна-інжынернае абсталяванне горада за перыяд вайны было значна пагоршана. Добраўпарадкаванне сістэм забеспячэння вадою, электраэнергіяй і цяплом бачылася адным з важных накірункаў аднаўленчай палітыкі. Першапачаткова камунальныя службы разам з добрахвотнікамі актыўна расчышчалі і ўмацоўвалі каменнем дарогі і трамвайныя шляхі, аднаўлялі масты, вядукі і дамбы, захоўвалі лесапаркавы пояс і развівалі агульную сістэму азелянення.

Забеспячэнне насельніцтва горада вадой адбывалася праз унутраныя водазаборныя краны ў цэнтральнай часцы, праз вонкавыя водазаборныя калонкі ў малапавярховым сектары і наваколлі [2, арк. 17]. За першы год пасля вызвалення горада былі выкананы працы па добраўпарадкаванню воднага забяспечання: уведзены ў дзеянне вадаправод працягласцю 30 кіламетраў і ваданасосная станцыя № 1, на 30 % аднавілі ваданасосную станцыю № 2 (Маркаўшчына) [5, арк. 68].

Крыніцай электраэнергіі для горада стаў энэргацягнік запушчаны ў маі 1945 г., а з 1946 г. асноўны аб'ём энэргапачачы ўзяла на сябе адноўленая БелГРЭС [2, арк. 18]. Сістэмай цеплазабеспячэння горада энергія размяркоўвалася на прамысловыя, жылыя і грамадскія будынкі. Аднак, трэба адзначыць, што большая частка пабуды за межамі цэнтральнай сетцы атаплення працягвала выкарыстоўваць печы на цвёрдым паліве. Для далейшага развіцця сістэмы перадачы цеплавой энергіі было запланавана будаўніцтва двух ЦЭЦ. Будаўніцтва было затратнае і першы турбагенератар Віцебскай ЦЭЦ моцам 6,35 МВт быў здадзены ў эксплуатацыю толькі ў 1954 г. [4, с. 352].

Значная месца адводзілася развіццю знешніх і ўнутрыгарадскіх транспартных сувязяў. Асабліва роля надавалася аднаўленню чыгункі, якая абслугоўвала сферу прамысловасці і сістэму пасажырскага руху – г. Віцебск займаў месца транзітнага пункта. У сувязі з адсутнасцю ў першы пасляваенны час мастоў актыўна выкарыстоўваўся водны транспарт, асабліва паромныя пераправы. Аэрадром планавалася вынесці за межы горада, аднак у сувязі з больш важкімі праблемамі выкананне рашэння зацягвалася [2, арк. 17].

Асаблівую ролю мела развіццё аптымальных транспартных сувязяў паміж жыллём, прамысловасцю і зонамі адпачынку праз гарадскі транспарт. А. У. і Ю. А. Русецкія вызначаюць, што актыўна развіваліся зручныя транспартныя сувязі паміж прамысловымі і жылымі зонамі. Гарадская вулічная структура захоўвала радыяльныя напрамкі, якія склаліся гістарычна, праглядаўся паступовы пераход да радыяльна-кальцавой сістэмы, каб вывесці знешнегарадскі транспарт за межы горада [9, с. 48]. У сістэме ўнутрыгарадскога транспарту вызначалася асобая роля трамвайнага руху. Нягледзячы на тое, што за першы пасляваенны год было адноўлена толькі ля 1 кіламетра шляхоў, ужо 5 кастрычніка 1947 г. была пушчана першая

трамвайная лінія. Аўтобусны рух ішоў па галоўных магістралях і раёнах індывідуальнай забудовы па-за межамі трамвайных шляхоў.

Такім чынам, важнейшыя накірункі развіцця горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска ў даследуемы перыяд прадвызначыў «Генеральны праект планавання» 1947 г. Аднаўленне пасля вайны, рэканструкцыя грамадскага цэнтра, інтэнсіўнае прамысловае і жыллёвае будаўніцтва, добраўпарадкаванне і інжынернае абсталяванне горада з'яўляліся асноўнымі накірункамі палітыкі горадабудаўніцтва ў першай палове 1940-х – другой палове 1950-х гг. Фарміраванне шматпавярховых будынкаў адбывалася толькі ў цэнтральных і магістральных частках, па-за межамі якіх фактычна адсутнічала планаванне драўлянага сектара. Нягледзячы на цяжкаці, да сярэдзіны 1950-х гг. г. Віцебск фактычна дасягнуў узроўня развіцця, прадугледжанага першым пасляваенным генеральным планам.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 2784. – Воп. 1. – Спр. 84.
2. ДАВВ. – Фонд 2207. – Воп. 2. – Спр. 1.
3. ДАВВ. – Фонд 2820. – Воп. 1. – Спр. 15.
4. Витебск: Энциклопедический справочник / Гл. редактор И. П. Шамякин. – Минск: БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.
5. ДАВВ. – Фонд 2207. – Воп. 1. – Спр. 12.
6. ДАВВ. – Фонд 2207. – Воп. 2. – Спр. 4.
7. Чарняўская, Т. І. Архітэктура Віцебска: з гісторыі і планіроўкі забудовы горада / Т. І. Чарняўская. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 112 с
8. Кишик, Ю. Н. Белорусский город в ретроспективе XX в. / Ю. Н. Кишик. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 417 с.
9. Русецкий, А. В. Архитектура и градостроительство в художественной культуре Витебщины. С 1918 года и до наших дней / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. – 180 с.

(Дата падачы: 18.02.2020 г.)

А. Р. Раюк

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

A. R. Rayuk

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 94(476) «1876/1921»

БЕЛАРУСКІ ПАЛІТЫЧНЫ КАНСЕРВАТИЗМ КАНЦА XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

BELARUSIAN POLITICAL CONSERVATISM OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

У артыкуле прасочваецца эвалюцыя беларускага палітычнага кансерватызма канца XIX – пачатку XX ст.: ад пасіўнага згодніцтва з расійскай уладай да патрабаванняў бе-

ларускай аўтаноміі, а пасля – спроб стварэння самастойнай беларускай капіталістычнай дзяржавы. Маянтковае каталіцкае дваранства было сацыяльнай базай беларускага кансерватызма, успрымала некаторыя ліберальныя ідэі і ішло на кампрамісы па зямельнай праблеме.

Ключавыя словы: беларускі палітычны кансерватызм; Эдвард Вайніловіч; палітычная гісторыя Беларусі; Расійская імперыя; Лютаўская рэвалюцыя.

The article traces the evolution of Belarusian political conservatism in the late XIX – early XX centuries: from passive agreement with the Russian government to demands for Belarusian autonomy, and after that, attempts to create an independent Belarusian capitalist state. The estate Catholic nobility was the social base of Belarusian conservatism, perceived some liberal ideas and made compromises on the land problem.

Key words: Belarusian political conservatism; Edward Voinilovich; political history of Belarus; Russian Empire; February Revolution.

Нацыянальна-культурны ўздых у Беларусі пачатку ХХ ст. неад’емна звязаны з дзейнасцю двух яго духоўных лідараў – класікаў новай беларускай літаратуры Янкі Купалы і Якуба Коласа. Цікава, што яны не з’яўляліся членамі палітычных партый – Колас толькі напрыканцы жыцця ў 1945 г. стане членам Усесаюзнай камуністычнай партыі (бальшавікоў). Мала звяртаецца ўвагі на тое, што падштурхнула іх да літаратурнай творчасці на беларускай мове. У сваёй аўтабіяграфіі Янка Купала ўказаў, што ён пачынаў пісаць свае першыя вершы на польскай мове, а па-беларуску пачаў пісаць толькі пасля таго, як у 1904–1905 гг. яму выпадкова трапіліся ў рукі творы Францішка Багушэвіча («Дудка беларуская») і Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча [1, с. 271]. Якуб Колас у сваёй аўтабіяграфіі прызнаецца, што галоўную ролю ў яго звароце да літаратурнай творчасці на беларускай мове адыграў верш Янкі Лучыны «Стары ляснік», які ўразіў Коласа не сваімі літаратурнымі вартасцямі, а тым, што быў напісаны па-беларуску [2, с. 167]. Менавіта нешматлікія беларускамоўныя творы 1880–1890-х гг. (асабліва Багушэвіча і Лучыны) здолелі забяспечыць пераемнасць з папярэднім пакаленнем беларускіх літаратараў 1860-х гг. і абудзіць цэлую плеяду творцаў пачатку ХХ ст.

Прынята адносіць Францішка Багушэвіча і Янку Лучыну да паэтаў-дэмакратаў ці рэвалюцыйных дэмакратаў. Але нам відавочна, што ў творчасці Багушэвіча і Лучыны няма ніякіх заклікаў да сацыяльнай рэвалюцыі ці класавай барацьбы, а дамінуюць кансерватыўныя погляды. Перад тым як апублікаваць у 1891 г. зборнік «Дудка беларуская» са сваёй знакамітай прадмовай (своеасаблівым маніфестам беларускага нацыянальна-культурнага адраджэння) Францішак Багушэвіч у канцы 1880-х гг. з’яўляўся журналістам менавіта кансерватыўнага польскамоўнага часопіса «Кгај», які выдаваўся ў Санкт-Пецярбургу. Збіральнік беларускіх рукапісаў, землеўласнік-кансерватар і член Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі (МТСГ) Аляксандр Ельскі паспрыяў творчасці Багушэвіча. Сучасная літаратуразнаўчая ацэнка адносіць паэта Янку Лучыну да пазітывістаў, якія «адкідвалі ідэю класавай няравнасці і змагання, супрацьстаўляючы ім ідэю класавай салідарнасці, супрацоўніцтва і супольных дзеянняў на карысць цэлага грамадства і асабліва той катэгорыі

людзей, якія былі пакрыўджаныя, недаацэненыя і ўбогія» [3, с. 89]. У творчасці Лучыны дамінуюць матыў прагрэсіўнага развіцця гаспадаркі, навукі, асветы і прынцып захавання прыватнай уласнасці, а таксама патрыятызм і пахвала пазітывісцкаму культу працы, якія толькі здольны зрабіць лёс беларуса і Беларусі больш заможным і шчаслівым [3, с. 92], што нагадвае ідэалогію так званай «арганічнай працы» у Польшчы канца XIX – пачатку XX ст.

Гэта дае падставы звярнуць пільную ўвагу на развіццё і сутнасць кансерватыўнага руху і ідэалогіі ў Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст., што не было раней асобным прадметам беларускай гістарыяграфіі, якая больш цікавілася дзейнасцю сацыялістычных палітычных праграм і арганізацый. І ў дадзеным артыкуле мы ставім за мэту ўвядзенне ў гістарычную навуку і абгрунтаванне выкарыстання тэрміна «беларускі палітычны кансерватызм канца XIX – пачатку XX ст.».

Кансерватызм узнік у Еўропе як рэакцыя на поспехі лібералізма і крайнасці французскай рэвалюцыі канца XVIII ст.; як кірунак у палітыцы, які імкнецца захаваць многія старыя, традыцыйныя прынцыпы і каштоўнасці эканамічнага, палітычнага і культурнага жыцця ў новым, капіталістычным грамадстве: натуральнасць сацыяльнай няроўнасці і іерархічнасці; захаванне права прыватнай уласнасці; пазбягання празмернага сацыяльнага ўтрыманства; свабода асобаў побач з наяўнасцю моцных і эфектыўных дзяржаўных інстытутаў; умацаванне каштоўнасці сям’і, рэлігіі, асветы; і г. д. Натуральным прыхільнікам палітычнага кансерватызма ў XIX ст. з’яўлялася ў першую чаргу тая праслойка грамадства, якой у ранейшую, феадальную эпоху належалі самыя шырокія прывілеі і палітычнае дамінаванне – землеўладальнае дваранства, а пасля скасавання прынцыпа саслоўнасці грамадства і звужэння свайго ранейшага палітычнага ўплыву – яго нашчадкі – буйныя зямельныя ўласнікі.

Шырокае распаўсюджанне палітычнага кансерватызма ў Беларусі (сярод землеўладальнага дваранства) адносіцца на час пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. [4, с. 94]. А пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. і ўвядзення жорсткага рэжыма выключных законаў супраць католікаў і прынцыпа адсутнасці ўсялякай выбарнасці на месцах, у беларуска-літоўскіх землях увогуле не было ніякага кансерватыўнага руху, а маянтковыя дваране-кансерватары сканцэнтраваліся больш на практычных пытаннях, чым на ідэях: у першую чаргу, з 1876 г. на дзейнасці ў сельскагаспадарчых таварыствах (з якіх самым уплывовым было МТСГ на чале з Эдвардам Вайніловічам), каб эфектыўным кіраваннем маёнткамі захаваць свой эканамічны ўплыў у Беларусі [5, с. 265–271; 6, с. 7–8]. Яны арыентаваліся на ідэі польскіх «станьчыкаў» (Кракаў): адмовіцца ад вызваленчых паўстанняў, а, наадварот, легальнай дзейнасцю заняць годнае месца ў кіруючай палітычнай і эканамічнай эліце Расійскай імперыі, але захоўваючы сваю ідэнтычнасць [6, с. 50], як гэта рабілі прыбалтыйскія немцы. Варшавянін-каталік Эразм Пільц і праваслаўны выпускнік мінскай гімназіі Уладзімір Спасовіч сталі

рэдактарамі польскамоўнага часопіса «Край» (1882–1909), які быў галоўным кансерватыўным перыядычным выданнем для беларуска-літоўскага края і выказваўся за лаяльнасць да расійскай манархіі. Галоўнае, што непаклоіла як кансерватараў-католікаў, так і кансерватараў-праваслаўных у 1880–1900-я гг. – неабходнасць увядзення мясцовага самакіравання і прынцыпа выбарнасці [4, с. 264–265].

Рэвалюцыя 1905–1907 гг. стварыла новую палітычную сістэму ў Расійскай імперыі – канстытуцыйную манархію: была створана Дзяржаўная Дума (ніжняя палата парламента) і зменены функцыі Дзяржаўнага Савета (які стаў верхняй палатай). Гэтым пачаўся новы этап беларускага дваранскага кансерватызма: ад ранейшага ціхага пасіўнага згодніцтва і адаптацыі да знешніх абставін – да актыўнасці ў справе адстойвання сваіх і нацыянальных інтарэсаў. Актыўныя беларускія маянтковыя каталіцкія дваране-кансерватары (галоўным чынам, з ліку лідараў МТСГ – Эдвард Вайніловіч, князь Геранім Друцкі-Любецкі, Раман Скірмунт, Генрых Свянціцкі, граф Ежы Чапскі і інш.) скарысталіся легальнай магчымасцю і з 1906 г. балатаваліся ў абедзве палаты, а таксама праграмна сфармулявалі свае ідэі, якія стварылі кансерватыўную плынь у так званай «краёвай ідэі» («краёвай канцэпцыі») [6, с. 49–63]. Нам відавочна, што беларускі дваранскі кансерватызм у тыя часы існаваў у рамках руху «краёўцаў» і дамінаваў у ім.

Дэкларуючы вернасць расійскай манархіі і прынцыпу цэласці Расійскай імперыі, лічачы гэта за дабро для свайго края і карысць для ўсёй дзяржавы, кансерватары-краёўцы агучвалі ў расійскім парламенце і друку не толькі кансерватыўныя і аўтанамісцкія, але і некаторыя ліберальныя патрабаванні: увядзенне адміністрацыйна-тэрытарыяльнай аўтаноміі кіравання сваім літоўска-беларускім «Краем» (з мясцовым парламентам у Вільні) і органаў мясцовага самакіравання, заснаваных на прынцыпе выбарнасці, а не прызначэння; ліквідацыя рэжыма выключных законаў для края; усеагульная роўнасць перад законам; раўнапраўе ўсіх народаў і свабода карыстання роднай мовай (а не толькі афіцыйнай); увядзенне ўсеагульнай і бясплатнай пачатковай адукацыі – для павышэння дабрабыту і заможнасці сялян; знішчэнне саслоўных адрозненняў; свабода дзейнасці рэлігійных і культурных арганізацый; раўнапраўе жанчын; ліквідацыя пашпартнай сістэмы ўнутры імперыі і ліквідацыя мяжы яўрэйскай аселасці; захаванне права прыватнай уласнасці (у тым ліку, на зямлю) [6, с. 62–76; 7]. У вырашэнні аграрнага пытання кансерватары спачатку выступалі за захаванне за маянткоўцамі іх зямель і надзяленне малазямельных сялян зямлёй з дзяржаўнага фонду, але пазней згаджаліся на ідэю продажу часткі зямель маянткоўцаў сялянам за адпаведную грашовую кампенсцыю [8, с. 104–105]. Галоўным выданнем кансерватараў-краёўцаў была віленская газета «Kurier Litewski» (1906–1918), а партыяй – Краёвая партыя Літвы і Беларусі (1907–1908).

Найбольшы поспех беларускія кансерватыўныя дэпутаты-краёўцы мелі ў I Дзяржаўнай Думе, калі ім удалося стварыць шырокую дэпутацкую кааліцыю

з ліку 110–120 дэпутатаў (так званы «Саюз аўтанамістаў»), і Дзяржаўным Савеце. Лідар кансерватараў-краёўцаў Эдвард Вайніловіч у 1907 г. нават смела прапаноўваў расійскаму імператару Мікалаю II увесці аўтаномію «края», хоць удалося толькі дабіцца ад урада ўвядзення ў 1911 г. земстваў для шасці «заходніх губерняў». З 1910–1911 г. назіраецца спад уплыву і актыўнасці беларускіх дваран-кансерватараў, што было выклікана звужэннем з 1907 г. легальных метадаў палітычнай дзейнасці праз сваё прадстаўніцтва ў Дзяржаўнай Думе і Дзяржаўным Савеце, на якія беларускія кансерватары-краёўцы ў першую чаргу разлічвалі, адмаўляючы нават думку аб якім-небудзь узброеным супраціўленні і выхаду з-пад улады Расійскай імперыі.

З 1911 г. беларускія дваране-кансерватары сканцэнтраваліся на легальнай рабоце ў новаствораных земствах Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губерняў, дзе імкнуліся праводзіць больш збалансаваныя падаткі, каб даць магчымасць развівацца паветам [9, с. 87–89, 176].

Пасля падзення расійскай манархіі ў ходзе Лютаўскай рэвалюцыі пачаўся наступны этап беларускага кансерватызма, калі ў сакавіку 1917 г. для мэт надання Беларусі аўтаноміі ў складзе Расіі Часовага Урада быў створаны Беларускі нацыянальны камітэт (у Мінску) на чале з Раманам Скірмунтам, на дзейнасць якога некаторыя ўплывовыя ў Мінскай губерні землеўласнікі-кансерватары (Эдвард Вайніловіч, князь Геранім Друцкі-Любецкі, князь Станіслаў Радзівіл і інш.) выдаткавалі свае грошы [10, с. 24], а ў маі 1917 г. блакіравалі прыняцце ў камітэце сацыялістамі пастановаў адносна скасавання прыватнай уласнасці на зямлю, адклаўшы вырашэнне зямельнага пытання да кампетэнцыі Устаноўчага сходу Расіі і Беларускай Краёвай Рады [10, с. 24]. Беларускія кансерватары ўвесь час спрабавалі знайсці кампраміс з сацыялістамі па зямельным пытанні, імкнучыся пераканаць сацыялістаў засяродзіць сілы на пабудове беларускай палітычнай суб'ектнасці – аж да стварэння самастойнай беларускай дзяржавы, але недавер сацыялістаў і адсутнасць кампраміса і салідарнасці не спрыялі гэтаму. БНР была аб'яўлена як сацыялістычная дзяржава (паводле Другой Устаўной граматы БНР скасоўвалася прыватная ўласнасць на зямлю), а ў ліпені 1918 г. Раман Скірмунт хацеў стварыць урад БНР, які б праводзіў больш кансерватыўную палітыку і рабіў захады, каб БНР фарміравалася як капіталістычная дзяржава. Пасля няўдачы знайсці кампраміс з беларускімі сацыялістамі і пры пагрозе захопу тэрыторыі Беларусі бальшавікамі, дваране-кансерватары Мінскай губерні (галоўным чынам, членаў МТСГ) у лістападзе 1918 г. спрабавалі рэалізаваць ідэю стварэння капіталістычнай і канстытуцыйна-манархічнай дзяржавы Вялікае Княства Літоўска-Беларускае пад нямецкай апекай [9, с. 208–209], што было альтэрнатывай стварэнню сацыялістычных рэспублік.

Апошняя надзея беларускіх дваран-кансерватараў у 1919–1920 гг. быў партнёрскі саюз Беларусі і Польшчы на капіталістычных прынцыпах эканамічнага ладу, таму (з гэтай палітычнай суб'ектнасці капіталістычнай Беларусі ў любой форме) галоўны лідар кансерватараў і прыхільнік захавання

права прыватнай уласнасці на зямлю Эдвард Вайніловіч нават спрабаваў у Варшаве ў чэрвені 1920 г. пераканаць сацыяліста Юзафа Пілсудскага не рабіць радыкальную зямельную рэформу ў новастворанай дзяржаве, бо Пілсудскі прыхільна ставіўся да ідэі новай федэрацыйнай дзяржавы (з Польшчы, Літвы Украіны і Беларусі), а не ўнітарнага ўладкавання [9, с. 286–287]. Іншы ўплывовы польскі палітык Раман Дмоўскі ў тыя часы агучваў ідэю капіталістычнай Польшчы, але на монаэтнічнай унітарнай аснове, таму Эдвард Вайніловіч не мог ніяк з ім дамовіцца: галоўны беларускі кансерватар хацеў, каб Беларусь была капіталістычнай і палітычным суб'ектам, а не аб'ектам палітыкі. Рыжскі мірны дагавор (1921) перакрэсліў гэтыя планы.

Адным з прызнаных спецыялістаў па гісторыі мясцовага дваранскага кансерватызма ў Заходнім краі Расійскай Імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. з'яўляецца польскі гісторык Дарыуш Шпопер, хоць лічыць яго польскай з'явай [6, с. 3]. Аднак самавызначэнне «беларусы» проста не было папулярным сярод многіх прадстаўнікоў карэннага каталіцкага беларускага дваранства (т. зв. «палякаў»), калі ў Расійскай імперыі дамінавала тэорыя, што «беларусы» (галоўным чынам, сялянскае праваслаўнае насельніцтва края) з'яўляюцца складовай часткай «рускага народа», адзінага ў трох галінах («вялікарусах», «беларусах» і «маларусах»). Для дваран-католікаў гэта азначала б факт абрусення. Між тым, многія беларускія дваране памяталі пра свае карані і гістарычную традыцыю. Лідар беларускіх кансерватараў Эдвард Вайніловіч напісаў у сваім тастаменце аб сваёй ідэнтычнасці: «Вайніловічы не прышлі ані з усходу, ані з захаду, а з'яўляюцца карэннымі, мясцовымі, кроў з крыві, косць з косці таго народа, які калісь хаваў сваіх продкаў у тых курганах, што і зараз ёсць на вясковых могілках, і родную зямлю беларускай сахой кроіць» [9, с. VIII]. Як паказаў беларускі архівіст Уладзімір Дзянісаў, многія лідары каталіцкіх дваран-кансерватараў падчас Усерасійскага сельскагаспадарчага і пазямельнага перапісу ў 1916 і 1917 г. ужо афіцыйна запісаліся як «беларусы» па нацыянальнасці, хоць заставаліся католікамі, у тым ліку, напрыклад, князь Геранім Друцкі-Любецкі (1861–1919) і граф Ежы Чапскі (1861–1930) [11, арк. 18; 12, арк. 10; 13, арк. 1].

Такім чынам, беларускі палітычны кансерватызм канца XIX – пачатку XX ст. меў сваёй сацыяльнай базай у першую чаргу карэннае маянтковае каталіцкае дваранства, якое групавалася ў сельскагаспадарчыя таварыствы, напярэдадні расійскай рэвалюцыі 1905–1907 гг. сваёй мэтай ставіла захаванне эканамічных пазіцый дваран-землеўласнікаў і адаптацыю ў Расійскай імперыі ва ўмовах абмежавальных законаў адносна католікаў.

У 1906–1911 гг. беларускія дваране-кансерватары перайшлі да актыўнай палітычнай барацьбы легальнымі сродкамі ў парламенцкіх структурах імперыі, займелі найбольшы палітычны ўплыў і выйшлі за рамкі выключна сваіх саслоўных інтарэсаў: выступалі за скасаванне саслоўных адрозненняў, роўнасць народаў і рэлігій, памяркоўную аграрную рэформу, увядзенне аўтаноміі для свайго края ў Расійскай імперыі і за свабоднае развіццё

нацыянальнай культуры. Гэта тлумачылася як тым, што ў Дзяржаўнай Думе і Дзяржаўным Савеце Расійскай імперыі вялікую эканамічную і палітычную ролю адыгрывала маёмаснае дваранства, бо Расійская імперыя заставалася саслоўным грамадствам, так і патрыятычнымі настроямі беларускіх дваран-кансерватараў, на чале якіх стаяў Эдвард Вайніловіч.

Ідэя аўтаноміі свайго края ў часткі беларускіх кансерватараў на наступным этапе з 1917 г. перарасла ў ідэю стварэння беларускай дзяржаўнасці, прычым на капіталістычнай аснове. Расійская Лютаўская рэвалюцыя 1917 г., якая скасавала саслоўнасць грамадства, грамадзянская вайна, працэс станаўлення новых дзяржаў напрыканцы і пасля Першай сусветнай вайны, а таксама барацьба сацыялістаў за радыкальную аграрную рэформу паслабілі пазіцыі беларускіх кансерватараў і ў выніку адсутнасці грамадскага кампраміса не пакінулі беларускаму палітычнаму кансерватызму месца з 1921 г. у новаствораных сацыялістычных і нацыяналістычных рэспубліках.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Купала, Я. Да Л. М. Клейнбарта. 21 верасня 1928 г. / Я. Купала // Поўн. зб. тв.: у 9 т. – Мінск: Маст. літ., 2003. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 267–272.
2. Колас, Я. Аўтабіяграфія 1913 г. / Я. Колас // Зб. тв.: у 20 т. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – Т. 20. Лісты (1954–1956 і недатаваныя), аўтабіяграфіі, дзённікі, інскрыпты. – С. 164–170.
3. Баршчэўскі, А. Паэзія Яна Неслухоўскага ў кантэксце польскага пазітывізму / А. Баршчэўскі // Янка Лучына ў кантэксце самаідэнтыфікацыі беларускай літаратуры: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 мая 2001 г. / РІВШ БДУ; рэдкал. У. Гніламёдаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: РІВШ БДУ, 2002. – С. 88–92.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2012. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
5. Romanowski, A. Pozytywizm na Litwie. Polskie życie kulturalne na ziemiach litewsko-białorusko-inflanckich w latach 1964–1904 / A. Romanowski. – Kraków: Universitas, 2003. – 485 s.
6. Szpoper, D. Sukcesorzy Wielkiego Księstwa. Myśl polityczna i działalność konserwatystów polskich na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1904–1939 / D. Szpoper. – Gdańsk: Arche, 1999. – 357 s.
7. Przed wyborami // Kurier Litewski. – 1905. – № 31. – S. 1.
8. Бусько, В. Н. Экономическая мысль Белоруссии середины XIX – начала XX в.: Очерки / В. Н. Бусько; науч. ред. М. В. Научитель; АН БССР, Ин-т экономики. – Минск: Наука і тэхніка, 1990. – 144 с.
9. Woyniłłowicz, E. Wspomnienia. 1847–1928 / E. Woyniłłowicz. – Wilno: Józef Zawadzki, 1931. – Cz. 1. – 368 s.
10. Рудовіч, С. «...Беларускі дзеяч з вялікіх паноў»: эпізоды палітычнай біяграфіі Рамана Скірмунта / С. Рудовіч // Гістарычны альманах. – Гродна, 1999. – Т. 2. – С. 14–37.
11. Нацыянальны гістарычны архіў у г. Мінску (далей НГАБ). – Фонд 325. – Воп. 2. – Спр. 735.
12. НГАБ. – Фонд 325. – Воп. 2. – Спр. 796.
13. НГАБ. – Фонд 325. – Воп. 2. – Спр. 797.

(Дата падачы: 18.02.2020 г.)

Т. В. Самосюк

Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы, Минск

T. V. Samosiuk

Belarusian Institute of System Analysis and Information Support
for Scientific and Technical Sphere, Minsk

УДК 94(4-11)(082): 930.1(44)

ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА (XIX – НАЧАЛО XXI В.)

FRENCH HISTORIOGRAPHIC CONCEPTS OF THE EASTERN EUROPEAN REGION (XIX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Анализ развития французской историографии XIX – начала XXI в. показывает, что ориенталистский подход в изучении восточноевропейского региона постепенно был несколько сглажен, возникли концепции Центральной, Центральнo-Восточной, Срединной Европы, которые в контексте формирования единой Европы обосновывали причастность восточной части региона к западноевропейской культуре и его политическое отделение от России.

Ключевые слова: историография; Франция; Центральная, Восточная Европа.

Analysis of the development of French historiography of the 19th – early 21st centuries shows that the orientalist approach to the study of the Eastern European region was gradually smoothed out, the concepts of Central, Central-Eastern, and Central Europe arose, which in the context of the formation of a united Europe justified the involvement of the eastern part of the region in Western European culture and its political separation from Russia.

Key words: historiography; France; Central, Eastern Europe.

До 1918 г. большая часть изучаемого нами региона входила в состав Германской, Российской, Австрийской и Османской империй. После Первой мировой войны возникла слабая пост-версальская совокупность мелких, несамостоятельных государств Восточной Европы, которые вскоре были захвачены нацистской Германией. После Второй мировой войны освобожденные Красной Армией страны восточноевропейского региона стали сферой влияния СССР. В 1989 г. в результате серии «бархатных революций» восточноевропейские государства перешли под контроль Западной Европы и США. Пересмотр этими странами геополитических и цивилизационных ориентиров стал результатом длительного процесса идеологической борьбы за эту территорию в ходе «холодной войны».

Необходимо отметить, что французская историография восточноевропейского региона с XIX в. развивалась в рамках общих для всей западной историографии подходов, которые хорошо представлены в книге амери-

канского ученого Ларри Вулфа «Изобретая Восточную Европу...». Автор этой работы утверждает, что в XVIII–XIX вв. в западной историографии Россию, Польшу, Чехию и Венгрию относили к единому «цивилизационному ареалу». Восточноевропейский регион описывали саркастически в рамках ориенталистского подхода – как ущербный, недоразвитый, агрессивный и несоответствующий европейским стандартам. С развитием европоцентризма в XIX в. сформировалось унифицированное видение различных культур, отличных только степенью развитости, поэтому Восточную Европу стали воспринимать еще и как архаичную и отсталую [1], [4], [3, с. 8; 17, р. 393].

Те определения, которые в разные исторические периоды в академическом сообществе Франции использовались применительно к восточноевропейскому региону («Центральная», «Средняя или Срединная» («Mitteleuropa», «Europe centrale», «Europe médiane»), «Восточная Европа» («Europe de l'Est», «Europe orientale»), «Промежуточная» («Europe de l'entre-deux»), «Другая»¹ («Autre Europe») «Центрально-Восточная» («Europe du Centre-Est»), крайне редко «славянская» («Europe slave», «Germania slavica»)...), несли на себе определенную политическую и идеологическую нагрузку [14, р. VI, IX–X]. Функция словосочетания «Центральная, Средняя Европа» – отгородиться от России и Балкан, подчеркнуть устремленность региона на Запад, функция понятия «Восточная Европа» – отгородиться от Германии, подчеркнуть причастность к России. А функция понятия Центрально-Восточная Европа – отгородиться и от Германии, и от России [6].

В XIX в. в связи с ростом политического влияния Российской империи после ее победы над наполеоновской Францией и тем, что она стала одной из великих держав, установивших Венскую систему международных отношений, французская историография была вынуждена признать, что Европа простирается до Уральских гор, то есть признать некоторое равноправие Западной Европы и Восточной, а также России. Но проведение границ между Европой и Азией по Уралу постоянно подвергалась критике, так как Россия на Западе признавалась частью единой политической системы, но не частью единой цивилизации. Об этом пишут французские исследователи и путешественники маркиз де Кюстин и Анатоль Леруа Болье («Lettres de Russie du marquis de Custine», 1839; Anatole Leroy-Beaulieu «L'Empire des Tzars et les Russes en 3 volumes», 1886). В эпоху, когда христианство играло в мировоззрении людей большую роль, акцентировалось внимание на принадлежности России к православию, что отделяло ее от католической и протестантской части Европы, как и большую часть Балкан [3, с. 6–7; 21, р. 28].

¹ Французский перевод заглавия книги польского поэта Чеслава Милоша «Родная Европа» («Rodzinna Europa») (Milosz, C. Une autre Europe / C. Milosz. – Paris: Gallimard, 1964. – 302 p.) и название книги известного французского историка и политолога Жака Рупника (Rupnik, J. L'autre Europe: crise et fin du communisme / J. Rupnik. – Paris: Le Seuil, 1993. – 446 p.).

Впервые понятия «Mitteleuropa» и «Центральная Европа», включенная в германскую сферу влияния, стали употребляться в 1840-е гг. в связи со сложившимся культурным доминированием немцев в регионе, ростом роли Пруссии в Европе, особенно после франко-прусской войны и создания Германской империи (1871–1918 гг.). Во французской историографии в XIX в. изучение региона проводилось под сильным влиянием габсбургского наследия. Во французских учебниках для средних школ, а также в научных работах по истории Европы, как, например, в книге Шарля Сеньобоса (Политическая история современной Европы 1814–1896 / пер. с фр. под ред. В. Поссе. – СПб., 1897. – Т. I. – 262 с.) Центральная Европа изучалась только как культурная и духовная общность народов, сформированная Габсбургской монархией, и включала в себя Бельгию, Нидерланды, Швецию и Германию [4; 6; 17, р. 394, 399; 18, р. 209].

Однако французская внешняя политика в XIX в. была направлена на ослабление влияния Пруссии, Австрии и России в регионе, усиление которых произошло за счет разделов Речи Посполитой. В 1807 г. из польских территорий, отошедших во время Второго и Третьего разделов Речи Посполитой к Пруссии и Австрийской империи, было образовано Великое Герцогство Варшавское под протекторатом наполеоновской Франции. До 1846 г. просуществовала Краковская Республика, руководствующаяся Кодексом Наполеона. Франция поддерживала польские восстания 1830–1831 и 1863 гг. Наполеон III на конгрессе в Париже в 1856 г. способствовал созданию в будущем независимых Румынии и Сербии. В 1857 г. шли острые споры о том, чтобы переименовать созданную в 1840 г. в Коллеж де Франс кафедру славянского языка и литературы в кафедру русского языка и литературы. В результате название оставили без изменения, а возглавил кафедру польский поэт и востоковед, родившийся на территории современной Беларуси, Александр Ходзько [9, р. 294–295; 20, р. 379–382].

Создание в 1891 г. военно-политического блока России, Великобритании и Франции должно было положить конец открытой французской поддержке независимости стран Восточной Европы. И действительно некоторые французские слависты в изучении региона стали ориентироваться на Россию, видя в ней как лидере славян противовес Германии и Австрии. Такой точки зрения придерживался основоположник славистики во Франции, профессор Коллеж де Франс Луи Леже (*Léger; L. Russes et Slaves. Études politiques et littéraires / L. Léger. – Paris: Librairie Hachette et Cie, 1890.; Léger; L. Le panslavisme et l'intérêt français / L. Léger. – Paris: E. Flammarion, 1917.*). Однако напряженная международная ситуация накануне Первой мировой войны привела к тому, что не весь истеблишмент во Франции одобрил альянс с Россией. В 1911 г. во Франции в поддержку национального самоопределения народов Австро-Венгерской и Российской империй был создан «Союз народов» (*Office central des Nationalités*). В 1912 г. – журнал «Анналы национальностей» (*Annales des Nationalités*) [20, р. 383–384].

В западноевропейской историографии начала XX в. была распространена идея о том, что после 1917 г. Россия превратилась в азиатскую страну и окончательно оторвалась от Европы [3, с. 9; 11; 21, р. 28]. Франция заняла ведущее место в борьбе с Советским государством в восточноевропейском регионе, используя фактор католицизма. В связи с этим в 1920–1930-е гг. ее отношения с Ватиканом были восстановлены. Министр иностранных дел Франции в 1925–1932 гг. А. Бриан всерьез рассчитывал на отделение от СССР Украины и Грузии.

Но в 1930-е гг. экономическая слабость Франции привела к ослаблению ее роли в восточноевропейском регионе. В связи с ростом влияния в нем Германии Франция вынуждена была перейти к концепции «санитарного кордона» и «восточного барьера» от коммунизма и фашизма [17, р. 394; 20, р. 386–387].

С установлением Ялтинско-Потсдамской международной системы после Второй мировой войны восточноевропейский регион выпал из западной сферы влияния и попал под влияние СССР. На волне популярности СССР после победы в войне многие французские историки, имевшие прокоммунистические убеждения, поддерживали формирование так называемого «социалистического лагеря». Дискредитировавшая себя германоцентричная концепция Центральной Европы («Mitteleuropa») в послевоенный период вышла из употребления. С 1945 г. за редким исключением в академической и дипломатической среде Франции стали использовать просоветскую концепцию Восточной Европы еще и потому, что она соотносилась с якобинским идеалом, направленным на централизацию Франции и противостояла ее региональным различиям. Противопоставляя русскую цивилизацию западной буржуазной, французские исследователи использовали термины «страны-попутчики по коммунистическому пути развития», «партнеры» («compagnons de route», «partenaire»). Известный французский историк, неоспоримый специалист по истории России и славянских народов, профессор Сорбонны, Роже Порталь в своих работах описывал «ситуацию, которую Вторая мировая война... благополучно разрешила, перекроив границы и, главное, образовав единую федерацию государств, населенных славянскими народами с различным языком и культурой... Победа большевистской революции (1917 г.) и последующая экспансия социалистических режимов в Европе (1945–1947 гг.) воплотили давние чаяния народных элит славянских стран...» – писал он (*Portal, R. Les slaves, peuples et nation / R. Portal. – Paris: Armand Colin, 1965. – P. 519*). Р. Порталь писал и об ассимиляции славянского и советского миров, о том, что «территория от Балтийского до Черного моря по «Пути из варяг в греки» была заселена народами, которым трудно дать другое название, чем дают советские историки – древнерусская народность...» (*Portal, R. Russes et Ukrainienes / R. Portal. – Paris: Flammarion, 1970. – P. 116*). Концепция Восточной Европы, включенной в сферу влияния СССР («Восточная коммунистическая Европа», «советский мир»,

«государства-сателлиты СССР»...) была доминирующей во французской историографии до конца 1980-х гг. [8, р. 644–645; 14, р. XII–XIII; 17, р. 394, 399–400; 20, р. 388; 21, р. 27].

Однако после начала «холодной войны» в словаре западных историков и политиков для обозначения изучаемого региона появились и словосочетания с противоположной политической коннотацией: «социалистический лагерь», «страны под военным контролем СССР», государства, «возникшие с помощью советских танков, штыков». Служба внешней документации и контрразведки Франции (*Service de documentation extérieure et de contre-espionnage, SDECE*) для определения восточноевропейского региона использовала словосочетание «советский блок» [6; 20, р. 388].

К Восточной Европе относили страны соцлагеря, СССР же не относили, таким образом, разделяя советский блок государств [21, р. 27]. История восточноевропейского региона и СССР изучалась в неразрывной связи с национальным вопросом, делался вывод о неизбежности межнациональных и межрелигиозных конфликтов в многонациональных государствах. Во внешней политике Франции отмечается стремление всячески ослабить влияние СССР в регионе. Мало изучена роль этой страны в содействии сепаратистским устремлениям И. Б. Тито, который, установив в Югославии коммунистический режим, стал проводить независимый от СССР курс [17, р. 399; 20, р. 388].

Кроме того во второй половине XX в. значительное влияние на развитие западной историографии оказывала эмигрантская научная литература. В научное сообщество Франции вошла созданная в 1940–1950-е гг. в США польским историком Оскаром Галецким (Халецким) американско-польская «концепция Центрально-Восточной Европы» как концепция «*Europe du Centre-Est*» или «*Europe centrale et orientale*» с дополнениями, которые в нее внес известный польский публицист и политик Ежи Гедройц и созданный им в 1947 г. в Париже журнал «Культура». Согласно этой концепции в регион Восточно-Центральной Европы были включены советские республики (Литва, Беларусь и Украина). Эта концепция доминировала в публикациях издательства «Документасьон франсез» и в работах Высшей школы исследований в области социальных наук под руководством французского политолога чешского происхождения Жака Рупника, а также венгерского социолога и политолога Пьера Кенда.

Уже в 1960-е гг. начали появляться работы, направленные на пересмотр доминирующей концепции Восточной Европы, включенной в сферу влияния СССР (*Droz, J. L'Europe centrale. Evolution historique de l'idée de «Mitteleuropa» / J. Droz. – Paris: Payot, 1960. – 284 p.*). В 1980-е гг. в связи с кризисом советской системы во французской историографии стали возвращаться к концепции «Центральная Европа», которая ассоциировалась с германоцентричной идеей и была синонимична понятию «*Mitteleuropa*», и даже использованию, казалось бы окончательно дискредитированного, термина «*Mitteleuropa*» (*Le Rider*,

J. Mitteleuropa. – Paris: PUF, 1994. – P. 4–9), привнося в него созданное в статье М. Кундеры и близких к ней по духу русофобских текстах, утерянное по вине России, равенство с Западной Европой.

Кроме того в 1985 г. известным французским историком Фернаном Броделем в предисловии к книге венгерского историка Ене Сюча «Три исторические региона Европы» (*Szucs, J. Les trois regions historiques de l'Europe*, preface par Fernand Braudel / J. Szucs. – Paris: L'Harmattan, 1985. – 128 p.) был введен термин «Средняя или Срединная Европа» (*Europe médiane*). Этот термин получил распространение также в работах одноименного исследовательского центра Национального института восточных языков и цивилизаций (*Centre d'étude de l'Europe médiane à l'INALCO*). В основном, как и понятие «Центральная Европа», термин «Срединная Европа» не распространяется на страны, входившие в состав Советского Союза.

Таким образом, были подготовлены идеологические механизмы включения части постсоциалистической Европы в политические структуры Западной Европы [4; 14, p. XVI–XVII; 17, p. 391, 396–400; 21, p. 26–27].

С конца 1980-х гг. в рамках стремления части французского истеблешмента укрепить Европу и достичь политической самостоятельности Старого Света от США во Франции стала активно разрабатываться идея объединения Западной и Центральной Европы. Во французской историографии с особым вниманием стали изучать вопросы расширения ЕС и внутриевропейских границ [4; 7; 17, p. 404, 407]. После распада СССР во французской историографии стали обыгрываться идеи западничества и славянофильства (*Carrère d'Encausse, H. L'Empire d'Eurasie: une histoire de l'Empire russe de 1552 à nos jours* / H. Carrère d'Encausse. – Paris: Fayard, 2005. – 503 p. *Heller, M. L'Histoire de la Russie et de son Empire* / M. Heller. – Paris: Flammarion, 1997. – 986 p. *Rey, M.-P. Le dilemme russe, La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine* / M.-P. Rey. – Paris: Flammarion, 2002. – 354 p.).

После падения коммунистических режимов в 1989–1991 гг. в западной историографии понятие «Восточная Европа» вышло из употребления. С целью отмежеваться и от Габсбургского наследия Центральной Европы, и от послеялтинской Восточной Европы, обозначая страны восточноевропейского региона, вставшие на путь евроинтеграции, во Франции стали использовать введенное Ф. Броделем понятие «Срединная Европа», а также не претендовавший на полную серьезность термин «Европа между» («*Europe de l'entre-deux*»), а также термин «Страны Центральной и Восточной Европы» («*Pays d'Europe centrale et orientale*» (PECO)). В 2008 г. в Страсбурге прошел фестиваль «Mitteleuropa», организаторы которого в связи с укреплением влияния Гремании в регионе, по-видимому, намеренно использовали этот термин [4; 14, p. XVI–XVII; 16; 18, p. 208–210; 17, p. 394–396, 399–400; 19; 21, p. 29].

Американо-польская концепция Центрально-Восточной Европы окончательно укоренилась в современных работах французских авторов, например, в коллективной монографии французский и польских историков Натальи

Алексюн, Даниэля Бовуа, Мари-Элизабет Дюкрё, Ежи Ключовского, Генрика Самсоновича и Петра Вандича. Эта концепция направлена на утверждение единства Европы с целью обоснования правомочности расширения ЕС на Восток. Принято считать, что политические промахи западных политиков привели к тому, что Европа сузилась до западных рамок. Дурным тоном стало считаться традиционное ранее изучение Европы, подразумевая только западную ее часть. Но, хотя официально европоцентричный подход в изучении восточноевропейского региона осуждается, он подспудно подолжает присутствовать. Восточную Европу рассматривают как младшую, периферийную по отношению к Западной, поэтому ее плохо знают, но признают необходимость ее изучения. И хотя в конце XX – начале XXI в. во Франции в изучении региона произошел прорыв (*Delsol, Ch. Histoire des idées politiques de l'Europe centrale / Ch. Delsol, M. Maslowski, J. Nowicki. – Paris: PUF, 1998. – 606 p.*), французская историография этого региона по-прежнему несколько отстает от немецкой, североамериканской и британской [3, с. 11–20; 12; 14, p. V–VII, p. XVI–XVII; 17, p. 396, p. 404, 406; 21, p. 27].

Кроме того, современная французская историография, находясь под влиянием Школы Анналов, броделевского понятия «longue durée» и современной исторической антропологии, поэтому в изучении восточноевропейского региона она особенно пристальное внимание уделяет языку и культуре как основным идентифицирующим факторам. Повсеместно в работах французских авторов внимание акцентируется лишь на одном из аспектов истории восточноевропейских стран, даже если это не дается ясно понять (*Bénger, J. Histoire de l'empire des Habsbourg / J. Bénger. – 1er éd. – Paris: Fayard, 1990.*) [13, p. 339; 14, p. VI]. Французский политолог Жак Рупник для объяснения современного развития событий в восточноевропейском регионе справедливо акцентирует внимание на факторе православия [17, p. 404]. Хотя в целом на первый план выносят частности, отдельные элементы культуры, говорят о том, что «общие черты восточноевропейского региона не постоянны, и отражаются не в конкретных вещах, а в атмосфере, впечатлении, городском декоре, образе жизни, например, в городских кафе» [17, p. 398–399, 409]. В то время как влияние религиозного фактора настолько велико, что после распада социалистического лагеря в первый круг расширения Евросоюза попали страны западного христианства, а во второй, а то и не попали вовсе – страны восточного христианства (Румыния, Болгария, Молдова, Сербия, Украина, Беларусь) [1, с. 117]. В итоговой схеме на сайте проекта известного американского политолога и социолога Рональда Инглхарта «Всемирный обзор ценностей» («World values survey», WVS) (1981–2014 гг.) в единый цивилизационный кластер также вошли все православные страны Европы вне зависимости от их принадлежности к Евросоюзу.

Во французской историографии проводится сверхспециализированное изучение каждого восточноевропейского этноса, то есть создается максимально разделенный регион [3, с. 11, 15]. Это происходит потому, что, как отмечают

специалисты, истинной целью европейской интеграции является демонтаж национально-государственных образований и устранение политических границ для обеспечения свободного перемещения транснационального капитала. В «строящейся» Европе («Европе регионов», «Европе без границ», «Европе племен», как ее называет на Западе) государственные границы должны быть размыты и заменены границами функциональными, признающими только критерий экономической эффективности [5].

Таким образом, рассмотренные нами историографические концепции Франции XIX – начала XXI в. отражают процессы геополитической трансформации в этот период. От откровенно ориенталистского подхода в изучении региона на Западе пришли к обоснованию его причастности к западноевропейской культуре и, изъятию, таким образом, из сферы влияния России.

Список использованных источников

1. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.
2. Грицак, Я. И мы в Европе? / Я. Грицак // Перекрестки. – 2004. – № 1–2. – С. 109–123.
3. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис. – М.: АСТ Москва : Хранитель, 2006. – 943 с.
4. Миллер, А. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России / А. Миллер // Независимый филологический журнал. Русский журнал. – 2001. – № 52. – Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2000693.html>. – Дата доступа: 15.07.2018.
5. Четверикова, О. Н. Теневая история Евросоюза. Планы, механизмы, результаты / О. Н. Четверикова. – Режим доступа: http://coollib.com/b/319367/read#n_166. – Дата доступа: 15.12.2016.
6. Шенкер, А. В скольких Европах мы живем? / А. Шенкер // Новая Польша – 2008. – № 5. – Режим доступа: <https://novpol.org/ru/BJHrudfPib/V-SKOLKIH-EVROPAN-MY-ZhIVEM>. – Дата доступа: 10.02.2020.
7. Barnavie, E. Les frontières de l'Europe / E. Barnavie, P. Goossens. – Bruxelles: De Boeck, 2001. – 250 p.
8. Beauvois, D. Les controverses historiographiques autour de l'Ukraine-Ruthénie (France, Russie, Pologne) / D. Beauvois // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksion, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. 644–645.
9. Beauvois, D. L'espace de la République polono-lituanienne aux XVIII et XIX siècles / D. Beauvois // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksion, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. 295–298.
10. Béranger, J. Lexique historique de l'Europe danubienne / J. Béranger. – Paris: Armand Colin, 1977. – 255 p.
11. Coeuré, S. La grande lueur à l'Est: les Français et l'URSS, 1917–1939 / S. Coeuré. – Paris: Le Seuil, 1999. – 358 p.
12. Delsol, Ch. Faut-il traiter les pays du centre-est européen comme peripheries? / Ch. Delsol // East-Central Europe in European History. Themes & Debates / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaskiewicz. – Lublin, 2009. – P. 73–83.
13. Ducreux, M.-É. La monarchie des Habsbourg, la Bohême et la Hongrie de 1700 à 1900 / M.-É. Ducreux // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksion, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. 337–341.
14. Kłoczowski, J. Introduction / J. Kłoczowski // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksion, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. I–XX.
15. Kłoczowski, J. Les pays d'Europe du Centre-Est du XIV au XVII siècle / J. Kłoczowski // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksion, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. 107–254.

16. Kuus, M. Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe / M. Kuus // *Progress in Human Geography*. – 2004. – № 28, 4. – P. 482–484.

17. Marès, A. L'Europe centrale contemporaine et l'Europe: une réflexion française / A. Marès // *East-Central Europe in European History. Themes & Debates* / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaszkiewicz. – Lublin, 2009. – P. 391–411.

18. Mayeur, J.-M. Les avatars et la complexité de l'Est et du Centre de l'Europe / J.-M. Mayeur // *East-Central Europe in European History. Themes & Debates* / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaszkiewicz. – Lublin, 2009. – P. 207–230.

19. Rupnik, J. L'autre Europe: crise et fin du communisme / J. Rupnik. – Paris: Le Seuil, 1993. – 446 p.

20. Soutou, G.-H. La France et le problème de l'Europe du Centre-Est depuis 1815 / G.-H. Soutou // *East-Central Europe in European History. Themes & Debates* / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaszkiewicz. – Lublin, 2009. – P. 379–390.

21. Soutou, G.-H. Reflexions sur l'identité et les limites de l'Europe / G.-H. Soutou // *East-Central Europe in European History. Themes & Debates* / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaszkiewicz. – Lublin, 2009. – P. 25–41.

(Дата подачі: 20.02.2020 г.)

A. Ф. Самусік

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. F. Samusik

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 37(476)(091)“16”

ПРАВАСЛАўНАЯ АДУКАцЫЯ НА ТэРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVII СТ.

ORTHODOX EDUCATION IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF XVII CENTURY

Навуковы артыкул прысвечаны нераспрацаванай у гістарыяграфіі праблеме эвалюцыі праваслаўнай адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XVII ст. Адзначаны разрыў кантактаў з Кіевам, што прывяло да дэцэнтралізацыі ў дзейнасці мясцовых праваслаўных школ. Вызначаны асноўныя праваслаўныя цэнтры адукацыі (Вільня, Полацк, Магілёў) і прааналізаваны змены ў арганізацыі ў іх вучэбна-выхаваўчага працэсу. Разгледжаны працэс пераўтварэння шэрагу брацкіх школ у манастырскія вучылішчы.

Ключавыя словы: праваслаўная царква; брацтвы; адукацыя; дэцэнтралізацыя; брацкія школы; манастырскія школы.

The scientific article is devoted to the problem of the evolution of Orthodox education on the territory of Belarus in the second half of the XVII century. The gap in contacts with Kiev was noted, which led to decentralization in the activities of local Orthodox schools. The main Orthodox educational centers (Vilna, Polotsk, Mogilev) were identified and changes in the organization of the educational process in them were analyzed. The process of converting a number of brotherhood schools into monastic schools is considered.

Key words: orthodox church; brotherhood; education; decentralization; brotherhood schools; monastery schools.

Пры вивучэнні гісторыі праваслаўнай адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў часы Рэчы Паспалітай, як у савецкай, так і ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі ўвага звяртаецца на два асноўных моманта – дзейнасць брацкіх школ у канцы XVI – першай трэці XVII ст. ды на працу Магілёўскай духоўнай семінарыі ў трэцяй чвэрці XVIII ст. [1, с. 6–9]. Час паміж гэтымі двума сапраўднымі «вехамі» ў мінулым школьнай справы дадзенай канфесіі дагэтуль застаецца амаль не даследаваны ў айчынной гістарычнай навуцы. У сваю чаргу, у Польшчы цэлы шэраг адметных публікацый быў прысвечаны асветніцкім намаганням праваслаўных брацтваў на працягу ўсяго часу іх існавання [2, с. 21–23]. Падсумаваннем гэтых навуковых пошукаў стала манаграфія М. Мірановіча, дзе комплексна аналізуецца дзейнасць школ царкоўных брацтваў на тэрыторыі ВКЛ у XVI–XVIII ст. Тут разглядаецца гісторыя больш чым двух дзесяткаў падобных навучальных устаноў. Разам з тым, гэты даследчык адносіць іх менавіта да тыпу «брацкіх», хоць яшчэ з 30-х гг. XVII ст., на наш погляд, пачаўся працэс пераўтварэння іх у манастырскія вучылішчы з узмацненнем залежнасці ад царкоўных улад [3, с. 556–557].

Надзвычай важным стала прызначэнне кіеўскім мітрапалітам у 1632 г. П. Магілы. Пры ім цэнтрам праваслаўнай асветы абвешчаўся Кіева-Магілянскі калегіўм, дзе былі сканцэнтраваны лепшыя выкладчыкі і меўся разгорнуты вучэбны курс з выкладаннем філасофіі ды багаслоўя. Рэгіянальнымі цэнтрамі заставаліся школы ў Львове ды Вільні, ад якіх залежылі іншыя навучальныя ўстановы. Падобная цэнтралізацыя ўзмацніла кантроль над школамі царкоўных улад – епіскапаў, а таксама настаяцеляў тых манастыроў, пры якіх яны дзейнічалі. Брацтвы пры гэтым не адхіляліся ад кіравання асветай, але ступень іх уплыву залежала ад заможнасці асобных суполак [4, с. 464–520].

Створаная П. Магілай сістэма праваслаўнай адукацыі была знішчана ў часы вайны з Расіяй у 1654–1667 гг. Кіева-Магілянскі калегіўм некалькі разоў увогуле спыняў сваю дзейнасць (1651–1655, 1658–1660, 1665–1666), а ў астатні час у ім працавалі толькі малодшыя класы [5, с. 24–30]. Да таго ж, калі 20 сакавіка 1666 г. гетману І. М. Брухавецкаму царскім указам загадвалася аднавіць яго працу, тут асобна агаворвалася: «Из неприятелских городов в те школы никого не пускать и не учить, чтоб от них смуты и всякого дурна не было» [6, с. 86]. Дадзены загад быў адменены толькі 11 студзеня 1694 г., калі ў грамаце цароў Іаана і Пятра Аляксеевічаў адзначалася, што тут можна вучыцца: «и из иных стран приходящим людям, благочестивой веры ревнителям...» [7, с. 490–491]. Відавочна, што спыненне амаль на 30 год асветніцкіх кантактаў Кіева з праваслаўнымі абшчынамі Беларусі мела вынікам пагаршэнне стану адукацыі. Тым больш, што з-за пераследу ўлад ды езуітаў шмат хто са святароў ды манахаў уцякаў у Расію ці Украіну.

Стаць жа паўнаважнай замай Кіева-Магіянскаму калегіўму не была здольна аніводная праваслаўная школа ў ВКЛ. Усе яны выконвалі функцыі лакальных рэгіянальных адукацыйных цэнтраў, што не толькі прывяло

праваслаўную асвету ў ВКЛ да дэцэнтралізацыі, але і ўзмацніла ступень падпарадкавання асобных школ мясцовым царкоўным уладам.

Віленскі Свята-Духаўскі манастыр у час ваеннага ліхалецця 1654–1667 гг. пазбег разрабавання. Аднак, амаль татальнае спусташэнне сталіцы ВКЛ было вельмі неспрыяльным фактарам для актывізацыі тут асветніцкай дзейнасці. Нават мясцовыя братчыкі шукалі іншыя варыянты для сваіх сваякаў у плане іх адукацыі. У 1654 г. адзін з іх – Д. Касовіч прасіў апекуна Львоўскага брацтва В. Касоўскага паклапаціцца аб браце Васіле, вучыўшымся у тутэйшай брацкай школе [8, арк. 1–2]. Доказам жа наяўнасці ў манастыра фінансавых праблем стаў продаж ім у 1669 г. «ради крайних нужд» езуітам маёнтка Судэрвы за 2 тыс. зл. [9, с. 137].

Школа ж пры гэтай абіцелі паступова пераўтваралася ў манастырскую. На яе чале стаяў настояцель манастыра, а адказны за яго гаспадарчую дзейнасць адначасова выконваў абавязкі прэфекта студэнцкай кангрэгацыі [10, с. 238]. Апошняя пры гэтым найменавалася у гонар св. Канстанціна і Алены і была даволі заможнай – у 1691 г. на поўным забеспячэнні ў ёй знаходзілася 30 збяднелых «бурсакоў» [9, с. 180]. Змена статусу дадзенай навучальнай установы спрыяла трансфармацыі яе вучэбнай праграмы, дзе разам з курсам свецкіх навук меліся і духоўныя прадметы – багаслоўе ды гамілетыка (навука прапаведніцтва), што дазваляла рыхтаваць тут святароў. У азначаны перыяд сярод яе выпускнікоў вядомасць атрымалі І. Гаслаўскі і І. Шабоўскі, выступаўшыя з пропаведзямі ў розных гарадах ВКЛ [11, с. 90]. Гэты аспект дзейнасці Віленскай праваслаўнай школы набліжаў яе да духоўнай семінарыі, а таму яўна не адпавядаў зыходным прынцыпам брацкай педагогіцы, скіраванай найперш на свецкую асвету.

Аб пераўтварэнні брацкай школы ў манастырскую можна гаварыць і ў дачыненні да Полацка. Адбылося гэта пасля прызначэння ігуменам тутэйшага Богаяўленскага манастыра ў 1655 г. выхаванца Кіева-Магілянскага калегіўма ды Замойскай акадэміі магілеўчана І. Яўлевіча. Ён прызнаў уладу маскоўскага патрыярхата, што дазволіла яму істотна палепшыць матэрыяльны стан уласнай абіцелі – 3 сакавіка 1655 г. цар Аляксей Міхайлавіч перадаў пад яго кантроль землі: «которые от благочестивых церквей отнели насилием латини к римскому костелу» [12, с. 187]. У сваю чаргу, маскоўскі патрыярх Нікан у 1656 г. загадаў: «Отрочат под Полоцкою епископию пребывающих... учить и наказовати, избирая на сие учителей во благих, свидетельствованных и богобоязненных» [13, с. 44]. Якраз дадзенае распараджэнне ды паляпшэнне фінансавага стану манастыра дазволілі І. Яўлевічу пашырыць, існуючую пры яго абіцелі пачатковую школу. Сам ігумен стаў яе рэктарам, а ў дапамогу да працаваўшага тут іераманаха Ф. Утчыцкага былі запрошаны мясцовыя выхаванцы В. Яновіч, С. Капусцін і Сімяон Полацкі [14, с. 28].

Трэба асобна адзначыць дзейнасць пры Полацкай манастырскай школе літаратурнага гуртка, які займаўся складаннем розных вершаваных твораў. Так, І. Яўлевіч напісаў некалькі сілабічных вершаў у манеры элегіі Авідыя, шэраг

прамоў, дэкламацый і пропаведзей. У сваю чаргу, Сімяон Полацкі адказваў за падрыхтоўку да ўдзелу ў тэатралізаваных відовішчах мясцовых выхаванцаў. Іх выступленні карысталіся такой вядомасцю, што ў 1660 г. на Сабор царкоўных іерархаў у Маскву акрамя І. Яўлевіча былі таксама запрошаны Сімяон Полацкі з 12 яго лепшымі вучнямі (К. Анофрыяў, І. Людкавіч, В. Фёдараў, В. Нераноўскі, І. Цыбульскі, В. Грышановіч, М. Паповіч, Д. Лаўрэнц'еў, С. Капусцінскі, М. Табор, М. Яфрэмаў і А. Марыніч). У сталіцы Расіі яны прабылі са студзеня па верасень і неаднаразова выступалі з панегірычнымі дэкламацыямі ў гонар цара Аляксея Міхайлавіча, яго сям'і, а таксама набліжаных [15, с. 471].

Пры гэтым, аднак, школа пры Полацкім Богаяўленскім манастыры ў азначаны час намінальна яшчэ захоўвала ранейшы статус. Доказам гэтага з'яўляецца выкананае школьнымі «отроками» у 1657 г. пад кіраўніцтвам Сімяона Полацкага – «Витане боголюбивого епископа Калиста... от детей школы брацкое Богоявленское...» (1657) [14, с. 42–45]. Разам з тым, мясцовае праваслаўнае брацтва ў перыяд ваеннага ліхалецця прыйшло ў поўны заняпад, а вяртанне пасля завяршэння вайны маёмасці езуітам і іншым каталіцкім ордэнам істотна пагоршыла і матэрыяльны стан Богаяўленскага манастыра. Да таго ж, у 1664 г. з Полацка з'ехаў Сімяон Полацкі, а магчыма і іншыя настаўнікі, вынікам чаго стала вяртанне мясцовай школы да пачатковага ўзроўню [16, с. 231].

Сам жа Полацкі Богаяўленскі манастыр у наступныя дзесяцігоддзі першым з айчынных рэлігійна-асветных асяродкаў стаў цалкам арыентавацца на Маскву. 27 сакавіка 1686 г. маскоўскі патрыярх Іаакім выдаў грамату з прадстаўленнем яму непасрэднай залежнасці «от патриаршего престола». Адметна, што ў гэтым дакуменце асобна агаворвалася права манастыра весці асветніцкую дзейнасць: «Всю братию свою монашескому жителству учить, по заповедям Господним и по преданию святых отцов... К сему и прочим христиан православных, всякого возраста и чина, вере православной по мудрствованию восточной церкви и учению святых отцов научати, и истинное благочестие в сердца их сеяти по возможному, со всяким тщанием» [17, с. 263, 265]. З прыведзенага ўрыўку бачна, што эвалюцыя праваслаўнай школы ў Полацку мала чым адрознівалася ад аналагічных працэсаў у Вільні – тут таксама акцэнт пачаў рабіцца на духоўным выхаванні, а свецкія прадметы адводзіліся на другі план.

Адзіным буйным цэнтрам праваслаўнай брацкай педагогіцы ў другой палове XVII ст. у Беларусі заставаўся Магілёў. У час вайны з Расіяй 1654–1667 гг. тутэйшае брацтва пры Богаяўленскім манастыры вырашыла скарыстацца зменамі ў геапалітычным становішчы і прызнала ўладу маскоўскага патрыярхата. Пры гэтым магілёўскія братчыкі паспрабавалі ўзняць статус уласнай навучальнай установы да акадэміі – праз перавод сюды Кіева-Магілянскага калегіўма. Станоўчае стаўленне рускіх улад да падобнай ідэі знайшло сваё адлюстраванне ў грамаце Магілёву царя Аляксея Міхайлавіча ад 15 верасня 1655 г., дзе між іншага адзначалася:

«А школе, сиреч училищем, указали мы, Великий Государь... быти в Могилёве православные христианские веры Греческаго закону, против Киевских училищ» [18, с. 288].

Падобная пазіцыя Масквы тлумачыцца тым, што, як ўжо адзначалася вышэй, Кіева-Магілянскі калегіум на працягу ўсёй вайны ў лепшым выпадку працаваў у выглядзе пачатковага вучылішча. Прычым, да арганізацыі ў ім вучэбна-выхаваўчага працэсу ў Расіі ставіліся вельмі неадназначна, бо лічылі яе занадта набліжанай да езуіцкай. Негатыўную рэакцыю выклікала і нежаданне частцы іерархаў кіеўскай мітраполіі падпарадкоўвацца маскоўскаму патрыярхату (мітрапаліт кіеўскі С. Косаў, слупкі архімандрыт Ф. Васілевіч і інш.) [19, с. 133]. Як след гэтага і ўзнікла ідэя яго пераносу ў іншае месца. Найбольшы ж унёсак у фінансаванне Кіева-Магілянскага калегіума рабілі епіскапы луцкі і астрожскі, а таксама магілёўскі, мсціслаўскі і аршанскі – па 500 злотых штогод (астатнія па 100–200 злотых), што і зрабіла набліжаны да Расіі Магілёў найбольш падыходзячым месцам для новага праваслаўнага цэнтра адукацыі. Аднак, з 1661 г. гэты горад вярнуўся пад кантроль Рэчы Паспалітай і дадзены праект стаў не актуальным [20, с. 174–175].

Само Магілёўскае Богаяўленскае брацтва пры гэтым здолела кансалідаваць тутэйшае праваслаўнае грамадства, стварыўшы дакладную сістэму яго арганізацыі. Пры кожным з гарадскіх храмаў утвараліся брацкія таварыствы, членам якіх маглі быць толькі прыхажане пэўнай царквы. Разам іх злучала падпарадкаванне «старэйшаму» брацтву, аднолькавыя статуты і брацкая школа, дзе не толькі вучыліся дзеці братчыкаў, але і яны самі збіраліся на ўласныя сходы: «Сходки бывают в братской школе при старших прихожанах. Каждый братчик должен представить на сходку чарку меду». У 1669 г. па ініцыятыве таго ж Богаяўленскага брацтва было ўтворана «малодшае» брацтва пры царкве св. Апостала і Евангеліста Іаана Багаслова, у склад якога ўваходзіла праваслаўная моладзь. Частка іх збораў таксама ішла на падтрымку дзейнасці друкарні і школы [21, с. 63–64].

Пазіцыі братчыкаў у Магілёве былі ўмацаваны 4 лютага 1676 г. прывілеям караля Яна III Сабескага, у якім пацвярджаліся ранейшыя правы мясцовай праваслаўнай школы, а таксама даваўся афіцыйны дазвол на выданне ў брацкай друкарні кніг на «рускай» ды польскай мовах [22, с. 92–93]. Прычым, цэлы шэраг з іх ужываўся ў брацкай школе – «Псалтыр» (1693), «Часаслоў» (1697), «Дзіёптра» (1698), «Перло многацэннае» К. Транквіліёна-Стаўравецкага (1699) і інш. [23, с. 102–105].

Цэлы шэраг заможных братчыкаў уваходзілі ў склад магістрату, што гарантавала школе падтрымку мясцовых улад – у ліпені 1683 г. за кошт горада для яе ўзвялі новы будынак. У кнігах Магілёўскай ратушы на гэты конт застаўся запіс: «28 дня. За розбіране школы братское поденщиком чотырем дали по асмаков (*дробная срэбная манета вагою каля 0,7 гр., іншыя назвы шэлег ці солід.* – А. С.) осмнадцать, за дни три дали золотых сем и асмаков шесть. За вожене того ж бербени, за дни два, дали Ивану по асмаков сорок,

чинить золотых два и асмаков двадцать девять. А на пироги тым же, асмаков шесть... 29 дня. За розказанем пана войта заплатили за школу братскую дали золотых пятьдесят» [24, с. 45–46]. Падтрымлівала кіраўніцтва Магілёва братства і ў іншых пытаннях. Так, у тых жа ратушных кнігах 11 ліпеня 1695 г. было запісана: «За росказанем пана войта и за ведомостю пана райцы скарбового, пану Василевскому, который приехал з Полоцка до Могилева учить хлопцов в школе брацкой по латине и спевать на хору в церкви, дали ему золотых десять» [25, с. 95].

Уплыў жа мясцовых царкоўных іерархаў на брацкую школу ў Магілёве заставаўся на ўзроўні першай паловы XVII ст. – ён абмяжоўваўся агульнай падтрымкай, без умяшання ў яе ўнутраныя справы ды вучэбную праграму. У якасці прыкладу тут можна прывесці, стаўшы ўзорам для яго пераемнікаў, урывак з пасвячэння ў духоўны сан І. Канановіча-Гарбацкага, кіраваўшага магілёўска-аршанска-мсціслаўскай епархіяй у 1647–1653 гг.: «По собственному обету, подтвержденному клятвою при вступлении на епископство, я обязан стараться о том, чтобы... процветали науки для образования юношества... дабы оно могло быть подпорою и служить святой Восточной Церкви...» [26, с. 26].

Ва ўмовах жа спынення асветніцкіх кантактаў з Кіевам, менавіта з Магілёўскай брацкай школай частка праваслаўнага грамадства Рэчы Паспалітай звязвала надзеі на стварэнне новай навучальнай установы вышэйшага тыпу. Так, у 1670 г. гетман П. Дарашэнка прапаноўваў: «Также другую академию в Могилёве Белорусском, или здесь в Украине, где к строению сущее обрящется место, дабы волно строити и чтоб та академия, как и Киевская, равным подобием, правами и волностями охранена была». Падобны ж пункт быў уключаны і ў інструкцыю паслам Войска Запарожскага на сейм 1670 г. [23, с. 88–89] Аднак, каталікі ды ўніаты яўна не жадалі мець на тэрыторыі Рэчы Паспалітай праваслаўны цэнтр вышэйшай адукацыі, а таму дадзенае хадайніцтва так і засталася на паперы.

Акрамя Полацка і Магілёва праваслаўнае насельніцтва ў іншых рэгіёнах Беларусі магло атрымліваць выключна пачатковую асвету ў адносна нешматлікіх прыходскіх школах пры манастырах і храмах. У Брэсце ў гэты час яны дзейнічалі ў манастырах св. Сімяона і Нараджэння Хрыста Збавіцеля. У Мінску – пры Успенскай царкве і пры Петрапаўлаўскім ды Мікалаеўскім манастырах. У Слуцку грамадзе вучылі пры Спаса-Праабражэнскім і Троіцкім манастырах. Таксама адпаведныя навучальныя ўстановы меліся пры Богаўленскай царкве ў Пінску, пры Цепрскім манастыры ў Навагрудскім павеце, Баркулабаўскім Узнясенскім і Буйніцкім Святадухаўскім манастырах пад Магілёвам і інш. [27, с. 57, 61] Асобныя школы атрымлівалі афіцыйныя гарантыі існавання. У 1669 г. Аршанскаму брацтву, напрыклад, былі прывілеям караля Міхала Вішнявецкага пацверджаны правы на навучанне: «словесным наукам» [28, с. 119].

Пераадолець узнікшую ў час вайны дэцэнтралізацыю і ўзмацніць кансалідацыю ацалелых праваслаўных абшчын паспрабавалі дэлегаты сходу

праваслаўных іерархаў і брацтваў, які адбыўся 19 жніўня 1681 г. у Новадворскім Успенскім манастыры пад Пінскам. Сваіх прадстаўнікоў сюды здолелі даслаць толькі брацтвы Вільны і Магілёва, што сведчыць аб гаротным стане астатніх. Прыехаўшыя са сталіцы ВКЛ братчыкі ў звароце да схода таксама адзначалі, што: «З-за розных бядотаў ды напасцяў непрывабных... брацтва прыйшло ў заняпад і ад яго амаль нічога не засталася...», а таму прасілі: «каб іншыя брацтвы... дапамаглі б сваім братам...». У выніку, асноўная роля па «абароне Праваслаўя» была ўскладзена на Магілёўскае і Слуцкае брацтвы, члены якіх абяцалі: «спрыяць гэтаму ўсімі ўласнымі магчымасцямі» [29, с. 53–56]. Разам з тым, сход у Новым Двары не быў у стане рэальна кансалідаваць праваслаўнае насельніцтва – Полацкі Богаўленскі манастыр, напрыклад, палічыў больш карысным атрымаць непасрэдную апеку з боку маскоўскага патрыярхату і ўвогуле не даслаў на яго сваіх прадстаўнікоў.

У цэлым жа, другую палову XVII ст., безумоўна, можна разглядаць як асобны этап эвалюцыі праваслаўнай адукацыі ў Беларусі. Яго галоўным адрозненнем ад папярэдняга перыяду з’яўляецца дэцэнтралізацыя школьнай справы і пераход значнай часткі навучальных устаноў пад непасрэдны кантроль мясцовых царкоўных улад. Важнай адметнасцю гэтага часу стаў і заняпад брацтваў. Прычым, не ўсе з іх лічылі асветніцкія пытанні першаснымі ва ўласнай дзейнасці – у Брэсце, Мінску і Слуцку, напрыклад, згадкі пра брацкія школы ў разглядаемых дзесяцігоддзі ўвогуле адсутнічаюць. Вынікам жа азначаных працэсаў стала пашырэнне манастырскіх вучылішчаў, якія канцэнтравалі ўвагу на падрыхтоўцы святароў, а міранам у большасці выпадкаў прапаноўвалі толькі пачатковую адукацыю.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Андрэева, Е. Г. Асвета і педагогічная думка Беларусі ў перыяд Рэчы Паспалітай / Е. Г. Андрэева. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 2000. – 73 с.
2. Mironowicz, A. Szkolnictwo prawosławne na ziemiach białoruskich w XVI–XVIII wieku / A. Mironowicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1994. – № 2. – S. 20–34.
3. Mironowicz, M. Szkoły bractw cerkiewnych na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVIII wieku / M. Mironowicz. – Białystok: AW EkoPress, 2019. – 557 s.
4. Голубев, С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Опыт исторического исследования: в 2 т. / С. Т. Голубев. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883–1898. – Т. 2. – 524 с.
5. Петров, Н. И. Киевская академия во второй половине XVII века / Н. И. Петров. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. – 177 с.
6. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной Руси: в 15 т. – СПб., 1863–1892. – Т. 6: 1663–1668 гг. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1869. – 279 с.
7. Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов: в 3 т. – Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владими-ра, 1897–1898. – 1897. – Т. 2. – С. 381–616.
8. Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДІАУЛ). – Фонд 129. – Воп. 1. – Спр. 610.
9. Сцепуро, Д. Виленское Свято-Духовское братство в XVII и XVIII столетиях / Д. Сцепуро. – Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1899. – 183 с.

10. Акты издаваемые комиссиею, Высочайше учреждённою для разбора древних актов в Вильне: в 39 т. – Вильна, 1865–1915. – Т. IX: Акты Виленского земского суда. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1878. – XXI, 591 с.

11. *Пашкевич, М. М.* Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское братство: (исторический очерк) / М. М. Пашкевич. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1890. – 114 с.

12. *Заборовский, Л. В.* Народно-освободительная война украинского народа и отношения католической, униатской и православной церкви в Восточной Европе в середине XVII в. / Л. В. Заборовский, Б. Н. Флоря // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в.: в 2 ч. / отв. ред. Б. Н. Флоря. – М.: Индик, 1996–1999. – Ч. 2.: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. – 1999. – С. 175–188.

13. *Татарский, И.* Симеон Полоцкий: его жизнь и деятельность. Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века / И. Татарский. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1880. – 342 с.

14. *Полоцкий, С.* Вирши / С. Полоцкий / сост. В. К. Былинина [и др.]. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – 447 с.

15. *Сазонова, Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 896 с.

16. *Ерёмин, И. П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург / И. П. Ерёмин // Полоцкий Симеон Избранные сочинения / С. Полоцкий. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – С. 223–260.

17. Витебская старина: в 5 т. / сост. А. П. Сапунов. – Витебск: Тип. губернского правления, 1883–1888. – Т. 5. – Ч. 1: Материалы для истории Полоцкой епархии. – 1888. – CLXVII, 650 с.

18. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841–1872. – Т. 4: 1645–1676 гг. – 1842. – III, 565 с.

19. *Сагановіч, Г.* Невядомая вайна: 1654–1667 / Г. Сагановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 144 с.

20. *Аскоченский, В.* Киев с древнейшим его училищем Академией: в 2 ч. – СПб.: Унив. Тип., 1856. – Ч. 1. – 370 с.

21. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / сост. и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре: Тип. Губернского правления, 1882–1884. – Кн. 1. – 1882. – 782 с.

22. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. – Вильно, 1867–1904. – Т. 2. – Вильно: Печатня Губернского правления, 1867. – XV, 258 с.

23. *Жудро, Ф. А.* История Могилевского Богоявленского братства / Ф. А. Жудро. – Могилев на Днепре: Скоропечатня и Литография Ш. Фридланда, 1890. – 112 с.

24. Историко-юридические материалы, извлечённые из актов книг губерний Витебской и Могилёвской: в 32 т. – Витебск: Тип. Губернского правления, 1871–1906. – Т. 2: Приходо-расходные книги г. Могилева за 1683–1684 гг.; Акты, извлечённые из книг Витебского земского суда за 1628–1731 гг. – 1871. – 376 с.

25. Историко-юридические материалы, извлечённые из актов книг губерний Витебской и Могилёвской: в 32 т. – Витебск: Тип. Губернского правления, 1871–1906. – Т. 10: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1695 г.; Акты, извлечённые из книг Могилевского магистрата за 1646–1706 гг. – 1879. – 544, VIII с.

26. *Крачковский, Ю. Ф.* Очерки униатской церкви / Ю. Ф. Крачковский // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Универ. типография, 1871. – Кн. 1. – С. 1–150.

27. *Mironowicz, A.* Bractwa cerkiewne Rzeczypospolitej / *A. Mironowicz.* – Białystok: Bractwo Prawosławne Sw. Sw. Cyryla i Metodego, 2003. – 214 s.

28. *Бантыш-Каменский, Н. Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии / *Н. Н. Бантыш-Каменский.* – Вильно: Тип. А. Сыркина, 1864. – 410 с.

29. Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе: в 8 ч.; 35 т. – Киев, 1859–1914. – Ч. 1: Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси. – Т. 4. – Киев: Университетская тип., 1871. – 746 с.

(Дата падачы: 11.02.2020 г.)

К. В. Стволыгин

Белорусский государственный университет, Минск

K. V. Stvolysin

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(47)

РОЛЬ VIII (V) ОТДЕЛА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ РСФСР В УЗАКОНЕНИИ И СВЕРТЫВАНИИ ПРАКТИКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ОТ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ УБЕЖДЕНИЯМ

THE ROLE OF THE VIII (V) DEPARTMENT OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF JUSTICE OF THE RSFSR IN LEGALIZING AND CURTAILING THE PRACTICE OF RELEASING SOVIET CITIZENS FROM MILITARY SERVICE ON RELIGIOUS GROUNDS

Рассматривается проблема освобождения советских граждан от военной службы по пацифистским убеждениям. Освещаются основные результаты исследования роли VIII (V) отдела Народного Комиссариата Юстиции РСФСР в узаконении и свертывании практики освобождения советских граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям.

Ключевые слова: пацифистские религиозные убеждения; освобождение от воинской повинности; сектанты; Народный Комиссариат Юстиции РСФСР; альтернативная служба.

The problem of liberation of soviet citizens from military service based on pacifist beliefs is considered. Highlights the main results of the study of the role of the VIII (V) Department of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR in legalizing and curtailing the practice of releasing soviet citizens from military service for religious beliefs.

Key words: pacifist religious beliefs; exemption from military service; sectarians; People's Commissariat of Justice of the RSFSR; alternative service.

В настоящее время одним из международных стандартов в области прав человека выступает право граждан на отказ по убеждениям от обязательной

военной службы и ее замена альтернативной гражданской службой. В Республике Беларусь право на такое освобождение и прохождение альтернативной службы закреплено Законом Республики Беларусь «Об альтернативной службе», вступившим в силу с 1 июля 2016 г. Однако изучение зарубежного и отечественного опыта освобождения граждан от военной службы вследствие убеждений позволяют с большой долей вероятности предположить, что в современных условиях углубление процессов демократизации общества, с одной стороны, и нарастание военных угроз, с другой, неизбежно потребует дальнейшего совершенствования института альтернативной службы. В процессе такого совершенствования ключевое значение имеет обеспечение необходимой научной информацией законодательных, исполнительных и судебных органов; граждан, имеющих пацифистские убеждения. Получение такой информации предполагает проведение полномасштабных научных исследований, важное место среди которых должны занять исторические исследования. Несомненный интерес в этой связи представляет деятельность ряда советских государственных и общественных организаций, от которых в большей степени зависела практика освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям. К числу таких организаций относился Народный Комиссариат Юстиции РСФСР (Наркомюст) и его VIII (с 1922 г. V) отдел, призванный осуществлять ликвидацию прежних, дореволюционных государственно-церковных отношений и оказывать помощь органам власти в пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений. Показ роли VIII (V) отдела Наркомюста РСФСР в узаконении и свертывании практики освобождения советских граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям является целью данной статьи.

К лету 1918 г. в Советской России сложились как объективные, так и субъективные предпосылки для узаконивания освобождения от воинской повинности по убеждениям. С осени 1918 г. практика освобождения от военной службы по религиозным убеждениям в РСФСР перестает быть негласной и узконаправленной [Подробнее см. 1]. Таким образом, назрела необходимость узаконить практику освобождения от воинской повинности по религиозным убеждениям. В подготовке и последующем принятии соответствующего законодательного акта ведущая роль отводилась Наркомюсту и Объединенному Совету религиозных общин и групп (Объединенный Совет) [Подробнее см. 2].

VIII отдел Наркомюста подготовил справку, датированную 10 декабря 1918 г. и подписанную его руководителем П. А. Красиковым, в которой излагались подходы Наркомюста к вопросам освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям. В VIII отделе Наркомюста считали, что органом, принимающим окончательное решение об освобождении граждан от военной службы по религиозным убеждениям, может быть только Народный суд с присяжными заседателями. При этом допускалось участие в судебном разбирательстве экспертов от Объединенного Совета религиозных общин и групп. Этим функции Объединенного Совета исчерпывались.

Иначе, как считали в VIII отделе, вопросы освобождения от военной службы будут решаться заинтересованными лицами-сектантами, а этого допускать нельзя. VIII отдел Наркомюста предлагал также урезать гражданские права сектантов, отказывающихся от воинской повинности. Предлагалось лишать этих граждан права пользоваться землей, поскольку они не хотят защищать ее, избирать и быть избранными в советские учреждения, не распространять на «отказников» действие законов социального обеспечения. Более того, VIII отделом ставился вопрос о выселении сектантов, отказывающихся проходить военную службу, с территории Советской республики. При этом в справке Наркомюста отказывающиеся от воинской повинности сектанты именовались «пассивно-лицемерными и антиобщественными элементами» [3, л. 204]. VIII отдел Наркомюста особо подчеркивал в своей справке возможные негативные последствия от политики уступок в области освобождения от воинской повинности по религиозным убеждениям. По мнению представителей Наркомюста, в результате этих уступок в России могло возрасти число религиозных сект, отвергающих военную службу, увеличиться количество граждан, отказывающихся от воинской повинности по религиозным убеждениям. Высказывалось предположение, что правом замены воинской повинности другой гражданской обязанностью, скорее всего, воспользуются религиозные секты, ранее допускавшие для своих членов прохождение военной службы. Кроме этих, своего рода ситуативных причин, позиция VIII отдела Наркомюста обуславливалась и идеологическими принципами, лежащими в основе политики Советского государства: во-первых, непримиримая борьба с религией, во-вторых, неукоснительный долг каждого гражданина с оружием в руках защищать это государство. Таким образом, пацифистские религиозные убеждения, ведущие к отказам от военной службы, изначально входили в двойное противоречие с коммунистической идеологией.

4 января 1919 г. был принят декрет Совета Народных Комиссаров (СНК), получивший название «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». В декрете нашло отражение пожелание VIII отдела Наркомюста о том, чтобы окончательное решение об освобождении граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям принимал Народный суд. Однако в декрет не вошло предложение VIII отдела Наркомюста об ограничении в правах лиц, отказывающихся от военной службы по религиозным убеждениям.

При реализации декрета СНК от 4 января 1919 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» VIII отдел Наркомюста, занимающийся непосредственно проведением в жизнь этого декрета, исходил из установки, «что вся судьба и практика закона от 4 января 1919 г. в значительной степени стояли в зависимости от умения и возможности практически, в жизни, на суде разграничивать два вида дезертирства» [4, с. 86]. Дезертирство по искренним религиозным убеждениям, не совместимым с участием в войне, и дезертирство, прикрываемое декретом от 4 января

1919 г. При этом в VIII отделе Наркомюста считали, что на практике эти два вида дезертирства сплошь и рядом переходят один в другой. Это еще больше затрудняло их разграничение народными судами.

В первые месяцы действия декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» Наркомюст не принимал каких-либо мер к тому, чтобы курируемые им органы (в число задач Наркомюста входили организация и инструктирование органов суда, следствия, защиты и обвинения) в чем-то отступали от положений данного декрета. В этот период народные суды, принимая решения по делам об освобождении от военной службы вследствие религиозных убеждений, целиком опирались на результаты экспертиз, проведенных Объединенным Советом. К лету 1919 г. положение дел начинает меняться. Представители VIII отдела Наркомюста приходят к выводу, что задачу по разграничению двух видов дезертирства народные суды решают далеко не всегда правильно. В результате этого дезертиры используют декрет СНК от 4 января 1919 г. в своих корыстных целях. Первопричину такого положения дел в VIII отделе Наркомюста усматривали в деятельности Объединенного Совета, который, якобы, снабжал всех желающих удостоверениями об искренности религиозных убеждений, отрицающих участие в военном деле. Отчитываясь перед VIII Всероссийским съездом Советов, представители VIII отдела Наркомюста отмечали, что формулировка декретом Совнаркома от 4 января 1919 г. прав и обязанностей Народного суда при разборе дел «отказников» позволила заинтересованной стороне – Объединенному Совету религиозных общин и групп получить как бы санкционированную государством монополию на проведение экспертиз по всем делам, связанным с отказом от военной службы по религиозным убеждениям. VIII отдел охарактеризовал Объединенный Совет как «довольно бесформенное, анархическое частное соединение с преобладанием мещанских интеллигентских групп и лиц», не удержавшихся на высоте задачи, поставленной перед ним Советской властью [5, с. 86]. Кроме того, в VIII отделе Наркомюста считали, что Объединенный Совет, вопреки принципам декрета СНК от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства, стремится получить статус государственной организации и сравняться по своему положению с VIII отделом Наркомюста или даже стать выше него в делах по освобождению граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям [6, с. 14.].

В сложившейся ситуации VIII отдел Наркомюста принимает меры для устранения выявленных им дефектов в практике освобождения граждан от военной службы по религиозным убеждениям. Для этого отделом используется предоставленное ему право издания правительственных актов в развитие, дополнение и разъяснение декрета. Начиная с июля 1919 г. Наркомюст издал ряд циркуляров, основной смысл которых сводился к лишению Объединенного Совета монопольного права на проведение экспертиз по делам об освобождении граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям. Так, циркуляр Наркомюста № 172 от 6 августа 1920 г., предоставлял народным

судам право приглашать для проведения экспертиз не только представителей Объединенного Совета, но и представителей других религиозных организаций, советских учреждений, компетентных в данном деле [7, л. 10.]. По замыслу VIII отдела Наркомюста это должно было вывести народные суды из зависимости от содержания экспертиз, проводимых Объединенным Советом. Под влиянием циркуляров Наркомюста народные судьи, первоначально с сочувствием относившиеся к «отказникам» и выносившие приговоры по их делам, опираясь на результаты экспертиз Объединенного Совета, изменили свое отношение и к «отказникам», и к самому Объединенному Совету. Дело доходило до того, что «отказники» в судах становились «мишенью для глумлений, насмешек и издевательств вместо того, чтобы быть внимательно выслушанными» [8, л. 7, 12].

Предпринимаемые VIII отделом Наркомюста меры могли привести и привели к сокращению числа граждан, претендующих на освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям. Однако эти меры не могли прибавить объективности судам при рассмотрении дел об отказах от военной службы. Эксперты от государственных организаций (нередко это были работники Наркомата юстиции) [9, л. 5] в большинстве своем не обладали необходимыми знаниями различных религиозных вероучений, находились под влиянием коммунистической идеологии, враждебной любым религиозным убеждениям. Объективность представителей религиозных организаций, не входящих в состав Объединенного Совета, которые, по взглядам VIII отдела, могли проводить беспристрастные экспертизы, тоже была под вопросом. Эксперты от православных или католических религиозных организаций, допускающих участие своих членов в деле вооруженной защиты Отечества, вполне могли быть необъективны по отношению к представителям других религиозных конфессий, придерживающихся прямо противоположных взглядов.

Распоряжения Наркомюста, изменившие порядок рассмотрения народными судами дел об освобождении граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям, не нашли поддержки у Объединенного Совета религиозных общин и групп. По мнению представителей Объединенного Совета, циркуляры Наркомюста подрывали доверие народных судов к экспертной деятельности Совета, ограничивали сферу применения декрета СНК от 4 января 1919 г. В Объединенном Совете считали, что сотрудники VIII отдела Наркомюста нетерпимы к религиозным убеждениям, не понимают психологию верующих, рассматривают любые явления религиозной жизни, а значит и отказы от военной службы по религиозным убеждениям, «как нечто безусловно недопустимое и вредное, почти как государственное преступление» [10, л. 15].

14 декабря 1920 г. Советом Народных Комиссаров было принято постановление (декрет) об изменениях и дополнениях декрета СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». В соответствии с этим постановлением Объединенный Совет религиозных общин и групп

лишался монопольного права на проведение экспертиз религиозных убеждений граждан, желающих получить освобождение от военной службы. Таким образом, Объединенный Совет лишался статуса равноправного партнера государственных организаций в деле освобождения от военной службы по религиозным убеждениям и уже не мог сколько-нибудь серьезно противостоять VIII (V) отделу Наркомюста. Наркомюст получил, по сути, неограниченную свободу в проведении своей политики в области отказов от воинской повинности по религиозным убеждениям. Несмотря на то, что Гражданская война к тому времени вступила в завершающую стадию, политика эта по-прежнему была направлена на всяческое сокращение числа граждан, претендующих на освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям.

Ярким примером ограничения V отделом Наркомюста числа граждан, имеющих право на освобождение от военной службы по религиозным убеждениям, является его циркуляр № 237 от 5 ноября 1923 г. Характерная особенность этого документа – перечисление религиозных сект, вероучения которых, по взглядам Наркомюста, включали в себя обязательный отказ от прохождения военной службы. К таким сектам были отнесены: духоборы (староуховцы, вериговцы, постники, или белые), меннониты (потомки выходцев из Голландии и Германии), молокане (субботники, прыгуны и общие), нетовцы (бегуны, или странники, только принявшие, так называемое, второе крещение. Из содержания циркуляра выходило, что представители других религиозных сект права на освобождение от военной службы не имели. Исповедуемые ими вероучения, якобы, допускали несение военной службы. Правда, примечание к перечню религиозных сект в циркуляре Наркомюста № 237 допускало, что от воинской повинности могут освобождаться и представители других религиозных сект. Однако для такого освобождения было необходимо, чтобы сам заявитель или его семья пострадали при царизме за отказ от военной службы по религиозным убеждениям [11, с. 214]. Это условие на практике вело к тому, что данное примечание фактически не действовало. Ибо сектанты, призываемые в 20-е годы в Красную Армию, при царизме могли быть еще детьми и не могли лично пострадать за отказ от военной службы. Ссылка на семью означала, что право на освобождение от военной службы по религиозным мотивам рассматривалось Наркомюстом как наследственное. От исполнения циркуляра Наркомюста № 237 в значительной степени страдали толстовцы, которые не попадали под его действие.

В 1924 г. V (до 1922 г. VIII) отдел Наркомюста упраздняется как выполнивший стоящие перед ним задачи. К этому времени были достигнуты его основные цели, в том числе и в области освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям. В Закон СССР об обязательной военной службе от 18 ноября 1925 г., пришедший на смену декретам СНК от 4 января 1919 г. и 14 декабря 1920 г., было внесено ключевое положение из циркуляра № 237, ограничивающее право граждан на освобождение от военной службы по религиозным убеждениям. В 216-й статье этого Закона

записано, что освободиться от обязательной военной службы могут только «граждане, входящие по рождению и воспитанию в состав семей, принадлежащих к сектам, религиозные учения которых запрещают в настоящее время и запрещали до 1917 г. отбывание военной службы с оружием в руках» [12, с. 379]. Успешно для VIII (V) отдела Наркомюста завершилось его противостояние Объединенному Совету религиозных общин и групп. В 1922 г. Советское правительство признало контрреволюционным характер деятельности Объединенного Совета и распустило его.

Итогом советской государственной политики в отношении граждан, отказывающихся по убеждениям от прохождения военной службы, инициированной VIII (V) отделом Наркомюста, стало полное отсутствие по результатам призывов 1937–1938 гг. официально зафиксированных заявлений от призывников, содержащих такие отказы. Как следствие этого Закон о всеобщей воинской обязанности, принятый 1 сентября 1939 г., обязывал всех мужчин – граждан СССР без различия вероисповедания отбывать военную службу в составе Вооруженных Сил СССР.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Необходимость введения практики освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям в первые годы существования Советского государства была обусловлена ролью и местом в обществе религиозного сектантства, содержанием сектантских вероучений, провозглашенной в Советской стране свободой совести.

2. Деятельность VIII (V) отдела Наркомюста РСФСР, как и ряда других государственных организаций, была сориентирована на то, чтобы рассматривать случаи отказов от военной службы, пусть даже и по религиозным убеждениям, преимущественно как антисоветские проявления. Соответственно, с «отказниками» велась борьба всеми возможными методами, вплоть до привлечения их к уголовной ответственности.

3. Главной целью политики, реализуемой VIII (V) отделом Наркомюста РСФСР в отношении граждан, отказывающихся от воинской повинности по религиозным убеждениям, было максимальное сокращение численности таких граждан.

Список использованных источников

1. *Стволыгин, К. В.* Законодательное закрепление права граждан на освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике / К. В. Стволыгин // Научные труды РИВШ: сб. науч. ст. Вып. 19. – Минск: РИВШ, 2019. – Ч. 2: Исторические и педагогические науки. – С. 84–90.
2. *Стволыгин, К. В.* Роль Объединенного совета религиозных общин и групп в становлении института альтернативной службы в Советском государстве / К. В. Стволыгин // Научные труды РИВШ: сб. науч. ст. Вып. 14: в 2 ч. – Минск: РИВШ, 2014. – Ч. 1: Исторические и психолого-педагогические науки. – С. 261–267.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд А353. – Оп. 2. – Д. 696.
4. Отчет VIII (ликвидационного) отдела Народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду Советов // Революция и церковь. – 1919. – С. 9–12.

5. Отчет VIII (ликвидационного) отдела Народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду Советов // Революция и церковь. – 1919. – С. 9–12.
6. Урсынович, С. К вопросу об освобождении от воинской повинности по религиозным мотивам / С. Урсынович // Революция и церковь. – 1923, 1–3. – С. 13–16.
7. Государственный музей истории религии (ГМИР). – Фонд 2. – Оп. 23. – Д. 31.
8. Государственный музей истории религии (ГМИР). – Фонд 2. – Оп. 23. – Д. 31.
9. Государственный музей истории религии (ГМИР). – Фонд 2. – Оп. 23. – Д. 45.
10. Государственный музей истории религии (ГМИР). – Фонд 2. – Оп. 23. – Д. 31.
11. Гидулянов, П. В. Отделение церкви от государства в СССР: Полн. сб. декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Совета РСФСР и др. Советских Социалистических Республик: У.С.С.Р., Б.С.С.Р., З.С.Ф.С.Р., Узбек. и Туркм. / Под ред. П. А. Красикова / П. В. Гидулянов. – Изд. 3-е, вновь перераб. и доп. узаконениями и распоряжениями по 15 мая 1926 г. — М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. – 712 с.
12. Гидулянов, П. В. Отделение церкви от государства в СССР: Полн. сб. декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Совета РСФСР и др. Советских Социалистических Республик: У.С.С.Р., Б.С.С.Р., З.С.Ф.С.Р., Узбек. и Туркм. / Под ред. П. А. Красикова / П. В. Гидулянов. – Изд. 3-е, вновь перераб. и доп. узаконениями и распоряжениями по 15 мая 1926 г. — М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. – 712 с.

(Дата подачи: 17.02.2020 г.)

Е. С. Стройлова

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. S. Stroilava

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 940:37

АНАЛИЗ КНИГ ПО ИСТОРИИ, ИЗДАННЫХ В ВИЛЕНСКОЙ ТИПОГРАФИИ В XVIII В. И ПЕРЕДАННЫХ В БИБЛИОТЕКУ ГЛАВНОЙ ЛИТОВСКОЙ ШКОЛЫ

ANALYSIS OF HISTORY BOOKS PUBLISHED IN THE VILNIUS PRINTING HOUSE IN THE 18TH CENTURY AND TRANSFERRED TO THE LIBRARY OF THE MAIN LITHUANIAN SCHOOL

Предметом рассмотрения в статье являются книги по истории, которые были изданы в Виленской типографии на протяжении XVIII в. и направлены в библиотеку Главной литовской школы в качестве обязательных экземпляров. В качестве основного источника используется сводный каталог изданий Виленской типографии, подготовленный литовскими исследователями («Vilniaus akademijos spaustuves leidiniai 1576–1805»). В статье дается классификация книг по содержанию, в некоторых случаях уточняется время и обстоятельства их издания. Актуальность темы статьи обусловлена отсутствием работ по данной проблематике в белорусской историографии.

Ключевые слова: библиотека; Великое княжество Литовское; Виленская типография; Главная литовская школа; История; Книга; Польша; Речь Посполитая.

The subject of this article is history books, which were published in the Vilnius printing house during the 18th century and sent to the library of the Main Lithuanian School as required copies. The main source is the consolidated catalog of publications of the Vilnius Printing House, prepared by Lithuanian researchers ("Vilniaus akademijos spaustuves leidiniai 1576-1805"). The classification of books by content is given in the article; in some cases the time and circumstances of their publication are specified. The relevance of the topic of the article is due to the lack of work on this issue in Belarusian historiography.

Key words: library; Grand Duchy of Lithuania; Vilna Printing House; Lithuanian main school; History; Book; Poland; Polish-Lithuanian Commonwealth.

Культурная ситуация на восточнославянских землях Речи Посполитой отличалась в XVIII в. сложностью и противоречивостью. В это время на землях современной Беларуси в делопроизводстве польский язык вытеснил старобелорусский, продолжался процесс окатоличивания белорусской шляхты, закрывались братские школы. В то же время на землях Беларуси ощущалось веяние идей Просвещения, в частности, расширялось изучение истории. Католическая и Греко-католическая (униатская) церкви создали сеть учреждений образования, обучение в которых было доступно представителям разных слоев населения. Современный белорусский исследователь А. А. Суша пишет: «Прадстаўнікамі грэка-каталіцкага духавенства былі дасягнуты значныя поспехі ў сферы вывучэння гістрычнага мінулага роднага краю. [...] Яна [Грэка-каталіцкая царква. – Е.С.] пакінула нашчадкам вельмі багатую кніжную спадчыну. Аднак спадчына гэта дасюль яшчэ слаба даследавана, амаль не ўлічана» [1, с. 44].

Рассматриваемая статья посвящена обзору книг по истории, которые издавались в XVIII в. в Виленской типографии (1575–1805 гг.) и направлялись в библиотеку Главной литовской школы в качестве обязательных экземпляров. В качестве основного источника нами был взят каталог «Vilniaus akademijos spaustuves leidiniai 1576–1805» [3], который сегодня хранится в отделе редкой книги и старопечатных изданий Национальной Библиотеки Беларуси. Актуальность данной темы обусловлена тем фактом, что анализ книг по истории позволяет составить представление и об интеллектуальных запросах элит тогдашней Беларуси.

Библиотека Главной литовской школы была представлена литературой разных направлений. Современный исследователь Н. Ю. Березкина пишет: «В первые два столетия книжные собрания библиотеки росли медленно: с 1579 по 1773 гг. фонд библиотеки увеличился с 4,5 до 11 тысяч экземпляров. Но даже располагая такими «скромными фондами», библиотека [...] причислялась к наиболее крупным и известным в Европе» [2, с. 56]. В каталоге «Vilniaus akademijos spaustuves leidiniai 1576–1805» представлено 3265 книг XVI–XVIII вв. разных направлений (история, богословие, математика, филология и т. д.). Для анализа был взят третий раздел каталога: книги, изданные в XVIII в. (1936 книг). Из них для рассмотрения нами было отобрано 254 книги по истории. Это книги, документы, речи, поздравления и т. д.

Практически все книги Виленская типография издавала латинским и готическим шрифтом. Из привлеченных нами для анализа большинство книг

было напечатано на польском языке (214 книги). На латинском было издано 33 книги, на литовском – 3, на русском – 4.

98 книг было издано в первой половине XVIII в., во второй половине XVIII в. – 155 книги. Точный год издания одной книги не указан. Однако есть ссылка на XVIII в.

В результате исследования книги по истории были распределены нами по следующим темам:

1. *История Великого княжества Литовского и Польского королевства* (48): собственно исторические сочинения, документальные материалы, международные договоры, указы правителей, информация статистического и финансового характера и т. д. Раздел включает 39 книг о провинциях Великого княжества Литовского, о налоговых и праздничных днях, о тарифах по отношению к польским и литовским монетам и пр. Сюда относятся речи значимых людей (государственного и военного деятеля ВКЛ Яна Казимира Сапеги, польского магната Игнатия Потоцкого, польского композитора и политического деятеля Михаила Огинского и пр.). Большинство рассматриваемых документов и книг изданы на польском языке (34), 4 – на латинском, 1 – на литовском. 17 книг изданы в первой половине XVIII в.; 22 – во второй половине XVIII в.

История Польши представлена 9 книгами на польском (7) и латинском (2) языках. 4 книги изданы в первой половине XVIII в.; 5 – во второй половине XVIII в.

2. *Риторические произведения, затрагивающие исторические события* (33): в большинстве своем это речи, произнесенные на свадьбах и похоронах представителей знатных родов Речи Посполитой (Радзивиллов, Тышкевичей, Огинских и т. д.). С исторической точки зрения данные издания интересны тем, что в них могут упоминаться определенные исторические события, связанные с затрагиваемой личностью. Речи на свадьбе (5) изданы на польском (4) и латинском (1) языках в первой половине XVIII в. Речи на похоронах (28) – на польском (27) и латинском (1, вторая половина XVIII в.). Время издания польских текстов – первая половина (8) и вторая половина (19) XVIII в.

3. *Политические документы* (26): к документам ВКЛ (23) относятся таможенные инструкции, политические высказывания, политический календарь и пр. Также сюда относятся правила для правящих монархов с политическими предостережениями, Статуты Великого княжества Литовского, правила наследования и краткое содержание некоторых конституций Великого княжества Литовского. Документы и книги были изданы на латинском (2) и польском (21) языках. На первую половину XVIII в. приходится 6 изданий на польском языке. Во второй половине XVIII в. было издано 2 книги на латинском и 15 на польском языке.

К политическим документам Польши (1) относится проект комиссаров Республики Польши для обсуждения пределов сейма конфедеративными государствами, изданный во второй половине XVIII в. на польском языке.

Политические документы других стран представлены 2-мя изданиями на польском языке: инструкция по выступлениям на сеймах для латиноамериканских выступлений (первая половина XVIII в.) и политический календарь с описанием вероисповеданий, представленных в Европе (вторая половина XVIII в.).

4. *Всеобщая история (18)*: это учебники по всеобщей истории для разных классов школ, краткий обзор политической жизни королевств. В книгах была представлена информация о законах, ремеслах, торговле, промышленности. Издавались также выдержки из классических авторов для получения соответствующего образования и т. д. Все 18 книг были изданы во второй половине XVIII в. на польском языке.

5. *Жития святых (18)*: здесь представлена история жизни выдающихся с духовной точки зрения католических святых (святой Винсент Феррер; папа римский Климент; святой Винсент де Поль и др.). Из 18 книг, изданных на польском языке в первой (9) и второй (9) половине XVIII в. ни одно житие не повествует о православном святом.

6. *История церкви (17)*: с перспективы Польского Королевства (2): затрагиваются вопросы о распространении католической веры и отношении к ней (латинский, первая половина XVIII в.), также поднимается проблема религиозных праздников, относящихся к католическим орденам (латинский, первая половина XVIII в.). С перспективы ВКЛ (15) уделяется внимание положению католичества и католической церкви в государстве; свободы прав дворянства и духовенства и пр. Из данных 15 книг, изданных на польском (12), латинском (2) и литовском (1) языках, 7 книг было издано в первой, а 8 – во второй половине XVIII в.

7. *История соседних стран (16)*: данные книги посвящены истории России, Швеции, Турции и других стран, с которыми Речь Посполитая находилась в активном политическом взаимодействии. Из 16 книг 5 издано на латинском языке, 11 – на польском; 9 – в первой половине XVIII в., 7 – во второй половине XVIII в.

8. *Судопроизводство (14)*: это постановления для судов различных городов Речи Посполитой и для высших судов, Трибунал ВКЛ, Трибунал в Варшавском сейме, Порядок дел в Генеральном суде ВКЛ, Порядок дел в Трибунале ВКЛ сеймовых конституций; книги о достоинстве судей и судов, о судебном процессе в трибунале и т. д. Все книги изданы на польском языке в первой (6) либо второй (8) половине XVIII в.

9. *Биографии представителей знати (13)*: данный раздел представлен книгами о представителях рода Сапег, Радзивиллов и других знатных фамилий Короны и Княжества. Книги изданы на польском (12) и латинском (1) языках. Время издания – первая (1) и вторая (10) половина XVIII в., точное время издания двух книг неизвестно.

10. *Биографии епископов (10)*: в книгах дается информация о католическом епископе Виленском Игнатии Масальском; католическом епископе, первом

архиепископе Могилевском Станиславе Богуше-Сестренцевиче; краковском епископе Станиславе Щепановском и др. Наряду с книгами встречаются приветственные письма от епископов, описание их деятельности на соборе и прочих мероприятиях. Издания вышли на латинском (6) и польском (4) языках в первой (1) и второй (9) половине XVIII в.

11. *Библейская история* (8): библейская история представлена ветхозаветным и новозаветным повествованиями, предназначенными для прочтения с католическим уклоном. Книги данной тематики были изданы в первой (5) и второй (3) половине XVIII в. на латинском (1) и польском (7) языках. На польском языке было издано 7 Евангелий.

12. *Труды по географии* (6): здесь собраны труды, связанные с географией, природными особенностями разных стран, описаниями путешествий и пр. Книги изданы на польском языке во второй половине XVIII в.

13. *Речи знаменитых людей* (6): представлены речи политических деятелей, имеющие исторический характер. 2 книги изданы на польском языке в первой половине XVIII в., 4 – на русском языке во второй половине XVIII в. Таким образом, здесь впервые в работе Виленской типографии появляются издания, отражающие новые реалии – вхождение восточнославянских земель Речи Посполитой в состав Российской империи.

14. *Исторические документы иезуитов* (6): в библиотеке Главной литовской школы находились иезуитские календари на високосный год 1740 г., а также несколько экземпляров устава ордена иезуитов. Книги были изданы в первой (2) и второй (4) половине XVIII в. на польском языке (6).

15. *Военная история* (5): военную историю представляют издания о победе короля Яна III Собесского над турками под Веной в 1683 г. (на польском языке, вторая половина XVIII в.). К данной литературе относится также письмо Тадеуша Костюшко, адресованное повстанцам на территории Великого княжества Литовского (на литовском языке, вторая половина XVIII в.). Кроме того, в первой (1) и второй (2) половине XVIII в. Виленская типография издала на польском языке 3 книги военно-теоретического характера.

16. *Значимые личности иностранных стран* (4): в данном разделе представлены издания, связанные с деятельностью различных европейских правителей, например, короля Франции Людовика XV, короля Пруссии Фридриха II и др. Книги были изданы на латинском (3) и польском (1) языках в первой (2) и второй (2) половине XVIII в.

17. *Значимые личности Польши* (3): в данном разделе представлена история польского короля Станислава II Августа и иных политических деятелей. 3 книги изданы на латинском языке. Из них 2 книги – во второй половине XVIII в., точная дата издания одной из книг неизвестна.

18. *Художественная литература исторического характера* (2): к данной категории относятся трагедия про Тадеуша Костюшко и художественное произведение про сарматский мир. Книги изданы на польском языке (2) в первой (1) и второй (1) половине XVIII в.

19. *Религиозность в других странах (1)*: сюда относится книга на латинском языке про благотворительность среди верующих христиан в Китае, которая была издана в первой половине XVIII в.

Итак, в XVIII в. в библиотеке Главной литовской школы находилось 254 книг по истории, изданных в Виленской типографии в XVIII в. на польском (214), латинском (33), литовском (3) и русском (4) языках. По содержанию книги подразделяются на 19 тем: история Великого княжества Литовского и Польского королевства (48); риторические произведения, затрагивающие исторические события (33); политические документы (26); всеобщая история (18); жития святых (18); история церкви (17); история соседних стран (16 книг); судопроизводство (14 книг); биографии представителей знати (13 книг); биографии епископов (10 книг); библейская история (8); труды по географии (6); речи знаменитых людей (6); исторические документы иезуитов (6); военная история (5); значимые личности иностранных стран (4); значимые личности Польши (3); художественная литература исторического характера (2); религиозность в других странах (1). В первой половине XVIII в. было издано 98 книг, 155 – во второй половине XVIII в. Точный год издания одной книги не указан, однако есть указания на ее издание в XVIII в.

На основании изданий Виленской типографии, представленных в Главной литовской школе, можно сделать некоторые выводы об интеллектуальных запросах элиты Великого княжества Литовского (в том числе и уроженцев белорусских земель) в области истории. В XVIII в. просвещенных читателей больше всего интересовала отечественная литература по истории (история Великого княжества Литовского и Польского королевства). Пользовались спросом риторические сочинения, затрагивающие исторические события, а также документы политического, статистического, финансового и подобного характера. Реже встречаются книги по церковной истории и истории соседних стран, а также географические сочинения, описания путешествий и пр. В целом можно сделать вывод, что круг чтения по истории определялся веяниями эпохи Просвещения, с ее интересом к рациональному. Язык рассмотренных изданий показывает безраздельное господство польского языка и культуры. Данная литература формировала идеологические и политические позиции интеллектуальной элиты Речи Посполитой, в том числе и на востоке этого государства – на землях современной Беларуси.

Список использованных источников

1. Суша, А. А. Проблемы ідэнтыфікацыі і ўліку кніжнай спадчыны грэка-каталіцкай царквы ў Беларусі / А. А. Суша // *Здабыткі: Дакументальныя помнікі на Беларусі*; склад. Л. Г. Кірухіна. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2006. – С. 44–71.
2. Березкина, Н. Ю. Библиотеки и распространение научных знаний в Беларуси: XVI–XX вв. / Н. Ю. Березкина. – Минск: Беларуская навука, 2011. – 520 с.
3. Cepiene, K. Vilniaus akademijos spaustuves leidiniai 1576–1805. Bibliografija / K. Cepiene. – Vilnius: Mokslas, 1979. – 540 p.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

О. Г. Субботин

Белорусский государственный педагогический университет, Минск

O. Subbotin

Belarusian State Pedagogical University after Maxim Tank, Minsk

УДК 943.085

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

THE QUESTION OF STATE TERRITORIAL STRUCTURE OF WEIMAR GERMANY

Статья раскрывает характерные черты и особенности государственно-территориального устройства Веймарской республики в контексте современной академической дискуссии о проблеме соотношения в ней федеративных и унитарных элементов. Автор акцентирует внимание на таких понятиях, как «пруско-германский дуализм», «унитарный федерализм», «партийный федерализм», «суверенитет», «имперская реформа». Поставлен вопрос о степени политизации веймарского федерализма и его интегративных свойствах.

Ключевые слова: Веймарская республика; федерализм; унитаризм; партикуляризм; прусско-германский дуализм; имперская реформа.

The article reveals the characteristic features of the state territorial structure of the Weimar Republic in the context of the ongoing academic discussion of the correlation between federal and unitary elements. The author focuses on concepts of "Prussian-German dualism", "unitary federalism", "party federalism", "sovereignty" and "Reichsreform". The question is raised about the degree of politicization of Weimar federalism and its integrative properties.

Key words: Weimar Republic; federalism; unitarism; particularism; Prussian-German dualism; Reichsreform.

В последние годы в историографии ФРГ появился ряд крупных научных работ полемикаческого характера, посвященных федерализму в Веймарской республике, в рамках которых предпринята попытка систематизации и ревизии накопленного гуманитарными науками материала в русле новейших методологических подходов, с учетом текущей полемики¹ в немецком обществе о реформе федеративных отношений [1; 2]. Это стало побудительным мотивом для автора данной статьи обратиться к дискуссионному полю проблемы с целью анализа национально-государственных особенностей веймарского федерализма в контексте его рефлексии современниками. Источниковой базой исследования являются профильные труды крупных немецких ученых Г. Шульца, М. Штолляйса, Х. Хольсте, Ш. Отера, К. Гузи [3–7] и др.

Ноябрьская революция 1918–1919 гг. стала значимой вехой в истории немецкой государственности: монархия уступила место республике, а гегемонический федерализм образца 1871 г. – «унитарному федерализму»²,

¹ Своими корнями она уходит в 1920-е гг.

² С элементами асимметрии, если принять во внимание порядок распределения голосов в рейхсрате и скрытый гегемонический статус Пруссии.

не претендующему на роль конституционно-политической максимы. Ввиду конструктивных недостатков и лабильности он не обладал консолидирующей общество силой, превратившись со временем в фактор дестабилизации социальных отношений, поощрения ведомственного партикуляризма и сепаратистских настроений. Конституционный консенсус 1919 г. представлялся временным, не решавшим проблему территориального устройства. В технико-организационном и административном плане Германия слабо реагировала на вызовы времени [8, s. 309]. Для имперской бюрократии компетенции центра – и реальные, и гипотетические – покоились на естественных потребностях нации, а, значит, имели легитимную основу, что негативно отражалось на взаимодействии рейха и земель. Институт делегированных полномочий функционировал неэффективно, а система позитивного права находилась под прессом критики антипозитивистов, с переменным успехом реагируя на перманентные политические кризисы.

Традиционно Берлину оппонировал «южно-германский блок» (Бавария, Баден, Вюртемберг), периодически усиливающийся за счет Саксонии и Гессена. В определенной степени партикуляристским было поведение Пруссии, которая, прикрываясь лозунгами унитарного государства, лоббировала субнациональные интересы. Вследствие энергичных шагов местного руководства неисчерпанным остался потенциал ст. 18 Веймарской конституции (далее – ВК), частично было нивелировано действие ст. 63 ВК¹. Впрочем, успехи Пруссии ограничивались «скорее консервацией и консолидацией власти, полученной по конституции, нежели свидетельствовали о росте фактического влияния. Тем более речь не шла о возрождении ее гегемонического статуса» [3, s. 610].

В своем стремлении утвердить новый порядок бюрократический и «партийный федерализм»² опирался на традиционные институты власти, противопоставляя «союзное государство» (*Bundesstaat*) парламентскому абсолютизму. Возврат к конструктивным принципам «империи Бисмарка» при наличии репарационных обязательств был исключен. Столь же непростой задачей в силу факторов культурно-исторического характера и особенностей веймарской модели государства представлялась консолидация общества на принципах централизованной парламентской системы. Как следствие, Берлин добился в 1920-е гг. скромных успехов в деле правовой и политико-административной унификации. Отчасти это обуславливалось отсутствием консенсуса в среде политических элит Германии, отчасти утратой партиями «веймарской коалиции» абсолютного большинства в рейхстаге, отчасти кризисом парламентаризма. Если в начале 1920-х гг. критике подвергалось

¹ Ст. 18 определяла процедуру территориальных изменений, а ст. 63 – порядок распределения мест в рейхсраге.

² Веймарский федерализм позволил партиям на местах обрести известную степень автономии, вследствие чего утвердился термин «партийный федерализм», имевший негативное звучание.

чрезмерное «усердие» имперского правительства на ниве национального законодательства, то на исходе десятилетия власть ругали за отсутствие такового. И все же ни одна конституционная поправка, внесенная в рейхстаг до назначения канцлером А. Гитлера, не посягала на федеративный порядок, и лишь в вопросах финансового и налогового права Берлин превысил отведенные ему ВК полномочия.

За время существования республики были сформированы десятки имперских институтов власти, с помощью которых центр осуществлял прямое и косвенное управление. В их числе: Немецкое имперское железнодорожное общество, Имперское ведомство по делам молодежи, Имперское ведомство по страхованию безработицы и трудовому посредничеству, Имперское общество радиовещания и др. [5, s. 360–361]. Несмотря на это, федеральные чиновники имели ограниченный доступ к землям и коммуна, а имперские комиссары выступали в роли временных фигур, занимавшихся решением конкретных вопросов политико-административного характера. К тому же конституционная автономия земель в сфере полиции и юстиции обеспечивала единство в границах, по меньшей мере, одного субъекта, что при масштабах Пруссии составляло $\frac{2}{3}$ территории страны. Рейху в такой ситуации ничего не оставалось, как надеяться на кооперативность регионов.

Разногласия в стане ведущих парламентских партий относительно перспектив государственного строительства затрудняли диалог между центром и регионами, который был возможен лишь при условии политической гомогенности властей. С нарушением последней, то есть по мере дифференциации участников правительственных коалиций в центре и на местах, начались конфликты, подстегиваемые кризисом экономики и социальной сферы. Своего апогея они достигли в 1923 г., когда на авансцену вышел федерализм нового образца, воспринимавший «государственность земель как инструмент партийной оппозиционной борьбы» [3, s. 321]. Ряды противников унитарной республики в лице части земельной бюрократии пополнили представители местной политической элиты, выражавшей несогласие с методами и темпами централизации. Негативное влияние на ситуацию оказывали и такие факторы, как слабость республиканско-демократической субстанции, отсутствие внятного внешнеполитического курса Берлина, затянувшийся кризис власти в Баварии и скрытый «пруско-германский дуализм»¹ [9, s. 154–159]. Усилия по преодолению последнего резонно анализировать через призму конституционно-правовой и политической идентичности земли и рейха. Статья 17 ВК предлагала соответствующий механизм, однако была не в силах обеспечить субстанциональное единство – унификацию правоотношений всех субъектов федерации, в которой правовед Карл Шмитт видел путь к устранению антимоний существующего строя [10, s. 370–376]. Попыт-

¹ Дуализм Пруссии и рейха стал следствием ликвидации правительственной унии в ходе Ноябрьской революции.

ки синхронизировать политику «красной Пруссии» и рейха окончательно провалились в середине 1920-х гг., когда у власти в Германии утвердилась правоцентристская коалиция. Представители земли все реже приглашались на заседания имперского правительства. Множились конфликты в аграрной, финансовой и торговой сфере, на почве законодательства. Обыденным явлением стали ведомственный партикуляризм, борьба за влияние и престиж.

Слабое институциональное присутствие Берлина на уровне субъектов негативно отражалось на правоприменительной практике. Земли препятствовали переходу опытных чиновников в федеральные структуры, ограничивали поток информации. Рейх в ответ на это стремился расширить область принадлежавших ему компетенций, используя финансово-экономические рычаги (фондовое управление, дотации и т. д.) и возможности ст. 48 ВК¹. Споры о содержании и границах применения последней демонстрировали глубокие расхождения во взглядах политических элит страны на проблему немецкой государственности и степень доверия к ней [3, s. 222, 228].

Несмотря на идеализацию «унитарного государства», концепт которого служил ориентиром для большинства политических сил страны, взгляды на его сущность и методы достижения заметно разнились. Наглядное свидетельство тому – общественно-политическая дискуссия на тему имперской реформы (*Reichsreform*) конца 1920-х гг., которую можно рассматривать «как отражение изменений социального и культурного контекста» [1, s. 25]. В своей основе она ориентировалась на поиск путей преодоления конструктивных недостатков государственной системы, испытывала заметное влияние интеллектуалов и бюрократов, апеллируя чаще всего к тезису о «всесилии имперской власти» [11, с. 135–154; 12]. В то время как первых волновали теоретические и юридические аспекты преобразований, вторые акцентировали внимание на институциональных началах и практической стороне вопроса. При этом следует учесть разнообразные – экономические, политические, культурно-исторические и др. – мотивы сторон, в пропагандистском арсенале которых удивительным образом переплетались взаимоисключающие друг друга идейные установки. Нередко федерализм воспринимался реставративно, как анахронизм. Да и само содержание термина «*Bundesstaat*» было весьма эластичным [13, s. 68–69]. Образ мыслей и поступки его протогонистов подчинялись духу времени.

Суть большинства проектов, вынесенных на обсуждение широкой общественности, сводилась к «автономизации» земель, «пруссификации» рейха или «огосударствлению» Пруссии. Звучали призывы к «сбалансированному федерализму», основанному на принципе «целесообразности». Примечательно, что в центре дискуссии воспринимали менее эмоционально, нежели на местах.

¹ Данная статья позволяла рейхспрезиденту вводить чрезвычайное положение, издавать законы, минуя парламент, и применять рейхсэкзекуцию как высшую форму государственного надзора за землями. Последняя сопровождалась назначением рейхскомиссара и вела к временной утрате субъектами их конституционно-правовой непроницаемости.

Даже баварские федералисты расходились в оценках сути преобразований: сторонники этатизма апеллировали к кайзеровской модели территориального деления, а приверженцы интегрального федерализма исходили из «современных реалий»¹ [14, с. 28–29, 36–37]. Планы территориального переустройства 1920-х гг. наглядно демонстрировали, насколько индустриализация и технизация общества влияли на новые государственные структуры, «отвечавшие рациональной, бюрократической и экономической точке зрения» [1, с. 25].

По существу, водораздел в дебатах об имперской реформе проходил между приверженцами исторически сложившейся «федералистской традиции» и сторонниками свободной от безудержной централизации «децентрализованной унитарной» Германии [15]. Так, для разработчика Веймарской конституции Х. Пройса понятия «государственность земель» и «самоуправление земель» стояли в одном синонимичном ряду, были «категориально формальными», но с той лишь разницей, что первый «концепт» конкурировал с национальным уровнем, а второй вписывался в национальные рамки [2, с. 141, 231].

Большинство политиков и экспертов сходились во мнении, что ключ к устранению проблем немецкой государственности, по мнению, находился в решении «прусского вопроса». Если в кайзеровской Германии «дискурс относительно Пруссии был имплицитным», то «в Веймарской республике он обрел собственный вес» и динамику, а сам «прусский вопрос» стал, как отмечает А. Нойман, «крылатым выражением» [3, с. 15]. В зависимости от политических пристрастий протагонисты реформы желали укрепления Пруссии с уклоном влево или же позиций рейха с отчетливой тенденцией вправо. Соответственно, те, кто не видел возможности для правового урегулирования проблемы территориального деления, жаждали безусловной централизации [2, с. 231]. «Утратившее безопасность довоенных отношений общество, – пишет М. Штолляйс, – ощущало себя разобщенным, пребывало в поисках “единства” и настоящего государства». Основанием для этого служила «социологическая констатация того факта, что “внутреннее единств” государства и общества находится под угрозой» [4, с. 145].

Не менее спорным представлялся вопрос о «внутреннем» суверенитете, трактовки которого (дуальные, монистские) влияли на дискуссию об организации и легитимности органов центральной и местной власти. В конце концов, речь шла о том, как «адаптировать» понятие суверенитет к республиканскому федеративному государству².

Следует учитывать, что многие государственно-правовые термины после 1918 г. были идеологически окрашены, имели разные измерения. Консенсуса за рамками абстрактных понятий федералистской теории³ достигнуто так

¹ Интеграллисты были широко представлены в Рейнланде, Ганновере и частично в Саксонии.

² Подробнее см. Йон [1, С. 27–30], Штолляйс [4, с. 144–145].

³ Применительно к соотношению федеративных и унитарных элементов в федеративном государстве.

и не было [1, s. 30]. Приверженцы сильного центра «сторонились» понятия «федерация» и, независимо от политических амбиций, охотно использовали термин «*Einheitsstaat*» (единое государство). С XIX в. федерализм ассоциировался у них с партикулярными правами субъектов, подрывающими позиции органов центральной власти, что вызывало негативное отношение к федеративной форме государственного устройства. Как следствие, в Германии «произошла подмена понятия союзный (федералистский) понятием партикуляристский»¹ [1, s. 33, 36]. В придачу толкование усложнялось политической амбивалентностью терминов «*федеративное*», «*унитарное*» и «*единое*» государство, не проводившей четкой разделительной линии между республиканцами и антиреспубликанцами. Сторонники унитарного государства обсуждали варианты автономных региональных единиц в границах коллективной идентичности, но преимущественно под сводом вертикально выстроенной структуры. Исходя из этого, будущее рейха виделось через призму сбалансированных в территориальном, экономическом и социальном плане регионов [1, s. 32, 38].

Закономерным итогом лабильности конституционно-правовых отношений и амбивалентности конституционно-политической ситуации в Веймарской республике явилось создание большого количества административных институтов, формы которых простирались от прямого имперского надзора до делегированного и фондового управления [5, s. 343–347, 370]. Рейх вышел за границы отведенных ему полномочий в деле налогообложения (ст. 11 ВК), провел частичную кодификацию церковного, школьного и административного права. Но несмотря на это, земли по-прежнему сохраняли большие различия в политическом, экономическом и территориальном плане². «Нереализованным конституционным поручением» и своеобразной опцией на будущее остались нормы ст. 18 ВК [16, s. 385; 3, s. 300–302]. Дестабилизирующее влияние на государство оказывал скрытый «пруско-германский дуализм» [17]. «Рейх не может проводить свою внутреннюю политику, не убедившись, что прусская политика движется в том же направлении», – констатировал в 1925 г. известный правовед Г. Трипель³ [18, s. 227]. Действительно, по многим своим признакам «прусская модель» отвечала представлениям о децентрализованном унитарном государстве. Достаточно сказать, что во главе Пруссии с 1919 по 1933 г. с небольшим перерывом находилось правительство «демократической середины» во главе с СДПГ, без видимых сбоев функционировал и парламент и силы безопасности. Так что тезис Трипеля, идентифицировавшего

¹ Зачастую разница между унитарным децентрализованным государством и федерацией вводила в заблуждение, а проблема централизации–децентрализации касалась в основном вопросов самоуправления и организации органов управления [1, s. 31–32].

² Институциональная причина трений заключалась в принципе «административного федерализма». См. Нойман [2, s. 202].

³ В республике появилась система неформального согласования позиций между рейхом и Пруссией на уровне правительств.

скрытую прусскую гегемонию как «атрибут и унитарной, и федералистской конституции», представляется уместным [18, s. 212].

В целом, ни период становления республики, ни ее относительная стабилизация не смогли скорректировать заданную Конституцией 1919 г. парадигму федеративных отношений. Ложные представления об идеальном типе государства, доминирующие в Веймарской Германии, имели негативные социальные последствия для страны [19, s. 12]. С наступлением мирового экономического кризиса правящие круги Германии свернули с конституционного пути решения актуальных проблем государственно-территориального устройства. Земли стремительно теряли рычаги влияния на центральную власть. Финансовая несостоятельность большинства из них, крайняя форма политизации федерализма и позитивизации действующего права поощряли авторитарный стиль управления страной, препятствовали борьбе с экстремистскими силами. С помощью рейхсэкзекуции 20 июля 1932 г. в Пруссии был запущен процесс ликвидации исторически сложившихся связей между центром и регионами. В условиях, когда унитарное государство идеализировалось большинством политических партий и имперскими чиновниками, федерализм, ограниченный в своих институциональных полномочиях и лишенный статуса национальной идеи оказался не в силах противостоять утверждению президиальной диктатуры. Для нацистов земли стали средством восхождения на политический олимп, после чего федерализм был объявлен помехой на пути создания «национального сообщества» и ликвидирован.

Список использованных источников

1. *John, A.* Der Weimarer Bundesstaat: Perspektiven einer föderalen Ordnung (1918–1933) / A. John. – Wien [u. a.]: Böhlau, 2012. – 486 S.
2. *Neumann, A.* Preußen zwischen Hegemonie und „Preußenschlag“: Hugo Preuß in der staatsrechtlichen Föderalismusdebatte / A. Neumann. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2019. – 339 S.
3. *Schulz, G.* Zwischen Demokratie und Diktatur: Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik: in 3 Bd. / G. Schulz. – 2., durchges. u. erg. Aufl. – Berlin [u. a.]: de Gruyter, 1987.– Bd. 1: Die Periode der Konsolidierung und der Revision des Bismarckschen Reichsaufbaus, 1919–1930. – 689 S.
4. *Штолляйс, М.* История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм / М. Штолляйс; [пер. с нем. О. Г. Субботина]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 661 с.
5. *Holste, H.* Der deutsche Bundesstaat im Wandel (1867–1933) / H. Holste. – Berlin: Duncker & Humblot, 2002. – 580 S.
6. *Oeter, S.* Integration und Subsidiarität im deutschen Bundesstaatsrecht: Untersuchungen zur Bundesstaatstheorie unter dem Grundgesetz / S. Oeter. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1998. – 655 S.
7. *Gusy, Ch.* Die Weimarer Reichsverfassung / Ch. Gusy. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1997. – 500 S.
8. *Ladeur, K.-H.* Postmoderne Verfassungstheorie / K.-H. Ladeur // Zum Begriff der Verfassung. Die Ordnung des politischen; hrsg. von U.K. Preuß. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1994. – S. 304–331.
9. *Zimmermann, W. G.* Bayern und Reich: 1918–1923. Der bayerische Föderalismus zwischen Revolution und Reaktion / W. G. Zimmermann. – München: Pflaum, 1953. – 202 S.

10. *Schmitt, C.* Verfassungslehre / C. Schmitt. – München–Leipzig: Duncker & Humblot, 1928. – 404 S.
11. *Субботин, О. Г.* Веймарский федерализм: монография / О. Г. Субботин. – Минск: БГПУ им. М. Танка, 2010. – 272 с.
12. *Субботин, О. Г.* Проекты «имперской реформы» в годы Веймарской республики / О. Г. Субботин // Весті БДПУ. Серія 2. – 2014. – № 4. – С. 58–62.
13. *Menges, F.* Reichsreform und Finanzpolitik / F. Menges. – Berlin: Duncker & Humblot, 1971. – 467 S.
14. *Burg, P.* Die Neugliederung deutscher Länder / P. Burg. – Münster: Lit, 1996. – 112 S.
15. Preußen und Bayern, in: Bayerischer Kurier, Nr. 328 v. 24.11.1927 // Bundesarchiv. – Akten der Reichskanzlei: R 43 I/2248. – Bl. 339.
16. *Apelt, W.* Geschichte der Weimarer Verfassung / W. Apelt. – München: Biederstein, 1946. – 461 S.
17. *Субоцін, А. Г.* Пруска-германскі дуалізм у 1920-я гг. / А. Г. Субоцін // Весті БДПУ. Серія 2. – 2012. – № 4. – С. 54–58.
18. *Triepel, H.* Der Föderalismus und die Revision der Weimarer Reichsverfassung / H. Triepel // Zeitschrift für Politik. – Bd. XIV. – Heft 3. – 1925. – S. 193–230.
19. *Lehmbruch, G.* Der unitarische Bundesstaat in Deutschland : Pfadabhängigkeit und Wandel [Electronic resource] / G. Lehmbruch // MPIfG Discussion Paper 2 (2002) [ISSN 0944-2073]. – Mode of access: http://www.mpi-fg-koeln.mpg.de/pu/mpifg_dp/dp02-2.pdf. – Date of access: 10.02.2020. – 74 S.

(Дата падачы: 20.02.2020 г.)

В. В. Сушко

Брестский государственный технический университет, Брест

V. V. Sushko

Brest State Technical University, Brest

УДК 322(476)(09)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ХРИСТИАН ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД 1945–1965 ГГ.)

THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS OF THE EVANGELICAL FAITH CHRISTIANS IN THE CONDITIONS OF STATE-RELIGIOUS RELATIONS OF THE SOVIET SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE TERRITORY OF THE BREST REGION IN THE PERIOD OF 1945–1965)

Государственно-религиозные отношения в период существования советского государства характеризуются как достаточно сложные и противоречивые, что объясня-

ется соответствующей идеологической установкой политической элиты СССР по формированию общества, свободного от влияния религиозных вероучений. Анализ сущности взаимоотношений христиан веры евангельской и местных органов власти Брестского региона в период 1945–1965 гг. раскрывает особенности реализации религиозной законодательной базы советского государства, причины противоречивого характера отношений между властными структурами и последователями вероучения.

Ключевые слова: государственно-религиозные отношения; христиане веры евангельской; пятидесятники; религиозное законодательство; свобода совести; пастор.

State-religious relations during the existence of the Soviet state are characterized as quite complex and contradictory, which is correspondingly explained by the political elite of the USSR ideologically oriented on the formation of a society free from the influence of religious creeds. The analysis of the essence of the relationship between Christians of the Evangelical faith and local authorities of the Brest region in the period of 1945-1965 reveals the peculiarities of the Soviet religious legislative base implementation, the reasons for the contradictory nature of the relations between bodies of government and followers of the religious doctrine.

Key words: state-religious relations; Christians of the Evangelical faith; Pentecostals; religious legislation; freedom of worship; pastor.

Исторический путь развития Беларуси, ее геополитическое положение стали одними из факторов, которые обусловили поликонфессиональный характер белорусского общества. Из всех религиозных вероучений, которые действуют на территории Беларуси, наиболее многочисленными и оказавшими влияние на формирование духовной сферы белорусского общества являются христианские, в первую очередь, православная церковь и римско-католический костел. Позже, учитывая период возникновения и проникновения на белорусские земли, набирают популярность среди населения и протестантские церкви, а также неопротестантские деноминации – христиане веры евангельской (ХВЕ, пятидесятники), евангельские христиане-баптисты (ЕХБ) и адвентисты седьмого дня (АСД). Одним из наиболее многочисленных вероучений, получившим распространение на территории Беларуси, было пятидесятничество.

Достаточно сложно и противоречиво формировались отношения неопротестантских религиозных организаций и советских властных структур: от попыток привлечения к сотрудничеству (посредством участия в разведывательной деятельности, так как координационные религиозные центры верующих находились за рубежом) до конфронтации с обеих сторон. Однако наиболее явно отношения между государственными структурами и пятидесятниками обострились во второй половине 1940-х гг., так как верующие понимались как «пособники капиталистического мира» и «чуждый элемент» советского общества. Такое положение объясняется тем, что основные руководящие центры ХВЕ находились в США и установки по осуществлению различного рода служений верующие и клир получали от иностранных единоверцев.

Тем не менее, период 1945–1965 гг. характеризовался ростом активности церковью неопротестантов. Этому способствовало и то обстоятельство, что во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. контроль со стороны со-

ветского правительства за деятельностью религиозных конфессий несколько ослаб. Однако вскоре началась компания по сокращению религиозных общин и групп, которая возобновилась и реализовывалась, в первую очередь, в отношении неопротестантских организаций и римско-католической церкви.

В рассматриваемый период осуществлялись массовые репрессии священнослужителей и верующих, утрачивали официальную регистрацию религиозные общины, закрывались молитвенные дома, регулярно привлекались верующие, пресвитеры и проповедники к административной и уголовной ответственности, пресекалось религиозное обучение детей и молодежи и т. д.

В 1960-е гг. развернулась мощная пропаганда атеизма, которая выражалась в «обличении и разоблачении реакционной роли религии» через средства массовой информации и специально организованные кафедры научного атеизма во всех высших учебных заведениях республик СССР.

Образованный в октябре 1944 г. Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) включил в свой состав баптистов и большинство направлений евангельских христиан. На состоявшемся в июне 1945 г. в Молодеченской и Барановичской областях совещании пресвитеры ряда областей во главе с епископом ХВЕ И. К. Панько обсуждали вопрос о категорическом отказе от вступления во ВСЕХБ, но одновременно и о допустимости такого шага. Тем не менее, пресвитеры единогласно выразили недоверие ВСЕХБ.

Документ о вхождении пятидесятников во ВСЕХБ был подписан 24 августа 1945 г., более известный как Августовское соглашение. От союза ХВЕ Беларуси, Литвы и Западной Украины документ подписали И. К. Панько, С. И. Вашкевич, а от Епископальной церкви ХЕВ – Д. И. Пономарчук и А. И. Бидаш. Согласно этому решению, пятидесятники официально отказывались от глоссолалии, обряда омовения ног и пророчеств, а в сентябре-ноябре 1945 г. началась компания по объединению.

Несмотря на сопротивление верующих, к новому союзу были присоединены 83 организации евангельских христиан. Тем не менее, большинство пресвитеров Брестчины вели агитацию среди верующих пятидесятников о совершении молитв таким образом, как это было установлено до объединения с баптистами.

По данным уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области Г. Дзежко, пятидесятники «переманивали на свою сторону верующих баптистов и даже православных». Подобным образом действовал в д. Пугачево Брестского района в 1949–1950 гг. бывший пресвитер ХВЕ М. Рутько, верующие Р. Абакумова и Т. Гладун [1, л. 42]. Один из самых ярких случаев перехода всей общины баптистов на сторону пятидесятников произошел в 1950 г. в д. Чухово Пинской области, где число верующих было около 130 человек. Примечательно, что группа ХВЕ, вошедшая в их состав, составляла не более 30 человек. Таким образом, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в БССР начало формироваться пятидесятническое подполье, основу которого составили общины ХВЕ, не признавшие объединения с ЕХБ.

На протяжении 1951–1953 гг. в Пинском регионе категорически отказывались от присоединения к баптистам следующие общины пятидесятников: в Пинском районе – 23 группы, Логишинском – 15 групп, Ивановском – 4 группы, Дрогичинском – 3 группы, Телеханском – 8 групп, Давид-Городокском – 2 группы, Столинском – 4 группы, Ленинском – 1 группа, Ганцевичском – 3 группы [2, л. 13–16].

В середине 1950-х гг. работу по консолидации пятидесятничества проводил епископ А. П. Касперович. Проживая в г. Пинске, он часто выезжал в общины своего района, где проводил работу по объединению малочисленных групп ХВЕ, призывая пятидесятников осуществлять обряды согласно собственной догматики.

Подобная деятельность христиан веры евангельской обусловила к 1956 г. конфликт в межконфессиональных отношениях в среде объединенных общин ЕХБ и ХВЕ с руководством ВСЕХБ. Религиозная деятельность пятидесятников могла быть осуществима в контексте признания руководства ВСЕХБ, а на протяжении 1956–1957 гг. Совет по делам религиозных культов Брестской области трижды инструктировал уполномоченных не регистрировать общины ХВЕ и настаивал на полном запрете их деятельности, если будут нарушения религиозного законодательства.

В среде верующих пятидесятников стала характерной тенденция отказа от прохождения военной службы в армии, участия в выборах в Верховный Совет СССР. Такое поведение объяснялось тем, что отношение к советской власти было достаточно противоречивым. Некоторые пятидесятники открыто выступали против существующего государственного строя, называя коммунизм и социализм «учениями, созданные дьяволом с целью установления тотального контроля над человечеством» [3, с. 157].

Практически в каждой докладной записке уполномоченного по делам религиозных культов БССР К. Уласевича содержалось требование к местным структурам власти о применении любых мер воздействия на религиозные организации ХВЕ, которые не признавали легитимности объединения с баптистами и категорически отказывались от регистрации. Пятидесятники утверждали, что, так как их церковь «зарегистрирована» самим Христом, то в регистрации «антихристианской советской властью» они не нуждаются [4, с. 55–56].

В Брестской области на протяжении 1950–1953 гг. по данным отчетов уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области Г. Дзежко из 50 незарегистрированных «сектантских течений», 26 принадлежали ХВЕ.

В информационном докладе за IV квартал 1951 г. уполномоченный по делам религиозных культов Пинской области В. Брылев констатирует «слабую и безответственную работу местных партийных органов», которые допустили случаи образования новых нелегальных групп и общин ХВЕ. Общее количество организаций пятидесятников на территории области насчитывало 77 групп с численностью верующих около 1900 человек.

К середине 1950-х гг. религиозная жизнь значительно активизировалась, что было связано с принятием постановления ЦК КПСС в 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Вследствие ратификации этого постановления, религиозная деятельность как официально зарегистрированных общин ХВЕ, так и нелегальных групп значительно возросла: «Проводят пятидесятники свои нелегальные собрания конспиративно, маскируясь и заметая следы, собираясь поздно вечером и ночами, причем каждый раз в новом месте. Изучить их деятельность весьма трудно, при этом группы посещают бродячие проповедники, говорящие разную чепуху. Самая активная их работа ведется на Пинщине» [5, л. 65].

Однако, несмотря на то, что подавляющее большинство пятидесятников отказывались по любым предлогам от официальной регистрации, некоторые верующие пытались придать своим общинам официальный статус. В 1959 г. к уполномоченному по делам религиозных культов Брестской области Н. Стрельченку обратился актив прихожан д. Борки, д. Чухово, д. Заборовцы и д. Селец с просьбой об официальной регистрации данных общин. Но, так как эти общества неоднократно посещали «бродячие» проповедники, им было отказано [4, с. 56]. С ходатайством подобного содержания обращались в 1964 г. несколько пресвитеров, они заявляли, что будут регистрировать группы ХВЕ в контексте общин баптистов, безоговорочно признающих руководящий центр ВСЕХБ. Но даже такие аргументы не были достаточными. Причинами подобных отказов в регистрации послужило изменение отношения к этой проблеме со стороны советского правительства в первой половине 1960-х гг. Утвердилась точка зрения, что, обретая официальную регистрацию, организации ХВЕ получают возможность развернуть свою культовую и внекультовую деятельность с небывалым размахом.

В период 1960–1965 гг. из 65–70 групп пятидесятников, имеющих официальный статус, более половины составляли незарегистрированные объединения. Стремление советской власти установить контроль за деятельностью пятидесятнических объединений, посредством включения общин и групп ХВЕ во Всесоюзный Совет ЕХБ, обязательной официальной регистрации пресвитеров и объединений верующих, дополнилось мерами административной и уголовной ответственности за нарушения законодательства о религиозных культах. В конце 1940-х гг. началась компания по массовому аресту за антигосударственную деятельность руководителей ХВЕ и верующих пятидесятников. Таким образом, в 1949 г. были арестованы И. К. Панько, И. К. Кульбицкий, К. С. Сидоренко, Н. М. Касникович, С. Я. Васютич, А. С. Курчук, которые являлись руководящим составом организаций пятидесятников. В советском государстве законодательно был оформлен запрет на приобщение детей, подростков и молодежи к религии. Им не разрешалось посещать молитвенные собрания, изучать религиозные вероучения, принимать крещение (до 30 лет) и т. д. Поэтому верующих, которые нарушали

закон, приобщая своих детей к вере, привлекали к административной, а чаще всего – к уголовной ответственности.

Тем не менее, количество общин и численность прихожан не сокращались. Например, в Пинской области в 1949 г. из 45 общин баптистов и 4017 человек верующих, 25 принадлежали пятидесятникам с количеством прихожан 2295 человек. Характерным являлось то, что, в религиозных группах возросло число молодежи: 33 % до 25 лет и 18 % после 25 лет [6, л. 9–12].

Середина 1950-х гг. ознаменовалась тем, что религия стала рассматриваться как реакционное, «идеологически чуждое» социализму явление. В июле 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», так как проводимая атеистическая работа была признана неудовлетворительной (о чем свидетельствовал рост числа общин и верующих). Отмечалось, что «сектанты» используют много способов привлечения людей в свои организации, в то время как партийные органы не принимают никаких радикальных мер по ликвидации этих явлений. В целях реализации этого документа, в 40 группах пятидесятников (около 1300 человек верующих) Брестской области, уполномоченный по делам религиозных культов распорядился организовать постоянное наблюдение милиции, с целью выявления «деструктивных элементов».

Одной из форм, препятствующих повышению религиозности среди населения, властные структуры считали атеистическую пропаганду. Таким образом, с 1957/58 учебного года на базе исторических факультетов высших учебных заведений БССР начал изучаться курс атеизма; в трудовых коллективах проводились занятия по «антисоветской» роли религии и её негативном влиянии на общество в целом. В отчетном докладе за I полугодие 1960 г. уполномоченный по делам религиозных культов Брестской области Н. Стрельченко констатировал достигнутые цели в научно-атеистической области: количество лекторов увеличилось в 2 раза по сравнению с 1958 г., за 6 месяцев 1960 г. было просмотрено 296 тыс. фильмов «о разоблачающей деятельности пятидесятников», сеансов которых состоялось 1896 раз. Особой популярностью пользовались фильмы «Правда о сектантах-пятидесятниках», «Чудотворец из Биролева», «Апостолы без маски», «Правда о мощах» [7, л. 61].

Были внесены изменения в нормативно-правовую базу, определявшую ответственность граждан за нарушение законодательства о религиозных культах. Таким образом, исходя из содержания статьи 139 Уголовного Кодекса БССР (УК БССР) от 29 декабря 1960 г. следовало, что «за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви – наказываются исправительными работами на срок до одного года или штрафом до 50 рублей» [8, с. 118], если же лицо прежде привлекалось по подобному обвинению, то наказанием было лишение свободы на срок до трех лет. Но наиболее распространено было привлечение к ответственности по статье 222 «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов» УК БССР. Руководствуясь данными статьями, в Брестской области

было осуждено большое число пасторов общин пятидесятников из Пинского, Ивановского, Логишинского, Дрогичинского, Брестского районов.

В докладе уполномоченный по делам религиозных культов Брестской области за 1963 г. Н. Стрельченко отмечал, что «приспособленчество церковников и сектантов» охватывает довольно широкий круг вопросов: отношение религии к коммунизму, к прогрессу в области науки и техники и др. Таким образом, суждения проповедников христиан веры евангельской в отношении советской власти, достижений науки и культуры, общественных установок в целом трансформировались в менее категоричные и отрицаемые верующими пятидесятниками. В первую очередь эта тенденция была связана с тем, чтобы способствовать привлечению в религиозные объединения ХВЕ молодежи и интеллигенции.

В 1964 г. и 1965 г. были приняты постановления правительства СССР, направленные на устранение перегибов местных властных структур по отношению к деятельности религиозных объединений. Руководствуясь этими документами, в 1965 г. была объявлена амнистия многим руководителям общин и верующим ХВЕ, осужденным во второй половине 1950-х гг. за антигосударственную деятельность. Однако объявленная амнистия не распространялась на пятидесятников, привлеченных к уголовной ответственности в начале 1960-х гг. На территории Брестчины были отменены приговоры в отношении осужденных С. Бункевича и И. Колесника – одних из самых влиятельных предводителей христиан веры евангельской.

По данным уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области Н. Стрельченка в регионе в конце 1964 г. насчитывалось около 60 групп пятидесятников, где число верующих составляло не более 1700 человек [9, л. 65.]. Однако большая часть религиозных общин ХВЕ находилась на нелегальном положении и не признавала руководящей роли ВСЕХБ даже ценой отказа местных властных структур в обретении легального статуса.

Список использованных источников

1. План-отчет уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области / Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 1339. – Оп. 1. – Д. 4.
2. Отчет уполномоченного по делам религиозных культов Пинской области / Зональный государственный архив г. Пинска (ЗГАП). – Фонд 236. – Оп. 1. – Д. 7.
3. Дьяченко, О. В. Пятидесятничество в Беларуси / О. В. Дьяченко; Могилев. гос. ун-т. – Могилев: МГУ, 2003. – 188 с.
4. Сушко, В. В. Легитимизация статуса религиозных общин христиан веры евангельской как формы контроля советских властных структур за деятельностью верующих (на примере территории Брестского региона в период 1945–1965 гг.) / В. В. Сушко // Религия и общество – 12: сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. – С. 55–57.
5. План-отчет уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области / ГАБО. – Фонд 1993. – Оп. 1. – Д. 9.
6. Отчет уполномоченного по делам религиозных культов Пинской области / ЗГАП. – Фонд 236. – Оп. 1. – Д. 5.

7. План-отчет уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области / ГАБО. – Фонд 1993. – Оп. 1. – Д. 15.

8. О религии и церкви: сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Совет. государства / сост.: А. М. Залесский, Т. Г. Купчеля. – Минск: Беларусь, 1983. – 128 с.

9. План-отчет уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области / ГАБО. – Фонд 1993. – Оп. 1. – Д. 19.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

М. І. Сцяпанавы

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

M. Stsiapanava

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 902.01

ЗНАХОДКІ ПАЦЕРАК ХІ–ХІІ СТСТ. І ІХ МЕСЦА Ў ПАХАВАЛЬНЫМ СТРОІ НАСЕЛЬНІЦТВА ВЕРХНЯГА ПАВІЛЛЯ

XITH–XIITH CENTURY BEADS AND THEIR PLACE IN THE FUNERAL COSTUME OF UPPER VILIIJA REGION POPULATION

Артыкул прысвечаны вынікам даследавання месца пацерак у пахавальным строі насельніцтва Верхняга Павілля. Разгледжаны розныя тыпы набораў пацерак, у залежнасці ад асартыменту. Выяўлена карэляцыя паміж асартыментам пацерак у наборы і яго храналогіяй. На падставе ўважлівага вывучэння размяшчэння пацерак адносна касцяка ўдалося выявіць выкарыстанне асобных тыпаў вырабаў у якасці вышыўкі. Пры чым не толькі ў жаночым, але і ў мужчынскім пахавальным строі.

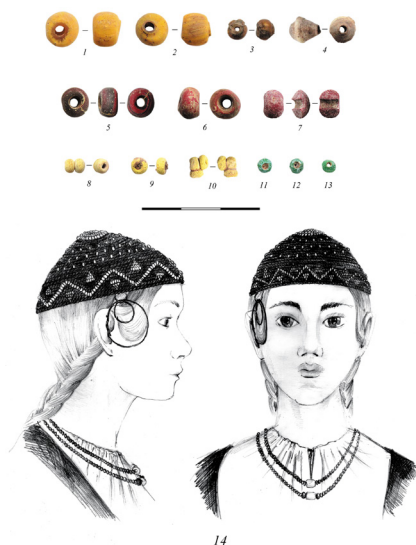
Ключавыя словы: пахавальны строй; пацёркі; вышыўка; галаўны ўбор; Верхняе Павілле; ХІ–ХІІ стст.

The article is devoted to the study of place of beads in a funeral costume of Upper Vilija region population. Various types of sets of beads is highlighted. The correlation between the range of beads in the set and its chronology is presented. The author able to detect the use of certain types of products as embroidery based on a careful study of bead placement relative to the skeleton. The author concludes that not only in women but also in men's burial suit bead embroidery was used.

Key words: funeral costume; beads; embroidery; headwear; Upper Vilia region; XI–XIIth centuries.

Археалагічнае вывучэнне рэгіёна Верхняга Павілля працягваецца з сярэдзіны ХІХ ст. да сённяшняга дня. У розны час раскопкі і разведкі на курганных могілніках Беларускага Павілля праводзілі такія археолагі і аматары старажытнасцяў, як А. Кіркор, браты Е. і К. Тышкевічы, Ф. В. Пакроўскі, А. і У. Галубовічы, А. Р. Мітрафанаў, Ю. І. Драгун,

выкарыстанні яго ў якасці вышыўкі. Паколькі бісер быў знойдзены кампактна вакол чэрапа, як пад ім, так і на костках ілба, мы выказалі меркаванне, што бісерная вышыўка ўпрыгожвала галаўны ўбор у выглядзе шапачкі (мал. 2, 14). Пасля раскладання арганікі бісер рассыпаўся досыць кампактна, што сведчыць аб галаўным уборе невялікага памеру, і хучэй за ўсё не рушніковага тыпу¹. З усіх варыянтаў афармлення галаўнога ўбору, якія мы разглядалі, найбольш пасавала шапачка зноў жа па прычыне, з аднаго боку, паўсюднага, з другога – вельмі кампактнага размяшчэння знаходак бісеру [5], а таксама з улікам таго, што падобныя знаходкі сустракаюцца сярод старажытнасцяў паўночна-заходніх суседзяў – балтаў [19, р. 30]. Той факт, што бісер «спёкся» пад вуглом адносна адно аднаго, дазваляе меркаваць, што часткай вышытага ўзору былі зігзагі [5]. Пры гэтым мы не выключаем, што пахаваная ў кургане 77 магла мець галаўны ўбор іншага тыпу і з гэтай прычыны гатовыя да дыскусіі.

Мал. 2. Тыпы пацерак і бісера з пахавання ў кургане 77 могільніка Наўры і варыянт рэканструкцыі галаўнога ўбору

У пошуках працягу дадзенай традыцыі мы звярнулі ўвагу на комплексы з вялікай колькасцю бісера. Але апынулася, што ў публікацыях, справядчай і палявой дакументацыі часта адсутнічае дакладная інфармацыя аб размяшчэнні пацерак адносна касцяка. Тады мы паспрабавалі сабраць усю наяўную інфармацыю ў табліцу (табліца 1). У выніку атрымалася падзяліць наборы пацерак на некалькі груп, зыходзячы з суадносін колькасці пацерак/бісеру у комплексе і шырыні прадстаўленых у іх тыпаў.

¹ У дадзеным выпадку рассып бісеру мусіў бы мець досыць значны радыўс [10, с. 89].

Табліца 1

Групы набораў пацерак паводле суадносін асартымента і колькасці экзэмпляраў

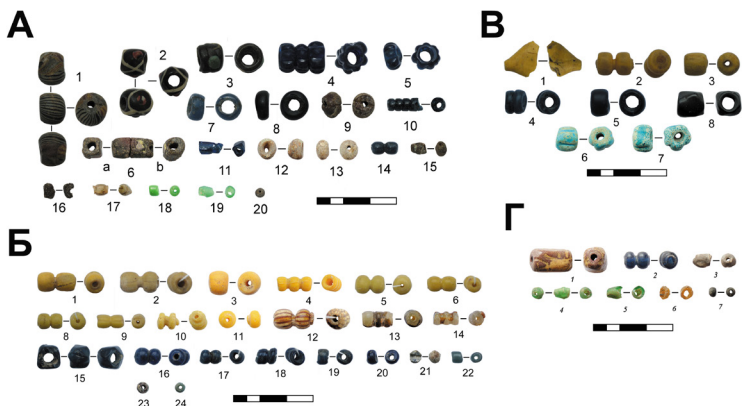
	Помнік	Нумар кургана	Дата	Заўвагі, месцазнаходжанне пацерак адносна касцяка (калі вядома)
Курганы з вялікім асартыментам адносна колькасці пацерак у наборы	Ізбішча	курган 24	пачатак XI ст.	
	Ізбішча	курган 26	канец X – пачатак XI ст.	
	Ізбішча	курган 37	1-я палова XI ст.	каля шыі
	Ізбішча	курган 49	канец X – XI ст.	
	Ізбішча	курган 51	XI ст.	каля шыі
	Ізбішча	курган 57 погр. 1	1-я палова XI ст.	каля шыйнай грыўні
	Ізбішча	курган 78	кон. X – XI ст.	
	Ізбішча	курган 86	X – пачатак XI ст.	зафіксавана, што размяшчаліся на шыі ў 3 шэрагі
	Ізбішча	курган 88	XI ст.	
	Мілты 1	курган 4	X – 1-я чвэрць XI ст.	
	Наўры	курган 37/1987 г.	2-я палова XI ст.	
	Навасёлкі	курган 9/1962 г.	1-я палова XI ст.	у раёне грудзей
	Навасёлкі	курган 14/1988 г.	XI – сярэдзіна XII ст.	
	Навасёлкі	курган 20/1988 г.	сярэдзіна XI – сярэдзіна XII ст.	
	Навасёлкі	курган 32/1990 г.	1-я палова XI ст.	
Курганы с вузкім асартыментам і малой колькасцю пацерак	Ізбішча	курган 1	XI ст.	каля шыі
	Ізбішча	курган 2	XI ст.	
	Ізбішча	курган 92	канец X – 1-я палова XI ст.	
	Кастыкі	курган 11	канец XI – пачатак XII ст.	у раёне шыі і грудзей
	Наўры	курган 14/1934 г.	XI – пачатак XII ст.	[Cehak-Hołubowiczowa, 1937. s. 24, 25, 32, 33]
	Наўры	курган 19/1934 г.	2-я чвэрць XI – пачатак XII ст.	[Cehak-Hołubowiczowa, 1937. s. 24, 25, 32, 33]
	Наўры	курган 33/1987 г.	XI – сярэдзіна XII ст.	
	Наўры	курган 35/1987 г.	XI – сярэдзіна XII ст.	
	Наўры	курган 32/2012 г.	XI ст.	

	Помнік	Нумар кургана	Дата	Заўвагі, месцазнаходжанне пацерак адносна касцяка (калі вядома)
	Навасёлкі	курган 16/1988 г.	апошняя чвэрць XI – сярэдзіна XII ст.	датаванне паводле іншага пахавальнага інвентару
	Навасёлкі	курган 18/1988 г.	XI – сярэдзіна XII ст.	
	Нагаўкі	курган 2	кон. XI – нач. XIII ст.	
Курганы з малым асартымантам пацерак адносна колькасці пацерак у наборы	Ізбішча	курган 28	XI – 1-я палова XII ст.	мужчынскае пахаванне са зброяй
	Ізбішча	курган 104	XI ст. – пачатак XII ст.	сечаны бісер. Пав. публікацыі
	Ізбішча	курган 105	XI – 1-я палова XII ст.	
	Ізбішча	курган 107	XI ст.	сечаны бісер
	Ізбішча	курган 108	пачатак – 3-я чвэрць XI ст.	
	Ізбішча	курган 109	пачатак XII ст.	
	Ізбішча	курган 114	канец X – 1-я палова XI ст.	сечаны бісер
	Ізбішча	курган 19	сярэдзіна – 2-я палова XI ст.	Пав. публікацыі каля 450 адз.
	Ізбішча	курган 20	XI ст.	каля шыі
	Ізбішча	курган 36	1-я палова XI ст.	
	Ізбішча	курган 43	канец X – XI ст.	вялізная колькасць – больш за 600, пацэркі пад патыліцай – Пав. публікацыі
	Ізбішча	курган 47	XI ст.	сечаны бісер, знойдзены каля косткі ядра
	Ізбішча	курган 55	XI ст.	У фондах ІГ НАН Беларусі больш за 1000 адз., Пав. публікацыі – каля 2000. Вяікая колькасць “склее-ных” пацінай адзінак
	Ізбішча	курган 61	XI – пачатак XII ст.	буйныя
	Ізбішча	курган 89	1-я палова XI ст.	1-я нітка – каля шыі, Пав. публікацыі каля 300 адз. 2-я нітка – ля ног – Пав. публікацыі 340 адз
	Ізбішча	курган 91	XI ст.	Пав. публікацыі 224 адз.
	Ізбішча	курган 98	1-я палова XI ст.	сечаны + навіты бісер
	Ізбішча	курган 99	XI ст.	Пав. публікацыі – 300 адз. каля шыі; там же быў знойдзены дырхам (Саманіды, Насрібн Ахмад, 914–943 гг) з прыкляпаным вушкам

	Помнік	Нумар кургана	Дата	Заўвагі, месцазнаходжанне пацерак адносна касцяка (калі вядома)
	Кастыкі	курган 3	сярэдзіна – 2-я палова XI ст.	пацэркі па баках ад чэрапа
	Наўры	курган 18/1934 г.	2-я чвэрць – канец XI ст.	колькасць бісеру пад пытаннем [Cehak-Hołubowiczowa, 1937. S. 24, 25, 32, 33]
	Наўры	курган 33/2012 г.	сярэдзіна XI ст.	вакол галавы, на адлегласці да 20 см
	Наўры	курган 77/2015 г.	сярэдзіна XI ст.	
	Навасёлкі	курган 8/1962 г.	2-я палова XI ст.	
	Навасёлкі	курган 15/1988 г.	2-я чвэрць – канец XI ст.	8 вялікіх пацерак у раёне грудзей, ля ног зафіксаваны звёртак берасты з 413 адз. бісера
Адзінавая знаходкі пацерак	Ізбішча	курган 52	канец X – пачатак XI ст.	дата – па гаршку; пацэрка каля шыі
	Ізбішча	курган 58	2-я палова X ст.	
	Ізбішча	курган 82	XI ст.	
	Милты-I	курган 13	???	
	Наўры	курган 25/1934 г.	2-я чвэрць XI – 3-я чвэрць XIII ст.	[Cehak-Hołubowiczowa, 1937. s. 24, 25, 32, 33]
	Наўры	курган 32/1987 г.		
	Наўры	курган 38/1987 г.	XI – пачатак XII ст.	
	Навасёлкі	курган 3/1961 г.	сярэдзіна XI–XII ст.	мужчынскае пахаванне са зброяй, у раёне шыі 2 адз.
	Навасёлкі	курган 5/1962 г.	XI ст.	мужчынскае пахаванне са зброяй, справа ад чэрапа 1 штука
	Навасёлкі	курган 17/1988 г.	апошняя чвэрць XI – пачатак XII ст.	датаванне пав. гаршка
	Нагаўкі	курган 8	2-я чвэрць XI – 3-я чвэрць XIII ст.	
	Сосенка	курган 19	???	

Да пахаванняў з шырокім асартыметам пацерак былі аднесены комплексы, якія ў сярэднім уключаюць ад дзясятка да некалькіх дзясяткаў адзінак, пры гэтым пацерак кожнага тыпу маецца ўсяго па некалькі экзэмпляраў (зазвычай 1–3, да 4–5). Калі мы параўналі храналагічныя рамкі існавання набору і шырыню асартыменту, то выявілася, што да гэтай групы належыць найбольшая колькасць раннях комплексаў, якія можна датаваць часам да

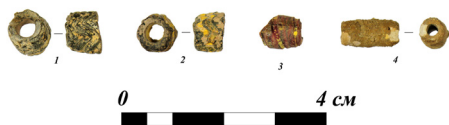
сярэдзіны XI ст. У комплексах першай групы можна заўважыць цёмныя пацеркі з «вочкамі» ў пяцельках, лімонападобныя сінія, жоўтыя аднаслойныя, золата- і срэбрашкляныя (тып 1 па К. Сталяровай) [13, с. 7] (мал. 3).

Мал. 3. Наборы пацерак з вялікай тыпалагічнай зразнастайнасцю адносна колькасці пацерак (першая група):

А – пацеркі з кургана 24 могільніка Ізбішча; Б – пацеркі з кургана 57 (пахаванне 1) могільніка Ізбішча; В – пацеркі з кургана 51 могільніка Ізбішча; Г – пацеркі з кургана 32/1988 г. могільніка Навасёлкі

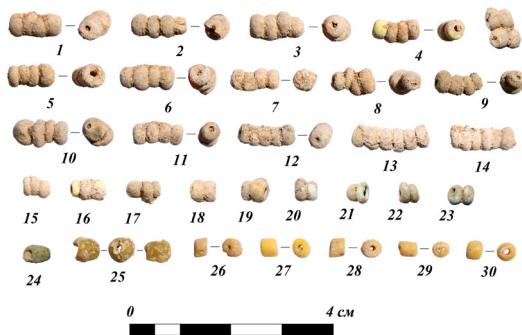
Група набораў з вузкім асартыmentам і малой колькасцю пацерак намі вылучана як прамежкая, бо тыпы пацерак, якія ўваходзяць у трапіўшыя сюды наборы, аналагічныя тыпам наступнай, але іх колькасць занадта малая (мал. 4).

Мал. 4. Прыклад тыпалагічна нераззнастайнага набора з невялікай колькасці пацерак. Кастыкі, курган 11, увесь набор

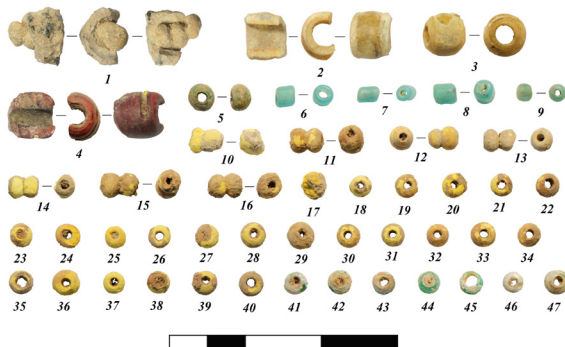
У групу з умоўна вузкім асартыmentам і вялікай колькасцю пацерак у наборы (у якасці прыклада, мал. 5). Тыпы пацерак з пахавання ў кургане 55 могільніка Ізбішча, Лагойскі р-н), за выключэннем пахавання з кургана 61 у Ізбішчы, трапілі наборы з вялізнай колькасцю бісера (як выкананага ў тэхніцы навіўкі шкляной масы на аснову – у большасці выпадкаў, – так выкананага шляхам нарэзкі цягнутае шкляной трубачкі, прасцей кажучы, сечанага) ці наборы, у якіх досыць аднастайны бісер складае каля 90 % экзэмпляраў. Храналагічна дадзеная група імкнецца да XI ст. (ці нават да

сярэдзны – канца XI ст.) – пачатку XII ст. Для вывучэння і рэканструкцыі строю паводле рэшткаў яго аздаблення дадзеная група ўяўляе найбольшы інтарэс.

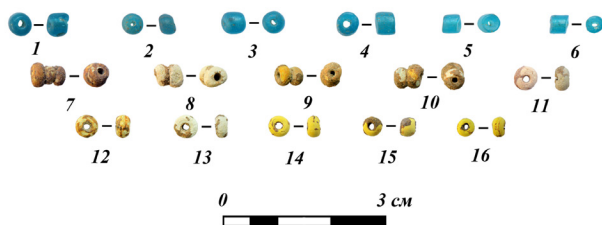

Мал. 5. Тыпы пацерак з пахавання ў кургане 55 могільніка Ізбішча

Мы звярнулі ўвагу, што ў дадзенай групе найбольш часта знаходкі пацерак лакалізуюцца ў «нестандартных» месцах адносна касцяка. Так, у кургане 3 могільніка Кастыкі (Вілейскі р-н) навіты жоўты непразрысты зялёны празрысты бісер (мал. 6) быў знойдзены па баках ад чэрапа і, верагодна, з’яўляецца рэштакамі вышыўкі галаўнога ўбору, аналагічнай ці падобнай да знойдзенай у кургане 77 у Наўрах у 2015 годзе. Крыху раней, у 2012 годзе, у Наўрах у кургане 33 таксама вакол галавы ў радыўсе 10–20 см было знойдзена 400 адзінак блакітнага празрыстага сечанага бісеру і навітага непразрыстага белага бісеру (мал. 7) [7, с. 355]. Нешта падобнае зафіксавана ў курганах 7 і 43 могільніка Ізбішча Лагойскага р-на: бісер знаходзіўся пад чэрапам (курган 43) ці вакол чэрапа (курган 7) нябожчыцы [14, с. 11, 25]. На жаль, большая частка знаходак з Ізбішча да нас не дайшла, таму мы можам толькі прыкладна меркаваць пра тыпы гэтага бісеру і датаванні наборуў.

Мал. 6. Тыпы пацерак з пахавання ў кургане 3 могільніка Кастыкі

Мал. 7. Тыпы пацерак з пахавання ў кургане 33/2012 г. могільніка Наўры

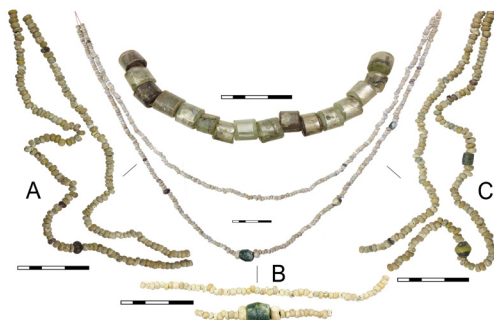
Да рэштак вышыўкі таксама могуць належаць знаходкі з курганаў 28, 47 і 89 могільніка Ізбішча. У першым выпадку мы маем справу з мужчынскім пахаваннем. Каля шыі дарослага мужчыны было знойдзена скапленне бісера і 3 пацеракі. Акрамя гэтага былі выяўлены кругавы гаршчок з кляймом у выглядзе дзвюх канцэнтрычных акружнасцяў, сякера тыпу IV паводле А. М. Кірпічнікава, бронзавая фібула (тып не вядомы, апісанне адсутнічае, артэфакт не захаваўся) і ўтулкі двупыльны наканечнік кап'я [14, с. 9]. Апошняя знаходка хучэй за ўсё не звязана з пахавальным камплексам, яна належыць да перыяду жалезнага веку, а трапіла ў насып кургана хучэй за ўсё разам з грунтам.

Спачатку знаходка пацерак ў мужчынскім пахаванні была інтэрпрэтавана намі як пахавальны дар [11]. Пасля знаёмства з ідэямі Ю. У. Сцяпанавай аб традыцыях упрыгожання каўнераў мыжчынскага старажытнарускага касцюма, у нас з'явілася ідэя аб іншай ролі бісера і пацерак у дадзеным комплексе [12, с. 85–87]. Зараз найбольш верагодным падаецца выкарыстанне бісера для вышыўкі каўнера кашулі, а 3 больш буйных пацерак – у якасці гузікаў на гэтым каўнеры.

Дзве іншыя знаходкі (курганы 47 і 89) паходзяць з жаночых пахаванняў. У абодвух выпадках вялікая колькасць бісера лакалізавалася ля ног нябожчыц, прычым у кургане 89 пахаваная мела таксама «асноўныя» каралі на шыі. На нашу думку, тут ужо не ўзнікае праблем з інтэрпрэтацыяй гэтых знаходак у якасці пахавальнага дару. Іншае пытанне, ці былі гэта каралі, ці нейкая вышытая вопратка. Аналіз злепленых пацінай пацерак не дазваляе даць адназначнага адказу на гэта пытанне.

У могільніку Навасёлкі (курган 15/1988 г.) (мал. 8) бісер у вялікай колькасці таксама быў знойдзены ля ног нябожчыцы. Ён быў загорнуты ў берасту [5, с. 4–5].

Апошняя група – група пахаванняў з адзінкавымі знаходкамі пацерак (1–3 адзінкі). Цікава, што ў гэтую групу трапілі 2 з 3 мужчынскіх пахаванняў з пацеракамі. Абедзве знаходкі з кургана могільніка Навасёлкі Мядзельскага р-на (курган 3 (Ю. І. Драгун, 1961 г.) і курган 5 (І. М. Цюрына, 1962 г.) [8 с. 180–181] і хучэй за ўсё звязаны з выкарыстаннем пацерак у якасці гузікаў для каўнера кашулі.

Мал. 8. Пацеркі з кургана 15/1988 г. з могільніка ў Навасёлках: верхняя нітка (срэбрашкляныя цыліндрычныя) – пацеркі, знойдзеныя ў раёне шыі; дзве ніжнія ніткі – бісер і пацеркі, знойдзеныя ля ног нябожчыцы загорнутымі ў берасту

Мал. 9. Рэчы з кургана 5/1962 г. у Навасёлках

Такім чынам, мы бачым, што ў Верхнім Павілли прыкладна да сярэдзіны XI ст. адбываецца звужэнне асартымету пацерак, змяненне іх тыпаў, назіраецца тэндэнцыя да ўніфікацыі выгляду набораў за кошт росту папулярнасці бісеру, выкананага ў тэхніцы навіўкі. Апошні, у сваю чаргу, прадстаўлены ў асноўным трыма тыпамі: жоўтым і белым непразрыстым і зялёным празрыстым. Разам з гэтым, яшчэ некаторы час працягваецца выкарыстанне папулярных у больш ранні перыяд тыпаў пацерак і бісеру выкананых спосабам раздзялення на асобныя фрагменты цягнутай шкляной трубочкі, у прыватнасці сечаны бісер і пацеркі – «лімонкі».

Яшчэ адной тэндэнцыяй эпохі з'яўляецца функцыянальнае выкарыстанне бісера і пацерак ў вышыўцы адзення і галаўных убораў, а таксама для змацавання краёў адзення. Дакладней, мы можам зафіксаваць паводле наяўных крыніц падобнае выкарыстанне бісера і пацерак як у жаночым, так і мужчынскім пахавальным строі насельніцтва Верхняга Павілля менавіта з сярэдзіны XI ст. Гэта тлумачыцца як аб'ектыўнымі прычынамі, найперш зменамі ў пахавальнай абраднасці, а, менавіта, пераходам ад абраду трупаспалення да інгумацыі, які адбываюцца на мяжы тысячагоддзяў, так і суб'ектыўнымі фактарамі. Да ліку апошніх варта аднесці ўдасканаленне

Мал. 10.
Рэканструкцыя
гіпатэтычнага
выгляду строя па-
хаванай у кургане 3
могільніка Кастыкі
(Вілейскі р-н)

методыкі правядзення палявых археалагічных даследаванняў – выкарыстанне дробнаэцістых сітаў для прасейкі грунта, падрабязная фіксацыя кожнай пацеркі/бісеру, знойдзенага *in situ*.

Праведзенае даследванне мае не толькі тэарэтычны характар, але і практычнае значэнне, якое заключаецца ў падрыхтоўцы шэрагу графічных рэканструкцый (мал. 10) пахавальнага жаночага строю Верхняга Павілля XI–XII стст. Дадзеныя рэканструкцыі могуць быць выкарыстаны пры падрыхтоўцы музейных экспазіцый, у якасці ілюстрацый да вучэбных, навуко-папулярных і навуковых выданняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Волкайте-Куликаускаене, Р. К. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. / Р. К. Волкайте-Куликаускаене // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М., 1986. – С. 146–171.
2. Звяруга, Я. Г. Даследванні курганных могільнікаў у вярхоўях Віліі / Я. Г. Звяруга. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2001. – Вып. 3. – С. 173–186.
3. Звяруга, Я. Г. Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэднявекі / Я. Г. Звяруга. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2005. – Вып. 10.
4. Плавінскі, А. Н. Отчет о раскопках курганного могильника у деревни Новосёлки Мядельского района Минской области археологической экспедицией БГУ им. В. И. Ленина / Н. А. Плавинский // ААНД ИИ НАН Беларуси. – Минск, 1989. – Дело № 1186.
5. Плавинский, Н. А. Новые данные для реконструкции женского головного убора населения Верхнего Повиля (по материалам раскопок курганного могильника Навры в 2015 году) / Н. А. Плавинский, М. И. Степанова // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. – СПб, 2017. – С. 433–444.
6. Плавінскі, А. М. Курганны могільнік Нагаўкі / А. М. Плавінскі, М. А. Плавінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2003. – Вып. 6. – С. 173–185.
7. Плавінскі, М. А. Раскопкі курганнага могільніка Наўры і разведкі на Мядзельшчыне і Браслаўшчыне / М. А. Плавінскі, Э. А. Астаповіч, М. І. Сцяпанав // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2014. – Вып. 25. – С. 351–359.
8. Плавінскі, М. А. Курганны могільнік Навасёлкі Мядзельскага раёна. (Даследванні 1961, 1962 гг.) / М. А. Плавінскі, А. М. Плавінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2002. – Вып. 5. – С. 179–191.
9. Плавінскі, М. А. Раскопкі курганнага могільніка Мілты / М. А. Плавінскі, А. М. Плавінскі // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мінск, 2005. – № 20. – С. 122–130.
10. Сабурова, М. А. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) / М. А. Сабурова // Советская археология. – М., 1974. – № 2. – С. 85–97.
11. Степанова, М. И. Бусы в мужских курганных погребениях на территории Полоцкой земли: вопросы функциональной атрибуции / М. И. Степанова // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II Междунар. конф. молодых ученых. – М., 2013. – С. 125–127.

12. Степанова, Ю. В. Костюм древнерусского человека: Реконструкция по данным археологии / Ю. В. Степанова. – Тверь, 2014.

13. Столярова, Е. К. Золотостеклянные и серебростеклянные бусы Древней Руси: технология и хронология / Е. К. Столярова // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. – Тверь, 2015. – Вып. 8. – С. 7–14.

14. Штыхаў, Г. В. Могільнік Ізбішча-Дзвінаса / Г. В. Штыхаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2008. – Вып. 16.

15. Cehak-Hońubowiczowa, H. Rejestracja i ochrona zabytków archeologicznych / H. Cehak-Hońubowiczowa // Zabytki archeologiczne wojewódstwa Wileńskiego i Nowogrodzkiego. – Wilno, 1936. – S. 28–40.

16. Cehak-Hońubowiczowa, H. Materiał i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim / H. Cehak-Hońubowiczowa // Rocznik Archeologiczny. – T. 1. – Wilno, 1937. – S. 5–51.

17. Hońubowicz, W. Pięć lat pracy terenowej Muzeum Archeologicznego Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie (1933–1937) / W. Hońubowicz // Rocznik Archeologiczny. – T. 1. – Wilno, 1937. – S. 83–90.

18. Tyszkiewicz, K. Wilija i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym: wydanie ilustrowane / K. Tyszkiewicz. – Drezno, 1871.

19. Volkaite-Kulikauskiene, R. Senovės Lietuvių Drabužiai ir jų Papuošalai / R. Volkaite-Kulikauskiene. – Vilnius, 1997.

(Дата падачы: 20.02.2020 г.)

I. У. Цімовіч

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

I. V. Titovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 908(476)(043.3)

ПАДЫХОДЫ ЎЛАД П РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ДАЧЫНЕННІ ДА РАЗВІЦЦЯ КРАЯЗНАЎСТВА НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

APPROACHES OF THE AUTHORITIES OF THE II RZECZYPOSPOLITEJ POLSKIEJ IN RELATION TO THE DEVELOPMENT OF LOCAL HISTORY IN WESTERN BELARUS

Артыкул прысвечаны пытанням заканадаўчай рэгламентацыі развіцця краязнаўчага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Аналізуецца як агульнапольскае, так і лакальнае заканадаўства ў дачыненні да дзейнасці краязнаўчых таварыстваў і гурткоў, захавання гісторыка-культурнай спадчыны.

Ключавыя словы: краязнаўства; Заходняя Беларусь; таварыства; гісторыка-культурная спадчына; міжваенны перыяд.

The article is devoted to questions of legislative regulation of local lore movement in Western Belarus. Analyzed as a Polish national, and local laws regarding the activities of local history societies and company, preservation of historical and cultural heritage.

Key words: local history; Western Belarus; company; historical and cultural heritage; intermilitary period.

Неабходна адзначыць, што кіруючыя органы II Рэчы Паспалітай даволі негатыўна ўспрымалі краязнаўчы рух заходнебеларускага насельніцтва, імкнуліся заканадаўча абмежаваць яго арганізацыйную прысутнасць у Заходняй Беларусі і забяспечыць дамінаванне прапольскіх дзяржаўных і грамадскіх краязнаўчых устаноў, такіх як мясцовыя аддзелы Польскага краязнаўчага таварыства (далей – ПКТ), Таварыства развіцця ўсходніх зямель (далей – ТРУЗ), Інстытута даследавання нацыянальных праблем (далей – ІДНП), Інстытута даследавання ўсходніх зямель (далей ІДУЗ), Таварыства дапамогі народным промыслам (далей – ТДНП). Менавіта гэты абмежавальны накірунак дзяржаўнай палітыкі ў дачыненні да заходнебеларускага краязнаўства прасочваецца ў агульнапольскім і рэгіянальным заканадаўстве.

Юрыдычныя нормы, якія адлюстроўвалі працэс развіцця краязнаўства на тэрыторыі Заходняй Беларусі, былі закладзены яшчэ ў польскай Канстытуцыі 1921 г. і прадугледжвалі захаванне права прыватнай уласнасці на гісторыка-культурную спадчыну, аднак сталая распрацоўка асноўных прынцыпаў краязнаўчай дзейнасці адбылася толькі на працягу 1931–1939 гг., калі пачала ўкараняцца праграма рэгіяналізму. Менавіта ў гэты перыяд былі прыняты асноўныя заканадаўчыя акты, якія рэгламентавалі краязнаўчую дзейнасць, як на тэрыторыі цэнтральнай Польшчы, так і на далучаных да яе заходнебеларускіх землях. Зыходзячы з таго, што краязнаўчы рух на тэрыторыі II Рэчы Паспалітай і ўласна Заходняй Беларусі быў прадстаўлены як дзейнасцю дзяржаўных, грамадскіх і школьна-акадэмічных устаноў, так і працай аматараў і асобных прадстаўнікоў рэгіянальных і цэнтральных органаў улады, здаецца правамерным разгледзець заканадаўчыя акты, у якіх рэгламентавалася правое забеспячэнне функцыянавання таварыстваў і музеяў, нягледзячы на іх маёмасную прыналежнасць.

Пасля юрыдычнага замацавання факта далучэння Заходняй Беларусі да польскай дзяржавы ў 1921 г., усе заканадаўчыя і прававыя нормы Польшчы былі пашыраны і на гэтую тэрыторыю. Папярэдняе распараджэнне Генеральнага камісара ўсходніх зямель «Аб арганізацыях» ад 25 верасня 1919 г. [1, а. 48] ужо не ўлічвала новых гістарычных варункаў, таму ў 1930-я гг. пачалася праца па распрацоўцы новага закона, які павінен быў замацаваць і ўніфікаваць прынцыпы краязнаўчай дзейнасці грамадскіх і дзяржаўных аб’яднанняў на ўсёй тэрыторыі II Рэчы Паспалітай, нягледзячы на іх нацыянальную прыналежнасць. Пэўная мадыфікацыя папярэдніх норм дзейнасці навукова-даследчых аб’яднанняў краязнаўчага профілю на тэрыторыі Заходняй Беларусі была выклікана і зменамі ва ўнутранай палітыцы польскага кіраўніцтва, пераважна пераходам органаў улады Польшчы да рэалізацыі дзяржаўнай праграмы грамадзянскага выхавання нацыянальных меншасцей і канцэпцыі рэгіяналізму.

Значным новаўвядзеннем у распадаржэнні прэзідэнта II Рэчы Паспалітай «Права аб таварыствах» ад 27 кастрычніка 1932 г. з’явілася норма аб перадачы паўнамоцтваў па рээстрацыі таварыстваў у кампетэнцыю мясцовых улад рэгіёну, што значна ўскладніла працэс стварэння грамадскага аб’яднання [2, с. 1947–1953]. Ініцыятыўнай групе неабходна было пераканаць мясцовую адміністрацыю аб належнай і карыснай дзейнасці таварыства па ажыццяўленню выканання прынцыпаў дзяржаўнай палітыкі на далучаных тэрыторыях. Акрамя таго, асобныя палажэнні «Права аб таварыствах» дазвалялі ўмешвацца рэгіянальным уладам у дзейнасць таварыства, калі яно не праяўляла пэўнай актыўнасці, што дазваляла часткова спыніць дзяржаўнае фінансаванне фіктыўных таварыстваў, але адначасова стварала для рэгіянальных і цэнтральных органаў улады дадатковыя рычагі ўздзеяння і кантролю над грамадскімі аб’яднаннямі. У сваю чаргу дзейнасць аб’яднанняў з уласна культурнымі мэтамі прыраўноўвалася да дзейнасці таварыстваў, якія не мелі ніякіх юрыдычных правоў і прадстаўлялі сабой распылістыя суполкі са слаба выражанымі мэтамі. Такого тыпу аб’яднанні існавалі часцей намінальна і даволі кароткі час, таму што дазвол на іх функцыянаванне на тэрыторыі Заходняй Беларусі рэгіянальныя органы ўлады давалі рэдка: яго сябрам забаранялася ўсялякая дзейнасць па-за межамі пасаджэнняў таварыстваў, нават накіраваная на рэалізацыю асноўных прынцыпаў дзяржаўнай палітыкі. Менавіта нормы, закладзеныя ў «Праве аб таварыствах» былі выкарыстаны дзяржаўнымі органамі ўлады для афіцыйнага спынення ці прыпынення дзейнасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі большасці заходнебеларускіх краязнаўчых таварыстваў, праца якіх з’яўлялася шкоднай з пункту гледжання рэгіянальных уладаў.

Такім чынам, атрымаўшы новыя, юрыдычна замацаваныя правы дзейнасці, краязнаўчыя таварыствы Заходняй Беларусі апынуліся ў залежнасці ад рэгіянальных органаў улады, якія ў першую чаргу кіраваліся пытаннямі ўніфікацыі польскай дзяржавы. Асветная і культурная дзейнасць заходнебеларускіх аб’яднанняў лічылася дзяржавай шкоднай і непатрэбнай, бо разглядалася асобнымі прадстаўнікамі мясцовай улады як сродак выхавання нацыянальнай самасвядомасці меншасцяў, што, на іх погляд, стварала пагрозу адзіноству і непадзельнасці маладой польскай дзяржавы.

Дзейнасць заходнебеларускіх акадэмічных таварыстваў краязнаўчага профілю, што існавалі пры Віленскім універсітэце імя С. Баторыя (далей – ВУСБ) і на якія не распаўсюджваліся юрыдычныя прынцыпы распадаржэння ад 27 кастрычніка 1932 г., рэгулявалася пастановай міністра веравызнанняў і публічнай асветы (далей – ВПА) «Аб студэнцкіх таварыствах», прынятай 30 красавіка 1933 г. [3, с. 627–629]. Пастанова дазваляла ўсім студэнтам II Рэчы Паспалітай на тэрыторыі навучальнай установы ствараць навуковыя, спартыўныя, ідэйна-выхаваўчыя, культурна-таварыскія, краязнаўчыя і прыцяляў розных нацый аб’яднанні. Акрамя шэрагу абмежаванняў у арганізацыйнай пабудове акадэмічных таварыстваў, пастанова больш

увагі звяртала менавіта на пытанні нагляду за дзейнасцю таварыства, у той час як мэтавая і ідэалагічная накіраванасць працы таварыства заставалася ў кампетэнцыі праўлення гэтага студэнцкага аб'яднання. Увядзенне пастановы на практыцы паказала недапрацаванасць некаторых прынцыпаў, таму 16 студзеня 1934 г. міністр ВПА падпісаў новы загад «Да справы змены некаторых пастаноў распараджэння міністра ВПА ад 30 красавіка 1933 г. «Аб студэнцкіх таварыствах», які замацоўваў больш жорсткія патрабаванні да ідэалагічных варункаў дзейнасці акадэмічных таварыстваў і пашыраў нагляд за працай студэнтаў з боку рэктара і Сената [4, с. 106]. Акрамя таго, згодна з новымі нормаў, адміністрацыя ВУСБ абавязана была штогод дасылаць міністру ВПА агульную даведку аб нацыянальна-культурнай і палітычнай дзейнасці студэнтаў падчас канікул, створаную на падставе справаздач асобных студэнцкіх таварыстваў.

Падрыхтаваныя дапаўненні да пастановы міністра ВПА «Аб студэнцкіх таварыствах» не здолелі кардынальна змяніць становішча ў галіне дзейнасці акадэмічных таварыстваў ВУСБ. У студэнцкім асяроддзі ўніверсітэта працягвалі дзейнічаць нацыянальныя аб'яднанні беларусаў, літоўцаў і ўкраінцаў з уласнымі крязнаўчымі мэтамі, праца якіх была накіравана на падтрымку ўласных нацыянальных культур і пашырэнне нацыянальнай самасвядомасці. У той жа час адміністрацыя ВУСБ мела мінімальныя сродкі для абмежавання, спынення ці забароны гэтай непатрэбнай для дзяржавы грамадскай дзейнасці, што вымагала новы пошук міністрам ВПА юрыдычных норм, якія б прадстаўлялі сабой сінтэз дэмакратычных прынцыпаў і рознага кшталту забарон, на падставе якіх можна было б кіраваць грамадскай актыўнасцю студэнтаў.

Новая пастанова міністра ВПА «Аб студэнцкіх таварыствах» была прынята 14 кастрычніка 1937 г. і значна пашырала магчымасці для стварэння акадэмічных таварыстваў крязнаўчага накірунку, але адначасова і павялічвала ступень кантролю за гэтай дзейнасцю з боку адміністрацыі ВУСБ [5, с. 1426–1430]. Працэдура абмежавання колькасці акадэмічных таварыстваў сярод студэнтаў, якая адпавядала дзяржаўным прынцыпам недапушчэння з'яўлення новых грамадскіх аб'яднанняў беларусаў, абавязвала на права Сената ВУСБ адмаўляць у рэгістрацыі, калі статут новага таварыства не адпавядаў усім умовам, ці калі ўжо існавала падобнае таварыства, ці дзейнасць будучага таварыства не адпавядала агульным прававым нормам, магла парушыць грамадскую бяспеку, альбо калі стварэнне новага таварыства не прынясе ніякай карысці навучальнаму і выхаваўчаму працэсу моладзі. Акрамя таго, пад кантроль універсітэцкіх улад ВУСБ аддаваліся не толькі навучальна-выхаваўчы працэс, але і ўсялякія даследчыя дзеянні і імпрэзы таварыстваў, як на тэрыторыі ўніверсітэту, якія неабходна было ўзгадняць з куратарам, так і мерапрыемствы крязнаўчага характару за межамі ўніверсітэту, якія праводзіліся толькі са згоды рэктара. Гэтыя нормы дазволілі ўладам ВУСБ на больш яасным узроўні кантраляваць грамадскую

дзеінасць студэнцкіх таварыстваў краязнаўчага профілю і стварылі прававыя падмуркі для скарачэння колькасці аб'яднанняў прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей з палітызаванымі нацыянальна-культурнымі мэтамі дзеінасці, якія не адпавядалі агульнаму кірунку дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі ў Заходняй Беларусі.

Такім чынам, заканадаўчая рэгламентацыя дзеінасці рознага кшталту грамадскіх аб'яднанняў II Рэчы Паспалітай, дазволіла павялічыць у міжваенны перыяд на заходнебеларускай тэрыторыі колькасць беларускіх і польскіх таварыстваў з навукова-даследчымі, краязнаўчымі і асветнымі мэтамі дзеінасці. Адначасова праца амаль усіх дазволеных грамадскіх арганізацый Заходняй Беларусі знаходзілася пад наглядам дзяржаўных і мясцовых органаў улады, сярод якіх галоўную ролю каардынатора краязнаўчага кірунку працы выконвала міністэрства ВПА, якое ажыццяўляла агульны нагляд за дзеінасцю ўсіх грамадскіх аб'яднанняў навукова-асветнага і краязнаўчага профілю. Таму краязнаўчая дзеінасць як адзін з кірункаў працы навукова-даследчых і нацыянальна-культурных аб'яднанняў непасрэдна залежала ад юрыдычных норм дзеіння таварыстваў на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Абмежаванне заканадаўствам II Рэчы Паспалітай магчымасцяў вольнага развіцця культурна-асветных устаноў беларускай меншасці прывяло да колькаснага дамінавання на гэтай тэрыторыі прадстаўніцтваў польскага краязнаўства.

У дапаўненні да агульнапольскага заканадаўства, якое стварала праўныя падмуркі пашырэння і развіцця краязнаўчага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі, адміністрацыйнымі ўладамі паўночна-ўсходніх ваяводстваў прымаліся рэгіянальныя заканадаўчыя акты, якія ўлічвалі заходнебеларускую спецыфіку і рэгламентавалі краязнаўчую дзеінасць на гэтай тэрыторыі.

Першапачаткова на тэрыторыі Заходняй Беларусі польскімі часовымі рэгіянальнымі ўладамі была арганізавана праца па выяўленню, ахове і рээстрацыі помнікаў, якія разглядаліся як польская гісторыка-культурная спадчына. Планавалася, што да гэтай працы самастойна далучыцца мясцовае насельніцтва праз арганізацыю і пашырэнне грамадскіх краязнаўчых арганізацый, чаго не адбылося. Таму на пасаджэнні кіраўнікоў акруг і шэфав секцый Грамадзянскага ўрада ўсходніх зямель 23 студзеня 1920 г. была прынята пастанова, якая настойліва заклікала заходнебеларускае грамадства і культурныя аб'яднанні да пашырэння апекі над гістарычнымі помнікамі ў межах асобных мясцовасцей [6, с. 5]. Тым не менш уся наступная праца рэгіянальных органаў улад заходнебеларускіх ваяводстваў у гэтым накірунку выходзіла з неабходнасці ўключэння шырокіх слаёў грамадства Заходняй Беларусі ў працэс аховы польскай гістарычнай спадчыны, як складаючай ўсяго агульнапольскага краязнаўчага руху.

На пашырэнне і актывізацыю дзеінняў па ахове помнікаў мінулага на тэрыторыі Палескага ваяводства было накіравана распараджэнне староствам Палескага ваяводдз (1 лют. 1922 г.), якое абавязвала староства распачаць дзеіненні па дакладнаму і поўнаму апісанню рэчаў, якія знаходзіліся ў старых

палацах і дзяржаўных будынках, а таксама абавязвала пачаць пошук сродкаў на забеспячэнне іх аховы і кансервацыю [7, с. 9]. Усімі працамі па даследаванні і ахове помнікаў мінулага на тэрыторыі Палескага ваяводства, кіраваў аддзел мастацтва і культуры пры Палескім ваяводскім праўленні, які ўваходзіў у склад адміністрацыйнага аддзела і падчас адсутнасці кіраўніка [кансерватара], яго паўнамоцтвы выконваў намеснік рэферэнта адміністрацыйнага аддзела. З гэтай каардынацыі ўсяго краязнаўчага руху ў межах ваяводства, рэферэнт культуры і мастацтва Палескага ваяводскага праўлення заставаўся ў цесным кантакце з мясцовымі рэгіянальнымі аддзеламі ПКТ і імкнуўся праз іх далучыць іншыя грамадскія арганізацыі да справы апекі над помнікамі мінулага Палесся [8, а. 101].

Акрамя заклікаў да заходнебеларускага грамадства, у краязнаўчую дзейнасць на гэтай тэрыторыі меркавалася ўключыць непасрэдна і прадстаўнікоў мясцовых органаў улад, што ажыццяўлялася праз стварэнне заканадаўчых умоў для кіравання рэгіянальнай адміністрацыяй краязнаўча-даследчай працай на падуладнай тэрыторыі. З 1 студзеня 1928 г. на тэрыторыі Палескага ваяводства пачала дзейнічаць новая Бюрова інструкцыя старостваў па якой нагляд за справамі розных таварыстваў і арганізацый у межах павета ажыццяўляў палітычны аддзел рэферата агульнай адміністрацыі і грамадскай бяспекі староства, за школьную справу, культуру і мастацтва адказваў грамадска-адміністрацыйны аддзел рэферата агульнай адміністрацыі і грамадскай бяспекі, а за падтрымку развіцця народных промыслаў – прамысловы аддзел адміністрацыйна-карнага рэферата [9, а. 2–52].

У пачатку 1930 г. Навагрудскае ваяводства таксама атрымала новы арганізацыйны статут старостваў, згодна з якім нагляд за навукова-даследчай дзейнасцю мясцовых таварыстваў краязнаўчага профілю, а таксама дзеянні па падтрымцы краязнаўчага руху на тэрыторыі староства знаходзіліся ў кампетэнцыі аддзелаў і рэфератаў, арганізацыйная будова і функцыі якіх былі запазычаны ў Палескага ваяводскага праўлення [10, а. 2]. Адзначаныя прадстаўніцтва органаў мясцовай улады выконвалі пераважна кантралюючую функцыю ў адносінах да арганізацый і устаноў, якія планавалі займацца краязнаўчай дзейнасцю на тэрыторыі Заходняй Беларусі, а таксама выступалі праваднікамі агульнапольскай палітыкі па ўключэнню беларускага насельніцтва ў поле ўздзеяння польскіх культурна-гістарычных каштоўнасцей.

Яшчэ адным кірункам палітыкі рэгіянальных органаў польскай улады ў адносінах да краязнаўчага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі з’яўлялася стварэнне спрыяльных умоў для павелічэння тут колькасці прапольскіх грамадскіх краязнаўчых аб’яднанняў, а таксама фінансавая падтрымка краязнаўчай дзейнасці польскіх дзяржаўных арганізацый на тэрыторыі заходнебеларускіх паветаў. У першую чаргу фінансавую дапамогу атрымалі мясцовыя аддзелы ПКТ, Палескае ТДНП, Палескае навуковае таварыства і гурткі ТРУЗ, якім згодна з пастановай аддзела культуры і мастацтва Палескага

ваяводскага праўлення ад 1929 г. выплачваліся сродкі з бюджэтаў павятовых сеймікаў пад № 7 (сродкі на развіццё культурнага руху і мастацтва) для падтрымкі мясцовай краязнаўчай дзейнасці (суды ўваходзіла апека над помнікамі, выдаткі на рэстаўрацыю, праца над манаграфіяй павета) [11, а. 65].

Працягам палітыкі падтрымкі польскіх і абмежавання колькасці ўласна беларускіх краязнаўчых таварыстваў стала выданне Палескім ваяводам у 1929 г. цыркуляра аб арганізацыі павятовых краязнаўчых таварыстваў па якому старасты павінны былі схіляць беларускае насельніцтва выключна да арганізацыі рэгіянальных аддзелаў ПКТ, а ў мясцовасцях, дзе апошнія ўжо існавалі, старасты на адміністрацыйным узроўні павінны былі падтрымаць іх дзейнасць [12, а. 6]. Мясцовай адміністрацыяй станюча ўспрымалася краязнаўчая дзейнасць толькі ў наступных накірунках: апека над помнікамі культуры мінулага ў шчыльным узаемасупрацоўніцтве з рэферэнтам спраў культуры і мастацтва Палескага ваяводскага праўлення; збор і апрацоўка матэрыялаў для падрыхтоўкі манаграфіі паветаў; апрацоўка інфармацыі, карыснай для развіцця турыстычнага руху на Палессі. Узгаданы цыркуляр аб арганізацыі павятовых краязнаўчых таварыстваў быў падмацаваны ў 1933 г. агульнапольскім законам «Аб апецы над публічнымі зборамі», які абавязваў палескія ўлады таксама спрыяць і развіццю рэгіянальных музеяў, як інстытуты на рэалізацыі праграмы дзяржаўнага выхавання аўтахтоннага насельніцтва. Такага кірунку падтрымкі краязнаўчага руху на падуладных тэрыторыях прытрымліваліся і кіраўнікі іншых заходнебеларускіх ваяводстваў, што было зафіксавана ў адпаведных цыркулярах і распараджэннях.

Адчувальнай праблемай для рэгіянальных органаў улад Заходняй Беларусі з’яўлялася павелічэнне колькасці выпадкаў вывазу каштоўных помнікаў мінулага і першабытнай гісторыі, асабліва з памежных паветаў. Актывізацыя працы ваяводскіх органаў улады ў галіне правядзення дзейнасці па забароне самавольных раскопак і спыненню вывазу культурна-гістарычных помнікаў за межы краіны адбылася толькі пасля звароту 31 мая 1931 г. Люблінскага акруговага аддзела мастацтваў да міністра ВПА [13, а. 14]. Аднак нягледзячы на карныя загады ваяводскай адміністрацыі, гандаль культурна-гістарычнымі помнікамі, скрадзенымі з палацаў і дзяржаўных памяшканняў яшчэ падчас ваеннага ліхалецця, захаваўся амаль да восені 1939 г. як пэўная рыса, што адлюстроўвала складаныя эканамічныя ўмовы, у якіх знаходзілася заходнебеларускае насельніцтва.

Такім чынам, дзейнасць мясцовых органаў улад па падтрымцы і пашырэнню краязнаўчага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі ажыццяўлялася ў рэчышчы агульнадзяржаўнага заканадаўства II Рэчы Паспалітай, падмацаванага рэгіянальнымі нарматыўнымі актамі ваяводскай адміністрацыі. Асноўнай мэтай дзейнасці мясцовых органаў улад у справе распаўсюджвання ідэй краязнаўства на падуладных тэрыторыях з’яўлялася актывізацыя інтэлектуальнага руху ў правінцыі і праца па прымусоваму ўключэнню заходнебеларускага насельніцтва ў працэс вывучэння і захавання агульнапольскіх культурных

каштоўнасцей. Гэта дасягалася шляхам стварэння спрыяльных умоў для развіцця пераважна прапольскіх грамадскіх краязнаўчых аб'яднанняў, а таксама фінансавая падтрымка іх краязнаўчай дзейнасці на тэрыторыі заходнебеларускіх ваяводстваў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Статуты саюзаў польскага настаўніцтва // Занальны Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці ў Маладзечна. – Фонд Р-436. – Воп. 1. – Адз. зах. 460.

2. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 27 października 1932 r. “Prawo o stowarzyszeniach” // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1932. – № 94. – S. 1947–1953.

3. Rozporządzenie Ministra Wyznań religijnych i oświecenia publicznego z dnia 30 kwietnia 1933 r. o stowarzyszeniach akademickich // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 30. – S. 627–629.

4. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia publicznego z dnia 16 stycznia 1934 r. w sprawie zmiany niektórych postanowień Rozporządzenia Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia publicznego z dnia 30 kwietnia 1933 r. o stowarzyszeniach akademickich // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1934. – № 6. – S. 106.

5. Rozporządzenie Ministra Wyznań religijnych i oświecenia publicznego z dnia 14 października 1937 r. o stowarzyszeniach akademickich // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1937. – № 78. – S. 1426–1430.

6. Muzeum w Grodnie. Zarys dziejów powstania i rozwoju 1920–1922. – Grodno: “Ryccerz niepokalanej”, 1923. – 44 s.

7. Okólnik wojewody do starostów w sprawie ochrony przedmiotów zabytkowych w dawnych pałacach i gmachach państwowych // Dziennik Urzędowy województwa Poleskiego. – 1921. – № 10. – S. 9.

8. Цыркуляры Міністэрства веравызнанняў і народнай асветы, справаздачы аб дзейнасці аддзела культуры // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Фонд 1. – Воп. 1. – Адз. зах. 489.

9. Інструкцыя бюроа для старостваў Палескага ваяводства на 1928 г. // Архіў новых актаў у Варшаве. – Фонд 976. – Адз. зах. 35.

10. Справаздача Навагрудскага ваяводы за 1930 г. аб агульным стане ваяводства // Галоўны архіў старажытных актаў у Варшаве. – Фонд III. – Адз. зах. 413. 11.

11. Цыркуляры Міністэрства веравызнанняў і народнай асветы, справаздачы аб дзейнасці аддзела культуры // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Фонд 1. – Воп. 1. – Адз. зах. 489.

12. Цыркуляры Палескага ваяводы аб арганізацыі павятовых краязнаўчых таварыстваў // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Фонд 1. – Воп. 2. – Адз. зах. 2403.

13. Квартальныя справаздачы аб дзейнасці Люблінскага аддзела мастацтва на тэрыторыі Люблінскага, Валынскага і Палескага ваяводстваў // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Фонд 1. – Воп. 1. – Адз. зах. 892.

(Дата падачы: 20.02.2020 г.)

Е. Г. Трубчик

Институт истории НАН Беларуси, Минск

E. Trubchuk

The Institute of History of the National academy of Sciences of Belarus,
Minsk

УДК [94+352.07(091)](476-074)

**УПРАВЛЕНИЕ ПРИФРОНТОВЫХ И ЭТАПНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ (9 СЕНТЯБРЯ – 27 НОЯБРЯ 1920 Г.):
АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА,
ФУНКЦИИ, ПОЛНОМОЧИЯ**

**MANAGEMENT OF THE FRONTLINE AND STAGED
TERRITORY (SEPTEMBER 9 – NOVEMBER 27, 1920):
ADMINISTRATIVE STRUCTURE, FUNCTIONS**

В статье впервые в отечественной историографии детально представлена система польских органов управления, действовавшая на оккупированной территории Беларуси на заключительном этапе польско-советской войны, показаны элементы организационной структуры, определены функции, компетенция и полномочия должностных лиц, проанализирован процесс формирования и ротации кадрового состава, установлен ряд фамилий и имен руководителей структурных подразделений.

Ключевые слова: польско-советская война; органы управления; гражданская администрация; организационная структура.

There is the first article in native historiography which contains the detailed system of the Polish governing apparatus on the occupied territory of Belarus valid during the final stage of the Polish-Soviet war. The author shows all elements of the organization structure, defines functions, competency and authorities of the officials, analyses the process of the formation and rotation of the staff. Also the author discovers some new names of the heads of structural unit.

Key words: the Polish-Soviet war; governing apparatus; civil administration; organizational structure.

Во время польско-советской войны (1919–1921 гг.) на оккупированной польскими войсками территории Беларуси была создана разветвленная система органов управления, которая не была статичной и изменялась под влиянием ряда факторов, связанных ситуаций на фронтах, результатов дипломатических переговоров, отношения местного населения, общественно-политической обстановки в Польском государстве и т. д. Организационная структура польских органов власти на оккупированной территории Беларуси позволяет определить основные направления политики в отношении белорусских земель, которые считались спорными между Польшей и Советской Россией.

Основным источником по изучению польских оккупационных органов управления являются «Сборники законов Гражданского управления Восточных земель», «Сборники законов Управления прифронтовых и этапных террито-

рий», архивные документы и материалы периодической печати. Несмотря на наличие широкой источниковой базы, данная проблематика не достаточно представлена в работах современных отечественных исследователей. В 1990 г. вышел коллективный труд белорусских ученых Института истории Академии наук БССР (И. М. Игнатенко, И. П. Ломако и др.) «Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917–1920» [1], в котором впервые были показаны фрагменты структуры польской администрации и направления ее деятельности. Отдельные элементы системы органов польского управления отражены в работах А. Чернякевича [2] и У. Ляховского [3]. Отсутствие обобщенной картины не позволяет говорить о достаточной разработанности проблемы. Со стороны польских исследователей отсутствует единая концептуальная позиция в отношении оценки польской политики в 1919–1921 гг. В 1960–70-е гг. деятельность органов польской власти на оккупированной белорусской территории получила достаточно объективную оценку в работах А. Деруги [4] и Левандовского [5]. Вместе с тем, система органов польской администрации была представлена обобщенно. Наиболее полно структура Гражданского управления Восточных земель впервые была охарактеризована в монографии Ю. Геровской-Каллаур [6]. Заслугой автора является установление численного состава и фамилий руководителей и служащих различных управлений и ведомств. Особое внимание уделено характеристике центрального аппарата и органов местного управления, при этом недостаточно раскрыта структура органов судебной власти, городского управления, безопасности и охраны правопорядка, налоговых органов и т. д.

В 1919–1920 гг. на оккупированной территории Беларуси сменилось три административно-территориальные структуры польских органов управления:

1. Военное управление Восточных земель (8 февраля – 12 мая 1919 г.);
2. Гражданское управление Восточных земель (12 мая 1919 г. – 9 сентября 1920 г.);
3. Управление прифронтовых и этапных территорий (9 сентября – 26 ноября 1920 г.).

Поражение советских войск под Варшавой в середине августа 1920 г. изменило ход польско-советской войны: польские войска перешли в контрнаступление. В соответствии с приказами Главнокомандующего Войска Польского Ю. Пилсудского «Об упразднении управления Генерального комиссара Восточных земель» и «Об освобождении Е. Осмоловского от должности Генерального комиссара Восточных земель» от 9 сентября 1920 г. [7] административная структура бывшего Гражданского управления Восточных земель (ГУВЗ) переходила в подчинение Министерства внутренних дел Польши.

Приказом Главнокомандующего Войска Польского от 9 сентября 1920 г. на оккупированной белорусской территории создано Управление прифронтовых и этапных территорий (УПиЭТ) во главе с бывшим начальником Минского округа В. Рачкевичем. Управление охватывало 20 белорусских уездов: Несвижский, Лидский, Лунинецкий, Воложинский, Беловежский,

Косовский, Дрогичинский, Кожан-Городокский, Столбцовский, Слонимский, Кобринский, Пинский, Брестский, Гродненский, Новогрудский, Волковысский, Каменецкий, Барановичский, Пружанский, Дисненский [8].

УПиЭТ образовывалось как временный орган гражданской власти, подчинённый министру внутренних дел Польши (в 1920–1921 гг. министром внутренних дел Польской Республики был Леопольд Скульский). Согласно Приказу Главнокомандующего Войска Польского «О компетенции министра внутренних дел в отношении Управления прифронтовых и этапных территорий, а также о разграничении компетенции гражданских и военных властей на данной территории» от 15 сентября 1920 г. министру внутренних дел передавались широкие властные полномочия: издавать обязательные для исполнения распоряжения, имеющие силу закона на всей территории УПиЭТ; исполнять функции законодательной власти и осуществлять верховный надзор за деятельностью администрации УПиЭТ; устанавливать принципы организации УПиЭТ и его органов, назначать и увольнять служащих административного аппарата и судов, вводить и упразднять руководящие должности; репрезентировать УПиЭТ перед Главнокомандующим Войска Польского и Правительством Польской Республики (Второй Речи Посполитой) [9].

Военным властям запрещалось вмешиваться в дела гражданского управления. При штабах армий назначались делегаты из представителей гражданской администрации, которые должны были осуществлять посредничество между военным командованием и гражданским населением и контролировать исполнение указов и распоряжений военных властей органами местного управления. Делегаты должны были контролировать и регулировать конфликтные ситуации, возникающие между военными и гражданскими властями, реагировать на жалобы со стороны населения на действия военных, информировать гражданское руководство о потребностях армий, доносить военному командованию о социально-экономической и политической ситуации, а также обо всех распорядительных действиях администрации УПиЭТ [10].

Распоряжением министра внутренних дел Польши от 16 сентября 1920 г. начальнику УПиЭТ передавались дела организации органов управления, политические решения во всех сферах деятельности, регулирование бюджета, право на получение кредитов, решение кадровых вопросов [11].

Деятельность структур УПиЭТ охватывала все сферы жизни общества, не связанные с военными операциями. К исключительной компетенции УПиЭТ относились:

- работа гражданской администрации и органов самоуправления, полиции, судов;
- управление делами государственного имущества (имения и иные объекты недвижимого имущества, перешедшие в собственность государства);
- функционирование налоговой и кредитно-денежной систем, развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли, контроль за товарооборотом;
- налаживание медицинского обслуживания и ветеринарной службы;

- ведение вопросов религии и народного образования;
- обеспечение населения продовольствием;
- контроль за проведением реквизиций на военные нужды;
- регулирование процесса миграции гражданского населения, выдача паспортов и пропусков [12].

В административную структуру УПиЭТ входили:

- центральное управление во главе с начальником и его заместителем;
- уездные староства, которыми руководили старосты, обладающие полномочиями бывших старост ГУВЗ;
- представительства (делегаты) при штабах армий и групп войск;
- судебные органы (окружные суды в Гродно, Пинске и Вилейке, Апелляционный суд, Кассационный суд, Наивысший суд);
- органы местного самоуправления (городские, уездные, гминные рады).

Центральное управление УПиЭт имело линейно-функциональную организационную структуру. Оно состояло из 9 департаментов, в состав которых входили специализированные отделы [13]:

Департамент президиума (начальник – Тадеуш Двораковский):

- общий отдел (Мечислав Меденовский);
- отдел кадров (Ежи Радоевский);
- отдел дисциплинарного контроля (Ян Ельский).

Департамент администрации (начальник – Тадеуш Крижановский):

- отдел самоуправления (Антоний Пивоцкий);
- административно-дисциплинарный отдел (Марьян Парфенович);
- отдел общественных объединений и прессы (Ян Бочар);
- отдел охраны общественного порядка (Ольгерд Малиновский);
- военный отдел (Героним Лещинский).

Департамент государственного имущества и лесов (начальник – Вацлав Рогинский):

- общий отдел (Игнатий Островский);
- отдел управления лесами (начальник не был назначен);
- отдел эксплуатации (Рычард Случановский).

Департамент ремесла и торговли (начальник – Адам Петровский):

- общий отдел (Адам Петровский);
- отдел промышленности (Леон Регульский);
- отдел пропуска товаров (Николай Тиханович).

Департамент технических и общественных работ (начальник – Эрнест Фризендорф):

- отдел водных коммуникаций (Михал Войткевич);
- отдел дорог и мостов (Казимир Невмежицкий);
- землемерный отдел (Ян Пестов).

Департамент финансов (начальник – Эразм Ясенский):

- отдел кредитования (начальник не был назначен);
- отдел бюджета (Казимир Шелига);

- отдел налогообложения (Габриель Чехович);
- отдел государственной монополии и акцизы (Бронислав Ковалевский);
- отдел учёта (руководитель Людвиг Микке).

Департамент сельского хозяйства (начальник не был назначен):

- отдел хозяйства (начальник не был назначен);
- ветеринарный отдел (Станислав Щука).

Департамент продовольствия (начальник не был назначен):

- отдел государственных поставок (Эдмунд Бокун);
- отдел закупок (Станислав Устинович).

Департамент общественного просвещения (начальник – Люциан Зажецкий):

- отдел общеобразовательных школ (Казимир Желенговский);
- отдел средних школ (Люциан Квек);
- отдел профессиональных школ (Казимир Вольбек).

Непосредственно начальнику УПиЭТ подчинялись департамент финансов, департамент государственного имущества и лесов, департамент сельского хозяйства, департамент общественного просвещения. Остальные департаменты находились под контролем заместителя начальника УПиЭТ [14].

Отделы, которыми руководили начальники, подчинялись непосредственно начальнику УПиЭТ. Отделы, во главе которых стояли руководители, находились под контролем начальников соответствующих департаментов.

Кроме департаментов, в центральном управлении УПиЭТ функционировало четыре самостоятельных отдела во главе с начальниками:

- отдел общественной опеки (Павел Геттель);
- отдел статистики (Константин Вигура);
- отдел общественного здоровья (Стефан Мучинский);
- отдел тюремного заключения (начальник не был назначен).

Распоряжением министра внутренних дел от 14 октября 1920 г. предписывалось носить военную форму служащим центрального аппарата УПиЭТ (начальнику УПиЭТ, заместителю начальника УПиЭТ, начальникам департаментов, руководителям отделов, начальникам канцелярии, интенданту, референтам, секретарям, инспекторам), должностным лицам органов местного управления (старостам и их секретарям, референтам, начальникам канцелярий, интендантам, начальникам районов), представителям гражданской администрации при штабах армий (делегатам при штабах армий и их референтам) [15].

Геополитический статус территории УПиЭТ не был официально определен на международном уровне, однако основная часть польского общества негативно восприняла введение автономного аппарата управления на оккупированных землях. Политические деятели и университетская профессура на страницах правительственной газеты «Rzeczpospolita» активно выступали за передачу данной территории польским общегосударственным органам власти. В статье «Кресовый эксперимент» отмечалось, что предыдущая администрация – Гражданское управление Восточных земель, привела к анархии на

оккупированной территории, а Польское государство – к многомиллионным затратам. Создание УПиЭТ было названо «очередным административным абсурдом» [16].

Политика, проводимая УПиЭТ, была направлена на сближение оккупированных земель с Польским государством. Циркуляром начальника УПиЭТ от 28 октября 1920 г. разграничивались понятия «государственный язык» и «местный язык». Польский язык объявлялся единственным государственным языком на территории УПиЭТ. Местным языком признавался язык, на котором говорило большинство населения. В Брестском, Пружанском, Слонимском, Новогрудском, Пинском, Барановичском, Лунинецким, Вилейском, Несвижском и Дисненском уездах в качестве местного языка определялся белорусский. Он допускался при устных и письменных обращениях населения к представителям власти, а также наряду с польским текстом в афишах, объявлениях, вывесках с названиями государственных учреждений. Официальное делопроизводство, в т. ч. составление ответов на обращения граждан, осуществлялось только по-польски. В общеобразовательных школах допускалось преподавание на местном языке. Исключение составляли школы Волковысского, Лидского и Гродненского уездов, где обучение на местных языках было запрещено [17].

После подписания договора о перемирии и прелиминарных условиях мира между Польской Республикой и Советской Россией (12 октября 1920 г.) на белорусских землях, которые остались за Польшей, было проведено новое административно-территориальное деление: создано Полесское воеводство с центром в Пинске (Брест-Литовск, Дрогичин, Кобрин, Лунинец, Косово, Пинск, Пружаны) и Новогрудское – с центром в Новогрудке (Барановичи, Дуниловичи, Дисна, Лида, Несвиж, Новогрудок, Слоним, Столбцы, Вилейка, Воложин). Гродненский, Волковысский и Беловежский уезды присоединялись к Белостокскому воеводству. На эти земли начали распространяться декреты, законы и распоряжения, действовавшие на всей территории Польши. Совет Министров имел право на отмену распоряжений и приказов различного происхождения, изданных для ограничения или привилегий какой-либо народности или вероисповедания. Отмечалось, что «отдельные распоряжения обеспечат населению этих земель право на свободное развитие просвещения, культурной и религиозной жизни на родном языке» [18].

Официальным печатным органом УПиЭТ являлся «*Dziennik Urzędowy Zarządu Terenów Przyfrontowych i Etapowych*» («Сборник законов Управления прифронтовых и этапных территорий»). В период с 5 октября по 12 декабря 1920 г. было издано 5 номеров. В «*Dzienniku...*» публиковались все приказы, распоряжения, циркуляры и инструкции, изданные на территории УПиЭТ, а также кадровые решения и судебные объявления.

Согласно распоряжению Совета Министров Польской Республики от 26 ноября 1920 г. УПиЭП было ликвидировано, а бывшая администрация переходила в подчинение отраслевых министерств. Департамент президиума, Департамент администрации и Главная канцелярия УПиЭТ передавались

Министерству внутренних дел Польской Республики. Руководителем данных подразделений был назначен В. Рачкевич. Департамент финансов переходил в подчинение Министерству финансов Польской Республики, Департамент сельского хозяйства наряду с Департаментом государственного имущества и лесов – Министерству сельского хозяйства и государственного имущества, Департамент продовольствия – Министерству продовольствия, Департамент технических и общественных работ – Министерству общественных работ, Департамент общественного просвещения – Министерству вероисповеданий и общественного просвещения Польской Республики [19].

Список использованных источников

1. Иностранная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 / И. М. Игнатенко, И. П. Ломако, Е. К. Прыгунова и др.; отв.ред. И. И. Минц. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 242 с.
2. *Чернякевич, А. Н.* Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1919 г. – март 1920 г.): автореф. дис. канд. ист. наук / А. Н. Чернякевич; Бел. гос. ун.-т. – Минск, 2001. – 20 с.
3. *Ляхоўскі, У.* Беларуская справа падчас польскай акупацыі 1919–1920 гг. / У. Ляхоўскі // Спадчына. – 1994. – № 6. – С. 50–87.
4. *Deruga, A.* Polityka wschodnia Rzeczypospolitej w latach 1919–1939 / A. Deruga. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1983. – 332 s.
5. *Lewandowski, J.* Federalizm. Litwa a Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI. 1919 – IV. 1920 r.) / J. Lewandowski. – Warszawa: PWN, 1962. – 264 s.
6. *Gierowska-Kallaur, J.* Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego – 9 września 1920) / J. Gierowska-Kallaur. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton Institut Historii PAN, 2003. – 447 s.
7. Rozkaz Naczelnego Wodza W. P. z dnia 9-go września 1920 r. o zniesieniu Urzędu Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich oraz Urzędu Komisarza Ziem Wołynia i Frontu Podolskiego // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 1 (20 paźdz.). – Poz. I-1.
8. Rozkaz Naczelnego Wodza W.P. o utworzeniu Tymczasowego Zarządu na Terenach przyfrontowych i etapowych, 9 września 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 1 (20 paźdz.). – Poz. I-2, 3.
9. Roskaz Naczelnego Wodza W. P. w przedmiocie określenia kompetencji Ministra Spraw Wewnętrznych w sprawach Tymczasowego Zarządu Terenów przyszyfrontowych i etapowych, oraz rozgraniczenia kompetencji władz cywilnych i wojskowych na tych terenach // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 1 (20 paźdz.). – Poz. I-4.
10. Instrukcja czasowa delegatów Zarządu na Terenach przyfrontowych i etapowych przy Dowództwach Armii // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 1 (20 paźdz.). – Poz. II-7.
11. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych w sprawach Zarządu Terenów przyfrontowych i etapowych, 16 września 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 1 (20 paźdz.). – Poz. II-5.
12. Roskaz Naczelnego Wodza W. P. w przedmiocie określenia kompetencji Ministra Spraw Wewnętrznych w sprawach Tymczasowego Zarządu Tymczasowego Terenów przyszyfrontowych i etapowych, oraz rozgraniczenia kompetencji władz cywilnych i wojskowych na tych terenach // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 1 (20 paźdz.). – Poz. I-4.
13. Ruch szlżbowy // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 1 (20 paźdz.). – Poz. II-5; № 5 (18 listop.). – Poz. VI-35; № 5 (12 grud.). – Poz. VI-50
14. Przepisy służbowe // Rozkaz dzienny Szefa ZTPiE. – 1920. – № 2 (paźdz.). – S. 1. – Poz. III-16.

15. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych w przedmiocie umundurowania urzędników Zarządu Terenów Przyfrontowych i Etapowych, oraz zapomogi na umundurowanie, 14 października 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 2 (1 listop.). – Poz. II-12.

16. Eksperyment kresowy // Rzeczpospolita. – 1920. – 2 paźdz (№ 113). – S. 3.

17. Okólnik Szefa Zarządu terenów Przyfrontowych i Etapowych w przedmiocie języka urzędowego oraz używalności języków miejscowych w stosunkach urzędowych i w szkolnictwie na terenach podległych Zarządowi T.P. i E., 28 października 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 3 (7 listop.). – Poz. V-26.

18. Ustawa z dnia 4 lutego 1921 r. o unormowaniu stanu prawno-politycznego na ziemiach przyłączonych do obszaru Rzeczypospolitej na podstawie umowy o preliminarzym pokoju i rozejmie podpisanej w Rydze dnia 12 października 1920 r. // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1921. – № 4 (17 maja). – Poz. 33.

19. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 27 listopada 1920 r. w przedmiocie zniesienia i likwidacji Tynczasowego ZTPiE // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 5 (12 grudnia). – Poz. II-36.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

E. С. Ушакова

Республиканский институт высшей школы, Беларусь, Минск

E. Ushakova

National Institute for Higher Education, Belarus, Minsk

УДК 930(47:316.344.42) «18/19»

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРОФЕССОРАХ ИМПЕРАТОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ – УРОЖЕНЦАХ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ – В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

MODERN RUSSIAN RESEARCH ON PROFESSORS OF IMPERIAL UNIVERSITIES – NATIVES OF THE BELARUSIAN LANDS – IN THE LATE XVIII – EARLY XX CENTURY

В статье анализируются современные российские исследования об истории научных элит и инфраструктуре высшего образования Российской империи в конце XVIII – начала XX в.. Автора особо интересуют аспекты, связанные с деятельностью уроженцев белорусских губерний в Варшавском университете в имперский период. Предметом анализа выступают авторефераты диссертаций по социально-гуманитарным наукам, которые прошли зачету в 1995–2018-е годы в России и размещены в Едином электронном каталоге Российской государственной библиотеки. За последние 25 лет наблюдается устойчивый интерес российских ученых к истории высшего образования в имперский период, наблюдается рост защит диссертаций по изучению научной инфраструктуры, деятельности научных кадров, эмиграции ученых, процессов формирования научных школ.

Ключевые слова: XIX век; научные элиты; А. С. Будилович; О. М. Ковалевский; региональные элиты; Российская империя; Варшавский императорский университет.

The article analyzes modern Russian research on the history of scientific elites and the infrastructure of higher education in the Russian Empire at the end of the XVIII – early XX century. The author is particularly interested in aspects related to the activities of natives of the Belarusian provinces at the University of Warsaw during the Imperial period. The subject of the analysis is the abstracts of dissertations on social and humanitarian Sciences that were defended in 1995–2018 in Russia and placed in the Unified electronic catalog of the Russian state library. Over the past 25 years there has been a sustained interest of Russian scientists to the history of higher education in the Imperial period, the rise of the thesis on the scientific infrastructure, activities of scientific personnel, emigration of scientists, the processes of formation of scientific schools.

Key words: XIX century; scientific elites; A. S. Budilovich; O. M. Kovalevsky; regional elites; Russian Empire; Warsaw Imperial University.

В современной исторической науке достаточно активно исследуется проблема формирования и функционирования научно-образовательной инфраструктуры высшего образования Российской империи. Свидетельством данного факта является определенное число диссертационных исследований, подготовленных по философским, историческим, юридическим, социологическим и другим гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам. Как менялась динамика научных исследований по указанной тематике позволяет получить электронный каталог Российской государственной библиотеки [1].

Стоит отметить, что достаточно масштабно анализировал современные российские исследования в рамках изучения элит периода долгого XIX века на территории империи белорусский исследователь С. Ф. Шимукович, в статье которого «...выявлены и описаны проведенные исследования в современной российской исторической науке и в смежных гуманитарных науках, касающиеся анализа деятельности разнообразных групп элит в период с конца XVIII и до начала XX века на территории, которая входила в состав Российской империи» [9, с. 418–419].

Нас интересует более узкая группа научной элиты. Поиск авторефератов диссертаций по интересующей нас тематике осуществлялся через поисковую форму электронного каталога библиотеки, по ключевым словам, и словосочетаниям, таким, как: «научные элиты»; «региональные элиты Российской империи»; «Варшавский императорский университет», что позволило сформировать адекватную подборку исследований, выполненных по важным направлениям исследований в данном аспекте. Полученный нами материал был систематизирован по хронологическому (конец XVIII – начало XX века) и тематическому принципу (научные элиты, региональные элиты Российской империи белорусского происхождения, Варшавский императорский университет, А. С. Будилевич, О. М. Ковалевский). Следует отметить, что трудность поиска информации о научных элитах белорусского происхождения заключается зачастую в ее неопределенной идентификации. Так, постоянно требуется дополнительная проверка места рождения каждого ученого, для того, чтобы получить полную уверенность в принадлежности к искомой нами группе. Отобранные нами исследования можно условно разделить на две группы.

Наибольший интерес представляет немногочисленная группа исследований, посвященных изучению профессорско-преподавательского корпуса как социальной группы российского общества в период конца XIX – начала XX в. Этот период является временем становления в России гражданского общества, для которого характерно проявление, прежде всего, гражданской инициативы «снизу». Университетские преподаватели, несомненно, были одной из немногих категории российского социума, готовых в интеллектуальном и практическом отношении к построению основ такого общества. Предметом данных исследований является профессорско-преподавательский корпус университетов Российской империи конца XIX – начала XX в.: Варшавского, Казанского, Московского, Николаевского (Саратов), Новороссийского (Одесса), Санкт-Петербургского, Св. Владимира (Киев), Томского, Харьковского, Юрьевского (Дерптского), а также Пермского отделения Петроградского университета.

Так, в работе М. В. Грибовского особый интерес представляет второй раздел, посвященный социальному, возрастному, национальному составу профессорско-преподавательского корпуса в интересующий нас хронологический период. Автора особо интересовали учебные заведения западных окраин Российской империи (Дерптский и Варшавский университеты), где острее всего стоял «национальный вопрос». Проведенный анализ исследования университетского преподавательского сообщества позволяет утверждать, что императорские университеты XIX в., представляли в большей степени, оппозицию по отношению к власти, действовавшей в России до февраля 1917 года [2].

Также необходимо отметить исследования, в которых анализируются соотношения интересов населения регионов и правящей элиты Российской империи, где этнокультурная политика царизма в последней трети XIX – начале XX века формировалась и реализовывалась в условиях противостояния различных национальных и имперских проектов. Особый интерес в этом вопросе имела деятельность видного слависта Антона Семеновича Будиловича, уроженца Гродненской губернии (1846–1908), профессора Нежинского историко-филологического института, профессора и исполняющего обязанности ректора Варшавского и ректора Юрьевского (ранее – Дерптского) университетов. Находясь впоследствии на государственных постах в системе Министерства народного просвещения, А. С. Будилович разрабатывал и внедрял в регионах империи, определенные политические и культурно-образовательные модели и практики. Будучи ученым и педагогом, он активно занимался политикой и администрированием в сфере образования, имел обширные связи в научном мире. Изучение личности А. С. Будиловича позволяет рассмотреть принципы управления национальными регионами в масштабах Российской империи. Деятельность А. С. Будиловича рассмотрена в автореферате Ольги Анатольевны Фомичевой, где сделан акцент на практиках русификации, при оценке которой одни современники данного ученого выступали в защиту этого

профессора и рассматривали деятельность А. С. Будиловича как отвечающую общеимперским интересам (Е. В. Петухов), а другие критиковали его русификаторскую политику (В. Спасович, А. Корнилов). Особого внимания исследователя заслужили труды А. С. Будиловича, в которых отразился общий взгляд ученого на национальную политику, его представления об отдельных восточноевропейских народах, способах решения их социокультурных и образовательных проблем [3].

На территории белорусских земель к середине XIX века была ликвидирована научно-образовательная инфраструктура высшего образования, что значительно затруднило процессы воспроизводства региональных элит, а также возможности для самореализации представителей интеллектуальной и научной элиты – уроженцев белорусских земель, вынужденных трудиться за пределами своего региона. Среди доступных для уроженцев белорусских земель научных и образовательных учреждений были университеты и институты на польских землях, входивших в состав Российской империи (в частности, Варшавы), где некоторые будущие ученые получали высшее образование, а также реализовывали свою научную деятельность. В дореволюционной историографии проблема интеллектуальной и научной элиты – уроженцев белорусских земель – изучалась недостаточно последовательно. Историографические материалы в большей степени касались анализа «польского вопроса», который стал объектом международной политики, а польская территория превратилась в предмет торга европейских держав.

Таким образом, в XIX веке университеты Российской империи являлись не только административным, но и культурным центром науки и образования, на который возлагалась подготовка квалифицированных кадров для системы управления империей, а также ставилась задача по выравниванию культурной разницы полиэтнического имперского пространства. Университеты являлись местом концентрации научной интеллектуальной элиты региона, здесь осуществлялось возобновление региональных элит.

В данном контексте нас также интересует группа исследований, в рамках которых изучается традиция Казанского и Варшавского университетов как центров научных школ, в создании которых принимали участие самые разные уроженцы имперских окраин, в том числе и белорусского региона. Достижения данных лиц анализируются в исследовании Анастасии Владимировны Гатиловой, посвященном научным династиям «польских» профессоров и преподавателей в Казанском университете в XIX – начале XX в. Проведенный ученым исторический анализ позволит обогатить историю как Казанского университета, так и историю России, Беларуси и Польши, а также историческую науку в целом [4].

Определенное внимание российских ученых привлекает проблема польской ссылки в имперский период. Ей посвящена одна из глав исследования А. В. Гатиловой. В диссертации описаны причины появления, условия жизни ссыльных поляков в России, и, в частности, в Казанской губернии. В настоя-

щее время исследователем установлены исторические факты существования в Казанском университете восьми научных династий «польских» профессоров и преподавателей – это (по версии российского историка) Адамюки, Догели, Залесские, Ковальские, Лукашевские, Петровские, Янишевские, а также Ковалевские. В частности, Ковалевский Осип (Юзеф) Михайлович – уроженец белорусского региона (Гродненская губерния) Российской империи. В 1818 году будущий ученый вступил в общество филоматов, где работал вместе с А. Мицкевичем, Я. Чечотом и Т. Заном. Все они вспоминают его в своих стихах того периода, в частности, А. Мицкевич в своем стихотворении «На именинах Юзефов: Ежовского и Ковалевского»). Был арестован по «делу филоматов» в 1823 г. и по решению суда был сослан в Казань в ссылку [4]. В рамках научной экспедиции работал в Пекине в качестве секретаря дипломатической миссии и лица, ответственного за сбор научных материалов о культуре Китая и китайском и монгольском языках. Благодаря стремлениям и собственным усилиям успешно сложилась его научная и профессиональная судьба: он поступил на службу в Казанский университет, где стал в 1834 г. доцентом, а в 1837 г. – ординарным профессором. Трижды был деканом историко-филологического факультета (1837–1841, 1845–1849, 1854–1858), а в 1854–1860 гг. – ректором университета. В 1846 г. О. М. Ковалевский получил главную научную премию России – премию Демидова, имел награды иностранных правительств. В 1862–1878 гг. ученый был профессором истории в Императорском Варшавском университете, занимал в эти же годы пост декана филолого-исторического факультета. За научную деятельность получил многочисленные награды от правительства – орден Святого Станислава, Орден Святой Анны первой степени, Орден Святого Владимира второй степени, состоял в научных обществах России, Парижа, Дании. Похоронен в Варшаве, хотя варшавское общество прохладно его приняло из-за лояльности по отношению к имперским властям.

Личная, научная и творческая деятельность ученого-ориенталиста представлена в монографии Р. М. Валеева «Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878)», где представлена жизнь человека, заведовавшего первой в России и Европе кафедрой монгольской словесности. Имя О. М. Ковалевского связано с формированием и развитием российской школы монголоведения, которая родилась в 30–50-х годах XIX века по итогам научного путешествия в Сибирь, Бурятию, Монголию и Китай (1828–1833), где ученый собрал уникальные книги, рукописи и этнографические материалы народов Центральной Азии, в дальнейшем подготовил и издал ряд классических работ в области монголоведения, буддизма, исследовал в своих работах историю, языки, литературу, религию, фольклор, этнографию монгольского народа. Особую роль сыграл О. М. Ковалевский в воспитании известных востоковедов-монголоведов России: Д. Банзарова, В. П. Васильева, К. Ф. Голстунского, Г. Гомбоева, В. Л. Котвича, А. М. Позднеева и др. [6, с. 95].

Нужно отметить, что в период вхождения Польши и Беларуси в состав Российской империи «польские» ученые (в состав которых огулом включали и уроженцев белорусских земель) оказались включенными в процесс освоения и изучения Россией так называемого «большого» Востока, в том числе Забайкалья, Монголии, Китая. Научная элита белорусского происхождения внесла свой вклад в качество преподавания предметов в учреждениях высшего образования и в формирование российской ориенталистики в целом. Они изучали не только язык, но и историю, этнографию, религию восточных народов. В этой связи определенный интерес представляет автореферат диссертации Ариадны Сергеевны Хеубшман, посвященной польскому монголоведению XIX–XXI вв. Это научное исследование выявляет особенности политики Российского правительства, заинтересованного в изучении Центральной Азии и Сибири. Так, автор отмечает, что О. М. Ковалевский писал свои труды в основном на русском языке и издавался в России [7, с. 4, 5]. В этой связи также следует отметить как определенное достижение публикацию монографии В. Л. Котвича в 1935 г. «Граф Ян Потоцкий и его путешествие в Китай», а в 1948 г. во Вроцлаве выходит еще одна его монография, посвященная анализу научной деятельности О. М. Ковалевского с полным списком его библиографии. После В. Л. Котвича, начиная с 1983 г., ряд российских историков и востоковедов (Г. Ф. Шамоу, О. Н. Полянская, Р. М. Валеев) также посвятили свои научные работы О. М. Ковалевскому. Таким образом, деятельность уроженцев белорусских земель, преподавателей в имперских университетах, представляет исследовательский интерес у современных российских ученых после достаточно большого временного перерыва, что объясняется, в том числе, открытием доступа к архивам.

Так, в монографии Екатерины Юрьевны Жаровой «Университеты Российской империи: от естественнонаучного к биологическому образованию» основное внимание обращается на проблемы специализации естественных отделений и физико-математических факультетов, складывании системы испытаний – вступительных, переводных и итоговых экзаменов, а также систем обучения (курсовой и предметной) и организации учебного процесса (лекций и практических занятий), роли профессоров, студентов и качестве профессорских лекций [8].

На протяжении так называемого «долгого XIX века» гордостью белорусской земли стали уроженцы Гродненской губернии: ректор Дерптского университета Антон Семенович Будилович; член-корреспондент Императорской Академии Наук, ректор Варшавского университета Ефим Федорович Карский; дипломат, историк-славист Викентий Васильевич Макушев. Огромный вклад в развитие медицины внес Людвиг Иосифович Свержевский, выходец из Витебской губернии. Земляками Людвиг Иосифовича также были Игнатий Андреевич Коссович (преподавал в Варшавском университете с 1870 года), Лев Иосифович Петражицкий (с 1898 по 1918 г. заведующий

кафедры философии права); филолог-славист, историк, профессор Варшавского университета Александр Львович Погодин; профессор химии, ученик А. М. Бутлерова, уроженец Витебщины Александр Ничипорович Попов. В области медицины совершал открытия в Варшавском университете профессор кафедры психиатрии, врач-психиатр, выходец из Минской губернии Иван Романович Пастернацкий и декан медицинского факультета Владимир Львович Бродовский. Выходцы из белорусских земель внесли огромный вклад в науку, они стали теми учеными, исследовательскую деятельность которых трудно переоценить.

Стоит отметить, что современные российские исследователи достаточно детально изучают разные аспекты деятельности научной элиты в период XIX – начала XX в. В контексте изучения деятельности профессуры российских императорских университетов их внимание обращается и на ученых – уроженцев белорусских земель, хотя нельзя сказать, что они сами являются специфическим объектом специализированных исторических исследований. Также необходимо отметить, что на уроженцев белорусских земель зачастую распространяется несколько неоправданный, с нашей точки зрения, взгляд как на «поляков», обусловленный их прежде всего конфессиональной и, в некоторой степени, гражданской идентификации. Данные вопросы требуют дополнительных исследований и интерпретаций, в том числе и представителями белорусской исторической наукой.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Российской государственной библиотеки: Единый электронный каталог [Электронный ресурс]. – М.: РГБ, 1999–2020. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search>. – Дата доступа: 15.02.2020.
2. *Грибовский, М. В.* Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества: 1884 г. – февраль 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / М. В. Грибовский; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск, 2018. – 43 с.
3. *Фомичева, О. А.* Деятельность А. С. Будиловича (1846–1908) в национальных регионах Российской империи: автореф. дис...канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Фомичева; Росс. гос. гум. универ. – М., 2013. – 26 с.
4. *Гатилова, А. В.* Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете: XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Гатилова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2012. – 23 с.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина; Казан. ун-т. Ч. 2: Факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного материала, 1904. – 455 с.
6. *Валеев, Р. М.* Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Валеев Р. М. [и др.]. – Казань: «Алма-Лит», 2004. – 288 с.
7. *Хеубшман, А. С.* Польское монголоведение XIX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. С. Хеубшман; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2016. – 22 с.
8. *Жарова, Е. Ю.* Университеты Российской империи: от естественнонаучного к биологическому образованию. Очерки истории: монография / Е. Ю. Жарова. – М.: РУСАЙНС, 2017. – 274 с.

9. Шимукович, С. Ф. Современная российская историческая наука об элитах долгого XIX века / С. Ф. Шимукович // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Минск: РИВШ, 2018. – Вып. 18. – Ч. 1. – С. 418–425.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

Хань Юй

Белорусский государственный университет, Минск

Han Yu

Belarusian State University, Minsk

УДК 32.327(091)

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ СО СТРАНАМИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

DEVELOPMENT OF CHINA'S RELATIONS WITH THE COUNTRIES OF THE KOREAN PENINSULA IN MODERN SCIENTIFIC RESEARCH

В статье приводятся данные анализа наиболее известных научных исследований конца XX – начала XXI в., посвященных изучению проблем развития отношений Китая со странами Корейского полуострова. Рассмотрены исторические тематические и методологические направления и политико-экономические предпосылки относительно дальнейших путей научных исследований указанного объекта.

Ключевые слова: международные отношения; Азия; страны Корейского полуострова; Китай; научные исследования; проблематика.

The article presents the data of the analysis of the most famous scientific researches of the late XX – early XXI century, devoted to the study of the problems of China's relations with the countries of the Korean Peninsula. Consider the historical thematic and methodological directions and political-economic prerequisites concerning the further ways of scientific researches on the specified object.

Key words: international relations; Asia; countries of the Korean Peninsula; China; scientific research; problems.

Учеными неоднократно отмечалось, что со сменой историко-политической ситуации значительно активизировался процесс исследования международных отношений. Со сменой геополитического вектора влияния в сторону КНР, изучение исторических предпосылок его влияния в данном регионе Северо-Восточной Азии усилили актуальность данного научного направления. Широкое привлечение достижений новой локальной истории является целесообразным во время изучения истории отдельных пространственных регионов. Также может быть актуальным изучение отдельных социальных групп, институтов, политических или экономических изменений в определенном регионе.

Подавляющее большинство диссертационных работ подобной направленности в Китае, России и Беларуси конца XX – начала XXI в. посвящено исследованию различных проявлений влияния КНР на социально-экономическую и политическую ситуации в странах Корейского полуострова. Среди них отдельной работы связаны с рассмотрением феномена азиатского видения применения политических инструментов «мягкой силы» и близких по контексту явлений. На сегодняшний день видится необходимым проанализировать проблематику, отраслевую направленность и методологические основы уже представленных научному миру диссертационных работ, поскольку комплексное описание особенностей данного типа работ по выбранной проблематике отсутствует (за исключением анализа источников в соответствии с конкретной проблемой, содержащейся в каждой диссертации и автореферате).

Целью этого анализа и данной статьи является: раскрыть специфику научного исследования торгово-экономических, политических и социально-культурных отношения Китая со странами Корейского полуострова. В контексте поставленной цели будут рассмотрены ключевые направления методологии в данном типе исследований; выявлены тенденции и возможные пути дальнейших исследований.

Базой исследования послужили широко известные работы российских и китайских ученых, посвященных проблемам изучения формирования и развития дипломатических, экономических и социально-культурных отношений Китая со странами Корейского полуострова во второй половине XX – нач. XXI в.

В качестве критериев для анализа диссертаций предлагаются такие: отрасль знаний и специальность, с которых написано исследование; тематика диссертации; использованная методология и методы.

Что касается тематики анализируемых работ, то здесь безусловным лидером является политический аспект исследований. Такой ракурс, по мнению Л. В. Забровской, чрезвычайно положительным моментом, что свидетельствует о неотвратимости является процесс глобализации, который сопровождает активное развитие регионов и их самосознания (в том числе геополитического) и утверждения роли Китая в мире [4].

Другой известный ученый профессор С. В. Севастьянов указывает на необходимость проведения детальной геополитической экспертизы фактов и событий противостояния двух Корей за последние пятьдесят лет. Уникальность сочетания азиатских – китайских, конфуцианских ценностей управления с западноевропейскими социальными технологиями формирует особенности развития геополитических отношений Китая со странами Корейского полуострова. Ученый также посвятил свою монографию исследованию регионального противостояния Китая и Японии за лидерство в азиатско-тихоокеанском регионе (АТР), а также роли стран Корейского полуострова в данном конфликте [13].

В докторской работе А. Б. Волынчука представлен детальный анализ соотношения геополитических статусов стран Северо-Восточной Азии.

Выявлены ключевые особенности проведения геополитической экспертизы трансграничного региона «Северо-Восточная Азия» в условиях динамичного баланса сил. Ученый в своем исследовании указывал на то, что глобальный центр политической и экономической активности перемещается с Атлантики на Тихий океан, где страны Северо-Восточной Азии в перспективе должны стать приоритетными партнерами России [3, с. 328; 2].

К. В. Асмолов анализирует причины разных результатов процессов экономической модернизации двух корейских государств, приведших к существенно различным уровням жизни населения, проблемам их торговых и внешнеэкономических связей. Ученый отмечает, что связи между КНР и КНДР вполне описываются выражением «дружба, скрепленная кровью», хотя КНДР всегда старалась лавировать между Россией и КНР. В настоящее время стратегически «трудный выбор» Пекина в отношении КНДР, по мнению автора еще не сделан, а на тактическом уровне он определяется политической обстановкой. Ученые политологи сходятся во мнении, что на внешнюю политику влияют не только собственные растущие возможности Китая, но и другие факторы [1, с. 104].

Систематизация выводов диссертационных исследований по данной теме, позволяет определить ключевые из них:

Во-первых, противостояние Южной и Северной Корей определяет вектор политики в регионе и необходимости создания нового Тихоокеанского альянса. При этом возросшее влияние США, Китая и России на регион в основном характеризуется ростом военной активности, что определяет военную напряженность.

Во-вторых, растущая милитаризация всех территориально близки государств (Китая, России, Южной Кореи и Японии) заметно усиливается с возникновением политических противоречий между странами Корейского полуострова.

В-третьих, эскалация территориальных споров со странами АСЕАН. Прежде всего, это касается контроля за богатыми нефтегазовыми месторождениями шельфа Южно-Китайского моря.

В целом, наблюдая китайско-северокорейские отношения, ситуация видится следующая: с одной стороны, КНДР провоцируют открытое противостояние с США. По мнению китайских ученых, Вашингтон пытается спровоцировать военный конфликт с соседями Пекина, который неизбежно приведет к экономическому ослаблению китайцев. В свою очередь, Китай агрессивно уклоняется от удара и призывает к мирному сотрудничеству. В Пекине исходят из реалий: Китай и США – две крупнейшие экономики Азиатско-Тихоокеанского региона, от того, как они друг с другом смогут договориться, зависит развитие региона. И, конечно, если обе страны столкнутся, это потеряет все остальные страны региона. Фактически в Пекине привыкли к напряженности в регионе и спокойно наблюдают за попытками создания антикитайских альянсов.

Существует ряд работ, в которых авторы стремятся выявить специфику (в том или ином контексте) стратегии КНР в интеграционных процессах в АТР. Так, С. И. Мишина, оперируя такими понятиями, как «новая геополитическая картина мира», «Транстихоокеанское партнерство», «Восточноазиатское сообщество», обосновывает остроту научного исследования распадом биполярного мира и формирование комплексно новой ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе [10].

Кандидат политических наук Чжань Юйсинь в своей диссертации внешнюю политику Китая в отношении стран Корейского полуострова объясняет положениями внешнеполитической доктрины КНР. При этом ученый указывает на ключевые признаки перехода Китая из региональной державы в глобальную, в частности: 1) достижение и удержание Китаем высоких темпов экономического роста и промышленного производства; 2) рост благосостояния китайской нации; 3) расширения спектра экономического влияния на Западе за счет появления глобальных транснациональных компаний и скупки правительством КНР государственных американских облигаций и мн.др. Все эти факторы, обосновывают роль Китая не только в контексте развития международных отношений с региональными государствами, но и определяет смещение «вектора силы» в регионе в сторону Китая [15, с. 8].

Общезвестно, что историческая наука, как и любая другая, должна развиваться независимо от внешних, в том числе политических факторов, которые могут ее, деформировать или искажать. Однако полностью избежать влияния указанных факторов на нее невозможно. И подобно, как реалии нашего настоящего влияют на нее, соответствующим образом и история должна давать нам те знания, которые бы способствовали избежать прошлые ошибки. Также достаточно важной задачей современной исторической науки является создание необходимого подтекста, то есть формирование идейно-политических основ той же политической деятельности, без которых она превращается в политиканство, демагогию, популизм, политическое шулерство и другие опасные для общества проявления. С учетом этих обстоятельств следует продолжить рассматривать роль и значение Китая в тихоокеанском регионе и проблем развития международных отношений с Северной и Южной Корей, связанных с актуализацией проблематики обозначенного исследования в контексте истории. Методология исследования будет основываться на разделении большинства принципиальных и справедливых оценок и подходов к данной проблематике, в частности: тенденций роста интереса современных исследователей к истории зарубежных стран, совершенствовании методологии исследований и усиления организационных мероприятий.

Важными, в данной связи, видятся выводы кандидата исторических наук А. Н. Ролина. Он справедливо указывал на то, что ключевыми предпосылками проведения научных исследований в данной сфере, было растущее противостояние России и США. И как следствие, в результате непростых

экономических трансформаций в азиатском регионе началась политическая борьба за сферы влияния [12].

Широкий круг проблем подняла в своей работе И. С. Ланцова. Во многом свое исследование она основывала на роли обеспечения безопасности и сохранения мира. *«Изменения в системе международных отношений после окончания холодной войны, как на глобальном, так и на региональном уровне привели к стремлению Северной Кореи самостоятельно обеспечить себе безопасность»*, – отмечает И. С. Ланцова. Этот факт во многом определил дальнейшую тенденцию нарастания противостояния Южной и Северной Корей и глобальное осложнение геополитических отношений в регионе. И. С. Ланцова рассматривает новые тенденции, позитивные сдвиги относительно научного уровня и тематической направленности работ российских и зарубежных ученых по истории и международных отношений, основания новых исследовательских центров, профессиональных журналов и других составляющих развития исследований в области изучения проблематики развития отношений Китая со странами Корейского полуострова [9, с. 6].

Взаимосвязи азиатских государств в спектре описанной проблематики также обосновывается в работе И. В. Кубьяса. Ученый отмечал, что поддержка Китаем политики КНДР обострила его отношения с Японией и США. В ответ на это страны Запада ввели против КНР экономические санкции. Однако, стоит отметить, что процессы наращивания объемов промышленного производства в Китае были настолько широки, что планируемого результата они не принесли [5, с. 107].

Следующей популярной проблемой исследований являются особенности развития торгово-экономических связей в различных исторических периодах (О. В. Кирьянов «История развития политических и торгово-экономических связей между КНР и КНДР в 1992–2010 гг.»). Автор анализирует такие аспекты повседневности, как историко-географическое и предметная среда, внутреннее и внешние факторы влияния на геополитические стратегии обоих государств, особенности выстраивания дипломатических отношений, государственные интересы КНР и КНДР; анализирует российскую и китайскую историографию и проблематику научного исследования [7].

Ученый исследует кризисные ситуации и результаты развития дипломатических отношений КНР и КНДР за период с 1992 г. до 2010 г., когда Пекин утвердился в качестве главного не только политического союзника Пхеньяна, но и доминирующего торгового партнера. Даже ядерные испытания КНДР не привели к сворачиванию торгово-экономического сотрудничества с Китаем, в результате чего, КНР стала для Северной Кореи главным торговым партнером, инвестором, основным поставщиком промышленных товаров, а также разного рода помощи. Такая ситуация определило недовольство Сеула, поскольку власти Южной Кореи опасались самостоятельности Пхеньяна и прежде всего в военной сфере, что сделает невозможным воссоединение Юга и Севера Кореи [7].

Пак Бюн Ин в своей работе «Предпосылки и формы экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии» использует совокупность общенаучных и политологических методов для анализа сложных и порой противоречивых отношений между странами Корейского полуострова в конце XX – начале XXI в. [11].

В большинстве диссертаций в качестве материала исследований фигурируют межгосударственные договоры и соглашения, имеющие отношение к внешней политики Китая, Японии, Южной Кореи и Северной Кореи. В связи с этим ряд авторов обращают внимание на исследование специфики договорных обязательств. Действие международных договоров и соглашений в основном касалось поддержания мира и стабильности в регионе и развития торгово-экономических отношений. Как правило, они заключались в процессе реализации дипломатических миссий и межгосударственных встреч. Обеспечивающим стабильность в Тихоокеанском регионе фактором являются международные правовые акты. Так, Китай выступил против поддержки Вашингтоном Японии в китайско-японском споре. А также против возобновления поставок оружия Тайваню, как это предусмотрено в законопроекте *Nicobarese* за 2013 год [6; 8; 6].

Существуют и более категоричные заявления ученых, которые считают, что Китаю в XXI веке придется столкнуться с серьезными проблемами из-за своей характерной асимметричности в дипломатических отношениях, которая нарушает международные нормы равного суверенитета. Пришло время новой гегемонии Китая путем оживления иерархических дипломатических отношений между КНР и другими странами. Аналитики сравнивают подъем Китая с возвышением кайзеровской Германии в конце девятнадцатого столетия в качестве доминирующей силы в Европе. Возникновение новых великих держав – процесс всегда крайне дестабилизирующий, и если подобное произойдет, то выход Китая на международную арену затмит собой любые сравнимые явления на протяжении второй половины прошедшего тысячелетия [14, с. 368].

Учитывая важность китайского вектора в гуманитарном, политическом и экономическом пространстве АТР, научных работ по изучению развития истории китайско-корейских отношений явно недостаточно. Прежде всего, нет фундаментальной концепции исследования или глубокого научного обоснования, где систематически и последовательно описывалась история китайского народа и государства в контексте внешнеполитических связей со странами Корейского полуострова. Единственное достижение в этой области – это отраслевые, узконаправленные диссертационные работы ученых политологов, историков, экономистов.

Без ущерба для существенного вклада этих авторов следует признать, что в науке имеется серьезный пробел. В частности, отмечается явная тенденция отсутствия углубленного изучения отдельных аспектов китайской истории. Существуют методологические предметы научного исследования,

но систематически методология китайской истории не изучается. Причина этих недостатков объясняется, как объективными, так и субъективными факторами. Отсутствие государственного финансирования, отсутствие научного внимания к указанным вопросам приводит к рассеянию исследовательских усилий и координации между различными научными учреждениями и исследователями.

Список использованных источников

1. *Асмолов, К. В.* КНР и государства Корейского полуострова // КНДР и РК – 70 лет / Под ред. К. В. Асмолова. – М., ИДВ РАН Москва, 2018. – С. 101–115.
2. *Волинчук, А. Б.* Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: коллективная монография / Науч. ред.: А. Б. Волинчук. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 640 с.
3. *Волинчук, А. Б.* Трансграничный регион «Северо-Восточная Азия»: теория и практика геополитической экспертизы: дисс. доктора политических наук / А. Б. Волинчук. – Владивосток, 2016. – 457 с.
4. *Забровская, Л. В.* Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ: (На примере кит.-корейских отношений в XVII–XX вв.) / Л. В. Забровская. – Владивосток, 2000. – 89 с.
5. *Кирьянов, О. В.* История развития политических и торгово-экономических связей между КНР и КНДР в 1992–2010 гг.: дисс. канд. исторических наук / О. В. Кирьянов. – М., 2016. – 258 с.
6. *Ким, Юн Дук.* Исследование динамики современного баланса сил между США, Россией, Китаем и Японией на Корейском полуострове: дисс. канд. политических наук / Ю. Д. Ким. – М., 1995. – 239 с.
7. *Кубьяс, И. В.* Корейский фактор в японо-китайских отношениях: конец XIX – начало XXI века: дисс. канд. исторических наук / И. В. Кубьяс. – М., 2007. – 164 с.
8. *Лазебных Н. А.* Двусторонние отношения и территориальные споры государств в регионе Северо-Восточная Азия / Н. А. Лазебных // Политика, государство и право. 2014, № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2014/07/1604>. – Дата доступа: 08.02.2019.
9. *Ланцова, И. С.* Проблема корейского полуострова в системе международных отношений (вторая половина XX – начало XXI в.): дисс. канд. полит. наук / И. С. Ланцова. – СПб., 2006. – 193 с.
10. *Мишина, С. И.* Стратегия КНР в интеграционных процессах в АТР: дисс. канд. политических наук / С. И. Мишина. – М., 2012. – 203 с.
11. *Пак Бюн Ин.* Предпосылки и формы экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии: На прим. России, Респ. Корея, КНДР и Китая: дисс. канд. экономических наук / Пак Бюн Ин. – М., 1997. – 166 с.
12. *Ролин, А. Н.* Корейский вопрос во внешней политике США: 80-е годы XX в. – 2003 г.: дисс. канд. исторических наук / А. Н. Ролин. – М., 2005. – 237 с.
13. *Севастьянов, С. В.* Геополитическая экспертиза трансграничного региона Северо-Восточная Азия: монография / Науч. ред.: профессор С. В. Севастьянов. – Владивосток, 2012. – 296 с.
14. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
15. *Чжан Юйсинь.* Внешняя политика Китая в контексте трансформации системы международных отношений: дис. канд. полит. наук / Юйсинь Чжан. – М., 2007. – 156 с.

(Дата подачи: 03.02.2020 г.)

Хуан Куньпэн

Белорусский государственный университет, Минск

Huang Kunpeng

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:614(510)

СОЗДАНИЕ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И ВОЗ

CREATING WHO AND COOPERATION BETWEEN CHINA AND WHO

Являясь одной из стран-учредителей Всемирной организации здравоохранения и сотрудничая с этой организацией, Китай предпринимает усилия для участия в управлении всемирным здравоохранением. Будучи членом Всемирной организации здравоохранения, Китай совместно с ВОЗ осуществляет техническое сотрудничество в области борьбы с инфекционными заболеваниями и подготовки персонала для содействия развитию глобальных мероприятий в области мирового здравоохранения. Это способствовало развитию здравоохранения в Китае и ускорило реформу системы китайского здравоохранения и интернационализацию оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: Китай; образование Всемирной организации здравоохранения; сотрудничество.

As one of the founding countries of the World Health Organization, China's interaction with the World Health Organization is an attempt by China to participate in global health governance. As a collaborator of the World Health Organization, China and the World Health Organization have conducted technical cooperation in infectious disease control and personnel training to promote the development of global health undertakings. It also promoted the development of health care in China and accelerated the reform of China's medical and health system and the internationalization of medical and health care.

Key words: China; establishment of World Health Organization; cooperation.

В настоящей статье рассматривается история создания Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и роль Китая в этом вопросе, а также сотрудничество Китая и ВОЗ в контексте глобализации.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проанализировать китайскую стратегию решения проблем здравоохранения в глобальном масштабе, поскольку Китай может служить исходной точкой в обсуждении стратегии устойчивого развития и улучшения системы здравоохранения. В статье дана оценка стратегии Китая в области здравоохранения, которая основывается на использовании долгосрочных результатов и новейших статистических данных.

Всемирная организация здравоохранения на сегодняшний день вне всяких сомнений является крупнейшей международной организацией в области здравоохранения в мире. Является специализированным учреждением ООН, Штаб-квартира в Женеве имеет шесть региональных отделений. Китай отно-

сится к региону Западной части Тихого океана (WPR) и в свою очередь имеет также шесть региональных отделений. Создание Всемирной организации здравоохранения стало этапом перехода к всемирной охране здоровья [2].

Начиная с 1948 года ВОЗ инициировала, координировала и реализовывала глобальные программы и мероприятия в области международного здравоохранения, разрабатывая систему лекарственных препаратов первой необходимости, искореняя оспу, полиомиелит, проказу, контролируя и предотвращая тяжёлый острый респираторный синдром (ТОРС), лихорадку Эбола, СПИД и другие эпидемические заболевания и внося тем самым значительный вклад в расширение программы иммунизации, разработку и пропаганду стандартов здоровья.

Всемирная организация здравоохранения, которая была создана более 60 лет назад, в настоящее время насчитывает 193 государства-члена. Это специализированное учреждение ООН с наибольшим количеством филиалов.

Вклад КНР в создание ВОЗ. Учредительное собрание Организации Объединённых Наций состоялось в Сан-Франциско (США) 25 апреля 1945 года. Китай был одним из спонсоров конференции. Китайскую делегацию возглавлял Сонг Зивен (Song Ziwen) [1].

26 апреля 1945 года страны-участники единодушно приняли первый проект Устава ООН, но в этом проекте не упоминалась проблема здравоохранения. Позже Ши Симин и его коллега Союза встретились с доктором Карлом Эвангом из Норвегии. Все три врача считали, что в повестке дня должен значиться вопрос создания международной организации здравоохранения. В связи с негативными последствиями Второй мировой войны некоторые ранее существовавшие международные здравоохранительные организации прекратили свою деятельность. Многие страны были не в состоянии в одиночку решить свои проблемы в области здравоохранения. Поэтому крайне важным оказалось создание современной международной организации здравоохранения.

В действительности делегации Соединённых Штатов и Великобритании ранее договорились не включать вопросы здравоохранения в повестку дня, но делегации держав не участвовали в этом соглашении. Кроме того, в делегациях других стран-спонсоров не было врачей, в связи с чем два ранее упоминавшихся доктора решили, что именно Ши Симинг может получить поддержку китайской делегации при внесении изменений в первый проект Устава Генеральной Ассамблеи. Поскольку Ши Симинг являлся личным секретарём главы китайской делегации Сонга Зивена, он мог напрямую обсуждать с ним различные вопросы. Было предложено не следовать формальным процедурам, так как этот процесс прохождения через различные комитеты может занять несколько недель. На тот момент до окончания собрания осталось два дня. Для того, чтобы Соединённые Штаты, Великобритания, Китай и Советский Союз могли внести свои поправки, они должны были по-

лучить одобрение этих поправок со стороны друг друга. Оставшееся время не позволяло китайской делегации внести свои поправки. Как следствие, Ши Симинг предложил проект резолюции о созыве международной конференции по здравоохранению с целью создания единой международной здравоохранительной организации. После этого он ознакомился с мнениями и отзывами о данном проекте участников делегаций. Далее он направился в Вашингтон, а именно, к Томасу Паррану, главе Департамента здравоохранения Агентства ООН помощи и восстановления. Состоялись консультации с членом медицинской команды Люю Руихэнгом (из команды Сонг Зивена) и Райхманом. Райхман в то время работал директором по медицинским вопросам Национальной организации здравоохранения. После вторжения японских войск в Северо-Восточный Китай в 1931 году они организовали поездку группы по оказанию помощи в Китай. В 1941 году, когда Сонг Зивен отправился в Вашингтон, чтобы создать организацию по оказанию американской помощи Китаю, он нанял его в качестве советника. Как это ни странно, но Райхман холодно отнесся к проекту Ши Симинга. Он дал понять, что сам планирует создать новую медицинскую организацию с постоянным местом базирования в Париже. В противном случае она будет «контролироваться министерством здравоохранения США». Так Ши Симинг впервые осознал необходимость соблюдать баланс в отношении Соединенных Штатов и Европы. Это было также продемонстрировано в рамках последующих обсуждений. Принимая во внимание соображения доктора Рахмана и с целью максимально снять возражения, Ши Симинг внес в проект многочисленные изменения [4].

Наконец, резолюция была официально представлена Генеральной Ассамблее в порядке, предложенном делегациями Китая и Бразилии. Относительно участия Бразилии Ши Симинг предельно понятно написал в своих мемуарах: «Хотя поначалу я хотел предложить в качестве страны-спонсора исключительно Китай, мне показалось, что идея о привлечении бразильской делегации поможет нам склонить на нашу сторону латиноамериканские страны» [1]. После этого Ши Симинг неоднократно участвовал в третьем заседании Второго комитета с целью установления тесных контактов с председателем Рамасвами Мудалиаром и доктором Ву Ифанг из китайской делегации. Ву Ифанг – педагог, известный в Китае и ректор женского университета Джинлинг. К сожалению, состояние здоровья г-жи Ву не позволяло ей часто проводить встречи и вести переговоры. В свое время НиуХуишент порекомендовал Ши Симинга на пост генерального директора Китайской медицинской ассоциации. Доктор Ифанг после визита в Норвегию, пытался вовлечь в проект социальную организацию.

Комиссия по планированию рекомендовала всем комитетам конференции сосредоточиться на предложениях, касающихся Устава ООН, и в связи с этим принятие решений относительно ВОЗ было отложено.

На банкете, организованном Сонг Зивеном для руководства бразильской делегации, Ши Симинг оказался за столом рядом с генеральным секретарем

конференции г-ном Эджером Хиссом и не преминул воспользоваться возможностью узнать его мнение. Хисс немедленно предложил встречу для составления декларации, поскольку последняя не предполагала наличия стольких ограничений, как это было бы в случае резолюции. Такое решение действительно сработало. Декларация была поддержана подавляющим большинством представителей. Окончательно она была принята Генеральной Ассамблеей. 28 мая 1945 года все делегаты, присутствовавшие на третьем заседании Второго комитета, согласились созвать совещание для обсуждения вопроса о создании международной здравоохранительной организации. Окончательный вариант Устава ООН, наконец, включал в себя слово «гигиена». В этот момент действительно началось создание Всемирной организации здравоохранения.

В конце 1945 года Ши Симинг отказался от работы в Агентстве ООН по оказанию помощи и восстановлению с тем, чтобы сосредоточиться на создании Всемирной организации здравоохранения. В течение этого времени Ши Симинг также занимал ряд должностей, таких как директор по медицинским вопросам Комитета по снабжению Китая, директор по медицинским вопросам Комитета по делам престарелых Китая, в Вашингтоне он руководил программой поставок медицинских товаров и отвечал за работу с Организацией ООН по помощи и восстановлению. Он также являлся постоянным представителем Министерства здравоохранения Китая и представлял Китай в различных временных комитетах Всемирной организации здравоохранения и международных конференциях по борьбе с наркотиками и выступал в качестве технического эксперта от имени Китая на Генеральной Ассамблее ООН и Экономическом и социальном Совете. Ши Симинг служил комиссаром Китайской военной медицинской службы и организовал визит доктора Ли Кешен в Соединённые Штаты для обучения военных врачей. Несмотря на свой напряженный график, он также провёл шесть месяцев, изучая Международную организацию здравоохранения в Международном департаменте здравоохранения, (Rockefeller) [1].

Следующий этап процесса создания Всемирной организации здравоохранения столкнулся с внезапными трудностями. Причина заключалась в том, что Конгресс США принял предложение об учреждении Комитета ООН по здравоохранению по организационному подобию Комитета по общественному здравоохранению. Это предложение было выдвинуто Лесли Фальком, младшим должностным лицом Департамента общественного здравоохранения Министерства здравоохранения США, который был временным секретарём Комитета по образованию и здравоохранению Сената США. Ши Симинг поначалу считал, что эта идея уже давно себя исчерпала, потому что Мелвилл Маккензи из Великобритании, служивший в Государственной службе здравоохранения, имел схожие предложения и пытался получить поддержку представителей из разных стран. Однако другие общественные деятели считали, что лучше создать независимую организацию, а не просто ещё один

комитет под эгидой ООН. Ши Симинг не замедлил связаться с д-ром Паленом, который возглавлял Департамент помощи и восстановления Организации Объединенных Наций, а затем стал начальником Военно-медицинской службы Министерства здравоохранения США. Пален немедленно отдал указание Фоккеру отозвать это предложение. Итак, эта инициатива не имела продолжения [1].

Китайские врачи в рамках всемирной организации здравоохранения активно использовали свое понимание системы здравоохранения и свой собственный опыт в этой области, таким образом, внося всемирный вклад в деятельность Организации Объединенных Наций и закладывая основу создания всемирной организации здравоохранения.

Китай, который участвовал в создании всемирной организации здравоохранения, внес тем самым активный вклад в дело охраны здоровья человека. Оценивая вклад современных китайцев в дело охраны, следует помнить вклад д-ра Ши Симинга (Shi Siming) в создание всемирной организации здравоохранения. Газета The Los Angeles Times назвала Ши Симинга «одним из основателей всемирной организации здравоохранения» [7]. В 50-летнюю годовщину образования региона Западной части Тихого океана ВОЗ, его директор в своем докладе заявил, что д-р Ши Симинг «сыграл ключевую роль в процессе создания ВОЗ» [8].

Выступая в качестве одной из стран-учредителей Всемирной организации здравоохранения, Китай сыграл важную роль в выдвижении идеи создания и создании Всемирной организации здравоохранения, а также её регионального отделения в Западной части Тихого океана. Сотрудничество между Китаем и ВОЗ также способствовало развитию медицины и здравоохранения в Китае.

Подготовка к созданию ВОЗ. В январе 1946 года китайская делегация представила резолюцию Экономическому и социальному Совету ООН. Её основное содержание: 1) призыв к государствам-членам ООН провести международную конференцию по созданию международной организации здравоохранения; 2) создание Технического подготовительного комитета, включающего экспертов, для подготовки предложений и основных документов для заседания [1].

18 марта 1946 года в Париже (Франция) было проведено техническое совещание подготовительного комитета. Началась подготовительная работа по созданию Всемирной организации здравоохранения. Кандидатуры участников были одобрены правительствами и Экономическим и социальным Советом ООН. В результате было отобрано 16 медицинских экспертов. Ши Симинг оказался единственным представителем из региона Западной части Тихого океана.

Ши Симинг и Брок Чисхольм, психиатр из Канады, отвечали за составление вводной части. Главная проблема, с которой они столкнулись – это что понимать под словом «здоровье». Традиционная концепция заключается в том, что люди здоровы, пока они не заболеют. Ши Симинг и Чисхольм считали, что

проблемы здоровья касаются только болезней тела. Такой подход не являлся всеобъемлющим, поскольку необходимо учитывать психические, социальные и другие аспекты ситуации. Позднее, после незначительного редактирования Международной конференции по здравоохранению, определение здоровья стало звучать как: «идеальное состояние тела, разума и социальное благополучие, а не просто отсутствие недомогания или болезней».

В июне 1946 года Редакционный комитет, включающий 11 представителей Экономического и Социального Совета согласился с докладом, подготовленным Техническим подготовительным комитетом. Многие члены Технического подготовительного комитета не могли участвовать в работе Редакционного комитета. Но Ши Симинг смог принять в ней участие в качестве китайского представителя Экономического и Социального Совета, с тем чтобы он мог использовать свое право говорить о будущих интересах Всемирной организации здравоохранения [1].

Китай немало способствовал становлению Всемирной организации здравоохранения. Огромный объем проделанной работы и активное участие китайской делегации сыграли важную роль в создании Всемирной организации здравоохранения.

Вклад в проведение Международной конференции по здравоохранению. С 19 июня по 22 июля 1946 года в Нью-Йорке состоялась международная конференция по вопросам здравоохранения. Генеральная Ассамблея приняла устав организации, учредила временный комитет из 18 государств-членов, возложила на себя полномочия до официального создания новой организации и приняла на себя соответствующие функции некоторых существующих международных организаций здравоохранения.

Вклад Ши Симинга в проведение этой встречи может быть оценён в четырёх сторон. Во-первых, присвоение названия новой организации. Существовало немало предложений относительно названия новой организации, которая в конечном итоге стала именоваться «Всемирной организацией здравоохранения», согласно предложению Ши Симинга. Во-вторых, определение требований к членству. Соединенные Штаты считали, что любое государство, поставившее свою подпись под Уставом, может стать государством-членом, в то время как Советский Союз считал, что государства, не являющиеся членами, могут иметь более чем две трети голосов государств-членов. Китайская же делегация разработала компромиссное решение, которое было принято всеми делегациями в качестве четвертой, пятой и шестой статей Устава. В третьих, определение статуса членов. Согласно новой концепции, несамоуправляющиеся сообщества могут подать заявку на получение статуса члена. В начале Ши Симинг прилагал все усилия, чтобы поддержать свою делегацию. Для этого он в качестве примера использовал членство китайских врачей в китайской Академии медицинских наук. За исключением права голоса и права выбирать, лица, являющиеся членами Китайской медицинской ассоциации, имеют те же права, что и другие члены. В конечном итоге это

предложение было включено в статью 8 Устава. В четвертых, региональная единица. Наиболее острой проблемой при демаркации региона могли стать взаимоотношения между Панамериканской организацией здравоохранения и Всемирной организацией здравоохранения. Страны Латинской Америки составляли почти половину голосов в Генеральной Ассамблее, и Хью Камминг, директор Панамериканской организации здравоохранения, настаивал на самостоятельном существовании последней.

Ши Симинг попытался предложить компромисс между этими организациями после их слияния. Панамериканская организация здравоохранения стала представительством Всемирной организации здравоохранения в Северной и Южной Америке [4].

Конгресс поручил Ши Симингу два задания: во-первых, составить проект Четвертого доклада, подготовить соглашение для временного комитета и проанализировать отношения с ООН и другими агентствами; во-вторых, он был членом Центрального редакционного комитета, который отвечал за проекты сводных текстов всех других комитетов.

22 июля 1946 года состоялась церемония подписания «Закона о Всемирной организации здравоохранения». Большинство участников являлись медицинскими работниками. В этой церемонии приняли участие свыше 50 стран и было подписано более 50 пакетов юридических документов. Делегаты даже не были осведомлены о полномочиях, предоставляемых правительствами их стран. В конечном счете только Великобритания и Китай безоговорочно подписали Закон, поскольку делегации этих двух стран использовали правовое консультационное сопровождение. Шень Кефеи, Юань Юйцзинь и Ши Симинг подписали от имени Китая уставные документы. Юань Юйцзинь был одним из пионеров общественного здравоохранения в Китае [6].

Рассматривая процесс зарождения Всемирной организации здравоохранения и проведения Всемирных ассамблей здравоохранения, становится очевидным, что Китай является основателем и активным участником, оказывающим большое влияние на деятельность Всемирной организации здравоохранения.

Работа во Временном комитете ВОЗ. 9 июля 1946 года Временный комитет провел свое первое заседание.

В специальном комитете Ши Симинг главным образом принимал участие в работе Административно-финансового комитета и Комитета по связям. В первом комитете он был избран ответственным за проведение заседаний, позднее он также отвечал за Специальный подкомитет по административным вопросам, который был создан для оказания помощи административному секретарю в создании системы по работе с персоналом (зарботная плата, административные расходы). Комитет имел ряд бюджетных проектов на местах, представленных Агентством ООН по оказанию помощи и восстановлению. Поскольку военные действия в Китае завершились на три месяца позже, чем в Европе, план Национального агентства помощи Китаю был широко-масштабным. 30 из 46 человек были выделены для работы с Китаем. Работа

в Комитете заключалась в разработке соглашения о взаимодействии между Всемирной организацией здравоохранения и Организацией Объединенных Наций и ее специализированными органами.

7 апреля 1948 года, утвержденный в законодательном порядке 26 странами, Устав ВОЗ вступил в силу. 24 июня того же года первая Всемирная ассамблея здравоохранения состоялась в Женеве (Швейцария). Всемирная организация здравоохранения официально объявила о своем создании. 7 апреля стал Всемирным днём здоровья. В этот день страны-члены и регионы Всемирной организации здравоохранения обычно проводят различные мероприятия по медицинской тематике [5, с. 123–129].

В феврале 1948 года Ши Симинг был рекомендован Гилбертом Йейтсом, представителем Совета по продовольствию ВОЗ, для работы в Секретариате Экономического и Социального Совета ООН. Там он отвечал за координацию деятельности различных агентств ООН (включая Всемирную организацию здравоохранения). Вскоре, когда Генеральный директор ВОЗ Джордж Брок Чисхольм пригласил его возглавить мобильную социальную работу Всемирной организации здравоохранения, Ши Симинг отказался, ссылаясь на работу ООН. С 1954 года Ши Симинг являлся директором Медицинской службы ООН. В конце 1968 года Ши Симинг ушёл в отставку в связи с истечением срока полномочий [6].

В 1981 году 34-я сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения единогласно утвердила глобальную стратегию в области здравоохранения для всех стран до 2000 года. В мае 1995 года китайский Исполнительный комитет был впервые избран председателем 96-й сессии Исполнительного комитета ВОЗ.

Таким образом, китайские врачи принимают активное участие в деятельности ВОЗ (что было признано последней), укрепляют сотрудничество между системой здравоохранения Китая и Всемирной организацией здравоохранения и способствуют развитию медицины и здравоохранения Китая.

Многостороннее сотрудничество Китая и ВОЗ в разрезе глобализации. После окончания «холодной войны» возникло много новых угроз всемирному здравоохранению. Невозможно стало полагаться исключительно на достижения науки, медицинские технологии или меры по предупреждению распространения эпидемий. Всё большую роль стали играть политические, экономические и культурные факторы. Поэтому сектор международного здравоохранения требует участия других секторов, таких как торговля, инвестиции, национальная безопасность и дипломатическая деятельность. Глобализация вынуждает страны переходить от решения вопросов здравоохранения на национальном уровне к комплексному, многоцентровому, международному или глобальному управлению здравоохранением [9, с. 62–72]. В то же время Всемирная организация здравоохранения начала фокусировать свое внимание на многостороннем сотрудничестве. Это многостороннее сотрудничество отличается от межгосударственного сотрудничества в целом. С момента образования Всемирной организации здравоохранения требуется

координация самых различных сил с тем, чтобы объединённые усилия принесли результат [10, с. 60–65].

По мере роста мировой экономики и дохода на душу населения Китай стал играть важную роль в предоставлении общемировых общественных благ. Он является активным действующим лицом в решении глобальных проблем, согласуя интересы своей страны с общими интересами международного сообщества [11, с. 63–64]. Он также активно сотрудничает с Всемирной организацией здравоохранения. Ориентируясь на страны, заинтересованные в результатах деятельности организации, Китай выполняет соответствующие Постановления ВОЗ, (такие как Рамочная конвенция по борьбе против табака [3]) и взял на себя ответственность за участие в управлении здравоохранением на глобальном уровне.

На политические процессы в самом Китае оказывают влияние нормы и правила, принятые во Всемирной организации здравоохранения.

Следовательно, благодаря сотрудничеству с ВОЗ, Китай успешно решает глобальные проблемы здравоохранения и влияет на развитие собственного здравоохранения. Взаимодействие с ВОЗ способствует также улучшению состояния здоровья всего населения Поднебесной.

Таким образом, ВОЗ играет всё возрастающую роль в управлении здравоохранением на глобальном уровне.

Список использованных источников

1. Новости здоровья Китае и создание ВОЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jkb.com.cn/medicalHumanities/2011/1014/133945.html>. – Дата доступа: 11.04.2018
2. Kelley, Lee. The World Health Organization (WHO) / Lee Kelley. – New York: Routledge, 2008. – 99 p.
3. Kent, Ann. Beyond Compliance: China, international Organizations and, Global Security / Ann Kent. – 2007. – 227 p.
4. Sze, S. Memories of an International Life: autobiography 1908–1993 / S. Sze. – L.I.S.Z. Publications.
5. Overview of the United Nations and its specialized agencies / Edited by Li Chunguang. – Beijing: China Statistics Press, 2002. – P. 123–129.
6. Qingqi, Hu. Witness the 60 years of glory of the World Health Organization / Hu Qingqi. – China Health Talent Network Edition.
7. Szeming, Sze. World Health Organization Co-Founder / Sze Szeming // Los Angeles Times. – 1998. – 11 nov. – Mode of access: <http://articles.latimes.com/1998/nov/09/news/mn-41002>.
8. Fifty years of the World Health Organization in the Western Pacific Region. – Mode of access: http://www.wpro.who.int/NR/rdonlyres/04A4F011-833E-4603-9442-D04C837DCF-1A/0/RC49_03.pdf.
9. Brown, T. The World Health Organization and the transition from international to global public health / T. Brown, M. Cueto, E. Fee // American Journal of Public Health. – 2006. – № 96(1). – P. 62–72.
10. Jingjing, S. Health Diplomacy in the Process of Globalization / Su Jingjing, Zhang Daqing // Research on Dialectics of Nature. – 2011. – № 27(10). – P. 60–65.

11. The World Bank and the Development Research Center of the State Council, P. R. China // China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative Society. – Washington: The World Bank, 2013. – P. 63–64.

(Дата подачи: 23.01.2020 г.)

Д. Н. Черкасов

Белорусский государственный университет, Минск

D. N. Cherkasov

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(443.82)

ГЕРЦОГСТВО БАР В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА КАРЛА II ЛОТАРИНСКОГО (1420–1424 ГГ.)

THE DUCHY OF BAR DURING THE REGENCY OF CHARLES II OF LORRAINE (1420–1424)

В статье рассматривается политическое положение герцогства Бар в период регентства Карла II, герцога Лотарингского, в условиях возобновившейся в 1415 г. Столетней войны. Показаны отношения герцога Лотарингского со сторонниками дофина Карла, такими как Ла Ир, Рауле, де Бодрикур, и представителями англо-бургундского лагеря. Раскрыты причины признания герцогом Лотарингским англо-французского договора в Труа и последствия этого шага, отразившиеся на положении герцогства Бар.

Ключевые слова: герцогство Бар; герцог Лотарингский; Рене Анжуйский.

The article examines the political position of the Duchy of Bar during the regency of Charles II, Duke of Lorraine, in the context of the Hundred Years War, which renewed in 1415. Relations of the Duke of Lorraine with such supporters of the Dauphin Charles as La Hire, Raulet, de Bodricourt and representatives of the Anglo-Burgundian camp. Were disclosed the reasons why the Duke of Lorraine recognized the Anglo-French Treaty of Troyes, and the consequences of this step, which affected the position of the Duchy of Bar.

Key words: Duchy of Bar; Duke of Lorraine; Rene of Anjou.

В историографии период регентства Карла II Лотарингского в 1420–1424 гг., бывшего опекуном своего малолетнего зятя Рене Анжуйского, рассматривался довольно обобщенно в контексте истории всего региона Лотарингии¹. Сложность изучения политической истории герцогства Бар в первой трети XV в. связана с тем, что и в нарративных источниках, и в архивных документах она отражена эпизодически.

Наиболее полно данный период освещался в работах С. Люса, Э. Дювернуа, А. Жирардо². Вместе с тем, отдельной работы, посвященной исследуемой

¹ См.: Calmet, Dom A. Histoire de Lorraine: en 7 t. Nancy. T. 3. 1748; Digot, A. Histoire de Lorraine. 2 ed.: en 6 t. Nancy. T. 2. 1880; Poull, G. La Maison souveraine et ducal de Bar. Nancy, 1994.

² См.: Luce, S. Jeanne d'Arc à Domremy: recherches critiques sur les origines de la mission de la Pucelle, accompagnées de pièces justificatives. Paris, 1886; Duvernoy, E. Documents sur

теме, не существовало. Цель настоящей статьи – выяснить особенности политической жизни герцогства Бар в период регентства Карла II Лотарингского (1420–1424 гг.) в условиях англо-французского противостояния на последнем этапе Столетней войны.

Статья основана на анализе документов, преимущественно из архива департамента Мёз, опубликованных в книге французского историка и архивиста XIX в. Симеона Люса – «Жанна д'Арк в Домреми».

После вторжения в 1415 г. во Францию английского короля Генриха V, возобновилась Столетняя война, которая усугублялась внутрифранцузским конфликтом между феодальными группировками арманьяков и бургиньонов (сторонников Орлеанского и Бургундского домов). После убийства арманьяками 10 сентября 1419 г. герцога Бургундского Жана Бесстрашного, сын последнего, Филипп Добрый, заключил союз с королем Англии. По англо-французскому договору, подписанному в Труа 21 мая 1420 г., Генрих V Английский признавался регентом Франции и наследником французской короны. Однако, сын французского короля Карла VI, дофин Карл, лишенный французской короны, продолжил борьбу с англичанами.

К 1420 г. положение герцогства Бар было непростым. Кардинал Луи де Бар (правитель герцогства с ноября 1415 г.) в 1419 г. признал наследником Рене Анжуйского, внука своей сестры Иоланды-старшей де Бар, королевы Арагона. В этом же году был заключен договор о браке Рене и Изабеллы, дочери герцога Лотарингского, предусматривавший опеку герцога в отношении Рене до его совершеннолетия.

После венчания Рене Анжуйского и Изабеллы Лотарингской, которое состоялось 24 октября 1420 г. в Нанси, к Карлу Лотарингскому перешло управление герцогством Бар [1, р. 60]. В декабре 1420 г. – январе 1421 г. герцог Лотарингский находился в герцогстве Бар, чтобы наладить управление [2, р. 119–120]. Он привлек на службу влиятельных представителей лотарингской знати, таких как Эрар дю Шатле, Жан де Шамбли, Веншелен де ла Тур, что потребовало значительных земельных и денежных пожалований¹.

les débuts de René d'Anjou dans les duchés de Lorraine et de Bar, 1419–1431 // *Annuaire de la Société d'Histoire et d'Archéologie de la Lorraine*, 1930. № 39. P. 55–73; *Girardot, A. René d'Anjou sous tutelle : sa Maison (1420–1424)* // *Lotharingia*, 2009. № 15. P. 97–118.

¹ 15 марта 1421 г. Карл Лотарингский в качестве платы за службу передал Жану де Шамбли город, прелатство, землю и сеньорию Лонгюйон, с возможностью их выкупа за 2000 золотых франков [3, р. 218]. В мае 1421 г. он предоставил Эрару дю Шатле местечко Сен-Тибо и земли Бренвиль, Дамблэн, Мартиньи и Сен-Жюльен в счет выплаты 3000 барруасских франков, которые он ему был должен за службу [4, р. XXXII–XXXIV]. 9 июня 1421 г., письмом из Нанси, он подтвердил долг в 1000 франков кардинала де Бар Веншелену де ла Тур. Сам Луи де Бар 25 июня 1421 г. пообещал выплатить долг Веншелену де ла Тур после того, как его племянник (Рене Анжуйский) получит управление герцогством [3, р. 221].

В 1421 г. сторонники дофина: бретонец Жан Рауле, гасконец Этьен де Виньоль по прозвищу Ла Ир, капитан Вокулёра Робер де Бодрикур – еще удерживали некоторые города и замки в Шампани (Витри, Бомон-ан-Аргонн, Музон, Сен-Дизье, Вокулёр, Пассаван). Не получая регулярные выплаты, они изыскивали средства для содержания своих отрядов за счет грабежа окрестных земель, в том числе в пограничных с Барруа бальяжах Шомона и Витри: обирали купцов, угоняли скот, отнимали имущество, брали в плен для получения выкупа¹.

Они требовали помощи и от герцога Бара, как союзника Дофина (Рене Анжуйский был шурином дофина Карла), и если не могли получить ее по доброй воле, то прибегали к насилию². Не редко частные интересы сторонников Дофина, даже бывших на его службе, заставляли их вступать в конфликт с правителями герцогства Бар³.

Значительной проблемой для Карла Лотарингского и Рене Анжуйского в 1421 г. было возобновление претензий на герцогство Бар со стороны Адольфа IX, герцога Берга, амбиции которого поддерживал император Сигизмунд. Адольф вторгся в имперскую часть герцогства, захватил замок Пьерфор и местечко Брие, уничтожив его гарнизон. Он мог существенно усложнить ситуацию в Барруа, часть знати которого признала его права, однако случайно попал в плен, после чего вынужден был отказаться от всех своих притязаний [5, р. XXXIX]⁴.

В июне 1421 г. Генрих V, находившийся с января в Англии, снова высадился во Франции с твердым намерением стать ее полноправным хозяином и подавить все очаги сопротивления сторонников Дофина, в том числе в Шам-

¹ 30 декабря 1421 г. Жан Пегийо из Лангра и Пьер де Сольне из Монтиньи, взятые в плен Робером де Бодрикуром, вынуждены были одолжить 200 золотых экю у мэтра Ги Желинье, советника герцога Бургундского, чтобы заплатить выкуп за свое освобождение [4, р. 316–317].

² Под предлогом того, что кардинал де Бар задержал плату за службу, Жан Рауле в ноябре 1420 г. осадил Клермон-ан-Аргонн и Луи де Бару в январе 1421 г. пришлось собрать «эд» («помощь» – чрезвычайный налог) в превотстве Бар, чтобы найти необходимые деньги [4, р. 80–81].

³ В 1421 г. был конфликт между Робером де Бодрикуром и Луи де Баром из-за земли и укрепленного дома в Нонсаре. Этот фьеф был получен сеньорами де Бодрикур в 1397 г. от герцога де Бар, но Луи де Бар не хотел передавать его Роберу де Бодрикуру. В отместку, тот угнал скот жителей местечка Труайон. 17 июня 1421 г. в Вердене Робер де Бодрикур и Луи де Бар подписали договор, по которому де Бодрикур получил желаемый фьеф, с принесением фуа и оммажа, и с обязательством вернуть угнанный у жителей Труайона скот или возместить его стоимость [4, р. 312–314].

⁴ Адольф IX, герцог де Берг претендовал на герцогство Бар, как муж Иоланды-младшей де Бар. Он был пленен гарнизоном из Лонгви совершенно случайно, когда оставил свое войско и ехал повидаться со своей метрессой в аббатство Тьефретанж [5, р. XXXIX]. Он был доставлен в Нанси, где 2 года провел в плену, и был отпущен, отказавшись от всех претензий на герцогство Бар и маркизат де Понт-а-Муссон, заплатив 16 тыс. золотых флоринов выкупа [6, р. 382].

пани и французской части Барруа. Герцог Лотарингский, который официально не признал договор в Труа, находился в двойственном положении: с одной стороны, он породнился с Анжуйским домом, главным союзником дофина Карла в борьбе с англичанами; с другой стороны, его непризнание договора в Труа могло привести к вторжению англичан.

В конце июня 1421 г. Генрих V направил в Барруа отряд во главе с графом Уорчестером, чтобы помочь одному из своих бургундских союзников – графу де Сен-Полю. Англичане подошли к Гондрекуру, где нанесли поражение воинам герцогства Бар¹. Этот английский рейд в Барруа был ясным сигналом о том, что Генрих V готов принимать решительные меры в отношении герцогства Бар.

В начале 1422 г., когда король Англии осаждал г. Мо, он пригласил герцога Лотарингского к себе, чтобы добиться признания договора в Труа. Герцог в письме от 12 января 1422 г., сославшись на болезнь, уклонился от встречи [4, р. 311–312]². Он предпочел приехать в мае 1422 г. в Дижон к герцогу Бургундскому, сыну своего старого союзника Жана Бесстрашного, и 6 мая принес клятву соблюдать договор в Труа. Таким образом, герцог Лотарингский признал законность прав Генриха V, как регента Франции и наследника французской короны. В свою очередь, герцог Бургундский, как союзник англичан, дал обещание прекратить вторжения в герцогство Бар [4, р. 318–320]³.

В июне 1422 г., при взятии г. Сен-Дизье в Шампани, который контролировали сторонники Дофина, наряду с англо-бургундскими контингентами Антуана де Вержи, принимали участие отряды из герцогства Бар⁴. Был

¹ 2 июля 1421 г. датируется послание Генриху V о взятии англичанами замка Тоннанс-ле-Жуанвиль, принадлежавшего епископу Шалона Жану IV де Саррбрюку, стороннику Дофина и герцога де Бар. Возле Гондрекура англичане встретили отряд противника, вышедшего из города, состоялось сражение, в результате которого от 60 до 80 воинов герцога де Бар были убиты или попали в плен, остальные укрылись за стенами. После этого англичане взяли два укрепления, которые герцог де Бар отнял у графа де Линьи и де Сен-Поля (кузена герцога Бургундского). Первое было взято штурмом, второе – по договору, на условиях, что защитники не будут более воевать против короля Англии. Узнав, что в Бар-ле-Дюк против них собирают силы, англичане предложили устроить сражение, но противник отказался [4, р. 314–316].

² В заголовке документа в публикации С. Люса указан 1421 г., но это неверно, так как в январе 1421 г. Генрих V был в Англии и прибыл во Францию лишь летом, поэтому не мог призывать герцога Лотарингского к себе.

³ Письмом-патентом от 24 марта 1422 г., данным в Мо, король Франции поручил герцогу Бургундскому принять клятву от герцога Лотарингского о признании договора в Труа. Клятва обязывала герцога Лотарингского держать сторону короля Англии и герцога Бургундского. Герцог Бургундский, в свою очередь, обещал Карлу Лотарингскому, получить от короля Англии до 15 августа (Успения Богородицы) обязательство прекратить военные действия на границах Франции против герцогств Лотарингии и Бара [4, р. 318–320].

⁴ В счетах герцогства Бар за 12–26 июня 1422 г. упоминается об участии в осаде Сен-Дизье воинами герцога де Бар и Антуана Лотарингского, графа де Водемона [4, р. 82].

также введен запрет на поставку продовольствия из Барруа для гарнизонов сторонников дофина Карла¹.

Ранее у Ла Ира, Рауле и других капитанов Дофина в Шампани были конфликты с герцогом Лотарингским по поводу выплат их содержания. Теперь, после признания Карлом II договора в Труа, они стали воспринимать герцога Лотарингского и его подданных, как врагов. Хозяева в Витри, Ла Ир и Рауле сделали его базой своих операций². Они установили аванпосты в Эперне, Сермэзе и Ревиньи, откуда опустошали западное и южное Барруа. Усиленные Перреном де Мондоре, сеньором Ансервиля, они разорили не менее 18 деревень³. Многие приходы обезлюдели [4, р. LXXIII–LXXIV].

В 1423 г. правителем Барруа от имени герцога Лотарингского был назначен Жан, граф де Сальм, задача которого состояла в том, чтобы противостоять вторжениям с севера и запада сторонников Дофина. С марта по май 1423 г. граф вел боевые действия и осаждал укрепленную церковь в Сермэзе с применением артиллерии [4, р. 87]⁴.

На восточных границах Барруа велись боевые действия против еще одного сторонника Дофина – Робера де Саррбрюка, дамуазо де Коммерси⁵. В начале 1422 г. года у него был конфликт с герцогом де Бар, который, как казалось, был улажен, но грабежи возобновились⁶. Граф де Сальм, собрав силы в герцогствах Бара и Лотарингии, осадил Робера в его родовом замке

В июне 1422 г. Антуан де Вержи взял город Сен-Дизье и осадил замок, на помощь защитникам которого пришел Ла Ир со своим отрядом. Тогда де Вержи оставил город и выступил против него. В сражении люди дофина потерпели поражение, потеряв 50 человек убитыми, после чего де Вержи вернулся к осаде [4, р. 320].

¹ Так, один из буржуа Бара, который привез хлеб в Витри к Жану Рауле, вынужден был за это уплатить герцогу де Бар штраф в размере 150 ливров [4, р. 84].

² В октябре 1422 г. Монсар д'Эн, бабьи Витри от имени Дофина, был пленен Ла Иром и Жаном Рауле и отпущен за выкуп в феврале 1424 г. [4, р. 320–321].

³ В счетах упомянуты следующие деревни и местечки превотства Бар, разрушенные войной: Насуа-ле-Пти, Линьи, Фушере, Домреми, Ольяна-ан-Пертуа, Конде-ан-Барруа, Лонжё, Беонн, Андерне, Робер-Эспань, Виль-сюр-Со, Ла Валле, Бюсси-ле-Коте, Триконвиль, Ранкур, Этрепи [4, р. 84–86].

⁴ В апреле граф де Сальм взял «эд» в 615 экю с клира баляжа Бар, чтобы оплатить расходы на осаду. Жители Сермэза согласились выплатить графу огромную контрибуцию в 1500 золотых экю [4, р. 94].

⁵ Под предлогом прав охраны, он во второй половине 1423 г. получил выкуп с близлежащих от Коммерси деревень. Так, по акту от 7 октября 1423 г., деревни Домреми и Гре должны были ему, как «защитнику», выплатить по 2 гроша с полного «очага» и по 1 грошу с вдовьего «очага» [4, р. LXXIV].

⁶ 9 июня 1422 г. в Апремоне был заключен мир между герцогом де Бар и Робером де Саррбрюком, сеньором де Коммерси [7, р. XXXV]. Эрар дю Шатле 9 июня 1422 г. назначен одним из 3 комиссаров герцога Лотарингского, как опекуна Рене Анжуйского, для решения спора между герцогом де Бар и Робером де Саррбрюком, по поводу годовой ренты в 100 ливров в превотстве Сен-Мийель [7, р. 41]. 24 сентября 1422 г. Луи, кардинал де Бар, ассигновал Роберу де Саррбрюку, годовую ренту в 200 франков с превотства Фуг [4, р. 82–83].

Коммерси. Осада велась с ноября 1423 г. по январь 1424 г., и, видимо, поставила гарнизон замка в крайне сложное положение [4, р. 101].

Робер де Саррбрюк вынужден был начать переговоры, заручившись помощью своего дяди Гийома де Шатовилэна, который смог обеспечить посредничество герцога Бургундского. В результате 25 января 1424 г. в Шатийон-сюр-Сен был заключен договор о мире, а также наступательный и оборонительный союз между Робером де Саррбрюком и герцогами Бара, Лотарингии и Бургундии [4, р. LXXVI]. Однако этот договор соблюдался недолго, поскольку в мае 1424 г. граф де Сальм должен был держать против Робера де Саррбрюка гарнизон в Сампиньи [4, р. 108–109].

Документы Счетной палаты герцогства Бар за 1424 г. содержат записи о постоянных военных расходах, шедших на защиту герцогства от внешней угрозы. Причем угроза исходила от представителей обеих сторон – Дофина и англо-бургундской партии¹. В документах за 2–10 апреля 1424 г. упоминания о вторжениях англичан и бургундцев в Ремберкур-о-По, в Мелиньи и другие места Барруа [4, р. 105–106].

С англо-бургундской стороны наибольшую активность проявляли представители рода де Вержи, имевшие в Шампани и Барруа ряд сеньорий. Антуан де Вержи, маршал Франции на службе Генриха V, был одним из основных проводников англо-бургундского влияния в Шампани². Но особое беспокорство землям герцогства Бар доставлял Жан, бастард де Вержи, который владел сеньориями в Ришекуре и Сайи [4, р. 104–105]³.

Срок опекуинства герцога Лотарингского завершился в августе 1424 г., когда Рене Анжуйский достиг совершеннолетия и постепенно стал брать управление герцогством Бар в свои руки [8, р. 336]. Вместе с тем, до 1430 г., когда умер его двоюродный дед Луи де Бар, Рене Анжуйский не имел в герцогстве всей полноты власти.

Таким образом, период регентства Карла II Лотарингского в герцогстве Бар с ноября 1420 по август 1424 г. характеризовался чрезвычайной военно-политической напряженностью и турбулентностью, связанных с боевыми

¹ 25 февраля, 1–2 марта 1424 г. упоминаются траты воинами герцога де Бар на войну против Жана ле Паж, Жира де Сэн, Эсташа де Вернанкура, Робера де Саррбрюка [4, р. 103]. Упоминается о гарнизоне в Маньевиле, стоявшем против Жана, бастарда де Вержи, братьев дю Фе, Перрене де Мондоре, Филибера де Сарне [4, р. 106]. 30 марта 1424 г. упоминается о походе балы Бар в Сваньер-ан-Пертуа против Жира де Сэн, Перрене де Мондоре, Филибера де Сарне [4, р. 105].

² В счетах за 20 марта 1424 г. упоминается о нападении Антуана де Вержи в прототстве Фуг из-за долга в 100 франков, которые ему был должен Луи, кардинал де Бар, от солеварен Шато-Сален [4, р. 103–104]. 2 июня 1424 г. Генрих VI дал Жану де Вержи, укрепление де Блэз и другие сеньории в бальяже Шомон, конфискованные у Робера де Бодрикура [4, р. 110–111].

³ 29 марта, 8 июня, 6 ноября 1424 г. упоминаются вторжения бастарда де Вержи и его людей в земли Бассиньи [4, р. 104–105]. С 10 августа по 27 октября 1424 г. против бастарда де Вержи приходилось держать гарнизон в Гондрекуре. [4, р. 114–115].

действиями в Шампани в ходе Столетней войны. Ситуация усугублялась крайней феодальной анархией и перенапряжением финансов герцогства. В этом конфликте герцогу Лотарингскому не удалось сохранить нейтралитет. Признав в мае 1422 г. договор в Труа, он спас Барруа от полномасштабного вторжения англо-бургундских сил, но стал врагом сторонников дофина Карла, подвергшим герцогство Бар разорению.

Список использованных источников

1. *Lecoy de la Marche, A.* Le Roi René, sa vie, son administration, ses travaux artistiques et littéraires: en 2 t. / A. Lecoy de la Marche. – Paris: Firmin-Didot frères, fils et Cie, 1875. – Т. 1. – 571 p.
2. *Servais, V.* Annales historiques du Barrois. Règne du cardinal duc de Bar. Année 1420 / V. Servais // Mémoires de la Société des lettres, sciences et arts de Bar-le-Duc – Bar-le-Duc: Contante-Laguerre, 1873. – Т. 3. – P. 105–120.
3. Chartes de la famille de Reinach déposées aux archives du Grand-duché de Luxembourg // Publications de la Section historique de l'Institut royal grand-ducale de Luxembourg. Année 1879. – Luxembourg: V. Buck, 1879. – Т. 30. – P. 1–796.
4. *Luce, S.* Jeanne d'Arc à Domremy: recherches critiques sur les origines de la mission de la Pucelle, accompagnées de pièces justificatives / S. Luce. – Paris: H. Champion, 1886. – 740 p.
5. Chronique, ou Annales du Doyen de S. Thiébaud de Metz // Dom Calmet. Histoire de Lorraine. En 7 t. – Nancy: Leseur, 1752. – Т. 5. – P. V–CXVII.
6. *Smyttère, P. J. E. de.* Les ducs de Bar, ou seigneurs et dames de Cassel de la maison ducale de Bar / P. J. E. de Smyttère // Mémoires de la société des lettres, sciences et arts de Bar-le-Duc. – Bar-le-Duc: L. Filipona et Co, 1884. – Ser. 2. – Т. 3. – P. 151–467.
7. *Calmet, Au.* Histoire généalogique de la Maison du Chatelet, branche puinée de la Maison de Lorraine / Au. Calmet. – Nancy: la veuve de Jean-Baptiste Cusson, 1741. – 617 p.
8. *Digot, A.* Histoire de Lorraine. 2 ed.: en 6 t. / A. Digot. – Nancy: G. Crépin-Leblond, 1880. – Т. 2. – 403 p.

(Дата подачи: 14.02.2020 г.)

П. В. Шевкун

Витебский государственный медицинский университет, Витебск

P. V. Shevkun

Vitebsk State Medical University, Vitebsk

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/19»

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

THE ORTHODOX CHURCH IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF THE RUSSIAN SOCIAL SYSTEM (XIX – EARLY XX CENTURIES)

В статье раскрывается положение православной церкви Российской империи в XIX – начале XX в. Показана роль церкви в качестве источника и транслятора социальной ин-

формации. Указаны обстоятельства, которые вели к изменению её социальных функций. Выделены государственно-церковные мероприятия, направленные на сохранение роли православной церкви в социальной системе империи, отмечена их специфика.

Ключевые слова: православная церковь; духовное образование; информация, православные епархии; социальная система; духовенство; семинария; училище.

The article reveals the position of the Orthodox Church of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries. The role of the Church as a source and translator of social information is shown. The circumstances that led to the change in its social functions are specified. State-church events aimed at preserving the role of the Orthodox Church in the social system of the Empire are highlighted, their specificity is noted.

Key words: orthodox church; religious education; information, orthodox dioceses; social system; clergy; divinity school; college.

В XIX – начале XX в. народы Российской империи составляли религиозное сообщество. Все подданные монархии принадлежали к определенным вероисповеданиям, должны были регулярно совершать ключевые обрядовые действия. Конфессиональная маркировка активно использовалась абсолютистской государственностью, для «контроля и категоризации населения», легитимации социальных отношений и системы управления, в качестве важнейшей составляющей национальной идеи, с помощью которой элиты пытались привить модерную политическую идентичность широким слоям населения. В связи с этим возникает вопрос: чем обусловлена в период модернизации такая роль православной церкви?

Необходимо отметить, что мы имеем дело со сложно организованными сообществами, целостность и эффективность которых нужно было поддерживать специальными механизмами. Важнейшим средством такой поддержки является государство. С его помощью осуществляется координация социальных отношений. Однако члены сообщества должны понимать принципы объединения, обладать о нём необходимой информацией. Только при этих условиях появляется возможность сделать социум устойчивым к внутренним и внешним вызовам.

К важнейшим элементам, с помощью которых происходит самоорганизация больших объединений, относятся средства массовой информации (СМИ). Они обеспечивают трансляцию социально значимой информации для всех членов объединения. Печатные и электронные издания предоставляют полный комплекс данных о жизни общества. Позволяют сформировать позицию, чувство причастности к социальным процессам, «воображаемому сообществу» (Б. Андерсен), реальность которого индивид не может непосредственно воспринять.

В связи с этим важно определить средство предоставления информации об обществе, принципах его организации и функционирования в эпоху предшествующую появлению СМИ. Ведь в рассматриваемом регионе их активное развитие началось лишь к последней трети XIX в. Единственным институтом, который тогда мог выполнять функцию социального информирования, была церковь. Она обладала для этого необходимыми материальными

ми и интеллектуальными ресурсами. Первые заключались в разветвленной сети храмов, к которым имел доступ каждый верующий. Вторые в наличии интеллектуальных центров производства информации (монастыри) и людей (духовенство), которые несли эту информацию и имели возможность контроля над её восприятием.

Информация об обществе состояла из данных об организациях (церковь-клир, государство, в его роли в основном выступала королевская семья); отношениях (библейские истории, святое семейство, жизнь апостолов и святых); общественных событиях (церковные и государственные праздники, к последним относились династические мероприятия: коронования, именины; наиболее значимые победы).

Важнейшими чертами информации (и это роднит ее со СМИ) были: регулярность, актуальность, адекватность, доступность и уникальность. Регулярность заключалась в том, что она была рассчитана на ежедневное восприятие с развитой системой доставки. Актуальность была не в ее новизне и разнообразии, а наоборот в повторяемости и единстве, ибо только так можно быть уверенным, что в других регионах жили члены того же сообщества. Адекватность социальным реалиям определялась единством веры всех структурных элементов общества, тотальной религиозностью подданных, присутствием в религиозной символике политического руководства, и наличием духовенства, объединявшего через обряд конкретную общину с социальным целым. Доступность заключалась не только в физической возможности присутствия каждого подданного при отправлении культа, но и в специфике восприятия информации, для которой образование было не обязательно. «Сознание ... эпохи всё представляет себе конкретно и материально: даже духи и души кажутся чем-то пространственным и вещественным» [1, с. 275]. Уникальность информации выражалась в ее безальтернативности. Как не может на одной и той же территории одновременно находиться нескольких государств, так и религия, передающая такую информацию, может быть только одна. Другая религиозная информация соответственно вела к разрушению существовавших социальных связей и поддерживающих их структур.

Сегодня не вызывает сомнений, что церковь принимала важнейшее участие в легитимации политической власти. С нашей точки зрения имеет смысл говорить шире, когда вопросы легитимности были одними из общего комплекса получаемой информации, ведь всегда остаётся открытым вопрос: почему церковь оказалась наделённой такой уникальной функцией? Вместе с тем, ответ на этот вопрос становится очевидным, если мы предположим, что церковь, давая весь комплекс информации об обществе самым широким слоям населения, естественным образом являлась контролёром соответствия стандартам различных институтов.

Социальную религиозную информацию имеет смысл разделить на два уровня: информацию, которая идёт непосредственно через церковь, её можно назвать конфессиональной и ту, которая имеет околоцерковное происхождение

ние, сохраняется в определённой местности и передается устно из поколения в поколение, то есть общинно-бытовую (народные традиции и обряды). Собственно конфессиональная информация предоставляла знания о макроуровне организации и через обряд формировала причастность к нему человека, а вот принципы общинной организации из нее не следовали, хотя и не противоречили. Она скорее воспринималась как данность, которую нужно вписать в более сложный социальный механизм. Макроинформации было недостаточно для стабилизации общины, то есть формирования представлений о некоем едином социально-биологическом пространстве. Община жила в тесной связи с окружающей природой, от которой зависело если не её выживание, то относительное благополучие. Не было на макроуровне механизма сохранения накопленных общиной знаний, адаптации конфессиональной информации к её жизни. Для этого были способы помогающие распознавать волю бога, противостоять злым силам, заручаться поддержкой добрых. Данные два уровня информации гармонизировали и дополняли друг друга. Первый давал представление об общем миропорядке, а второй адаптировал к нему жизнь конкретной общины. «Мы легко обнаруживаем проявление десяти заповедей Закона Божьего в принципах общинной жизни» [2, с. 331].

Таким образом, достигалось информирование людей о социуме, элементами которого о ни являются. Однако, в XIX в. Российская империя уверенно вступает на путь модернизации. Более активно развиваются транспортные коммуникации, экономическое сотрудничество выходит на новые уровни. Среди элиты усиливались сомнения в достаточности прежних религиозных основ общества. Секулярная национальная идея, утверждавшая, что для восприятия социального единства вера в бога не имеет принципиального значения, постепенно завоевывала умы образованной части общества. Проходят реформы государственного управления, унифицируется законодательство. Формируется система массового образования, появляется пресса. Нарастало понимание того, что церковь не отражает, в достаточной мере, социальные процессы.

Тем не менее, на протяжении большей части XIX в., процессы модернизации, развитие каналов коммуникации, информирования населения и соответственно его образованности не носили массового, универалистского характера. Проявлялись диспропорции между новыми технологиями, которые уже были достаточно развиты и возможностями российского общества. Даже на уровне начального образования грамотность была незначительной. Так, в 1797 г. грамотность сельского населения старше 9 лет составляла 4 %, а городского – 10 %, но уже в 1917 г. – соответственно 38 и 71 %. В 1880 г. сельская администрация, состоявшая из сельских старост и волостных старшин, имела в своем корпусе 19 % грамотных. Лишь к 1917 г. грамотность выросла к 36 % у крестьян, 64 % у горожан и 90 % у дворянства [2, с. 402, 527].

Печатные издания были относительно малотиражными. В 1900 г. суммарный тираж различных периодических изданий составлял около полу-

тора миллионов [3]. При численности населения по всеобщей переписи 1897 г. – 129,2 млн человек. Урбанизация также была низкой. Так, в 1863 г. удельный вес городского населения в европейской части империи составлял 10 %, в белорусских губерниях – 11,6 %. В 1914 г. соответственно 14,4 % и 13,4 % [4, с. 59]. Железнодорожное строительство активно началось во второй половине XIX в., и в начале XX в. были соединены лишь основные промышленные и политические центры. В силу этого скорость коммуникации была неравномерной и недостаточной для полноценного развития СМИ. В результате, в силу неразвитости альтернативных каналов, церковь сохраняла свою информационную роль. В какой-то степени ее значение даже возрастает, так как государство проводило реформы, и возникал вопрос их восприятия, уровня легитимности.

Тем не менее, от церкви и государства уже требовались целенаправленные действия по сохранению ее места в социальной системе. Однако, те средства, которые церковь использовала для этого, одновременно разрушали ее монополию и свидетельствовали о постепенной утрате прежней социальной роли. К ним можно отнести мероприятия по повышению эффективности управления, образовательные проекты, активизацию роли приходского духовенства.

Из наиболее значимых преобразований в сфере управления нужно отметить реорганизацию 1 марта 1839 г. канцелярии Св. Синода и обер-прокурора, создание духовно-учебного и хозяйственного управления [5, с. 428]. Значимой вехой в унификации церковной деятельности было принятие в 1841 г. устава духовных консисторий. В нем унифицировали законодательство в сфере епархиального управления [6]. В 1848 г. ликвидировали духовные правления и указы [7].

Во второй половине XIX в. преобразования продолжались. Распространилась практика епархиальных съездов депутатов от духовенства по вопросам устройства и управления духовных училищ и семинарий. Были проведены мероприятия по «открытию» сословия. Епископов обязали выбирать духовных лиц на вакантные места, принимая во внимание не социальное происхождение, а профессиональные и моральные качества кандидатов. К началу XX в. черед дошел и до общей реформы синодальной системы. Краеугольным камнем стал вопрос возрождения патриаршества.

В сфере духовного образования реформы носили еще более выраженный характер. В 1808–1814 гг. была сформирована трехуровневая система образования: уездные училища, семинарии и академии. Было создано три округа во главе с академиями. Общее руководство осуществлялось Комиссией духовных училищ при Св. Синоде. Семинарии и училища изъяслялись из подчинения епархиальных архиереев.

6 декабря 1829 г. получило силу закона «Положение об усилении способов к образованию духовного юношества и обеспечению приходских причтов». Оно предусматривало увеличение числа учащихся на «казенном содержании», назначение в приходы кандидатов, окончивших семинарии, укрупнение при-

ходов и сокращение причтов [8]. 1 марта 1839 г. вместо Комиссии духовных училищ создали Духовно-учебное управление при Св. Синоде [9]. Регламентации подверглась процедура поступления и учебный процесс. В мае 1867 г. были утверждены новые уставы семинарий и духовных училищ, а в 1869 г. – академий. Вместо Духовно-учебного управления был учрежден Учебный комитет. Следующая реформа духовных школ последовала в 1884 г. [10].

Повышенное внимание политического и церковного руководства к уровню образования духовенства было продиктовано не только заботой о более качественном исполнении ими своих обязанностей, но и для влияния на паству. С конца XVIII в. контроль над проповеднической и катехизаторской деятельностью духовенства только усиливался. В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство». В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники, чтобы они «имели средства ближе ознакомиться с обязанностями оногo, под руководством просвещенного и опытного наставника» [11, с. 62–64].

С целью привлечения духовенства к более активному участию в жизни прихода, в рамках катехизации населения и повышения уровня его грамотности в западных губерниях еще в 1836 г. приняли решение по открытию при церквях школ для детей прихожан [12]. Активизировался этот процесс с 1839 г. [13, с. 80]. 27 июня 1842 г. приняли постановление «Об устройстве сельских приходских училищ в казенных селениях» [14]. Обучение было бесплатным [15, с. 12]. После реформы 1861 г. начинается организация государственной системы начального образования деревни, которая со временем должна была охватить всех крестьянских детей школьного возраста [16, с. 263]. Духовенство в этих мероприятиях принимало непосредственное участие.

Во второй половине XIX в. церковь активно включилась в деятельность СМИ. На общецерковном уровне роль официального издания принадлежала до 1888 г. «Церковному вестнику», потом – «Церковным ведомостям». Кроме того выходили: «Вера и церковь», «Православный собеседник», «Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь», «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Кормчий», «Воскресение», «Воскресный день» и другие [17, с. 11]. На региональном уровне были созданы епархиальные ведомости. На территории белорусско-литовских губерний первые ведомости вышли в Литовской епархии (1863 г.), затем в Минской (1868 г.), Полоцкой (1874 г.), Могилевской (1883 г.) и Гродненской (1901 г.).

Епархиальные ведомости задумывались как аналог Губернских ведомостей. Номер должен был состоять из официальной и неофициальной частей. Первая предназначалась для публикации царских манифестов и указов, касающихся церкви, распоряжений Св. Синода, епархиального руководства и т. д. В неофициальной части публиковались тексты богословского содержания, проповеди и поучения, «известия и выдержки из периодической печати по предметам русской церковно-религиозной жизни и быта духовенства, а в конце разные

объявления, имеющие общий и в частности для духовенства практический интерес» [18]. Епархиальные издания должны были стать как фактором более эффективного административного взаимодействия, так и средством адаптации региональных структур православной церкви к общественным реалиям, что «таким образом ... теснее и живее сближат пастырей между собою для стройного и единодушного действия» [19].

Рассмотренные выше мероприятия в сфере управления, образования и коммуникации укрепляли положение церкви, но неминуемо и вели к девальвации её прежних социальных ролей. Так, частые реформы управленческих структур повышали эффективность церковного механизма. Однако, если в самой церкви, глава которой Иисус, происходят перемены, то это прямое свидетельство, что мир не соответствует той информации, которую несет церковь, ибо религиозная истина неизменна, в силу божественной полноты. Не смотря на то, что образование способствовало выработке личностного отношения к вере, оно разрушало конфессиональную монополию, перенося акцент в сферу индивидуального выбора человека, что косвенно свидетельствовало: жизнь общества перестаёт совпадать с канонами, так как социальные нормы не предоставляют выбора.

Скрытый конфликт между новыми средствами активизации церковной деятельности и ее значением в качестве актуальной информации об обществе видимо проявился в углубляющемся разрыве макро и микроуровней. У Н. С. Лескова есть рассказ «Пугало» (1885 г.), который начинается тем, что восьмилетнему городскому мальчику в деревне старик мельник «... открывал ..., полный таинственной прелести мир» окружающих явлений. В этом рассказе хорошо видна разница современного и сельского традиционалистского восприятия. Автор пишет: «Я хорошо знал и любил Священную историю, – и я до сих пор готов ее перечитывать, а все-таки ребячий милый мир тех сказочных существ, о которых говорил мне дедушка Илья, казался мне необходимым. Лесные родники осиротели бы, если бы от них были отрезаны гении, приставленные к ним народною фантазией» [20, с. 346–348]. То, что автору представлялось художественным вымыслом, для народных традиционалистских представлений было наполнено смыслом. Через всех этих чудищ общинный мир вписывался в религиозную картину социума, становился понятным и самодостаточным.

Церковь, в своей образовательной деятельности, видела в народных представлениях, «суевериях», препятствие. Во-первых, потому, что они были индифферентны к конфессиональному и беззащитны перед какой либо около или же антирелигиозной информацией, поскольку не подразумевали самоопределения. В то время как образование и проповедь в конечном итоге переносили выбор в сферу личных убеждений человека, а у нее потребности в этом мире не было, он оказывался излишним, так как был обезличен. Во-вторых, традиции были привязаны к определённом географическому пространству, конкретной общине и вне её рамок существовать не могли.

Разрушение этих границ, как физических, так и информационных, влекло религиозный вакуум, который мог быть заполнен какими угодно идеями. С того момента, когда фантастический мир общины лишился легитимности в глазах церкви, процесс утраты ею значения, как основного источника социальной информации переходит в завершающую фазу. В силу того, что без этого уровня религиозная информация как социально актуальная не жизнеспособна, она предстает мертвыми социальными знаниями, поскольку не привязана к конкретному микрообществу.

Таким образом, диспропорции процесса модернизации российского общества обусловили сохранение церкви в качестве актуального источника социальной информации. На политическом уровне это выражалось в государственном статусе церкви, в использовании православной символики в идеологии российского абсолютизма (православие – самодержавие – народность), в чиновничьих функциях приходского духовенства, важнейшей из которых являлась фиксация рождения, бракосочетания и смерти, в обязательной принадлежности каждого подданного к религиозному объединению.

Церковь, в условиях перехода от традиционного общества к современному, стремилась к сохранению своего места в социальной системе. С этой целью проводились реформы в сферах духовного управления и образовательная. Была занята более активная позиция в катехизации населения, значимая роль отводилась духовенству в формировании системы массового образования. Наконец созданы собственные печатные издания. Это с одной стороны повышало конкурентоспособность церкви, однако с другой – вело к утрате церковью своей коммуникативной роли в пользу СМИ.

Такое сложное промежуточное положение церкви, не позволяло в наилучшей степени задействовать внутренние резервы. В результате, в конце XIX – начале XX вв. все сильнее звучала критика в адрес церкви, притом с разных сторон о том, что она не отвечает потребностям времени. Однако кардинальные изменения положения и роли церкви в обществе произошли лишь в условиях глобальных потрясений Первой мировой войны и революции.

Список использованных источников

1. *Карсавин, Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. / Л. П. Карсавин – СПб.: Алетея, 1997. – 418 с.
2. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т 1. – 547 с.
3. Периодическая печать в России дореволюционного периода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.history-journal.ru/>. – Дата доступа: 31.03.2018.
4. *Каханюўскі, А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханюўскі; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.
5. *Благовидов, Ф. В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX столетия / Ф. В. Благовидов. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1899. – 430 с.

6. Полное собр. законов Рос. империи (ПСЗРИ): собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Собр. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVI, ч. I, 1842. – С. 221–263.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 19402. – Л. 9.
8. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Собр. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. IV, 1830. – С. 833–839.
9. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Собр. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XIV, ч. I, 1840. – С. 179–183.
10. Духовное образование в России в синодальный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minds.by/news/>. – Дата доступа: 01.04.2018.
11. Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1851. – 151 с.
12. НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 3, 7.
13. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / пад. рэд. У. І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
14. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Собр. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVII, ч. I, 1843. – С. 701–702 [18, с. 12].
15. *Васович, С. М.* Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси. Конец XVIII – 1914 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. М. Васович; Инст. ист. НАН Беларуси. – Минск, 2003. – 22 с.
16. *Токць, С. М.* Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
17. *Шимолін, В. И.* У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолін. – Минск: БГУ, 2010. – 199 с.
18. От редакции Полоцких епархиальных ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 1. – С. 1–4.
19. От редакции Литовских Епархиальных ведомостей: [об изд. «Литов. епарх. ведомостей»] // Литовские. епархиальные ведомости. – 1863. – № 1. – С. 3.
20. *Лесков, Н. С.* Собрание сочинений: в 6 т. / Н. С. Лесков. – М.: АО «Экран», 1993. – Т. 6. – 543 с.

(Дата подачи: 18.02.2020 г.)

Shu Bэй

Белорусский государственный университет, Минск

Shi Wei

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(091)(8)

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КАК МОТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПАКИСТАНА

CHINA-PAKISTAN ECONOMIC CORRIDOR AS THE ENGINE OF PAKISTAN'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Статья посвящена анализу влияния Китайско-Пакистанского экономического коридора (КПЭК) на экономическое развитие и внутреннюю стабильность Пакистана.

Автором обосновывается возможность того, что КПЭК позволит покрыть дефицит электричества в Пакистане, установить стабильность внутри страны, создать большое количество рабочих мест и повысить качество жизни народа.

Ключевые слова: китайско-пакистанский экономический коридор; экономическое развитие; стабильность; повышение жизни народа.

This article analyzes the impact of the China-Pakistan economic corridor (CPEC) on the economic development and internal stability of Pakistan. The author substantiates that CPEC can cover the electricity shortage in Pakistan, establish stability within the country, create a large number of jobs and improve the quality of life of the people.

Key words: China-Pakistan economic corridor; economic development; stability; improvement the life of the people.

Инициатива Пояс – Путь (ИПП) состоит из экономического пояса Шелкового пути и морского Шёлкового пути, что является новой внешней политикой Китая. ИПП была выдвинута осенью 2013 г., цель которой заключается в расширении сотрудничества с другими государствами и осуществлении всеобщего процветания. Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) представляет собой «флагманский проект» в рамках ИПП, поскольку он стыкует сухопутный экономический пояс Шелкового пути и морской маршрут.

КПЭК считается самой крупной программой сотрудничества в рамках ИПП, что даёт Пакистану возможность развиваться и улучшать свой международный имидж. В данной статье предпринята попытка провести комплексный анализ проектов в рамках КПЭК в целях определения его значения для развития Пакистана.

Научное осмысление реализации КПЭК отражено в большом количестве исследований. Среди китайских научных трудов, посвященных значению проекта КПЭК, отметим работы Ли Цинянь, Чэнь Лицзюнь и Лян Чжэньминь [11; 23; 12]. Общие вопросы региональной безопасности и отношение Индии к КПЭК рассматривали Ван Пэн, Ли Сигуань и Сунь Личжоу [3; 13]. Чэнь Цзидун, Чжан Цзяньцюань, Мэн Ляоко и Дин Цзяньцзюнь [24; 16; 7] исследовали стратегическую ориентацию КПЭК в рамках инициативы ОПОП. Возможности, предоставленные КПЭК, отмечены Чжан Чаочжэ, Цзан Сюлин и Чжу Сюньминь [25; 22]. Достигнутые успехи на КПЭК рассмотрены Лю Цзунь и Янь Шиган [14; 27].

Немало русскоязычных научных работ посвящено анализу КПЭК. Следует отметить, что профессор Н. А. Замараева проанализировала реализацию КПЭК в хронологическом порядке. В 2017 г. в ее статье «Китайско-Пакистанский экономический коридор – первый этап реализации» проанализирована главная функция и политическое и экономическое воздействие КПЭК [8]. В 2018 г. опубликована ее статья «Китайско-Пакистанский экономический коридор: итоги и вызовы 2017–2018 гг.», в которой отмечены цели каждого из этапов при создании КПЭК и главные области сотрудничества [9]. Следует выделить также труд «Китайско-пакистанский экономический коридор как новая

форма двустороннего сотрудничества» Ю. И. Малевич и Э. Э. Румянцевой, в котором подробно изучены финансовые вопросы, возникающие в ходе реализации КПЭК [15].

КПЭК может создать для Пакистана условия привлечения инвестиций, что является шансом для хрупкой экономики. В апреле 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин в ходе официального визита в Пакистан подписал в общей сложности свыше 50 Соглашений и Меморандумов о взаимопонимании, которые детально регламентировали строительство КПЭК, определяли конкретные сферы деятельности по созданию новых и модернизации уже действующих энергетических сооружений, развитию дорожной и железнодорожной транспортной сети, современных видов связи (преимущественной оптико-волоконной), повышению эффективности работы некоторых других областей производственной инфраструктуры. Общая сумма расходов на эти цели была определена в 46 млрд долл. США. Однако в ходе реализации проекта были введены новые объекты, в результате чего общий размер китайских инвестиций увеличился к концу 2017 г. до 62 млрд долл. США [20, с. 247]. Председатель Си Цзиньпин отметил, что за счет создания китайско-пакистанского экономического коридора, направления сотрудничества в порту Гвадар, транспортной инфраструктуре, в области современных производств реализуют формат сотрудничества «4+1», что позволит наладить взаимовыигрышное сотрудничество и совместное развитие.

Проект Гвадар считается душой КПЭК и имеет стратегическое значение для развития экономики и внутренней стабильности Пакистана. Министр планирования и экономического развития Пакистана Ахсан Икбал назвал проект Гвадар практически главным объектом в модернизации всей производственной инфраструктуры страны.

Гвадар является глубоководным портом, расположенным недалеко от Ормузского пролива, что позволяет Пакистану взимать транзитный налог с соседних внутриконтинентальных стран за предоставление выхода к морю. Пакистанские эксперты считают, что порт Гвадар открывает для Центральной Азии, как минимум, три варианта доступа к водам Индийского океана – это маршруты Хоргос (граница Казахстан – Китай) – Хунджараб (граница Пакистан – Китай) – Гвадар; Серхетабат (Туркменистан) – Термез (Узбекистан) – Чаман – Гвадар (Пакистан); и Серахс (Туркменистан) – Чабахар (Иран) – Гвадар. Первые два маршрута в инфраструктурном плане готовы к использованию, а для запуска третьего требуется строительство 90-километрового соединения между иранским и пакистанским портами [18].

Китай также является плательщиком транзитного сбора. Порт Гвадар открывает Китаю кратчайший путь на Аравийский полуостров, откуда в настоящее время поступает свыше 60 % импортируемой КНР нефти [1, с. 263]. Доставка нефти из стран Персидского залива в Китай через порт Гвадар и далее через Кашгар до места ее перегонки на территории Китая будет занимать примерно 7–10 дней, в то время как традиционным путем через

Малаккский пролив это занимает 35–40 дней. Кроме того, необходимость длительных транспортировок в том числе китайской стороной, определяет возможность развития торговой инфраструктуры вдоль пути следования, которая будет обеспечивать базовыми товарами составы с грузами, что выступает вектором развития экономики и открывает возможности для предпринимательской деятельности.

Проект Гвадар включает реконструкцию автострад, укрепление и строительство береговых линий, углубление фарватера, создание свободной зоны, строительство международного аэропорта и системное строительство нового города. На данном этапе Китай вложил в проект Гвадар около 824 млн долл.: создание нового международного аэропорта Гвадар (230 млн долл.), освоение свободной зоны (32 млн долл.), строительство скоростной автомагистрали «Восточный залив» (168 млн долл.) и т. д. [28].

В ноябре 2017 г. началось строительство скоростной автомагистрали «Восточный залив», которая может соединить порт Гвадар с сетью национальных автомагистралей и обеспечить его бесперебойную логистику [6]. В конце марта 2019 г. состоялась церемония закладки первого камня нового международного аэропорта в регионе Гвадар. Премьер Пакистана Имран Хан называет этот аэропорт мотором развития всего Пакистана. Строительство транспортной инфраструктуры, соединяющей порт Гвадар с другими регионами, может открыть торговую дверь Пакистана и усилить его связь с другими странами, что способствует экономическому развитию.

Свободная зона в Гвадаре также играет роль мотора экономического развития Пакистана и охватывает около 923 га земли и будет развиваться в четыре этапа [2]. В январе 2018 г. была выполнена задача первого этапа – был открыт парк свободной зоны с современной инфраструктурой и системой безопасности. Более 30 китайских и пакистанских предприятий стали его первыми членами и уже принесли инвестиции в размере 3 млрд юаней и пообещали предоставить более 2000 рабочих мест для местных жителей [17].

Приоритетные направления бизнеса в свободной зоне охватывают переработку сельскохозяйственной продукции, переработку рыбы, обработку мрамора, перевалку грузов и т. д. В будущем товары из других регионов Пакистана можно будет доставлять прежде всего в парк свободной зоны для переработки, а потом через порт Гвадар продавать за границу.

Население в Гвадаре составляет менее 100 тыс. человек, 75 % которого занимается рыболовством и другой работой, связанной с рыбным промыслом. Однако отсталые технологии лова, хранения и переработки рыбы ограничивают экономическое развитие данного населенного пункта. Благодаря открытию парка свободной зоны передовая техника и крупный капитал были направлены в бывший рыбацкий посёлок. Согласно замыслу, рыбные продукты, произведенные в данном регионе можно экспортировать во многие точки мира, что будет создавать материальное благополучие рыбаков Гвадара.

Кроме того, парк свободной зоны может предоставить населению Гвадара больше вариантов при выборе профессии.

Проект Гвадар должен благоприятствовать установлению стабильности в Пакистане. Проект Гвадар реализуется в провинции Белуджистан, где бывают террористические атаки, что является источником неустойчивости страны. В этой провинции народ живет в нужде, а сепаратизм имеет активную позицию реальной деятельности, поэтому решение вопроса трудоустройства и улучшения жизни народа данного региона стали первоочередной задачей. Содержание проекта Гвадар как раз соответствует требованиям народа Белуджистана. Планировалось, что рабочие из этой провинции могут быть трудоустроены в ходе реализации проекта Гвадара. Предполагалось, что они смогут не только заниматься физическим трудом, но и изучать специальную технику. Предоставление людям рабочих мест обеспечивает материальную стабильность и ослабляет влияние сепаратизма, что имеет важное значение для безопасности региона. Более того, повышение профессионального уровня может создать условия для стабильного дохода, таким образом жизнь народа Белуджистана войдет в положительный ритм. По плану на протяжении 10 лет проект Гвадар сможет предоставить 200 млн жителей возможность трудоустройства[5]. При этом жители провинции Белуджистан, работающие в свободной зоне, смогут пользоваться построенными новыми домами, гостиницами, школами, медицинскими учреждениями и дорогами. Благодаря географическому положению Белуджистана местные жители будут первыми и главными бенефициарами по завершении проекта Гвадар. Такими представлялись результаты проекта на стадии планирования и определения перспектив. То, что предполагалось, не было достигнуто в полном объеме.

В период 2014–2015 гг., когда проект Гвадар находился на этапе подготовки, коэффициент безработицы в Белуджистане был 3,9 %, а в 2017–2018 гг. этот показатель составил 4,0 % [29]. Это значит, что в ходе строительства проекта Гвадара почти не улучшилась ситуация по содействию трудоустройству в провинции Белуджистан.

Одна из причин, по которой жителям Белуджистана невозможно включиться в проект Гвадар в качестве рабочей силы, определяется низким уровнем образования населения. В Белуджистане не повышают уровень образования: количество образовательных учреждений составляет только 5 % от общего количества учреждений образования Пакистана. Таким образом, из-за отсутствия квалификации и осознанности происходящих процессов жителям Белуджистана проблематично устроиться на работу. Еще хуже, что для рабочего класса Белуджистана была утрачена возможность изучения передовых технологий, что создает препятствие для дальнейшего участия трудящихся в строительстве проекта Гвадар и управлении им.

Удовлетворив базовые жизненные потребности, народ может спокойно учиться и работать. Глубоко понимая эту причину, китайская сторона старается повысить уровень жизни народа данного региона в рамках строительства

проекта Гвадар. Например, китайские предприятия безвозмездно помогают открывать школы, профессиональные училища и больницы. В сентябре 2016 г. была создана китайско-пакистанская начальная школа в Гвадаре. В мае 2017 г. в Гвадаре был создан первый китайско-пакистанский медицинский центр, что решило проблему отсталости медицины в регионе. Китайские предприятия также периодически предоставляют бесплатно пресную воду местному населению. В будущем, Китай должен уделить внимание подготовке специалистов в провинции Белуджистан, что может обеспечить безопасность реализации КПЭК.

Нехватка электроэнергетических мощностей в Пакистане является острым вопросом, что не только ограничивает экономическое развитие страны, но и оказывает пассивное воздействие на государственную безопасность. Профессор Н. Замараева так описала ситуацию нехватки электричества в Пакистане: «В вечернее и ночное время Исламабад в основном погружен во тьму и освещается только в центре светом от магазинов, рестораников и кафе, фарами автомашин, редкими рекламными щитами и... луной. Во многих случаях и в частных магазинах свет включают только с приходом покупателей. Крупные административные учреждения или обеспеченные семьи имеют возможность приобретать генераторы малой мощности для нужд собственного потребления. Бедная часть населения живет без электричества» [10].

До 2014 г. в Пакистане был большой дефицит электричества. Народ в Пакистане был вынужден переживать перебои с подачей электроэнергии в среднем по 6–12 часов каждый день. В Исламабаде каждый день перебои с подачей электроэнергии достигали 12 часов. Ситуация в небольших городах и поселках была еще хуже [21].

Энергетический кризис в Пакистане обусловлен нерациональностью структуры генерирования электрической энергии. Нефть и газ были основными источниками электроэнергии в Пакистане, которые импортировались из Саудовской Аравии, что привело к высокой себестоимости генерирования электроэнергии. Нефть и газ составляют около 64 % от общего количества источников энергии [21].

Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Пакистан премьер Шариф изъявлял сильное желание сотрудничать с Китаем в области энергетики. Учитывая электрический кризис и дефицит энергоресурсов в Пакистане, Пекин в приоритетном порядке намерен вложить средства в энергетический сектор Пакистана. В настоящее время в рамках КПЭК реализованы 17 энергетических проектов: работают 9 угольных электростанций, 4 ветряных электростанций и 2 гидроэлектростанции (ГЭС) [26].

Ветряные электростанции и ГЭС предоставляют Пакистану дешевую и экологически чистую энергию. ГЭС Карот построена на базе китайских инвестиций китайским предприятием. После введения в эксплуатацию в полном объеме её полная установленная мощность может достигнуть 720 тысячи киловатт, что может удовлетворить потребность в электроэнергии 5 млн

человек. Большинство инженеров и рабочих, которые участвуют в строительстве ГЭС Карот приехали из провинции Пенджаб. Они изучают передовые технологии и систему управления у китайской стороны, что является ценным вкладом в развитие Пакистана [19].

Китай инвестировал ряд угольных электростанций в рамках КПЭК, что вызывает сомнение пакистанского народа, считающего, что угольная генераторная установка является устаревающей технологией. Китай перенёс запрещённое оборудование и технологии в Пакистан, что может нарушить равновесие окружающей среды и создать крупный финансовый дефицит в управлении деятельностью в области окружающей среды.

На современном этапе создание угольных электростанций в Пакистане является идеальным решением, поскольку покрывает дефицит электричества и способствует экономическому развитию. Китай инвестировал значительные средства в КПЭК, так что невозможно игнорировать необходимость длительного развития проектов. Таким образом, охрана окружающей среды в реализации проектов в рамках КПЭК занимает приоритетное место. Китайские предприятия используют сверхкритическую технологию в угольных электростанциях, что позволяет эффективно сжигать уголь и сокращать выбросы сернистых газов. Посол Китая в Пакистане Сунь Вэйдун официально заявил, что Китай не перемещал старую технику и оборудование в Пакистан, и как следствие не наносит ущерба окружающей среде.

В рамках КПЭК полная установленная мощность угольных электростанций достигает 7953 мегаватт, что составляет 23,5 % от общей полной установленной мощности Пакистана. Завершение строительства и введение в эксплуатацию угольных электростанций в первую очередь принесли блага народу. Электростанция Касим может удовлетворить потребности в электричестве 4 млн бытовых потребителей; электростанция в Сахивале – 10 млн человек данного региона; электростанция в Хубе – 4 млн пакистанских семей [4].

В рамках КПЭК строительство транспортной инфраструктуры также является главной задачей, что закладывает основу экономического развития. В настоящее время в рамках КПЭК начали строить и реконструировать 8 транспортных инфраструктурных проектов и 4 рельсовых транспортных проекта. Автомобильное шоссе Пешавар – Карачи представляет собой артерию в Пакистане, которая проходит большую часть территории и соединяет север и юг страны. Участок Суккур – Мултан скоростного автомобильного шоссе Пешавар – Карачи является проектом в рамках КПЭК, который был завершён в июле 2019 г. Мултан занимает седьмое место по численности населения и представляет собой главный район производства технических культур, также здесь выращивают манго, финиковые пальмы и т. д. Суккур называют порталом провинции Синд, который занимает четырнадцатое место по численности населения. Завершение строительства скоростного автомобильного шоссе между этими двумя городами повышает эффективность торговых контактов и передвижений, в результате того что время

перемещения туда и обратно сократилось с 8 до 4 часа. Кроме того, в период строительства были актуальными 29 тысячи рабочих мест [30].

Пакистан является выгодоприобретателем в рамках инициативы ИПП: КПЭК привлекает инвестиции в Пакистан, способствует экономическому развитию и установлению стабильности в стране посредством создания большого количества рабочих мест и повышения качества жизни народа. Самое важное – КПЭК покрывает дефицит электричества.

Посредством создания КПЭК Китай предоставляет площадку международного сотрудничества, на которой создана совершенная инфраструктура для эффективного функционирования многих элементов. Инвесторы из разных государств могут найти возможности для бизнеса и расширить торговое сотрудничество. КПЭК заложил устойчивую основу развития Пакистана, на которой может развиваться экономика. Страна также получила возможность устанавливать контакты взаимодействия и сотрудничества с другими странами.

КПЭК также представляет собой эксперимент, в рамках которого Китаю удалось сдерживать религиозный экстремизм за счет экономического развития. Китай уделяет внимание народу Белуджистана и улучшает качество жизни населения, поддерживая безопасность Пакистана и далее обеспечивая устойчивость пограничной территории.

Список использованных источников

1. Антипов, К. В. Экономический коридор «КНР – Пакистан» открывает Шелковый путь на Запад / К. В. Антипов // История и современность. – 2015. – № 20. – С. 260–272.
2. Бацзисытань Гуадаэр цзыюцю кайюань = Открытие парка свободной зоны в Гвадаре Пакистана [Электронный ресурс] // Портал Пояс и Путь – 31.01.2018. – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/hwxw/46453.htm>. – Дата доступа: 15.01.2020 (на кит. яз.).
3. Ван, Пэн. Чжунба цзинцзи цзоулан дэ чжаньлюе цзячжи юй фэнсянь фанфань = Стратегическая стоимость КПЭК и его риски / Пэн Ван // Чжунго цзинцзи чжоу кань = Китайский экономический еженедельник. – 2018. – № 8. – С. 80–81 (на кит. яз.).
4. В рамках китайско-пакистанского экономического коридора начато строительство угольной электростанции в Хубе [Электронный ресурс] // Russian.people.cn. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0322/c31518-9193724.html>. – Дата доступа: 09.04.2019.
5. Гуадаэр цзяншэ дайлай чжунда фачжань цзюйюй = Проект Гвадар принесёт возможность развития [Электронный ресурс] // Портал Пояс и Путь – 20.04.2015. – Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n/2015/0420/c157278-26871416.html>. – Дата доступа: 15.01.2020 (на кит. яз.).
6. Гуадаэр дунвань куайсулу цзюйсин кайгун иши = Церемония начала строительства скоростной автомагистрали «Восточный залив» [Электронный ресурс] // Торгово-экономический советник посольства КНР в Исламской Республике Пакистане – 26.11.2017. – Режим доступа: <http://pk.mofcom.gov.cn/article/jmxw/201711/20171102675145.shtml>. – Дата доступа: 15.01.2020 (на кит. яз.).
7. Дин, Цзяньцзюнь. И дай и лу шицзяо ся дэ чжунба гуанси = Отношения Китая и Пакистана в рамках инициативы ОПОП: продолжение истории и взгляд в будущее / Цзяньцзюнь Дин // Иньдуан цзинцзити яньцзю. – 2018. – № 2. – С. 114–141 (на кит. яз.).
8. Замараева, Н. А. Китайско-Пакистанский экономический коридор – первый этап реализации / Н. А. Замараева // Журн. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – №. 22. – С. 289–307.

9. *Замараева, Н. А.* Китайско-Пакистанский экономический коридор: итоги и вызовы 2017–2018 гг. / Н. А. Замараева // Журн. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2018. – № 23. – С. 304–318.

10. *Замараева, Н. А.* Обострение энергетического кризиса в Пакистане [Электронный ресурс] / Н. А. Замараева // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=7213>. – Дата обращения: 02.12.2019.

11. *Ли, Цинянь.* Чжунго-Бацзисытань цзинци цзоулан: уши хэцзо синьцидянь = КПЭК – новое начало прикладного сотрудничества / Цинянь Ли // Дандай шицзе = Современный мир. – 2013. – № 9. – С. 51–53 (на кит. яз.).

12. *Лян, Чжэньминь.* Чжунба цзинци цзоулан: ии, цзиньчань юй луцзин яньцзю = КПЭК: значение, сдвиг и направление развития / Чжэньминь Лян // Ятай цзинци = Азиатско-тихоокеанская экономика. – 2018. – № 5. – С. 13–20 (на кит. яз.).

13. *Ли, Сигуань.* Чжунба цзинци цзоулан дэ чжаньлюе цзячжи юй аньцюань синши = Стратегическая стоимость КПЭК и безопасная ситуация / Сигуань Ли, Личжоу Сунь // Сюешу цаньянь = Фронт науки. – 2015. – № 6. – С. 32–50 (на кит. яз.).

14. *Лю, Цзун.* Чжунба цзинци цзоулан цзян шэ юй тяочжань = Ситуация строительства КПЭК: сдвиг и вызов / Цзун Лю // Гоцзи вэньти яньцзю = Исследование международных вопросов. – 2016. – № 3. – С. 122–136 (на кит. яз.).

15. *Малевич, Ю. И.* «Китайско-пакистанский экономический коридор как новая форма двустороннего сотрудничества» / Ю. И. Малевич, Э. Э. Румянцев // Журн. Научные труды республиканского института высшей школы. – 2019. – № 18. – С. 185–193.

16. *Мэн, Ляоко.* И дай и лу ши ся дэ Бацзисытань чжаньлюе дивэй цзици шисянь луцзин таньси = В рамках инициативы ОПОП стратегическое место Пакистана / Ляоко Мэн // Шицзе цзинци юй чжэнчжи луньтань = Форум мировой экономики и политики. – 2015. – № 4. – С. 29–45 (на кит. яз.).

17. Порт Гвадар: свободная зона и 20 000 рабочих мест для местных жителей [Электронный ресурс] // Dispatch News Desk. – Режим доступа: <https://www.dispatchnewsdesk.com>. – Дата доступа: 15.01.2020.

18. Свободная зона Гвадар усилит взаимодействие между Пакистаном и центральноазиатскими странами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://orient.tm/svobodnaya-zona-gvadar-usilit-vzaimod/>. – Дата доступа: 02.12.2019.

19. Стартовало полномасштабное строительство первой ГЭС в рамках китайско-пакистанского экономического коридора [Электронный ресурс] // Rus.Yidaiyilu.gov.cn. – Режим доступа: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/business/project/67077.htm>. – Дата доступа: 09.04.2019.

20. *Федорова, И. Е.* Китайско-Пакистанский экономический коридор. Проблемы и перспективы / И. Е. Федорова // Труды института Востоковедения. – 2018. – № 8. – С. 245–254.

21. Цюе дьянь: Чжан Бацзисытань хэнь шоушан = Дефицит электричества – большая проблема в Пакистане [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао – 29.08.2014. – Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n/2014/0829/c1002-25561754.html>. – Дата доступа: 15.01.2020 (на кит. яз.).

22. *Цзан, Сюлин.* Чжунба цзинци цзоулан дэ цзячжи цзи мяньлинь дэ тяочжань = Стратегическая стоимость и риски КПЭК / Сюлин Цзан, Сюньминь Чжу // Лилунь шиэ = Теоретический обзор. – 2017. – № 2. – С. 72–76 (на кит. яз.).

23. *Чэнь, Лицзюнь.* И дай и лу юй чжунба цзинци цзоулан цзяншэ = ОПОП и строительство КПЭК / Лицзюнь Чэнь // Дандай шицзе = Современный мир. – 2017. – № 1. – С. 54–57 (на кит. яз.).

24. *Чэнь, Цзидун.* Исследователь Института Южной Азии при Сычуаньском университете. Чжунба цзинци цзоулан цзай и дай и лу цзяншэ чжун дэ динвэй = Позиция КПЭК в инициативе ОПОП / Цзидун Чэнь, Цзяньцюань Чжан // Синьцзян шифань дасюе сюе-

бао = Вестник Синьцзянского педагогического университета – 2016. – № 4. – С. 125–133 (на кит. яз.).

25. Чжан, Чаочжэ. Чжунба цзинци цзоулан цзяншэ: цзюй юй тяочжань = КПЭК: возможности и вызовы / Чаочжэ Чжан // Нанья яньцзю цзикань = Трехмесячник по исследованию Южной Азии. – 2014. – № 2. – С. 79–85 (на кит. яз.).

26. Энергические проекты в рамках КПЭК [Электронный ресурс]. – Mode of Access: <http://cpec.gov.pk/energy>. – Date of access: 15.01.2020.

27. Янь, Шиган. И дай и лу ся шэньхуа Чжунго юй Бацзисытань хэцзю цэлюе яньцзю = В рамках инициативы ОПОП углубление сотрудничества Китая и Пакистана / Шиган Янь // Гай гэ юй чжаньлюе = Реформа и стратегия. – 2017. – № 5. – С. 36–39 (на кит. яз.).

28. Investment in the projects of Gwadar // China-Pakistan Economic Corridor [Electronic resource]. – Mode of Access: <http://cpec.gov.pk/project-details/32>. – Date of access: 15.01.2020.

29. Labour Force Publications // Pakistan Bureau of Statistics [Electronic resource]. – Mode of Access: <http://cpec.gov.pk/project-details/32>. – Date of access: 15.01.2020.

30. Projects in the China-Pakistan Economic Corridor // China-Pakistan Economic Corridor [Electronic resource]. – Mode of Access: <http://cpec.gov.pk/>. – Date of access: 15.01.2020.

(Дата подачі: 03.02.2020 г.)

S. A. Shydloўski

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Наваполацк

S. A. Shydloўski

Polotsk State University, Novopolotsk

УДК [94:339.174 + 39](476)"18"

ГАНДЛЁВЫЯ ПРАКТЫКІ ПАМЕСНАГА ДВАРАНСТВА БЕЛАРУСІ (К. XVIII – ПАЧ. XX СТ.)

TRADE PRACTICES OF THE LANDOWNERS OF BELARUS (LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES)

У дадзеным артыкуле разглядаецца трансфармацыя гандлёвых практык памеснага дваранства Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. Даследуюцца гістарычныя вытокі негатыўных стэрэатыпаў у дачыненні гандлю ў асяроддзі дваранства. Аналізуюцца розныя віды гандлю, у прыватнасці, продаж збожжжа. Прыводзяцца знешнія і ўнутраныя фактары, якія ўплывалі на гандлёвыя практыкі памешчыкаў. Характарызуецца агульны ўзровень развіцця мясцовых рынкаў.

Ключавыя словы: гандлёвыя практыкі; гандлёвыя традыцыі; памеснае дваранства, памешчыкі Беларусі; гісторыя гандлю.

This article analyzes the transformation of trade practices of the landowners of Belarus in the late XVIII – early XX centuries. The historical sources of negative stereotypes regarding trade among the nobility are investigated. Various types of trade are analyzed, in particular, grain sales. The external and internal factors that influenced the trading practices of the landowners are given. The general level of development of local markets is characterized.

Key words: trade practices; trade traditions; nobility; landowners of Belarus; history of trade.

Перспектыва абагачэння праз занятак гандлем у асяроддзі прывілеяванага саслоўя традыцыйна разглядалася як справа маральна няпэўная і эканамічна рызыкаўная. Так, у кнізе М. Асоўскай «Буржуазная мараль» прыводзіцца шэраг крытычных выказванняў прадстаўнікоў шляхецтва Рэчы Паспалітай у дачыненні заняткаў гандлем, што зафіксавана ў мастацкіх і публіцыстычных тэкстах XVI–XVIII стст. [1, с. 206–211].

Узорам падобных негатыўных стэрэатыпаў у разглядаемы перыяд можа служыць выказванне Ю. Крашэўскага, змешчанае ім на старонках дарожных нататак «Wspomnienia Polesia, Wołyń i Litwy» (першая публікацыя – 1840 г.). Паводле Ю. Крашэўскага, да «спекуляцыі» (у сэнсе камерцыі) здатныя толькі людзі «з нізкім ілбом, худым і крывым целам», да нічога іншага не вартыя. Па словах пісьменніка, у іх жылах цячэ халодная густая кроў, сэрца б’ецца паволі, вочы глядзяць цьмяна, а продкамі іх мусяць быць або яўрэі, або немцы, або англічане ці італьянцы; «чалавек пачцівы на глебе спекуляцыі поспеху мець не можа» [2, с. 27].

Падставы негатыўных адносін прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя да занятку гандлем былі сфарміраваны ў рэаліях саслоўнага грамадства, – феадальная дзяржава мела патрэбу ў прафесійных воінах, а рыцарства цешылася з сваіх выключных правоў і бараніла status quo. Падобнае становішча было замацавана нормаі права. Так, паводле Статута ВКЛ 1588 г., асобы, якія займаліся рамяством і гандлем («торгъ местский ведучи або и шинкъ в дому маючи и локтемъ меречы, або ремесло робечи на варстате»), не маглі прэтэндаваць на атрыманне шляхецкай вартасці (разд. 3; арт. 20 і 25) [3, с. 121–123]. Для эпохі Асветніцтва былі характэрны спрэчкі аб новых функцыях дваранства ў грамадстве, у тым ліку і аб мэтазгоднасці заняткаў nobiliarum гандлем [4, с. 151–189]. Кацярына II лічыла гандаль неналежаным для дваранства заняткам, але так званая «Жалаваная грамата дваранству» ад 21 красавіка 1785 г. надавала дваранам права гандляваць оптам сельскагаспадарчай і рамеснай прадукцыяй сваіх маёнткаў (арт. 27), заводзіць мястэчкі «и в них торги и ярмонки [...] с наблюдением, чтоб сроки ярмонок в местечках их соображены были со сроками в других окрестных местах» (арт. 29), набываць дамы ў гарадах, «устройства там рукоделие» (арт. 30), а таксама весці марскі аптovy гандаль (арт. 32) [5].

Магчымасці, якія расійскае заканадаўства прадстаўляла дваранству ў вобласці гандлю, скарысталі ў першую чаргу прадстаўнікі арыстакратыі, што стала займаліся гандлёвымі спекуляцыямі, у тым ліку на знешніх рынках, напрыклад, перапрадавалі лес або воўну. Дробныя землеўладальнікі ў сваёй большасці прапаноўвалі ўласную сельскагаспадарчую прадукцыю і вырабы вясковых майстэрняў на танных мясцовых кірмах або – па аптovyх цэнах – эканомам магнацкіх уладанняў і іншым пасрэднікам. Нават у парэформенны перыяд, калі прадстаўнікі памеснага дваранства былі вымушаны больш актыўна шукаць дадатковыя сродкі для мадэрнізацыі ўласных гаспадарак, гандаль не зрабіўся сферай істотнай актыўнасці дваранства. Паказчыкам

маштабу далучанасці памешчыкаў да камерцыйнай дзейнасці можа служыць ступень іх удзелу ў арганізацыі гандлёвых дамоў. Так, паводле падлікаў беларускага гісторыка Н. І. Палятаевай, на працягу 1892–1911 гг. доля дваран сярод уладальнікаў гандлёвых дамоў на тэрыторыі Беларусі вагалася ад 0 да 5,1 % [6, с. 78].

Сярод памешчыкаў заставаўся трывалым агульны скептычны настрой у дачыненні заняткаў гандлем. Фразеалагізм «зарабіць, як Заблоцкі на мыле» (*wyjsć jak Zabłocki na mydle*) ілюструе падобны скепсіс [7, с. 431]. У польскіх версіях прататыпам героя дадзенага выразу найчасцей называюць пана Цыпрыяна Заблоцкага, памешчыка з Рыбна (сучасны Сахачэўскі павет Мазавецкага ваяводства), а ў беларускіх – указваюцца мясцовыя рэаліі (Шуміліншчына, Случчына). Ускосным сведчаннем папулярнасці фразеалагізма з’яўляюцца адаптацыі вобразу Заблоцкага ў беларускай літаратуры найноўшага часу (Л. Калюга, П. Васючэнка).

Існавалі спробы аб’ектыўнай аргументацыі дадзенай скептычнай пазіцыі. Так, на думку Е. Тышкевіча («*Opisanie powiatu bogusowskiego*», 1847), мясцовым памешчыкам для поспеху ў прадпрымальніцкай дзейнасці не хапала свабоднага капіталу і падрыхтаванага персаналу, акрамя таго, ім бракавала мабільнасці: землеўладальнікі не хацелі надоўга пакідаць свае маёнткі [8, с. 217]. К. Кантрый указваў на брак у камерцыйнай практыцы мясцовых памешчыкаў аналітычнага падыходу і звычкі падлічваць рэнтабельнасць гандлёвых аперацый [9, с. 46–47].

Шмат фактаў нерацыянальнага гаспадарання прыводзілася сучаснікамі на прыкладзе гандлю збожжам. Так, П. Баброўскі ўказваў на выпадкі, калі мясцовыя памешчыкі восенню вывозілася сваё збожжа на продаж, а увесну ім не хапала насення і яны набывалі яго па завышаных цэнах, – розніца паміж цэнамі складала 60–90 % [10, с. 10–11]. Акрамя таго павелічэнне аб’ёмаў экспарту мясцовага кармавога ячменю, вотруб’я, макухі негатыўна адбівалася на развіцці айчынных жывёлагадоўлі. Мясцовую практыку гандлю збожжам крытыкаваў таксама Э. Масальскі [11]. На яго думку, мясцовыя памешчыкі не ўлічвалі змяншэнне попыту ў Заходняй Еўропе на збожжа. Калі мясцовы прадукт пачынаў прадавацца на знешніх рынках па меншых цэнах, памешчыкі, замест таго каб пераарыентавацца на новыя культуры, намагаліся кампенсаваць страты, засяваючы збожжавымі большыя плошчы, што ў выніку прыводзіла да затаварвання і яшчэ больш імкліваму абсяцэнняванню прадукцыі [12, с. 123–124].

Неадназначным па выніках быў для памешчыкаў гандаль валамі за межамі краю. К. Кантрый лічыў, што падобны гандаль быў сумнеўны з улікам таго, што ў рэгіёне не хапала якасных скур і лою, якія прыходзілася завозіць звонку [9, с. 46–47]. Паводле звестак Ю. Крашэўскага, раней гэты гандаль быў выключна яўрэйскім, але паступова памешчыкі самі сталі ім займацца, асабіста выезджаючы з валамі за мяжу [2, с. 67]. У першай трэці XIX ст яны набывалі на Пінскім Палессі валоў невялікай палескай пароды на мясцовых

стайнях, выкормлівалі брагай, а потым прадавалі на мяса ў Бярдзічаве ці на іншых украінскіх кірмах і набывалі «горных» сівых украінскіх валоў, каб перапрадаць іх у Варшаве. Па звестках К. Кантрыма, украінскіх валоў яны набывалі ў Бярдзічаве за 20 рублёў, за зіму іх выкормлівалі, каб вясной прадаць у Клайпедзе ці Рызе за 30–60 рублёў ці з меншай выгадай – у Варшаве. У Варшаве іх набывалі для ўласнага ўжытку, а ў Клайпедзе і Рызе для далейшага продажу за мяжой (у Англію і Швецыю). Мемельскі кірунак быў для палешукоў новым і выкарыстоўваўся мала [9, s. 45–46]. На думку К. Кантрыма, памешчыкам было больш выгодна, па-першае, адмовіцца ад пасрэдніцтва пры падобным гандлі, па-другое, спыніць продаж кармоў, патрэяе, прывозіць з Украіны цялят для збыту ў рэгіёне, а ў Рызе і Клайпедзе прадаваць не жывых валоў, а скуры, лой і салёнае мяса. К. Кантрым таксама прапаноўваў дакладна падлічыць з улікам усіх абставін параўнальную выгоду адкормлівання на мяса ўкраінскіх валоў і мясцовую дробную пароду [9, s. 46–47].

Лепшыя магчымасці для вядзення гандлю мелі памешчыкі, маёнткі якіх знаходзіліся паблізу ад суднаходных рэк, што дазваляла ім накіроўваць збожжа, лес, пянёку водным шляхам у марскія порты, дзе існавала больш выгодная цэнавая кан'юнктура. Так палескія памешчыкі з паезуіцкіх уладанняў Пінскага калегіума ў першай трэці XIX ст. асабіста займаліся гандлём, з мэтай чаго хадзілі водным шляхам у нізоўе Дняпра. Аднак і партовы гандаль веўся часта праз пасрэднікаў, а не наўпрост з прадстаўнікамі замежных гандлёвых кампаній [13, с. 48; 9, s. 47–48].

Як адзначае беларускі даследчык Э. Г. Іофе, у шэрагу кірункаў унутранага і знешняга гандлю (у першую чаргу, збожжавым, лясным, ільняным) перавагу мелі яўрэйскія купцы [14, с. 345]. У пэўных рэгіёнах, напрыклад, у Падняпроўі, пэўную канкурэнцыю ім складалі стараверы. Яшчэ ў часы існавання Рэчы Паспалітай узнікла практыка, калі памешчыкі набывалі тавар у яўрэйскіх купцоў з адтэрміноўкай аплаты або прадстаўлялі ў лік аплаты прадукты і работнікаў. Гэтыя прадукты яўрэі-гандляры збывалі часта за бесцань, каб атрымаць грошы для абароту. Такім чынам, не толькі памешчыкі, але і купцы ў значнай ступені з'яўляліся закладнікамі заганнай практыкі, якая прыводзіла да пастаяннага марнавання фінансавага і чалавечага рэсурсу краю [9, s. 58–66].

Пэўную канкурэнцыю яўрэйскім купцам памешчыкі здолелі скласці ў гандлі соллю. Соль была адным з нямногіх прадуктаў, які стала набывалі сяляне, і ў памешчыкаў існавала магчымасць кантраляваць каналы яе рэалізацыі, – на Палессі, напрыклад, соль прадавалі ў шинках на меру [9, s. 56–66].

Паводле звестак беларускага гісторыка В. С. Макарэвіча, соль у 1796–1801 гг. у Літоўскую губерню пастаўлялася з Прускага каралеўства, Аўстрыйскага эрцгерцагства (у Брэсцкі, Кобрынскі і Пружанскі паветы) і Рыгі. У Слоніўскі і Навагрудскі паветы Літоўскай губерні і ў Мінскую губерню з канца XVIII ст. у невялікіх аб'ёмах пачала пастаўляцца соль з Крыму.

з Прусіі пастаўлялі лісабонскую, «леверпольскую» і французскую соль, якая раздзялялася на два гатункі: гішпанка («кагмар») і французская шэрая. З Аўстрыйскага эрцгерцагства завозілася соль з Самбарскіх саляварняў, а з Рыгі – марская [15, с. 63].

К. Кантрым указваў на тое, што да развіцця актыўнага гандлю з Крамянчугом на Палессі гандлявалі соллю з галіцыйскіх саляварняў, якую дастаўлялі, верагодна, праз Броды [9, s. 52]. У 20-х гг. XIX ст. байды, лыжвы і баркі з Пінскага Палесся хадзілі да Крамянчуга з гарэлкай, дровамі, вугалем, клёпкай, бэлькамі, абручамі, а назад везлі соль [9, s. 52]. Адрознівалі гатункі адэскай, кіеўскай, крымскай, белазерскай, «чырвонай» солі, а таксама «ледзянку». Пінск і Мазыр з’яўляліся перавалачнымі пунктамі, куды соль дастаўлялася водным шляхам з Украіны. Тут танную адэскую соль дамешвалі да больш якасных гатункаў і развозілі яе далей вазаі ў іншыя рэгіёны [2, s. 105; 9, s. 53].

Паводле назіранняў В. М. Севергіна, на пачатак XIX ст. «соль з Падолля» водным шляхам дастаўлялі да Барысава, адкуль яна развозілася па краі, у прыватнасці, у Вільню. На мясцовых кірмашах таксама прадавалася «шэрая і чырвоная соль невысокай якасці», а лепшую – у выглядзе «галоў на ўзор цукровых» – атрымлівалі з Пінска, дзе «яе верагодна выпарвалі» [16, с. 128–129]. Паводле Е. Тышкевіча, у 40-х гг. XIX ст. у Барысаўскім павеце соллю гандлявалі ўкраінскія купцы, пуд солі ў залежнасці ад якасці мог каштаваць ад 50 капеек да рубля [8, s. 109].

Найбольш прыбытковым з’яўляўся гандаль лесам і збожжам. Фальваркава-паншчынная сістэма гаспадарання фарміравалася на беларускіх землях з часоў аграрнай рэформы другой паловы XVI – пачатку XVII ст. на базе таварнай вытворчасці збожжа. На працягу разглядаемага перыяду таварнага ўзроўню дасягнулі і іншыя галіны айчынных сельскай гаспадаркі, аднак продаж збожжа застаўся адным з найбольш прыбытковых.

Рынак збожжа развіваўся ў сістэме ўзаемаўплываючых фактараў, сярод якіх варта вылучыць прыродныя цыклы ўрадзяў і сацыяльна-палітычныя крызісы. У рэчышчы дактрыны меркантилізму расійская дзяржава намагалася кантраляваць знешні гандаль. Падставамі для абмежавання экспарту маглі быць як неўраджаі, так і ваенна-палітычныя меркаванні, што адбівалася на цэнах. Значныя ваганні цэн на збожжа прыпадаюць на апошнюю траціну XVIII – пачатак XIX ст., канец 20-х – 30-я гг. XIX ст., другую палову 50-х гг. XIX ст., 80-я гг. XIX ст. і пачатак XX ст. [17, с. 4].

Няўстойлівасць рынку і непаслядоўнасць захадаў ураду ў спробах яго рэгулявання назіралася ў перыяд напалеонаўскіх войнаў 1803–1815 гг. У маі 1804 г. была скасавана ўведзеная раней забарона вывазу «з літоўскіх губерняў» збожжа за мяжу [18], што прывяло да значнага павелічэння аб’ёмаў замежнага гандлю збожжам. Аднак у канцы 1806 г. на непрацяглы час з балтыйскіх портаў і ўздоўж усёй заходняй мяжы вываз збожжа быў спынены. З лістапада 1808 г. Расійская імперыя далучылася да кантынентальнай блакады Англіі, што

ў цэлым негатыўна паўплывала на ўзровень даходаў мясцовых памешчыкаў [19, с. 94, 103].

У 20–40-х гг. XIX ст. назіралася агульнарасійская тэндэнцыя да зніжэння цэн на жыта. Пры гэтым неўраджайнымі былі сезоны 1822–1823, 1830–1831, 1832–1833 і 1839–1840 гг. [20, с. 114]. Л. В. Мілаў сярод прычын падобнай тэндэнцыі называе вымушаны характар продажу збожжа сялянамі, з аднаго боку, і павелічэнне, з другога боку, аб’ёмаў продажу памешчыкамі, якія намагаліся кампенсаваць страты ад зніжэння цэн збытам большай колькасці прадукту, што прыводзіла да новага цанавога абвалу. Наступствам зніжэння цэн было таксама тое, што памесныя гаспадаркі пачалі перапрацоўвацца большыя аб’ёмы збожжа ў спірт [21, с. 48–51].

На рынку збожжа адзначаліся сезонныя ваганні цэн, найвышэйшыя пікі якіх прыходзіліся на ясну. Росту цэн на збожжа вясной спрыялі дрэнныя шляхі зносін, што абцяжарвала завоз з паўднёвых губерняў [10, с. 10–11].

Існавалі рэгіянальныя адрозненні ў развіцці сельскай гаспадаркі, што адбівалася і на мясцовай дынаміцы цэн. Напрыклад, суадносіны цэн на збожжа і муку ў парэформенны перыяд у Віцебскай губерні стала адрозніваліся ад астатніх беларускіх рэгіёнаў [21, с. 60–61].

Вываз беларускага збожжа ажыццяўляўся пераважна ў кірунку нямецкіх портаў. У 1879 г. Германская імперыя перайшла да палітыкі аграрнага пратекцыянізму. Былі ўстаноўлены мытныя пошліны на пшаніцу, жыта, авёс і ячмень, якія ўвозіліся з-за мяжы. Гэта прывяло да зніжэння аб’ёмаў куплі расійскай пшаніцы і экспансіі нямецкага аўса і жыта на хлебныя рынкі скандынаўскіх краін, з выцясненнем расійскіх вытворцаў. Так, паводле слоў К. К. Случэўскага, які вандраваў па захаду Беларусі ў 1887 годзе, з-за высокіх пошлін на хлеб яго гандаль у Прусіі стаў нявыгадным для беларускіх памешчыкаў. Акрамя таго, з 1883 года страхавыя таварыствы адмовіліся ад страхавання грузаў на Нёмане [22, с. 414, 425]. Прычынай дадзенага рашэння сталі шматлікія выпадкі наўмыснага затаплення застрахованых грузаў. Акрамя таго, аб’ектыўна суднаходства на Нёмане было высокарызыкоўным з-за наяўнасці шматлікіх пясчаных водмеляў. У выніку сплаў хлеба на Нёмане зменшыўся недзе ў 20 разоў. Тым не менш арыентацыя хлебнага гандлю на прускія парты і Лібаву (Ліепая) захоўвалася. У сярэднім па Нёману сплаўлялася ў год каля 7 000 000 пудоў збожжа, пераважна ў Прусію. К. К. Случэўскі прапаноўваў пераарыентаваць мясцовы хлебны гандаль на Вялікабрытанію, Швецыю і Нарвегію праз Паланген (Палангу) [22, с. 414, 425].

Такім чынам на працягу разглядаемага перыяду ў Расійскай імперыі была сфарміраваная заканадаўчая база, якая дазваляла прадстаўнікам памеснага дваранства без страты дваранскіх правоў займацца гандлем. Аднак скасаваныя нормы феадальнага права, што былі закліканы некалі захоўваць непарушнасць саслоўных меж, трансфармаваліся ў негатыўны стэрэатып, які абмяжоўваў абсяг выбару прафесійных заняткаў для прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя. Акрамя таго мясцовая камерцыя вызначалася высокай ступенню рызыкі ганд-

лёвых аперацый; абмежаванай магчымасцю прыходу ў гандаль новых людзей і наяўнасцю шматлікіх пасрэднякаў (напрыклад, існавала цэлая прафесійная праслойка фактараў, якія з'яўляліся дадатковым звяном паміж прадаўцом і купцом). Выгоды ад сталых заняткаў гандлем сярод памеснага дваранства ў падобных абставінах маглі атрымаць толькі прадстаўнікі найбольш заможных колаў землеўладальнікаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Оссовская, М.* Рыцарь и буржуа: исслед. по истории морали / М. Оссовская. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
2. *Kraszewski, J. I.* Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / J. I. Kraszewski. – Paryż: Nakładem J. K. Wilczyńskiego, 1860. – 144 s.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.]. – Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1989. – 573 с.
4. *Гриффитс, Д.* Екатерина II и ее мир: статьи разных лет / Д. Гриффитс; пер. с англ. Е. Леменовой и А. Митрофанова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 536 с.
5. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. – М.: Юридическая литература, 1987. – Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – С. 22–60.
6. *Полетаева, Н. И.* Купечество в торговых домах Беларуси (конец 19 – начало 20 в.) / Н. И. Полетаева // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. – 2002. – № 6. – С. 76–81.
7. *Ленешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І. Я. Ленешаў. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1. А–Л. – 672 с.
8. *Tyszkiewicz, E.* Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. / E. Tyszkiewicz. – Wilno: Druk. A. Marciniowskiego, 1847. – 489, IV s.
9. *Kontrym, K.* Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu / K. Kontrym; Wydana przez Edwarda Raczyńskiego. – Poznań: U Walentego Stefańskiego, 1839. – 72 s.
10. *Бобровский, П. О.* Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России / П. О. Бобровский // Вестник Западной России. – Вильно. – 1865. – Г. IV. – Кн. IV. – Ч. 3. – С. 1–17.
11. *Шидловский, С. О.* Кризис хозяйственных практик и традиционных форм виталитивной культуры поместного дворянства Беларуси в отражении романа Э. Т. Массальского «Пан Подстолиц» / С. О. Шидловский // Вестник Полоцкого государственного университета: Серия А (гуманитарные науки). – 2015. – № 9. – С. 90–94.
12. *Massalski, E. T.* Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny: W 5 częściach / E. T. Massalski. – Wilno: W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. – Część 1. – 143 s.
13. Опыт описания Могилёвской Губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилёв: Типография губернского правления, 1884. – Кн. 2. – [6], 1000, [2] с.
14. *Иоффе, Э. Г.* Еврейская торговля на белорусских землях в конце XVIII – начале XX веков / Э. Г. Иоффе // Трэці Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы. – Каўнас: Vytautas Magnus University Press, 2014. – Т. 3. – С. 343–347.
15. *Макарэвіч, В. С.* Гандаль соллю ў беларускіх і літоўскіх паветах Літоўскай губерні ў канцы XVIII – пачатку XX ст. / В. С. Макарэвіч // Беларусь, Клецкі край і Эдвард

Вайніловіч : матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, Клецк, 21 верасня 2018 г. / А. А. Каваленя (наук. рэд.) [і інш.]; У. С. Пуцік (адк. рэд.). – Мінск: ІВЦ «Мінфіна», 2019. – С. 61–67.

16. *Севергин, В. М.* Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, učinённые во время проезда через оные в 1802 году... / В. М. Севергин. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1803. – 225 с.

17. *Мионов, Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) / Б. Н. Мионов. – Л.: Наука, 1985. – 301 с.

18. О разрешении отпуска хлеба из литовских губерний за границу. Именной [указ], данный литовскому военному губернатору. 31 мая 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи: собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. – 1804–1805. Т. XXVIII. – № 21317. – С. 358.

19. *Лобас, Е. В.* Внешнеторговая и таможенная политика Российской империи начала XIX века / Е. В. Лобас, М. М. Савченко. – М.: Российская таможенная академия, 2017. – 180 с.

20. *Растянников, В. Г.* Урожайность хлебов в России. 1795–2007 / В. Г. Растянников, И. В. Дерюгина. – М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.

21. *Милов, Л. В.* Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка в России в XIX в. / Л. В. Милов // История СССР. – 1974. – № 1. – С. 48–63.

22. *Случевский, К. К.* По Северо-Западу России: в 2 т. / К. К. Случевский. – СПб.: Типография А. Ф. Маркса, 1897. – Т. 2: По западу России. – [4], 456, [2], XX с.

(Дата падачы: 19.02.2020 г.)

А. К. Шымак

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Shymak

Belarusian State University, Minsk

УДК327(470+571)

ЗНЕШНЕПАЛІТЫЧНЫЯ ПРЫЯРЫТЭТЫ РАСП ВА ЎЗАЕМААДНОСІНАХ З РЫМСКАЙ КУРЫЯЙ (1469–1582 ГГ.): АНАЛІЗ ПІСЬМОВЫХ КРЫНІЦАЎ НА ПРЫКЛАДЗЕ АФІЦЫЙНЫХ ДАКУМЕНТАЎ РЫМСКАЙ КУРЫ

FOREIGN-POLICY PRIORITIES OF RUSSIA IN INTERRELATIONS WITH THE ROMAN CURIA (1469–1582): ANALYSIS OF WRITTEN SOURCES ON THE EXAMPLE OF OFFICIAL DOCUMENTS OF THE ROMAN CURIA

Развіццё ўзаемаадносін паўплывае на палітычныя і дыпламатычныя пазіцыі Расіі ў апошняй чвэрці XV–XVI ст. праходзіла пад уплывам агульнаеўрапейскай палітычнай сітуацыі. Вывучэнне дадзенага пытання патрабуе прыцягнення шырокага кола крыніц: матэрыялаў справядлівасці, рознага роду дакументаў знешнепалітычнага характару, мемуарнай літаратуры.

Вывучэнне афіцыйных дакументаў Рымскай курыі дазволіць прасачыць, як складаліся і змяняліся асноўныя арыенціры знешняй палітыкі Рыма ў адносінах да Маскоўскага княства і Расійскага царства. У артыкуле прадстаўлена сістэматызацыя дакументаў Рымскай курыі, іх кароткі аналіз і гісторыя публікацый.

Ключавыя словы: знешняя палітыка; Рымская курыя; Маскоўскае княства; Расійскае царства; гістарычныя крыніцы; нунцыатура; легат; булла; брэвэ.

The development of relations between Russia and the Roman Curia in the last quarter of the XV-XVI century took place under the influence of the European political situation. The study of this issue requires the involvement of a wide range of sources: clerical documentations, various kinds of foreign policy documents, memoirs. A study of official documents of the Roman Curia will trace how established and changed the main reference points of Rome's foreign policy in relation to the Moscow principality and the Russian Empire. The article presents a systematization of the documents of the Roman Curia, a brief analysis of their history and publications.

Key words: foreign policy; the Roman Curia; the principality of Moscow; the Russian kingdom; historical sources; Nunciature; legate; bull; breve.

Пасля падзення Канстанцінопаля стала распрацоўвацца ідэя еўрапейскага адзінства. Надаць ёй рэальныя абрысы імкнулася, у першую чаргу, Рымская курыя. У цэнтры яе палітыкі знаходзілася ідэя арганізацыі агульнаеўрапейскага антыасманскага паходу. Спробы рымскіх пап, пачынаючы з папы Пія II (1458–1464), прыцягнуць туркаў на бок хрысціянства поспеху не мелі. З прапановай арганізаваць антыасманскую кааліцыю папа Павел II (1464–1471) звяртаўся да еўрапейскіх манархаў. Але яны былі занятыя рэалізацыяй уласных палітычных мэтай і часам знаходзіліся ва ўзаемнай канфрантацыі, таму не былі схільныя падтрымліваць шматразовыя заклікі Курыі. У полі зроку папскай дыпламатыі апынулася Усходняя Еўропа. Будучы папа Рымскі Пій II, Эней Сільвія Пікаламіні, у сваім вядомым трактате De Europa ўжываў тэрмін «Еўропа» не проста як прыгожае слова з антычнай літаратуры, але з пэўным сэнсам, падкрэсліваючы рэлігійную, палітычную і культурную супольнасць дзяржаў гэтага рэгіёну, у тым ліку Польшчы, Вялікага княства Літоўскага і Лівоніі.

Нягледзячы на тое, што і Ян Длугаш, і Мацей з Мяхова даказвалі, што «Масковія», з пункту гледжання геаграфіі, з'яўляецца часткай еўрапейскага кантынента, на працягу ўсяго XVI ст. дамінаваў погляд наконт азіяцкага характару Княства «всёя Руси». Рымская курыя ўзняла праблему Масковіі як патэнцыйнага саюзніка ў антыасманскай барацьбе. Маючы гэта на мэце, ўзаемаадносіны Масквы, Вільні і Кракава сталі аб'ектам пільнай увагі Апостальскай Сталіцы, якая з канца XV ст. выступала актыўным і закулісным удзельнікам у дыпламатычнай гульні і ваенных сутыкненнях дзяржаў Усходняй Еўропы.

Для вывучэння ўзаемаадносін Расіі (якая трансфармавалася ад Маскоўскага княства да Расійскага царства) і Рымскай курыі ў перыяд з 1469 па 1582 г. існуе значная колькасць гістарычных крыніц, якія дазваляюць вырашыць шэраг канкрэтных даследчых задач. Вялікую цікавасць выклікаюць

дакументы, узнікненне якіх было звязана непасрэдна з Рымскай курыяй. Гэта і афіцыйныя дакументы Курыі, рознага роду дыпламатычная перапіска, матэрыялы нунцыатур, а таксама данясенні і нататкі падарожнікаў, якія рабіліся па загаду Рыма.

У выніку актыўнай дыпламатычнай дзейнасці Апостальскай Сталіцы ўтварыўся вялікі пласт архіўнага матэрыялу, публікацыя якога працягваецца і ў цяперашні час. Письмовая карэспандэнцыя, рэгулярныя або надзвычайныя данясенні, якія прыходзілі ў рымскія цэнтральныя ўстановы звыклымі дыпламатычным каналамі (праз нунцыяў, спецыяльных пасланнікаў, ўпаўнаважаных, місіянераў з асаблівымі даручэннямі), а таксама справаздачы, прашэнні, былі асновай старанняга вывучэння адказных асобаў Рымскай курыі.

Святы Пасад і Расія захоўвалі закрытасць уласных архіваў для гісторыкаў аж да пачатку XX ст. Выключэнне склалі некаторыя гістарычныя або архіўныя камісіі, ўпаўнаважаныя публікаваць выбраныя матэрыялы. Сярод афіцыйных дакументаў Рымскай курыі, якія адносяцца да Расіі, у першую чаргу звяртаюць на сябе ўвагу брэвэ, накіраваныя вялікім князем маскоўскім (якія дайшлі ці не дайшлі да адрасата), указанні нунцыям і пасланнікам, звесткі аб дзейнасці і выніках пасольскіх місій, даклады аб Маскоўскай дзяржаве і яе актуальным стане, накіраваныя ў Курыю.

Гэты велізарны масіў дакументаў сабраны, у першую чаргу, у Ватыканскім тайным архіве, які стаў даступным для даследчыкаў падчас пантыфікату папы Льва XIII. На гэты конт было апублікавана адмысловае брэвэ (1880 г.). У 1895 г. А. П. Извольскі, які займаў пасаду міністра-рэзідэнта пры Святым Прастоле, у сваім данясенні міністру замежных спраў Расіі прапанаваў арганізаваць у Рыме пастаяннае расійскае прадстаўніцтва або пастаянную пасаду вучонага карэспандэнта для працы з архіўнымі матэрыяламі, важнымі для гісторыі Расіі.

Над вывучэннем, сістэматызацыяй і складаннем вопісаў фондаў ватыканскага архіва працавалі Я. Ф. Шмурло, Ф. Ф. Вяржбоўскі, А. І. Тургенеў, М. М. Любавіч, І. І. Грыгаровіч, А. Тэйнер. Пачатак навуковага выдання матэрыялаў ватыканскіх архіваў звязаны з дзейнасцю Археаграфічнай камісіі. Пры садзейнічанні кіраўніка Ватыканскага тайнага архіва графа Марына Марыні А. І. Тургенеў падрыхтаваў да публікацыі больш за 400 актаў. У 1844 г. міністр народнай асветы С. С. Увараў падчас свайго знаходжання ў Рыме набыў копіі ўласнарукных папер Антонія Пассевіна, што стала нагодай для падрыхтоўкі другога тому «Актаў гістарычных» [2, с. 123–639].

Маштабныя пошукі былі праведзеныя Ф. Ф. Вяржбоўскім. У выніку яго навуковай дзейнасці ў 1887 г. выйшаў у свет зборнік дакументаў – перапіска папскага нунцыя ў Польшчы (1573–1578 гг.) Вінцэнта Лаўреа з кардыналам Комскім, сакратаром папы Рыгора XIII [4; 5; 6, с. 205–237; 8; 14].

З першага студзеня 1903 г. пры гісторыка-філалагічным аддзяленні Акадэміі навук была заснаваная пасада вучонага карэспандэнта ў Рыме для

пошуку дакументаў па гісторыі Расіі, якія захоўваліся ў італьянскіх архівах і бібліятэках. У сферу дзейнасці карэспандэнта ўваходзіла, галоўным чынам, даследаванне і апісанне найважнейшых архіўных фондаў, якія датычыліся расійскай гісторыі, і падрыхтоўка знойдзеных дакументаў для навуковага выдання. На гэтую пасаду быў прызначаны прафесар Я. Ф. Шмурло. Дзякуючы яго актыўнай працы была выдадзена вялікая колькасць гістарычных крыніцаў, якія адлюстроўвалі розныя аспекты ўзаемаадносін Расіі і Рымскай курыі. Усе яго справаздачы аб праведзенай працы апублікаваны ў чатырох тамах зборніка «Расія і Італія» [16; 17; 18; 19]. Гэта выданне ўтрымлівае вопісы дакументаў Ватыканскага тайнага архіва, а таксама архіваў Неапалю, Фларэнцыі, Венецыі, Мілана, Мантуі, Падуй, некаторых архіваў Іспаніі, Францыі. Я. Ф. Шмурло правёў фундаментальную працу па складанні вопісаў польскай нунцыятуры XVI ст., падрыхтаваў зборнік дакументаў «Помнікі культурных і дыпламатычных зносін Расіі з Італіяй». Але на жаль, гэтае выданне засталася незавершаным [13].

У другой палове XIX ст. была апублікавана вялікая колькасць афіцыйных дыпламатычных дакументаў Апостальскай Сталіцы. Розныя архіўныя крыніцы друкаваліся паасобку, у зборніках або манаграфічных даследаваннях. Але дакументы не сістэматызаваліся па характары свайго непасрэднага паходжання. Аdbор адпавядаў асобным тэмам, а не рэканструкцыі ўзнікнення і развіцця пэўных этапаў ва ўзаемаадносінах паміж Рымскай курыяй і Расіяй. Дакументы звычайна размяшчаліся ў храналагічным парадку. Даследчыкі не ставілі сабе за мэту апублікаваць толькі які-небудзь адзін від афіцыйных матэрыялаў Рымскай курыі. У публікацыях сустракаюцца розныя віды крыніц. Многія выданні суправаджаюцца дадаткамі, паказальнікамі, каментарамі. Нярэдка публікацыі суправаджаліся навуковымі артыкуламі.

Адным з найбольш важных фондаў Ватыканскага архіва, з пункту гледжання інтарэсаў навукоўцаў, якія займаюцца даследаваннем узаемаадносін Рымскай курыі і Расіі, варта назваць матэрыялы нунцыятуры ў Польшчы (*nunziatura di Polonia*). Гэты гістарычны аспект прадстаўлены там дастаткова паслядоўна і сістэматычна. Дакументы папскіх нунцыяў у Кароне Польскай не прадстаўлены якой-небудзь асобнай публікацыяй. Усе матэрыялы раскіданыя па розных зборніках, у склад якіх увайшлі уласна дзешы нунцыяў, лісты на імя папы і дзяржаўнага сакратара ад польскіх прэлатаў і ад іншых асобаў, паперы, якія паступалі ў канцылярыю нунцыя (рознага роду данясенні, лісты, а таксама распараджэнні з Рыма).

У асобную групу матэрыялаў польскай нунцыятуры можна аднесці паперы Антонія Пассевіна (1579–1591): яго дзейнасць у Маскве і ў лагеры Стэфана Баторыя, узаемаадносіны А. Пассевіна з дзяржаўнымі чыноўнікамі Вялікага княства Літоўскага, арганізацыя езуіцкіх калегій, у тым ліку Віленскай езуіцкай калегіі [2; 9; 11, с. 44–67; 12, с. 47–86; 27, с. 17–70; 28, с. 178; 30; 29; 31].

Рэгулярныя справаздачы нунцыяў аб усіх сваіх дзеяннях складалі галоўную частку іх данясенняў. На іх аснове можна рэканструяваць згубленыя папскія

інструкцыі і брэвэ, шляхам іх параўнання, прааналізаваць, як праводзілася рымская палітыка на месцах, якія фактары аказвалі на яе першарадны ўплыў. Іншы немалаважны бок гэтых данясенняў – іфармацыйны. Кожнае з данясенняў утрымлівае ў сабе шмат цікавых апісанняў, звестак аб асобах, падзеях не толькі палітычнага, але і культурнага характару.

Усе гэтыя абставіны абумоўліваюць вялікае значэнне перапіскі папскіх нунцыяў. Як і маскоўскія паслы, прадстаўнікі Святога Прастола вялі сваю дзейнасць згодна з падрабязна распрацаванымі інструкцыямі і наказамі. Многія з іх з’яўляюцца даступнымі беларускім даследчыкам дзякуючы ўжо сучасным публікацыям. Новыя гістарычныя крыніцы сталі даступнымі для працы навукоўцаў у выданнях *Acta Nuntiaturae Polonae*, якія з’явіліся дзякуючы Польскаму гістарычнаму інстытуту ў Рыме [21; 22; 23; 24; 25; 26].

Калі мы кажам пра нунцыяў, то маем на ўвазе пастаянных прадстаўнікоў Рыма ў той, альбо іншай дзяржаве. Але вырашэнне розных пытанняў магло быць ускладнена і на звычайных ці надзвычайных папскіх пасланнікаў – легатаў. Адной з задач легатаў Курыі была перадача папскага паслання маскоўскаму князю. Папскія дакументы (лісты, указы, інструкцыі і г. д.) афіцыйна называюцца актамі Апостальскай Сталіцы. Апостальскія лісты папы лічыліся яго асабістымі пасланнямі, нават калі яны распрацоўваліся, рэдагаваліся і падпісваліся кім-небудзь з кардыналаў Курыі. Па сваёй форме акты Апостальскай Сталіцы падзяляліся на дзве катэгорыі (у цяперашні час захоўваецца гэтая ж класіфікацыя):

- 1) урачыстыя – апостальскія канстытуцыі, энцыклікі, буллы;
- 2) звычайныя – брэвэ, рэскрыпты, дэкрэты, мандаты, наказы.

Карэспандэнцыя, адрасаваная з Рыма ў Маскву, звычайна ў гэты перыяд выдавалася ў форме булл і брэвэ.

Була (лац. *bull* – пячатка) – урачыстае пасланне папы. Яно пісалася на латыні і змацоўвалася свінцовай пячаткай. Пачынаючы з папы Урбана IV (1261–1264) пачалі адрозніваць буллы двух відаў: *littere curiales* і *littere communes*. Буллы першай групы (*littere curiales*) ствараліся на аснове заканадаўчых актаў у інтарэсах свецкай і духоўнай улады папы, сюды ж адносіліся пастановы аб кананізацыі, мірныя трактаты, пастановы аб адпраўленні пасольстваў. Складаліся яны ў прыватнай канцылярыі папы.

Буллы *littere communes* датычыліся ўнутраных пытанняў Каталіцкай Царквы: падзел царкоўных бенефіцыяў, узвядзенне ў духоўны сан, дазвол на ўступленне ў шлюб, выдача розных прывілеяў. Гэтыя буллы рыхтавала дзяржаўная канцылярыя.

Нейкім чынам падобнымі да курыяльных булл з’яўляюцца буллы пад назвай *littere secretae* (сакрэтныя). Іх рыхтавалі ў сувязі з дыпламатычнымі кантактамі з замежнымі дзяржавамі і справамі Царквы міжнароднага значэння [16]. На аснове гэтых булл пасля з’явіліся брэвэ.

Брэвэ (лат. *brevis* – кароткі) пісаліся ў прастай форме і, у адрозненне ад булл, не падымалі істотных пытанняў. Яны пачыналіся ад імя папы і пад-

пісваліся, у залежнасці ад ступені важнасці паслання, альбо самім папам, альбо кардыналам [32, s. 280–281]. Доказам вялікага значэння, якое надавала Курья Маскве, служыць той факт, што асноўная маса зваротаў пантыфіка да вялікага князя пісалася ў форме ўрачыстых булл ці брэвэ, вельмі часта за подпісам папы.

У асобную групу крыніц па гісторыі ўзаемаадносін Расіі і Рымскай кур'і варта вылучыць паведамленні пра Масковію падарожнікаў. Гэта мемуарная літаратура цікавая тым, што вельмі часта афіцыйныя дыпламатычныя пасольствы з Рыма ў Маскву не прапусkalіся праз тэрыторыю Вялікага княства Літоўскага. Таму Апостальская Сталіца спадзявалася на вырашэнне нейкіх сваіх інтарэсаў праз неафіцыйную дзейнасць гандлёвых місій, падарожнікаў. Яны мелі шанец даехаць да Масквы, перадаць папскае пасланне і сабраць цікавую для Рыма інфармацыю [1; 3; 7].

Даследчыца расійска-італьянскіх гандлёвых адносін XVI – першай трэці XVIII ст. І. С. Шаркова азначала, што да сярэдзіны XVI ст. усе звесткі аб «Рускай дзяржаве», што атрымлівалі ў Еўропе, так ці інакш звязаныя з Італіяй і італьянцамі, бо амаль усё, што з'яўлялася на Захадзе пра Масковію, упершыню выдавалася ў Італіі, а праз яе атрымлівала паўсюднае распаўсюджванне [20, с. 15].

Рымскую кур'ю цікавілі побыт, звычаі, рэлігійнае жыццё «маскавітаў». Да 20-х гг. XVI ст. адносяцца два апісанні Маскоўскай дзяржавы, складзеныя па даручэнні Кур'і: «Ліст Альберта Кампенэза да Папы Клімента VII» і «Кніга пра пасольства» Паола Джовія [10]. Адною з найважнейшых гістарычных крыніц мемуарнага характару аб Маскоўскай дзяржаве XVI ст. з'яўляецца «Масковія» А. Пасевіна [15]. У сваім трактате папскі легат звярнуў увагу на крыніцы, якімі ён карыстаўся для апісання Расійскай дзяржавы, даўшы, тым самым, арыенцір для правядзення крыніцазнаўчага аналізу: кнігі С. Герберштэйна, А. Гваньіні, І. Кобенцэля, П. Джовія, А. Кампенэза [9, с. 20–22].

Аналізуючы гэтыя матэрыялы і супастаўляючы іх з афіцыйнымі дакументамі Апостальскай Сталіцы, можна прасачыць, як складваліся асноўныя арыенціры знешняй палітыкі Рымскай кур'і ў адносінах да Маскоўскага княства і Расійскага царства.

Такім чынам, можна адзначыць, што дыпламатычныя кантакты Рымскай кур'і і Расійскай дзяржавы, якая трансфармавалася ад Маскоўскага княства да Расійскага царства, знаходзіліся ў прамой залежнасці ад міжнароднай абстаноўкі. Актыўнасць Асманскай імперыі, інтарэсы Польшчы, Вялікага княства Літоўскага адбіваліся і на дыпламатыі Рыма. У сувязі з гэтым, вывучэнне ўзаемаадносін Рыма і Масквы ў канцы XV–XVI ст. прадугледжвае прыцягненне шырокага кола крыніцаў: матэрыялаў справаводства, рознага роду дакументаў знешнепалітычнага характару, мемуарнай літаратуры.

Спис выкарыстаных крыніц

1. *Аделунг, Ф. П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинения: в 2 ч. / Ф. П. Аделунг. – М.: Тип. Московского ун-та, 1864. – Ч. 1. – 48 с.
2. Акты исторические, относящиеся к истории России: в 2 т. / Изд. А. И. Тургенев. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841. – Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 г. – 401 с.
3. Барбаро, Иосафат и Контарини, Амброджио. Барбаро и Контарини о России. К истории итальяно-русских связей в XV в. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленинградское отдел.; вст. ст., подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. – Л.: Наука, 1971. – 275 с.
4. *Вержбовский, Ф. Ф.* Викентий Лаурео, Мондовский епископ, папский нунций в Польше, 1574–1578, и его неизданные донесения кардиналу Комскому, статс-секретарю папы Григория XIII, разъясняющие политику Римской курии в течение вышеуказанных лет, по отношению к Польше, Франции, Австрии и России, собранные в Ватиканском архиве / Ф. Ф. Вержбовский. – Варшава: Типог. О. Бергера, 1887. – 757 с.
5. *Вержбовский, Ф. Ф.* Две кандидатуры на польский престол: Вильгельма из Розенберга и эрцгерцога Фердинанда 1574–1576 / Ф. Ф. Вержбовский. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1889. – 321 с.
6. *Вержбовский, Ф. Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 гг. по донесениям папского нунция В. Лаурео / Ф. Ф. Вержбовский // Журнал министерства народного просвещения. – 1882. – № 8. – С. 205–237.
7. *Д'Алматто, Дж.* Сочинения итальянцев о России конца XV–XVI вв. Историко-библиографический очерк / Дж. Д'Алматто. – 2-е изд. – М.: Наука, 1995. – 152 с.
8. Донесения Иоанна Кобенцеля о Москве от 1576 гг. // Вержбовский, Ф. Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII ст.: в 5 вып. / Ф. Ф. Вержбовский. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1901. – Вып. 4. – 68 с.
9. Дополнения к Актам историческим / Археографическая комиссия. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. – 542 с.
10. *Кампенский, Альберт.* О делах Московии / Альберт Кампенский; публ. О. Ф. Кудрявцева, С. Г. Яковенко; ком. О. Ф. Кудрявцев, вступ. ст. С. Г. Яковенко // Россия и Италия: сб. ст. / Ин-т всеобщей истории РАН; редкол.: Н. П. Комолова (отв. ред.) [и др.]. – М., 1995. – С. 180–225.
11. *Любович, Н.* Итальянские архивы и библиотеки. Отчет о заграничной командировке в 1887 г. / Н. Любович // Варшавские университетские известия. – 1888. – № 8. – С. 44–67.
12. *Любович, Н. Н.* Папский нунций Комендонне в Польше / Н. Н. Любович // Журнал министерства народного просвещения. – 1887. – № 1–2. – С. 47–86.
13. Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией / АН СССР. – Л.: АН СССР, 1925. – Т. 1, Вып. 1. – 579 с.
14. Посольство Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575–1576 гг. // Материалы к истории Московского государства в XVI–XVII вв.: в 5 вып. / Ф. Ф. Вержбовский. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1896. – Вып. 1. – 68 с.
15. *Поссевино, А.* Исторические сочинения о России XVI в. / А. Поссевино; перев., вступ. ст. и комм. Л. Н. Годовиковой. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 271 с.
16. Россия и Италия. Сборник исторических материалов: в 4 т. – СПб.: Импер. Акад. наук, 1907. – Т. 1., Вып. 1. – 114 с.
17. Россия и Италия. Сборник исторических материалов: в 4 т. – СПб.: Импер. Акад. наук, 1911. – Т. 1., Вып. 2. – 212 с.
18. Россия и Италия. Сборник исторических материалов: в 4 т. – СПб.: Импер. Акад. наук, 1908. – Т. 2., Вып. 1. – 224 с.

19. Россия и Италия. Сборник исторических материалов: в 4 т. – СПб.: Импер. Акад. наук, 1913. – Т. 2., Вып. 2. – 688 с.
20. Шаркова, И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. / И. С. Шаркова. – Л.: «Наука», 1981. – 208 с.
21. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1990. – Т. I: Auctore H. D. Wojtyska. – 477 p.
22. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1992. – Т. II: Zacharias Ferreri (1519–1521) et nuntii minores (1522–1553) / ed. H.D. Wojtyska. – 498 p.
23. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1993. – Т. III/I: Aloisius Lippomano (1555–1557) / ed. H. D. Wojtyska. – 500 p.
24. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1991. – Т. VI: Julius Ruggeri (1565–1568) / coll. et paravit T. Glemma; suppl. et ed. St. Bogaczewicz. – 286 p.
25. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1994. – Т. IX/I: Vincentius Laureo (25 VII 1572 – 30 IX 1574) / ed. M. Korolko, H. D. Wojtyska. – 448 p.
26. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1999. – Т. IX/II: Vincentius Laureo (1 X 1574 – 30 VI 1575) / ed. M. Korolko, L. Olech. – 406 p.
27. Brevia romanorum pontificum ad Poloniam spectantia ex minutis et registries Pontificis / ed. H. D. Wojtyska CP // Elementa ad fontium editiones. – Roma: Institutum Historicum Polonicum Romae, 1986. – Т. 64. – 127 p.
28. Dokumenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953). – Romae: ARS-GRAF, 1953. – Vol. I: 1075–1700 / coll. P. Athanasius, G. Welykyj OSBM. – 686 s.
29. Monumenta Poloniae Vaticana / ed. E. Kuntze, C. Nanke. – Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum Cracovens, 1923–1933. – Т. V: Alberti Bolognetti nuntii Apostolici in Polonia. Epistolae et Acta. 1581–1585. – 748 s.
30. Monumenta Poloniae Vaticana / ed. L. Boratński. – Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum Cracovens, 1915. – Т. IV: J. A. Caligarii nuntii Apostolici in Polonia. Epistolae et Acta. 1578–1581. – 920 s.
31. Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690: w 2 t. – Berlin; Poznań: Księg. B. Behra, 1864. – Т. 1. – 475 s.
32. *Wycisk, F.* Akty Stolicy Apostolskiej / *F. Wycisk* // Encyklopedio katolicka. – Lublin, 1995. – Т. 1. – S. 280–281.

(Дата падачы: 20.02.2020 г.)

C. Ф. Шымуковіч

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

S. Shymukovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(47+476)"18-19"(929)

ИНТЕЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА ЗАХОДНЯГА КРАЯ Ў КАЗАНСКИМ УНІВЕРСІТЭЦЕ Ў 1880–1910-Я ГГ.

THE INTELLECTUAL ELITE OF THE WESTERN EDGE AT KAZAN UNIVERSITY IN 1880–1910

Артыкул працягвае публікацыю матэрыялаў аб ўраджэнцах беларускіх зямель, якія працавалі ў навуковых і адукацыйных установах Расійскай імперыі. Шмат ўраджэнцаў

з Заходняга края працавалі ў аддалённым Казанскім універсітэце, дзе яны будавалі свае навуковыя кар’еры. Гэтыя абставіны паўплывалі на працэсы фарміравання ідэнтычнасці гэтых асоб, на іх індывідуальнасць да працэсаў фарміравання беларускай ідэі і распрацоўкі беларускага нацыянальнага праекта. Фактар рассяроджвання інтэлектуальных рэсурсаў родам з беларускага рэгіёна па бяжмежных прасторах імперыі адмоўна адбіўся на якасці і эфектыўнасці рэалізацыі працэса канструіравання беларускай мадэрнай нацыі. Адначасова навукоўцы, якія нарадзіліся ў беларускім рэгіёне, прымалі актыўны ўдзел у грамадскім жыцці ўніверсітэцкіх гарадоў і імперыі ўвогуле.

Ключавыя словы: Казанскі ўніверсітэт; інтэлектуальная эліта; прафесар універсітэта; беларускі рэгіён; Расійская імперыя; доўгае XIX стагоддзе.

The article continues a series of publications about natives of the Belarusian lands who worked in scientific and educational institutions of the Russian Empire. A significant number of natives of the Western Territory worked in remote Kazan University, where they built their own scientific careers. These circumstances influenced the processes of formation of the identity of these individuals, their indifference to the processes of formation of the Belarusian idea and the development of the Belarusian national project. The factor of dispersal of the intellectual resources of the Belarusian region across the boundless expanses of the empire adversely affected the quality and effectiveness of the process of constructing the Belarusian modern nation. At the same time, scientists who were born in the Belarusian region took an active part in the public life of university cities and the empire as a whole.

Key words: Kazan University; intellectual elite; university professor; Belarusian region; The Russian Empire; long XIX century.

Прафесары Казанскага ўніверсітэта, якія прадстаўлялі трэцюю «хвалю» выхадцаў з беларускіх зямель (пра першыя хвалі больш падрабязна мы распявалі ў шэрагу артыкулаў, што выйшлі раней [1; 4; 18]), сваю актыўную выкладчыцкую працу распачалі ў 1880-х гадах, калі грамадскае жыццё імперыі знаходзілася пад моцным уплывам ліберальных і радыкальных ідэй. Пашырэнне інтэнсіўнасці грамадскай актыўнасці адбывалася на фоне згортвання ліберальных рэформ, якое ўвайшло ў актыўную фазу пасля забойства імператара Аляксандра II. Для ўніверсітэцкай грамадскасці гэта мела адмену ўніверсітэцкай аўтаноміі (1884 год), што прывяло да пашырэння апазіцыйных настрояў, наглядалася нарастанне працэсаў супрацьстаяння навукі і дзяржавы [2, с. 44].

Асабліва яскрава гэта праяўлялася ва ўніверсітэцкім асяродку, дзе высокай ступенню радыкалізацыі выдзяляліся студэнты, якія стваралі тайныя суполкі, выношвалі антыўрадавыя змовы. Канец XIX – пачатак XX ст. азнаменаваўся з’яўленнем і актыўнай дзейнасцю як радыкальных палітычных партый, так і шавіністычных праўрадавых арганізацый, удзел у справах якіх прымалі некаротыя вядомыя (і не вельмі) прафесары. Увогуле, грамадскае жыццё ў гэты час стала больш яскравым, актыўным і рознабаковым. Гэтыя абставіны дазваляюць устанавіць межы разглядаемага намі перыяду (з 1880-х па 1910-я гады), калі прафесійная і грамадская дзейнасць прадстаўнікоў трэцяй «хвалі» выкладчыкаў Казанскага ўніверсітэта праходзіла на фоне выспявання і ажыццяўлення рэвалюцыйных пераўтварэнняў, што карэнным чынам змянілі ўмовы існавання ўніверсітэта, яго прафесійнага і студэнц-

кага асяродкаў, ды і ўсёй імперыі ўвогуле [2, с. 43–80]. Вельмі яскрава аб дзейнасці сталічнага Пецябургскага ўніверсітэта ў гэты час распавядае ў сваёй грунтоўнай манаграфіі расійскі даследчык Я. А. Растоўцаў [3, с. 403–725].

Трыцяя «хваля» выкладчыкаў, якія мелі паходжанне з Заходняга края, пачала актыўную дзейнасць у той час, калі працягвалася плённая дзейнасць прадстаўнікоў другой «хвалі». У трэцяй «хвалі» намі выяўлена пятнаццаць асоб, якія нарадзіліся ў прамежку канца 1840-х – 1870-х гадоў ці на тэрыторыі беларускага рэгіёна, ці бацькамі якіх былі выхадцы з нашых зямель. Сярод гэтых асоб ёсць сыны ўніверсітэцкіх прафесараў другой «хвалі» – Міхаіл Іванавіч Догель і Валянцін Емельянавіч Адамюк [4, с. 268–269]. У трэцяй «хвалі», як і ў папярэдніх, былі свае выдатныя навукоўцы, якія прынеслі славу ўніверсітэту і расійскай навуцы, а былі і радавыя выкладчыкі, якія якасна (ці не вельмі) выконвалі свае прафесійныя абавязкі. Амаль усе яны стала працавалі ў Казанскім універсітэце, палова з іх – болей за 20 год (гл. табліцу 1). Выключэннем з шэрагу доўгапрацуючых сталі Уладзімір Качаноўскі, выпускнік Варшаўскага ўніверсітэта, і Аляксандр Догель, як адзначаюць некаторыя даследчыкі, сваяк прафесара Івана Догеля. Абодва ў Казані затрымаліся толькі на тры гады, дзе амаль разам пачалі працаваць у 1886 годзе і разам былі пераведзены: Качаноўскі – у Нежынскі гісторыка-філалагічны інстытут у Украіну (побач з беларускім Гомелем), а Догель – у Томскі ўніверсітэт, дзе ён дзякуючы таленту і арганізацыйным здольнасцям удзельнічаў у стварэнні ўніверсітэцкай інфраструктуры, зрабіў хуткую кар’еру і з часам быў пераведзены ў Пецябургскі ўніверсітэт. Так Казанскі ўніверсітэт страціў даследчыка паўднёвых славян У. Качаноўскага, які першы выявіў творы знакамітага сёння харвацкага пісьменніка Антона-Марына Глегевіча і аднаго з заснавальнікаў сусветнай нейрагісталагіі А. Догеля [5, с. 100–103; 6, с. 183–185]. У пачатку XX стагоддзя абнаўленне кадраў працягвалася, у 1906 годзе ў Казань пераехаў С. С. Зіміцкі, які застаўся ў горадзе і пасля ўстанаўлення савецкай улады. Гэта быў выдатны медык, які распрацаваў методыку «пробы Зіміцкага» [7]. На кафедры тэрапіі пасля паспяховага завяршэння навучання працаваў сын віленскага яўрэя Р. А. Лурыя, які таксама застаўся ў Казані з усталяваннем тут савецкай улады і стаў у 1920-я гады першым кіраўніком Казанскай медыцынскай акадэміі [8].

У Казань з Томскага ўніверсітэта ў 1917 годзе на пасаду ардынарнага прафесара па кафедры міжнароднага права быў прызначаны М. М. Краўчанка, які ў першай палове 1920-х гг. пераедзе ў Мінск і будзе працаваць у БДУ [9, с. 118–125]. Дарэчы, гэта быў рэдкі выпадак, амаль выключэнне, таму што ўсе прафесары – уладжэнцы беларускага рэгіёна ці самі праігнаравалі факт стварэння беларускага ўніверсітэта і не прынялі ўдзел у станаўленні нацыянальнай вышэйшай школы, ці не запрашаліся беларускімі савецкімі ўладамі.

Трэба адзначыць, што медыцына стала самай папулярнай сферай навуковых інтарэсаў для выкладчыкаў трэцяй «хвалі», хаця гэтая тэндэнцыя была

закладзена яшчэ прадстаўнікамі другой «хвалі» выкладчыкаў. У медыцыне ці ветэрынарыі спецыялізаваліся В. Адамюк, А. Догель, С. С. Зімніцкі, Р. А. Лурья і В. Арлоўскі, У. Ротэтр, І. Ланге; у правазнаўстве – Ф. Грэгаровіч, М. М. Краўчанка і М. Догель, у філалогіі і мовазнаўстве – У. Качаноўскі і А. Пор, у матэматычных навукх – Д. Дубяга і Р. Блажэўскі, першым за ўвесь час гісторыкам з ліку ўраджэнцаў беларускага рэгіёна у Казані быў К. Харламповіч. Феномен такой папулярнасці медыцыны як кірунка прафесійнай дзейнасць паспрабаваў патлумачыць сучасны англа-амерыканскі сацыёлаг Майкл Манн. Ён адзначае, што ў XIX ст. прафесійная медыцына стала такой сферай дзейнасці, над якой кантроль і ўлада дзяржавы былі мінімальныя. Адначасова ў гэты час вырас статус медыцынскай навукі і адукацыі, бо ўрбанізацыя садзейнічала пашырэнню хвароб, якія пагражалі ўсім класам, таму дзяржаве навязаць сваю ўладу ў медыцынскай прафесіі не ўдалося, хутчэй наадварот, медыцынская ўлада расла на працягу ўсяго стагоддзя [10, с. 207–208]. Некаторыя дадзеныя праспаграфічнага характару можна прасачыць і параўнаць у прыведзенай ніжэй табліцы.

Табліца 1

Выкладчыкі Казанскага ўніверсітэта «трэцяй хвалі» (1880–1910-я гг.)

	Прозвішча, імя, імя па бацьку	Гады жыцця, месца нараджэння, паходжанне	Дзе атрымаў адукацыю	Калі і кім працаваў у Казанскім універсітэце
1	Грэгаровіч Фаддзей Уладзіслававіч	1848 – пасля 1898? Мінская губ.	Дзерпцкі ўніверсітэт	1883–1898 гг. Пераведзены з Варшаўскага ўніверсітэта на пасаду прафесара па кафедры крымінальнага права
2	Дубяга Дзмітрый Іванавіч	1849–1918, Вёска Соін Магілёўскай губ. (з патамных дваран <i>Рэпошта-Дубяга</i>)	Магілёўская гimназія Пецябургскі ўніверсітэт	1884–1918 гг. Дырэктар абсерваторыі ўніверсітэта, прафесар па кафедры астраноміі і геадэзіі, 1890–1899 гг. дэкан фізіка-матэматычнага факультэта. З 1899 па 1905 г. рэктар ўніверсітэта
3	Ланге Іван Мікалаевіч	1845–1912, Віцебск	Імператарская медыка- хірургічная акадэмія	1886–1910-я гг. Прыват-дацэнт эпідэміі ветэрынарнай паліцыі ўніверсітэта
4	Догель Аляксандр Станіслававіч	1852–1922, Паневеж, Ковенская губ. (з сям'і афіцэра)	І-я Казанская гimназія, Казанскі ўніверсітэт	1886–1888 гг. Прыват-дацэнт эмбрыялогіі. Пераведзены ў Томскі ўніверсітэт

	Прозвішча, імя, імя па бацьку	Гады жыцця, месца нараджэння, паходжанне	Дзе атрымаў адукацыю	Калі і кім працаваў у Казанскім універсітэце
5	Качаноўскі Уладзімір Васільевіч	1853–1901 Вёска Вялікі Лес, Брэсцкі пав., Гродзенская губ. (з сям'і правасл. святароў)	Варшаўскі ўніверсітэт	1886–1888 гг. Прыват-дацэнт гісторыі і славянскай літаратуры. Пераведзены ў Нежынскі гісторыка-філалагічны інстытут
6	Блажэўскі Рамуальд Восіпавіч	1839–1916 Гродна (са шляхты, каталік)	Гродзенская гімназія Маскоўскі ўніверсітэт	1888–1913? гг. Прыват-дацэнт па кафедры чыстай матэматыкі
7	Ротэрт Уладзіслаў Адольфавіч	1863–1916, Вільна (са шляхты, каталік)	Дзерпцкі ўніверсітэт	1889–1897 гг. Прыват-дацэнт батанікі. Пераведзены ў Харкаўскі ўніверсітэт
8	Пор Адольф Іванавіч	1851–1911, Вільна (з сям'і выкладчыка французскай мовы)	Ліцэй г. Лье- жа (Францыя)	1891–1911? гг. выкладчык французскай мовы
9	Догель Міхаіл Іванавіч	1865–1936 Гейдэльберг (сын прафесара І. М. Догеля)	І-я Казанская гімназія Казанскі ўніверсітэт	1896–1917 гг. Пераведзены з Харкаўскага ўніверсітэта. З 1896 г. прыват-дацэнт, з 1900 г. экстраардынарны, з 1903 г. ардынарны прафесар па ка- федры міжнароднага права
10	Харламповіч Канстанцін Васільевіч	1870–1932 Вёска Рогачы Брэсцкі пав. Гродзенская губ. (з сям'і святароў)	Літоўская духоўная семінарыя Пецябург- ская духоўная акадэмія	1900–1917 гг. Прыват-дацэнт, з 1909 – экстраардынарны прафесар па кафедры гісторыі рускай царквы. 1916 г. – член- карэспандэнт Акадэміі навук
11	Адамюк Валянцін Емяльянавіч	1877–1950, Казань (сын прафесара Е. В. Адамюка)	Казанскі ўніверсітэт	З 1902 г. У 1902 г. – лабарант афтальмалагічнай клінікі, 1912 г. – прыват-дацэнт афтальмалогіі
12	Арлоўскі Вітольд-Яўген Францэвіч	1874–1923, Вільна (са шляхты, каталік)	Імператарская ваенна-ме- дыцынская акадэмія	1906–1918 гг. Прафесар кафедры ўрачэбнай дыягностыкі, з 1912 г. загадчык кафедры госпітальнай тэрапіі. з 1919 г. у Ягеллонскім універсітэце Кракава
13	Сямён Сямёнавіч Зімніцкі	1873–1927 Вёска Хіславічы, Месціслаўскі пав.	Імператарская ваенна-ме- дыцынская акадэмія	З 1906 г. Загадчык кафедры прыват- най паталогіі і тэрапіі

	Прозвішча, імя, імя па бацьку	Гады жыцця, месца нараджэння, паходжанне	Дзе атрымаў адукацыю	Калі і кім працаваў у Казанскім універсітэце
14	Краўчанка Мікалай Мікалаевіч	1880–1952, Магілёў (з дваран)	Магілёўская гimназія Наварасійскі ўніверсітэт	3 1917 г. Выкон. пасаду ардынарна- га прафесара па кафедры мiжнароднага права
15	Лурья Раман Альбертавіч	1874–1944, Брэст-Літоўскі (з яўрэйскай сям'і)	Вiленская прагimназія Казанскі ўніверсітэт	3 1899 г. Ардынатар і асістэнт кафе- дры факультэскай тэрапіі

Асабістая распрацоўка. Крыніцы: [5, с. 100–103, 194–195, 251–252, 261, 316–317, 471–473; 6, с. 20–21, 183–185, 239–241; 7; 8; 9; 11, спр. 10 748, арк. 1–6; 12; 13, С. 339–340; 15, арк. 1–3].

Не пашырыў кола медыкаў і не пайшоў па бацькоўскай лініі Міхаіл Іванавіч Догель, сын выдатнага прафесара фармакалогіі Івана Міхайлавіча, ён абраў сабе сферай навуковага інтарэса міжнароднае права. Пачатак яго выкладчыцкай дзейнасці прыходзіцца на Харкаўскі ўніверсітэт, але досыць хутка яго пераводзяць у Казань, дзе ён становіцца ардынарным прафесарам і працуе да рэвалюцыі 1917 г. І. Догель не прымае савецкай улады, эмігрыруе ў Францыю, дзе ўдзельнічае ў справах рускіх эмігранцкіх арганізацый і навучальных устаноў. Польшчу як варыянт для эміграцыі і працы ён не разглядаў, хаця паходзіў з каталіцкай сям'і. Яшчэ адзін прафесар юрыдычнага факультэта родам з Заходняга края прадстаўляў пачатак трэцяй «хвалі», гэта прафесар крымінальнага права Фаддзей Грэгаровіч. У Казань ён быў пераведзены з Варшаўскага ўніверсітэта, дзе пачаў выкладчыцкую дзейнасць і атрымаў доктарскую ступень. У Казані ён правёў 15 гадоў, актыўна ўліўся ў вялікую мясцовую каталіцкую суполку і нават шмат гадоў выконваў абавязкі сіндзіка (старасты) Казанскага касцёла [12].

Філалагічны накірунак, так моцна прадстаўлены ў першай і другой «хвалах» выкладчыкаў з Заходняга края, у трэцяй «хвалі» саступіў сваё месца іншым галінам ведаў. Мовазнаўца Уладзімір Качаноўскі не затрымаўся ў Казані, а ўраджэнец Вільні, з сям'і выкладчыкаў мовы, швейцарац Адольф Іванавіч Пор быў звычайным універсітэцкім выкладчыкам французскай мовы без навуковай ступені. Праўда, яго біяграфія была выключна цікавай. Ён удзельнічаў на баку Францыі ў франка-прускай вайне, выкладаў французскую мову ў Сімбірскай гімназіі ў той час, калі там навучаўся Валодзя Ульянаў (будучы лідар бальшавікоў), валодаў вельмі добрай метадыкай выкладання і таму з 1891 года быў запрошаны ў Казанскі ўніверсітэт [5, с. 251–252].

На фізіка-матэматычным факультэце з 1888 па 1913 г. працаваў ураджэнец Гродна, выпускнік Маскоўскага ўніверсітэта Рамуальд Блажэўскі,

прыват-дацэнт па кафедры чыстай матэматыкі (пасля 25 год выслугі магчыма працягваць выкладчыцкую дзейнасць звычайна мелі толькі заслужаныя прафесары). Р. Блажэўскі з самага пачатку быў таленавітым даследчыкам, падчас студэнцтва ў Маскоўскім універсітэце ён быў узнагароджаны залатым медалём за студэнцкую навуковую працу, пададзеную на конкурс, аб чым у 1861 годзе рэктар прайнфармаваў гродзенскага губернатара, у якога студэнт прасіў замежны пашпарт для двухгадовай замежнай навуковай стажыроўкі [14, арк. 1–3].

Адначасова на дадзеным факультэце ззяла зорка выдатнага астранома родам з вёскі Соін Магілёўскай губерні Дзмітрыя Іванавіча Дубягі. З 1884 года ён быў прызначаны ў Казань, дзе адразу ўзначаліў універсітэцкую абсерваторыю і стаў прафесарам па кафедры астраноміі і геадэзіі. Таленавіты навуковец паказаў арганізацыйныя здольнасці і быў прызначаны дэканам фізіка-матэматычнага факультэта, а потым стаў рэктарам універсітэта ў не самых простых гадах (1899–1905). Пасля бацькі і сына Кавалеўскіх гэта быў трэці рэктар з ураджэнцаў беларускага рэгіёна. Яго блізкае сяброўства са знакамітым астраномам В. П. Энгельгардам мела вынікам будаўніцтва новай, «энгельгардаўскай» абсерваторыі, якой адзін завяшчаў абсталяванне, а другі – аддаў энергію і жыццё [5, с. 316–317]. Яшчэ пры жыцці прафесара фізіка-матэматычнае таварыства пры ўніверсітэце хадайнічала ў 1898 г. аб адкрыцці прэміі імя Д. І. Дубягі для студэнтаў з мэтай заахвочваць іх да заняткаў астраноміяй і атрымала ад урада станоўчы адказ [11, спр. 9865, арк. 1–2].

Больш за ўсё ўраджэнцаў Заходняга края ў канцы XIX – пачатку XX ст. выкладала, як адзначалася, на медыцынскім факультэце. Гэта былі як штатныя выкладчыкі, так і сумяшчальнікі. Іван Мікалаевіч Ланге, родам з Віцебска, з 1874 г. працаваў прафесарам, а з 1881 па 1906 г. – дырэктарам Казанскага ветэрынарнага інстытута, адначасова з 1886 г. ён значыўся прыват-дацэнтам эпідэміі ветэрынарнай паліцыі ўніверсітэта. Ён шырока разгарнуў даследчыцкую дзейнасць, распрацаваў адну з першых у свеце вакцын супраць сібірскай язвы, заснаваў бактэрыялагічную станцыю, папулярызаваў ветэрынарную адукацыю сярод мясцовага насельніцтва. Пад канец жыцця Іван Мікалаевіч пераехаў у Польшчу, дзе ўзначаліў Варшаўскі ветэрынарны інстытут [6, с. 239–241].

У пачатку XX ст. распачынаецца выкладчыцкая і навуковая кар’ера Валянціна Емяльянавіча Адамюка, які, як і яго бацька, спецыялізаваўся ў афтальмологіі. Яшчэ пры жыцці бацькі ён працуе ў яго клініцы лабарантам, у 1912 г. прызначаецца прыват-дацэнтам афтальмологіі [11, спр. 10748, арк. 1–6; 15, спр. 2628, арк. 1–2]. За савецкім часам В. Адамюк стане прафесарам, дырэктарам клінікі, з новымі ўладамі яму было прасцей кантактаваць дзякуючы індыхатару класавага паходжання – яго бацька хоць і быў прафесарам, але нарадзіўся ў сялянскай сям’і [6, с. 97–105].

Адным з самых заслужаных выкладчыкаў на медыцынскім факультэце ў пачатку XX ст., бадай, быў ураджэнец Вільні Вітольд-Яўген Францавіч Арлоўскі, выпускнік Імператарскай ваенна-медыцынскай акадэміі. У Казань яго пераводзяць са сталіцы пасля абароны дысэртацыі ў 1907 г. адразу на пасаду экстраардынарнага прафесара па кафедры медыцынскай дыягностыкі. У 1913 г. яго абіраюць ардынарным прафесарам і адначасова В. Арлоўскі ўзначальвае тэрапеўтычную клініку. Ад універсітэта яго дэлегіруюць на шматлікія міжнародныя і расійскія з'езды ўрачоў, дзе ён удзельнічае самым актыўным чынам. Рэвалюцыю прафесар не прыняў, калі ён знаходзіўся ў 1918 г. у Томску, актыўна ўключыўся ў справы Польскага народнага дома, дзе выступаў з лекцыямі на польскай мове, што сведчыць аб зацвярджэнні ў яго польскай этнічнай ідэнтычнасці. У 1919 г. урад маладой польскай дзяржавы запрасіў прафесара ў Ягелонскі ўніверсітэт у Кракаў, куды В.-Я. Арлоўскі хутка пераехаў [13, с. 339–340], як і некаторыя прафесары з іншых імперскіх універсітэтаў. Для параўнання, выбар яшчэ аднаго каталіка – прафесара М. І. Догеля – быў іншым, аб чым пісалася вышэй. Трэба адзначыць, што Вялікая расійская рэвалюцыя 1917 г. стала каталізатарам палітычнай і грамадскай актыўнасці ў многіх выкладчыкаў універсітэта, якія былі выкінуты са звыклай «зоны камфорту» і часта аказваліся перад вельмі складаным выбарам.

Цяжка склаліся адносіны з савецкай уладай і ў адзінага ў Казанскім універсітэце прафесара-гісторыка родам з беларускага рэгіёна Канстанціна Васільевіча Харламповіча. Ён нарадзіўся ў вёсцы Рогачы Брэсцкага павета ў сям'і святара (як і У. В. Качаноўскі, з якім Харламповіч быў і земляком, і аднааслоўцам). Канстанцін Васільевіч набываў духоўную адукацыю, скончыў Літоўскую духоўную семінарыю, потым Пецябургскую духоўную акадэмію. За магістэрскую дысэртацыю, прысвечаную даследаванню гісторыі заходнерускага праваслаўя ў XVI–XVII стст. атрымаў у 1899 г. адразу дзве прэміі – Карпаву і Увараўскую. Аднак карпарацыя «прафесійных» гісторыкаў насцярожана аднеслася да К. Харламповіча, які меў духоўную адукацыю, калі ён запрасіў месца выкладчыка ў Казанскім універсітэце. Так, прафесар Фёдар Афанасьевіч Курганаў, гісторык царквы, адмовіўся падрыхтаваць афіцыйную адозву для Савета гісторыка-філалагічнага факультэта аб навуковых працах суіскальніка, ён пажадаў выказаць сваё меркаванне прыватна. Тым не менш, К. Харламповіч быў прыняты ў лік прыват-дацэнтаў універсітэта і ўжо 13 верасня 1900 года прачытаў адкрытую лекцыю «Да пытання аб сутнасці рускага раскола стараабрацтва» [16, спр. 1771, арк. 1, 15, 42–43]. Так выкладчык лацінскай мовы Казанскай духоўнай семінарыі становіцца прыват-дацэнтам па кафедры гісторыі рускай царквы, але толькі праз дзевяць год адбываецца наступны кар'ерны крок – выбары ў экстраардынарныя прафесары, а ардынарным прафесарам ён стане толькі ў 1915 г. [16, спр. 2357, арк. 1–11]. Харламповіч актыўна ўдзельнічае ў навуковым і грамадскім жыцці

факультэта і ўніверсітэта, у 1912 г. ён выконвае абавязкі сакратара факультэта, камандзіруецца на археалагічны з'езд у Пскоў у 1914 г., афіцыйна выказвае кіраўніцтву ўніверсітэта меркаванні па важных аспектах жыцця ўніверсітэта [16, спр. 2238, 2344, 2444].

У 1916 г. за выключна якасныя навуковыя працы прафесара абіраюць членам-карэспандэнтам Імператарскай Акадэміі навук, але праз год нават гэтае ганаровае прызначэнне не зможа выратаваць Канстанціна Васільевіча ад магчымага звальнення з ўніверсітэта па тэхнічных прычынах. Справа была ў тым, што Міністэрства народнай адукацыі стала патрабаваць, каб на пачатак кожнага навучальнага года ва ўніверсітэце не маглі працаваць выкладчыкі, не абраныя на пасады: «все профессора и штатные, и сверхштатные, назначенные после 27 августа 1905 года без представления факультетов и Советов университета подлежат увольнению». Так, К. Харламповіч прайшоў абранне на факультэце (5 – «за», 4 – «супраць»), аднак быў забалаціраваны на Савеце ўніверсітэта (22 – «за», 30 – «супраць»). Міністэрства бязлітасна патрабавала ад рэктара звальнення прафесараў, што не здолелі «прайсці» праз Савет універсітэта. Справа скончылася станоўча для прафесара, спрацавала карпаратыўная ўзаемадапамога прафесарскай суполкі, якая пераадолела ўнутраныя спрэчкі, і ўжо ў траўні 1917 г. па выбарчым лістам Савета ўніверсітэта К. В. Харламповіч быў амаль адзінадушна абраны на пасаду ардынарнага прафесара [16, спр. 2490, арк. 1–2, 6, 11, 18].

З савецкай уладай ў гісторыка царквы, сына святара, складаліся цяжкія адносіны, ад выкладання ва ўніверсітэце ён быў адхілены, некалькі разоў арыштоўваўся, высылаўся ў Сібір, аднак К. Харламповіч хутка атрымаў моцную падтрымку з боку ўкраінскіх калег, быў абраны акадэмікам Украінскай акадэміі навук ў 1919 г., запрошаны на працу ў Кіеў, дзе і памёр у 1932 г.

Амаль за сто год існавання Казанскага ўніверсітэта ў якасці імператарскага ў ім працавалі ў розныя гады, на розных пасадах і розны тэрмін больш трыццаці выкладчыкаў родам з Заходняга края, і навучалася яшчэ болей студэнтаў. Універсітэт даў магчымасць рэалізаваць таленавітай моладзі свой навуковы і выкладчыцкі патэнцыял, зрабіць навуковую і адміністратыўную кар'еру, праявіць грамадскую актыўнасць у самых розных формах таленавітым навукоўцам, аднак, трэба адзначыць, што ўся гэтая дзейнасць прынесла напружана мала выгады непасрэдна беларускаму рэгіёну, з якога паходзілі як знакамітыя, так і невядомыя прафесары і выкладчыкі. Можна адзначыць, што ў XIX ст. размеркаванне інтэлектуальнай і навуковай эліты з беларускага рэгіёна па ўніверсітэтах Расійскай імперыі стала дзейным інструментам імперскай уніфікацыі беларускага рэгіёна, бо пазбавіла яго адной з самых важных складаючых сацыяльнай структуры грамадства – групы навуковай эліты, якая ў фармаце праектаў рэгіянальнага ці нацыянальнага развіцця магла прапанаваць новыя ідэі развіцця, выпрацаваць формы і метады іх дасягнення. Гэтымі абставінамі, на наш погляд, можна тлумачыць і розную моц украінскага і беларускага нацыянальнага рухаў у XIX – пачатку

XX ст. [17, с. 65–69]. Так, у Украіне ў XIX ст. мелася некалькі ўніверсітэтаў і інстытутаў, дзе былі магчымасці сканцэнтравана інтэлектуальныя рэсурсы рэгіёна, распрацаваць праграмы ўсеабавага вывучэння і развіцця рэгіёна, таму там раней быў распрацаваны нацыянальны ўкраінскі праект, і ён больш моцна і паслядоўна рэалізаваўся ў пачатку XX ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Шымуковіч, С. Ф. Удзел інтэлектуальнай эліты Заходняга краю ў станаўленні Казанскага ўніверсітэта ў 1820–1850-я гг. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2018. – № 12. – С. 35–41.
2. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Э. И. Колчинский [и др.]; под общ. ред. Э. И. Колчинского. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 672 с., ил.
3. Ростовцев, Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. А. Ростовцев. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 903 с.: ил.
4. Шимукович, С. Ф. На службе империи: научная элита белорусского региона в российских университетах в XIX в. / С. Ф. Шимукович // Чертковский исторический сборник. Вып. II: Российская империя во времени и пространстве / Государственная публичная историческая библиотека России. – М., 2019. – С. 251–275.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. – Казань: Казан. ун-т, 1904. – Ч. 1. – 553 с.
6. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. – Казань: Казан. ун-т, 1904. – Ч. 2. – 455 с.
7. Профессор Семен Семенович Зимницкий (к 140-летию со дня рождения) / В. Н. Ослопов [и др.] // Вестник современной клинической медицины. – 2014. – Т. 7, вып. 1. – С. 65–68.
8. Сайфутдинов, Р. Г. Лурия Роман Альбертович – выдающийся Российский, советский врач-терапевт, основатель постдипломного медицинского образования в России / Р. Г. Сайфутдинов // Дневник казанской медицинской школы. – 2014. – III (VI) нояб. – С. 72–78.
9. Лушников, А. М. Связующее звено: жизнь и научное наследие Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау / А. М. Лушников, М. В. Лушников // Вестник трудового права и права социального обеспечения / Ярославский госуд. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2006. – Вып. 1. – С. 116–137.
10. Манн, Майкл. Источники социальной власти: в 4 т. / Майкл Манн; пер. с англ. А. В. Лазаревича; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. – М.: Издат дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 гг. – 520 с.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Татарстан (далей – НАРТ). – Фонд 977. – Воп. 4 «Савет». – Спр. 9865, 10 748.
12. Липаков, Е. В. История католического прихода в Казани. Историко-архивные исследования: отдел свода памятников истории и культуры [Электронный ресурс] / Е. В. Липаков, Г. Г. Нугманова. – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 1997. – Режим доступа: <http://archive.li/31yf1#selection-943.0-943.29>. – Дата доступа: 03.02.2020.
13. Профессора Томского университета: биографический словарь / С. Ф. Фоминых [и др.]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – Т. 2. – 544 с.
14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Фонд 1. – Воп. 13. – Спр. 1240.
15. НАРТ. – Фонд 977. – Воп. 13 «Медыцынскі факультэт». – Спр. 2628.

16. НАРТ. – Фонд 977. – Воп. 12 «Гісторыка-філалагічны факультэт». – Спр. 1771, 2238, 2344, 2357, 2444, 2490.

17. *Лінднэр, Р.* Гісторыкі і улада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX сс. / Р. Лінднэр; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіча. – Выд. 2. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.

(Дата падачы: 17.02.2020 г.)

М. М. Шнем

Белорусский государственный университет, Минск

М. М. Shpet

Belorussian State University, Minsk

УДК 94(4)"1332-1337"

СВЯЩЕННАЯ ЛИГА 1332–1337 ГГ. КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

THE HOLY LEAGUE OF 1332–1337 AS A POLITICAL FACTOR IN THE EASTERN MEDITERRANEAN

В данной статье автор рассматривает деятельность Священной лиги 1332–1337 гг., созданной европейскими государствами (Венецианская республика, Генуэзская республика, Орден госпитальеров, Французское королевство, авиньонское папство) и Византийской империей для борьбы с западноанатолийскими бейликами (Айдын, Сарухан, Караси). В 1332–1337 гг. Священной лигой был одержан ряд побед над западноанатолийскими бейликами, в результате чего между ними были заключены мирные и торговые договоры, дававшие европейцам определённые экономические и политические привилегии. Однако вскоре бейликам удалось оправиться от понесённых поражений, что привело к очередному этапу борьбы между ними и европейцами в 1340-е гг.

Ключевые слова: Священная лига; Восточное Средиземноморье; Венецианская республика; Орден госпитальеров; западноанатолийские бейлики.

The author considers the activity of the Holy League of 1332–1337 organized by European states (the Republic of Venice, the Republic of Genoa, the Order of Hospitallers, the Kingdom of France, the Avignon Papacy) and the Byzantine Empire to struggle Westernanatolian beyliks (Aydin, Sarukhan, Karasi). In 1332 – 1337 the Holy League took a number of victories over Westernanatolian beyliks. As a result, peace and trade agreements with the Seljuks gave certain economic and political privileges to European states. However, soon beyliks were able to recover from defeats. It led to the next stage of the struggle between them and the Europeans in the 1340's.

Key words: The Holy League; the Eastern Mediterranean; the Republic of Venice; the Order of Hospitallers; Westernanatolian beyliks.

В конце 1320-х – начале 1330-х гг. в западной части Малой Азии произошли военно-политические изменения, приведшие к изменению соотношения сил в регионе. К началу 1330-х гг. западноанатолийские бейлики представляли из себя достаточно сильные в военном отношении государства,

несшие серьезную угрозу владениям европейских государств. Росту военного могущества бейликов способствовали их дипломатические отношения с византийцами и каталонцами Афинского герцогства [1, с. 31]. Под властью Мехмеда Айдыноглу находилось 60 городов и 300 крепостей, в которых были размещены 70 тыс. воинов, а население эмирата достигало 700 тыс. человек. Максимальная площадь эмирата достигала 20 тыс. кв. км [2, с. 127]. Под контролем Сарухан-бея, правившего в Манисе, находилось 15 городов и 20 крепостей. При этом его войско насчитывало 20 тыс. всадников. У его брата Али-паши, резиденцией которого был г. Ниф, было 8 городов, 30 крепостей и 8 тыс. всадников [1, с. 31].

Единственным бейликом, имевшим дипломатические отношения с венецианцами, был бейлик Ментеше. В 1320-е гг. торговые отношения между венецианским Критом и Ментеше периодически прерывались, однако после разрыва союза западноазиатских бейликов с Афинским герцогством венецианцы получили возможность установить дипломатические отношения с беєм Ментеше Орханом [3, с. 18]. 13 апреля 1331 г. было подписано соглашение между дукой Крита Марино Морозини и Орханом Ментешеоглу. Статьи этого договора распространялись только на венецианских подданных – жителей Крита, а также на 5 близлежащих и подчиненных Криту островов (Карпатос, Кифера (Китира), Санторини (Тира), Кеа (Кея) и Серифос) [4, с. 188]. Ко времени заключения договора венецианцы Крита уже имели своего консула в Палатье (Балате) [1, с. 82]. Дружественные отношения между Венецией и Ментеше сохранялись как минимум до 1334 г. Кроме того, дружественный нейтралитет по отношению к венецианцам сохранял бей Гермияна Якуб I [1, с. 34].

Целью работы является определение роли западноазиатских бейликов во внешнеполитических и экономических отношениях государств в регионе Восточного Средиземноморья. Особенностью проведения исследования является практически полное отсутствие сельджукских письменных источников первой половины XIV в., утраченных в силу различных факторов. Основой источниковой базы являются письменные источники византийского, венецианского и османского происхождения. Стоит отметить, что османские источники носят нарративный характер и были составлены более чем через 50 лет после описываемых событий.

С 1329 г. в эмирате Айдын началось строительство боевых галер [5, с. 316]. Айдынский флот состоял преимущественно из небольших быстрых гребных судов (игрибар и кайиков), которые легко могли быть подняты на берег, совершавших рейды и захват торговых судов вдоль побережья и островов, стараясь избежать прямых столкновений с христианским флотом [6, с. 46]. Постоянные набеги со стороны западноазиатских бейликов Айдын, Сарухан и Караси, а также их союзные отношения с Византийской империей не могли устраивать европейские государства [7, с. 400]. Особенно тяжелым было

положение венецианского Крита, островные владения которого постоянно страдали от набегов айдынского флота: только в 1331 г. в плен было захвачено более 25 тыс. христиан [8, с. 101]. Все более угрожающим становилось положение Негропонта (Эвбеи). В марте 1332 г. дука о. Наксос Никколо Санудо пошел на заключение сепаратного соглашения с айдынцами. В мае 1332 г. 40 тыс. айдынцев на 390 судах опустошили архипелаг и захватили в рабство 10 тыс. греков [9, с. 1123]. В июне 1332 г. ситуация обострилась настолько, что венецианский сенат обсуждал вопрос о возможном заключении договора между венецианским байло на Негропонте (Эвбее) и Умур-беем [10, с. 213–214]. В это же время байло Пьетро Дзено был вынужден уплатить Умуру дань [11, с. 70–71].

В сложившейся ситуации Венецианская республика стала инициатором создания 6 сентября 1332 г. Священной лиги для борьбы с западномалоазийскими бейликами [12, с. 179]. Первоначально в нее вошли Венецианская республика, Генуэзская республика и Орден госпитальеров [13, с. 111]. Под угрозой объявления войны в 1334 г. в Лигу вступила Византия [7, с. 401]. Члены Лиги обязывались выставить общий флот под командование венецианского капитана Гольфа Пьетро да Канали в размере 6 (Венецианская республика), 4 (Орден госпитальеров) и 10 (Византийская империя) галер [14, с. 225]. В марте 1334 г. к Лиге присоединился кипрский король Гуго IV (1324–1358 гг.), король Франции Филипп VI Валуа (1328–1350 гг.), и авиньонский папа Иоанн XXII (1316–1334 гг.) [15, с. 244]. Было согласовано, что в мае 1334 г. силами Лиги от сельджукских военных кораблей должно быть очищено все Эгейское море, после чего в 1335 г. будет нанесен основной удар по бейлику Айдын [13, с. 111]. Примечательно, что папа римский требовал от Афинского герцогства прекратить всякое сотрудничество с западномалоазийскими беями, а также прекратить пиратство в Эгейском море [16, с. 38].

В ответ на вступление Византии в Священную лигу в 1334 г. флот Умур-бея Айдыноглу (1334–1348 гг.), 60 кораблей, и его брата Хызыр-бея (22 корабля), правившего в Айасулук (Эфес, Алтолуогу, Сельчук), совершили набег на о. Хиос. В августе 1334 г. Умур-бей вместе с сыном Сарухан-бей Тимурханом направил свои корабли к берегам Фракии [17, с. 55]. Высадившись в гавани Пору, сельджуки были повержены византийскими войсками во главе с императором, после чего вступили в переговоры с византийцами [18, с. 230]. Во время переговоров между Умур-беем и Иоанном Кантакузином завязались дружеские отношения. Впоследствии, они вели между собой переписку [19, с. 305].

Осенью 1334 г. флот Священной лиги начал активные военные действия. Была предпринята атака европейцев на Смирну (Измир), во время которой сельджуки отразили нападение флота, состоявшего из 10 галер родосских рыцарей, 10 галер кипрского короля и 10 галер генерального капитана Лиги Пьетро Дзено [11, с. 76]. Во время военных действий погиб Мехмед Айдыноглу, после чего Умур-беем был объявлен газават, во время которого

276 кораблей Умура-бея Айдыноглу и Сулеймана Саруханоглу беспрепятственно совершили нападение на Монеувасию. Сельджукам удалось разграбить Морею, после чего они дошли до стен Мистры [20, с. 52]. Однако эта сельджукская экспедиция стала первой и последней – на обратном пути мусульманский флот разделился, а корабль Сулеймана Сарухан-бея наскочил на скалу и подвергся нападению 10 вражеских галер [3, с. 31].

К осени 1334 г. консолидация христианских сил была закончена. С 11 по 17 сентября флот участников Лиги в нескольких боях одолел сельджукский флот, в одном из которых был убит зять Яхши Карасиоглу [13, с. 113]. Решающее сражение произошло в конце октября 1334 г. в заливе Эдремит. В нем приняли участие 43 христианских галеры (папы римского, Французского королевства, Венецианской республики, Ордена госпитальеров, Кипрского королевства), которые под командованием Пьетро Дзено разгромили флот Яхши Карасиоглу [21, с. 96]. Было сожжено 150 больших судов, сотни средних и малых, а также убито более 5 тыс. сельджуков. Той же осенью флот крестоносцев одержал ряд внушительных побед у побережья Малой Азии. В течение следующих двух лет галеры венецианцев и госпитальеров продолжали патрулировать в Эгейском море до тех пор, пока западно-малоазийские беи не пошли на заключение мирных соглашений [3, с. 33–35]. Так, в компании 1335 г. только от Ордена госпитальеров было выставлено 6 галер, 8 вспомогательных судов и 200 воинов. Госпитальерам также удалось вернуть себе о. Кос [22, с. 156].

Победы, одержанные Священной лигой в 1333–1334 гг. создали условия для укрепления экономических позиций Венеции в западно-малоазийских бейликах. 9 марта 1337 г. венецианцы Крита заключили соглашения с эмирами Айдына и беим Ментеше (начало апреля) [23, с. 824]. Так как переговоры велись параллельно, их тексты оказались полностью идентичными. Разница заключалась лишь в том, что к 1337 г. венецианцы уже имели торговый договор с беим Ментеше, а с правителями Айдына (Хызыр-беим и Умур-беим Айдыноглу) данный договор стал первым [1, с. 88]. Следует отметить, что по сравнению с договором, заключенным между венецианцами и айдынцами, соглашение с беим Ментеше было более детализировано в вопросах различного рода гарантий безопасности венецианских подданных [24, с. 196–197]. Кроме того, дука Крита брал на себя обязательство не оказывать поддержки врагам эмира, а Ибрагим-бей обещал не принимать в своих гаванях корабли пиратов-христиан и не снабжать их продовольствием [24, с. 195; 25, с. 190].

Зимой 1337–1338 гг. королем Кипра была одержана крупная морская победа над сельджуками. После этого Венецианская республика на некоторое время потеряла интерес к созданию оборонительных коалиций, видя слабость западно-малоазийских бейликов, и в 1338 г. дважды отклонила предложение Генуэзской республики о союзе и совместных действиях против сельджуков [3, с. 36]. Кроме того, избранный в 1334 г. папа римский Бенедикт XII (1334–1342 гг.) мало времени уделял восточному вопросу, занимаясь урегулирова-

нием англо-французского конфликта, приведшего к началу войны в 1337 г. Папа не поддержал планируемую экспедицию 1336 г. в Киликию, которой угрожали мамлюки, а также оставлял без внимания ежегодные обращения за помощью от короля Кипра и великого магистра Ордена Госпитальеров вплоть до своей смерти в 1342 г. [22, с. 157]. На протяжении этого периода европейские государства были вынуждены защищаться собственными силами, ограничиваясь лишь незначительными операциями. Ситуация изменилась лишь после избрания нового папы Климента VI (1342–1352 гг.) [26, с. 62].

В период действия флота Священной лиги в Эгейском море единственным её членом, который не предпринимал активных действий, была Византийская империя. Византия преследовала собственные интересы, которые заключались в желании вернуть утраченные в начале 1330-х гг. территории [27, с. 810]. Летом – осенью 1333 г., воспользовавшись благоприятной ситуацией, генуэзец Доменико Каттанео, наместник Новой Фокеи (Энифочи), присоединил к своим владениям принадлежавший Византии о. Лесбос [28, с. 45]. Византия потеряла некоторые территории и в Малой Азии: 2 марта 1331 г. османы захватили Никею (Изник) [29, с. 15]. В следующем году османы совершили набег на противоположный берег Мраморного моря на г. Родосто (Текирдаг), вскоре после чего осадили Никомедию (Измит) [30, с. 483]. В связи с этим в августе 1333 г. византийский император Андроник III вступил в переговоры с Орханом, которые завершились заключением перемирия, по условиям которого византийцы обязаны были платить дань в размере 12 тыс. серебряных монет [31, с. 243–244]. После заключения мира с византийцами, османы двинулись на бейлик Караси, что повлияло на решение беев Айдына и Сарухана заключить новый союзный договор с Византией [32, с. 459].

Заключив мирный договор с сельджуками, в мае 1335 г. византийский флот отплыл к о. Лесбос, захваченный генуэзцами в 1333 г. [33, с. 372]. Оставив Алексея Филантропена осаждать Митилену, император направился к Новой Фокее (Энифоче), где ему оказал помощь Сарухан-бей, сын которого Сулейман вместе с другими 24 знатными сельджуками находился в плену у генуэзцев. Бей предоставил в распоряжение византийцев 24 корабля, значительное войско и оказывал помощь с продовольствием [34, с. 160]. Во время осады Новой Фокеи (Энифочи) состоялась встреча императора с Умур-беем Айдыноглу и его братьями Хызыр-беем и Сулейманом, после которой в распоряжение императора было предоставлено 30 айдынских кораблей [7, с. 405]. Осенью 1335 г. в Клазоменах состоялась встреча великого доместика (главнокомандующего армией) Иоанна Кантакузина с Умуром-беем, во время которой ему удалось убедить айдынского бея отказаться от получения дани с Филадельфии (Алашехира) [35, с. 481], после чего Умур-бей и Хызыр-бей прибыли на мыс Карабурун для переговоров с Андроником III. Результатом переговоров стало обещание Умура не наносить ущерба византийским владениям, взамен на что Андроник III передавал айдынскому эмиру греческий о. Хиос [11, с. 84]. Таким образом, византийский император убрал последнюю преграду на пути

айдынцев, приступивших к систематическим набегам на островные владения Венеции [36, с. 147]. Осада Новой Фокеи (Энифочи) продолжалась до декабря 1336 г., после чего генуэзцы сдались на условиях, предложенных Иоанном Кантакузином [37, с. 215]. Эти условия также предусматривали освобождение Сулеймана Саруханоглу и других знатных заложников [34, с. 161].

Однако в первую очередь союз византийцев с западномалоазими бейликами был направлен против османов. В 1337 г. пала Никомедия (Измит), после чего османы попытались высадиться на побережье всего в нескольких километрах от Константинополя [7, с. 412]. Непокорно было и на западных рубежах Византийской империи. В марте 1338 г. Андроник III предпринял поход против албанцев, атаковавших пограничные византийские крепости [38, с. 28]. В этом походе византийскому императору помогал 2-тысячный отряд лучников Умур-бей Айдыноглу, а результатом его стало присоединение к империи Эпирского царства [39, с. 128]. Возможно, зимой 1337–1338 гг. флот Умур-бея, пройдя через Босфор в Чёрное море, по просьбе византийцев атаковал владения Золотой Орды [19, с. 200]. Таким образом, с конца 1330-х гг. византийцы стали использовать западномалоазийские бейлики, силы которых были подорваны битвами со Священной лигой, в качестве наемников для борьбы со своими внешними врагами. Это привело к тому, что уже в конце 1330-х г. бейликам удалось восстановить свою военную мощь, несмотря на наложенные на них запреты, и вновь совершать морские и сухопутные набеги на соседние земли в качестве наемников Византийской империи [1, с. 37].

В начале XIV в. начался новый этап развития внешнеполитических и экономических отношений между европейскими государствами и западномалоазийскими бейликами. К началу 1330-х гг. западномалоазийские бейлики являлись достаточно сильными в военном отношении государствами, представлявшими собой серьезную угрозу владениям европейских государств в Восточном Средиземноморье. Для борьбы бейликами Караси, Сарухан и эмиратом Айдын была создана Священная лига (1332–1337 гг.), в состав которой вошли Венецианская республика, Генуэзская республика, Орден госпитальеров, Византийская империя, Французское королевство и авиньонское папство. На протяжении 1334–1337 гг. Лигой был одержан ряд побед над западномалоазийскими бейликами, которые были вынуждены пойти на заключение мирных договоров с членами Священной лиги. Особую выгоду получила Венецианская республика, которой удалось навязать находившимся в трудных условиях эмирам Айдына выгодное для себя торговое соглашение. Однако, видя слабость сельджукских беев, венецианцы стали игнорировать предложения союзников о совместных действиях против них, что привело к быстрому восстановлению сельджукского флота.

В период действия флота Лиги в Эгейском море единственным ее членом, который не предпринимал активных действий, была Византийская империя, которая по-прежнему опасалась усиления экономического влияния европейских государств в регионе, а также османской угрозы на востоке. В 1335 г.

византийцы вернули захваченный генуэзцами в 1333 г. о. Лесбос, после чего пошли на заключение союзных договоров с западномалоазийскими беями, что способствовало восстановлению сельджукского флота и поддержанию его боеспособности. В результате этого, западномалоазийским бейликам быстро удалось оправиться после нанесённых ими в 1330-е гг. поражений и перейти к новому этапу борьбы с европейскими государствами.

Список использованных источников

1. Жуков, К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. / К. А. Жуков. – М.: Наука, 1988. – 191 с.
2. Жуков, К. А. К истории образования Османского государства. Княжество Айдын / К. А. Жуков // Тюркологический сборник 1978 / отв. ред. А. Н. Кононов. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. – С. 126–139.
3. Zachariadou, E. A. Trade and crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin 1300–1415 / E. A. Zachariadou. – Venice: Hellenic Inst. of Byzantine and Post-Byzantine Studies, 1983. – 270 p.
4. The Treaty between the Duca di Candia Marino Morosini and the Emir of Menteshe Orkhan, April 13, 1331 // Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans / E. A. Zachariadou. – Aldershot: Ashgate, 2007. – P. 187–189.
5. Inalcik, H. The Rise of the Turcoman Maritime Principalities in Anatolia, Byzantium, and the Crusades / H. Inalcik // The Middle East and the Balkans Under the Ottoman Empire: Essays on Economy and Society / H. Inalcik. – Bloomington: Indiana University Turkish Studies, 1993. – P. 309–341.
6. Pryor, J. H. Geography, technology, and war Studies in the maritime history of the Mediterranean, 649–1571 / J. H. Pryor. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 328 p.
7. Григора, Н. История ромеев: в 3 т. / Н. Григора; пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб.: Своё издательство, 2013. – Т. 1: Книги I – XI. – 438 с.
8. Kunstmann, F. Studien über Marino Sanudo den Aelteren: mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe / F. Kunstmann. – München: Verl. der K. Akad, 1855. – 123 s.
9. Chronice di Giovanni, Matteo e Filippo Villani secondo le migliori stampe e corredate di note filologiche e storiche / G. Villani, M. Villani, F. Villani; ed. A. Rachelli. – Trieste: Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1857. – 1078 p.
10. Les Ghisi: dynastes vénitiens dans l'archipel 1207–1390 / R. J. Loenertz. – Firenze: Olschki, 1975. – 510 p.
11. Enverî. Le destân d'Umûr Pacha = Düstûrnâme-i Enverî / Enverî; ed. par I. Melikoff-Sayar. – Paris: Presses Univ. de France, 1954. – 155 p.
12. Setton, K. M. The papacy and the Levant: in 4 vol. Vol. 1: The thirteenth and fourteenth centuries / K. M. Setton. – Philadelphia: American Philosophical Soc., 1976. – 512 p.
13. Atiya, A. S. The Crusade in the later middle ages / A. S. Atiya. – New York: Kraus, 1965. – 604 p.
14. Liga inter Venetos, Romeos et domum S. Iohannis Hierosolymilani contra Turchos, A. d. 1332, die 6 m. Septembris // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia: in 2 pars. / ed. G.M. Thomas. – Venetiis: Sumptibus societatis, 1880. – Pars 1: a. 1300–1350. – P. 225–229.
15. Papae Iohannis XXII de foedere contra Turcos responsio facta Venetis. A. d. 1334, die 8 m. Martij // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia: in 2 pars. / ed. G.M. Thomas. – Venetiis: Sumptibus societatis, 1880. – Pars 1: a. 1300–1350. – P. 244–247.

16. *Setton, K. M.* Catalan domination of Athens: 1311–1388 / K. M. Setton. – London: Variorum, 1975. – 323 p.
17. *Erstan, M.* The Influence Struggle in the Island of Chios and the Peninsula of Cesme/Karaburun in the First Half of the Fourteenth Century / M. Erstan, Y. Ayönü // Proceedings of III International Cesme-Chios History, Culture and Tourism Symposium / ed. by İ. Gezgin, S.Ç. Cesur. – Çesme: Yaylacık Matbaacılık San. Tic. Ltd. Şti, 2016. – P. 54–58.
18. *Loenertz, R.-J.* Ordre et désordre dans les Mémoires de Jean Cantacuzène / R.-J. Loenertz // Revue des études byzantines / ed. par V. Laurent. – Paris: Institut Français D'études Byzantines, 1964. – Vol. 22. – P. 222–237.
19. *Шукуров, Р. М.* Тюрки в византийском мире (1204–1461) / Р. М. Шукуров. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 631 с.
20. *Runciman, S.* Mistra: Byzantine capital of the Peloponnese / S. Runciman. – London: Thames Hudson, 1980. – 160 p.
21. *Lemerle, P.* L'émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur la geste d'Umur Pacha / P. Lemerle. – Paris: Presses Universitaires de France, 1957. – 276 p.
22. *Настенко, И. А.* История Мальтийского ордена: в 2 кн. / И. А. Настенко, Ю. В. Яшнев. – М.: Русская панорама, 2005. – Кн. 1: Из глубины веков: госпитальеры в Святой Земле, на Кипре, Родосе и Мальте. XI–XVIII вв. – 416 с.
23. *Zachariadou, E. A.* The Catalans of Athens and the Beginning of the Turkish Expansion in the Aegan Sea / E. A. Zachariadou // Romania and the Turks: (c. 1300–1500). – London: Variorum Reprints, 1985. – P. 821–838.
24. The Treaty between the Duca di Candia Giovanni Sanudo and the Emir of Monteshe Ibrahim, 1337, before April // Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans / E. A. Zachariadou. – Aldershot: Ashgate, 2007. – P. 195–200.
25. The Treaty between the Duca di Candia Giovanni Sanudo and the Emir of Aydin Khizir, March 9, 1337 // Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans / E. A. Zachariadou. – Aldershot: Ashgate, 2007. – P. 190–194.
26. *Печникова, Р. Ю.* Мальтийский орден в прошлом и настоящем / Р. Ю. Печникова. – М.: Наука, 1990. – 172 с.
27. The Cambridge history of the Byzantine Empire: c. 500–1492 / ed. by J. Shepard. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. – 1207 p.
28. *Флоринский, Т. Д.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века [Электронный ресурс] / Т. Д. Флоринский. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1882. – 439 с. – Режим доступа: <http://library.byzantium.ru/lib.php?id=232>. – Дата доступа: 05.12.2018.
29. *Shaw, S.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey: in 2 vol. / S. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – Vol. 1: Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire 1280–1808. – 351 p.
30. *Норвич, Д.* История Византии / Д. Норвич; пер. с англ. Н. М. Заболоцкого. – М.: АСТ Москва, 2010. – 542 с.
31. Die Byzantinischen Kleinehroniken: in 3 bd. / hrsg. von P. Schreiner. – Wien: Verlag der Österr. Akad. d. Wiss., 1977. – Bd. 2: Historischer Kommentar. – 420 s.
32. *Герцберг, Г. Ф.* История Византии [Электронный ресурс] / Г. Ф. Герцберг; пер. с нем., прим. и прил. П. В. Безобразова. – М.: Типо-литография В. Рихтер. – 1897. – 674 с. – Режим доступа: <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=1138>. – Дата доступа: 05.07.2018.
33. Byzanz / hrsg. von F. G. Maier. – Frankfurt am Main: Fischer, 1973. – 443 s.
34. *Monreal de G.* Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit: Reihe A, Regesten: in 5 teilen. / G. de Monreal, F. de Navarre; hrsg. von F. Dölger. – München: C.H. Beck, 1960. – Teil 4: Regesten von 1282–1341. – 165 s.
35. *Cantacuzeni, Ioannis.* Eximperatoris Historiarum Libri IV: Graece et Latine: in 3 vol. / Ioannis Cantacuzeni; ed. by L. Schopeni. – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1828. – Vol. 1. – 560 p.

36. Жуков, К. А. Эгейские эмираты. Основные этапы исторического развития (вторая половина XIII – первая половина XV в.) / К. А. Жуков // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения): в 2 ч. / под. ред. Ю. А. Петросяна. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. – Ч. 1. – С. 145–153.

37. Vismara, G. Le relazioni dell'Impero con gli emirati selgiuchidi nel corso del secolo decimoquarto / G. Vismara // Byzantinische Forschungen / hrsg. von P. Wirth. – Amsterdam: Hakker, 1968. – № 3. – P. 210–221.

38. Todt, K.-P. Kaiser Johannes VI. Kantakuzenos und der Islam: politische Realität und theologische Polemik im palaiologenzeitlichen Byzanz / K.-P. Todt. – Würzburg: Echter, 1991. – 705 s.

39. Finlay, G. A History of Greece under foreign domination / G. Finlay. – Oxford: Clarendon Press, 1877. – 439 p.

(Дата подачи: 29.01.2020 г.)

A. Л. Шулаев

Галоўны архітэктар РУП «Нацыянальны аэрапорт Мінск», Мінск

A. Shulaev

Chief architect RUE “National airport Minsk”, Minsk

Код ВАК 07.00.02

ПАРАДНЫ ВЁСЛАВЫ КАРАБЕЛЬ ЖЫГІМОНТА ВАЗЫ Ў КАНТЭКСЦЕ МАРСКОЙ ВЕКСІЛАЛОГІІ

FRONT ROWING SHIP OF SIGISMUND VASA IN THE CONTEXT OF NAUTICAL VEXILLOLOGY

У артыкуле аўтар праводзіць аналіз вексілалагічных аб'ектаў над караблём на жывапісным палотнішчы XVII ст., пры дапамозе якога прыходзіць да высновы аб дзяржаўнай прыналежнасці судна і раскрывае семантычны сэнс кампазіцыі карціны, аўтар прапанаваў тэрміналагічную сістэму для апісання марскіх вексілалагічных аб'ектаў.

Ключавыя словы: вексілалогія; марская тэрміналогія; жывапіс; сцяг; карабель.

In the article, the author analyzes the vexillological objects above the ship on the paintings of the 17th century, with the help of which it leads to the conclusion that the vessel belongs to the state and reveals the semantic meaning of the composition of the picture, the author offers a terminological system for describing nautical vexillological objects.

Key words: vexillology; nautical terminology; painting; flag; ship.

Вексілалогія – спецыяльная навуковая гістарычная дысцыпліна, якая вывучае гэтак званыя вексілалагічныя аб'екты (сцягі і аб'екты блізкія да іх па функцыях: харугвы, выпелы, транспаранты, штандары і г. д.), а таксама комплексы ўяўленняў, традыцыяў і рытуалаў датычна сцягоў, інтэрпрэтацыі выяваў вексілалагічных аб'ектаў і іх мастацкіх дэталей ды вобразаў.

Рачное судходства, перадусім, гандлёвае, было распаўсюджанае на гэтых землях яшчэ з часоў Бурштынавага шляху і Шляху з варагаў у грэкі ды мае

старыя карані ў культурнай традыцыі. Разам з тым, такі важны аспект, як сцягі марскіх ды рачных караблёў, на сённяшні дзень амаль ніяк не асэнсаваны і не рэпрэзентаваны ў якасці самастойнай тэмы даследвання і важнай часткі сцягавай спадчыны. Дадзеная праца ставіць сабе за мэтау разгляд невялікага аспекту апісанай вышэй праблемы, а менавіта – аналіз вексілалагічных аб’ектаў вёславага карабля вялікага князя літоўскага і караля польскага Жыгімонта IV Вазы на падставе гістарычных крыніцаў.

Тэрміналогія. Першая праблема, якую варта акрэсліць дзеля развязання пастаўленай задачы, – гэта праблематыка корпусу спецыяльнай марской і сушапутнай сцягавай тэрміналогіі. Датычна назваў вексілалагічных аб’ектаў, марскіх і марскіх фартэцыяў, мы маем цалкам запазычаныя тэрміны. Прычым запазычанне адбывалася выпадковым, несістэмным спосабам адразу з некалькіх моваў: французкай, нямецкай, ангельскай, нідэрландскай і інш. Гэтак даўгі вузкі вымпел на мацце ці рэі карабля мог называцца: вымпел (нідэр. *wimpel*), корнет (франц. *cornette*), гідон (англ. *guidon*), штандар (нідэр. *standard*, франц. *estandard*, нов. верх-ням. *standarte* ад старафранц. *estandard*), панон, пеннон, пенонсо (франц. *panon*, *pennon*, *pennonceaux*), пендант (англ. *pendant*, стар-франц. *pendr* ад лац. *pendere*). Больш за тое, як відаць са сказанага вышэй, ня толькі Вялікае Княства Літоўскае і Рускае ды Рэч Паспалітая запазычвалі сцягавую тэрміналогію ад краінаў Еўропы, але і самыя тыя краіны запазычвалі адна ад адной.

З улікам на складзеную сітуацыю ў галіне вексілалагічнай тэрміналогіі, а таксама маючы на ўвазе той факт, што беларуская сцягавая тэрміналогія як элемент навуковага апарату гэтай дысцыпліны яшчэ толькі фармуецца, аўтар паставіў прапанаваць свой набор тэрмінаў на падставе прынцыпаў гістарычнасці (карыстацца з тэрміналогіі тых краінаў, што мелі марскія кантакты з Вялікім Княствам Літоўскім і Рускім ды Рэччу Паспалітай у разглядаемы перыяд) і несупярэчлівасці (прапанаваць такую сістэму, дзе адзін панятак будзе пазначаць адзін вексілалагічны аб’ект).

Ускладняе праблему айчынная сцягавай тэрміналогіі тое, што еўрапейскія сцягавыя сістэмы караблёў:

- фармаваліся працяглы час і ў цэлым, стройная сістэма флотаў сцягоў сфармавалася ўжо ў XVIII ці нават XIX ст.;
- маглі супярэчыць адна адной у флатах розных краінаў, як, напрыклад, брытанская сістэма сігнальных кармавых сцягоў і нідэрландская [1];
- склад і размяшчэнне сцягоў на розных караблях у межах аднаго флоту і нават адной эскадры часта адрозніваліся, што тлумачыцца, на думку аўтара, неабходнасцю «адрозніць сваіх ад сваіх» праз складанне для амаль кожнага карабля свайго адметнага «пашпарту».

З улікам усяго вышэйпералічанага аўтарам прапануецца наступная трохступеньчатая сістэма пазначэння карабельных сцягоў:

- паводле месца размяшчэння сцяга на караблі (а);
- паводле вонкавага выгляду сцяга (б);
- паводле функцыі сцяга (в).

а) паводле месца размяшчэння сцяга на караблі сцягі бываюць:

- насаваы ці Бушпрытны (вывешваецца на сцягштоку ці на гары блінда-сценгі, вертыкальнага элемента, што мацуецца да бушпрыта, гарызантальнай ці нахіленай мачты, што выступае ўперад з носа карабля);

- фок-сцяг (вывешваецца на гары фок-мачты);

- грот-сцяг (вывешваецца на гары грот-мачты);

- бізань-сцяг (вывешваецца на гары бізань-мачты);

- кармавы сцяг (вывешваецца на кармавым сцягштоку, традыцыйна называецца Энсін (англ. ensign)) [2]. Існуе версія, што назва энсін – запазычаная ад назвы сцяга аграда марской пяхтуры, якая звычайна размяшчалася на карме карабля і падымала там свой сцяг, у любым разе, на сённяшні дзень тэрмінам энсін прынята пазначаць любы кармавы сцяг.

Трэба сказаць, што на караблях з большай колькасцю мачтаў фок- і бізань-мачты, а таксама бушпрыт застаюцца пры сваіх назвах, а дадатковыя адносяцца да грот-мачты, але з парадкавым нумарам. Гэтак мачты 4-мачтовіка маюць называцца: бушпрыт, фок-мачта, 1-я грот-мачта, 2-я грот-мачта, бізань-мачта. Адпаведна і сцягі, што завешваюцца на такіх, «дадатковых», грот-мачтах маюць называцца: 1-шы грот-сцяг, 2-гі грот-сцяг і г. д.

Апроч пералічаных, маецца мноства іншых спосабаў завешвання сцягоў на карабель, для прыкладу – на ахтэрштаг (канат, што ідзе ад мачты, як правіла, бізань, да кармы), на нок (канец гарызантальнай рэі мачты); такія спосабы ня маюць спецыяльных назваў для сцягоў і маюць акрэслівацца апісальна ці пазначацца ад назвы элемента, на які завешваюцца (ахтэрштаг-вымпел, нок-сцяг і да т. п.).

б) паводле вонкавага выгляду сцягі маюць падзяляцца на:

- сцяг (простакутнае палотнішча з суадносінамі бакоў 1:1, 1:1,5, 1:2 і інш., з двюма і трыма касіцамі або без іх);

- вымпел (выцягнутае палотнішча, што звужаецца ў канцы ды па форме можа быць трохкутным ці трохкутным з двюма касіцамі з суадносінамі бакоў 1:8, 1:14 і інш.) [3];

- брэйд-вымпел (адрозніваецца ад звычайнага вымпела праз большую шырыню палотнішча ды, часта, наяўнасць выявы на палотнішчы) [4];

- падвойны сцяг (варыянт кампазіцыі сцяга, як правіла трыкалора, з гарызантальнымі палосамі, але ў дадзеным выпадку маецца паслядоўны паўтор палосаў так, быццам зшылі два трыкалары адзін над адным);

- патройны сцяг (тое ж, што падвойны сцяг, але паўтор палосаў такі, быццам зшылі тры трыкалары адзін над адным);

Таксама ў гістарычных крыніцах адзначаецца практыка выкарыстання сцягоў з аднолькавай функцыяй, дзе адзін відавочна з’яўляецца паменшанай версіяй другога. Такія сцягі маюць пазначацца ў адпаведнасці з памерам: вялікі/малы; вялікі/сярэдні/малы і да т. п.

в) у практычным сэнсе сцягі адрозніваюцца паводле рэпрэзентацыі наступных функцыяў:

- пазначэнне дзяржаўнай (нацыянальнай) прыналежнасці карабля (такі сцяг традыцыйна называецца Гюйс (ад нідэр. geus) [5], вывешваўся на буш-прыце, ці на фок-мачце, ці проста на найвышэйшай мачце карабля; у Брытанскай імперыі Гюйс называўся – Джэк, апроч Гюйса/Джэка, нацыянальная прыналежнасць карабля адлюстроўвалася, часам, і на Энсіне;

- пазначэнне порта прыпіскі (традыцыйна называецца – Порта прыпіскі сцяг, вывешваецца на адной з мачтаў) [6];

- пазначэнне ўласніка карабля ці службовай асобы або ганаровых гасцей на караблі (напрыклад, адмірала, прэзідэнта, замежнага пасла і г. д.) (традыцыйна называецца Бандэра [7], вывешваецца на кармавым сцягштку, але мог вывешвацца і на адной з мачтаў);

- пазначэнне статусу, у якім на дадзены момант знаходзіцца карабель, вайсковага ці мірнага (у вайсковым статусе такі сцяг меў чырвонае палотнішча з выяваю ці без і назву – Крывавы сцяг [8] ці Вайсковы энсін; у статусе міру сцяг меў альбо белае палотнішча альбо палотнішча ў нацыянальных колерах, альбо ў геральдычных колерах уласніка карабля ці порта прыпіскі (Цывільны энсін ці Гандлёвы сцяг [9]). Вывешваўся сцяг заўжды на кармавым сцягштку);

- вызначэнне наяўнасці і накірунку ветра (дзеля гэтага заўжды выкарыстоўваўся вымпел і праз тое займеў назву Ветравы сцяг [10]; вывешваўся на гары мачтаў, а таксама на ноках рэяў);

- пазначэнне для вайсковага карабля на атрад марской пяхтуры на борце (першапачаткова такі сцяг, як сказана вышэй, магчыма, называўся Энсін, але, дзеля несупярэчлівасці, прапануецца назва Харугва марской пяхтуры. Сцяг такі альбо нідзе не вывешваўся, альбо вывешваўся на кармавым сцягштку ці проста выстаўляўся на карме карабля);

- сігнальныя сцягі (выкарыстоўваліся для падачы сігналаў, вывешваліся як на мачтах, гэтак і на ахтэрштагу ды проста на ўласным трасе, спущаным з гары мачты да борта. Сігнальныя сцягі складаюць зусім асобную групу вексілалагічных аб'ектаў і ў межах дадзенага даследавання не разглядаюцца, за выключэннем Крывавага сцяга (вайсковага энсіна)/Цывільнага энсіна);

- сцяг марской фартэцыі (традыцыйна называецца Цытадэльны сцяг [11] ці Стаяначны сцяг. Другую назву атрымаў праз тое, што першапачаткова існавала практыка пераўтварэння карабля на фартэцыю шляхам стаянкі на якар ці нават наўмыснай пасадкі на мель. Адносіцца да марскіх сцягоў нягледзячы на тое, што фартэцыя як правіла знаходзіцца на беразе. Апроч вышэйпрыведзеных меў традыцыйную назву Гюйс, але, дзеля несупярэчлівасці прапануецца пакінуць назву Гюйс толькі за караблём);

- сцягі вёславых караблёў, як правіла, галераў (могуць сур'ёзна адрознівацца ад марскіх карабельных сцягоў, таму іх прынята выдзяляць у асобную групу, і ў сцягавых табліцах кан. XVII–XVIII стст. яны пазначаюцца праз дадаванне тэрміну «Галерны» [12]).

З вышэйпрыведзенага выводзім, што поўнае пазначэнне сцяга карабля мае мець 3-ступеньчатую формулу, гэтак гюйс, што вывешваецца на грот-мачце мае называцца: гюйс-грот-сцяг (тут мы бачым складнікі: гюйс, сцяг, грот-сцяг); гюйс на бушпрыце – гюйс-джэк-сцяг; выппел на рэі бізань-мачты – рэй-бізань-выппел ці нок-бізань-выппел і г. д.

Аналіз крыніцы. Карціна «Панарама Варшавы з боку раёну Прага». Аўтарам карціны: фламандскі мастак Ян Крысціян Меліх (Jan Christian Melich) [13].

Мал. 1. Карціна Крысціяна Меліха «Панарама Варшавы»

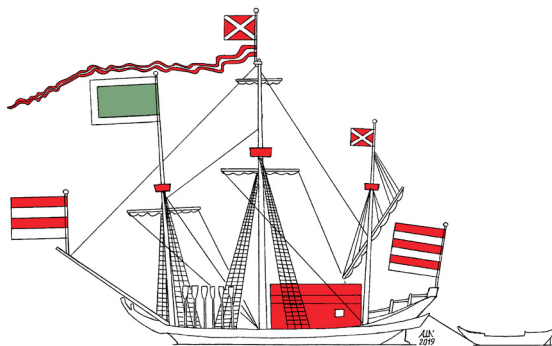
Гісторыя карціны. На сённяшні дзень карціна захоўваецца ў фондах Старой Пінакатэкі ў Манахіюм у Баварыі (Bayerische Staatsgemäldesammlungen, Monachium), акалічнасці таго, як карціна трапіла туды, да канца не высветленыя, але можна памеркаваць, што яна сталася падарункам Ганны Кацярыны Канстанцыі, дачкі Жыгімонта Вазы, па шлюбе ў 1642 г. з Піліпам Вільгельмам Віттэльсбахам альбо Уладзіслава Вазы, сына Жыгімонта, падчас наведвання ў 1624 г. Максыміліяна Віттэльсбаха [14]. Доўгім часам пра карціну не было вядома, аж пакуль у 1938 г. яе не адкрыў прафесар Марыян Маралоўскі (Marian Morelowski). У 1950 г. дакладная копія карціны, намаляваная Хайнрыхам Кроппам (Heinrich Kropp), была прывезена ў Варшаву, дзе і экспануецца дасюль [15]. Арыгінал жа наведваў Варшаву ўпершыню з XVII ст. толькі ў гэтым годзе ў межах выставы, прысвечанай польскай галіне роду Вазаў.

На карціне маецца вялікі надпіс па-нямецку: «Варшава. Улетку 1624 г. Каралевіч Уладзіслаў IV Ваза, брат Ганны Кацярыны Канстанцыі, гасцяваў у Манахіюм. Быў тут годна прыняты баварскім электарам Максыміліянам I Віттэльсбахам». Паводле гэнага надпісу, а таксама на падставе выявы (найперш, дэталю Варшаўскага каралеўскага палаца) з карціны можна датаваць жывапіснае палотнішча перыядам паміж 1619-м і 1624 гадамі.

На карціне мы бачым трохпланавую кампазіцыю: на першым плане бераг ракі Віслы, на якім сядзіць мастак (верагодна, гэта сам аўтар карціны) і малое, праваруч ад яго стаіць малады чалавек у шляхецкім строі ды трымае шпагу (частка даследчыкаў апазнала ў ім сына Жыгімонта Вазы – Уладзіслава Вазу ў юнацтве) [16], на трэцім плане мы бачым панараму маста Варшавы, сярэдні план складае рака Вісла, па якой плывуць караблі са збожжам і плыт

(леваруч), ветразнікі і паромы (праваруч), парадны карабель пад усімі сцягамі (па самым цэнтры і ракі і карціны).

Тып карабля і яго сцягі. Карабель па цэнтры карціны адносіцца да трох-мачтавага, не лічачы бушпрыта, беспалубнага ветразніка з нізкай пасадкаю борта і з размяшчэннем на ім вёславай каманды з 12 чалавек не лічачы рулявога. Корпус карабля – вузкі, што відаць па тым, як блізка сядзяць грабцы левага і правага бартоў. Надбудовы адсутнічаюць, заміж іх бліжэй да кармы маецца шацёр укрыты чырвоным палотнішчам, шырынёй роўны да шырыні карабля. На карціне карабель ідзе супраць плыні ракі Віслы на вёславай хадзе з апушчанымі ветразямі, мы можам пабачыць фок-рэю на фок-мачце, грот-рэю і грот-марсель-рэю на грот-мачце, бізань-рэю на бізань-мачце, на бушпрыце, тым часам, адсутнічае блінда-сценьга і блінда-рэя. Паводле рэяў на мачтах можна пералічыць такелаж карабля: клівер паміж бушпрытам і фок-мачтаю, Фок на фок-мачце, Грот і Грот-марсель на грот-мачце, касы Бізань на бізань-мачце (Бізань-стаксель). На падставе сумы прыкметаў, а менавіта: нізкай пасадкі борта, шасці параў вёслаў, кармы, вышэйшай за нос, адсутнасці надпалубных надбудоў, можна асцярожна акрэсліць тып карабля як Каік (таксама называўся Кайка). Каік (ад тур. *kayık* – човен) невялікі ветразева-вёславы карабель, які таксама называўся паўгалераю. Кайкі абсталёўваліся 12 парамі вёслаў і маглі ўзбройвацца адной гарматкаю на носе ды адносіліся да рачнога тыпу карабля [17] Таксама дадзены тып карабля можна аднесці да Баркаса [18].

Мал. 2 Парадны вёславы карабель з карціны К. Меліха

Паводле сваёй канструкцыі апісаны карабель не мог быць купецкім транспартным суднам, бо, па-першае, праз малую пасадку не меў палубы, па-другое, уся яго прастора была занята пад каманду грабцоў, шацёр ды невялікую пляцоўку на карме дзеля размяшчэння рулявога ды карабельнага камандзіра. Арганізаваная такім спосабам карабельная прастора выключала магчымасць правозу на ёй грузаў, асабліва гэта заўважна праз параўнанне апісанага тут карабля з трыма транспартнымі купецкімі вёславымі караблямі,

што пlying насустрач, – у іх ад паловы да дзвюх трацінаў карабельнай прасторы займае збожжа, рэшту – невялікая кармавая жылая надбудоўка да месцы грабцоў, што сядзяць паабাপал ад насыпанага збожжа. Нават рулявыя на купецкім транспартным караблі стаяць на даху кармавой надбудоўкі, каб вызваліць больш месца для груза.

Да вышэйсказанага можам дадаць надзвычай рэпрэзентатыўную сістэму карабельных сцягоў, над караблём узнятыя 6 вексілалагічных аб’ектаў:

а) бушпрытны-гюйс-сцяг на сцягштоку з суадносінамі бакоў 1/1,3, падзелены на 4 роўнашырокія гарызантальныя паласы: чырвоную, белую, чырвоную і белую;

б) фок-сцяг, салатавы ці блакітны, з белаю акантоўкай па трох баках, з суадносінамі бакоў 1/1,5 (шырокае пустое аднастайнае поле без члянэнняў прыводзіць да высновы, што па цэнтры палотнішча меўся быць герб уласніка карабля, не паказаны з прычыны малога маштаба выявы);

в) грот-сцяг з суадносінамі бакоў 1/1,3, чырвоны з белым Андрэеўскім крыжом;

г) трохкутны грот-вымпел з суадносінамі бакоў 1/35, падзелены на 3 роўнашырокія гарызантальныя паласы: чырвоную, белую і чырвоную;

д) бізань-сцяг з суадносінамі бакоў 1/1,3, чырвоны з белым Андрэеўскім крыжом, без акантоўкі;

е) энсін з суадносінамі бакоў 1/1, падзелены на 6 роўнашырокіх гарызантальных палосаў: 3 чырвоныя і 3 белыя папераменна.

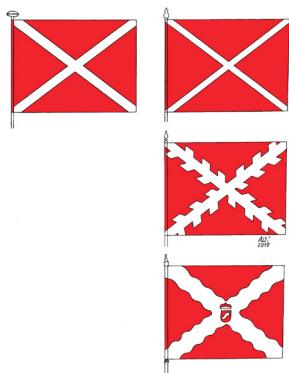
Дзеля развязання пытання аб прыналежнасці карабля трэба правесці аналіз сістэмы сцягоў на ім. Характэрнымі тут ёсць:

1) грот- і бізань-сцягі з белым Андрэеўскім крыжом на чырвоным полі;

2) гюйс, энсін і грот-вымпел з чаргаваннем гарызантальных роўнашырокіх белых ды чырвоных палосаў.

Сцягі з белым Андрэеўскім крыжом на чырвоным полі. Гістарычныя крыніцы, звязаныя з Рэччу Паспалітай, датаваныя з пач. XVII па пач. XVIII ст. паказваюць на шырокую практыку выкарыстання такіх сцягоў у шматлікіх, але тыпалагічна тоесных варыянтах, напрыклад: у складзе ўрачыстай працэсіі з нагоды зашлюбінаў Жыгімонта Вазы ў 1605 г. на чале гайдуцкай харугвы [19] і пяхотнай харугвы эха краўцоў места Кракава [20]. Сустрэкаем два такія сцягі ў складзе ўрачыстай працэсіі пры ўездзе ў Гданьск вялікай княгіні і каралевы Людвікі Марыі Ганзагі 11.02.1646 г. на карціне Барталамея Мільвіца (Bartłomiej Milwitz) [21]. Бачым такі сцяг на чале пяхотнага атрада на выяве з аблогаю Пскова 01.12.1581 г. (малюнак – копія XVIII ст. з ранейшай выявы) [22]. Мы знаходзім пэўную колькасць такіх сцягоў сярод трафейнай калекцыі Вайсковага музея ў Стакгольме, прычым узятых ўсе былі падчас войнаў Швецыі з Рэччу Паспалітай ды пазначаныя ў каталогу адпаведным чынам (ідэнтыфікацыйныя нумары экспанатаў у каталогу Дзяржаўнай трафейнай калекцыі (Statens Trofésamlings katalog): AM.084065, AM.084064, AM.080824, AM.084091).

Сцягі з белымі і чырвонымі гарызантальнымі палосамі. Гістарычныя крыніцы, звязаныя з Рэччу Паспалітай, датаваныя з пач. XVII ст. паказваюць на шырокую практыку выкарыстання такіх сцягоў з рознай колькасцю палосаў, асабліва ў гістарычны перыяд, звязаны з караляваннем роду Вазаў, напрыклад, у складзе ўжо згаданай вышэй працэсіі ў 1605 г. у руках кароннага харужага Себасцьяна Сабескага [23], яго ж – у складзе трафейнай калекцыі ў Стакгольме разам з яшчэ двума падобнымі (ідэнтыфікацыйныя нумары экспанатаў у каталогу Дзяржаўнай трафейнай калекцыі (Statens Trofésamlings katalog): AM.084018, AM.084144, AM.084042). Такі сцяг мы сустракаем на іншай карціне Крысціяна Меліха, што паказвае капітуляцыю маскоўскага войска перад Уладзіславам Вазам пад Смаленскам [24]. Нарэшце, менавіта такі тып сцягоў мы бачым над караблямі Рэчы Паспалітай на медзярыце Піліпа Янсэна (Philipp Janssen), датаваным 1628 годам [25].

Мал. 3. Схема тыпалагічнай варыятыўнасці сцяга з Андрэўскім крыжом у Рэчы Паспалітай у XVII-XVIII стст. Леваруч: сцяг з параднага вёславага карабля на карціне К. Меліха (1619-1625); праваруч згар-долу: Гайдуцкая харугва з урачыстай працэсіі пр'ездзе ў Кракаў Жыгімонта Вазы (1605), Пяхотная харугва з урачыстай працэсіі пр'ездзе ў Гданьск Людвікі Марыі Ганзагі (1646), пяхотная харугва з трафейнай калекцыі Вайсковага музея ў Стакгольме (XVII ст.).

Заклучэнне. Датычна выяўленага на карціне Крысціяна Меліха вёславага карабля, паводле сумы прыкметаў і на падставе аналізу вексілалагічных аб'ектаў, можна зрабіць вывад аб яго дзяржаўнай прыналежнасці да Рэчы Паспалітай, і больш за тое, акрэсліць яго як парадны вёславы карабель Жыгімонта Вазы. Пры гэтым, фок-сцяг карабля меў несці на сабе асабісты герб манарха.

Семантычна-ідэалагічнае пасланне разглядаемай карціны мае трохпланавы характар, дзе перш план паказвае неабжытую прастору берага з людзьмі на ім, мастака пры працы, каралевіча Уладзіслава Вазу ў якасці мецэната; трэці план паказвае Варшаву як сімвал абжытай прасторы, якая дамінуе ў карціне ды з'яўляецца квінтэсенцыяй дзейнасці ўсіх людзей; другі ж план паказвае

хуткаплынную раку, па якой супраць плыні ідзе карабель Вазаў пад усімі сцягамі і сімвалічна злучае першы і трэці планы, гэта значыць, паасобных людзей на першым плане і горад, неабжытую і абжытую прасторы, паказвае карабель Вазаў як сімвалічны мост.

Вексілалагічная спадчына Рэчы Паспалітай і марская вексілалогія, як яе складовая частка, з’яўляюцца каштоўным рэсурсам для вывястлення эстэтычных густаў эпохі, сімвалічна-семантычнага сэнсу выяўленчых крыніцаў і, нарэшце, важнай дадатковай крыніцай для аналізу гістарычнага кантэксту пры ўмове наяўнасці комплекснага падыходу і адпаведнага навуковага апарату.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Huflejt, M.* Bitwa pod Oliwa 1627, fakty i mity. – Olsztyn: Wyd-wo Mantis, 2019. – S. 86–87.

2. Энсін (англ. *ensign* ад лац. *insignia*) паводле: Dictionary of Vexillology: Ensign // FOTW Flags Of The World website [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.crwflags.com/fotw/flags/vxt-dve2.html#ensign>. – Date of access: 18.01.2020.

3. Вымпел (нідэр. *wimpel*) паводле: Dictionary of Vexillology: Ensign // FOTW Flags Of The World website [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.crwflags.com/fotw/flags/vxt-dvw2.html#wimpel>. – Date of access: 18.01.2020.

4. Брэйд-вымпел (нідэр. *brede wimpel*, англ. *broad pennant*) паводле: Dictionary of Vexillology: Ensign // FOTW Flags Of The World website [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.crwflags.com/fotw/flags/vxt-dvw2.html#wimpe>. – Date of access: 18.01.2020.

5. Гюйс (нідэр. *geus*) паводле: Слоўнік іншамовных слоў: у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 1: А–Л. – 1999. – 736 с. – С. 411.

6. Порта прыпіскі сцяг паводле: Флажный этикет и ритуалы // vexillographia.ru [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.vexillographia.ru/etiket.htm>. – Дата доступа: 18.01.2020.

7. Бандэра (ад франц. *bannière*) паводле: *Słownik francusko-polski. Dictionnaire français-polonais.* – Warszawa: Księgarnia B. Behr, 1843. // archive.org [Electronic resource]. – Mode of access: https://archive.org/stream/sownikfrancuskop00berl/sownikfrancuskop00berl_djvu.txt. – Date of access: 18.01.2020.

8. Крывавы сцяг (нідэр. *bloedvlag*, англ. *bloody flag*, ням. *Blutflagge*, швед. *blodsflaggan*, дац. *blodflag*.) паводле: *Huflejt, M.* *Dextera Domini, czyli o rzekomej banderze królewskiej Zygmunta II Augusta* // bronibarwa.org [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: <https://www.bronibarwa.org.pl/artikul-marian-huflejt-dextera-domini-czyli-o-rzekomej-banderze-królewskiej-zygmunta-ii-augusta>. – Date of access: 15.01.2020.

9. Гандлёвы (у арыгінале па-французку: *Marchand*) паводле: *Mortier, Pieter (Pierre)* *Gravure ancienne avec neuf pavillons de France* // *Vervolg van de Neptunus, of Zee Atlas van de Nieuwe Zee-kaarten; ...* Amsterdam, P. Mortier, 1700 (Koeman, M. Mor 8) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sanderusmaps.com/detail.cfm?c=17005>. – Date of access: 18.01.2020.

10. Ветрава (ад англ. *wind vane*) паводле: Dictionary of Vexillology: Ensign // FOTW Flags Of The World website [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.crwflags.com/fotw/flags/vxt-dvw2.html#windvane>. – Date of access: 18.01.2020.

11. Цытадэльны/стаяначны (ад англ. *fortress flag*) паводле: Dictionary of Vexillology: Ensign // FOTW Flags Of The World website [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.crwflags.com/fotw/flags/vxt-dvf6.html#fortressflag>. – Date of access: 18.01.2020.

12. Галерны (у арыгінале па-французку: Galere) паводле: Mortier, Pieter (Pierre) Gravure ancienne avec neuf pavillons de France // Vervolg van de Neptunus, of Zee Atlas van de Nieuwe Zee-kaarten; ... Amsterdam, P. Mortier, 1700 (Koeman, M. Mor 8) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sanderusmaps.com/detail.cfm?c=17005>. – Date of access: 18.01.2020.
13. Меліх Крысціян (Melich, Christian) (жывапісец ?–1655). «Панарама Варшавы», 1619-25 г.г. Холст, алей. Старая Пінакатэка ў Манахіюм, Баварыя. Памеры 87 × 265 см.
14. Klaputh, E. Obrazy Warszawy / E. Klaputh // dziennik.com [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://dziennik.com/archiwum/przeglاد-polski/obrazy-warszawy>. – Date of access: 07.02.2020.
15. Almanach Muzealny. – Warszawa: Muzeum historyczne m.st. Warszawy, 2007. – Т. 5 – S. 251, 253.
16. Bernatowicz, T. Ambicje terytorialne Wazów i symbole królewskiego panowania w krajobrazie / T. Bernatowicz // Orzeł i Trzy Korony. Sąsiedztwo polsko-szwedzkie nad Bałtykiem w epoce nowożytnej (XVI–XVIII w.), kat. wyst., red. K. Połujan, Zamek Królewski w Warszawie, 2002, s. 71. паводле: http://docplayer.pl/5952462-Ambicje-terytorialne-wazow-i-symbole-królewskiego-panowania-w-krajobrazie.html#download_tab_content.
17. Самойлов, К. И. Морской словарь / К. И. Самойлов. – М. ; Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. – Т. I. – С. 392.
18. Guzek, K. J. Parady barkas króla Szwecji «Vasaorden» i jego oflagowanie / K. J. Guzek // weksylogia.pl [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <https://www.weksylogia.pl/publikacje/Parady-barkas-króla-Szwecji-Vasaorden-i-jego-oflagowanie.pdf>. – Date of access: 12.01.2020.
19. Brzezinski, R. Polish armies 1569–1696 (1) / R. Brzezinski, A. McBride. – Hong Kong: Bookbuilders Ltd, 1991. – P. 42. – (Men-at-arms, 184).
20. Brzezinski, R. Polish armies 1569–1696 (2) / R. Brzezinski, A. McBride. – Hong Kong: Bookbuilders Ltd, 1991. – P. 23. – (Men-at-arms, 184).
21. Мільвіц, Барталамей (Milwitz, Bartholomäus) (жывапісец 1580–?). «Уезд каралевы Марыі Луізы Ганзагі ў Гданьск 11 лютага 1646 г.», пасля 1646 г. Дошка, алей. Зборы Вавельскага замка, Кракаў. Памеры 69,5 × 92 см.
22. Mackiewicz, M. Szabla Batorego kunsztowny oręż pogromcy Iwana Groźnego ze zbiorów Muzeum wojska polskiego w Warszawie / M. Mackiewicz // historiaposzukaj.pl [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <https://www.historiaposzukaj.pl/assets/media/Wiedza/Obiekty/3.png>. – Date of access: 06.02.2020.
23. Wjazd do Krakowa Zygmunta III i arcyksiężniczki Konstancji 1592r. // projekt-wisloujscie.pl [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <http://projekt-wisloujscie.pl/index.php/2019/03/04/2575>. – Date of access: 15.01.2020.
24. Меліх Крысціян (Melich, Christian) (жывапісец ?–1655). «Капітуляцыя Міхаіла Шчына пад Смаленскам у 1634 г.», 1640-я г.г. Холст, алей. Зборы Нацыянальнага музея ў Варшаве, на дэпазіце ў Каралеўскім палацы ў Варшаве, Варшава.

(Дата падачы: 20.02.2020 г.)

С. С. Юрэцкі

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск

S. S. Yuretski

The Institute of History of the National
Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 903.2.02(476-15)“634”

ДА ПЫТАННЯ ПЕРЫЯДЫЗАЦЫІ НЁМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСКАГА ПАНЯМОННЯ)

REGARDING THE PERIODISATION OF NEMAN CULTURE (BASED ON MATERIALS OF BELORUSSIAN NEMAN REGION)

У публікацыі на падставе аналізу керамічных калекцый з тэрыторыі Беларускага Панямоння прыводзяцца вынікі даследавання праблемы перыядызацыі нёманскай культуры эпохі неаліту. Аўтар вылучае на прыкладзе мясцовых матэрыялаў ранні (ад пачатку 4 і да пачатку 3 тысячагоддзяў да н. э.) і класічны (ад пачатку 3 і да пачатку 2 тысячагоддзяў да н. э.) этапы дадзенай супольнасці, а таксама прыводзіць аналогіі з суседніх рэгіёнаў распаўсюджвання нёманскай культуры.

Ключавыя словы: археалогія; гісторыя першабытнага грамадства; эпоха неаліту; нёманская культура; Беларускае Панямонне.

The publication contains the results of the study of the problem of periodization of the Neman culture at the Neolithic era based on the analysis of the ceramic collections from the territory of the Belarusian Neman region. The author highlights early (4–3 millennium BC) and classical (3–2 millennium BC) periods of this community based on the local archeological materials, and brings analogy from neighboring regions of distribution of the Neman culture.

Key words: archeology; prehistory; Neolithic; Neman culture; Belarusian Neman region.

Старажытнасці нёманскай культуры фіксуюцца даследчыкамі на шырокай прасторы ад Одры на захадзе да вярхоўяў Нёмана на ўсходзе і ад Паўднёвай Літвы на поўначы да Валыні на поўдні. Такая пашыранасць культурнай традыцыі і тлумачыць першапачаткова яе своеасаблівы характар сярод іншых супольнасцей эпохі неаліту [1].

Аднаводна даследчому падыходу М. М. Чарняўскага, асноўнаму даследчыку дадзенай супольнасці на тэрыторыі Беларусі, у складзе нёманскай культуры вылучаецца два яе этапы: лысagорскі (якая характарызуецца керамікай тыпу Лысая Гара) і дабраборскі (вылучаны на падставе адметнасцей керамікі тыпу Добры Бор). Храналогія пералічаных этапаў акрэслена М. М. Чарняўскім сярэднім і познім неалітам [2, с. 77].

Аўтар дадзенага артыкула на падставе вывучэння керамікі эпохі неаліту вылучыў шэраг яе тыпаў для рэгіёна Беларускага Панямоння. Да нёманскай культуры аднесены наступныя: Лысая Гара А, Лысая Гара Б, Лысая Гара В, Добры Бор А, Добры Бор Б і Добры Бор В [3].

Керамічныя матэрыялы з тэрыторыі Беларускага Панямоння, якія ідэнтыфікуюцца ў межах нёманскай культуры, немагчыма разглядаць адасоблена ад усяго рэгіёна распаўсюджвання нёманскай культурнай традыцыі. Таму на дадзеным этапе даследавання ў становішча неабходным правядзенне карэляцыі даных з суседніх рэгіёнаў арэала нёманскай культуры з мэтай вылучэння агульных этапаў у яе развіцці.

У выніку праведзенага даследавання былі вылучаны два асноўныя этапы развіцця для ўсяго арэала нёманскай культуры (ранні і класічны).

Ранні этап нёманскай культуры. Да ранняга этапу нёманскай культуры аднесены матэрыялы, якія з’яўляюцца найбольш раннімі сярод усяго масіву керамікі нёманскай культуры. У Беларускім Панямонні ранні этап названай супольнасці прадстаўлены керамікай тыпаў Лысая Гара А і Лысая Гара Б. Сярод тэхналагічных адметнасцей такой керамікі ў першую чаргу неабходна назваць дамінаванне мінеральных дамешак у якасці асноўных якія знаходзяцца ў фармовачным цесце. Знешнія сценкі старанна загладжваліся, што таксама назіраецца на ўнутраных баках у верхніх частках пасудзін. Знікаюць ямкавыя ўцісканні пад краем венца. На іх месцы з’яўляюцца ямкавыя наклады, якія пачынаюць наносіцца не толькі звонку, але і знутры. З пункту гледжання марфалогіі пасудзіны прадстаўлены вастрадоннымі гаршкамі разгорнутай формы з вылучанай шыйкай. У аздабленні значна змяншаецца роля грабеньчатых адбіткаў, павялічваецца доля лінейнага штампа, які наносіўся пераважна ў так званай «скарапіснай» манеры нахілена, а таксама разнастайных накладаў.

Паказальнікам параўнальна ранняга ўзросту падобных матэрыялаў з’яўляецца наяўнасць у фармовачным цесце слядоў ад наяўнасці ў фармовачным цесце валакністай арганікі пры адначасовым панаванні мінеральных дамешак. Для керамікі тыпу Лысая Гара А такія сляды могуць быць распазнаныя ў якасці дамешак валакністай арганікі са слядамі ў выглядзе каверн, а для тыпу Лысая Гара Б з полымі каналікамі у выглядзе пор.

Адпаведнікі керамічным матэрыялам ранняга этапу нёманскай культуры ў Беларускім Панямонні знаходзяцца як на тэрыторыі Усходняй Польшчы, так і Заходняга Палесся, а таксама на тэрыторыі Беларускага Пабужжа. У Польшчы кераміка ранняга этапу супольнасці прадстаўлена ў рэгіёне Мазур (помнікі Зомб’е-Шэстна), дзе былі выяўлены матэрыялы з мінеральнымі дабаўкамі, а таксама з дамешкамі ў выглядзе валакністай арганікі са слядымі пор, прафіліраванымі венцамі з наяўнасцю шыйкі [4, s. 37–38; 5, Tabl. 71: 2, 3, Tabl. 72: 4, Tabl. 76: 2, Tabl. 80: 4, 90: 1].

Да ранняга этапу культуры неабходна аднесці і кераміку з мінеральнымі дамешкамі і валакністай арганікай у фармовачным цесце з помнікаў Кшэменнэ-1, Еранікі-2, Зайкі-1, якія знаходзяцца на тэрыторыі Падлясся [6, s. 136, Рys. 12; 7, s. 16–19]. Керамічныя матэрыялы ранняга этапу нёманскай культуры таксама выяўлены ў Беларускім Пабужжы на паселішчах Камянюкі-2, Селішча Вялікае-2 і Шышоў-3 [8, с. 145–148], і ў рэгіёне Заходняга Палесся

(помнікі Вяз-1, Камень-3, Чухава-2) [9, с. 59–62; 10, с. 167–168]. Падобныя знаходкі керамікі адзначаюцца да таго ж на тэрыторыі Паўднёва-Усходняй Літвы (Дубічай-1, Дубічай-3, Маргяй-1 і інш.) [11, р. 158–159].

Праблемным застаецца адказ на пытанне прычын трансфармацыі керамічных традыцый у асяроддзі мясцовага насельніцтва супольнасцей эпохі неаліту. Неабходна адзначыць, што найбольш выразныя пераходныя рысы ад керамікі папярэдняй прыпяцка-нёманскай культуры да нёманскай культуры ўтрымліваюць матэрыялы тыпу Сакалувэк, што выяўлены на Падляссі (помнікі: Арбасы-9; Сакалувэк-1, Браньск-22, Заёнчкі-1, Жоўткі-6) [6, с. 129–135, Рус. 5–11; 7, с. 18], а таксама ў Беларускай Пабужжы на старажытных паселішчах Вілы-2 і Камянюкі-2 [8, с. 145, Мал. 4].

На сучасным этапе вывучэння культурная ідэнтыфікацыя керамікі тыпу Сакалувэк выклікае пэўныя цяжкасці [6, с. 133–137; 8, с. 155; 12, с. 5–11]. Так, з пункту гледжання марфалогіі, яна набліжаецца да прыпяцка-нёманскай культуры, на што ўказвае таксама аздабленне ў выглядзе ямак пад краем венца. Аднак тэхналагічныя асаблівасці такіх матэрыялаў, для якіх характэрна дамінаванне мінеральных дамешак і параўнальна добры і раўнамерны абпал, мае прамыя аналогіі ў матэрыялах ранняга этапу нёманскай культуры.

Такім чынам, сярод старажытнасцей супольнасцей эпохі неаліту Беларускага Панямоння на падставе асаблівасцей керамікі тыпаў Лысая Гара А і Лысая Гара Б, вытворчасць якіх заснавана на дамінаванні мінеральных дамешак з фіксацыяй слядоў ад ужывання валакністай арганікі, вылучаецца ранні этап нёманскай культуры. Храналогія ранняга этапу нёманскай культуры вызначаецца ў межах ад пачатку 4 тысячагоддзя да н. э. па мяжу 4 і 3 тысячагоддзяў да н. э.

Класічны этап нёманскай культуры. Упершыню тэрмін «класічная нёманская культура» ужыў у сваіх працах Б. Юзвяк для характарыстыкі асноўнай масы керамічных знаходак гэтай супольнасці не толькі на тэрыторыі Польшчы (соснінская фаза), але і Беларускага Панямоння (тыпы Лысая Гара і, пераважна, Добры Бор) [13, с. 190]. Галоўнай ідэяй вылучэння такога таксона стала імкненне да апісання агульных рысаў у кераміцы нёманскай культуры ў асноўным арэале яе распаўсюджвання на падставе падабенстваў у тэхналогіі, марфалогіі і арнаментальнасці. У выніку да класічных нёманскіх матэрыялаў былі аднесены знаходкі керамікі, вытворчасць якой заснавана на выкарыстанні мінеральных дамешак, марфалагічна прадстаўлена фрагментамі ад выключна вастрадонных гаршкоў S-падобных ў профілі з наяўнасцю вылучанай шыйкі і арнаментаваных ямакавымі наколамі пад краем венца насечкамі, а таксама, пераважна, разнастайнымі наколамі [13, с. 190–192].

Ідэя аб вылучэнні класічных матэрыялаў сярод старажытнасцей нёманскай культуры была падтрымана Д. Манастэрскім [4, с. 62–64], С. Дамарадзкай [14, с. 35] і А. Ваўрусевічам [7, с. 19]. Да фіксацыі керамікі з класічнымі рысамі названай супольнасці схільны і М. М. Крывальцэвіч [15, с. 208]. У сваім апошнім абагульняючым артыкуле, які быў прысвечаны гэтай культуры

ў Беларускім Панямонні, яе асноўны даследчык М. М. Чарняўскі таксама вылучаў класічныя матэрыялы [2, с. 84].

Адзначым, што шэрагам польскіх навукоўцаў у класічную нёманскую культуру пазней уключаліся знаходкі, якія па сваіх тэхналагічных асаблівасцях не могуць адносіцца да межаў згаданага таксона [4, s. 62; 6, s. 136; 13, s. 190]. Дадзенае палажэнне тычыцца матэрыялаў з валакністай арганікай у фармовачным цесце, частку якіх з улікам адметнасцей тэхналогіі неабходна інтэрпрэтаваць у рамках ранняга этапу нёманскай культуры. Заўважым аднак, што найбольш паслядоўным у справе вылучэння тыповых для ўсяго арэалу нёманскай культуры знаходак керамікі з класічнымі рысамі быў М. М. Чарняўскі [2, с. 84].

З улікам вынікаў аналізу керамікі супольнасцей эпохі неаліту, што быў праведзены ў рамках дысертацыйнага даследавання, паказчыкам класічнай нёманскай культуры адпавядаюць вылучаныя тыпы Лысая Гара В, Добры Бор А, а таксама Добры Бор Б.

Для названых тыпаў характэрна наяўнасць керамікі, вытворчасць якой заснавана на выкарыстанні мінеральных дамешак у выглядзе розназярністай жарствы. Пры гэтым сляды валакністай арганікі ў керамічным цесце тыпу Лысая Гара В цалкам знікаюць, што з'яўляецца галоўным адрозненнем ад тыпаў Лысая Гара А і Лысая Гара Б. Сярод форм пасудзін пераважаюць вастронныя гаршкі S-падобныя ў профілі.

Кераміка тыпу Добры Бор А ўключае ў сябе матэрыялы з мінеральнымі дамешкамі, а таксама з адметнай падштрыхоўкай паверхняў пры адначасовай наяўнасці загладжвання. Фактычна сюды ўваходзяць матэрыялы з пераходнымі прыметамі керамікі тыпаў Лысая Гара В і Добры Бор Б. У рамках гэтага тыпу пераважаюць вастронныя гаршкі, венцы адагнутыя вонкі і S-падобныя ў профілі. Матэрыялы, якія адносяцца да тыпу Добры Бор Б, характарызуюцца выразнай падштрыхоўкай знешняй паверхні. Асноўным відам дабавак з'яўляецца розназярністая жарства. Посуд прадстаўлены пераважна гаршкамі з высокімі S-падобнымі шыйкамі, а таксама гаршкамі без вылучанай шыйкі з адагнутымі вонкі венцамі. Арнаментация прадстаўлена ў выглядзе разнастайных наколаў, насечак, а таксама пракрэсленых ліній і лінейнага штампа.

Кераміка класічнага этапу нёманскай культуры выяўлена на помніках, якія ахопліваюць усю тэрыторыю Беларускага Панямоння: Дразды-12, Русаковічы-7, Русаковічы-9, Куцц-1, Лысая Гара, Янава-2, Дакудава-5, Бершты-2, Пархуты-1, Пархуты-2, Падгорная-4, Русакова-2, Добры Бор-1.

Адпаведнікі мясцовым матэрыялам знаходзяцца на тэрыторыі міжрэчча Одры і Віслы (помнікі: Брашчэцін-14, Сарнова, Совін, Айсакув-3, Лыкове, Апатове-35, Пяскі Банкове, Кажэчнік-6/7, Длуга Весь-2 і інш.) [13, s. 190–208], Мазур (Зомб'е-10, Шэстна-2) [4, s. 62–63], Падлясся (Еранікі-2, Зайкі-1, Пяскі-16, Жоўткі-6, Супрасль-6) [7, s. 19–20; 16, s. 73–74], а таксама Беларускага Пабужжа (Вілы-2, Камянюкі-2, Камянюкі-6, Філіпавічы-2) [8, с. 150–154]

і Заходняга Палесся (Камень-2, Батава-2, Астроў-1, Перасудавічы, Моталь-4 і інш.) [9, с. 72–76; 15, с. 208].

Да матэрыялаў класічнага этапу нёманскай культуры неабходна далучыць і керамічныя знаходкі названай супольнасці з тэрыторыі Паўднёва-Усходняй Літвы, якія былі выраблены на аснове выкарыстання мінеральных дамешкаў (Дубічай-1, Дубічай-2, Маргяй-1, Кабеляй-23, Катрас-2 і інш.) [11, р. 158–160, 119 pav., 120 pav.].

Такім чынам, у выніку больш паглыбленага аналізу керамікі тыпаў Лысая Гара В, Добры Бор А і Добры Бор Б і супастаўлення атрыманых даных з матэрыяламі даследаванняў суседніх рэгіёнаў распаўсюджвання нёманскай культуры неабходна вылучыць класічны этап у развіцці названай супольнасці. Адпаведна аўтару, асноўнымі вызначальнымі адзнакамі гэтага этапу сярод керамічных калекцый з’яўляюцца: тэхналогія, якая заснавана на выкарыстанні мінеральных дамешак, загладжванне, а таксама пераважна падштрыхоўка знешніх паверхняў, выключная вастрадоннасць пасудзін з наяўнасцю S-падобнай прафіліроўкі альбо з адсутнасцю вылучанай шыйкі, аздабленне ў выглядзе разнастайных наколаў, пракрэсленых і прагладжаных ліній, а таксама распаўсюджванне лінейнага штампа ў якасці аднаго з асноўных элементаў арнаментальнасці. Храналогія класічнага этапу нёманскай культуры на дадзеным этапе вывучэння можа быць акрэслена перыядам пачатку 3 тысячагоддзя да н. э. і да пачатку 2 тысячагоддзя да н. э.

Сярод усёй масы керамічных знаходак, якія адносяцца да нёманскай культуры, на тэрыторыі Беларускага Панямоння вылучаюцца фрагменты, якія па сваіх паказчыках не месцяцца ў межах існуючай канцэпцыі культуры. З улікам іх асаблівасцей неабходна ахарактарызаваць адметныя рысы такіх матэрыялаў.

У Беларускім Панямонні падобныя артэфакты прадстаўлены керамікай тыпу Добры Бор В. Асаблівасцю дадзенай керамікі ў параўнанні з матэрыяламі класічнага этапу з’яўляецца наяўнасць слядоў ад выкарыстання ў якасці дамешак не толькі розназярністай жарствы. Адзначаецца і невялікая колькасць у фармовачным цесце слядоў ад валакністай арганікі ў выглядзе каверн. Пры гэтым паверхня керамікі ўтрымлівае сляды ад нерэгулярнай падштрыхоўкі.

На сучасным этапе даследаванняў згаданыя матэрыялы нёманскай культуры на помніках вярхоўяў і правабярэжжа Нёмана (Дразды-12, Дразды-21, Дакудава-5 і Куцец-1).

Адметнасці керамікі тыпу Добры Бор В дазваляюць казаць аб існаванні сярод старажытнасцей нёманскай культуры ў Беларускім Панямонні матэрыялаў з архайчнымі рысамі, якія можна разглядаць у якасці своеасаблівага альтэрнатыўнага развіцця названай супольнасці на фоне класічнага этапу.

У выніку праведзенай ідэнтыфікацыі керамікі нёманскай культуры на тэрыторыі Беларускага Панямоння вылучаны 2 асноўныя этапы ў развіцці яе традыцый: ранні этап і класічны этап. Пералічаныя таксанамічныя адзінкі

знаходзяць свае адпаведнікі ў суседніх рэгіёнах, дзе распаўсюджана кераміка гэтай супольнасці эпохі неаліту.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Юрэцкі, С. С.* Сучасная гістарыяграфія нёманскай культуры / С. С. Юрэцкі // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт., прысвеч. 80-год. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-год. гіст. адукацыі ў Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы. У 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2019. – Ч. 1. – С. 27–31.
2. *Чарняўскі, М. М.* Нёманская неалітычная культура ў Беларусі: генезіс і эвалюцыя / М. М. Чарняўскі // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu / pod red. U. Stankiewicz, A. Wawrusiewicz. – Białystok, 2011. – S. 77–86.
3. *Юрэцкі, С.* Вынікі даследавання неаліту Беларускага Панямоння па даным керамічных комплексаў / С. Юрэцкі // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий: материалы XXXIII междунар. молодеж. арх.-этнол. конф., Брянск, 18–19 мая 2017 г. / Науч.-образов. центр арх.-этнол. исслед. [и др.]. – Брянск, 2017. – С. 64–69.
4. *Manasterski, D.* Pojezierze Mazurskie u schyłku neolitu i na początku epoki brązu w świetle zespołów typu Żąbie-Szestno / D. Manasterski. – Warszawa: Inst. Archeol. UW, 2009. – 327 s.
5. *Rimantienė, R.* Akmens amžius Lietuvoje / R. Rimantienė. – Vilnius: Mokslo, 1984. – 343 p.
6. *Wawrusiewicz, A.* Ceramika wczesnoneolityczna na Podlasiu. Przyczynek do badań nad genezą kultury niemeńskiej / A. Wawrusiewicz // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра: зб. навук. арт. памяці Міхала Чарняўскага / уклад. В. У. Ашэйчык [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 123–140.
7. *Wawrusiewicz, A.* Okres neolitu i wczesnej epoki brązu na Podlasiu. Stan i perspektywy badań / A. Wawrusiewicz // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu ; pod red. U. Stankiewicz, A. Wawrusiewicz. – Białystok, 2011. – S. 13–36.
8. *Ткачоў, А.* Кераміка эпохі неаліту з тэрыторыі Беларускага Пабужжа / А. Ткачоў // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра: зб. навук. арт. памяці М. Чарняўскага: матэрыялы Міжнар. канф., прымерк. да 75-год. з дня нарадж. М. Чарняўскага, Мінск, 5–7 сак. 2013 г. / рэд.-уклад.: В. У. Ашэйчык, М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Мінск, 2015. – С. 143–164.
9. *Исаенко, В. Ф.* Неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1976. – 128 с.
10. *Чарняўскі, М. М.* Нёманская культура / М. М. Чарняўскі, У. Ф. Исаенко // Археалогія Беларусі: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ин-т гісторыі; рэдкал.: М. В. Біч (старш.) [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавыя вякі / навук. рэд.: М. М. Чарняўскі, А. Г. Калечыц. – С. 145–170.
11. *Lietovos Archeologija.* – Klaipėda: Klaipėd. univ. leidykla, 2009. – Т. 1: Akmens Amžius / A. Girininkas; red. V. Žulkus. – 327 s.
12. *Wawrusiewicz, A.* Ceramika typu Sokołówek na Podlasiu i jej znaczenie w rozwoju społeczności subneolitycznych Polski Północno-Wschodniej / A. Wawrusiewicz // Studia i materiały nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu: (peer-rev.) / Inst. Archeol. UW. – Warszawa, 2013. – Т. 3. – S. 49–94.
13. *Józwiak, B.* Społeczności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niżu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły / B. Józwiak. – Poznań: Uniw. im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 2003. – 438 s.
14. *Domaradzka, S.* Materiały ceramiczne kultury niemeńskiej ze stanowiska I w Piankach, gm. Zbójna, woj. podlaskie / S. Domaradzka // Studia i materiały nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu: (peer-rev.) / Inst. Archeologii UW. – Warszawa, 2012. – Т. 2. – S. 29–48.

15. Крывальцэвіч, М. Новыя вынікі даследавання позняга неаліту – пачатку эпохі бронзы ў Заходнім Палессі / М. Крывальцэвіч // *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu* / pod red.: U. Stankiewicz, A. Wawrusiewicz. – Białystok, 2011. – S. 207–218.

16. Wawrusiewicz, A. Osadnictwo społeczności kultury niemeńskiej w Jeronikach, stanowisko 2, gm. Choroszcz w województwie podlaskim / A. Wawrusiewicz // *Studia i materiały nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu: (peer-rev.)* / Inst. Archeol. UW. – Warszawa, 2012. – T. 2. – S. 49–94.

(Дата падачы: 20.02.2020 г.)

В. И. Яковчук

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

V. Yakauchuk

Academy of Public Administration

under the Aegis of the President of the Republic Belarus, Minsk

УДК 94(476) «1946/1952»

ПОДГОТОВКА РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ БЕЛАРУСИ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ (1946–1952 ГГ.)

PREPARATION OF THE LEADING STAFF OF BELARUS IN THE REPUBLICAN PARTY SCHOOL (1946–1952)

В статье рассматривается исторический опыт подготовки управленческих кадров в Республиканской партийной школе Беларуси в 1946–1952 гг. Исследуются процессы послевоенного восстановления системы подготовки советских и партийных управленческих кадров. Раскрывается механизм организации учебного процесса, создания учебно-материальной базы, анализируется социальный состав обучаемых. Особое внимание уделяется изучению развития учебного процесса подготовки руководящих кадров, его практической направленности.

Ключевые слова: история; образование; управление; руководящие кадры; партийные школы.

The article discusses the historical experience of training managerial personnel in the Republican Party School of Belarus in the 1946–1952 years. The processes of post-war restoration of the system of training Soviet and party managerial personnel are investigated. The mechanism of the organization of the educational process, the creation of the educational material base is revealed, the social composition of the students is analyzed. Particular attention is paid to the study of the development of the educational process of leadership training, its practical orientation.

Key words: history; education; control; leading cadres; party schools.

Актуальность изучения развития системы подготовки управленческих кадров в Белорусской ССР в первые послевоенные годы (1946–1956 гг.) определяется тем, что в современных условиях развития независимой Беларуси

существует острая необходимость развития кадрового потенциала государственного управления как ключевого фактора, во многом определяющего успех реализации государственной стратегии социально-экономического развития страны в сложных условиях быстроменяющегося мира. Исследование исторических механизмов подготовки управленческих кадров позволит сформировать предложения по совершенствованию форм и методов работы учреждений образования по подготовке современных руководителей, повышению их компетентности для работы в сложных динамичных условиях.

Великая Отечественная война нанесла Белорусской ССР огромный урон. Материальный ущерб Беларуси составил 75 млрд руб. (в ценах 1941 г.), что равнялось 35 годовым бюджетам республики 1940 г. По общему уровню экономического развития БССР была отброшена до уровня 1928 г., а по многим отраслям народного хозяйства – до уровня 1913 г. На белорусской земле немецкие захватчики сожгли, разрушили и разграбили 209 из 270 городов и районных центров (на 80–90 % были разрушены Минск, Гомель, Витебск), 9200 деревень.

Планово уничтожались и расхищались учреждения культуры и науки, образования. Были вывезены за пределы Беларуси многие произведения известных авторов белорусского, русского и западноевропейского искусства (произведения живописи, иконы, скульптуры, многочисленные рисунки, гравюры, музыкальные инструменты, мебельные изделия). В годы войны Беларусь лишилась своего национального символа – Креста Ефросиньи Полоцкой, уникальной ценности, созданной в 1161 г. Была утеряна и знаменитая коллекция слущких поясов, в которых ярко отразились высокое художественное мастерство и самобытность белорусского народа. Но как бы ни был велик материальный ущерб, самой болезненной и тяжелой потерей явилась гибель людей. БССР остро ощущала демографические последствия и дисбаланс мужского и женского населения, которое сократилось (в нынешних границах) с 9,2 до 6,3 млн человек [1].

С окончанием войны перед белорусским народом встали задачи восстановления народного хозяйства, обеспечения жизнедеятельности населения, дальнейшего роста производства. Программой действий по восстановлению белорусской республики в частности стали: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», от 1 января 1944 г. «О ближайших задачах СНК БССР и ЦК КП(б)Б» и «Закон о плане восстановления и развития народного хозяйства республики на 1946–1950 гг.», который был принят на VIII Сессии Верховного Совета БССР первого созыва в сентябре 1946 г., в которых определялись конкретные задачи по восстановлению разрушенного хозяйства и налаживанию нормальной жизни на освобожденной белорусской земле [2].

В послевоенный период республика испытывала кадровый голод во всех отраслях и сферах жизнедеятельности белорусского общества, особенно в сфе-

ре государственного управления. Одной из главных форм, широко применявшихся ЦК КП(б)Б в ходе восстановления в освобожденной республике партийных, советских, комсомольских, хозяйственных органов, как свидетельствуют документы, явилось создание оперативных групп (первые оперативные группы для освобожденных территорий Гомельской и Могилевской областей были утверждены постановлением ЦК КП(б)Б от 17 сентября 1943 г.), которые комплектовались еще до освобождения того или иного района или области и вместе с передовыми частями Красной Армии вступали на территорию данного района, области с целью организации и возобновления работы партийных, советских и комсомольских органов, принятия мер к восстановлению разрушенного хозяйства. В их состав, как правило, включались работники, имевшие хорошую теоретическую подготовку и богатый опыт организаторской работы.

Партийная организация республики быстро восстановила свои ряды. Уже к 1 января 1945 г. на территории БССР были полностью восстановлены все партийные органы. Главным источником руководящих работников, требовавшихся в большом количестве, явились подпольные партийные организации и партизанские формирования, боровшиеся против захватчиков на временно оккупированной территории Беларуси. По словам первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко на V Пленуме ЦК КП(б)Б (1943 г.), партизанское движение на временно оккупированной территории возглавили 8500 коммунистов, среди которых находились 1500 руководящих республиканских, областных и районных партийных и советских работников. В различных звеньях руководства партизанским движением работали 11 членов и кандидатов в члены ЦК КП(б)Б, 54 уполномоченных ЦК и обкомов КП(б)Б, 11 секретарей обкомов КП(б)Б, 160 секретарей горкомов и райкомов КП(б)Б, 2 секретаря ЦК ЛКСМБ, 10 секретарей обкомов ЛКСМБ, 126 секретарей райкомов комсомола. На этот период в партизанских отрядах и бригадах действовало 144 территориальные подпольные партийные организации и 328 первичных парторганизаций [3].

На 1 сентября 1944 г. в рядах партии насчитывалось 19457 коммунистов, против 67549 членов и кандидатов в члены партии на 1 января 1941 г. Это создавало серьезные трудности в партийной работе на местах и реализации решений партии. Поэтому обкомы и райкомы КП(б) развернули огромную работу по вовлечению в ряды партии рабочих, колхозного крестьянства и интеллигенции. В 1945 г. партийные ряды стали пополняться за счет демобилизованных коммунистов. Все это позволило уже к январю 1946 г. увеличить численность КП(б)Б до 48 213 человек, а к октябрю преувойти довоенный уровень (74 733 чел.) [3].

В июле 1943 г. на станции Сходня под Москвой начали работу 6-ти месячные курсы резерва при ЦК КП(б)Б на которых проходило подготовку свыше 500 слушателей. По мере освобождения территории республики создавались краткосрочные курсы с 2–3-месячным сроком обучения при обкомах пар-

тии. Одновременно уже с конца 1944 г. при ЦК и обкомах КП(б)Б начали работать курсы по подготовке и переподготовке руководящих партийных работников с 6-месячным сроком обучения, которые сыграли важную роль в подготовке и переподготовке руководящих партийных, советских, комсомольских работников [4].

В 1944–1945 гг. началась развернутая работа по обучению партийных кадров, советских и комсомольских работников без отрыва от производства, которая вылилась в создание особой трехуровневой системы образования партийно-советского актива (политшколы при сельских первичных партийных организациях с целью обеспечить учебу секретарей парторганизаций, работников сельских Советов, колхозов, МТС; районные вечерние партийные школы для организации марксистско-ленинской учебы кадров районного звена; вечерние университеты марксизма-ленинизма, созданные в областных центрах и в г. Минске для обучения руководящих работников областного масштаба).

Специализированное учреждение образования для подготовки руководящих партийных и советских работников – Партийная школа при ЦК КП(б) Беларуси начала свою работу 26 сентября 1944 г. 2 августа 1946 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников», согласно которому Партийная школа при ЦК КП(б)Б в Минске была преобразована в Республиканскую партийную школу (РПШ) при ЦК КП(б)Б с двухгодичным сроком обучения. В школе было создано два факультета: партийный и советский, набор на которые составлял 400 человек. Партийный факультет имел отделения: организационно-партийное (набор 100 слушателей), пропагандистских работников (75 слушателей), газетных работников (75 слушателей) и комсомольских работников (25 слушателей); советский факультет – работников государственного аппарата соответствующего уровня (125 слушателей). При школе работали 9-месячные курсы по переподготовке руководящих кадров, а с 1 сентября 1952 г. – открыто подготовительное отделение [5].

В первые годы существования в работе школы были определенные трудности. До января 1948 г. школа не имела своего помещения и не могла нормально работать. Группы были перегружены (35–40 чел.), занятия проводились в две смены, не было библиотеки, большинство слушателей проживало на частных квартирах. С января 1948 г. школа обрела своё здание, однако размеры учебных площадей позволяли вести занятия только в 2 смены. Школа ощущала острый недостаток в литературе и не была должным образом комплектована профессорско-преподавательским составом.

Развитию школы способствовало постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1947 г. «О недостатках в работе Республиканской партийной школы при ЦК КП(б) Белоруссии». Огромную помощь и участие в становлении РПШ оказывал ЦК КП(б)Б, который рассматривал на заседаниях Бюро ЦК вопросы развития школы, занимался отбором и направлением на работу в школу

руководящих работников и преподавателей, расширив состав внештатных преподавателей как за счёт привлеченных из других вузов, так и руководящих работников ЦК КП(б)Б, в т. ч. первого секретаря П. К. Пономаренко. Для чтения лекций приглашались ученые различных областей науки и искусства как республики, так и Москвы, и Ленинграда. Организовывались встречи с писателями Беларуси, лекции-концерты о творчестве Чайковского, Глинки и др., проводились научные конференции (как их называли в то время – сессии), например, посвященные 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летию коммунистического Манифеста и т. п. Для коллективного обсуждения и разрешения важнейших вопросов работы РПШ был создан ученый совет школы, который проводил по 6 заседаний в год [6].

В первые послевоенные годы и далее (1947–1963 гг.) директором РПШ работал Герой Советского Союза Кожар Илья Павлович (1902–1967), видный партийный деятель, генерал-майор, командир партизанского соединения. Заместителями директора РПШ работали В. С. Островский, по учебной части; А. М. Росся, по хозяйственной части. Организацию учебного процесса обеспечивали 5 кафедр: основ марксизма-ленинизма (заведующая А. М. Лазарева), философии (заведующий П. Ф. Протасеня), истории (заведующая А. И. Воронова), политической экономии (позже – экономических наук) (заведующий В. Г. Салосин), языка и литературы (заведующая Н. И. Барташевич). Если в 1949 г. на кафедрах работало 62 преподавателя (21 штатный и 41 совместитель, 20 с учеными степенями и 42 без степени), то в 1952 г. – 70 преподавателей (32 штатных и 38 совместителей, 24 с учеными степенями и 46 без степени) [5; 6].

При поступлении в РПШ абитуриенты сдавали экзамены в объеме средней школы по белорусскому и русскому языкам, географии, Конституции СССР и истории ВКП(б).

Учебный план подготовки слушателей предусматривал изучение таких дисциплин, как белорусский язык, белорусская литература, русский язык, география, философия, логика, история ВКП(б), история СССР, всеобщая история, политэкономия, международные отношения (позже – внешняя политика СССР), основы советской экономики, партийное строительство, государственное право и советское строительство, журналистика и другие.

В общественных науках в послевоенные годы продолжали господствовать историческая и философская концепции «Краткого курса истории ВКП(б)» в редакции 1938 г. (не смотря на огромные изменения в мире после Второй Мировой войны), которые с течением времени еще более догматизировались, став серьезным препятствием на пути движения к научной истине. В качестве дополнения к нему в партийном просвещении и образовании использовался сборник выступлений и приказов Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», возмечивавший его роль в победе над гитлеровской Германией и обходивший молчанием многие трагические страницы истории

войны. В 1947 г. была опубликована «Краткая биография И. В. Сталина», которую вождь сам редактировал, продолжая фальсификацию истории и безудержное восхваление своих «эпохальных заслуг» [7].

Поэтому к чтению лекций по истории ВКП(б) руководством школы привлекались особые лекторы. Так, историю ВКП(б) читали кандидат исторических наук Савицкий, заведующие отделами ЦК КП(б)Б С. Степин, А. Д. Молочко, И. С. Росман, В. Ф. Шауро и декан партийного факультета В. И. Родионов. Лекционный курс по партийному строительству читали секретари ЦК КП(б)Б С. Д. Игнатьев, И. П. Тур, М. Т. Иавчук, М. В. Зимянин, заведующие отделами ЦК КП(б)Б С. Н. Степин, В. Ф. Шауро и директор школы И. П. Кожар. Журналистику преподавал редактор газеты «Советская Белоруссия» А. В. Романов, опытный журналист, знающий теорию и практику газетного дела. Историю большевистской партии читал заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б Н. И. Красовский [8].

Учебный процесс у слушателей завершался в июне месяце сдачей государственных экзаменов. Выпускники РПШ сдавали государственные экзамены по истории ВКП(б), диалектическому и историческому материализму, политической экономии. Так, в 1948 г. для проведения государственных экзаменов решением ЦК КП(б)Б была утверждена Государственная комиссия в составе 13 человек под представительством секретаря ЦК КП(б)Б М. В. Зимянина. Государственные экзамены сдавали 379 слушателей 2 курса из 386 обучавшихся (3 человека не допущены по неуспеваемости и 4 по болезни): организационно-партийного отделения – 104 чел. (1 чел. не сдал), пропагандистского – 71 (2), комсомольского – 26 (0), отделения журналистики – 67 (3), советского факультета – 118 (8) соответственно. Как видно, 14 слушателей получили на государственном экзамене неудовлетворительные оценки и были отчислены из школы. Из общего числа 54 слушателя окончили школу с отличием [9].

23 декабря 1952 г. решением Секретариата ЦК КПСС РПШ была реорганизована в трехгодичную. В ноябре 1952 г. закончено строительство нового общежития школы на 300 человек с жилой секцией на 25 квартир, столовой на 220 посадочных мест, медицинским изолятором на 10 человек и стоматологическим кабинетом (ул. К. Маркса, 22). 9-месячные курсы переподготовки советских и партийных работников и общежитие курсов переместились в здание по ул. Кирова. 27. В августе 1952 г. были проведены ремонтные работы в учебном корпусе и общежитии по ул. К. Маркса, 40. В 1952–1953 учебном году РПШ стала работать в одну смену, что положительно сказалось на организации учебной и воспитательной работы [9].

Таким образом, можно сделать выводы, что в современных условиях работы с управленческими кадрами нужен больший динамизм и самоотверженность в решении задач, стоящих перед государственными органами и государственными служащими. При отборе на переподготовку необходимо использовать исторический опыт проведения комплекса вступительных ис-

пытаний. В процессе обучения важно предъявлять высокую требовательность к слушателям, побуждать их любить Отчизну, чувствовать ответственность за судьбу своего государства, честно служить на благо страны на своем месте, высокопрофессионально выполнять свои должностные обязанности. В послевоенные годы в условиях тотального дефицита руководство республики изыскивало средства для развития учебной и материально-технической базы РПШ, и сегодня эти вопросы должны быть первичны в развитии национальной системы подготовки управленческих кадров.

Список использованных источников

1. Последствия Великой Отечественной войны для Беларуси / Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/index.php?id=697135>.
2. История белорусской государственности: В 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. Н. Б. Нестерович. – С. 436–452.
3. Люцко, А. В. Деятельность Компартии Белоруссии по подбору, подготовке и воспитанию руководящих кадров республики в 1943–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.570 – История КПСС / А. В. Люцко; Белорусский государственный университет. – Минск, 1972 г. – 22 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2–18.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 5. – Д. 126. – Л. 1–46.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 20–46.
7. Сорокина, О. Национальный вопрос на исходе Второй мировой войны и в послевоенные годы (1944–1950) / О. Сорокина // История. – 2000. – № 42. – С. 11–16.
8. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 112.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 8. – Д. 1–162.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

И. И. Янушевич

Белорусский государственный университет, Минск

I. I. Yanushevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 341.251.1.-232.37

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КОМИССИИ ПРИ ЦК РКП(б) (1922–1925 ГГ.)

THE MAIN ACTIVITIES OF THE ANTI-RELIGIOUS COMMISSION UNDER THE CENTRAL COMMITTEE OF THE RCP(B.) (1922–1925)

В статье проводится анализ деятельности антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) по проведению в жизнь государственной политики по отношению к религии

и церкви. Установлено, что комиссия принимала все ключевые решения по церковным вопросам в данный период. Представленные в комиссии ведомства наиболее активно обеспечивали проведение информационно-пропагандистской и оперативно розыскной работы. Определено, что принимаемые там решения носили секретный характер и опирались на «революционную целесообразность», а не на конституционные нормы. Исследованы механизмы вмешательства партийных и государственных органов во внутренние дела религиозных организаций.

Ключевые слова: антирелигиозная комиссия; Православная церковь; атеистическое воспитание.

The article analyzes the activities of the anti-religious commission under the Central Committee of the RCP(b) on the implementation of state policy in relation to religion and the church. It was established that the commission made key decisions on church matters. The departments represented in the commission took the most active part in conducting outreach and investigative work. It was determined that the decisions made there were of secret nature and were based on "revolutionary expediency" rather than on constitutional norms. The article explores the mechanisms of intervention of party and state bodies in the internal affairs of religious organizations.

Key words: anti-religious commission; Orthodox Church; atheistic education.

Социально-политические преобразования после революционных событий 1917 г. в Российской империи требовали формирования новой модели государственно-церковных отношений. Партия большевиков провозгласила курс на ликвидацию религии и церкви, однако, именно идеалистическое мировоззрение в стране Советов все равно оставалось доминирующим, а церковные структуры самыми организационно эффективными. Для борьбы с ними, как и с прочими не согласующимися с идеологией большевизма структурами и мировоззренческими позициями, новое политическое руководство страны предполагало задействовать как публичные, так и негласные способы воздействия. Особо активно АРК работала и принимала наиболее знаковые решения в 1923–1925 гг. Роль компартии и органов государственной безопасности в данном процессе стала предметом научных исследований только после открытия секретных архивных фондов соответствующих организаций и выхода в свет сборников документов в конце 1980-х начале 1990-х гг. [1–3]. Свет увидели целый ряд трудов, основывающихся на максимально возможной источниковой базе [4–6].

Следует отметить, что многие в руководстве новой власти полагали, что эти институты – колосс на глиняных ногах. Во-первых, В. И. Ленин и многие его единомышленники были уверены, что религиозные организации – это некие бизнес-проекты, не реализуемые в неблагоприятных условиях. Особенно это касалось Православной церкви, иудеев и мусульман. И на самом деле имевшийся исторический материал рисовал достаточно неприглядную для восприятия картину хозяйственной деятельности конфессий. Являясь составной частью социально-политической жизни государств, религиозные культы выполняли и административно-распорядительные функции, а средства к существованию кроме сборов, пожертвований за выполнение религиозных действий получали путем эксплуатации населения и в виде государственных

дотаций. Поэтому сразу же после переворота на контролируемой большевиками территории шел тотальный отъем собственности у религиозных организаций, имущество, земли национализировались, священнослужители массово уничтожались [7, с. 83–91].

Вторым благоприятным фактором считалось расцерковление населения империи. Формализма при определении отношения к религии на самом деле было достаточно. Государство фактически навязывало гражданам обязательность приверженности к культу даже при наличии у него атеистического мировоззрения. Порой среди священнослужителей были люди, не верующие в Бога. Два этих основных фактора давали лидерам большевиков надежду на быстрое и достаточно безболезненное для них низведение религии и церкви до несущественных институтов в общественно-политической жизни социалистического общества.

Созданный в мае 1918 г. в составе Народного комиссариата юстиции РСФСР восьмой «церковный» отдел получил название «ликвидационный». На него были возложены функции по уничтожению административно-управленческих структур религиозных организаций. Само название «ликвидационный» было характерно для данного периода и подразумевало быструю победу новых форм общественных взаимоотношений социалистического толка. Отдел занимался подготовкой инструкций и циркуляров в области государственной церковной политики, осуществлялся общий надзор за выполнением декретов и постановлений [8, с. 12–14].

Однако, к началу 1920 г. стало очевидным, что стоящих перед властью задач в области церковной политики система наркомата юстиции исполнить не в состоянии. Отдел был не в состоянии обеспечить единообразное исполнение законодательства. На местах властями реализовывались зачастую прямо диаметрально противоположные формы взаимоотношений с религиозными организациями. Не знание или нежелание исполнения декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от церкви» приводило к полной остановке отъёма церковной собственности, или, наоборот, к его исполнению в самых жестких формах. Атеистическое наступление в годы гражданской войны и интервенции носило ярко выраженный репрессивный характер. Лидеры большевиков предполагали стремительными силовыми мерами на протяжении одного-двух лет покончить с религиозностью населения. Насадить социализм штурмовыми методами не удалось. «Богоборство» и «попоедство» оказались неэффективны. Религиозные организации приспосабливались к жизни в новых экономических условиях, а напряженная ситуация в стране укрепляла в вере одних и возвращала в лоно церкви многих отошедших и раскаявшихся.

Стало очевидным, что управлять столь сложным процессом должна более мощная структура и при непосредственном руководстве партии. И на самом деле законотворчество и правоприменительная практика, основанная на верховенстве закона, исполнении положений Конституции и здравом

смысле эффективной быть не могла. Без участия органов госбезопасности и партийных функционеров была опасность или действовать в правовом поле и нанести минимальный ущерб приспособившимся к новым религиозным структурам, или максимально радикализировать ситуацию сплошными резкими мерами, чем вызвать озлобление верующих. Необходим был орган, который смог бы наименее безболезненно для властей вести работу против религии и церкви в крайне сложной общественно-политической ситуации. Следует отметить, что комиссии так или иначе решающие церковные вопросы в 1919–1922 гг. создавались достаточно часто. В основном это делалось для решения какой-то конкретной задачи. Это была общая практика принятия и реализации управленческих решений в условиях формирования системы органов государственного управления, разграничения их полномочий и распределения функциональных обязанностей. [9, л. 15]. Комиссии по изъятию и учету церковных ценностей, комиссия при отделе агитации и пропаганды (АПО) при ЦК РКП(б) создавались по всей вертикали власти, однако были скорее чрезвычайными органами с неустойчивым составом [10, л. 6].

Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) приступила к своей работе в октябре 1922 г. Наиболее часто употребляемым названием комиссии было «Антирелигиозная комиссия» (АРК). Важным для изучения вопроса является представительство и борьба за руководство комиссией. Состав комиссии отражал в себе расклад сил в политических элитах государства в данный политический момент. Главным антирелигиозником в 1922 г. являлся, безусловно, Л. Д. Троцкий. У него были серьезные «достижения»: массовое уничтожение священнослужителей; кампании по вскрытию мощей и изъятию церковных ценностей [11, с. 75–79]. Троцкий обладал весомым влиянием на радикально настроенных партийцев и особенно на комсомол. В. И. Ленин высоко ценил достижения «демона революции» в организации антирелигиозной пропаганды. Он же являлся и одним из инициаторов раскола в РПЦ. Выдвинутые в состав антирелигиозной комиссии товарищи единогласно поддерживали инициативу обратиться в Политбюро с просьбой ввести в состав в качестве председателя Л. Д. Троцкого [3, с. 5–7]. Однако, председателем был назначен его помощник Н. Н. Попов, через 4 месяца замененный на сторонника И. В. Сталина Е. М. Ярославского. По словам Л. Д. Троцкого В. И. Ленин чрезвычайно критично относился к организаторским способностям данного выдвиженца [12, с. 231]. Таким образом, крайне радикальные силы были отстранены от непосредственного управления органом, вносящим предложения по реализации церковной политики в высшие партийные инстанции. Хотя все равно там преобладали старые большевики-ленинцы, не всегда еще согласные с позицией стремящегося к получению всей полноты власти И. В. Сталина. Многие из них работали во временных комиссиях по церковным делам в 1920–1922 гг. Главная роль в АРК принадлежала ГПУ, АПО ЦК РКП(б) и пятому (до 1922 г. – восьмому) отделу НКЮ РСФСР [2, с. 320].

Основными направлениями деятельности АРК становятся формирование конфессионального поля страны, взятие под контроль органов церковного управления и организация информационно-пропагандистской деятельности.

Первоочередной комплексной задачей было управление расколом в РПЦ. Церковь была лишена своего движимого и недвижимого имущества. Фактически была парализована система управления. В 1922 г. активно реализовывались мероприятия по передаче церковной власти религиозным структурам, способным организовать полноценную деятельность Церкви в атеистическом государстве, которые по названию своих движений и лозунгов назывались «живцами» или «обновленцами» [13, с. 217–224]. Первым вопросом, скорее всего, первого протокола заседания АРК «Об общих церковных работах» рассматривались меры связанные с борьбой со сторонниками патриарха Тихона и необходимости активизации деятельности их оппонентов обновленцев [2, л. 31]. Для легитимации Обновленцев было решено оказать содействие в формировании церковноприходских советов на местах. В том числе для проведения организационных мероприятий власти предусматривали и финансовую поддержку [3, с. 41–43]. Так же планировалось оказать помощь обновленцам при отъеме ими богослужебных зданий и иных помещений от тихоновцев [3, с. 45–47, 68]. Властями поддерживались священники, имевшие проблемы с церковной дисциплиной, стремящихся к разного рода нововведениям и решению личных интересов. Государство не признавало и не регистрировало руководящие органы РПЦ. Церковные суды были вне закона. Точечные аресты хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенству выносилось на 3 или 5 лет ссылки в Севкрай или заключения в концлагеря [2, с. 327].

В данной ситуации центральной становится личность патриарха Тихона, который снискал искреннюю любовь многомиллионной паствы как внутри страны, так и за рубежом. Опытный кормчий вел свой корабль в чрезвычайных условиях достойно русского патриарха и эффективного менеджера. Если свой пастырский крест он четко знал как нести и соответствовал этому, то уловить тенденции политического развития государства, похоже, не удавалось никому. Радикализм властей, порой, зашкаливал. Открытое сопротивление было невозможно и грозило значительными жертвами. Избранная патриархом тактика соблюдения канонов и догматов православия и демонстративная аполитичность находила массовую поддержку у верующих, которые, в свою очередь, активно сопротивлялись нововведениям, насаждаемым так называемыми обновленцами и созданным ими Высшим церковным управлением (ВЦУ) [13, с. 219]. Заключение патриарха под стражу в мае 1922 г. позволило обновленцам заставить перейти на свою сторону часть тихоновцев, однако, в АРК понимали, что это временное явление. Некоторые иерархи были вынуждены это сделать под угрозой расправы (что автоматически передавало кафедру обновленцам), некоторые планировали «возглавить» раскол и повести его в каноническое русло.

Необходимы были гарантии того, что с тихоновщиной вскоре будет покончено. Дело патриарха планировалось закончить еще в 1922 г. 30.01.1923 г. АРК принимает решение выдвинуть против патриарха обвинение по 4 пунктам, за каждый из которых грозила высшая мера революционной законности [3 с. 36–37, 41–45]. Одновременно комиссией предпринимались меры по легитимации обновленцев посредством проведения «Поместного Собора» православной церкви. И этап подготовки и само мероприятие, и количественный состав руководства обновленческого Высшего церковного управления указывали на неустойчивость данной конструкции. Обвинения Патриаршей Церкви в закостенелости и контрреволюционности из уст «красных попов» были крайне неубедительны. Смерть же патриарха Тихона делала его в глазах верующих мучеником. Всему миру советская власть продемонстрировала бы явные гонения на религию и церковь в СССР [14, с. 78, 109].

Комиссией летом 1923 г. разработан еще один план использования патриарха в подрыве авторитета православной церкви. Предполагалось, что под угрозой сметной казни Тихон подпишет воззвание о полной своей лояльности к правящему режиму, прежней контрреволюционной позиции и желании нормализовать положение Церкви в советском государстве. По мнению членов АРК это подорвало бы авторитет тихоновцев и устранило бы препятствия для объединения с раскольниками. АРК в итоге 26 июня 1923 г. приняла решение освободить патриарха Тихона из под стражи [3, с. 83]. Однако, оказавшись на свободе, патриарх, «раскаявшись» в контрреволюционности направил все свои силы для борьбы с ВЦУ. Верующих его «обращения» никоим образом не смутили. Но стало понятно, что предстоятель предполагал всю вину за «контрреволюционные деяния» взять на себя, что, наоборот, еще больше подняло его авторитет, и не только у православных. Соблазнившиеся в раскол клирики, видя пример настоящего пастырского служения, массово приносили покаяния.

АКР тем временем решает расколоть единство тихоновцев, показать их зависимость от властей, а то и схожесть позиций с ВЦУ путем внесения изменений в церковный календарь [3, с. 10–102]. (Кроме политического в данном вопросе существенным был и хозяйственный фактор. Многие церковные праздники оставались еще нерабочими днями. Некоторые обновленческие приходы праздновали их уже по новому, а основная масса по старому стилю, что наносило определенный экономический ущерб). В принципе переход на новоюлианский стиль (не Григорианский. – *Я. И.*) патриарх допускал и в своем послании от 1 октября 1923 г., где изложил условия для реализации календарной реформы [15, с. 386]. Для ее осуществления в 1923 г. необходимо было дать разъяснения на места до 15 ноября 1923 г., чтобы сохранить полноту рождественского поста. Однако, властям нужен был скандал, а не реформа. Воззвания Тихона с разъяснением канонических оснований предстоящих изменений были ОГПУ задержаны в типографии. Синод без разъяснений на местах посылать не стал указа о изменении церковного календаря. Властями

же послание было напечатано после минимально возможной даты и разослано, однако, без указа патриарха (кроме Московской епархии) на местах его никто не стал исполнять. В итоге расчет АРК на внесение раздора в ряды тихоновцев не оправдался [3, с. 104–106, 111–112].

Для удержания власти большевикам необходимо было сформировать систему мер по минимизации военно-стратегических, экономических и пропагандистских возможностей своих оппонентов, количество которых значительно превышало число сторонников. Руководить этим процессом могла только компартия. Задача перед исполнителями стояла чрезвычайно сложная. Необходимо было расчищать площадку для строительства человека нового типа. Главной задачей антирелигиозников стало привлечение в ряды материалистически настроенных граждан как можно большего количества верующих и в первую очередь из числа православных христиан. Первейшую роль в этом процессе должно было сыграть естествознание «проникнутое идеями воинствующего атеизма». Необходимо было организовать систематическую атеистическую пропаганду и обеспечить ее качественное сопровождение [3, с. 100, 102, 110, 112]. При всем обилии поводов для критики религии и церкви задача эта была не из простых. Созидающие начала были громадны. «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [16, с. 168]. Население, особенно старшее поколение, понимало их роль и в жизни человека, и в жизни государства. Именно духовно-нравственное значение религии определялось подавляющим большинством граждан как залог развития и существования. Для того что бы «обгадить» религию и церковь и иметь с этого положительным пропагандистский эффект нужен был серьезным информационный повод. Травля началась уже в 1917 г., но только в 1922 г. создается специальная комиссия, на основе которой была сформирована АРК и начала осуществляться системная, целенаправленная работа. Антирелигиозникам предстояло показать религию и церковь в таком виде, что бы верующие от нее незамедлительно отвернулись и отказались. Большевикам предстояло показать отрицательную роль религии и церкви во всех сферах жизни, как простого советского гражданина, так и социалистического государства, да и человечества в целом. Церковь и религия должны были стать в представлении людей главным препятствием к нормальному существованию.

Руководство АРК предполагало, что если добавить в эту сложную систему взаимоотношений верующих с клиром компромат, разоблачающий важнейшие стороны организации церковно-приходской жизни, то процесс отхода от религии значительно усилится. Партийным руководством было принято несколько постановлений о приоритетности агитационно-пропагандистской работы в борьбе с религиозностью населения. В дальнейшем они постоянно повторялись в решениях высших партийных структур, но смысл их был неизменным – «религиозные предрассудки» (религиозные верования – Я. И. И.)

чужды советскому обществу. В головах людей необходимо было сформировать устойчивые представления о неарелистичности всего, что нельзя было осязать органами чувств человека. Однако единства по вопросу форм и методов организации антирелигиозной пропаганды даже в высших эшелонах безбожников не было. АРК вынуждена была внимательно следить за содержанием издаваемой антирелигиозной литературы, публикациями в газетах и журналах. Редактированию подвергались как атеистические произведения, так и тексты некоторых религиозных печатных органов [3, с. 12–13, 41–45]. Причем, идеологически невыдержанные публикации в официальной прессе были явлением достаточно частым и с серьезным имиджевыми и пропагандистскими последствиями.

Таким образом, проведенное исследование показало, что АРК стала в 1922–1925 гг. центром разработки важнейших решений в области государственной политики в отношении Православной церкви и организации атеистической пропаганды. Обсуждение вопросов и обмен информацией основных исполнителей всего комплекса мероприятий по церковным вопросам в целом позволило реализовывать политику соответствующую интересам властей как внутри страны, так и за рубежом. Комиссия определила регулирование коммуникаций внутри культов и редактирование их решений одним из важнейших направлений деятельности.

Список использованных источников

1. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд. Библейско-Богословского инст. святого апостола Андрея, 1996. – 218 с.
2. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925 / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – М.; Новосибирск, 1997. – Кн. 1. – С. 414–417.
3. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. – 381 с.
4. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В. А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
5. *Кривова, Н. А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н. А. Кривова. – М.: АИРО-XX, 1997. – 247 с.
6. *Петров, С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / отв. ред. Н. Н. Покровский. – М.: РОС-СПЭН. – 2004. – 408 с.
7. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
8. *Гидулянов, В. П.* Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сборник Указаний и Распоряжений с разъяснениями VI Российский государственный архив социально политической истории. – Фонд 17. – Оп. 60. – Д. 148.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 559.
10. *Янушевич, И. И.* Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917–1928) / И. И. Янушевич. – Минск: БГУ, 2005. – 143 с.

11. *Троцкий, Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии / отв. за выпуск А. В. Дмитриев. – М.: Панорама, 1991. – 624 с.
12. *Цыпин, В.* Русская Церковь (1917–1925) / В. Цыпин. – М.: Изд-е Сретенского монастыря, 1996. – 335 с.
13. *Поспеловский, Д. В.* Русская Православная Церковь в веке / Д. В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
14. Следственное дело Патриарха Тихона: сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Правосл. Свято-Тихоновский богосл. ин-т; отв. сост. Н. А. Кривова. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 1016 с.
15. *Кузнецов, С. В.* Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С. В. Кузнецов. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001. – С. 168–182.

(Дата подачи: 17.02.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кэрэруш О. И.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РУМЫНИИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ПОСЛЕ 1989 Г.	3
<i>Ляневич А. С.</i> ПАНЯЦЦІ «ФІЗІЧНАЯ КУЛЬТУРА» І «СПОРТ» У ГРАМАДСКІМ ЛЕКСІКОНЕ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТ.	11
<i>Лубінскі І. І.</i> УПЛЫЎ ТЫПАВЫХ СТАТУТАЎ САДОЎНІЦКІХ ТАВАРЫСТВАЎ НА РАЗВІЦЦЁ КАЛЕКТЫЎНАГА САДОЎНІЦТВА Ў БССР	18
<i>Лудзіч А. Р.</i> ПАВЯТОВАЯ АДМІНІСТРАЦЫЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1861–1914 ГГ.): ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ.....	25
<i>Лукашэвіч А. М.</i> ГЕОРГИЙ ЖУКОВ И ЕГО РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ БОЕСПОСОБНОСТИ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ДИСЛОЦИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1930-Е ГГ.	36
<i>Любая А. А.</i> ПЕРАХОД ТАТАРСКІХ МАЁНТКАЎ ДА ШЛЯХТЫ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХVІ – ПЕРШАЙ ТРЭЦІ ХVІІ СТ.: АСНОЎНЫЯ ТРЫМАЛЬНІКІ, КОЛЬКАСНЫЯ ПАКАЗЧЫКІ І ЮРЫДЫЧНЫЯ ПАДСТАВЫ ПА МАТЭРЫЯЛАХ РЭВІЗІІ 1631 ГОДА	46
<i>Лях М. П.</i> ЯПОНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1952–1955 ГГ.	54
<i>Малевиц Ю. И., Румянцев Э. Э.</i> УСИЛИЯ КНР ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПОЯСА СТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ В ХХІ В.	61
<i>Мастыка А. І.</i> УНІВЕРСІТЭТ СТЭФАНА БАТОРЫЯ Ў ВІЛЬНІ Ў СІСТЭМЕ ВЫШЭЙШАЙ АДУКАЦЫІ МІЖВАЕННАЙ ПОЛЫШЧЫ	67
<i>Маханько Ю. В.</i> ЭНЕРГОЦЕНТРИЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ	73
<i>Мікалаева Л. В.</i> БЕЛАРУСКАЯ ГІСТАРЫЧНАЯ НАВУКОВАЯ ЛІТАРАТУРА КАНЦА ХХ – 10-Х ГГ. ХХІ СТ. ПА ГІСТОРЫІ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ ВЯЛІКАГА КНЯЗТВА ЛІТОЎСКАГА Ў КАНЦЫ ХІV – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХVІ СТ.	80
<i>Мосейчук Л. И.</i> ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ БГУ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ (1921–1939 ГГ.).....	86
<i>Мох Е. Н.</i> ШТАЛАГ 352 «МАСЮКОВЩИНА»: ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ	92
<i>Мякинська А. В.</i> ФРАНЦУЗСКАЯ АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ: СОВЕТСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ 1940-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГГ.	100

<i>Настусевич В. И.</i> ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ИСПАНИИ В ПЕРИОД «ПЕРВОГО ФРАНКИЗМА» (1939–1957 ГГ.)	107
<i>Настусевич С. В.</i> КОНЦЕПЦИЯ «НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» В РАБОТАХ Л. П. РЕПИНОЙ: ПОИСК ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ	113
<i>Некрашевич Ф. А.</i> ИСТОРИЯ ВИТЕБСКОГО БАТАЛЬОНА ВОЕННЫХ КАНТОНИСТОВ (1797–1839 ГГ.)	120
<i>Олейник В. В.</i> ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ)	127
<i>Острога В. М.</i> УЧИТЕЛЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)	135
<i>Перевалов Я. О.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР 1946–1950 ГГ.	142
<i>Перзашкевич О. В.</i> К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ РИГВЕДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XX В.)	149
<i>Полетаева Н. И.</i> ГОМЕЛЬСКАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА В 1922–1927 ГГ.	155
<i>Пригодич Д. И.</i> МУЗЕИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БССР В 1920–1930-Е ГГ.	164
<i>Пятрэнка Н. А.</i> АСАБЛІВАСЦІ ГОРАДАБУДАЎНІЦТВА І ДОБРАЎПАРАДКАВАННЯ Г. ВІЦЕБСКА Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1940-Х – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1950-Х ГГ.	172
<i>Раяук А. Р.</i> БЕЛАРУСКІ ПАЛІТЫЧНЫ КАНСЕРВАТЫЗМ КАНЦА XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.	178
<i>Самосюк Т. В.</i> ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА (XIX – НАЧАЛО ХХІ В.)	185
<i>Самусік А. Ф.</i> ПРАВАСЛАЎНАЯ АДУКАЦЫЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVII СТ.	193
<i>Ствольгин К. В.</i> РОЛЬ VIII (V) ОТДЕЛА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ РСФСР В УЗАКОНЕНИИ И СВЕРТЫВАНИИ ПРАКТИКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ОТ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ УБЕЖДЕНИЯМ	201
<i>Стройлова Е. С.</i> АНАЛИЗ КНИГ ПО ИСТОРИИ, ИЗДАННЫХ В ВИЛЕНСКОЙ ТИПОГРАФИИ В XVIII В. И ПЕРЕДАННЫХ В БИБЛИОТЕКУ ГЛАВНОЙ ЛИТОВСКОЙ ШКОЛЫ	208

<i>Субботин О. Г.</i> К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ.....	214
<i>Сушко В. В.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ХРИСТИАН ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД 1945–1965 ГГ.).....	221
<i>Сцяпанавя М. І.</i> ЗНАХОДКІ ПАЦЕРАК ХІ–ХІІ СТСТ. І ІХ МЕСЦА Ў ПАХАВАЛЬНЫМ СТРОІ НАСЕЛЬНІЦТВА ВЕРХНЯГА ПАВІЛЛЯ.....	228
<i>Цітовіч І. У.</i> ПАДЫХОДЫ ЎЛАД ІІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ДАЧЫНЕННІ ДА РАЗВІЦЦА КРАЯЗНАЎСТВА НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ.....	239
<i>Трубчик Е. Г.</i> УПРАВЛЕНИЕ ПРИФРОНТОВЫХ И ЭТАПНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (9 СЕНТЯБРЯ – 27 НОЯБРЯ 1920 Г.): АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, ПОЛНОМОЧИЯ.....	247
<i>Ушакова Е. С.</i> СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРОФЕССОРАХ ИМПЕРАТОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ – УРОЖЕНЦАХ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ – В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.	254
<i>Хань Юй.</i> РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ СО СТРАНАМИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	261
<i>Хуан Куньпэн.</i> СОЗДАНИЕ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И ВОЗ...268	
<i>Черкасов Д. Н.</i> ГЕРЦОГСТВО БАР В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА КАРЛА II ЛЮТАРИНГСКОГО (1420–1424 ГГ.).....	277
<i>Шевкун П. В.</i> ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (XIX – НАЧАЛО XX В.).....	283
<i>Ши Вэй.</i> КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КАК МОТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПАКИСТАНА.....	291
<i>Шыдлоўскі С. А.</i> ГАНДЛЁВЫЯ ПРАКТЫКІ ПАМЕСНАГА ДВАРАНСТВА БЕЛАРУСІ (К. XVIII – ПАЧ. XX СТ.).....	300
<i>Шымак А. К.</i> ЗНЕШНЕПАЛІТЫЧНЫЯ ПРЫЯРЫТЭТЫ РАСІІ ВА ЎЗАЕМААДНОСІНАХ З РЫМСКАЙ КУРЫЯЙ (1469–1582 ГГ.): АНАЛІЗ ПІСЬМОВЫХ КРЫНІЦАЎ НА ПРЫКЛАДЗЕ АФІЦЫЙНЫХ ДАКУМЕНТАЎ РЫМСКАЙ КУРЫІ.....	307

<i>Шымкувiч С. Ф.</i> ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛІТА ЗАХОДНЯГА КРАЯ Ў КАЗАНСКІМ УНІВЕРСІТЭЦЕ Ў 1880–1910-Я ГГ.	314
<i>Шпет М. М.</i> СВЯЩЕННАЯ ЛИГА 1332–1337 ГГ. КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ	324
<i>Шулаеў А. Л.</i> ПАРАДНЫ ВЁСЛАВЫ КАРАБЕЛЬ ЖЫГІМОНТА ВАЗЫ Ў КАНТЭКСЦЕ МАРСКОЙ ВЕКСІЛАЛОГІІ.....	332
<i>Юрэцкі С. С.</i> ДА ПЫТАННЯ ПЕРЫЯДЫЗАЦЫІ НЁМАНСКАЙ КУЛЬТУРЫ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСКАГА ПАНЯМОННЯ).....	342
<i>Яковчук В. И.</i> ПОДГОТОВКА РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ БЕЛАРУСИ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ (1946–1952 ГГ.)	348
<i>Янушевич И. И.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КОМИССИИ ПРИ ЦК РКП(Б) (1922–1925 ГГ.)	354

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 20

В трех частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Компьютерная верстка *К. А. Капустиной*

Корректор *И. М. Подоматько*

Подписано в печать 28.07.2020. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 100 экз. Заказ 54.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.